Sposoby otnositel'nago podchineniia

СПОСОБЫ ОТНОСИТЕЛЬНАГО ПОДЧИНЕНІЯ.

ГЛАВА

ИЗЪ СРАВНИТЕЛЬНАГО СИНТАКСИСА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Ѳ. Корша.

Korsh F. E

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1877.

По опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Московскаго университета печатать разрѣшается. Апрѣля 12-го дня 1877 года

Деканъ *Н. Тихонравовъ.*

СПОСОБЫ ОТНОСИТЕЛЬНАГО ПОДЧИНЕНІЯ.

ГЛАВА

ИЗЪ СРАВНИТЕЛЬНАГО СИНТАКСИСА.

Сравнительный методъ, принесшій столько пользы сознательному изученію грамматическихъ формъ арійскихъ языковъ, получаетъ мало-по-малу право гражданства и при объясненіи явленій синтактическихъ, и рядомъ со сравнительной этимологіей, исчерпывавшей еще недавно понятіе сравнительной грамматики, возникаетъ параллельная ей наука—сравнительный синтаксисъ. Задача сравнительнаго метода въ той и въ другой части грамматики въ сущности одна и таже—объясненіе образованія и развитія языка, причемъ первая разсматриваетъ языкъ со стороны его матеріальнаго состава, а вторая—со стороны тѣхъ логическихъ и психологическихъ законовъ, на основаніи которыхъ онъ становился все болѣе и болѣе покорнымъ орудіемъ мысли. Само собою разумѣется, что между тѣмъ и другимъ отдѣломъ грамматики нельзя ставить рѣзкой границы, такъ какъ они находятся въ постоянномъ взаимнодѣйствіи: какъ требованія мысли несомнѣнно вліяютъ на внѣшнюю форму слова, такъ и мысль нерѣдко должна сообразоваться съ этимологическими средствами языка. Исторія языка и состоитъ преимущественно въ постоянной борьбѣ между мыслью и словомъ. Даже такія явленія, причина которыхъ кажется съ перваго взгляда чисто физіологической, какъ напр. утрата извѣстной грамматической формы, порча въ звуковомъ составѣ языка и т. п., объясняются очень часто прежде всего этой борьбой, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ не мо-

жетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что ни флексія, ни вокализмъ не понесли бы никакой потери, еслибы предварительно не исчезла потребность въ данныхъ образованіяхъ, а вмѣстѣ съ нею и отчетливое сознаніе ихъ исконнаго смысла. Но при единствѣ задачи сравнительная этимологія и сравнительный синтаксисъ существенно отличаются другъ отъ друга своими законами вслѣдствіе различія матеріала. Предметъ первой—звукъ, какъ элементъ вещественный, представляетъ настолько-же менѣе гибкости, чѣмъ предметъ послѣдней, насколько вещество неподвижнѣе мысли. Издавна принято сравнивать языкъ съ деревомъ; и въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ звуковомъ составѣ онъ растетъ, какъ дерево, изъ извѣстнаго корня и слѣдуетъ въ своемъ развитіи совершенно опредѣленнымъ законамъ, какимъ подлежитъ этотъ корень. Если мы поставимъ растеніе въ другія условія, оно можетъ нѣсколько измѣниться—выродиться или развиться роскошнѣе; чѣмъ дольше оно остается въ новыхъ условіяхъ, тѣмъ измѣненія сильнѣе; но сколько бы оно ни измѣнялось, оно никогда не переродится совершенно и не превратится въ другое растеніе. Точно такъ-же и языкъ можетъ въ теченіе своей жизни измѣниться до такой степени, что наконецъ не сразу доберешься до его происхожденія; тѣмъ не менѣе языкъ арійскаго корня никогда не сдѣлается семитскимъ или туранскимъ; мало того: романское нарѣчіе никогда не превратится въ славянское или германское, хотя родоначальники этихъ нарѣчій—ростки одного и того-же арійскаго корня. Вслѣдствіе того, что отдѣльный языкъ развивается изъ своего корня, сохраняя главныя свойства послѣдняго и продолжая тѣ процессы, которыхъ возможность или даже необходимость содержалась въ самомъ корнѣ, непонятныя съ перваго взгляда этимологическія явленія отдѣльнаго языка въ огромномъ большинствѣ случаевъ разъясняются совершенно удовлетворительно при сравненіи его съ его родичами. Но изъ того-же свойства необходимо слѣдуетъ, что плодотворно только постепенное сближеніе — сначала съ ближайшими

языками, потомъ съ болѣе отдаленными, пока мы шагъ за шагомъ не дойдемъ до первоначальнаго вида извѣстной формы. Такимъ образомъ при изслѣдованіяхъ этимологическихъ мы не должны выходить изъ предѣловъ семьи даннаго языка или языковъ. Совершенно другое мы замѣчаемъ въ области синтаксиса. Конечно, нельзя отрицать силы безсознательнаго преданія и въ отношеніи къ синтактическому складу языка; но стоитъ только сравнить словосочиненіе двухъ языковъ совершенно различнаго происхожденія, чтобы убѣдиться въ той истинѣ, что здѣсь законы, такъ-сказать, физіологическіе отступаютъ назадъ передъ общими всѣмъ народамъ законами психическими. Одинаковыя потребности духа вызываютъ и одинаковыя явленія: мышленіе, воля, чувство ищутъ для себя выраженія во всѣхъ языкахъ безъ различія и создаютъ соотвѣтственные роды предложеній. Употребленіе частей рѣчи и даже флексій у всѣхъ народовъ въ главныхъ чертахъ одно и то-же. До какой степени иногда сходны между собою логическіе процессы, лежащіе въ основаніи соотвѣтственныхъ синтактическихъ категорій самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга языковъ, яснѣе всего покажетъ примѣръ. Такъ въ древнѣйшемъ представителѣ арійской семьи языковъ, въ санскритѣ, предметъ, съ которымъ что нибудь сравнивается, ставится въ падежѣ, означающемъ удаленіе—въ отложительномъ (ablativus); напр. предложеніе „конь красивѣе осла" должно быть передано по-санскритски такъ: açvaḥ kharâd rûpavattaro 'sti (слово въ слово: конь отъ осла красивѣйшій есть). По-латыни въ этомъ случаѣ употребляется тотъ-же ablativus: equus asino formosior est. Русскій и греческій языки утратили отложительный падежъ или по крайней мѣрѣ перестали сознавать его, какъ такой, и въ большинствѣ его функцій смѣшали его съ родительнымъ, что̀ мы замѣчаемъ и въ данномъ случаѣ: конь красивѣе осла, ὁ ἵππος τοῦ ὄνου καλλίων ἐστίν. Ясно, что здѣсь дѣйствуетъ безсознательное преданіе, простая преемственность. Но вотъ нѣкоторыя славянскія племена, напр. польское, позабывъ, что въ этомъ

случаѣ родительный падежъ является въ значеніи отложительнаго, и сознавая его только какъ родительный, нашли, что онъ недостаточно ясно выражаетъ то отношеніе между предметами, которое требуется выразить. Какъ же перевести по-польски нашъ примѣръ? Koń jest piękniejszy od osła. Такимъ образомъ Поляки, отставъ отъ преданія, вполнѣ самостоятельно выбрали какъ разъ тотъ предлогъ, который по своему смыслу подходитъ ближе всѣхъ остальныхъ къ отложительному падежу. Поляки—Славяне западной вѣтви; но и въ восточной Сербы и Словинцы замѣнили род. пад. при сравнительной степени тѣмъ-же предлогомъ (od). Впослѣдствіи и въ греческомъ языкѣ род. пад. утратилъ древнюю широту своего значенія, и вотъ Греки стали замѣнять его при сравн. степ. между прочимъ предлогомъ ἀπό, напр. Passow popul. carm. Graeciae recent. (Leipz. 1860) 317,3: τὸ ψηλὸ βουνὸ, ψηλότερον ἀπ'ὅλα „высокая гора, выше (отъ) всѣхъ"; ср. 456,9; 538,2. Точно такъ-же прервалось въ этомъ случаѣ преданіе и для другой отрасли санскритскаго корня, языка персидскаго, который совершенно утратилъ падежи; тѣмъ не менѣе въ персидскомъ переводѣ того-же примѣра— asp az ḥar ḥûbtar ast—мы встрѣчаемъ опять-таки предлогъ, соотвѣтствующій отложительному падежу—az=изъ, отъ. Если какой нибудь скептикъ, не внявъ нашимъ указаніямъ на перерывъ преданія въ только что названныхъ языкахъ, продолжалъ бы настаивать на томъ, что единство выраженія данной синтактической категоріи въ упомянутыхъ языкахъ ничего не доказываетъ, потому что все-таки эти языки соединены между собою узами родства, мы могли бы въ отвѣтъ сослаться на языки совершенно инаго происхожденія. Турецкій языкъ относится къ туранской семьѣ; тѣмъ не менѣе и по-турецки въ этомъ случаѣ употребляется все тотъ-же отложительный падежъ: ât eșekten güzel dir (слово въ слово: конь отъ осла красивъ есть). Арабскій принадлежитъ къ языкамъ семитскимъ, но и по-арабски, за неимѣніемъ отлож. пад., здѣсь надо прибѣгнуть къ предлогу min=отъ, изъ:

'al-farasu 'aχsanu mina *a*l χimâri [1]). И такъ въ основѣ всѣхъ этихъ синтактическихъ построеній лежитъ одинъ и тотъ-же взглядъ, что предметъ сравниваемый отдѣляется, т. е. отличается отъ того предмета, съ которымъ его сравниваютъ по степени качества,—взглядъ, который мы должны признать общечеловѣческимъ, т. е. коренящимся въ свойствахъ человѣческаго представленія вообще. Бываетъ и такъ, что ближайшіе другъ къ другу языки въ извѣстномъ случаѣ расходятся между собою, а совершенно чуждые другъ другу выбираютъ одно и то же сочетаніе грамматическихъ формъ. Возьмемъ примѣръ изъ употребленія все того-же отложительнаго падежа. Въ санскритѣ онъ означаетъ между прочимъ предметъ боязни; такъ предложеніе „овца боится волка" должно быть передано по-санскритски: avir vṛkâd bibhêti (овца отъ волка боится). Персіяне, которые съ утратой склоненія едва-ли могли унаслѣдовать отъ предковъ что-либо относительно употребленія падежей, все-таки сочиняютъ глаголъ tarsîdan бояться (ср. трясти, terrere вм. tersere, τρέειν вм. τρέσειν) съ соотвѣтствующимъ этому падежу предлогомъ az. Славяне употребляютъ въ этомъ смыслѣ совпадающій у нихъ съ отложительнымъ род. пад., т. е. остаются вѣрны преданію, тогда какъ ихъ южные и западные родичи—Греки, Римляне и Нѣмцы, утративъ первоначальное пластическое представленіе предмета боязни, какъ ея источника, сочиняютъ глаголы страха съ винительнымъ падежемъ. Но тотъ-же отлож. пад. при глаголахъ страха мы находимъ въ языкахъ туранскихъ, напр. въ турецкомъ, а по арабски глаг. ḫâfa (бояться) сочиняется съ соотвѣтственнымъ предлогомъ min. Слѣдовательно и эту конструкцію мы должны счесть за такую, до которой человѣкъ доходитъ естественно, безъ посторонней помощи; и въ

---

[1]) При передачѣ восточныхъ словъ мы обозначаемъ курсивомъ начальную гласную, которая опускается послѣ конечной гласной предшествующаго слова (waçla), и вообще гласныя нѣмыя; въ употребленіи греческихъ буквъ мы слѣдуемъ примѣру нѣкоторыхъ нѣмецкихъ оріэнталистовъ.

самомъ дѣлѣ первобытный человѣкъ, мыслящій образно, едва-ли могъ найти въ данномъ случаѣ болѣе подходящій по своей наглядности способъ выраженія.

Быть можетъ, намъ возразятъ, что такія аналогіи во взглядахъ чуждыхъ другъ другу народовъ на одну и ту-же логическую или грамматическую категорію объясняются не столько общностью психическихъ законовъ, сколько тѣмъ-же преданіемъ, но уже не племеннымъ, а общечеловѣческимъ. Противъ такого возраженія мы спорить не будемъ, потому что этотъ вопросъ связанъ съ другимъ до сихъ поръ еще не разъясненнымъ,—съ вопросомъ о единствѣ происхожденія рода человѣческаго. Для рѣшенія его—по крайней мѣрѣ, съ лингвистической точки зрѣнія—предстоитъ еще трудная и многосложная работа, которая отчасти уже выполнена для арійскихъ языковъ—распредѣлить всѣ языки земнаго шара по семьямъ, вывести для каждой изъ нихъ, посредствомъ взаимнаго сравненія ея вѣтвей, ея основный первоначальный языкъ и затѣмъ сравнить добытые такимъ образомъ основные языки другъ съ другомъ. Правда, не всѣ ученые убѣждены въ пользѣ и даже возможности выведенія этихъ основныхъ языковъ. Такъ въ послѣднее время явились попытки доказать несостоятельность родословнаго дерева арійскихъ языковъ, составленнаго Шлейхеромъ. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ принадлежитъ Шмидту (Ueber die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar 1872), который рѣшительно настаиваетъ на томъ, что основнаго арійскаго языка никогда не бывало и быть не могло. Это мнѣніе, впрочемъ, не ново, такъ какъ оно было уже высказано Максомъ Мюллеромъ въ 1-й части его Lectures on the science of language съ указаніемъ на необыкновенную измѣнчивость нарѣчій африканскихъ дикарей при малѣйшей перемѣнѣ условій,—примѣръ тѣмъ болѣе сомнительнаго свойства, что наука еще не опредѣлила, на какой степени развитія стоятъ эти нарѣчія и какъ относятся одно къ другому. Возраженія Шмидта противъ Шлейхеровской родословной арій-

скихъ языковъ особенно существенны въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются сѣверной группы (славяно-литовско-нѣмецкой). Онъ старается разбить ее на двѣ—нѣмецкую и славяно-литовскую, такъ какъ послѣдняя кое въ чемъ отличается отъ первой и сходится съ индо-иранской, главнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ фонетическихъ явленіяхъ, напр. въ весьма нерѣдкой замѣнѣ обще-арійскаго *к* свистящимъ или шипящимъ звукомъ (греч. δέκα, лат. decem, гот. taihun—слав. *десять*, лит. dészimtis, скр. daçan). Отвѣтомъ на такое сближеніе можетъ служить вполнѣ правдоподобная гипотеза Асколи о существованіи въ основномъ обще-арійскомъ языкѣ двухъ различныхъ *к*—твердаго, которому въ производныхъ языкахъ соотвѣтствуетъ *к* или *кв* (лат. qui, quando, quattuor и т. п.), въ смягченіи—*ч* и *т*, и мягкаго, перешедшаго въ нѣкоторыхъ языкахъ въ свистящій или шипящій звукъ, что, очевидно, еще не доказываетъ ближайшаго сродства между послѣдними: при склонности даннаго звука къ смягченію извѣстнаго рода всѣ эти языки могли придти къ ассибиляціи совершенно независимо одинъ отъ другаго въ силу однихъ и тѣхъ-же физіологическихъ законовъ (ср. Jolly въ Zeitschr. fur Völkerpsych. VIII, стр. 15 слѣд.). До какой степени опасно судить о взаимной близости языковъ по одинаковымъ превращеніямъ отдѣльныхъ звуковъ, видно изъ такихъ примѣровъ, какъ переходъ *кв* въ *п* въ четырехъ языкахъ, правда, родственныхъ, но довольно далекихъ другъ отъ труга,—греческомъ, бриттскомъ, умбрскомъ и румынскомъ (πίσυρες, petuar, petur, patru отъ коренной формы, подобной лат. quattuor), измѣненіе зубныхъ передъ зубными въ *с* въ греческомъ, персидскомъ и въ славянскихъ нарѣчіяхъ (καθ-ισ-τήριον, ni-šas-tan, *съ-сть*, всѣ три отъ корня sad или sid), ослабленіе *н* въ концѣ слога въ глухой носовой звукъ во французскомъ, црк.-славянскомъ и, вѣроятно, др.-персидскомъ и т. п. Замѣна санскритскихъ звуковъ въ новѣйшихъ индѣйскихъ нарѣчіяхъ почти такая-же, какъ замѣна звуковъ латинскихъ въ нарѣчіяхъ романскихъ. Всѣ эти измѣненія проведены послѣдовательно въ указанныхъ

языкахъ и составляютъ ихъ постоянный, отличительный признакъ. Если же мы обратимъ вниманіе на спорадическіе случаи, то примѣры фонетическаго сходства возрастутъ до безконечности: вспомнимъ вставку *д* между *н* и *р* (рус. простонар. *ндравъ* и пол. Hendryk, гр. ἀνδρός, фр. gendre, нѣм. Fähndrich), *б* между *м* и *р* (гр. ἄμβροτος, фр. chambre), придыханіе нѣмыхъ передъ *т* (рус. *ногти* читай *нохти*, простонар. *хто*, новогр. νύχτα, κόφτω; исл. lopt читай loft; перс. неопред. накл. âšuftan при повелит. âšub; умбр. rehtu), вліяніе йота на предъидущія согласную и гласную вмѣстѣ (гр. κρείσσων изъ κρετjων, фр. raison изъ rationem) и т. п. Но что же все это доказываетъ? Только существованіе общихъ физіологическихъ основъ произношенія. Мы можемъ, пожалуй, и здѣсь, какъ при аналогіяхъ синтактическихъ, шагнуть за предѣлы арійской семьи и указать на такія явленія, которыя мы опять-таки должны будемъ признать за обще-человѣческія. Таковы переходы *г* въ *дж* или *ж* (въ скр., въ нарѣчіяхъ инд., слав., ром. и въ арабскомъ языкѣ кромѣ Египта и значительной части Аравіи), *к* въ *ч* (въ тѣхъ же языкахъ съ нѣкоторыми нарѣчіями новогр.), *й* (j) въ *дж* или *ж* (въ скр., въ нарѣчіяхъ инд., ром. и нѣкоторыхъ татарскихъ), носовыхъ передъ губными въ *м* (въ скр., лат., греч., перс., араб. и многихъ другихъ), шипящихъ въ свистящія или такъ называемое цоканье (въ отдѣльныхъ говорахъ славянскихъ, итальянскихъ, индѣйскихъ, татарскихъ и др.), слитіе *а* съ *і* въ *е* и съ *у* въ *о* (почти во всѣхъ арійскихъ языкахъ и также въ семитскихъ, напр. евр. и разговорн. араб. bêt вм. bait, jôm вм. jaum) и т. д. Такимъ образомъ ясно, что и для фонетики есть общіе всѣмъ языкамъ законы, которые вызываютъ одинаковыя явленія помимо всякаго родства и преданія. Само собою разумѣется, что существованіе такой общей физіологической основы нисколько не подрываетъ важности фонетическихъ сравненій; но они доказательны лишь тогда, когда преемственность сопоставляемыхъ фактовъ лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія, при чемъ мѣриломъ должны служить ихъ

оригинальность и многочисленность. На основаніи всего сказаннаго, кажется, позволительно сомнѣваться въ достоинствѣ тѣхъ доказательствъ Шмидта, которыя заимствованы изъ области фонетики. О приводимыхъ имъ лексическихъ данныхъ см. выше упомянутую статью Jolly. Весьма вѣроятно, что родословная арійскихъ языковъ въ томъ видѣ, какъ она является у Шлейхера, требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ или смягченій; но, какъ бы то ни было, ученіе объ основномъ арійскомъ языкѣ и его постепенныхъ развѣтвленіяхъ имѣетъ за себя весьма многое—между прочимъ аналогію образованія романскихъ нарѣчій съ ихъ говорами изъ латинскаго языка, которой, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ никто еще не воспользовался, какъ слѣдуетъ, для этой цѣли. Противъ такого сравненія могутъ возразить, что романскія нарѣчія развились не изъ обще-употребительнаго въ Римской имперіи письменнаго языка, а изъ мѣстныхъ говоровъ, болѣе или менѣе объединенныхъ его вліяніемъ. Это совершенно справедливо; но едва-ли можно отрицать существованіе говоровъ и въ родоначальникѣ арійскихъ языковъ, который никогда не подвергался письменной обработкѣ, хотя, конечно, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы его говоры отличались такимъ-же разнообразіемъ и неустойчивостью, какъ вполнѣ темныя для насъ африканскія нарѣчія, во всякомъ случаѣ далеко не первообразныя и даже, можетъ быть, болѣе одичавшія, чѣмъ дикія. Мало того: эти говоры были, по всей вѣроятности, однообразнѣе италійскихъ, такъ какъ самое населеніе арійской родины было однообразнѣе населенія Аппенинскаго полуострова. Далѣе—если устная литература можетъ влiять на языкъ, то въ первобытныхъ арійскихъ говорахъ мы имѣемъ право подозрѣвать даже существованіе объединяющаго элемента: я разумѣю миѳологическія сказанія, изъ которыхъ иныя, напр. объ убійцѣ Вритры или другаго, соотвѣтствующаго Вритрѣ чудовища, относятся къ глубочайшей древности. Какъ бы ни были слабы эти доказательства въ пользу основной мысли Шлейхера, доводы его противниковъ оказы-

ваются чуть-ли не еще слабѣе; а потому впредь до болѣе убѣдительныхъ опроверженій, кажется, безопаснѣе оставаться при ней. Если-же мы допустимъ происхожденіе всѣхъ арійскихъ языковъ отъ одного, изчезнувшаго родоначальника, то мы должны допустить то-же и для другихъ группъ—прежде всего для семитской и туранской, какъ стоящихъ на очереди; а если такъ, то мы должны сочувствовать и попыткамъ ко взаимному сравненію этихъ родоначальниковъ, къ какому бы выводу оно ни привело. По этому всякій, кто раздѣляетъ изложенный выше взглядъ, можетъ только порадоваться выходу въ свѣтъ такого труда, какъ ученая и остроумная книга Delitzsch'a (Studien über indo-germanisch-semitische Wurzelverwandtschaft. Leipzig 1873). Какъ чуть-ли не первая систематическая попытка въ своемъ родѣ, это изслѣдованіе, конечно, еще далеко не разрѣшило предположенной задачи, но во всякомъ случаѣ оно представляетъ важный шагъ въ этомъ направленіи, особенно благодаря вполнѣ разумной и методической разработкѣ семитскихъ корней. О другихъ подобныхъ попыткахъ (Schlegel, Sinico-Aryaca etc. s'Gravenhage 1872; Schultze, Indogermanisch, Semitisch und Chamitisch. Berlin 1873; Reinisch, Der einheitliche Ursprung d. Sprachen d. alten Welt. Wien 1873) я могу только упомянуть, потому что не знакомъ съ ними непосредственно, но не скрою своего убѣжденія въ ихъ преждевременности, такъ какъ онѣ основаны на сравненіи отдѣльныхъ языковъ, а не родоначальниковъ цѣлыхъ семей. Только путемъ методическаго сближенія этихъ идеальныхъ родоначальниковъ мы можемъ получить надежныя данныя для рѣшенія вопроса объ отношеніи племенъ къ человѣчеству вообще, а до тѣхъ поръ благоразумнѣе воздержаться отъ всякихъ заключеній, опирающихся на предполагаемыя единство или разность человѣчества. Впрочемъ, въ общихъ ли законахъ мышленія или въ общечеловѣческомъ преданіи слѣдуетъ искать причины многочисленныхъ синтактическихъ аналогій въ чуждыхъ другъ другу языкахъ,—для сравнительнаго синтаксиса все равно: здѣсь важенъ самый фактъ существованія такихъ

аналогій, заставляющій предполагать общую основу, какова бы она ни была.Важенъ онъ въ томъ отношеніи, что уясняетъ намъ разницу въ методѣ между сравнительной этимологіей и сравнительнымъ синтаксисомъ. Этимологическія сравненія должны, какъ мы видѣли, идти постепенно: мы не имѣемъ права сблизить напр. русскую грамматическую форму съ французской, а должны подняться съ одной стороны до латинскаго языка, а съ другой до церковно-славянскаго, даже, насколько намъ позволяютъ наши научныя средства, до итало-греческаго и германо-славяно-литовскаго, а если нужно, то и до санскрита и даже, опять-таки по мѣрѣ нашихъ средствъ, до первоначальнаго обще-арійскаго языка; иначе наши сближенія не будутъ имѣть никакой цѣны, какъ бы ни было велико сходство въ звукахъ. Такое послѣдовательное, постепенное сравненіе далеко не всегда приложимо къ синтаксису. Нельзя, конечно, отрицать того, что для уясненія извѣстнаго синтактическаго явленія весьма важно прослѣдить его по цѣлой группѣ родственныхъ языковъ; но, во-первыхъ, это не всегда возможно вслѣдствіе частаго перерыва въ преданіи и вслѣдствіе самостоятельности, обнаруживаемой въ этой области отдѣльными языками; во-вторыхъ, относительно весьма многихъ случаевъ надобно признать, что, ограничиваясь лишь одною семьей или группой языковъ, изслѣдователь совершенно напрасно лишаетъ себя того драгоцѣннаго матеріала, который могутъ доставить ему языки хотя и отдаленные, но, быть можетъ, съ большею ясностью и обстоятельностью развившіе данное употребленіе. Само собою разумѣется, что чисто-историческія изслѣдованія должны и по синтактическимъ вопросамъ идти тѣмъ путемъ, какого держится сравнительная этимологія, никогда не выпускающая изъ виду преданія. Мы хотимъ только сказать, что этотъ путь для сравнительнаго синтаксиса съ одной стороны неудовлетворителенъ, потому что при относительной самостоятельности языковъ въ созданіи и выборѣ синтактическихъ построеній мы очень часто не имѣемъ возможности объяснить послѣ-

дующее предъидущимъ, какъ это дѣлается въ сравнительной этимологіи; съ другой стороны этотъ путь не исчерпываетъ всѣхъ тѣхъ средствъ, на которыя сравнительный синтаксисъ имѣетъ право вслѣдствіе того, что за этой синтактической самостоятельностью отдѣльныхъ языковъ мы видимъ несомнѣнно общую почву, общіе законы.

Заключимъ эти соображенія примѣромъ такихъ общихъ законовъ, который по своему объему не могъ занять мѣсто выше. Извѣстно, что такъ называемыя относительныя предложенія во всѣхъ языкахъ болѣе или менѣе первобытныхъ, т. е. не происходящихъ прямо и непосредственно отъ другаго, вполнѣ сложившагося языка, составляютъ явленіе довольно позднее,—такъ сказать, непредусмотрѣнное языкомъ во время его образованія. Поэтому, когда явилась потребность въ такихъ предложеніяхъ, ни въ одномъ первобытномъ языкѣ не было на лице средствъ для ихъ выраженія. Тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что средства были найдены, такъ какъ во всѣхъ языкахъ не совершенно дикихъ мы находимъ относительныя предложенія въ большемъ или меньшемъ развитіи. Откуда же взялись эти средства? Отдѣльные языки искали ихъ въ своемъ наличномъ запасѣ конструкцій и корней, распоряжаясь при этомъ вполнѣ независимо одинъ отъ другаго. По крайней мѣрѣ относительно арійской семьи не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что члены ея при своемъ выселеніи изъ общей родины не вынесли съ собою никакихъ, по крайней мѣрѣ, вполнѣ готовыхъ формъ такихъ предложеній. То-же самое можно сказать о языкахъ семитскихъ и, если мы не ошибаемся, туранскихъ. Тѣмъ не менѣе средства, употребленныя въ этомъ случаѣ отдѣльными языками, иногда поразительно сходны, даже въ мелочахъ. Само собою разумѣется, что такой важный шагъ въ словосочиненіи, какъ образованіе относительной конструкціи, совершился не разомъ: мало того, что должно было пройти много времени прежде, чѣмъ данный народъ привыкъ смотрѣть на извѣстное присоединеніе одного независимаго предложенія къ другому,

какъ на подчиненіе извѣстнаго рода; но нерѣдко одинъ и тотъ же языкъ колебался въ выборѣ средствъ для выраженія этой, до тѣхъ поръ невѣдомой, но настоятельно напрашивающейся связи двухъ сужденій. Нашъ собственный языкъ, особенно простонародный и старинный, представляетъ въ этомъ отношеніи необыкновенную пестроту. Возьмемъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ такого памятника, въ которомъ по самому его свойству относительныя предложенія должны встрѣчаться очень часто, именно изъ межевой грамоты (запись XVII в. на землю Тетюшскому монастырю), и отмѣтимъ въ нихъ тѣ мѣста, гдѣ мы, люди, говорящіе литературнымъ языкомъ XIX в., употребили бы то мѣстоименіе, которое мы называемъ теперь относительнымъ, т. е. такъ часто повторяемое нами *который*, если бы не предпочли какихъ-нибудь другихъ оборотовъ по причинамъ риторическимъ: „на Покровскаго монастыря землѣ, *что* дана в Тетюшскоі монастырь под убогим домом и под слободу Тетюшскаго города, з животным выпуском, от водороіного врага, *котороі* впал в большоі враг, *котороі большоі враг* около города, *что в нем* ключь пал в Волгу реку, и у того водороіного врага поставлен столб, *а на нем* грань, а подъ столбом пять камнеі, а напротив того столба яма, *а в неі* каменье, а от того столба и от ямы на столб же, *на нем* двѣ грани; а столб стоит у дорошки, *что* ѣздят іс тоі монастырскоі слободки взвоз в город Тетюши". Здѣсь мы встрѣчаемъ: 1) *что*, замѣняющее наше *который* въ имен. пад., безъ различія числа и рода,—образъ выраженія, свойственный не только простонародному, но и вообще разговорному языку (также въ вин. пад.); 2) современное *который*, во второмъ случаѣ съ повтореніемъ представляемаго имъ существительнаго, какъ часто по-латыни; 3) *что* съ личнымъ мѣстоименіемъ, въ которомъ выражены родъ, число и падежъ, не обозначенные неопредѣленнымъ *что*; 4) союзъ съ личнымъ мѣстоим., представляющимъ то существительное, къ которому относится это предложеніе; 5) такое-же мѣстоименіе

безо всякой грамматической связи съ соотвѣтственнымъ существительнымъ; 6) *что*, какъ въ 1-мъ случаѣ, но въ смыслѣ косвеннаго падежа. Итакъ, сколько способовъ перебралъ языкъ, пока остановился на томъ образѣ выраженія, который въ наши дни вытѣснилъ всѣ остальные! Но ни одинъ изъ этихъ способовъ не составляетъ исключительно нашего достоянія: всѣ они, по одиночкѣ или по нѣскольку вмѣстѣ встрѣчаются и во многихъ другихъ языкахъ. Разсмотримъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

Такъ какъ въ исторіи синтактическато развитія рѣчи сочиненіе предшествуетъ подчиненію, древнѣйшими способами слѣдуетъ признать присоединеніе къ логически-главному предложенію другаго, логически-подчиненнаго, но грамматически вполнѣ самостоятельнаго съ соединительнымъ союзомъ или безо всякой внѣшней связи. Первый изъ этихъ двухъ способовъ чуть-ли не еще древнѣе, чѣмъ второй, такъ какъ безсоюзіе предполагаетъ уже такое сильное развитіе логическаго подчиненія, которое неизбѣжно должно выработать для себя особенную внѣшнюю форму. Впрочемъ, какъ ни самостоятельно предложеніе съ соединительнымъ союзомъ, все-таки не трудно отличить при такой связи предложеніе логически-самостоятельное отъ логически-подчиненнаго по самой его постановкѣ. Совершенно ясные примѣры такихъ предложеній съ союзомъ представляетъ намъ арабскій языкъ, въ которомъ очень употребительны выраженія въ родѣ слѣдующихъ: Qâla 'Abû Mu'awwijati wa kâna min 'ulamâ'i *a*n-nâsi „Сказалъ Абу Моаввія и былъ (=который былъ) изъ ученыхъ людей.“ Wa 'ammâ 'aḥî *a*l-ḥâmisa wa-kâna maqtûa *a*l-'âḏâni fa-kâna ragulân faqîrân „Что же касается моего пятаго брата и былъ съ обрѣзанными ушами (=у котораго были отрѣзаны уши; ближе: ἀποτετμημένος τὼ ὦτε), то онъ былъ человѣкъ бѣдный.“ Но не менѣе ясно выступаетъ относительная связь въ средне-верхне-нѣмецкомъ нарѣчіи. Nibel. 1148, 3 L.: Ergezet si der leide, und ir ir habet getân „Вознаградите ее за тѣ огорченія, и (=которыя) вы ей причинили“, и еще рѣзче 2034,

2: Ir hapt sô vil gesunder, und turrens (=turren si) uns bestân, Daz si uns sturmmüede lâzent niht genesen „У васъ есть столько здоровыхъ, и дерзаютъ они (=которые д.) съ нами сразиться, что они насъ утомленныхъ боемъ не допустятъ уцѣлѣть“. О томъ-же явленіи и въ др.-в.-нѣм. см. Tobler Germania Jahrg. XIII стр. 91 слѣд. Какъ въ арабскомъ, такъ и въ нѣмецкомъ этотъ оборотъ, очевидно, вполнѣ совпадаетъ съ настоящей относительной конструкціей. Примѣры такого употребленія попадаются и въ другихъ языкахъ, особенно тѣхъ, которые еще не подверглись окончательной литературной обработкѣ, хотя, быть можетъ, и не въ такомъ рѣзкомъ видѣ; напр. Ип. лѣт. стр. 34 (1-го изд.): „Бьюче же Михаиля, отторгоша крестъ на немъ и съ чепьми, а въ немъ гривна золота“, гдѣ мы сказали бы: сорвали крестъ, въ которомъ была гривна золота, вмѣстѣ съ цѣпями. Въ древнескand.: Hverr er sâ hinn hvelli, Er gengr hardhar götur, Ok hefir hann thaer fyrr um farit—? „Кто этотъ свѣтлый, что̀ ходитъ твердыми дорогами, и онъ ихъ прежде объѣздилъ?“. Нѣчто въ родѣ относительной связи представляетъ и слѣдующій англійскій примѣръ изъ баллады Робинъ-Гудова цикла (Sir Guy of Gisborne): For yonder I hear Sir Guy's horn blow, And he hath slain Robin Hood. Это явленіе встрѣчается даже въ романскихъ нарѣчіяхъ, хотя они происходятъ прямо изъ готоваго языка (латинскаго) и вынесли изъ него совершенно опредѣленныя относительныя мѣстоименія и нарѣчія; такъ въ провансальскомъ пересказѣ жизни Варлаама и Іоасафа: (el rey) establi los servens e ministres e aquilh eran joves mot e de gran beutat e comandet ad aquels que negun home de la ins non intres „(царь) назначилъ служителей и прислужниковъ, и тѣ (=которые) были молоды и отмѣнно красивы, и приказалъ имъ, чтобы никто не входилъ внутрь (Іоасафова дворца)“. Здѣсь самая постановка второстепеннаго предложенія между частями главнаго указываетъ на его подчиненность. Такіе примѣры попадаются и у Грековъ; такъ Одисс. I 316—8: Δῶρον δ᾽ὅττι κέ μοι δοῦναι φίλον ἦτορ ἀνώγῃ,

Αὖτις ἀνερχομένῳ δόμεναι οἴκονδε φέρεσθαι, Καὶ μάλα καλὸν ἑλών, σοὶ δ' ἄξιον ἔσται ἀμοιβῆς, гдѣ послѣдній стихъ всего естественнѣе понимать такъ, какъ толкуетъ его Амейзъ: „взявъ даже очень хорошій даръ, который бы на твой взглядъ стоилъ вознагражденія" (ср. Kühner, Ausführliche Gramm. II § 518, 7). Въ языкѣ современныхъ Грековъ предложенія съ καὶ вмѣсто относит. не рѣдкость, напр. въ сборникѣ Пассова 168, 12: Ποιὸς εἶναι κ' ἦρτε καὶ πατεῖ τὴν πλάκα τοῦ μνήματου; сл. въ сл.: „кто есть и пришелъ и попираетъ плиту памятника?" (quis est, qui venit?). Здѣсь, какъ и въ древне-греческомъ и въ обоихъ арабскихъ примѣрахъ, мы не находимъ личнаго мѣстоименія, представляющаго то существительное, которое опредѣляется второстепеннымъ предложеніемъ, тогда какъ въ остальныхъ оно на лице. Но эта разница не существенна, потому что въ первыхъ примѣрахъ падежъ пропущеннаго мѣстоименія былъ бы именительный, въ которомъ личное мѣстоим. по-арабски и по-гречески можетъ безъ ущерба смыслу остаться невыраженнымъ. Возможенъ и обратный случай: вмѣсто личнаго мѣстоименія повторяется опредѣляемое существ. съ указ. мѣстоим., какъ въ хожденіи Даніила Христ. Бусл. 1870 г. стр. 64, 18): „есть печера велика, и въ той печерѣ жила святая Богородица два лѣта„. Само собою разумѣется, что какъ въ этомъ примѣрѣ, такъ и во многихъ ему подобныхъ относит. связь не необходима; но отъ этого такіе случаи не теряютъ своей поучительности: они указываютъ на ту ступень умственнаго развитія, на которой человѣкъ довольствуется еще довольно слабой связью сужденій или предложеній, далеко недостаточной при нашемъ отчетливомъ мышленіи.

Къ глубокой древности относится и второй способъ—логическое подчиненіе безо всякой грамматической связи, хотя едва-ли всякое подобное соединеніе можно признать древнимъ по такому внѣшнему признаку. На сколько основательно это сомнѣніе, увидимъ впослѣдствіи. Арабскій языкъ особенно богатъ примѣрами такого соединенія, но довольно ихъ

и въ англійскомъ, шведскомъ и датскомъ. Начнемъ съ такихъ, гдѣ относительное мѣстоименіе, если бы оно было выражено, являлось бы въ имен. падежѣ. По-арабски: Xâluhu ka-χâli al-γarîbi marida bi-al-γurbati „Положеніе его подобно положенію чужеземца, заболѣлъ (=который заболѣлъ) на чужбинѣ". По-англійски (Percy изд. Таухн. ч. I, стр. 11, ст. 81): He bar a bende-bow in his hande, Was (=which was) made off trusti tre. По-датски (изъ старинной пѣсни): Dog tacker eg Gud, mig (=som mig) haver opvakt „Но я благодарю Бога, (который) меня разбудилъ". Во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы не находимъ личнаго мѣст., что̀ для арабскаго языка, какъ мы видѣли, не существенно, но нѣсколько странно въ нарѣчіяхъ ново-германскихъ, которыя не могутъ обойтись безъ личнаго мѣст. въ значеніи подлежащаго. Кромѣ имен. пад. такое построеніе возможно въ вин. и съ предлогами, напр. по-арабски:—mulqin firâšu-hu ʿAlai madragin jaʿtâduhu al-'asadu al-wardu „постель его брошена на тропѣ, посѣщаетъ ее (=которую) рыжій левъ"; 'al-miqrâtu al-mauḍiʿu jagtamaʿu fî-hi al-mâ'u „стокъ—мѣсто, собирается въ немъ (=въ которомъ) вода". Но англійскій и ново-скандинавскіе языки оказываются въ этомъ случаѣ не только на одной доскѣ съ арабскимъ, но далеко оставляютъ его за собою въ смѣлости выраженія, такъ какъ они опускаютъ мѣст. и въ вин. пад., напр. англ. the man I saw, швед. den mannen jag saag [2]), и даже съ предлогами, причемъ послѣдніе ставятся послѣ глагола подчиненнаго предложенія, напр. англ. the person you are angry with, швед. Hvad är det för ett land jag kommen är uppaa? „Что эта за земля, я прибылъ на"? (=на которую я п.). И такъ condicio sine qua non такой конструкціи въ арабскомъ языкѣ—присутствіе личнаго мѣст. (которое въ им. пад. подразумѣвается), въ англ. и ново-скандинавскихъ—его

---

[2]) Соединеніе *aa*, принятое у Датчанъ, тогда какъ Шведы выражаютъ этотъ звукъ (о) соединеніемъ *a* (внизу) съ *o* (наверху), выбранъ нами для удобства печатанія.

отсутствіе. Откуда эта разница и оба ли способа одинаково древни? Отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть данъ лишь по разсмотрѣніи другихъ способовъ относ. связи.

За то несомнѣнно древенъ способъ выраженія относ. зависимости посредствомъ личнаго или указательнаго мѣстоим., поставленнаго съ особенной силой во главѣ подчиненнаго предложенія. Мѣстоименія первыхъ двухъ лицъ неудобны для этой цѣли, потому что ими плохо выражается подчиненіе; впрочемъ, можетъ быть, сюда слѣдуетъ отнести такіе случаи, какъ древне-аллеманское Fatter unser, thu pist in himile; см. Grimm's Deutsche Gramm. III стр. 17 слѣд. и Tobler Germania XVII (1872) стр. 277. Но бóльшія удобства представляло для этого мѣстоим. 3-го лица или, что̀ то-же самое, мѣстоим. указ. Большинство арійскихъ языковъ прибѣгло въ этомъ случаѣ къ сложенію указ. корней i (лат. i—s)+a=ja (о чемъ см. статью Виндиша въ Курціевыхъ Studien II стр. 246 слѣдд.) и къ корнямъ sa (сь) и ta (тъ), употребляющимся нерѣдко въ падежахъ одного и того-же мѣстоим.; такъ по-греч. имен. пад. ὁ (вм: sa), род. τοῦ и т. д. Въ санскритѣ кор. ja является уже окончательно и исключительно относительнымъ, но въ зендѣ мы встрѣчаемъ его еще въ обоихъ значеніяхъ, какъ видно напр. изъ слѣдующихъ словъ Зендавесты о Керешаспѣ: jô ğanat ažim Çrvarem jim açpogarem, naregarem, jim vîšavantem, zairitem „который поразилъ змѣя Срвару того конеѣда, людоѣда, того ядовитаго, зеленаго". Греч. ὅς ἥ ὅ (изъ jas, jâ, jat) употребляется въ смыслѣ относ. мѣстоим., но древнее его значеніе сохранилось еще у Гомера (см. Ebeling, Lexicon Homer. II стр. 82 столб. 1) и даже позже, напр. у Өеогнида 800: Ἀλλ' ὃς λῷιος, ὃς μὴ πλεόνεσσι μέλοι (по одной изъ лучшихъ рукописей, Венеціанской), впослѣдствіи лишь въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, каковы καὶ ὅς, ὃς καὶ ὅς, ἦ δ' ὅς, ὁ μὲν—ὃς δέ (Демодокъ въ Антол. Бергка Eleg. IX 1 и Фокилидъ тамъ-же X 1) или ὃς μὲν—ὁ δέ (Эврипидъ Ифиг. въ Тавр. 419 слѣд.) и даже ὃς μὲν—ὃς δέ, особенно въ эпоху преобладанія общегреческаго нарѣчія (ἡ κοινὴ

διάλεκτος), напр. Палат. Антол. XI 280, C. I. G. 6012 c, 4; нѣсколько иначе въ надписи 117 г. до Р. Х., найденной въ Македоніи (Revue Archeol. 1875 стр. 6 и слѣд.): καὶ πολλοὺς μὲν αὐτῶν ἐν χε(ι)ρῶν νομαῖς ἀπέκτεινεν, οὓς δὲ ζωγρίαις συνέλαβεν (ср. Kühner, Ausführliche Gramm. II § 518, 3 и 4; Krüger I § 50, 1, 5). На ряду съ ὅς встрѣчается по нарѣчіямъ и ὁ, ἡ, τό въ видѣ относ. мѣстоим. [3]); попадаются въ двойномъ значеніи—указ. и относ.—и другія, первоначально указ. образованія, напр.. ἔνθα отъ корня a или an (онъ). Тоже двойное значеніе замѣчается и въ древне-перс. hja (вм. sja), чередующемся съ основой tja; напр. съ одной стороны: Baga vazraka Auramazdâ, hja imâm bumim adâ „Богъ великій Аурамазда, который создалъ эту землю", съ другой: Adam Bardija amij hja Kuraus putra Ἐγὼ Σμέρδις εἰμὶ ὁ Κύρου υἱός. Нѣкоторыя слав. нарѣчія прибѣгли къ личному мѣст. *и* (изъ ja-s), прибавивъ къ нему частицу *же* [4]). Кор. ta употребляется какъ относит. во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ, не переставая въ то-же время быть указат., какъ это видно напр. изъ нѣм. der, die, das. Есть примѣръ относ.

---

[3]) Такое употребленіе сохранилось отчасти въ ново-греч., о чемъ будетъ сказано подробно въ особомъ изслѣдованіи.

[4]) *И-же* по значенію составныхъ частей напоминаетъ гомер. ὅ ῥα, напр. Ил. II 308: *δράκων ἐπὶ νῶτα δαφοινός, Σμερδαλέος, τόν ῥ' αὐτὸς Ὀλύμπιος ἧκε φόωσδε*. Какъ наша, такъ и греческая частица указываютъ на связь съ предъидущимъ. Въ такомъ смыслѣ мы употребляемъ *же* въ вопросѣ, вызванномъ предшествовавшими словами собесѣдника (кто-же? и т. п.), при повторительномъ понужденіи (напр. иди-же), для показанія тождества предмета, о которомъ говоримъ, съ тѣмъ, о которомъ говорилось прежде,—въ мѣстоим. *тотъже*, *такой-же* съ принадлежащими къ нимъ нарѣчіями, а въ старину и въ другихъ случаяхъ, напр. въ оборотѣ *и—же*=и также (въ хожд. Даніила стр. 64, 19 христ. Бусл.: „И есть же путь отъ Іерусалима въ Галилею"; ср. выше стр. 59, 8: „И есть путь отъ Іерусалима къ Іордану"), и даже безъ помощи другаго союза, напр. Лавр. лѣт. 50, 27: „Аще ли ускочить створивый убой и убѣжить, аще будеть имовітъ, да возмуть имѣнье его ближніи убьенаго; аще ли есть не имовитъ и ускочить же, да ищуть его". Сравни также въ извѣстной пѣснѣ чешскаго короля Вячеслава: Spasenie ocima wsie-zie blasienstuye moye.—Sirdce misl-zie iei odtach. Ona tie prud wsiech slasti pocietie-

значенія корня ta и у Славянъ, именно въ полабскомъ переводѣ молитвы Господней—ta toy chiss wa nebisgài (по другому списку: tu toy Iiss wa nebisshay), но Шлейхеръ, конечно, правъ, считая это выраженіе дословной передачей нѣм. der, du bist—; см. его Laut-und Formenlehre der polab. Spr. § 215. Но какимъ-же образомъ указательныя мѣстоименія могли получить смыслъ относ.? Переходомъ отъ кореннаго ихъ значенія къ производному послужило ихъ употребленіе въ смыслѣ м—ній *анафорическихъ*, какъ выражается Виндишъ, слѣдуя Аполлонію Дисколу, т. е. такихъ, которыхъ указаніе относится уже не къ видимымъ, а только къ упомянутымъ предметамъ. Такое указаніе требуетъ непремѣнно двухъ предложеній: въ первомъ называется самый предметъ, во второмъ высказывается относящаяся къ нему второстепенная мысль, при чемъ стоящее во главѣ его анафорическое мѣстоим. показываетъ тождество предметовъ рѣчи въ обоихъ предлож. (см. статью Виндиша, особенно со стр. 400). Еще сильнѣе выражается это тождество посредствомъ двойнаго указанія однимъ и тѣмъ-же словомъ: въ первомъ предлож.—на послѣдующее, во второмъ—на предъидущее, напр. Од. XIV 227: Αὐτὰρ ἐμοὶ τὰ φίλ' ἔσκε, τά που θεὸς ἐν φρεσὶ θῆκεν. Percy I стр. 53, ст. 15: I know not that ladye in any lande, That is able to marry with me. Nibel. 1720, 2 Lachm.: Zwiu sold ich den êren, der mir ist gehaz? Такъ-же говорилось so—so, напр.: so fram, so mir God gewizzi indi maht furgibit „на столько времени, на сколько мнѣ Богъ предоставитъ сознаніе и силу", изъ чего

---

zie uesele. Я счелъ нужнымъ указать на значеніе этой частицы въ виду мнѣнія, высказаннаго Виндишемъ въ упомянутой статьѣ стр. 209 и 417,—что *же*, какъ греч. γε, служитъ къ простому усиленію мѣстоименія. Впрочемъ извѣстно, что кор. ja встрѣчается у Славянъ въ относ. значеніи и безъ *же*, именно въ производныхъ *яко*, *егда*, *еликъ*, *зане* (поне-же) и др. Въ Краледворской рукописи мы находимъ въ такомъ смыслѣ даже мѣст. *и* (если, конечно, это не описка); см. пѣсню о Забоѣ стр. 90 изд. Некрас.: Dua sina, ieiu hlasi p(rse)chazesta w muska, uichazienasta w les.

составилось so so въ смыслѣ одного относ. нарѣчія (sowie, sicut, какъ у насъ въ другомъ смыслѣ *такъ какъ*=cum или quoniam): напр. въ молитвѣ Господней: Werde willo din so in himile, so so in erdu (такъ—какъ). Такъ у Англичанъ the more, the better; as fast as she could hye (Percy I стр. 133, 66 рядомъ съ sa fast as she could hie ib. стр. 99, 30; сравни стр. 102, 128; стр. 129, 130 и др.—въ шотландской балладѣ); а прежде и у Нѣмцевъ als liep als ich iu sî (Nib. 1715, 3 L., но также sô rehte minneclîchen, als ir uns hapt getân ib. 2119, 3; als=al—sô ср. ib. 2118, 3). Точно такъ-же употреблялось у нихъ и слово ê (ehe), хотя оно и не м-ннаго происхожденія, напр. Nib. 2280, 1—3: Jâ naeme ich ê die suone, sprach aber Hagene, E ich sô lesterlîche ûz einem gademe Flühe—„Скорѣе принялъ бы я примиреніе, *чѣмъ* бѣжалъ бы позорно". Извѣстно, что такимъ-же образомъ повторяется греч. πρίν, напр. Ил. XXIV 781: Μὴ πρὶν πημανέειν, πρὶν δωδεκάτη μόλῃ ἠώς. Ясно, что въ подобныхъ примѣрахъ оно принимаетъ смыслъ относ. нарѣчія (впослѣдствіи—союза, какъ въ данномъ случаѣ союза ἤ)—смыслъ, который оно удерживаетъ и послѣ другихъ, равносильныхъ словъ (πρόσθεν Xenoph. An. I, 2, 2, πρότερον Plato Phaed. p. 62 c) и заключаетъ въ себѣ нерѣдко независимо отъ предъидущаго (πρίν=πρὶν ἤ). Что второе πρίν было первоначально простымъ повтореніемъ перваго, доказывается такими примѣрами, какъ Ил. V 287: ἀτὰρ οὐ μὲν σφῶΐ γ' ὀίω Πρίν γ'ἀποπαύσεσθαι, Πρίν γ' ἢ ἕτερόν γε πεσόντα Αἵματος ἆσαι Ἄρηα. Вѣроятно, отсюда, а не изъ пропуска относ. нарѣчія (или союза), объясняется относ. значеніе нѣм. während, bis, seit, bevor и т. п. Какъ опредѣленно ни сложилась относительная конструкція въ латинскомъ языкѣ, и въ немъ сохранилось слово, которое обличаетъ предшествовавшее колебаніе при выборѣ средствъ для ея выраженія; это слово—нарѣчіе (потомъ союзъ) dum, не имѣвшее первоначально относ. значенія и получившее его лишь впослѣдствіи тѣмъ-же путемъ; см. Катулла 62, 45: Sic virgo, dum intacta manet, dum cara

suis est и 56: Sic virgo, dum intacta manet, dum inculta senescit. Впрочемъ этотъ примѣръ такъ-же мало можетъ служить образчикомъ древнѣйшаго соотношенія, какъ Ил. I 125: Ἀλλὰ τὰ μὲν πολίων ἐξεπράθομεν, τὰ δέδασται или Nib. 2161, 2 L.: Die dô darinne wâren, die muosen lîden nôt: подчиненное предложеніе съ личнымъ или указ. мѣстоим. (или нарѣчіемъ) во главѣ по самой своей сущности должно было первоначально слѣдовать за главнымъ, а не предшествовать ему; послѣднее возможно лишь въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ относ. построеніе сложилось окончательно и укрѣпилось въ сознаніи народа.

Кромѣ объясненныхъ способовъ мы встрѣтили въ приведенномъ выше отрывкѣ тетюшской грамоты и современное, общепринятое мѣстоим. *который*. Употребленіе вопрос. м-ній въ смыслѣ относ. принадлежитъ также къ числу способовъ, усвоенныхъ многими народами совершенно самостоятельно. Этотъ способъ мы находимъ напр. у Италиковъ, у Кельтовъ, у Германцевъ, у Литовцевъ, у Славянъ. До какой степени у послѣднихъ вопрос. м-нія слились съ относ., видно изъ того, что напр. *якъ* и *якій* (отъ корня ja) употребляются у нѣкоторыхъ изъ нихъ (Поляковъ, Чеховъ, Малороссовъ) въ смыслѣ вопросительномъ. Переходъ вопрос. значенія въ относ. Гольцманъ (Zeitschr. f. Völkerpsych VIII, 50) объясняетъ вопросами въ родѣ слѣдующихъ: Exsequias ire cui commodum est? (Is) ito. Wer kann mir den Becher wieder zeigen? Er mag ihn behalten. Ср. въ средне-греч. переводѣ Аполлонія Тирскаго у Вагнера Carmina Graeca medii aevi (Lips. 1874) ст. 608 (стр. 268): Τίς θὲ ν' ἀκούῃ ᾄσματα, αἰνίγματα καὶ λόγους Καὶ ὑμνῳδιὰν (καὶ) τραγῳδιὰν, εἰς τὴν Ταρσιὰν ἂς πάγῃ „Кто хочетъ слышать пѣсни, загадки и притчи и гимны и трагедію? тотъ пусть идетъ къ Тарсіянкѣ“ или, можетъ быть, „кто—, тотъ—“, потому что выраженіе относительной связи посредствомъ вопросительныхъ корней не чуждо и греческому языку, какъ будетъ показано въ изслѣдованіи о новогреческихъ относ. м-ніяхъ. Такимъ образомъ при одномъ

логическомъ подлежащемъ то предложеніе, которое впослѣдствіи сдѣлалось подчиненнымъ, выражало во время своей самостоятельности нѣчто въ родѣ вызова человѣка или предмета, удовлетворяющаго предлагаемымъ условіямъ, а въ томъ, которое соотвѣтствуетъ позднѣйшему главному, заключалась мысль, относящаяся къ такому человѣку или предмету, если онъ оказывается на лицѣ; при двухъ логическихъ подлежащихъ въ первомъ предложеніи содержался вопросъ о качествѣ, количествѣ и т. п. даннаго предмета, а во второмъ—то, что̀ изъ предполагаемаго отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ вывести для другаго предмета: Qualis rex? talis grex. Quot capita? tot sententiae. „Каковъ попъ? таковъ и приходъ“. Слѣдовательно при этомъ способѣ порядокъ предложеній долженъ быть противоположенъ тому, котораго требовалъ первоначально способъ предъидущій [5]).

---

[5]) Объясненіе Гольцмана кажется намъ самымъ естественнымъ и единственно возможнымъ. Правда, *формально* съ перваго взгляда можетъ показаться вѣроятнымъ происхожденіе относ. мѣстоименій вопрос. корня отъ совпадающихъ съ ними по виду мѣст. неопредѣл. Но такое объясненіе, имѣющее также своихъ представителей, неправдоподобно уже потому, что и неопред. м-нія произошли, по всей вѣроятности, изъ вопрос. Въ неопред. мѣстоименіи непремѣнно скрывается вопросъ, но вопросъ, не выраженный формально, потому что онъ не имѣетъ въ виду отвѣта, а служитъ только для того, чтобы высказать недоумѣніе говорящаго. Поэтому м-нія вопрос. и м-нія неопред. первоначально одни и тѣ-же и различаются лишь тѣмъ, что первыя произносятся съ бо́льшимъ напряженіемъ голоса, или съ болѣе знаменательнымъ удареніемъ, нежели послѣднія: τίς; τις, ποῖος; ποιός, quis? quis (siquis) нарѣчія ποῦ; που, ubi? ubi (sicubi) и т. п. Арабскій языкъ представляетъ намъ этотъ логическій пріемъ во всей его первобытности: для того, чтобы выразить ἦλθεν ἄνθρωπός τις πρὸς ἐμέ (ко мнѣ пришелъ какой-то человѣкъ), по-арабски надобно сказать 'atâ-nî rag̓ulun, 'ajju rag̓ulin? пришелъ ко мнѣ человѣкъ—что за человѣкъ? Кромѣ того: есть языки, въ которыхъ вопрос. м-нія употребляются какъ относ., но не какъ неопред., напр. арабскій, татарскій. Но главное неудобство такого объясненія заключается въ неясности перехода значеній. Неопред. м-нія вопрос. корня, кромѣ своего обыкновеннаго значенія, допускаютъ лишь одно: иной, какъ Дан. Зат. „Кому любовь, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ черныя смолы“ и т. д., но всегда въ смыслѣ раздѣлительномъ, что̀ особенно ясно при повтореніи: кто богатъ, а кто бѣденъ; chi è ricco e chi è povero; καὶ τὶς μπαρπούτα βάσταζε, τὶς ἔλμον

Такимъ образомъ корни относ. м-ній въ однихъ изъ разсмотрѣнныхъ нами языковъ оказываются указательными, въ другихъ—вопросительными; таково происхожденіе относ. корней во всѣхъ арійскихъ языкахъ и, если не во всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ очень многихъ другихъ. Но, воспользовавшись этими корнями, не всѣ народы нашли нужнымъ или возможнымъ создать себѣ относ. м-нія въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. вполнѣ опредѣленныя и склоняемыя замѣны существительнаго въ подчиненномъ предложеніи: нѣкоторые изъ нихъ остановились на относ. частицахъ, т. е. на какихънибудь неизмѣняемыхъ образованіяхъ относительнаго (указ. или вопрос.) корня со значеніемъ, первоначально опредѣленнымъ,

---

ςτὸ κεφάλι (изъ средне-греч. романа: кто шишакъ носилъ, а кто шлемъ на головѣ). Но это единственное переносное значеніе ставитъ неопред. м-нія ближе къ указательнымъ, чѣмъ къ относ., что̀ видно изъ того, что въ этомъ смыслѣ они легко замѣняются первыми: тотъ богатъ, а тотъ бѣденъ; questo (tale) è ricco e quello (tale) è povero; *ὁ μὲν πλούσιός ἐστιν, ὁ δὲ πένης*; den sitzen, disen leinen sach man manegen degen (Nibel.); occupat hic collem, cymba sedet alter adunca (Ovid. Met. I 293 sqq.). Переходъ отъ неопред. м-ній къ относ. былъ бы возможенъ черезъ неопредѣленно-относ.; но послѣднія образовались очевидно изъ относ.: qui-cumque, кто бы ни, swelher (изъ sô welher) и т. д., кромѣ развѣ лат. удвоенныхъ quisquis, quicquid, которыя сложились, быть можетъ, по аналогіи другихъ удвоенныхъ: utut, quamquam и т. п., причемъ имѣлось въ виду не столько относительное, сколько неопред. значеніе такихъ образованій. Что значеніе лат. неопред. относ. развивалось именно въ эту сторону, видно изъ позднѣйшаго ихъ употребленія сравнительно съ древнѣйшимъ: quocumque или quoquo modo и т. п. были первоначально выраженіями относ., а впослѣдствіи просто неопред. Что-же касается такихъ неопред. м-ній, которыя не были бы въ то-же время и вопрос., то едва-ли найдутся примѣры ихъ употребленія въ смыслѣ относ. Ново-греч. относ. *ποιός* (который) не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія: въ др.-греч. ему соотвѣтствуетъ не *ποιός*, а *ποῖος* или, вѣрнѣе, *ὁποῖος*, которое и употребляется доселѣ въ книжномъ языкѣ. *Ποιός* произносится теперь и вопрос. мѣст.: перестановка ударенія зависитъ отъ того, что въ немъ, какъ и въ относ., *οι* утратило гласность и превратилось въ j. Ср. *παιδιοῦ*, *χωριά* (2 слога), *μιά* (1 сл.) вм. *παιδίου* и т. д.; *βασιλιάς*, *πωλιέται* (3 сл.), *ἐννιά* (2 сл.), *πλιό* (1 сл.) вм. *βασιλέας* и пр.; *δυό* (1 сл.) вм. *δύο*, какъ ит. figliuólo изъ лат. filiolus и, вѣроятно, наши *бью, вью, лью* изъ *бію, вію, лію* съ удареніемъ на первомъ слогѣ, судя по аналогіи другихъ глаг. съ односложной гласной основой: *знаю, мою, дую, млѣю.*

но впослѣдствіи расширенным до такой степени, что они сдѣлались годными для выраженія относительнаго подчиненія вообще [6]). Главное неудобство такого способа, бросающееся въ глаза съ перваго взгляда, состоитъ въ отсутствіи возможности обозначать падежи. Оно устраняется въ нѣкоторыхъ языкахъ совмѣстнымъ употребленіемъ опредѣленныхъ относ. мѣст., какъ у насъ *который* рядомъ съ неизмѣняемымъ *что*, въ иныхъ—прибавкой личныхъ или указ. мѣст. въ требуемыхъ падежахъ. Какъ ни страненъ послѣдній способъ, распространеніе его чрезвычайно широко и даже переходитъ за предѣлы какой-нибудь одной семьи языковъ. Разсмотримъ это любопытное явленіе по отдѣльнымъ языкамъ.

[6]) Въ примѣрахъ, приведенныхъ ниже, мы передаемъ относ. частицы нашимъ *что*. Но это м-ніе далеко не выражаетъ значенія настоящихъ относительныхъ частицъ: послѣднія непереводимы ни однимъ относ. м-ніемъ или нарѣчіемъ, которыя представляютъ относ. связь не иначе, какъ пріуроченною къ какой-нибудь грамматической категоріи—предмета, качества, количества, мѣста, времени, образа дѣйствія и проч. Наше *что* есть, конечно, не только мѣст. ср. р. и союзъ, сопровождающій глаголы sentiendi et declarandi и т. п., но все-таки значеніе его сравнительно тѣсно: помимо двухъ упомянутыхъ случаевъ въ большей части остальныхъ *что* совпадаетъ съ *какъ*. Сахаровъ, пѣсни хоров. 27: „Ужь какъ мой милъ идетъ, *что* ясенъ соколъ летитъ". 43: „Черезъ рѣченьку лежала тонка, гибка жердиночка; *что* де никто по той жердиночкѣ не проѣдетъ, только шли прошли стары бабы"; сравни свад. 28: „какъ на той на рѣченькѣ да лежала дощечка и тонкая и гибкая (и) дощечка дубовая; *какъ* по той дощечкѣ никто не хаживалъ... перешелъ Михаилъ сударь". 49: „Какъ нѣтъ такого молодца, *что* Александра Александровича", что̀ чуть-ли не чаще поется такъ: „ужь и небыло такого молодца, *какъ* (такого-то)". Есть и другіе случаи употребленія *что*; но относ. значеніе этого слова въ нихъ не ясно. Кажется, разнообразнѣе употребляется малор. *що*; по крайней мѣрѣ оно встрѣчается въ значеніяхъ, чуждыхъ нашему *что*, напр. Метлинск. 39: „Ой повій ты, буйный витре, з глыбокого яру; Прыбудь, прыбудь, мій мыленькый, з далекого краю. Як же мени повиваты, що (=когда) яры глыбокы; як же мени прыбуваты, що то краи далеки" или 54: „Не пускае маты, що (=потому что) я молода". Образчикомъ относ. частицы можетъ служить романское que (che), которое напр. по-франц. употребляется вмѣсто косвенныхъ пад. относительнаго мѣст. обоихъ чиселъ и родовъ, въ смыслѣ союзовъ *что* и *чьмъ*, какъ замѣна нарѣчій и относ. союзовъ всякаго рода во второмъ членѣ слитнаго предложенія (напр. quand — et que) и т. п.; см. Diez, Gramm. der rom. Sprachen III стр. 322—324, 332—340, 366, 378—379, 397. 416—417.

Одинъ примѣръ такого употребленія мы видѣли въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ тетюшской грамоты. У насъ, какъ извѣстно, *что* въ имен. и вин. пад. обоихъ чиселъ — дѣло весьма обыкновенное, но съ косвенными пад. личнаго мѣст. встрѣчается не часто. За то у Малороссовъ этотъ образъ выраженія болѣе употребителенъ, чѣмъ опредѣл. мѣст. *который* или *котрый*, и попадается даже въ им. пад., напр. Закревскаго Старосв. Бандур. № 160: „Не жаль тому козачепьку поснѣдати дати, Що вôнъ иде изъ улици, якъ стане свѣтати“. Приведемъ нѣсколько примѣровъ косвенныхъ падежей. Изъ того-же сборника народныхъ пѣсень № 5: „А де жь тіи, пане Саво, сукнѝ едамашки, Що въ ихъ ходивъ по Вкраинѣ, водячи затяжки? А де жь тіи, пане Саво, битіи таляры, Що ихъ набравъ въ Украинѣ, роблячи тяжары?“ № 35: „Нема тôей дѣвчиноньки, що я въ êй кохався“. Пословица: „Бѣда тôй курцѣ, що на нêй сокола заправляють на ловы“. Шевченко, Катерина (II): „Де жъ ті люде, де жъ ті добрі, Що серце збіралось Зъ ними жити, іхъ любити“? [7]). Иногда Малороссы находятъ возможнымъ обойтись безъ личнаго м—нія даже въ косв. падежахъ подобно тому, какъ оно пропущено при третьемъ *что* отрывка тетюшской грамоты, и тогда-то обнаруживается вся широта, т. е. неопредѣленность этого *що*. Старосв. Банд. № 38: „А де жь тая крыниченька, що голубь купався (въ нêй)? А де жь тая дѣвчинонька, що я женихався (зъ нею, какъ № 45)“? № 128: „Позычь ты бандуры, що сама граешь (на нêй)“. Метлинск. 65: „ты думаеш, ти люблються, що багато грошей (в них)“ [8]).

---

[7]) Въ болгарскомъ переводѣ Жинзифова это мѣсто значится такъ (Новобългарска Сбирка стр. 159): „Камъ тѣ люди, камъ тѣ добри, Готвѣшеся сьрдце, Да живѣнтъ, нихъ да любитъ (?)“. Здѣсь (помимо нѣкоторой неточности въ передачѣ) не достаетъ относ. мѣст. Что это: произволъ переводчика или свойство языка?

[8]) Не берусь рѣшить, куда относятся такіе примѣры, какъ Закр. № 58: — на тую дѣвчиноньку, що чорніи брови (въ неи?) и 105: Нема жь мого миленького, що каріи очи (почти тоже 123). Можетъ быть, въ нихъ надо видѣть

Що съ личн. мѣст. въ косв. пад. есть и въ словарѣ Памвы Берынды: „Почерпало—каждая рѣчь, що черпаютъ нею, яко ведро, коновъ, ковшъ". У него этотъ оборотъ могъ явиться, какъ изъ малорусскаго, такъ и изъ польскаго языка, гдѣ онъ довольно обыкновененъ, напр. въ нар. пѣснѣ: Rozmaryn do kolan, com go siała poście и въ слѣдующемъ краковякѣ, чуть-ли не искусственномъ (Sbjór pjeśnj śvjatovich, vidal Cenôva, seszit drugj стр. 128): Nie ten u mnie możnym, co go zowią panem, Lecz ten, co nad biednym lituje się stanem. Это соединеніе особенно употребительно въ старо-польскомъ языкѣ.

Точно такъ-же Сербы употребляютъ *што,* какъ въ народномъ, такъ и въ книжномъ языкѣ, напр. (изъ искусственнаго стихотв.): „Ја тьу льуби песму читат', Што ју пишем сад." [9]) Замѣчательно, что при этомъ *што* можетъ повторяться существительное, къ которому оно относится, какъ оно повторяется послѣ опред. относ. мѣст. (который, qui и т. д., см. выше), напр.: „Уд'ри на се дибу и кадифу, Поноситу чоху сајалију, Што од воде чоха црвенија, А од сунца чоха руменија" (надѣлъ на себя—кафтанъ, который кафтанъ отъ воды краснѣе, а отъ солнца багрянѣе). Что значитъ это описаніе, я не знаю и привожу его только потому, что оно, сколько мнѣ извѣстно, представляетъ собою эпическую формулу. Но вотъ примѣръ вполнѣ понятный: „Викну бане из бијела грла Некаквога хрта Карамана, Што је хрче на лов научио" (кликнулъ банъ изъ бѣлаго горла нѣкую собаку Карамана, которую собаку онъ натаскалъ для охоты). Кромѣ *што* точно такъ-же употребляется *дье* (=гдѣ, какъ нѣм. областное wo, общеупотребительное въ соединеніяхъ wovon, worin и т. п., и новогреч. πού, о которомъ ниже). Имен. пад. (безъ личн.

приложенія въ видѣ эпитета, какъ № 82: Ой ты, дѣвчино—чорніи очи. Ср. сапожки—зеленъ сафьянъ, туръ—золотые рога и т. п.

[9]) Значеніе этого оборота у нихъ чуть-ли не общѣе, чѣмъ у другихъ Славянъ; напр. въ слѣд. мѣстѣ былины о Страхиничѣ онъ соотвѣтствуетъ нашему *какой,* а не *который:* „Има дьога коньа од мегдана, Што га данас у Србина нема".

мѣст.): „Ропче моје змијо од Турака, Дье пропаде у тамници мојој!“ Косв. пад.: „Ту надьоше једну невјестицу, Дье јој горе и ноге и руке“ (=которой или: у которой горятъ—) [10]). Этимъ двумъ частицамъ соотвѣтствуютъ у Болгаръ *що* и *дѣ-то* [11]) съ личнымъ м-ніемъ въ косвенныхъ падежахъ.

Словинцы (Хорутанцы) употребляютъ для той-же цѣли частицу ki (корень тотъ-же, чтó въ вопрос. kaj что), и при томъ по крайней мѣрѣ такъ-же часто, какъ мѣст. kteri. Вотъ примѣръ соединенія того и другаго (изъ Прешириа V spomin Andreja Smoleta): V zemlji Slovenski, v predragi dežéli, Ki si jo ljubil presrčno ves čas, V kteri očetja so naši slovéli, ktera zdaj ima grob komaj za nas „Въ землѣ Словинской, въ дражайшей странѣ, чтò ты ее (=которую ты) любилъ сердечно все время, въ которой славились наши отцы, которая теперь едва имѣетъ могилу для насъ“. Любопытно сличить два примѣра изъ Анакреонта съ переводомъ Водника, хотя относ. конструкція перевода не всегда соотвѣтствуетъ таковой-же въ подлинникѣ. Антол. Бергка Mel. XX, 14, 25: Τανῦν ἔδω μὲν ἄρτον Ἀφαρπάσασα χειρῶν Ἀνακρέοντος αὐτοῦ· Πιεῖν δέ μοι δίδωσιν Τὸν οἶνον, ὃν προπίνει=Golobica: Mar zobljem njich [12]) pogačo, K' iz roke si jo pulim Anakreonta sam'ga. Pit dajejo mi vina, K' napijajo ga sebi. Тамъ-же 27

---

[10]) Это *дье* соотвѣтствуетъ нашему *что* не только какъ неопред. относ. мѣст., но и какъ союзъ послѣ verba sent. et declar. (вмѣсто обыкновеннаго *да*.).

[11]) *То* въ *дѣ-то* едва-ли слѣдуетъ понимать въ смыслѣ члена, такъ какъ оно является безъ измѣненій по родамъ и числамъ также въ относ. м-ніи *кои-то, коя-то, кое-то,* а потому *дѣ-то* надлежитъ сравнивать не съ фр. lequel, ит. il quale, рум. care-le, англ. (стар.) the which, ново-греч. ὁ ὁποῖος, а съ старорусскимъ *кто-то* (въ договорѣ Мстислава Смоленскаго съ Ригою и Готскимъ берегомъ 1229 г.: „всемь темь, кто то на оустово моря ходить“) и т. п., староангл. which that, what that и т. п. и еще болѣе съ польскимъ co to, напр. у Кохановскаго Satyr: Oho, znaé papieźnika. Po czemže? Po mowie. Mniemałem by po rogach, co to mam na głowie. Въ арабскомъ относ. м-ніи 'al-la-δî, ж. р. 'al-la-tî мы находимъ и членъ и указ. м-ніе.

[12]) Для читателей, не знающихъ по-хорутански, замѣтимъ, что Словинцы, говоря о лицахъ, уважаемыхъ по своему положенію, употребляютъ множ. ч.; такъ здѣсь объ Анакреонтѣ, какъ господинѣ, и далѣе о Ладѣ (Кипридѣ).

A, 5: Ἀκίδας δ' ἔβαπτε Κύπρις Μέλι τὸ γλυκὺ λαβοῦσα. Ὁ δ' Ἔρως χολὴν ἔμισγεν=Ljubeznove puščíce: Ostí kalili Lada So v sladkem med', k' je žolča Ljubezen vanj primésil. Род. пад. такъ-же, какъ и дат., по чему-то рѣже попадается у Словинцевъ въ этой конструкціи; но вотъ примѣръ изъ того-же Водника Ilirija Oživljena 17: Nazaj spet junake Kdo bode mi dal, Ki jich se spartanski Je vojvoda bal? „Кто возвратитъ мнѣ витязей, что ихъ (=которыхъ) боялся спартанскій воевода?“.

Въ ново-греч. языкѣ относ. частицей служитъ, какъ было сказано, нарѣчіе мѣста ποῦ или, вѣрнѣе, ὅπου (ὁποῦ), употребляемое въ просторѣчіи гораздо чаще, чѣмъ м-ніе ποιός или ὅποιος (то и другое, когда относ. предлож. предшествуетъ главному). Дат. пад., какъ извѣстно, исчезъ изъ ново-гр. языка, но род. съ ποῦ попадается, напр. Pass. 315, 5: Κι αὐτοῦ 'ς τὴν δίπλην τοῦ χοροῦ χορεύ' ἡ Ζερβοποῦλα, Ποῦ λάμπουν τὰ μανίκια της κι ἀστράφτ' ἡ φορεσιά της „И тамъ въ перегибѣ хоровода пляшетъ Зервопула (собств. имя ?), что̀ блистаютъ рукава ея и сверкаетъ одежда ея“ (=которой рукава и пр.); также 569, 2: Καὶ πῶς νὰ τήνε 'παρνηθῶ τὴν Ἀρβανιτοποῦλα, Ποῦν' τὸ κορμί της μάλαγμα κ' ἡ μέση της ἀσῆμι „И какъ я отъ нея откажусь, отъ Арнаутки, что тѣло ея золото и станъ ея серебро?“ (=которой тѣло и пр.). Косв. пад. съ предлогомъ Пасс. 174, 24: Γιάτρεψ' τὸν ἀδερφούλη μου, τὰ μάτια καὶ τὸ φῶς μου, Ποῦ 'γὼ γι αὐτῆνον ἔκαμα δώδεκα χρόνους κλέφτης „Вылѣчи моего братца—мои глаза и свѣтъ мой, что я изъ-за него (=изъ-за котораго) прожила двѣнадцать лѣтъ клефтомъ“. Пропускъ личнаго мѣст., встрѣченный нами въ малорусскомъ языкѣ, попадается въ греч. даже тамъ, гдѣ ποῦ должно выражать род. пад., напр. у Пассова 501, 7 (объ орлѣ, у котораго птенцы попадали изъ гнѣзда): ἐσὺ ποῦπεσαν τὰ πουλιά „ты, что попадали птенцы“. Неудивительно, что въ вин. пад. эта частица нерѣдко обходится безъ личн. мѣст., какъ и наше *что̀*, напр. 561, 2: Κάθονται μέσα μάνα καὶ κόρη, ὀπ' ἀγαπῶ „Сидятъ внутри мать и дочь, что я люблю“. Но чаще вин. пад.

выражается при помощи личн. мѣст., какъ 361: Ἐγῶμ' ἐκεῖνο τὸ πουλὶ, ποῦ τὸ λέγουν κανάρι „Я та птица, что ее (=которую) зовутъ канарейкой“. Сравни 45, 4; 450, 12; 483, 8; 554 кон.; 585, 19; 588, 7; 622, 1; 628, 9 и мн. др. Это обстоятельство объясняется склонностію ново-гр. языка ставить непосредственно передъ глаголомъ зависящее отъ него личное мѣст., даже если дополненіе выражено существительнымъ, но не слѣдуетъ за глаголомъ, а предшествуетъ ему, какъ dist. 1030: Τὸν Φράγκον δὲν τὸν θέλω. Поэтому иные говорятъ и съ опред. относ. мѣст.: ὁ ἄνθρωπος, τὸν ὁποῖον τὸν εἶδα „человѣкъ, котораго его я видѣлъ“. Но, очевидно, это употребленіе не относится къ нашей задачѣ [13]).

---

[13]) Дицъ въ своей грамм. ром. нарѣчій т. III стр. 65 приводитъ изъ нихъ примѣры, весьма сходные съ тѣми, которые мы разобрали выше; но всѣ они объясняются тою-же самою склонностью, которая особенно сильно развилась именно въ романскихъ нарѣчіяхъ. Если не ошибаемся, косвенный пад. (вин. и дат.) личнаго мѣст. послѣ относ. всего чаще встрѣчается въ румынскомъ языкѣ, изъ котораго Дицъ привелъ примѣровъ меньше, чѣмъ изъ другихъ. По-рум., точно, говорится: epistola, carea ti o scriu acuma „письмо, которое тебѣ *его* пишу теперь“ или съ неопред. относ. мѣст.:—ce ti o scriu „что̀ тебѣ его пишу“. Псалтырь 1,4: ci eĭ sunt ca pléva, pre carea o spulbera vêntulŭ „но они суть какъ прахъ, который *его* возметаетъ вѣтеръ“. Но то-же самое мы видимъ и при другихъ мѣст., напр. личныхъ. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ 1 гл. Евангелія отъ Іоанна: Si lumina întru întunericŭ luminéză, si întunericulŭ pre dênsa nu o a coprinsŭ (5) „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма онаго не *его* покрыла“ (=тьма его не покрыла). Si lumea pre dênsulŭ nu lŭ-a conoscutŭ (10) „И міръ онаго не его позналъ“ (=м. его не п.). Jar câti lŭ-aĭ priimitŭ pre dênsulŭ, le-a datŭ lorŭ stăpânire—(12) „А кто *его* приняли онаго, *имъ* далъ онымъ власть—“. Въ объясненіе этого дословнаго перевода замѣтимъ, что главное личн. мѣст., т. е. настоящее дополненіе, мы выразили м-ніемъ *оный*, а добавочное—обыкновеннымъ мѣст. 3-го л. Ясно, что, если какое изъ двухъ личн. мѣст. служитъ къ ближайшему обозначенію падежа, то скорѣе главное, но никакъ не добавочное. См. объ этой особенности Diez III 63 слѣд. Впрочемъ соединеніе относ. частицы съ личнымъ и даже съ притяж. мѣст. (род. пад.) не чуждо романскимъ нарѣчіямъ, напр. исп.: la fuente que beben todos della „источникъ, что̀ пьютъ всѣ изъ него“ (=изъ котораго и пр.). См. тамъ-же стр. 380. Замѣчательный провансальскій примѣръ приводитъ Тоблеръ Germania XVII (1872) стр. 293: Tal home am que sos aibs nom azauta E m'azauta sos aibs de tal non am „Иного (такого) человѣка люблю, что̀ свое (или его=котораго) поведеніе мнѣ не нравится, и мнѣ нравится свое (его) пове-

Какъ послѣдовательны Греки въ примѣненіи разбираемаго способа, видно изъ того, что они прилагаютъ его не только къ 3-му лицу, къ которому относились всѣ приведенные выше примѣры (кромѣ примѣч. 13), но и къ остальнымъ. По крайней мѣрѣ 2-е лице является у Пассова 529: Ὦ ψηλὸ λιγνὸ, ψηλὸ λιγνό μου ῥόδο, Ὁποῦ γιά τ' ἐσὲ στερεύομαι τὸν κόσμο и т. д. „О высокая, стройная моя роза, что̀ изъ-за тебя (=ты, изъ-за которой) я не могу оставаться на свѣтѣ". Вин. ποῦ σε (ты, котораго) 310,13. Мѣст. 2-го лица (σοῦ) подразумѣвается и въ указанномъ уже 501, 7: ἐσὺ, ποὔπεσαν τὰ πουλιά „ты, что̀ (=котораго или: у котораго) попáдали птенцы". Замѣтимъ въ заключеніе, что кромѣ ποῦ есть у Грековъ другая относ. частица—τὰ (мн. ч. ср. р. отъ ὁ), напр. 467,2: τὸ κάτεργον, ποῦ περπατεῖ, καὶ τἄλογον, τὰ τρέχει „Галера, что̀ разгуливаетъ, и лошадь, что̀ бѣгаетъ", гдѣ она является рядомъ съ ποῦ. Другіе примѣры съ ней мнѣ неизвѣстны [14]).

У Германцевъ, рядомъ съ опредѣленными относ. м-ніями есть и неопредѣленныя частицы; но для выраженія косвенныхъ падежей они охотнѣе употребляютъ первыя. Исключеніе составляютъ Саксы, которые иногда соединяли свои частицы sô (древне-с.) и the (англо-с.) съ косв. пад. мѣст. 3-го л. Вотъ нѣсколько англо-с. примѣровъ, приводимыхъ Эттмюллеромъ въ Lexicon Anglosax. Вин. пад.: Thaer gelîfan sceal dryhtnes dôme se the hine deadh nimedh=Ibi manere debet ex domini sententia is, quem mors eripiat (сл. въ сл.:

деніе иного, котораго я не люблю", гдѣ второй стихъ, помимо пропуска относ. м-нія представляетъ еще ту странность, что притяж. sôs поставлено впереди того слова, безъ котораго оно непонятно; ср. прованс. son cosin del dalfin у Дица III стр. 74. Личное мѣст. при относ. частицѣ въ им. пад., какъ по-малорусски, тамъ-же стр. 373: je suis tel (=тотъ) qu'amour j'avois en vous (Marot).

[14]) Ср. стр. 21 и прим. 3. Что же касается ποῦ, то и оно можетъ выражать качественность, какъ срб. *што*, напр. Pass. 225: Ὁ ἥλιος ἐσκοτίδιασε καὶ τὸ φεγγάρι χάθη, Ποῦ βάρεσαν τὸν Μπότσαρη, τ' ἄξιο τὸ παλληκάρι, Ποῦ 'ς τὸν ντουνιὰ δὲν ἦτανε καὶ δὲν μεταγενιέται „Солнце омрачилось и мѣсяцъ пропалъ, когда поразили Боцари, достойнаго витязя, Что̀ (=какого) на свѣтѣ не было и не народится".

что̀ его=quem). Род. пад.: hvät se god waere, the this his beacen väs=quis ille deus esset, cuius hoc signum fuit (сл. въ сл.: что̀ это его=cuius hoc). Тотъ-же пад., но безъ личн. мѣст. (рѣдко): on svâ edhelîcum thingum, the ve biddadh „въ такихъ удобоисполнимыхъ вещахъ, что̀ мы просимъ“ вмѣсто the heora, такъ какъ глаг. biddan сочиняется съ род. пад. Это единственный примѣръ, который приводитъ Эттмюллеръ, да и тотъ можно, кажется, истолковать иначе, принявъ the въ болѣе общемъ смыслѣ. Dativum (безъ личн. мѣст.) non inveni, признается Эттмюллеръ. Что же касается вин. пад., то на него, какъ и слѣдовало ожидать, примѣровъ много. Въ древне-сакс. so.is котораго, so im которому и т. д. [15]).

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ арійскій языкъ, въ которомъ разбираемый способъ развитъ тѣмъ болѣе, что другаго способа онъ не знаетъ. Мы разумѣемъ языкъ новоперсидскій съ его неопред. частицей ki (вопрос. и относ. м-ніе и союзъ или даже нарѣчіе). Къ ней присоединяются личн. мѣст., особенно û (3 л.), для выраженія всѣхъ падежныхъ отношеній,—такъ какъ настоящее склоненіе въ этомъ языкѣ утрачено. Въ такой формѣ является даже имен. пад. (ki û или сокращ. kû), что̀ мы видѣли до сихъ поръ только въ малорусскомъ. (и во франц.—примѣч. 13). Но любопытнѣе косвенные пад., на которые мы даемъ нѣсколько примѣровъ изъ Вуллерсовой Chrestomathia Schahnamiana—стр. 71,5: Bi gâh-i šahinšâh-i Nûšînravân, Ki nâm-aš bi-mânda 'st-i dâim ǧavân „Во время царя царей Нуширвана, что имя его (=ко-

---

[15]) So въ томъ-же смыслѣ, но безъ личнаго м-нія, какъ извѣстно, не чуждо и ново-в.-нѣм., напр. Hofmann v. Hofmannswaldau, Abschied: Der Gipfel, so sich itzt bewegt, Das Rauschen, so dein Ohr verspüret, Wird durch der Seufzer Trieb erregt, Die meine matte Zunge führet. Такъ-же употребляются у Скандинавовъ частицы sem и er, но съ болѣе широкимъ значеніемъ и иногда въ своеобразномъ соединеніи съ предлогами, о чемъ см. ниже. Но извѣстно-ли было имъ соединеніе относ. частицъ съ личными мѣст., какъ замѣна косв. падежей относ. м-ній? Рѣшеніе этого вопроса я долженъ предоставить doctioribus.

тораго имя) осталось вѣчно юнымъ." Стр. 68,551: Jakî ḫal'at ârâst-i šâh-i zamîn, Ki ḫwândand-i har kas bar-û âfarîn „Одинъ халатъ приготовилъ царь земли, что надъ нимъ (=надъ которымъ или: которому) всѣ произносили похвалу". Изъ христом. Шпигеля стр. 120,5: Ân âtaš-râ, ki ʿišq az-û ḫâst „Тотъ огонь, что любовь изъ него (=изъ котораго л.) развилась". Съ мѣст. 2-го л. тамъ-же стр. 1: Ân î tu, ki az nâm-i tu mî-bârad ʿisq „Ты (еси) та, что изъ имени твоего (=изъ имени которой) прыщетъ любовь" [16]).

Тотъ-же самый способъ склоненія примѣняется къ относ. м-ніямъ и въ языкахъ семитскихъ и тюркскихъ, хотя въ нихъ мы имѣемъ дѣло не только съ частицами, но и съ опредѣленными, хотя несклоняемыми мѣст. У Арабовъ есть три относ. мѣст.: 'allaδî который, измѣняющееся по родамъ (ж. 'allatî) и числамъ (мн. 'allaδîna и т. д.), и неизмѣняемыя man кто и mâ что; послѣднія употребляются и какъ вопрос. Всѣ три включаютъ въ себѣ вмѣстѣ съ относ. мѣст. понятіе указательнаго [17]), къ которому и относится поставленный передъ ними предлогъ; такъ 'ilaí man значитъ „къ тому, кто", а не „къ кому" (сравни франц. de qui que ce soit, à qui veut

---

[16]) Кажется, тотъ-же оборотъ, но съ указ. нарѣчіемъ вмѣсто личн. мѣст. съ предлогомъ, слѣдуетъ признать Chrest. Schahn. стр. 20, 261: Ǧihân-dâr-i Dârâ bi Čahram rasîd, Ki ângâ budî ganǧahâ-râ kalîd „Міродержецъ Дарій въ Чехремъ пришелъ, что̀ тамъ (=гдѣ) была сокровищница" (а не „потому что тамъ"; см. все мѣсто). Какъ бы то ни было, чуть-ли не единственное исключеніе изъ указаннаго способа составляетъ непосредственное соединеніе ki съ признакомъ вин. и дат. пад. râ вмѣсто ki û-râ или просто ki. См. напр. поэму Низами Xikâyat-i dûḫtar-i pâdišâh-i rûs стр. 106 изд. Эрдманна: Har, ki-râ ân nikâr-i mî-bâjad, Na jakî ǧân — hazâr-i mî-bâjad „Всякому, кому нужна эта картина, не одна душа нужна, а тысяча", гдѣ я выпустилъ однажды слово ǧân, повторенное у Эрдманна послѣ hazâr вопреки размѣру и риѳмѣ. Съ этимъ соединеніемъ нельзя сравнивать ki-š, напр. христ. Болдырева I стр. 86: Hunarvar, ki baḫt-aš na bâšad bi kâm, Bi ǧâi ravad, ki-š na dânand-i nâm „Доблестный, который недоволенъ своей долей, идетъ въ мѣсто, что его не знаютъ имя" (= котораго имени не знаютъ), такъ какъ —š не простой признакъ падежа, но вмѣстѣ и м-ніе.

[17]) Это, впрочемъ, не мѣшаетъ Арабамъ ставить иногда въ главномъ предл., если оно слѣдуетъ за подчиненнымъ, личное мѣст., соотвѣтствующее относи-

l'entendre и т. п., о чемъ Diez III 382 слѣд.). Личное мѣстоим. придается къ нимъ и въ им. пад., что впрочемъ рѣдко, напр. 'Ajna *a*llaðîna humu kânû li-nâ sakanân? „Гдѣ тѣ-которые они были для насъ отдохновеніемъ?“ (поэт.) Въ косвенныхъ пад.: Wa la-ka *a*s-sâ'atu *a*llatî 'anta fî-hâ „И тебѣ (принадлежитъ лишь) часъ тотъ-который ты въ немъ“ (= въ которомъ ты находишься, т. е. текущій). 'Ihdi-nâ çirâṭa *a*l-mustaqîma, çirâta *a*llaðîna 'an'amta 'alaj-him „Веди насъ путемъ прямымъ, путемъ тѣхъ-которые ты излилъ благодѣянія на нихъ“ (=на которыхъ и т. д.). 'Al-ṭabîbu *a*llaðî *i*bnu-hu 'ind-î „врачъ тотъ-который сынъ его у меня“ (=котораго и т. д.). Вин. пад. обыкновенно съ мѣст., напр. Man lasa'at-hu *a*l-χajjatu, mina *a*l-χabli jahâfu „Тотъ-кто укусила его (=кого у.) змѣя, веревки боится“, гдѣ мѣстоим. необходимо; но иногда и безъ него, какъ въ слѣд. двустишіи: Fa 'arǧi'u 'an ra'î *a*llaðî kuntu 'artâ'î Fa 'aðkuru mâ 'a'dadtu, χîna taχîbu „И я отказываюсь отъ намѣренія, которое я принялъ, и вспоминаю то, что приготовилъ (лишь тогда), когда она удалится“.

У Евреевъ нѣтъ другихъ средствъ для выраженія относительной зависимости, кромѣ частицы 'ašer, которая ставится впереди личныхъ и указ. м-ній и указ. нарѣчій и сообщаетъ имъ относ. значеніе, напр. съ мѣст. 1-го л.: Anî Jôçêph 'aχî-khem 'ašer mĕkhartem 'ôth-î „Я Іосифъ, братъ вашъ, что вы продали меня“ (=котораго вы п.)

Татары въ смыслѣ относ. м-нія употребляютъ вопрос. несклон. kim кто, обозначая косвенные пад. личнымъ мѣст., напр. въ пословицѣ: Adam bar, kim âdamłarniņ naqši-dur, âdam bar, kim χajvân andan jahši-dur сл. въ сл.: „Человѣкъ бываетъ, кто людей образецъ есть, человѣкъ бываетъ, кто

тельному въ подчин. предлож., напр. у Локмана: 'Allaðî *a*zdarajtu fî-hi, huwa allaça-nî „То, что я презиралъ, оно спасло меня“ (т. е. что я пр., то именно и сп. м.), что напоминаетъ такіе случаи, какъ Cic. Or. I, 23, 109: Sin autem ea, quae observata sunt in usu ac tractatione dicendi, haec ab hominibus callidis ac peritis animadversa... sunt etc.

скотина его (= кого ск.) лучше есть“ (т. е. бываютъ люди образцевые, бываютъ и хуже скота). Турки такимъ-же образомъ сочиняютъ мѣст. ki кто: bâzargân, ki ondan aty-my ałdym „купецъ, что̀ у него (=у котораго) мою лошадь я купилъ“; o âdam, ki onuṇ qary-sy Fâṭima ola „тотъ человѣкъ, что̀ его (=котораго) жена Фатыма есть“. Но и Татары и Турки избѣгаютъ такого образа выраженія и замѣняютъ его другими оборотами [18]. Впрочемъ это замѣчаніе прилагается въ большей или меньшей степени почти ко всѣмъ

---

[18]) Настоящіе тур. обороты: baṇa aty-my satmyš bâzargân мнѣ лошадь мою продавшій купецъ, o Fâṭima qary-sy var olan âdam тотъ Фатыма жена его (или: у него) имѣющаяся человѣкъ. Для уразумѣнія послѣдняго примѣра необходимо замѣтить, что тур. языкъ не знаетъ родовъ, такъ что въ данномъ случаѣ возможенъ, пожалуй, и такой переводъ: тотъ Фатыма жена у него имѣющійся человѣкъ. Такимъ образомъ причастіе, замѣняющее относ. построеніе, можетъ казаться согласованнымъ съ тѣмъ словомъ, отъ котораго, по нашимъ понятіямъ, должно зависѣть относ. предложеніе. Правда, такое согласованіе противорѣчитъ смыслу; но относ. построеніе представляетъ для многихъ народовъ такія трудности, что они готовы иногда пожертвовать логикой,—только бы вышла грамматическая связь. Даже Арабы, при всемъ разнообразіи относ. конструкцій въ ихъ языкѣ, прибѣгаютъ иногда къ причастію, согласованному не съ тѣмъ словомъ, къ которому оно логически относится; напр.; ʿalai mawlûdi la-hu rizqu al-wâlidati, что̀ переводится слово въ слово: „на родившемся ему пропитаніе родившей“, а на самомъ дѣлѣ значитъ: „на томъ, отъ кого родился ребенокъ, лежитъ обязанность“ и пр. То-же самое можно было бы выразить гораздо логичнѣе и яснѣе по выше объясненному способу: ʿAlai man wulida la-hu waladun—„на томъ-кто родился ему ребенокъ—“. По всей вѣроятности, страд. прич. mawlûdun (рожденный) сокращено изъ выраженія man wulida, которое, будучи взято отдѣльно, въ самомъ дѣлѣ значитъ „кто родился“. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ сдѣлка грамматической формы со смысломъ. Сюда-же относятся такіе примѣры, какъ ʿAmrûn ʾal-qâtilu ʾabû-hu Maχmûdân „Амру, убившій отецъ его Махмуда“ (=отецъ котораго убилъ М.) или Zajdun maqtûlun ʾabû-hû „Зейдъ, убитый отецъ его“ (=отецъ котораго убитъ). И въ томъ и въ другомъ случаѣ можно допустить сокращеніе конструкціи съ ʾallaδî: ʿAmrûn ʾallaδî qatala ʾabû-hu Maχmûdân „Амру тотъ-который убилъ отецъ его М.“, Zajdun ʾallaδî qutila ʾabû-hu „Зейдъ, тотъ-который былъ убитъ отецъ его“. При сокращеніи относительнаго предл. въ причастіе послѣднее по смыслу относится, конечно, къ подлежащему подчиненнаго предл., но грамматически оно связывается съ опредѣляемымъ словомъ; иначе не будетъ относ. конструкціи, которой требуетъ опять-таки смыслъ.

народамъ, употребляющимъ этотъ способъ: одни прибѣгаютъ къ опредѣленнымъ относ. мѣст., другіе, за неимѣніемъ таковыхъ, или употребляютъ иные обороты или просто говорятъ самостоятельными предложеніями: отсутствіе измѣняемыхъ относ. мѣст. есть вѣрный признакъ лишь незначительной потребности въ относительномъ построеніи. Но помимо этого сравнительно рѣдкое употребленіе этого способа можетъ быть отчасти объяснено его неудобствомъ. Въ самомъ дѣлѣ: кому изъ занимавшихся тѣми языками, которые имъ пользуются, не случалось иной разъ, хотя бы на одно мгновеніе, становиться въ тупикъ при видѣ относ. м-нія въ безразличной формѣ съ послѣдующимъ личнымъ въ косв. пад.? можетъ быть, это замѣна косвеннаго пад. относ. м-нія, а можетъ быть, и просто относительное мѣстоименіе въ имен. пад., какъ подлежащее, и личное мѣст., какъ дополненіе глагола, родительное опредѣленіе и т. п. Такое сомнѣніе вполнѣ возможно, напр. когда при мѣст. 3-го л. (самомъ употребительномъ въ этой конструкціи) глаголъ поставленъ въ 3-мъ л. и родъ личнаго мѣст. тотъ-же, что̀ опредѣляемаго слова. Эта возможность усиливается, когда имѣешь дѣло съ такимъ языкомъ, въ которомъ личное мѣст. въ значеніи подлежащаго можетъ быть опущено. Предположимъ хоть новогреческій расказъ, начинающійся прямо съ того, что нѣкто вышелъ изъ-дому; за этимъ непосредственно слѣдуетъ: Ὁ πρῶτος, ποῦ τὸν εἶδε εἰς τὸ σοκάκι, ἦτο πτωχός „Первый, что̀ его увидѣлъ на улицѣ, былъ нищій“. Читатель имѣетъ полное право спросить, кто кого увидѣлъ: нищій-ли вышедшаго изъ-дому или вышедшій изъ-дому нищаго? Само собою разумѣется, что это сомнѣніе должно разрѣшиться въ теченіе расказа; но оборотъ, который способенъ хоть не надолго возбудить сомнѣніе, не можетъ быть признанъ удобнымъ, особенно если причина этой темноты кроется въ его сущности. Ср. у Пассова 628,4: Ἔχουν και δούλους εὐμόρφους ποῦ τοὺς κερνοῦν, гдѣ только смыслъ слова δούλους показываетъ, кто кому наливаетъ. Поэтому тотъ, кто хочетъ выра-

жаться вполнѣ ясно, во многихъ случаяхъ принужденъ избѣгать этого способа. Такого рода неудобство можетъ оказаться въ одинаковой степени какъ при несклоняемыхъ относ. мѣст. (у Арабовъ и Тюрковъ), такъ и при относ. частицахъ. Но вотъ причина неясности, свойственная однимъ частицамъ. Значеніе ихъ, какъ мы видѣли, очень неопредѣленно; нѣкоторыя изъ нихъ обозначаютъ только относительную зависимость и потому переводятся, напр. по-русски, всѣми возможными относ. словами: который, кто, чтȯ, какой, когда, гдѣ, какъ, что (союзъ), чтобы, потому что и т. п. Такимъ образомъ очень легко увидѣть относ. м-ніе тамъ, гдѣ имѣется въ виду напр. союзъ и наоборотъ. Во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній Скандинавы ставили непосредственно передъ относ. частицей указ. м-ніе въ падежѣ того слова, отъ котораго зависитъ относ. предложеніе: Aettgôdhir men, their er ecki flyja „Благородные люди, что не бѣгутъ" (=—люди, которые—). Въ косв. пад.: Matar ok vâdha er manni thörf, theim er hefir um fiall faridh „Пища и платье человѣку нужны, тому что ѣхалъ черезъ горы". Такъ-же и Англосаксы, но чуть-ли не въ одномъ им. пад.: se Hengest, se the väs lâdteov „тотъ Г., тотъ что былъ вождемъ". Дат. и род. Эттмюллеру не встрѣчались. Для обозначенія вин. пад. указательное мѣст. ставится само въ вин. пад., каковъ бы ни былъ пад. опредѣляемаго слова: mid his ealdormannum, thâ the he vîseste viste „со своими старшинами, тѣхъ что (= которыхъ) онъ зналъ за мудрѣйшихъ", — способъ, сходный съ тѣмъ, который обыкновенно употребляется у Англосаксовъ для обозначенія косвенныхъ пад. при the, но съ другимъ порядкомъ элементовъ и съ указ. м-ніемъ вмѣсто личнаго. По-готски передъ относ. частицей ei ставится такимъ образомъ не только указ. мѣст., но и любое, напр. Коринѳ. I, 15,9: ik ei ni im vairths, ei haitaidau apaustaulus ὃς οὐκ εἰμὶ ἱκανὸς καλεῖσθαι ἀπόστολος [19]).

[19]) Хотя Готѳы ставили личн. и указ. м-нія всегда передъ относ. частицей, какъ Скандинавы, они все-таки обозначали косвенные пад. при ei, склоняя

Разобравъ такимъ образомъ главные способы выраженія относительной зависимости въ языкахъ не только арійскихъ, но и семитскихъ и тюркскихъ, мы запаслись данными, съ которыми мы можемъ наконецъ приступить къ разсмотрѣнію способа англо-скандинавскаго. Итакъ имѣетъ ли онъ что-нибудь общее съ предъидущими или стоитъ особнякомъ? Жолли (Curtius, Studien VI, стр. 217 слѣд.) видитъ въ немъ die einfachste Art der Hypotaxis, т. е. простое сочиненіе безъ помощи какой бы то ни было грамматической спайки, о которомъ мы говорили выше, какъ объ одномъ изъ древнѣйшихъ способовъ. Напротивъ, въ обыкновенныхъ грамматикахъ англійскаго, шведскаго и датскаго языковъ дѣло объясняется пропускомъ относ. м-нія. Принявъ послѣднее толкованіе, мы должны будемъ отодвинуть этотъ способъ въ эпоху весьма позднюю, которая предполагаетъ не только существованіе относительныхъ мѣст., но и такое развитіе относительной конструкціи и такой навыкъ въ ея употребленіи, что она могла быть понятна даже безъ своего знаменателя.

Гдѣ же истина? Вѣроятно, тамъ же, гдѣ она бываетъ большею частью,—въ серединѣ. Прежнее общепринятое объясненіе съ перваго же взгляда возбуждаетъ къ себѣ недовѣріе тѣмъ, что оно касается не однихъ новыхъ сѣверо-германскихъ нарѣчій, но и древне-верхне-нѣмецкаго, въ которомъ трудно допустить такое позднее явленіе, не смотря на замѣчаніе Тоблера (см. прим. 11), что во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ издревле существовали относ. м-нія, или, по крайней мѣрѣ, относ. частицы и относ. связь въ нихъ обыкновенно выражается. Но точно такъ-же съ перваго взгляда очевидно, что и аргументація Жолли не безгрѣшна, такъ какъ онъ смѣшиваетъ совершенно различные случаи и всѣ безъ разбора считаетъ одинаково древними. Такое смѣшеніе осо-

---

мѣст., напр. Іоанн. 13,29: bugei. thiz ei thaurbeima ἀγόρασον ὧν χρείαν ἔχομεν. См. Гримма грамм. III стр. 16.

бенно странно потому, что всѣ примѣры заимствованы имъ изъ статьи Тоблера, гдѣ они строго распредѣлены по извѣстнымъ рубрикамъ. Кромѣ того онъ часто ссылается на аналогію союзовъ, которая далеко не вездѣ приложима. Конечно, тамъ, гдѣ можетъ остаться невыраженнымъ такой важный элементъ, какъ относ. мѣст., союзъ долженъ выпускаться съ особенною легкостью; но дѣло въ томъ, что недостатокъ союза далеко не такъ чувствителенъ, какъ недостатокъ относ. мѣст., а потому союзъ выпускается нерѣдко и въ тѣхъ языкахъ, которые не могутъ обойтись безъ относ. мѣст. Мы напр. не говоримъ: „человѣкъ я видѣлъ", какъ Англичане — the man I saw, но англійское I thought you would not come мы передаемъ буквально: „я думалъ, Вы не придете". Хожд. Дан. (о горѣ Өаворѣ): „Есть же мѣста такая (: или —) по каменію лѣзти на пю. руками держася". Даже въ образцевомъ по своей точности латинскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ разговорномъ, былъ возможенъ такой-же образъ выраженія, какой мы находимъ въ этомъ древне-русскомъ примѣрѣ; см. примѣчаніе Уссинга къ Плавтову Amphitr. 952. Мало того: Жолли, по видимому, не замѣтилъ даже внѣшнихъ признаковъ разбираемаго имъ явленія. По крайней мѣрѣ, примѣръ изъ Отфрида (1,17,75): In droume si in zelitun then uueg si faran scoltun (сл. въ сл.: во снѣ они имъ расказали ту дорогу они ѣхать были должны), въ которомъ Тоблеръ будто бы переводитъ den Weg, welchen [20]), онъ толкуетъ такъ: einen Weg, sie sollten ihn — (стр. 233). Но, не говоря уже о томъ, что then и einen не одно и тоже, ihn въ подлинникѣ нѣтъ; а между тѣмъ все дѣло стало за отсутствіемъ всякаго мѣст., которое соотвѣтствовало бы относительному: будь такое мѣст. на лицѣ, какъ по-арабски,

---

[20]) У Тоблера на стр. 268 читается точно: „nicht: welchen Weg, sondern: den Weg, welchen"; но всякому, кто прочтетъ внимательно отдѣлъ Verschränkung съ начала (стр. 267) и толкованія къ остальнымъ относящимся сюда примѣрамъ, станетъ совершенно очевидно, что слѣдуетъ читать наоборотъ, т. е. nicht: den Weg, welchen, sondern: welchen Weg.

не изъ чего было бы и хлопотать. Кромѣ того полемика его съ Тоблеромъ такова, что по ней можно принять послѣдняго за отчаяннаго представителя стараго взгляда, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ всячески старается уменьшить число примѣровъ съ пропущеннымъ относ. мѣст., давая имъ другое объясненіе. На его-то изслѣдованіи этого вопроса, какъ самомъ полномъ и зрѣломъ, основаны тѣ соображенія, которыя мы рѣшаемся предложить читателю, предпославъ имъ оговорку Горація:

Si quid novisti rectius istis,
Candidus imperti; si non, his utere mecum.

Всѣ древне-верхне-нѣм. примѣры, въ которыхъ какъ будто недостаетъ относ. м-нія, мы, слѣдуя главнымъ образомъ Тоблеру, подводимъ подъ четыре отдѣла:

1) Притяженіе (аттракція), подобное греческому: относ. м-ніе принимаетъ падежъ предшествующаго указ., которое можетъ остаться не выраженнымъ, но съ тою разницею, что по-греч. притяженію подвергаются только косвенные пад., а по-нѣм. также имен., что̀ нѣсколько разъ встрѣчается у Исидора de nativ. dom.; напр.: Dhanne so dhrato mihhil undarscheit ist undar dhem chiscapti chiliihnissu endi dhes izs al chiscuof=dum multum distet imago creaturae ab eo qui creavit, ближе: „тогда какъ огромная разница есть между сотвореннаго образомъ и кого (или чьимъ = того, кто) все это сотворилъ“. По-греч. такое притяженіе (καὶ οὗ вм. καὶ ἐκείνου, ὃς) было бы непонятно, потому ὅς принадлежитъ несомнѣнно и исключительно подчиненному предложенію, а для главнаго есть οὗτος, ἐκεῖνος и т. п., между тѣмъ какъ по-нѣм. ther (или dher) колеблется между тѣмъ и другимъ, такъ какъ оно значитъ и ὅς и ἐκεῖνος. Само собою разумѣется, что такая конструкція возникла еще въ тѣ времена, когда понятіе относ. м-нія было шатко; но даже и тогда, когда оно окончательно опредѣлилось, она была еще возможна при относ. м-ніяхъ вопросительнаго корня, какъ Nib. 1677, 1 L.: nu sît willekomen, swem (=dem, swer) iuch gerne siht.

2) Перемѣщеніе (Verschränkung) опредѣляемаго слова изъ главнаго предложенія въ подчиненное, гдѣ оно примыкаетъ къ относ. м-нію. По-лат. и по-русски этотъ случай тѣмъ болѣе обыкновененъ, что таково исконное положеніе опредѣляемаго при относ. мѣст. вопросительнаго корня, напр.: Quae cupiditates a natura proficiscuntur, facile explentur sine ulla iniuria (Madv. § 319); „А которая женщина или дѣвка рукодѣльна, и той дѣла указати“ (Домостр.). Съ м-ніемъ указ. корня, какъ въ нѣмецкомъ языкѣ, такой порядокъ предполагаетъ уже значительный шагъ впередъ въ обращеніи съ относ. конструкціей. Такая постановка опредѣляемаго встрѣчается напр. у Отфрида 4, 24, 9: Ther man thaz giagaleizit, thaz sih kuning heizit, Ther uuiderot... themo keisero „Который человѣкъ стремится къ тому, чтобы называться царемъ, тотъ противникъ кесарю“. Самый убѣдительный примѣръ Тоблеръ приводитъ изъ средне-верхне-нѣм. памятника—Parziwal 749, 1: O wol diu wîp dich suln sehn, гдѣ diu wîp поставлено очевидно вмѣсто обыкновеннаго den wîben, diu. Сюда-же относится выше упомянутое then uueg si faran scoltun „которой дорогой они должны ѣхать“ (не косв. вопросъ, а вм. ту дорогу, которой—) и, вѣроятно, другой примѣръ изъ Отфрида 2, 14, 43: Thu mohtis, quad siu, einan ruam joh ein gifuari mir giduan, Mit themo brunnen thu nu quist, mih uuenegun gidranktist „Ты могъ бы, сказала она, славу и пользу мнѣ принести, (если) которымъ колодцемъ ты вотъ говоришь (=изъ того к., о которомъ ты г.), меня немного напоилъ бы“; здѣсь мы видимъ перемѣщеніе, осложненное притяженіемъ, что напоминаетъ Ливіево quibus quisque poterat elatis. Что такой образъ выраженія тяжелъ и теменъ, о томъ не можетъ быть спора; за то и встрѣчается онъ одинъ разъ и то у Отфрида, у котораго, по выраженію Тоблера, можно найти все возможное и даже все невозможное.

И такъ въ обоихъ разобранныхъ случаяхъ относ. м-ніе оказалось на лицѣ. Остаются еще два, гдѣ нѣтъ никакого м-нія. Вотъ они:

3) Отфр. 1, 17, 24: Ist iaman hiar in lante || es iauuiht thoh firstante? „Есть-ли кто-нибудь здѣсь въ странѣ (,кто) изъ этого что-нибудь прослышалъ бы?“ Здѣсь мы, дѣйствительно, должны вставить относ. м-ніе, потому что, какъ оно ни нужно по нашимъ понятіямъ, его нѣтъ; да нѣтъ и указ. или личнаго мѣст., при которыхъ мы могли бы назвать данный случай сочиненіемъ или, по примѣру Жолли, die einfachste Art der Hypotaxis, что̀ у него значитъ, по видимому, отсутствіе всякой Hypotaxis, по скольку она проявляется внѣшнимъ образомъ. Но внѣшній признакъ есть—отсутствіе связывающаго мѣст. Однако имѣемъ ли мы право видѣть здѣсь пропускъ относ. м-нія, какой, что ни говори, сознаетъ напр. Англичанинъ въ подобныхъ выраженіяхъ своего языка? Едва-ли: для такой съ перваго взгляда einfachste, а на самомъ дѣлѣ complicirteste Art der Hypotaxis необходимъ прецедентъ, по примѣру котораго она могла бы сложиться; а между тѣмъ мы застаемъ древне-верхне-нѣмецкое нарѣчіе еще въ томъ періодѣ, когда работа надъ образованіемъ относительной зависимости была покончена только вчернѣ и указ. м-ніе, получивъ значеніе относительнаго, какъ будто еще не совсѣмъ привыкло къ своей новой роли, такъ что нуждается подчасъ въ подпоркахъ въ родѣ thar (dar) или the (ther thar=der da и т. п. у того же Отфрида, ср. Гримм. грамм. III стр. 20 и Таблера стр. 284 слѣд.), какъ личныя мѣст. въ томъ-же смслѣ (ih dar, dû dar=ego qui, tu qui); употребленіе вопрос. м-ній для той-же цѣли, такъ распространенное въ англ. языкѣ, въ др.-в.-нѣм. еще неизвѣстно. Такое состояніе относ. конструкціи исключаетъ и другое условіе, очевидно, необходимое для пропуска относ. м-ній, именно опошленіе ихъ вслѣдствіе навыка къ относ. связи,—навыка, до такой степени сильнаго, что она узнается безо всякаго внѣшняго признака,—по крайней мѣрѣ, положительнаго, и что становится возможнымъ такое заключеніе: здѣсь связи нѣтъ, ergo—здѣсь относ. связь. На основаніи такихъ соображеній мы оставимъ до времени въ сторонѣ теорію эллипсиса и поищемъ другаго объясненія.

Приведенный выше примѣръ состоитъ логически изъ двухъ сужденій (или предложеній): а) ist iaman hiar in lante? и б) iaman hiar in lante es iauuiht thoh firstante. Сопоставивъ эти сужденія, мы получимъ die einfachste Art и притомъ не der Hypotaxis, но der Parataxis. Мало того: этотъ способъ до такой степени простъ, что онъ почти не мыслимъ для языка съ какими бы то ни было мѣстоименіями; но за отсутствіемъ именно такого мѣст., какое въ данномъ случаѣ нужно,. т. е. относ., въ головѣ почти первобытнаго человѣка, непривыкшаго справляться съ двумя мыслями разомъ, могло мелькнуть и такое соединеніе, но только мелькнуть въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, безъ точнаго разграниченія обоихъ сужденій, такъ какъ конецъ перваго и начало втораго совершенно тождественны. Это недоумѣніе въ виду двухъ мыслей—различныхъ и въ то-же время заключающихъ въ себѣ нѣчто общее, черезъ которое онѣ какъ будто переливаются одно въ другое, и сказалось въ языкѣ однократнымъ выраженіемъ этого общаго. Первоначально такое соединеніе должно было исключать всякую мысль о какой бы то ни было межѣ: оба сужденія составляли „плоть едину". Но языкъ любитъ отчетливость и опредѣленность: онъ не допускаетъ безразличныхъ хаотическихъ массъ, и то, что могло существовать въ представленіи, какъ rudis indigestaque moles, должно въ словесномъ выраженіи такъ или иначе расчлениться. Поэтому и относительно настоящаго случая въ сознаніи говорящаго долженъ былъ возникнуть вопросъ: которому изъ двухъ сужденій присудить неподѣленную часть, чтобы сужденія превратились въ предложенія? Для Отфрида этотъ вопросъ, по видимому, рѣшенъ: по крайней мѣрѣ, та часть, передъ которой мы поставили бы относ. м-ніе, можетъ у него помѣщаться не въ одномъ стихѣ съ первою, что́ мы и обозначили въ приведенномъ выше двустишіи двойной раздѣлительной чертой. Такимъ образомъ Отфридъ помѣщалъ прежде общую обоимъ сужденіямъ часть въ первомъ изъ двухъ стиховъ, какъ принадлежащую первому сужденію, став-

шему вслѣдствіе этого предложеніемъ; слѣдовательно остатокъ втораго сужденія (=2-е сужд. — общая часть) также долженъ былъ представляться ему предложеніемъ, но какимъ? Конечно,—тѣсно прилегающимъ къ первому предложенію, неразрывно связаннымъ съ нимъ, пожалуй даже—зависящимъ отъ него, но едва-ли подчиненнымъ, а еще менѣе—относительнымъ при такомъ слабомъ развитіи относ. связи вообще. Само собою разумѣется, что такой способъ соединенія могъ возникнуть только при совершенномъ тождествѣ общаго члена двухъ сужденій, т. е. между прочимъ при одинаковости падежа; правда, есть уклоненія отъ послѣдняго условія, но они объясняются ложной аналогіей, возникшей тогда, когда истинное происхожденіе этого оборота было забыто. Къ тому-же эти уклоненія чуть-ли не ограничиваются сліяніемъ им. падежа съ вин., какъ Otfr. 2, 4, 103: Ellu thisu redina || wir hiar nu scribun obana „Вся эта рѣчь (,что) мы здѣсь вотъ писали выше“.—Но прежде, чѣмъ заключимъ этотъ отдѣлъ, не безполезно указать на слѣдующіе два примѣра, которые какъ будто противорѣчатъ предъидущимъ соображеніямъ. а) Отфр. 1,1,93: Nist untar in thaz thulte, thaz kuning iro uualte „Не есть (=нѣтъ) между ними (,кто) это терпѣлъ бы, чтобы король надъ ними властвовалъ“. Мы не можемъ разложить слова nist untar in thaz thulte на два сужденія съ общимъ членомъ: его-то и не достаетъ. Но возьмемъ другой примѣръ съ отрицаніемъ (1,17,1): Nist man nihein in uuorolti || thaz saman al irsageti „Не есть человѣкъ ни одинъ на свѣтѣ (,кто) это вмѣстѣ все высказалъ бы“. Здѣсь мы находимъ опять два сужденія: nist man nihein in uuorolti и man nihein in uuorolti thaz saman al irsageti съ общимъ членомъ man nihein in uuorolti. Подобный общій членъ скрывается, очевидно, и въ предъидущемъ примѣрѣ: это и есть man nihein или, короче, niaman (никто), которое легко подразумѣвается при отрицаніи. б) Отфр. 1,6,13: Allo uuihi in uuorolti || thir gotes boto sageti, Sie quement, so gimeinit, ubar thin houbit „Всѣ блага на свѣтѣ (,которыя) тебѣ Божій вѣстникъ назы-

валъ бы (=ни наз.), они приходятъ... на твою голову“. Здѣсь также два сужденія съ общимъ членомъ, но они не разнимаются непосредственно, потому что нарушенъ естественный порядокъ: ubar thin houbit quement *allo uuihi in uuorolti* thir gotes boto sageti, гдѣ общій членъ представляется по отношенію къ первой части въ им. пад., а ко второй—въ вин.; но эту двойственность выдаетъ смыслъ, а не грамматическая форма, которая въ данномъ случаѣ одинакова для обоихъ пад. При возстановленіи естественнаго порядка у насъ оказывается лишнимъ мѣст. sie, представляющее allo uuihi. Причина всего этого безпорядка — риторическая; это важно въ томъ отношеніи, что показываетъ возможность перестановки по произволу, а такая возможность мыслима лишь въ томъ случаѣ, если данный оборотъ пересталъ быть случайнымъ или условнымъ и окончательно усвоенъ сознаніемъ говорящаго, какъ законный и не нуждающійся въ смягчающихъ обстоятельствахъ. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ вполнѣ приняться въ др.-в.-нѣм., гдѣ онъ оставался какимъ-то неосмысленнымъ обломкомъ старины; онъ сталъ вполнѣ понятнымъ лишь тогда, когда онъ былъ перетолкованъ въ смыслѣ относ. подчиненія, а это должно было случиться гораздо позже, въ эпоху полнаго развитія относ. конструкціи, т. е. въ языкахъ позднѣйшихъ.

4) Ludwigslied 1: Einan kuning uueiz ih, heizit her Hluduuig „Одного короля знаю я, зовется господиномъ Хлудвигомъ“. Такъ и въ ср.-в.-нѣм., напр. въ Физіологѣ: In demo mere ist einez, heizet serra „Въ морѣ есть нѣчто, называется serra“ и т. п. Пропущено ли въ этихъ примѣрахъ относ. мѣст.? Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, сравнимъ съ ними однородныя славянскія выраженія — Сахаровъ, пѣсни пляс. 4: „Я потѣшу ль молодца; Я за то его потѣшу, Что одинъ сынъ у отца, Уродился въ удальца, Зовутъ Ванюшкою Пиворушкою“. Метлинск. стр. 445,32: „Був соби козак Голота, Не боявся ни огня, ни воды, ни лыха, ни всякого болота“. Бѣлорусская пѣсня: „Ёсь (=есть) у мене маладзецъ, Дамо-

юхны (=до дому) давядзець“. Изъ этихъ примѣровъ развѣ въ послѣднемъ можно добавить относ. м-ніе, но точно такъ-же можно обойтись и безъ него; что-же касается остальныхъ, то чутье намъ подсказываетъ, что въ нихъ точно пропущено мѣст., но не относ., а личное, которое слѣдовательно подразумѣвается и въ бѣлорусскомъ примѣрѣ. Такія-же соединенія встрѣчаются и въ латинскомъ языкѣ, напр. Verg. Aen. I 12: Urbs antiqua fuit, Tyrii tenuere coloni, Karthago; III 13: Terra procul vastis colitur Mavortia campis, Thraces arant, acri quondam regnata Lycurgo; Ovid. Fast. IV 939: Est Canis, Icarium dicunt, quo sidere nato Tota sitit tellus; сложнѣе Prop. V, 4,73: Urbi festus erat, dixere Parilia patres, Hic primus coepit moenibus esse dies, Annua pastorum convivia, lusus in urbe etc. Такія опредѣлительныя предложенія разсматривались Римлянами, конечно, не какъ относительныя, а какъ независимыя, заключенныя въ скобки. Оборотъ этотъ считался у нихъ поэтическимъ и, очевидно, былъ заимствованъ ими у Грековъ; но каковъ-же его греческій первообразъ? см. Одисс. IV 354: Νῆσος ἔπειτά τις ἔστι πολυκλύστῳ ἐνὶ πόντῳ, Αἰγύπτου προπάροιθε, Φάρον δέ ἑ κικλήσκουσι, Τόσσον ἄνευθ', ὅσσον τε и т. д., гдѣ мы находимъ полное вводное предложеніе съ личнымъ м-ніемъ въ качествѣ дополненія. Этотъ способъ не слѣдуетъ смѣшивать съ предъидущимъ, т. е. подразумѣвать не личное мѣст., а прямо то слово, котораго оно служитъ представителемъ. Это невозможно потому, что опредѣляемое можетъ не совпадать съ опущеннымъ мѣст. не только въ падежѣ (что видно изъ др.-в.-нѣм. и изъ русскаго примѣра), но и въ степени опредѣленности, потому что предметъ рѣчи является во второмъ предложеніи уже извѣстнымъ. Такимъ образомъ въ соединеніи этого рода Wir sahen bî dem fiure ein tierli, was gehiure мы не можемъ смотрѣть на *ein* tierli, какъ на общій членъ, потому что во второмъ предложеніи пришлось бы его повторить въ видѣ *daz* tierli (тотъ звѣрокъ, котораго мы увидѣли у огня), тогда какъ м-ніе въ этомъ случаѣ безразлично. Но по че-

му же оно выпускается? Очевидно, вслѣдствіе особенно тѣсной связи двухъ предложеній, которую мы выразили бы, пожалуй, посредствомъ относ. м-нія, но что это связь не относительная, видно 1) изъ невозможности добавить относ. мѣст. во многихъ изъ принадлежащихъ сюда примѣровъ, 2) изъ того, что она употребительна и въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ относ. мѣст. никогда не выпускается. Кромѣ того относ. м-ніе не нужно для такихъ урѣзанныхъ предложеній по самой ихъ сущности: исконное ихъ назначеніе—не опредѣлять предметъ, а только указывать на одинъ изъ его признаковъ. Поэтому такого рода характеристика приложима къ *нѣкто*, *нѣчто*, къ предмету неопредѣленному (ein), который до времени такъ и можетъ остаться неопредѣленнымъ. Такое выраженіе, какъ Wolfdietr. 960,3: Mit hundert tûsend heiden, het er bracht in daz lant, кажется неловкимъ не потому, что м-ніе подразумѣвается не въ имен. пад.—вин. одинаково возможенъ въ этомъ построеніи — ,но потому, что второе предложеніе опредѣляетъ то слово, къ которому относится, т. е. имѣетъ въ виду отличіе предмета отъ другихъ ему подобныхъ, а не его характеристику, какъ такую. Въ томъ-же отношеніи нѣсколько грѣшитъ и бѣлорусскій примѣръ; оттого-то въ немъ и можно было бы добавить не только личное, но, пожалуй, и относ. мѣст. Но у Славянъ такіе случаи составляютъ, конечно, исключеніе, объяснимое небрежностью,—тѣмъ болѣе, что и самая конструкція никогда не сознавалась ими, какъ особенный, постоянный оборотъ, тогда какъ въ ср.-в.-нѣм. нарѣчіи она получила право гражданства, а потому и приложеніе ея должно было расшириться, т. е. во многихъ случаяхъ совпасть съ функціями относ. м-ній. Этимъ расширеніемъ объясняются такіе примѣры, какъ заглавія басенъ Бонера Von einer wisel wart gevangen, Von einem slangen was gebunden, совершенно невозможные напр. въ нашемъ языкѣ, или даже такіе, какъ Dietr. 1 Ausf. 2: Wol achzig ritter unverzeit, Im hulfen dick aus nöten, Gab im zu steur die künigin her „Восемьдесять отважныхъ рыцарей,

(которые) его выручали часто изъ бѣдъ, дала ему въ дань царица“ или Reinhart (Генриха der Glîchesaere) 1239 Gr.: Diz geschach in eime lantvride, Den hât geboten bî der wide Ein lewe, was Vrevel genant, Gewaltec über daz lant „Это случилось во время земскаго мира, который предписалъ подъ страхомъ висѣлицы одинъ левъ, (который) былъ Фрефелемъ называемъ, властвующій въ этой странѣ“. Въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ предложенія того рода, о которомъ идетъ рѣчь, вставлены между частями главныхъ, т. е, сравнены съ подчиненными, откуда недалеко признаніе ихъ относительными. Впрочемъ такое смѣлое вторженіе въ область относ. мѣстоименій, какое представляетъ предпослѣдній примѣръ, принадлежитъ и въ ср.-в.-нѣм. нарѣчіи къ числу исключеній.

И такъ въ др.-в.-нѣм. нарѣчіи всѣ тѣ случаи, которые прежде принято было объяснять пропускомъ относ. м-ній, допускаютъ иное толкованіе, что̀ при первобытности этого нарѣчія говоритъ, по нашему мнѣнію, прямо противъ теоріи эллипсиса. Само собою разумѣется, что въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ обращать вниманіе только на тѣ случаи, которые относятся къ отдѣламъ 1, 3 и 4, такъ какъ отдѣлъ 2 не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ занимающимъ насъ вопросомъ; впрочемъ и 1 связанъ съ нимъ часто внѣшнимъ образомъ. Изъ важныхъ для насъ отдѣловъ ср.-в.-нѣм. нарѣчіе усвоило себѣ 1 и особенно 4, который, какъ мы видѣли, достигъ въ немъ бо̀льшаго развитія, чѣмъ въ др.-в.-нѣм., вѣроятно, благодаря отчасти вліянію уже сложившейся относительной конструкціи, отчасти, быть можетъ, смѣшенію съ 3. Но и въ ср.-в.-нѣм. мы еще не имѣемъ права отождествить эти остатки старины съ относительною связью, потому что примѣры, которые могли бы дать намъ это право, очень не многочисленны сравнительно со случаями правильнаго примѣненія 4 способа съ одной стороны и употребленія относ. мѣстоименій съ другой. Извѣстно, что въ ново-в.-нѣм. нѣтъ ничего похожаго на пропускъ относ. мѣст. За то, какъ было сказано выше, въ англійскомъ и новоскандинавскихъ языкахъ

произошло положительное смѣшеніе старинныхъ способовъ сочиненія съ относ. подчиненіемъ. Правда, этихъ способовъ (за исключеніемъ, быть можетъ, четвертаго въ самомъ умѣренномъ примѣненіи) мы не встрѣчаемъ ни въ англо-саксонскихъ, ни въ древне скандинавскихъ памятникахъ; но едва-ли это можетъ служить доказательствомъ противъ существованія самыхъ оборотовъ въ названныхъ языкахъ, такъ какъ памятники ихъ относятся уже къ тому времени, когда они были литературно разработаны. Вѣдь не встрѣчаемъ же мы этихъ оборотовъ и въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, а между тѣмъ они отзываются въ ср.-в. нѣм. еще много времени спустя; это объясняется только ихъ существованіемъ въ народѣ, откуда они и проникали отъ времени до времени въ письменность, смотря по вкусу и образованію ея представителей. Если они, не смотря на это, не принялись въ ново-в.-нѣм. такъ, какъ въ сѣверо-германскихъ языкахъ, т. е. не слились съ относительной конструкціей, то на это были, конечно, особыя причины, которыхъ слѣдуетъ искать въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія языка. Таковы были, можетъ быть, склонность ново-в.-нѣм. къ періодическому построенію, которое требуетъ вполнѣ ясныхъ признаковъ относительной связи, и особенный порядокъ словъ въ подчиненныхъ предложеніяхъ, противоположный тому, который соблюдался при старинномъ способѣ, какъ основанномъ на сочиненіи. Какъ бы то ни было, мы должны предположить существованіе такихъ оборотовъ и въ англосаксонскомъ и въ древне-скандинавскомъ языкахъ, разумѣя, конечно, существованіе до литературное, не вполнѣ прекратившееся и по образованіи литературной рѣчи. Не знаю, встрѣчаются ли примѣры пропуска относ. м-ній въ такъ называемомъ middle-saxon, но изъ позднѣйшаго скандинавскаго Тоблеръ приводитъ ихъ нѣсколько (стр. 279 и 280). По всей вѣроятности, это слѣды, такъ сказать, подпольной жизни этихъ оборотовъ; но если бы и не было этихъ слѣдовъ, она достаточно доказывается тѣмъ, что пропускъ относ. м-ній въ англійскомъ и ново-сканд. языкахъ

развился въ особенное грамматическое правило: это было бы невозможно, если бы почва не была подготовлена къ тому изстари какими-нибудь иными, но до нѣкоторой степени сходными явленіями. Въ самомъ дѣлѣ значительная часть случаевъ, связанныхъ съ этимъ правиломъ, сводится на выше указанные старинные обороты. Для краткости ограничимся англійскимъ языкомъ. 1) Настоящаго притяженія по-англ. быть не можетъ за отсутствіемъ склоненій; но сюда можно отнести тѣ случаи, когда вмѣсто указ. м-нія и относ. того-же корня ставится одно изъ нихъ, но которое именно, трудно рѣшить вслѣдствіе ихъ тождества. Такой примѣръ есть уже въ ср.-в.-нѣм.: Daz ich singe owê von der (=von der, der) ich iemer dienen sol. По англ. Percy I p. 132 v. 55: And pleased him with that she had (=гомер. *χαριζομένη παρεόντων*). Съ нарѣчіемъ: til ye be there you lest=гдѣ вамъ угодно быть (Chaucer). Сюда могутъ относиться такіе союзы, какъ англ. after that послѣ того какъ, голл. omdat потому что, нѣм. nachdem послѣ того какъ,—послѣднее съ настоящимъ притяженіемъ: nach dem daz (дат. и имен. пад.). [21]) 2) Благодаря

[21]) Совершенно такія-же соединенія употребительны въ ново-греч. языкѣ, напр. въ поученіи Алексія Комнина (у Вагнера Carm. Graeca) 43: *στίχους ἐκ τοὺς ἠγάπας* „стихи изъ (такихъ,) какіе ты любилъ"; но сравненіе съ такими примѣрами, какъ слѣдующій стихъ Карачучи: Ἀλλ' *ἀνάθεμα εἰς ὅσους τοῦ δεσμεύουσι τὰς χεῖρας*, ясно показываетъ, что по-греч. пропускается указ. м-ніе. За пропускъ того-же м-нія говоритъ аналогія древне-греческаго и латинскаго языка съ романскими нарѣчіями (ἐξ οὗ, ex quo, dès que и т. п.). Весьма вѣроятно, что подобные примѣры въ германскихъ нарѣчіяхъ объясняются также пропускомъ указ. м-нія, но такъ ли слѣдуетъ смотрѣть на такіе союзы, какъ перечисленные въ текстѣ, въ томъ можно сомнѣваться, такъ какъ есть указанія на то, что при нихъ пропущено относ. м-ніе, какъ въ нашемъ простонародномъ *потому* вм. *потому что*. Ср. Rieger, Altsächsische u. Angelsächs. Verskunst въ Zeitschrift f. deutsche Philol. VII стр. 35, гдѣ этотъ пропускъ объясняется тѣмъ, что то слово главнаго предложенія, которое указываетъ на придаточное и находится непосредственно передъ нимъ, „лежитъ не по сю, а по ту сторону синтактической паузы, отдѣляющей главное предложеніе отъ придаточнаго, и относится къ ритмической массѣ (betonungsmasse) не перваго, а послѣдняго". Это тонкое наблюденіе оправдывается не только на германскихъ нарѣчіяхъ, но и на многихъ другихъ языкахъ.

отсутствію склоненія, сюда можно причислить случаи съ опредѣленнымъ членомъ, какъ the man I saw=quem hominem vidi вм. homo, q. v.; но точно ли ихъ слѣдуетъ объяснять такъ, а не иначе,—это, конечно, остается подъ сомнѣніемъ. 3) и 4) (повидимому смѣшаны). Выше приведенный примѣръ: He bar a bende bow in his hande, Was made of trusti tre можно поставить на ряду съ такими, какъ In demo mere ist einez (стр. 47), но иные поразительно напоминаютъ 3-й отдѣлъ, напр. слѣдующій изъ одной баллады о Робинъ-Гудѣ (Richard of the Lee): There is no man in this countrie May hold this good knight's lands; cp. nist man nihein in uuorolti (стр. 46). Но всѣ эти случаи были впослѣдствіи истолкованы народнымъ сознаніемъ въ смыслѣ пропуска относ. м-нія, что̀ должно было съ одной стороны расширить ихъ приложеніе, съ другой—нѣсколько ограничить его, такъ какъ всякая вольность при переходѣ или, пожалуй, даже расширеніи въ правило неизбѣжно опредѣляется, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ограничивается. Такимъ образомъ эти старинные обороты, заимствовавъ новый смыслъ у относ. м-ній, отплатили имъ тѣмъ, что содѣйствовали ихъ опущенію.

Другое обстоятельство, благопріятствовавшее тому-же процессу, заключается въ частой замѣнѣ относ. м-ній частицами. Значеніе ихъ, какъ было уже сказано, въ высшей степени неопредѣленно и, слѣдовательно, слабо: это не *который*, не *кто*, не *гдѣ*, не *когда*, не *какъ* и даже не *что*, а какой-то неуловимый значекъ относительности, какъ отвлеченнаго понятія, не связаннаго ни съ какой категоріей исключительно или даже преимущественно. Между прочимъ онѣ употребляются и въ смыслѣ союзовъ (что, чтобы), которые, какъ извѣстно, легко опускаются. У Скандинавовъ относ. частицы er и sem были употребительнѣе, чѣмъ настоящее мѣст. (указ. или вопрос.). До какой степени эти частицы износились, видно изъ того, что по-исландски ихъ можно, пожалуй, поставить и въ концѣ предложенія, т. е. тамъ, гдѣ онѣ ужь ненужны, какъ въ стихѣ Сигурда Не-

турсона: Sâ, hlô î dag er, â morgun graetr „Тотъ, смѣялся сегодня чтò (или: который), завтра плачетъ“ [22]). Въ англійскомъ языкѣ можно прослѣдить по различнымъ родамъ слога, что, чѣмъ кто чаще замѣняетъ относ. м-нія частицей that или as [23]), тѣмъ чаще онъ оставляетъ относ. связь не выраженной, и наоборотъ эта неточность встрѣчается рѣже у того, кто предпочитаетъ относ. м-нія частицамъ. Другимъ доказательствомъ участія послѣднихъ въ опущеніи знака относ. связи служитъ мѣсто, которое занимаютъ при этомъ предлоги. Мы видѣли уже, что предлогъ, относящійся къ невыраженному относ. мѣст., ставится (какъ по-англ., такъ и въ ново-сканд. языкахъ) послѣ глагола—непосредственно или посредственно, смотря по обстоятельствамъ: the person I am looking at, the book you have spoken of и т. п. Такое положеніе предлога допускается при which и who только въ видѣ исключенія,—вѣроятно, при извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ, впрочемъ, въ обыкновенныхъ учебникахъ нѣтъ и рѣчи; но при that оно обязательно: the person that I am looking at, а не at that I am l. Такъ-же и въ англос.

---

[22]) Само собою разумѣется, что частица должна стоять во главѣ подчиненнаго предложенія (если только мѣст., показывающее надежъ, не находится передъ нею, какъ въ готскомъ), такъ какъ при ея неопредѣленности все то, что ей предшествуетъ, легко можно принять за часть другаго предложенія. Исключенія возможны лишь при особенныхъ условіяхъ, напр. Pass. 251, 21: Ἕνας Λατῖνος τὸ σχυλὶ, τὸ χέρ' ποῦ νὰ τοῦ πέσῃ „Одинъ Латинянинъ собака, рука что чтобы его отвалилась“ (=у котораго чтобъ рука отвалилась!), гдѣ относ. предложеніе отдѣлено отъ предшествующихъ словъ цезурой. То-же смягчающее обстоятельство, подкрѣпленное риѳмой, въ балладѣ Lord Soulis (Walter Scott, Minstrelsy of the Scottish border): Save a pyat, on a turret that sat. Pass. 265,3 относ. предложеніе въ другомъ стихѣ.

[23]) As въ смыслѣ относ. частицы встрѣчается нерѣдко въ старинныхъ памятникахъ, напр. у Чосера: There, as my heart is set, there will I wive. He came a night alone there, as she lay. I will no thing ne n' ill (=nor never will) no thing certain, But as you hist. Если as встрѣчается съ такимъ значеніемъ въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ, то во всякомъ случаѣ къ нему присоединяется теперь оттѣнокъ качественности, напр.: such a discovery as will enrich the town=eiusmodi inventum, quod urbem ditaturum sit.

при част. the: thät hveól the Ixion väs tô gebunden „то колесо, что Иксіонъ былъ къ привязанъ“; но tô tham I. v. g. „къ которому И. б. п.“. Тоже самое и въ др.-сканд., по крайней мѣрѣ въ позднѣйшую пору, напр. Dieterich Altnord. Lesebuch стр. 105,2: thâ viliom ver nû trûa â thann Gudh, sem thû trûir â „Въ такомъ случаѣ мы увѣруемъ въ Бога, что ты вѣруешь въ“ (=въ котораго ты в.). Тамъ-же стр. 117,2: Fridhthiofr... maelti til Biarnar, er hann tefldhi vidh „Фридтіофъ сказалъ Бьярну, что онъ игралъ въ кости съ“ (=съ которымъ онъ и т. д.). Есть еще одна точка соприкосновенія между пропускомъ относ. м-нія и употребленіемъ частицъ: въ такихъ случаяхъ, какъ in the direction they came, in the manner you did, in the best wise he can, если не принимать въ нихъ Verschränkung (отдѣлъ 2), что едва-ли возможно безъ натяжки, приходится признать пропускъ м-нія вмѣстѣ съ предлогомъ; но извѣстно, что частица сама по себѣ въ силу неопредѣленности своего значенія можетъ отвѣчать за м-ніе и за предлогъ вмѣстѣ, какъ у Расина: Me voyoit-il de l'oeil qu'il (=duquel il) me voit aujourd'hui? См. Diez III стр. 379. Въ этомъ случаѣ частица подходитъ близко къ союзу; см. тамъ-же стр. 378. Вспомнимъ, что и въ ср.-в.-нѣм. употреблялась частица sô, какъ впослѣдствіи она-же и кое-гдѣ wo; но литературный ново-в.-нѣм. языкъ знаетъ только опредѣленныя м-нія и нарѣчія.

Случаи пропуска относ. спайки попадаются и въ другихъ языкахъ, хотя въ послѣднихъ они рѣдки и какъ бы случайны, что объясняется отсутствіемъ аналогій, хотя бы и ложныхъ, на предшествующихъ ступеняхъ ихъ развитія. Такіе примѣры есть уже въ еврейскомъ, какъ va-jjippôl bĕ-s̓aχa jipl̓al „и падаетъ въ яму дѣлаетъ“ (=которую роетъ), но это случай рѣдкій. Чуть-ли не чаще это явленіе встрѣчается въ новогреч. Такъ въ извѣстной комедіи Византія Βαβυλωνία, именно тамъ, гдѣ говоритъ малоазійскій Грекъ, напр. III 4: Ποιὸς εἶναι πρὲ, φωνάζει γιὸ γιό; „кто есть, эй, кричитъ йо йо?“ (=quis est, qui clamat io?), какъ тамъ-же 6: Ποιὸς εἶναι,

σκοτεινὰ φωνάζει ἀλοὶ ἀλοί; Впрочемъ кромѣ ποῦ въ этихъ примѣрахъ можетъ быть подразумѣваемо καί (см. стр. 18) или, какъ въ отдѣлѣ 4, личное мѣст. Послѣднее толкованіе примѣняется къ Pass. 45 a, 24: 'Εδῷν' 'Ανδροῦτσος ξακουστὸς, 'Ανδροῦτσος ξακουσμένος, Ποτὲ Τούρκους δὲν σκιάζεται οὔτε καὶ 'Αρβανίταις „Здѣсь Андруцо славный, Андруцо прославленный, никогда Турокъ не боится, ни-же Арнаутовъ", если только не слѣдустъ вмѣстѣ съ Пассовомъ раздѣлить эти два предложенія точкой; сравни впрочемъ 514,20: Κ' ἐγῷμ' ὁ Γιάννης ξακουστὸς, Γιάννης ὁ ξακουσμένος, Ποῦ τὰ σκοτώνω τὰ στοιχειὰ 'ς τὴ μέσ' ἀπὸ τὸν κάμπο „И я Иванъ славный, Иванъ прославленный, что ихъ убиваю, духовъ, среди поля" (въ открытомъ полѣ?). Но едва-ли можно съ нимъ согласиться, когда онъ ставитъ точку въ 81,23—мѣстѣ аналогическомъ, но съ другимъ пад.: 'Εγῷμ' ὁ Τσάρας ξακουστὸς, ὁ Τσάρας ξακουσμένος, Τρέμουν ἡ χώραις καὶ χωριὰ, τρέμει τὸ Σαλονίκι „Я Цара славный, Цара прославленный, трепещутъ города и деревни, трепещетъ Солунь": здѣсь, повидимому, подразумѣвается личное мѣст., если не прямо относ.; сравни 94,10: 'Εγῷμ' ὁ ἀνδρειομένος, τ' 'Ανδριανόπουλο, Ποῦ τρέμει ὁ κόσμος ὅλος κι ὅλα τὰ χωριά. Личное м-ніе возможно подразумѣвать въ трапезунтской пѣснѣ 482,3: 'Επῆραν καὶ τὴν μάναν μου, στ' (σ' ?) ἐμὲν ἔμπαιδος ἔτον „Взяли и мою мать, мной беременна была"; но такое объясненіе было бы уже очевидною натяжкой относительно 547,2: Μαῦρο 'ν' καὶ τὸ γαρούφαλο, πουλιέται μὲ τὸ δράμι „Черна и гвоздика, продается по драхмѣ", гдѣ, судя по пословицѣ: Τὸ γ. εἶναι μ., μὸν (но) π. μὲ τὸ δ., пропущенъ союзъ; кромѣ того 647,7: Τέσσερα κάντουν' (?) 'χει ὁ σταυρὸς, κρέμεται 'ς τὸ λαιμό σου „Четыре угла имѣетъ крестъ, виситъ на твоей шеѣ", и Wagner XVII 575: Δεικνύει καὶ τὸ ψυχικὸν τῆς ἔδωκεν ὁ ἄρχος „Показываетъ и милостыню, ей далъ бояринъ"—примѣры, живо напоминающіе ist iaman hiar in lante и т. п. Pass. 433,9 недостаетъ, кажется, нарѣчія. Иногда обѣ конструкціи—и сокращенная и полная—встрѣчаются рядомъ, напр. 176,12: Εἶδα τὸν ἥλιο ὀπῶλαμψε καὶ τὸ

φεγγάρ' ἀστράφτει, Εἶδα καὶ τ'ἄσπρο σου βυζὶ ποῦν' ἄσπρο σὰν τὸ χιόνι „Я видѣлъ солнце, что блеснуло, и мѣсяцъ сверкаетъ, я видѣлъ и бѣлую твою грудь, что бѣла какъ снѣгъ", гдѣ τὸ φεγγάρι едва-ли можно принять за им. падежъ. 595,4, гдѣ говорится о заснувшемъ молодцѣ (παλληκάρι): Κανεὶς δὲν ἀποκότησε νὰ πᾷ νὰ τὸ ξυπνήση, Μόνον κόρη τὸν ἀγαπᾷ κι ὁποῦ καλὸν τὸν θέλει „Никто не осмѣлился пойти его разбудить,— только дѣвушка его любитъ и что желаетъ его себѣ въ мужья (?)" [24]).

Нѣсколько примѣровъ того-же явленія въ романскихъ нарѣчіяхъ приводитъ Дицъ III стр. 368 и Тоблеръ стр. 282, и при томъ не только такихъ, какъ Маккіавеллевское di qui nasce quello ho detto „изъ того возникаетъ то (,что) я сказалъ", гдѣ можно было бы, хоть и не безъ натяжки, думать о пропускѣ личнаго мѣст. по аналогіи случаевъ 4-го отдѣла; но есть и такіе, гдѣ ясно не достаетъ относ. м-нія, какъ французскій: Mal ait, por ceu vos arait en vilté „Худо да будетъ (тому, кто) за это сталъ бы презирать васъ!"

Нечего и говорить, что всѣ случаи пропуска относ. м-ній, особенно въ тѣхъ языкахъ, которыхъ прошедшее не представляло для этого прецедентовъ, объясняются отчасти небрежностью, производящею, какъ извѣстно, самыя произвольныя сокращенія. Стоитъ только вспомнить, во что превратились наконецъ нѣкоторыя общеупотребительныя формулы именно потому, что, расчитывая на ихъ извѣстность, мы не находимъ нужнымъ произносить ихъ отчетливо, напр. нѣмецкое привѣтствіе: Ich wünsche dir (euch, Ihnen) einen guten Morgen,

---

[24]) Не ручаясь за вѣрность такого перевода, я считаю нужнымъ указать на примѣръ, какъ мнѣ кажется, аналогичный словамъ καλὸν τὸν θέλει, именно Pass. 176,17: Ἐγὼ δὲν θέλω ψυχογιός вм. νὰ εἶμαι ψυχογιός σου (быть твоимъ пріемышемъ). Что касается всего стиха, то грамматически полная его форма читается у Кинда Neugriech. Anthologie (Leipzig 1847) стр. 46: Ἡ κόρη ποῦ τὸν ἀγαπᾷ, ἡ κόρη ποῦ τὸν θέλει. Сюда-же относится третье мѣсто изъ Βαβυλωνία III 4: Ἔτζι γράφουνε ἀναφορά, ὄχι τροπάρι ἔγραψες ἐσύ, если только оно значитъ: такъ пишутъ просьбу, а не тропарь (,что или: какой) написалъ ты. Здѣсь все зависитъ отъ знаковъ препинанія.

которое въ устахъ берлинскаго простолюдина звучитъ: Morgen или даже Mo'jn, или ит. che cosa?, сократившееся въ cosa? — случай, особенно поучительный при занимающемъ насъ вопросѣ, такъ какъ и здѣсь опущено характеристическое мѣст. Само собою разумѣется, что поступать такимъ образомъ съ конструкціей можно лишь тогда, когда она сдѣлается до такой степени общеизвѣстною и привычною, что въ отсутствіи грамматической связи всякій почуетъ именно ту связь, которую разумѣетъ говорящій; потому-то, какъ мы замѣтили, пропускъ относ. м-ній совершенно не мыслимъ въ языкѣ еще не сложившемся. Но, помимо склонности выражаться кое-какъ, свойственной роду человѣческому вообще, въ языкахъ еврейскомъ и ново-греческомъ и романскихъ нарѣчіяхъ есть особенныя причины небрежности въ этомъ отношеніи: и въ нихъ, какъ мы видѣли, сильно развито употребленіе относ. частицъ—πού, 'ašer, que или che; о пропускѣ послѣднихъ въ смыслѣ союзовъ см. Diez III 340 слѣд., 344,351,378,400 и особенно 381—переходъ къ мѣст. [25]). Кромѣ того относ. связь, по свидѣтельству спеціалистовъ, остается иногда не выраженной въ нарѣчіяхъ кельтскихъ и въ языкѣ литовскомъ, въ которыхъ я тѣмъ болѣе затрудняюсь обсуждать это явленіе, что у меня нѣтъ подъ рукой достаточнаго матеріала. Но и они едва-ли составляютъ въ этомъ случаѣ исключеніе: въ кельтскихъ нарѣчіяхъ знаменателемъ относ. связи служитъ частица (*a*), а не мѣстоименія; въ литовскомъ же, сколько мнѣ извѣстно, относ. связь обыкновенно выражается, и при томъ настоящими относ. мѣст. (или нарѣчія-

---

[25]) Какъ изъ пропуска союза (ср. стр. 41) можетъ возникнуть ложная аналогія для пропуска относ. м-нія, наглядно выясняется такими примѣрами, какъ Jeannaraki, Kreta's Volkslieder (Leipz. 1876) 255,3 (парень жалуется на свою мать): *Ἔπηρέ μου μιὰ γυναῖκα, Τρώει πίνει ὡσὰ δέκα* „Взяла мнѣ жену — Ѣстъ, пьетъ за десятерыхъ“, гдѣ какъ будто пропущено *которая*, а на самомъ дѣлѣ логическая связь слѣдующая: такую жену, *что* она и т. д. Какъ эмфатическое произношеніе слова „жену“ въ смыслѣ „такую жену“, такъ и пропускъ союза зависятъ отъ патетическаго тона, которому можно приписать и безсоюзное „ѣстъ—пьетъ“.

ми), такъ что пропускъ знака относ. связи долженъ быть въ этомъ языкѣ довольно рѣдкимъ явленіемъ, зависящимъ исключительно отъ небрежности. И такъ, если только предшествующія соображенія вѣрны, такъ называемый пропускъ относ. м-ній въ англійскомъ и ново-скандинавскихъ языкахъ сводится къ ложной аналогіи извѣстныхъ старинныхъ оборотовъ, основанныхъ на сочиненіи, и отчасти къ тѣмъ недоразумѣніямъ, къ которымъ могло подать поводъ тождество относительныхъ и указательныхъ м-ній и нарѣчій. Въ такомъ случаѣ этотъ оригинальный способъ подчиненія не стоитъ особнякомъ, а примыкаетъ къ двумъ способамъ, находимымъ и въ другихъ языкахъ—сочиненію и употребленію указательныхъ м-ній въ смыслѣ относительныхъ.

Таковы мои выводы по вопросу о замѣчательнѣйшей особенности относительной связи въ германскихъ нарѣчіяхъ, возникшіе отчасти изъ сравненія результатовъ, добытыхъ прежними изслѣдователями, отчасти изъ моихъ собственныхъ наблюденій, какъ они ни скудны и ни отрывочны. Едва-ли нужно прибавлять, что я далекъ отъ мысли считать эти выводы окончательными: шаткость нѣкоторыхъ изъ нихъ до такой степени очевидна, что, если авторъ и можетъ придавать какое-нибудь значеніе этой попыткѣ, то развѣ временное, которое она должна утратить въ его собственныхъ глазахъ, какъ только появится болѣе удовлетворительное разрѣшеніе этой грамматической загадки.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Для уясненія нѣкоторыхъ положеній, выраженныхъ выше, я нахожу нужнымъ прибавить нѣсколько замѣчаній, которыя не вошли въ текстъ отчасти потому, что для нихъ не нашлось удобнаго мѣста, отчасти по чисто внѣшнимъ причинамъ.

На стр. 23, 24 и др. было замѣчено, что въ связи съ относ. м-ніями состоятъ тѣ союзы, которые служатъ признакомъ при-

даточнаго предложенія: *что* (ὅτι, ὥστε), *чтобы*, *какъ* (ὡς, ὅπως, ὅτε, ἐπεί), *если* (когда), *хотя* и др., а также сравнительное *чѣмъ*. Многіе изъ этихъ союзовъ не что иное, какъ разные падежи относ. м-нія (что, чѣмъ, еже-ли, dass=das, quod, ὅτι или ὅ, какъ Ил. I 120: Λεύσσετε γὰρ τό γε πάντες, ὅ μοι γέρας ἔρχεται ἄλλῃ и т. п.) или относ. нарѣчія (когда, какъ, wenn, da, cum, ut, ὡς и др.), а потому къ нимъ прилагается все то, что было сказано объ относ. м-ніяхъ. Но какъ вмѣсто относительной конструкціи мы находимъ иногда простое сочиненіе при посредствѣ соединительныхъ или противоположительныхъ союзовъ (и, а), такъ ими-же замѣняются иногда и выше упомянутые союзы, которые мы можемъ назвать относительными. Объ этомъ явленіи въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ см. статьи Тоблера въ Germania Jahrg. XIII 91—104 и XVII 257 слѣд., гдѣ есть примѣры относ. предложеній съ inti или enti (=und), не только слѣдующихъ за главными, но и предшествующихъ имъ (условныя или уступительныя). Древне-сканд. ok также замѣняетъ относ. союзъ въ извѣстныхъ выраженіяхъ, напр. jafn ok âdhr, что по-латыни передается слово въ слово: aeque ac prius, такъ какъ atque или ac близко подходитъ къ quam въ соединеніи съ aequus, idem, simul, alius и др. и даже со сравнительной степенью, напр. у Горація Epod. 12,14; 15,5; Sat. I, 1,47; 5,5; 6,130. Точно такъ-же употребляется и древне-греч. καί послѣ ὁ αὐτός, ἴσος, παραπλήσιος, ὅμοιος съ ихъ нарѣчіями и послѣ οὐ φθάνω, ἅμα и т. п. (см. Krüger II, 69, 32, 5 и 6). Но такое употребленіе καί особенно развилось въ ново-греческомъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Вотъ главныя значенія этого союза, какъ относительнаго, поясненныя примѣрами изъ современнаго языка съ указаніями на средне-греческіе памятники.

1) что=ut consecut. (ὥστε, ὥστε νά или просто νά), напр. Pass. d. 846,2: Τόσο ψηλὸ 'ναι τὸ δενδρὸ καὶ δὲν μπορῶ νὰ σώσω „Такъ высоко дерево, что я не могу достать“, гдѣ καί совпадаетъ съ ποῦ, напр. d. 413,4: Καὶ τόσον μ' ἐφαρμάκωσες ποῦ δὲν μεταστολιοῦμαι „И такъ ты меня отравилъ, что я болѣе не одѣ-

нусь“ (говоритъ поле). Во второй части слитнаго вопрос. предложенія καί представляетъ иногда нѣчто среднее между ὥστε и ὅτι, близкое къ древнему ὥστε съ изъяв. накл., т. е. оно вводитъ то предложеніе, содержаніе котораго вызвало предшествующій вопросъ. 237,5 (272,17): Ἄχ ποῦσαι καὶ δὲ φαίνεσαι—; „Ахъ, гдѣ ты, что не показываешься?“ 498,6: τί 'χω καὶ μοῦ ζουλεύεις; „что у меня (такое), что ты мнѣ завидуешь?“. D. 504: Κυπαρισσάκι μου ψηλό, ποιά βρύσις σὲ ποτίζει Καὶ στέκεις πάντα δροσερὸ κι ἀνθεῖς καὶ λουλουδίζεις; „Кипарисикъ мой высокій, какой ключъ тебя поитъ, что ты стоишь всегда свѣжъ и въ цвѣту?“. D. 582,1: Μηγάρης ἐγεννήθηκα 'ς τὰ φίδια καὶ φοβᾶσαι; „Развѣ я родился межъ змѣй, что ты боишься?“. D. 993,1: Τί σᾶς ἔκαμ' ὁ καϊμένος καὶ μὲ λέγετε φονιά; „Что я вамъ сдѣлалъ горемыка, что вы меня зовете убійцей?“, гдѣ послѣдствіе представляется какъ фактъ (такъ и Wagner XVII 684); иначе 508,5: Δράκο μου, καὶ τί σῶκαμα γιὰ νὰ μὲ φᾶς τὸ δόλιο; „Змѣй мой, а что я тебѣ сдѣлалъ для того, чтобы ты меня съѣлъ несчастнаго?“. Часто въ выраженіи τί ἔχεις καὶ—; „что съ тобою, что—?“ и т. д., напр. 473,1: τί ἔχει ἡ κλίνη σου καὶ τρίζει σὰν καλάμι; „что съ твоей кроватью, что она скрипитъ, какъ тростникъ?“; ср. 472,14, гдѣ вторая половина стиха является въ слѣдующемъ видѣ: τί (=ὅτι) ὅλον τριζοκοπιέται. И въ этомъ случаѣ καί совпадаетъ съ ποῦ; ср. 632,1: Τί ἔχει ἡ ποδοῦλα σου κ'εἶναι ματωμένη; „Что съ твоимъ передникомъ, что онъ окровавленъ?“ и 631,15: Τί ἔχ' τὸ φουστανάκι (юбочка) σου ποῦν' ματωμένο. Нерѣдко вмѣсто переходнаго глагола употребляется, какъ болѣе сильный образъ выраженія, гл. κάμνω (дѣлаю=efficio) съ καί и страдательнымъ или соотвѣтствующимъ ему по смыслу непереходнымъ глаголомъ, котораго подлежащее остается въ главномъ предложеніи въ видѣ дополненія къ κάμνω, напр. 239,5: ἔκαμαν ὅλην τὴν Τουρκιὰν κ' ἐκλείσθη μὲς 'ς τὰ κάστρα „Они заперли всѣхъ Турокъ въ крѣпостяхъ“ ближе: довели Турокъ до того, что они и т. д.=ὥστε ἐκλείσθη; но d. 938,1: Τὰ μάτια σου τὰ μώρινα κάμνουν με νὰ μωρήσω „Твои черные (?) глаза дово-

дятъ меня до безумія“=ὥστε τὴν γνώμην μου παρακινηθῆναι. Такое-же описаніе съ εἶμαι, напр. пѣсня у Іоаннида Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος (Ἐν Κ—πόλει 1870) стр. 284: Ἂν ἔν καὶ ἔρθες ἰὰ χαράν, какъ по-фр. Si c' est grâce à un heureux accident que tu es venu; часто и безъ усиленія одного слова, напр. Wagner V, 117: Ἂν ἔν καὶ θέλεις „если ты хочешь“. Ἂν ἔν ὅτι (ἐβγάλῃς τον) „если удастся“ (тебѣ его выманить) ib. XVII 664 (стр. 270). Сюда относится употребленіе καί послѣ глаголовъ случайности, напр. Legrand, Recueil de chansons populaires grecques (Paris 1873) 103,3: Ἂν τύχῃ καὶ μ' ἀπαρνηθῇς „Если случится, что ты отъ меня откажешься“ и 131,8: μὴ λάχῃ καὶ σὲ κόψω „чтобы мнѣ не довелось тебя зарубить“; ср. Wagner X I 613; 223;687. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ καὶ съ изъявительнымъ наклоненіемъ очень близко подходитъ къ обыкновенной замѣнѣ неопредѣленнаго наклоненія въ ново-греч.—νὰ съ сослаг., а въ иныхъ—почти съ нимъ совпадаетъ, какъ Pass. 459 (послѣдній стихъ варіанта): τί ξέρεις καὶ δουλεύεις; (=νὰ δουλεύῃς) „что ты умѣешь дѣлать?“ или „какую знаешь работу?“, гдѣ καὶ возможно потому, что работница, которой предлагается этотъ вопросъ, не только ξέρει νὰ δουλεύῃ, но, нанявшись, и δουλεύει ποῦ ξέρει. Такъ d. 989,1: ἀρχίνησες καὶ κάνεις, т. е. „начала дѣлать и въ самомъ дѣлѣ дѣлаешь“; но едва-ли можно сказать напр. въ сослагательномъ наклоненіи ἤθελα ἀρχινήσει καὶ κάμνω вм. νὰ κ. [a]).—Замѣтимъ здѣсь еще одинъ видъ сочиненія съ καί — въ относительныхъ и вопросительныхъ слитныхъ предложеніяхъ, въ которыхъ, по нашимъ понятi-

---

a) Зачатки такого употребленія соединительнаго союза можно найти и въ другихъ языкахъ, между прочимъ и въ русскомъ: мы иногда охотно замѣняемъ относ. союзъ или неопредѣленное наклоненіе западныхъ языковъ союзомъ *и* съ тѣмъ-же ограниченіемъ, какъ въ ново-гр. Такимъ образомъ мы переводимъ нѣм. ich benutzte diese Gelegenheit um mich zu entfernen или фр. je profitai de cette occasion pour me retirer — „я воспользовался этимъ случаемъ и ушелъ“. Нижне-нѣм. (plattdeutsch): He kunn nich begripen, wa se so dumm weer un ehr Glück mit Föten vun sick stöten wull (Sager, Schön Anna).

ямъ, первая половина должна быть подчинена второй. Эта вольность встрѣчается всего чаще въ относ. слитныхъ предлож., какъ 437,30: Ὁποῦ γελᾷ καὶ πέφτουνε τὰ ῥόδα ʼς τὴν ποδιάν της сл. въ сл. „Которая смѣется и падаютъ розы ей въ передникъ", т. е. которой, когда она смѣется, розы падаютъ въ передникъ. D. 247 а: Ἐγῶμ' ἐκεῖνο τὸ πουλὶ, ὁποῦ τὸ λὲν σαΐνη, Ποῦ χάνει τὸ ταιράκι του καὶ πλιὸ νερὸ δὲν πίνει „Я та птица, что зовутъ соколомъ, которая теряетъ своего сожителя и больше не пьетъ воды", т. е. когда потеряетъ—, больше—. D. 283: Ἐλεημοσύνη σου ζητῶ, ὡσὰν τὸ διακονάρη, Ὁποῦ τοῦ δίνουν τὸ ψωμὶ καὶ σ' ἄλλη πόρτα πάγει „Милостыни у тебя прошу, какъ нищій, которому даютъ хлѣбъ и къ другой двери идетъ", т. е. который, когда ему подадутъ—,идетъ—. Сюда-же, вѣроятно, относятся 449,8: Ποιὸς ἦτο ποῦ ναστέναξε καὶ ῥάγισ' ἡ φρεγάδα; „Кто былъ (тотъ), что вздохнулъ и треснулъ фрегатъ?" и 525 посл.: Ὁποῦ κηλαύγει ταῖς αὐγαῖς καὶ τὰ πουλιὰ ξυπνοῦσι „Которая поетъ по зарямъ и птицы просыпаются": и здѣсь и тамъ центръ тяжести, помимо м-нія, лежитъ въ томъ, что слѣдуетъ за καί: отъ чьего вздоха треснулъ фрегатъ? которая, распѣвая по зарямъ, будитъ птицъ. Въ противномъ случаѣ καί значило бы то-же, что ὥστε съ изъявительнымъ наклоненіемъ.

2) Послѣ глаголовъ βλέπω, θωρῶ (вм. θεωρῶ), ἀκούω, εὑρίσκω (или βρίσκω) и т. п., гдѣ трудно рѣшить, служитъ-ли καί замѣной относ. союза или относ. м-нія. Какъ бы то ни было, въ этомъ случаѣ καί вполнѣ совпадаетъ съ ποῦ, напр. 418,28: Βρίσκει ψαλτάδες κ' ἔψαλλαν „Онъ застаетъ пѣвчихъ, которые пѣли" или „за пѣніемъ" и тамъ-же 31: Βρίσκει σκαφτάδες ποῦσκαφταν „—могильщиковъ, которые рыли„ или „за рытьемъ"; 167,3: Ἀκουῶ (см. примѣч. 5 въ концѣ) τὰ δένδρα καὶ βροντοῦν καὶ ταῖς ὀξυαῖς καὶ τρίζουν „Я слышу, какъ деревья шумятъ и буки скрипятъ", а 119,3: Ἀκουῶ τὰ πεύκια (сосны ?) ποῦ — καὶ ταῖς ὀξυαῖς ποῦ — [6]). Что касается аналогій другихъ

---

6) Въ повѣсти объ Аполлоніи ст. 140 (Wagner стр. 253): Ἐκεῖ 'βρεν ἄνθρωπον πτωχόν, πένητα κ' ἦν ψαράρης союзъ καί замѣняетъ, очевидно, относитель-

языковъ, то я не знаю ни въ одномъ такого оборота, который вполнѣ соотвѣтствовалъ бы этому употребленію καί или ποῦ: оно передается различно, смотря по глаголу главнаго предложенія, напр. по-французски то посредствомъ относ. qui, то посредствомъ неопредѣленнаго наклоненія; послѣднее или причастіе соотвѣтствуетъ ему по-латыни, по древне-гречески преимущественно причастіе, т. е. конструкція, близкая къ относительной; ср. Fabulae Romanenses ed. Eberhard vol. I p.131,2: ὅσους ὁρῶσι μὴ μετὰ ἀγαθῆς καὶ καθαρᾶς γνώμης προσερχομένους τῇ διδασκαλίᾳ αὐτῶν и ново-греческій переводъ этого мѣста тамъ-же стр. 224: ὅσους βλέπει (βλέπουν?) ὁποῦ δὲν ἔρχουνται εἰς τὴν δ. τους μὲ καθαρὴν καρδίαν καὶ γνώμην. То-же можно сказать о соединеніи указательнаго νά съ этими союзами, напр. Pass. 428,3: Καὶ νά σου τὸν κ' ἐπρόβαλε „И вотъ онъ выѣхалъ“ (le voilà qui est sorti) и 169,7: νὰ τὴν πῶρχεται „вотъ она идетъ“ (la voilà qui vient). За пониманіе ихъ въ смыслѣ союзовъ говоритъ употребленіе въ тѣхъ-же случаяхъ союза πῶς (у насъ *какъ*; см. выше переводъ 167,3), напр. 140,3: Ἀκῶ τὰ πεύκια πῶς βροντοῦν καὶ ταῖς ὀξυαῖς πῶς τρίζουν, гдѣ πῶς=ὅτι, какъ очень часто (напр. 476, 8; d. 799). Въ пользу того-же взгляда свидѣтельствуютъ и такія мѣста, въ которыхъ подлежащее придаточнаго предложенія не перешло въ видѣ дополненія въ главное, напр. d. 409, 3: Καὶ ὅταν δῇς καὶ κατεβῇ καμμιὰ φορ' ἡ κυρά μου „И когда ты увидишь, какъ (или: что) сойдетъ иной разъ моя сударыня“ (т. е. возлюбленная) и d. 356, 2: Καὶ εἶδα ποῦ σὲ μάλωνε ἡ σκύλα πεθερά σου „И я видѣлъ, какъ тебя бранила твоя сука-свекровь“. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ καὶ и ποῦ вводятъ предложенія, которыя выражаютъ плодъ непосредственнаго, физическаго дѣйствія на органы чувствъ, для чего служитъ

ную конструкцію (см. выше стр. 18): „Тамъ онъ нашелъ человѣка нищаго, бѣднаго, который былъ рыбакомъ“, при чемъ настоящее время (ἔν=ἐστί) объясняется съ точки зрѣнія нашедшаго.

также νά съ наст. вр. (Kind, Anthol. 36 и 136 β' 8); но иногда оба союза употребляются

3) вообще послѣ глаголовъ sentiendi и declarandi, гдѣ они очевидно значатъ то-же, что ὅτι, напр. d. 286, 1: Ἔμαθα κ' ἐπανδρεύθηκες „Я узналъ, что ты вышла за-мужъ" и 436, 22 то-же („я узнала, что ты женился"), но съ ποῦ вм. καί; см. Wagner VI 42, XVII 812 и др. Въ смыслѣ того-же ὅτι они служатъ признакомъ предложенія, какъ бы превращеннаго въ одно имя сущ., напр. Fab. Rom. p. 211 (къ 64, 14): Τί εἶναι ἡ αἰτία καὶ μέλλεις νὰ καῇς; „Что за причина (тому), что ты собираешься сжечься?" и поразительно сходный съ этимъ мѣстомъ стихъ у Пассова d. 327, 1: Ἐσὺ 'σαι ἡ αἰτία ποῦ μέλλω νὰ χαθῶ (— долженъ погибнуть); ср. Wagner XV 390 и XVII 499. Но ποῦ въ этомъ смыслѣ возможно и съ предлогомъ, немыслимымъ при καί, напр. d. 297: Τὰ μάτια μ'ὄντες σ'εἴδανε, κάλλιο νἄθε τὰ βγάλω, Παρὰ ποῦ σ' ἀγαπήσανε κ' ἔχουν καϋμὸ μεγάλο „Глаза мои когда тебя увидали, лучше (было бы, если) я потерялъ бы ихъ, чѣмъ (то,) что они тебя полюбили и терпятъ бѣду великую"; въ томъже смыслѣ περὶ ποῦ 384, 3. Въ этихъ примѣрахъ ποῦ указываетъ на фактъ, но если разумѣется только представленіе о фактѣ, то употребляется νά; см. 86, 5; 189 посл.; 269, 52; 323, 16; 405, 14 d. 455; и др. Замѣчательно у Вагнера IX 521 (стр. 139) καλὰ καί въ смыслѣ новѣйшаго ἀγκαλά хотя (ср. итал. benchè).

4)=какъ, когда, между тѣмъ какъ, напр. 227, 36: Τὸν λόγο δὲν ἀπόσωσε, τὴν συντυχιὰ δὲν εἶπε Καὶ ζωντανὸς ἐπιάσθηκεν ὁ Ἰάννης ὁ Φαρμάκης „Слова не кончилъ, рѣчи не досказалъ, какъ живьемъ былъ схваченъ Іоаннъ Фармаки"=οὐκ ἔφθη — καὶ —; 325, 11: Τίνος ματάκια βλέπουν τον καὶ τὰ δικά μου κλαίγουν; (и т. д. до 14) „Чьи глазки видятъ его (между тѣмъ), какъ мои плачутъ?" и почти то-же 645, 11—14; Legrand, Recueil 72, 12: Μιὰ μπαταριὰ τοῦ ῥίξανε τὴν νύκτα κὴ ἀπεκρίθη Mais, la nuit où il fit cette réponse, on lui tira un coup de fusil. Ποῦ или ὁποῦ въ такой связи мнѣ не попа-

далось, хотя оно часто=ὅτε, какъ Pass. 420,6: τὸ χινόπωρο ὁποῦναι τὰ σταφύλια „осенью, когда бываетъ виноградъ“.

5)=διότι (γιατί), какъ иногда употребляется и ποῦ, напр. d. 655: Ξύπνησε, πετροπέρδικα, ποῦ 'γὼ γιὰ σέναν' ἦρθα, Νὰ μοῦ τὸ δώσῃς τὸ φιλὶ νὰ πάω κ' εἶναι νύχτα „Проснись, горная куропатка (ласкат.), такъ какъ я пришелъ ради тебя, чтобы ты дала мнѣ поцѣлуй (и) чтобы я ушелъ (т. е. чтобы получить отъ тебя п. и уйти), потому что (ужь) ночь“; см. καί 443,7;517,50;64;66, ποῦ 514, 25; d. 605, 1; Wagner XVII 783; XX 729.

6)=ὅπως, нын. νά напр. 464,5: Ὁ Ἰάννης πάει 'ς τὴν παγανιὰ (?) κὶ ἀλαφοκυνηγήσῃ „Иванъ идетъ въ ополченіе (?), чтобы охотиться за оленями“; ср. 465,8: Ὁ Κώστας βγῆκε 'ς τὰ βουνὰ (отправился въ горы), νὰ λαφοκυνηγήσῃ. Сказка у Іоаннида 266: Ντὲ δοῦς με, εἶπεν ἀτο, καὶ ἐγλυτώνω σε „Что дашь ты мнѣ, сказалъ онъ ему, (за то,)“ чтобы я тебя освободилъ? Въ смыслѣ ὅπως μή или μή у Залакосты (τοῦ Γερομούτρου ἡ κόρη): Φοβοῦμαι καὶ ὁ Βεζύρης μας δὲν εἶναι ἐκεῖος ποῦ δείχνει „Боюсь, что нашъ визирь не тотъ, за кого онъ выдаетъ себя“. Здѣсь ποῦ едва-ли возможно.

Такъ какъ эта частица можетъ служить хорошимъ образчикомъ относительныхъ частицъ вообще, замѣтимъ для полноты еще нѣсколько случаевъ ея употребленія, въ которыхъ она указываетъ на предшествующее почти такъ-же, какъ французское que. 431, 4: Τρεῖς μῆνες ποῦ σ' ἀκαρτερῶ Il y a trois mois que je t' attends (ср. 463, 19; 24; 28); 469, 18: μὲ ποιόνε ποῦ μιλεῖς —; avec qui est-ce que tu causes? Съ прилагательнымъ или нарѣчіемъ 151,3: Κακὸ ποῦναι τὸ λάβωμα, κακὸ ποῦναι τὸ βόλι „Зла же рана, зла же пуля“; 487, 21: Κακὸ ζακόνι πῶχετε ἐσεῖς οἱ χαραμίδες· Πρῶτα σκοτώνετ' ἄνθρωπο κ' ὕστερα τὸν ῥωτᾶτε „Дурной же обычай у вашей братьи разбойниковъ (mauvais usage que vous avez, vous autres brigands): сначала вы убиваете человѣка, а потомъ его спрашиваете“; d. 794, 1: Πόσα τραγούδια ποῦπαμε κ' ἡ κόρη δὲν προβαίνει „Вотъ ужь сколько пѣсенъ мы сказали, а дѣвушка не выходитъ“; d. 975, 1: Τί

γλήγωρα πώγέρασα „Какъ же скоро я состарился!“; d. 1000 (1001 и 1002), 1: *Τί ὤμορφη ποῦσαι* „Какъ же ты хороша!“; съ прилагательнымъ въ смыслѣ существительнаго, но на столько сохранившимъ свою первоначальную качественность, что понятіе его является растяжимымъ само по себѣ, безъ внѣшняго обозначенія количественности, 417, 7: *Χάρε, κακὸ ποῦ μ' ἔκαμες* „Харонъ (смерть), великое же зло ты мнѣ причинилъ“ или „жестоко же ты со мною поступилъ“. Изъ этихъ примѣровъ видно, до какой степени неопредѣленно значеніе частицы *ποῦ*; другая ея форма *ὁποῦ*, если не ошибаюсь, употребляется только въ смыслѣ, *гдѣ когда* и *который* [в]). Не вполнѣ опредѣленно и вопрос. *ποῦ*, такъ какъ оно не ограничивается обыкновенно придаваемымъ ему значеніемъ *гдѣ* или *куда*. 77, 3: *Ποῦ ξέρεις σύ*—; „Откуда (или какъ) знаешь ты?“; также 460 а, 7 и 468, 17 слѣд. 325, 8: *ἐμένα ποῦ μ' ἀφίνεις*; „меня кому оставляешь?“, на что слѣдуетъ отвѣтъ: *Σ' ἀφίνω 'ς τὴν μανάκα σου* (матери) и т. д.

Выше было сказано, что пропуску относ. м-нія соотвѣтствуетъ пропускъ относ. союзовъ, но съ тою разницею, что союзъ пропускается гораздо легче, чѣмъ м-ніе. Впрочемъ здѣсь надобно различать два случая. Иногда вмѣсто зависимаго предложенія (съ союзомъ) мы находимъ независимое, ничѣмъ не связанное съ первымъ. Сюда относится указанный на стр. 41 пропускъ нашего *что* въ Хожд. Дан. и, можетъ быть, сходные случаи Percy I p. 49 v. 177: The boye pulld forth a well good sworde, So gilt it dazzled the ee и Legrand 66, 13: *Τέτοιοι πασάδες εἶν' αὐτοὶ καὶ τέτοιοι βεζιράδες, Τοὺς ἔχω σὰν τὸ κάψαλον, σὰν κάλπικους παράδες* „Это такіе паши и такіе визири—для меня они то-же, что хворостъ, что фальшивыя пары“ (деньги); но сомнительны такіе примѣ-

---

в) Впрочемъ ср. Fab. Rom. (стр. 205 ad 28, 13): *ἦτον δὲ μία γυναῖκα ἀπὸ τὸ χωρίον ἐκεῖνο, ὁποῦ ἦτον ὁ ἀγοραστής* „была одна женщина изъ той деревни, что (=откуда) былъ покупщикъ“, гдѣ значеніе *ὁποῦ* специализовано предлогомъ при опредѣляемомъ словѣ. Въ книжномъ изводѣ (28,13) *οὗ* вмѣсто *ὅθεν*.

ры, какъ Shelley, Epistle to Maria Gisborne: his fine wit Makes such a wound, the knife is lost in it, гдѣ было бы странно предполагать первобытное сочиненіе вмѣсто подчиненія, и Pass. 455, 15: Ἄλλοι τὸν λένε πέθανε, ἄλλοι τὸν λὲν ἐχάθη „Одни объ немъ говорятъ: умеръ, другіе объ немъ говорятъ: пропалъ", потому что такой переводъ не совсѣмъ точенъ: „объ немъ" по-ново-гр. δι' αὐτόν, а τόν есть привлеченное въ главное предложеніе подлежащее придаточнаго съ союзомъ ὅτι или τί, который и выраженъ 487, 25: Κὶ ἄλλοι μοῦ λὲν τ' ἀπέθανε, κὶ ἄλλοι μοῦ λὲν τ' ἐχάθη. Ὅτι пропущено и подразумѣвается 414,2: παινεύθηκε, τὸν Χάρο δὲν φοβᾶται (почти также 416,2 и 417,1) „хвалилась, (что) Харона не боится", гдѣ на пропускъ союза указываетъ тождественность подлежащихъ въ 3-мъ лицѣ, какъ и d. 574, 2: Καὶ τὴν καρδιά μ' ἐρώτησα καὶ μοὖπε, σένα θέλει „И я спросилъ свое сердце, и оно мнѣ сказало, (что) хочетъ тебя"; съ союзомъ 413, 1: Μιὰ λυγερὴ (красавица) παινέθηκε, πῶς (=ὅτι) Χ. δ. φ. Такимъ-же признакомъ служитъ прошедшее время въ придаточномъ предложеніи, когда событія въ обоихъ предложеніяхъ современны, напр. Percy I p. 11 v. 79: An archar of Northomberlonde Say slean was the lord Persè, и 1-е или 2-е лице вмѣсто 3-го, какъ тамъ-же p. 37 v. 40: For it is told in my fathers halle, You dye for love of mee; также зависимость отъ придат. предл.—въ керасунтской пѣснѣ 544, 1: Κοράσιον εἶδεν ὄρομαν, κοιμᾶται μὲ το ταῖρ' ἀτς (=αὐτῆς), Κὶ ὄντες γνεφίζει καὶ τερεῖ, κοιμᾶται μοναχέσσα, Μαλλών' μὲ τὰ παπλώματ' ἀτς καὶ μὲ τὰ μαξιλάρι' ἀτς „Дѣвушка видѣла сонъ, (что) она спитъ со своимъ дружкомъ, а когда просыпается и видитъ, (что) она спитъ одна, она ссорится со своими простынями и подушками". Но нѣтъ никакой надобности подразумѣвать союзъ по-нѣмецки и по-итальянски, такъ какъ въ этихъ языкахъ при отсутствіи dass и che зависимость достаточно выражается сослагательнымъ наклоненіемъ, возможнымъ при союзѣ по требованію смысла, но не грамматики. Точно такъже мѣсто *чтобы* можетъ заступать самостоятельная конструк-

ція, какъ по-латыни velim facias, или sociis tunc, arma capessant, edico (Вергилій) и много другихъ случаевъ, о чемъ см. Жолли стр. 241, по-гречески βούλεσθε δῆτα κοινῇ σκώπτωμεν 'Αρχέδημον; (Аристоф.); по-чешски nemám perce, nemám blánky, bych pisala listek (Краледв. рук.), по-польски: Jadrzey zadal racoyemstwa, by mu to Pawel obraczil „Андрей желалъ поруки, чтобы Павелъ въ томъ представилъ ему ручательство“ (актъ 1430 г.), по-нѣмецки ich wollt', er schösse mich todt (Heine), по-англійски I would we were in merry Carleile (Percy I p. 44 v. 181), по-арабски γazâlun marratân 'aṭaša fa-'ataï 'ilaï 'ajni mâ'in jašrubu „газель однажды почувствовала жажду и пошла къ водяному источнику напьется“ (=чтобы напиться, точнѣе χattaï или li-jašruba) и т. п. Сюда-же относятся предложенія, выражающія боязнь, какъ metuo, ne cadas; δέδοικα, μὴ πέσῃς; боюсь, не упалъ бы ты; temette forte, non l'avessero uccisa (Bocc.) и т. д. Такіе примѣры безсоюзія есть и въ ново-гр., какъ 437,3: Καὶ τρεῖς καλαῖς συντρόφισσαις πᾶν τὴν παρηγορήσουν „И три добрыя сверстницы идутъ ее утѣшить“ или 495, 4: Καὶ 'ς τὴν ποδιὰ τὸν ἔβαλε νὰ πᾷ τὸν ῥεμματίσῃ „И въ передникъ его положила, чтобы пойти утопить его“; но такъ какъ сослагательное наклоненіе въ ново-гр. всегда зависитъ отъ союза, то и здѣсь приходится подразумѣвать νά, γιὰ νά или, пожалуй, καί. Точно такъ-же не достаетъ союза въ такихъ выраженіяхъ, какъ ср.-в.-нѣм. ine weiz ez ê geschach (Nibel.) „Я не знаю, бывало ли это когда-либо“ [г]), лат. plus (*quam*) decem milia, греч. πλέον (ἢ) μύριοι. Само собою разумѣется, что не всегда возможно рѣшить, подъ которую изъ двухъ категорій слѣдуетъ подвести данный случай безсоюзія, такъ какъ между той и другой нѣтъ рѣзкой границы: пропускъ союза очень часто основывается на привычкѣ выражать свои мысли въ самостоятельныхъ предложеніяхъ. Ку-

---

г) Ср. у Іоаннида: 'κὶ ξέρω σ' πέτραν κάθεται, 'κὶ ξέρω σ' περιβόλιν „Не знаю, на скалѣ-ли онъ сидитъ, не знаю, въ саду-ли“, гдѣ не достаетъ ἄν, какъ въ нѣмецкомъ примѣрѣ ob.

да напр. относятся наше простонародное *потому* и татарское anin icin (того ради) въ смыслѣ *потому что?* По этому мѣриломъ для рѣшенія въ пользу пропуска или простаго сочиненія въ извѣстномъ языкѣ могутъ служить степень его выработки, склонность его къ сочиненію или къ подчиненію и бо́льшая или меньшая заботливость о грамматической точности; важность послѣдняго условія видна изъ сравненія напр. англійскаго языка съ латинскимъ.

Выше, гдѣ шла рѣчь о пропускѣ относ. м-нія въ новогреческомъ языкѣ, я высказалъ предположеніе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ пропущено не ποῦ, а καί. Какъ бы то ни было, но такъ какъ καί нерѣдко совпадаетъ съ ποῦ и притомъ подразумѣвается сравнительно легко, то очень не мудрено, что оно отчасти и проложило дорогу къ подразумѣванію ποῦ,—по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ. Καί послѣ глагола непосредственнаго впечатлѣнія не выражено напр. 440, 18: Εὗρεν καὶ τσοὶ πομπίδες του, κάθουν καὶ λογαριάζουν, гдѣ καί можно замѣнить двоеточіемъ или чертой: „Засталъ онъ своихъ дружекъ (? въ указателѣ Пассова: “ comites ? „)— сидятъ да считаютъ“. Слѣдовательно въ этой связи иногда можно обойтись и безъ καί и пропустить, его какъ пропускается всякое другое слово, когда оно разумѣется само собою, напр. изъ предъидущаго. Такимъ образомъ καί не достаетъ во второй половинѣ стиха, котораго первая половина была приведена выше, 418, 26: Βρίσκει ψαλτάδες κ' ἔψαλλαν, μυριολογίστραις κλαῖνε (причитальщицы—плачутъ), гдѣ оно выпущено наравнѣ съ какимъ угодно словомъ на основаніи особенной вольности народнаго „политическаго стиха“ (по древней терминологіи tetrameter iambicus catalecticus), состоящей въ томъ, что во второмъ полустишіи можно не повторять тѣхъ словъ, которыя уже есть въ первомъ, напр. 462, 31: Ἂν εἶσαι Τοῦρκος, φάγε με, κ' Ἑβριός, κατάλυσέ με „Если ты Турокъ, съѣшь меня, и (если ты) Еврей, уничтожь меня“. Но такъ какъ καί совпадаетъ въ этомъ случаѣ съ ποῦ, то при такихъ-же обстоятельствахъ и ποῦ подвергается одной

части съ καί, что представляется совершенно наглядно при сравненіи 418, 26 съ его копіей, ст. 31, также отчасти приведеннымъ выше: Βρίσκει σκαφτάδες πούσκαφταν, μυριολογίστραις κλαῖνε. Совершенно сходный стихъ мы видѣли на стр. Εἶδα τὸν ἥλι' ἐπῶλαμψε καὶ τὸ φεγγάρ' ἀστράφτει; разница лишь въ томъ, что здѣсь ποῦ разумѣется несомнѣнно въ смыслѣ относ. м-нія, что видно изъ сравненія со слѣдующимъ стихомъ. Полную противоположность къ этимъ примѣрамъ представляетъ по внѣшности 434, 16: βλέπω ταῖς νιαῖς χορεύουνε, τοὺς νιοὺς καὶ τραγουδοῦνε „Я вижу дѣвушекъ—пляшутъ, юношей—и поютъ"; но здѣсь καί, очевидно, не имѣетъ относительнаго значенія и служитъ лишь къ сопоставленію занятія юношей съ занятіемъ дѣвушекъ, такъ что этотъ примѣръ стоитъ на ряду съ 440, 18. Такимъ-же образомъ καί могло облегчить пропускъ νά, который мы видѣли въ двухъ примѣрахъ. Вотъ другіе два изъ средне-греческаго — Wagner XVII 282 (стр. 257): Ἔτυχεν ὁ Ἀρχίστρατος, ἦτον εἰς τὸ κυνήγι (гдѣ запятая едва-ли поставлена вѣрно) „Случилось, что Архистратъ былъ на охотѣ" и 426 (стр. 263): Ἀνὲν (читай Ἂν ἔν) ποτὲ θελήσουσιν τοῦτοι νὰ σ' ἀδικήσουν „Если когда-нибудь случится, что они захотятъ тебя обидить",— примѣры, въ которыхъ, какъ мы видѣли, было бы возможно какъ νά или ὅτι, такъ и καί. Ср. Христопула стр. 65 изд. 1814 (въ Корфу): Κὶ ἀρχίζει τὴν μαθαίνει „И начинаетъ ее учить", гдѣ правописаніе показываетъ, что авторъ (или издатель) сознавалъ сомнительное maθeni какъ изъявительное, а не какъ сослагательное наклоненіе, т. е. имѣлъ въ виду скорѣе καί, чѣмъ νά.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Въ дополненіе къ тому, что было сказано на стр. 24 и 25 о переходѣ м-ній вопросительныхъ въ относительныя я считаю нужнымъ прибавить нѣсколько замѣчаній объ этомъ явленіи въ греческомъ языкѣ, въ которомъ оно не такъ ося-

зательно, какъ напр. въ латинскомъ, и кромѣ того представляетъ нѣкоторыя особенности. Въ языкахъ латинскомъ съ романскими, въ германскихъ, славянскихъ и другихъ этотъ переходъ объясняется совершенно удовлетворительно изъ прямаго вопроса, тогда какъ въ греческомъ точкой отправленія служилъ—если не всегда, то по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ—вопросъ косвенный. Извѣстно, что въ древнегреческомъ языкѣ косвенный вопросъ имѣлъ свои особые значки—союзъ εἰ (какъ въ ром. нарѣчіяхъ и отчасти по-лат. si) и мѣстоименія и нарѣчія, сложенныя изъ относительныхъ и вопросительныхъ корней: ὅς τις, ὁποῖος и т. п. Мы видѣли въ примѣч. 5, какъ вопросительныя м-нія переходятъ въ неопредѣленныя; такимъ образомъ и эти сложныя греческія м-нія принимаютъ нерѣдко значеніе относительныхъ неопредѣленныхъ, т. е. подходятъ очень близко къ простымъ относительнымъ. Этой близостью объясняется частая замѣна первыхъ послѣдними въ косвенномъ вопросѣ, гдѣ напр. по-латыни qui вмѣсто quis или cum вмѣсто quando были бы просто непонятны. Съ другой стороны въ косвенномъ вопросѣ употреблялись нерѣдко и вопросительныя м-нія и нарѣчія, что̀ должно было повести къ сближенію относительныхъ съ вопросительными. И въ самомъ дѣлѣ древній греческій языкъ представляетъ случай полнаго смѣшенія этихъ двухъ родовъ м-ній, именно замѣну вопросительныхъ относительными въ восклицаніяхъ, къ οἷος ὢν οἵως ἔχεις (Софоклъ), гдѣ въ новогреческомъ, какъ и во всѣхъ тѣхъ изъ извѣстныхъ мнѣ языковъ, которые отличаютъ м-нія вопросительныя отъ относительныхъ внѣшнимъ образомъ, употребляются первыя: Τί καλῆς ψυχῆς γυναῖκα! [a]) (Алекс. Суцо) „*Что за* прекрасной души жена!“ Was für eine brave Frau! Quelle excellente femme! по-тур. Ne çâliχ qary! Происхожденіе подобныхъ восклицаній изъ косвеннаго вопроса съ

а) Уже въ такъ называемыхъ Anacreontea 39: Τί καλόν ἐστι βαδίζειν.

умолчаніемъ главнаго предложенія доказывается тѣмъ, что кромѣ м-ній относительныхъ въ нихъ допускаются по-гречески и неопредѣленно-относительныя (Kühner Ausführl. Gramm. II. стр. 943). Въ средне-греческомъ языкѣ происходитъ смѣшеніе косвеннаго вопроса съ прямымъ, т. е. съ одной стороны въ первомъ м-нія неопредѣленно-относительныя всѣ болѣе и болѣе вытѣсняются относительными, съ другой—появляются прямые вопросы съ грамматическими признаками косвенныхъ—съ εἰ, какъ въ Fabulae Romanenses стр. 16, 1: εἰ ἀληθῶς σὺ τῷ ἀνδρί μου τὰ πραχθέντα μοι πάντα ἀνήγγειλας; и съ неопредѣленно-относительными м-ніями, какъ тамъ-же 178, 2—4: Ὁποίαν—καὶ ὁποίας—; (также 192, 4 и 196, 7), особенно во второй части вопроса, напр. 151, 7: Τίς—καὶ ὅτου; ср. Kühner § 587, 4 вмѣстѣ съ примѣч. 1. Въ ново-греческихъ пѣсняхъ мнѣ извѣстенъ всего одинъ примѣръ этого употребленія, именно у Пассова d. 709, 1: Ὁποιάς πίκρας, ποιὰ βάσανα δὲν ἔχω περασμένα—; „Какихъ огорченій, какихъ мукъ я не прошелъ?“, гдѣ кромѣ неопредѣленно-вопросительнаго м-нія бросается въ глаза старинное окончаніе вин. пад. мн. ч. 1-го скл. на —ας вмѣсто современнаго —αις (—ες); но въ этомъ примѣрѣ вопросъ очень близко подходитъ къ восклицанію, въ которомъ и ново-греческій языкъ, по крайней мѣрѣ книжный, допускаетъ неопредѣленно-относительныя м-нія, напр. въ стихѣ Александра Византія: Ὁποία δόξα ἀνθρωπίνη! Можетъ быть, такимъ-же путемъ совершился переходъ славянскихъ относительныхъ *якъ, якій* и сербскаго јер (потому что) въ вопросительныя (см. стр. 24 и Miklosich, Vergleichende Grammatik d. slav. Sprachen IV стр. 84).

Если не ошибаюсь, смѣшеніемъ м-ній относительныхъ съ вопросительными объясняется и ново-греческое м-ніе ἴντα, встрѣчающееся уже въ средне-греческомъ и употребительное во многихъ нарѣчіяхъ. По значенію оно совершенно совпадаетъ съ вопросительнымъ τί (Legrand 3, 75—76: Ἴντα κακὸ—Ἤ τί κακὸ—;) но употребляется и какъ неиз-

мѣняемое относительное (Pass. 403 кон.: τοῦτ' ἴντα θὰ γενοῦν ea, quae futura sunt). Корай считаетъ ἴντα искаженіемъ однозначащаго, τίντα, которое онъ объясняетъ изъ τί' ν' τά вм. τί εἶναι τά=qu' est ce que—? Большинство послѣдующихъ грамматиковъ, напр. Муллахъ (Grammatik der griech. Vulgarsprache. Berlin 1856 стр. 211), Маврофриди (Δοκίμιον ἱστορίας τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης. 'Εν Σμύρνῃ 1871 стр. 614), держатся этого объясненія; Яннараки въ словарѣ къ своему собранію критскихъ пѣсенъ, пословицъ и пр. (см. выше примѣч. 25) производитъ ἴντα изъ ἵνα τί (для чего—у 70 толк. и въ ср.-греч.), съ чѣмъ едва-ли кто согласится въ виду необычности перехода ι въ α. Но и мнѣніе Корая, какъ оно ни кажется правдоподобнымъ съ перваго взгляда, не выдерживаетъ критики. Въ самомъ дѣлѣ, если ἴντα образовалось изъ τίντα, а послѣднее изъ τί εἶναι (или ἔναι, ἐν) τά, мы въ правѣ ожидать, что въ памятникахъ, въ которыхъ употребляется не только ἴντα, но даже хоть τίντα, мы не найдемъ подлиннаго выраженія, изъ котораго образовались эти странныя формы, какъ въ латинскомъ языкѣ рядомъ съ fortasse или fortassis не находимъ породившаго ихъ соединенія forte an si vis или даже forte an sis и какъ въ старо-французскомъ рядомъ съ oïl (нын. oui) не встрѣчаемъ его первообраза hoc illud или даже какого-нибудь искаженія этихъ соединенныхъ м-ній въ ихъ первоначальномъ смыслѣ,—мало того: не встрѣчаемъ въ латинскомъ языкѣ an съ тѣмъ значеніемъ, благодаря которому могло образоваться реченіе fortassis, а во французскомъ—м-нія hoc. Тѣмъ не менѣе есть памятники, въ которыхъ всѣ три реченія уживаются другъ съ другомъ; напр. въ „Поэмѣ о жестокомъ и ненасытномъ адѣ" Іоанна Пикатора (Wagner стр. 224—241) мы читаемъ τί ἐν τ' ἀκούγω—; (ст. 191), τί ἔναι τὸ 'ρωτᾷς, τί ἔναι αὐτὸ τὸ λέγεις; (358) и тутъ-же ἧντα πρόφασιν—; (77), ἧντα δουλειὰ—; (103), εἰς ἧντα τόπον—; (124), т.-е. искаженное (по мнѣнію Корая) ἴντα даже не въ ближайшемъ смыслѣ *что*, а въ производномъ *что за* — или *какой*. Въ томъ-же описательномъ выраженіи мѣсто τί заступаетъ иногда ἴντα,

напр. въ поэмѣ Николая Дримитика „Прекрасная пастушка“ ст. 374 (стр. 31 изд. Legrand. Paris 1870): Κ' ἴντα 'ναι τὰ διηγᾶται καὶ τὰ λέγει „Что (есть, что̀ она) толкуетъ и (что̀) говоритъ“. Правда, и французское aujourd'hui заключаетъ въ себѣ повтореніе одного и того-же — ad illum diurnum de hodie (т.-е. hoc die), но здѣсь недоразумѣніе произошло въ предѣлахъ двухъ языковъ, изъ которыхъ уже латинскій забылъ составъ своего выраженія для понятія *сегодня*. Съ фонетической стороны объясненіе Корая также представляетъ трудности, такъ какъ отпаденіе τ въ началѣ слова—явленіе чуть-ли не безпримѣрное въ ново-греческомъ языкѣ. Правда, греческіе переселенцы въ Калабріи говорятъ ὅ вмѣсто τό и ἅ вмѣсто τά, но они-же вмѣсто ἤτανε произносятъ ἤανε и т. п., выбрасывая τ и въ серединѣ, и потому примѣры изъ ихъ нарѣчія не могутъ служить доказательствомъ въ пользу происхожденія ἴντα изъ τίντα. Вообще особенность какого-нибудь одного нарѣчія или говора въ данномъ случаѣ недостаточна для объясненія, потому что ἴντα употребительно отъ Кипра до Корсики включительно.

Оба приведенныя возраженія предполагаютъ принимаемое Кораемъ полное тождество обѣихъ формъ въ употребленіи; но въ самомъ-ли дѣлѣ онѣ совершенно безразличны? Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣтимъ, что онъ касается, конечно, не новѣйшихъ нарѣчій, въ которыхъ многое уже перепуталось и затемнилось, а средне-греческаго языка, создавшаго то и другое м-ніе. Къ тому-же теперь употребляется почти исключительно ἴντα; по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстенъ только одинъ новѣйшій примѣръ формы съ τ и то не изъ непосредственнаго источника, а изъ ссылки у Маврофриди стр. 615: ἐν τῷ ᾀσματίῳ: Τίντο, μωρή, τιντό Τὸ φουστάνι σου κοντό;, при чемъ нѣтъ никакого указанія на мѣстность, въ которой поется эта пѣсенка. Что-же касается средне-греческаго языка, для рѣшенія нашей задачи важны тѣ изъ его памятниковъ, въ которыхъ попадаются обѣ формы; таковы въ собраніи Ваг-

нера III (Эммануила Георгиллы „Родосскій Моръ“) и VI (Стефана Сахлики „Стихи и толкованія, а также и расказы“). Τίντα является III 243 и 252, VI 327, 345 и 440, во всѣхъ пяти мѣстахъ открывая собою косвенный вопросъ и притомъ такъ, что не допускается впереди ни одно слово изъ того-же предложенія; гдѣ м-ніе соединено съ предлогомъ, тамъ мы находимъ его безъ τ въ такихъ-же косвенныхъ вопросахъ—διὰ ἥντα III 397 (стр. 44), εἰς ἥντα τρόπον VI 366 (стр. 91—по codex Parisinus, τῆντα Montepessulanus), также εἰς ἥντα τόπον XV 124 (стр. 228) [b]). Ἴντα встрѣчается какъ въ прямыхъ вопросахъ (V 300,324, IX 33, XV 77, 103), такъ и въ косвенныхъ (кромѣ только-что приведенныхъ мѣстъ еще VI 219, гдѣ τίντα, не допускающее передъ собою элизіи, нарушило бы законное число слоговъ). И такъ хотя τίντα свойственно косвенному вопросу, оно уступаетъ свое мѣсто формѣ безъ τ. какъ только вопросъ долженъ начинаться съ другаго слова, будь то даже предлогъ. Не наводитъ ли это на мысль, что τ есть нѣчто такое, что̀ 1) должно стоять непремѣнно въ головѣ предложенія и 2) что̀ разобщило бы два тѣсно связанныя слова, какъ предлогъ съ относящимся къ нему падежемъ, иначе сказать,—что τ есть нѣчто постороннее и что слѣдовательно первоначальный видъ разбираемаго м-нія—не τίντα, а ἴντα? Но что же такое это пришлое τ? Отвѣтъ можетъ дать VI 331 (стр. 90): Κι οὐδὲν ἐξόρθονα νὰ ’πῶ κυρίως τὸ ἥντανε „И я не умѣлъ сказать точно, что̀ они такое:“ загадочное τ есть собственно τ’, какъ и пишетъ Вагнеръ III 243 и 252, т.-е. τό. Послѣ этого понятно сродство формы τίντα съ косвеннымъ вопросомъ: ново-греческій языкъ по крайней мѣрѣ со временъ Малалы (см. Sophocles, Romaic or Modern Greek Grammar. London 1862 p. VIII) охотно начинаетъ косвенный (рѣже прямой) вопросъ членомъ ср. р. Въ этомъ отношеніи

---

b) Въ ссылкахъ на Вагнера я удерживаю его правописаніе, хотя оно не отличается постоянствомъ.

поучительны примѣры формы τίντα во второй части косвеннаго вопроса при членѣ въ первой, какъ VI 327 (стр. 89): Κ' εἶδα τὸ πῶς ἐδιάγασιν καὶ τήντα τάξιν εἶχαν „И я увидѣлъ, какъ они вели себя и какого образа дѣйствій держались“ и 344 (стр. 90): 'Εδᾶ λοιπὸν νά σᾶς εἰπῶ διὰ τὸν φυλακάτοράν μου, Τὸ πῶς τὸν εἶχ' αὐθέντη μου καὶ τήντα τάξιν εἶχεν „И такъ теперь я вамъ раскажу про своего тюремщика, какъ я имѣлъ въ немъ господина и какого образа дѣйствій онъ держался“ [c]). И такъ τ' есть членъ, опредѣляющій цѣлое предложеніе; отсюда понятно, почему предлогъ, относящійся къ одному ἴντα, не можетъ предшествовать этому τ'. Что касается элизіи ο въ τὸ передъ звукомъ i, то она, правда, противорѣчитъ общему правилу, по которому напр. τὸ εἶπα даетъ τῶπα или τό 'πα (см. грамм. Софокла § 6); но это правило приложимо далеко не безусловно: въ пѣснѣ у Кинда Anthol. Διάφορα δ' (стр. 50; Pass. 556) ст. 7 (дважды), 9 и 10 читается τ' εἶπε, у Вагнера XVII 369 (стр. 260, XIX 48 (стр. 305) и въ другихъ мѣстахъ τὸ ἤκουσεν въ три слога, что произносилось если и не τ' ἤκουσεν, какъ Вагнеръ произвольно пишетъ въ текстѣ, то, очевидно, и не какъ τό' κουσεν, встрѣчающееся у него напр. XXI 95, а такъ, что звукъ i былъ ясно слышенъ; у него-же τ' οἰνάριν VI 480 (стр. 96) и τ' οἶστρον XVIII 664 (стр. 295), первый слогъ которыхъ долженъ звучать или *той* или просто *ти*, а ужъ конечно не *то*.

Такимъ образомъ первональною формой оказывается inda, каково бы ни было его греческое правописаніе. Такъ какъ всѣ греческія вопросительныя м-нія и нарѣчія начинаются или съ π или съ τ (то и другое изъ kv) и ни тотъ, ни другой звукъ у Грековъ въ началѣ словъ не отпадаютъ, исконное значеніе м-нія inda не можетъ быть вопросительнымъ.

---

c) Такой примѣръ представляетъ 138—139 (стр. 83), если вѣрно чтеніе, принятое Кораемъ и Маврофриди въ 139—τίντ', гдѣ у Вагнера τοῦς τ'.

Съ другой стороны inda нельзя отдѣлить отъ índan, средняго рода м-нія índzan, употребляемаго Трапезунтянами до нашихъ дней въ значеніи древняго ὅστις вмѣсто обще-греческаго ὁποῖος καὶ ἄν, ὅ τι καὶ ἄν. Іоаннидъ пишетъ ἥντς ἄν, ἥντ' ἄν не обращая вниманія на то, что въ ἥν также заключается ἄν. Но, помимо этого недосмотра, онъ совершенно правъ, приписывая этому м-нію происхожденіе условное. Трапезунтское нарѣчіе изобилуетъ архаизмами, сохраняющими формы не только средне-греческаго языка, но и упоминаемой у грамматиковъ Ἀσιανὴ γλῶσσα, т.-е. той неписьменной κοινή, которая образовалась въ Азіи послѣ Македонскаго завоеванія. Извѣстно, что въ древне-греческомъ языкѣ соединеніе εἴ τις, какъ латинское siquis, нерѣдко подходило по своему значенію весьма близко къ ὅς и ὅστις, чѣмъ можно объяснить и обратные случаи, какъ Ил. III 109: Οἷς δ' ὁ γέρων μετέῃσιν, ἅμα πρόσσω καὶ ὀπίσσω Λεύσσει, ὅπως ὄχ' ἄριστα μέτ' ἀμφοτέροισι γένηται; ср. Kühner § 563,3 d. Во времена упадка древне-греческаго языка эта близость привела мало по малу къ полному отождествленію выраженія εἴ τις съ ὅστις или, другими словами, къ слитію союза εἰ съ м-ніемъ неопредѣленнымъ τις въ одно неразрывное реченіе, получившее смыслъ относительнаго м-нія. Такъ мы читаемъ въ надписяхъ полуграмотныхъ людей Малой Азіи (Фригіи): εἴ (τ)ις δ' ἄν ἕτερος ἐπ(ε)ισεν(έ)νκῃ τινά, ἔστε (т.-е. ἔσται) αὐτῷ πρὸς τὸν θεόν (C. I. 3902. f., 8); εἴ τις δὲ ἐπιχειρήσει (ib. 3902, n. 7—8 и 3902. q., 8—9); εἴ τις δὲ ἕτερος ἐπιβουλε(ύ)σει (ib. 3865. i. — t. III. add. et corrig. p. 1096); въ Сициліи: εἴ τις δὲ ταύτην ἠδίκησεν καὶ ἐμὲ ἐλύπησεν, μὴ λάθοιτο τὸν θεόν (ib. 4571). Но что слитіе союза съ м-ніемъ и слѣдовательно отождествленіе съ ὅστις не совершилось въ то время окончательно и безвозвратно, видно изъ того, что даже въ надписяхъ подъ тѣмъ-же № 3902 въ той-же формулѣ мы находимъ (l., 9—11; p., 3—5): εἰ δέ τις ἐπιχειρήσει (ἕτερόν τινα θεῖναι т.-е. εἰς τὸν τύμβον). Ср. въ такихъ-же предостереженіяхъ на гробницахъ тѣхъ-же мѣстностей Азіи: ἐὰν δέ τις τολμήσει 3922, 6; ἐὰν τις

ἀδικήσει 4008; но съ другой стороны (съ относительнымъ м-ніемъ): ὃς ἂν ἀνύξει (т.-е. ἀνοίξει) τύμβον 3893, 5—6; ὃς δὲ ἂν ἐπιτηδεύσει 3902. г., 8—9; ὃς ἂν τούτῳ τῷ μνήματι κακῶς ποιήσει 3984, 7—9; ὃς δὲ ἂν ἕτερος (ἐπε)ισδιαβήσετε (т.-е. —ήσεται) 4007. Для того, чтобы εἴ τις потеряло свой первоначальный смыслъ безслѣдно, необходима была утрата одного изъ этихъ двухъ словъ, что̀ и случилось въ средне-греческомъ языкѣ, потерявшемъ εἰ кромѣ соединеній εἰ μή (кромѣ), εἰ καί (хотя), εἰ δέ, εἰ γάρ, которыя въ свою очередь пропали въ ново-греческомъ [d]). Сколько мнѣ извѣстно, никто еще не обратилъ вниманія на употребленіе сросшагося εἴτις въ смыслѣ относительнаго м-нія; по крайней мѣрѣ грамматики не говорятъ о немъ ни слова, издатели текстовъ пишутъ отдѣльно εἴ τις, а толкователи,—къ сожалѣнію, очень немногочисленные,—или обходятъ его, какъ Legrand въ переводѣ 2, 39, или ухищряются понимать въ древнемъ смыслѣ, напр. онъ-же переводитъ 38,5 (въ обращеніи поэта къ своему письму при отправкѣ его къ возлюбленной): Κ' εἴ τι σοῦ γράφω πρὸς αὐτὴν νὰ τῆς τὸ 'πῇς θυμήσου—„et, si tu portes en écrit quelques mots à son adresse, souviens-toi de les lui dire“, какъ будто можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что письмо, написанное къ кому-нибудь, заключаетъ въ себѣ нѣчто, написанное къ этому лицу. Вотъ нѣсколько мѣстъ въ доказательство полнаго совпаденія εἴτις съ ὅστις и даже съ ὅς Fab. Rom. (искусственный языкъ) 50,5: εἴ τι ζητήσεις παρ' ἐμοῦ, εὐκόλως σοι ἀποδώσω „чего ты попросишь у меня, безъ затрудненія тебѣ отдамъ“, гдѣ толкованіе въ смыслѣ условія было бы натяжкой; 101,23: πώλησόν με τὴν πραγματείαν σου ὅλην, καὶ εἴτι θέλεις, δώσω σοι εἰς πινάκιν γεμάτον или по другому изводу 167,18: διάπρασον μοι πάντα τὸν φόρτον σου, καὶ εἴ τι βούλει, παράσχω σοι ἐν πλήρει πίνακι „продай мнѣ весь свой товаръ, и я дамъ тебѣ, чего

d) Условный союзъ средне-греческаго языка — ἐὰν или ἂν; отдѣльные случаи употребленія древняго εἰ слѣдуетъ отнести къ подражанію древнему языку.

ты хочешь, въ полномъ блюдѣ“; 109,9: Ἀπόδος μοι, φίλε, εἴ τι συνεβιβάσθημεν περὶ τοῦ φόρτου, οὗ σε ἐπώλησα. Ὁ δὲ μῖμος ἔφη· Ζήτησον, εἴ τι βούλει „отдай мнѣ, любезный, въ чемъ мы условились относительно товара, который я тебѣ продалъ. Мимъ сказалъ: Проси, чего хочешь“ (другой изводъ 174,3:—εἴ τι συνεφώνησας παρασχεῖν); 142,26: πᾶν εἴ τι θυμῆρές μοι „все, что мнѣ любо“; (просторѣчіе) 211 (ad 67,5): καὶ εἴ τι πρᾶγμα θέλεις ζητήσει τὸν θεὸν μὲ τοὺς λόγους ἐκείνους, θέλει σοῦ δοθῇ „и какой вещи ты попросишь у Бога этими словами, тебѣ дастся“, чему въ книжномъ подлинникѣ соотвѣтствуютъ слова: καὶ οἷον ἂν διὰ τῶν τριῶν λόγων ζητήσῃς παρὰ θεοῦ, εὐθὺς δοθήσεται [e]). Wagner IX 482 (стр. 138): εἰς εἴτι πόλεμον ἐμπῇ, ἐκεῖνος νἄχῃ νίκη „Въ какой бой онъ вступитъ, онъ останется (въ немъ) побѣдителемъ“ или „въ какой бы бой онъ ни вступилъ,—“, гдѣ и Вагнеръ не нашелъ возможнымъ отдѣлить союзъ отъ м-нія; XVIII 122 (стр. 280): Κ' εἴ τι θέλει θεὸς ἂς πάθω „И что угодно Богу, да претерплю“. Изреченіе пророка Іереміи 17,5: Ἐπικατάρατος ὁ ἄνθρωπος, ὃς τὴν ἐλπίδα ἔχει ἐπ' ἄνθρωπον Алексій Комнинъ ст. 63 (Wagner стр. 4) передаетъ такъ: Εἴ τις εἰς ἄνθρωπον θαρρεῖ κ' εἰς ἄνθρωπον ἐλπίζει, Ἐπικατάρατός ἐστιν μᾶλλον κ' ἀπελπισμένος. См. также V 206, X 120 слѣд., 124 [f]). До какой

e) Οἷος употреблялось въ средне-греческомъ языкѣ (но, кажется, только въ книжномъ) также въ смыслѣ относительнаго м-нія, напр. Fab. Rom., помимо 67,7, также 107,3: οἷος τὸν ἕτερον νικήσει „который другаго (т.-е. кто кого) побѣдитъ“; поученіе Алексія Комнина ст. 46 (Wagner стр. 3): Καὶ οἷον εὕρῃς ἀγαθὸν, θές τον εἰς τὴν ψυχήν σου „и который (стихъ) ты найдешь хорошимъ, вложи его въ свою душу“; Жизнь и дѣятельность нѣкоего почтеннѣйшаго и мудрѣйшаго старца ст. 89 (ib. стр. 279): Ἂν πηδήσῃ φῶς ἐι ταύτης, Οἷον ν' εὕρῃ πλεὸν τῶν ἄλλων Πλησιέστερον τῶν πάντων, Ἐκεινοῦ τὰ γένει' ὀνάπτει „если выскочитъ огонь изъ него (съ очага?), кого онъ найдетъ ближайшаго изо всѣхъ остальныхъ, того бороду онъ зажигаетъ“.

f) Вѣроятно, такъ-же слѣдуетъ толковать два темныхъ мѣста въ сборникѣ Вагнера—VII 73 (стр. 108): Εἴ τε καὶ ἂν ἔναι φρόνιμη, μὲ τοῦ καιροῦ τὸ θάρρος и VIII 327 (стр. 121): Ἀλλ' εἰ τὴν δώσῃ μιὰν φορὰν, ζωὴν ποσῶς οὐκ ἔχει. Въ первомъ изъ этихъ мѣстъ καὶ ἂν указываетъ на присутствіе неопредѣленнаго

степени это новое м-ніе отождествилось съ прежнимъ ὅστις, видно изъ того, что для усиленія неопредѣленности оно, какъ послѣднее, сочиняется съ сослагательнымъ наклоненіемъ и обобщающими частицами: εἴ τι καὶ ἄν Fab. Rom. 210 (къ 63,5 и 21), 217 (къ 94,2), 219 (къ 105,1) въ изводѣ, составленномъ на живомъ языкѣ; εἴ τι ἄν 15,9; 63,5; εἴ τι καί 94,4 (и 161,6); 102,8; 167,21; 186,22 (съ желат. накл.); εἴ τι ἄν καί 143,1 и т. п. въ двухъ другихъ изводахъ, языкъ которыхъ обличаетъ въ ихъ авторахъ желаніе, хотя и тщетное, выражаться по-древнему. Съ существительнымъ у Алексія Комнина ст. 160 (Wagner стр. 7): Εἴ τι κακὸν ἄν πολεμῇς, γνώριζε, οὐ λανθάνεις „Чтобы ты ни совершалъ худое, знай: ты не можешь скрыться“; у Стефана Сахлики ст. 25 (ib. стр. 63): Εἴ τι κακὸν καὶ ἄν σ' ἔλθῃ „Какая бы бѣда на тебя ни напала“. Сравнивъ только-что названные памятники по времени ихъ происхожденія, мы увидимъ, что м-ніе εἴτις, εἴτι соединялось прежде съ однимъ ἄν (или съ однимъ καί), впослѣдствіи съ καὶ ἄν. Непосредственно къ древнѣйшему соединенію примыкаетъ трапезунтское εἴντ'ς ἄν, εἴντ' ἄν со вставкою ν передъ τ, какъ въ χλιμιντρίζω (χρεμετίζω), ὄντε (ὅτε), ὄνταν (ὅταν), μήν (μή) и νάν (νά) передъ τ слѣдующаго слова, особенно м-нія 3-го лица, а у Критянъ въ томъ-же

относительнаго м-нія или нарѣчія, а смыслъ требуетъ послѣдняго: „Какъ бы она ни была благоразумна, со временемъ (приходитъ) смѣлость“. Εἴτε есть, вѣроятно, искаженіе правильнаго εἴτι, какъ πάλε изъ πάλι(ν); что-же касается приданнаго ему значенія относительнаго нарѣчія, то совершенно такъ-же употребляется передъ прилагательными τί въ восклицаніяхъ (см. стр. 72). Во второмъ мѣстѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ опасности отъ разсвирѣпѣвшаго осла, главное предложеніе „никакъ не останется въ живыхъ“ можетъ относится только къ тому, кому оселъ „дастъ одинъ разъ“, т.-е. ударитъ; слѣдовательно для того, чтобы въ главномъ предложеніи грамматика позволяла подразумѣвать то подлежащее, котораго требуетъ логика, безсмысленное εἰ τὴν должно быть относительнымъ м-ніемъ, опредѣляющимъ это подлежащее. Изъ падежей родительнаго и винительнаго, замѣнившихъ дательный въ средне-греческомъ языкѣ, окончаніе —ν указываетъ на послѣдній. Форма εἴτιν мнѣ, правда, неизвѣстна, но вполнѣ мыслима.

случаѣ вообще послѣ конечной гласной, напр. въ сборникѣ Яннараки 5,5: ἡ μανοῦλάν των ихъ матушка; 6,4: μασκαρεύγουνταίν την насмѣхаются надъ ней; 11,6: τ' ἀρνιάν του его ягнята; 13, 12: τοῦ δούλουν του его раба (род. пад.); 19, 38: οἱ γι ὀμυαλοίν του его мозги; 20,15: πάνταν του всегда его, т.-е. все остававшееся ему время; 21,36: ὀπίσων του за нимъ и т. п. По значенію εἴντ'ς ἄν совершенно совпадаетъ съ средне-греческимъ εἴτι; сравни напр. въ пѣснѣ у Іоаннида стр. 283, 14: ἔπαρον ἤν τ' ἄν θέλῃς съ приведеннымъ выше мѣстомъ изъ Fab. Rom.: Ζήτησον, εἴ τι βούλει. Сходство вопросительнаго ἴντα съ трапезунтскимъ εἴντ' ἄν таково, что, принявъ въ расчетъ близость вопросительныхъ м-ній съ относительными, едва-ли можно видѣть здѣсь простую случайность. Отпаденіе конечнаго ν — одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій въ ново-греческомъ языкѣ. Въ Кипріотской пѣснѣ у Пассова (395 кон.) встрѣчается даже ἴνταν, — правда, въ значеніи *когда;* но и трапезунтское εἴντ' ἄν нельзя понять иначе въ пословицѣ у Іоаннида стр. 268: Ἦντ' ἄν στέννε τὰ τεμέλια, προσκυνοῦν τὰ κεραμίδια „Когда стоятъ основанія, кланяются кирпичи". Едва ли иное значеніе имѣютъ εἴτι и ὅσα (множ. ч. къ ὅτι, о чемъ см. Маврафриди стр. 609) въ слѣдующемъ мѣстѣ у Вагнера — X 247 (стр. 150): Καὶ εἴ τι φᾷς καὶ εἴ τι πῇς καὶ ὅσα κι ἄν κοιμᾶσαι, Οὐδὲν σὲ λείπει πώποτε ὁ φόβος και ὁ τρόμος „И когда ты ѣшь и когда пьешь и каждый разъ, какъ спишь, тебя не покидаетъ никогда страхъ и трепетъ". Самое ὅ τι получаетъ иногда, по крайней мѣрѣ у Критянъ, смыслъ временной при помощи союза νά для будущаго времени и союза καί для прошедшаго (см. въ словарѣ при сборникѣ Яннараки ὅ τι νά, гдѣ исправь 255 въ 254).

Противъ производства вопросительнаго ἴντα отъ относительнаго εἴτι (ἄν) могло бы, повидимому, свидѣтельствовать его иключительно - вопросительное употребленіе въ средне-греческомъ языкѣ. Точно, ἴντα въ смыслѣ относительнаго м-нія я не могу указать ни въ одномъ старинномъ

памятникѣ, да и въ новыхъ такіе несомнѣнные примѣры, какъ приведенный выше Pass. 403 кон., очень рѣдки. Но новѣйшимъ примѣрамъ, если бы даже ихъ было много, я не придалъ бы большого значенія въ виду легкости перехода вопросительныхъ м-ній въ относительныя. Однако такое недовѣріе едва-ли было бы умѣстно по отношенію къ архаистическому трапезунтскому нарѣчію, въ которомъ м-ніе εἴντ'ς ἄν, εἴντ' ἄν имѣетъ только относительные значеніе. Важность этого обстоятельства нисколько не ослабляется тѣмъ, что трапезунтское вопросительное ντέ=τί есть, вѣроятно, не что иное, какъ то-же εἴνταν, утратившее кромѣ конечнаго ν и начальную гласную подобно (ἐ)ντροπή, (ἀ)νταμώνω и др.: если данное слово употребляется одновременно въ двухъ формахъ, первоначальной и искаженной, и въ двухъ значеніяхъ, древнѣйшемъ и позднѣйшемъ, не мыслимо, чтобы первое было присвоено послѣдней. Но и въ средне-греческомъ есть по крайней мѣрѣ слѣдъ употребленія формы εἴντα(ν) въ смыслѣ относительнаго м-нія, сохранившійся въ нарѣчіи σίντα (когда), напр. Legrand 19,5; 20,3; dist. 72 (стр. 362). Другія формы этого нарѣчія—σίνταν, σίντας или безъ носовой σίτι, σίτια, σίτα, σίτ (послѣднія четыре въ живомъ употребленіи у Трапезунтянъ [g]). Іоаннидъ пишетъ ихъ съ ει, что совершенно правильно, такъ какъ это нарѣчіе, очевидно, сложено изъ предлога (εἰ)ς и м-нія εἴτι въ разныхъ формахъ,

g) Это нарѣчіе или союзъ представляетъ у Трапезунтянъ любопытный примѣръ перехода относительнаго значенія въ указательное,—слѣдовательно примѣръ явленія, противоположнаго обыкновенному чередованію значеній (см. стр. 20—24), именно при повтореніи, какъ у Іоаннида 289,22: Σείτ' ἔπαιγνεν, σείτ' ἔκλαιγεν, σείτ' χαμελὰ τραγῴδιεν „Когда шелъ, тогда плакалъ, тогда тихо пѣлъ" или: „Идучи, онъ плакалъ и (плача) тихо пѣлъ", т.-е. всѣ три дѣйствія вполнѣ совпадали по времени. Ср. Θеокрита 2,82: Χὡς ἴδον, ὡς ἐμάνην, ὥς μευ πέρι θυμὸς ἰάφθη Δειλαίας и примѣчаніе Frizsche къ этому стиху. Нѣкоторые пишутъ ὡς — ὣς = ut — ita, какъ переводитъ La Roche къ Ил. I 512; но Вергилій, знавшій, конечно, по слуху, какъ произносилось въ этомъ случаѣ ὡς, перевелъ его иначе — Ecl. 2,82: Ut vidi, ut perii, ut me malus abstulit error. Такъ и Овидій Her. 13, 89: Ut vidi, ut gemui.

которыя наглядно доказываютъ возможность отпаденія конечной гласной этого м-нія передъ ἄν: σείτι происходитъ отъ простаго εἴτι, σείτια—отъ εἴτι ἄν, σεῖτα—отъ сокращеннаго εἴτ' ἄν, σεῖτ можетъ одинаково относиться къ εἴτι и къ εἶτα(ν). Точно такъ-же σίντα(ν) есть несомнѣнно (εἰ)ς εἴντ' ἄ(ν), откуда объясняется и σίντας (правильнѣе σείντας) съ приставкой ς, какъ ὄντα-ς вмѣсто ὄντα(ν) изъ ὅταν, какъ однозначащія ἀπ-είτι-ς или, сокращенно, ἀπείς (у Критянъ), и ἀφότι-ς или ἀπ-ότι-ς у Іоанна Пикатора ст. 252 (Wagner стр. 232), какъ πάντοτε-ς у него-же ст. 292, ὅποτε-ς тамъ-же ст. 324, ὄντε-ς, τότε-ς, τίποτε-ς, ἀντί-ς, συν-άμα-ς и т. п. [h]).

Такимъ образомъ существованіе εἴτι ἄν или εἴντι ἄν, εἴντα(ν), какъ относительнаго м-нія, въ средне-греческомъ языкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальность этого значенія, если не ошибаюсь, можно считать доказанными. Но все-таки еще остается одно сомнѣніе: отчего-же εἴντα никогда или, можетъ быть, почти никогда не является въ средне-греческихъ памятникахъ относительнымъ м-ніемъ? Вѣроятно, вслѣдствіе того, что двумъ формамъ м-нія εἴτις, первоначальной и искаженной, если онѣ уживались одна возлѣ другой, очень рано были приданы различныя значенія, изъ которыхъ первоначальное, какъ было замѣчено выше, осталось, конечно, за первоначальной-же формой. Нарѣчіе σείνταν образовалось еще тогда, когда εἴτι ἄν и εἴντι ἄν или εἴνταν не были различены по смыслу. Въ это-же время та разновидность средне-греческаго языка, изъ которой развилось впослѣдствіи нынѣшнее трапезунтское нарѣчіе, утратила первоначальную форму εἴτις, εἴτι, и потому форма εἴντ(ι)ς, εἴντ(ι), хотя подверглась у Трапезунтянъ такому-же искаженію, какъ и

h) Не такое-ли же распространеніе посредствомъ ς слѣдуетъ видѣть и въ формѣ εἴντας, которая, по увѣренію Муллаха Grammatik der griechischen Vulgarsprache. стр. 92, въ ходу на островахъ Киѳнѣ, Хіосѣ и Псирѣ? Если она дѣйствительно значитъ τίς, какъ утверждаетъ Муллахъ, такое употребленіе можно объяснить развѣ недоразумѣніемъ, возникшимъ вслѣдствіе истолкованія конечной ς въ смыслѣ окончанія мужескаго рода.

у другихъ Грековъ, неразрывно сросшись съ частицей ἄν, тѣмъ не менѣе сохранила въ этомъ нарѣчіи свое подлинное значеніе. Если позднѣйшее вопросительное м-ніе Трапезунтянъ ντέ въ самомъ дѣлѣ образовано путемъ искаженія изъ εἴντα, которое замѣнило въ немъ общее средне-греческое εἴτι (ἄν), тогда трапез. вопрос. ντέ: трапез. относ. εἴνταν = средне-греч. вопрос. εἴντα(ν): средне-греч. относ. εἴτι (ἄν), т. е. трапезунтское нарѣчіе въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, осталось вѣрно тому пути, которымъ шелъ средне-греческій языкъ, и потому его свидѣтельство относительно первоначальнаго значенія формы εἴντα(ν) въ высшей степени важно.

Въ трапезунтскомъ нарѣчіи есть и другое относительное м-ніе — ντό, употребляемое для опредѣленія существительныхъ средняго рода или обозначающихъ животныя и вещи, напр. въ пословицѣ у Іоаннида стр. 268: Ἡ βοῦκα ντὸ 'κὶ θᾶν' τ' ἐμόν, ἄς τρώγῃ ατο ὁ σκύλλος „Кусокъ, что̀ не будетъ моимъ, пусть ѣстъ (его) собака" [i]). Оно-же употребляется и какъ

i) Опредѣляемое слово передъ ντό ставится въ томъ падежѣ, который логически заключается въ м-ніи. То-же передъ обще-греческимъ ποῦ или ὅπου, напр. въ пословицѣ, которая соотвѣтствуетъ выше приведенной: Ἀπὸ πῆττα ποῦ δὲν τρῷς, μὴ σὲ μέλῃ κι ἂν καῇ „Отъ пирога, что̀ не ѣшь, да не заботитъ тебя, если (онъ) и сгоритъ", т. е. о пирогѣ, отъ котораго ты не получишь куска, не безпокойся и т. д.; Pass. 470,31: Τῆς Ἀρετῆς τὸ λείψανο, τῆς Ἀρετῆς τὸ ξόδι, Ἐκείνην ὅπ' ἠγάπησες κι ὅπου θέλες (читай: Ἤθελες) νὰ πάρῃς „Ареты останки, Ареты выносъ, ту что̀ (=той, которую) ты полюбилъ и что̀ хотѣлъ взять (за себя)", тогда какъ другіе языки въ такихъ случаяхъ, если не употребляютъ того падежа, котораго требуетъ смыслъ или грамматическія условія главнаго предложенія, прибѣгаютъ къ именительному падежу, напр. въ польскомъ актѣ 1415 г. у Пршиборовскаго Programm d. königlichen Mariengymn. zu Posen 1860—61 стр. 1 (откуда я заимствовалъ и другой примѣръ на стр. 69): ta niua czso yey Swansek dobil na Gnewomirze, tey yandrzey ma trzeczą czanscz „та нива, что̀ ее (=которую) Сваншекъ добылъ на Гнѣвомірѣ, той Андрей имѣетъ третью часть"; Percy II стр. 15 ст. 71: He that had no gode hors, He gat hym a mare. Изъ приведеннаго правила о падежѣ опредѣляемаго при ποῦ видно, правъ-ли былъ Legrand, поставивъ Ἐκεῖνοι ποῦ наперекоръ чтенію Вѣнской рукописи въ 1,95: Ἐκείνους ὅπου ἐγύρισεν ὁ γέρων φιλομούστης Κρασὶ μ' ἔλουσαν παρευθὺς „Тѣхъ (вм. тѣ,) что̀ собралъ (?) старикъ

вопросительное м-ніе средняго рода и можетъ такимъ образомъ совпадать съ чисто-вопросительнымъ ντέ, не исключая даже такихъ частныхъ случаевъ, какъ восклицаніе, напр. у Іоаннида стр. 276: ντὸ μεγάλ'σσα εἶσαι! „какая ты большая!". Откуда происходитъ это м-ніе и которое изъ двухъ его значеній первоначально? Іоаннидъ считаетъ его сложеннымъ изъ ντέ и ὅ, что̀ невозмо̀жно, потому что первое образовалось тогда, когда послѣднее было давно забыто. Но ничто̀ не препятствуетъ видѣть въ немъ средній родъ члена τό съ усиленіемъ начальнаго τ посредствомъ ν, какъ по-цаконски въ род. и вин. пад. ед. ч. м-нія 2-го лица—ντι и ντε изъ дорическихъ τύ, τεοῦς, τεΐν. Въ примѣчаніи 3 было сказано, что то указательное м-ніе, которое впослѣдствіи за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ выраженій употреблялось въ качествѣ члена, встрѣчается въ смыслѣ относительнаго м-нія не только у Гомера, но и въ ново-греческомъ языкѣ (въ обширномъ смыслѣ этого выраженія). Любой памятникъ средне-греческаго языка, представляющій не искусственную книжную, а живую народную рѣчь, изобилуетъ примѣрами этого употребленія, въ томъ числѣ и такими, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что членъ въ этомъ значеніи вполнѣ принялся и усвоенъ народнымъ сознаніемъ, какъ относительное м-ніе. Придаточное предложеніе съ членомъ въ этомъ смыслѣ ставится очень часто передъ главнымъ, т. е. является

винолюбецъ, тотчасъ омыли меня виномъ", гдѣ можно было бы оставить въ покоѣ и ὁποῦ, допустивъ слитіе ου съ ε, какъ напр. ст. 37 и 42. Такое притяженіе возможно и при склоняемомъ относительномъ м-ніи, напр. Wagner XI 183 (стр. 184) Ἐγὼ τὰς κάλτσας τὰς φορῶ ἔνε ἀπὸ σκαρλάτο „Чулки, которыя я ношу, изъ кармазина". О томъ-же въ древне-греческомъ см. Kühner II стр. 918,4, въ латинскомъ — примѣчаніе Уссинга къ ст. 1002 Плавтова Amphitruo.—Хотя ντό не частица, а м-ніе, оно употребляется довольно свободно, напр. у Іоаннида стр. 267: ἐσὰ ὥρας, ντ' ἔρθαμ', οἱ ἀθρώκ' ποίων καλὸν γνώριζνε; „во времена, что̀ мы пришли (т. е. до которыхъ мы дожили?) люди чье добро признаютъ?", что̀ напоминаетъ русское *что* (третье) на стр. 15 и французское que на стр. 55; 282: Ἂν θέλεις καὶ τὸ ἄλογομ μ', ντὸ 'χ' ἔχ' ὁ βασιλέας „Если ты хочешь и лошадь мою, какой нѣтъ у царя"; ср. примѣч. 9 и 14.

уже извращеніе естественнаго порядка (см. стр. 24). Членъ подвергается всѣмъ тѣмъ видамъ притяженія, какіе допускаются при относительныхъ м-ніяхъ; примѣры см. въ примѣчаніяхъ 21 и і и ниже. Даже въ книжной рѣчи, если она хоть нѣсколько приближается къ разговорной, можетъ быть, противъ воли писателей проскакиваютъ отдѣльные примѣры члена въ смыслѣ относительнаго м-нія, какъ Fab. Rom. 95,11: Πέμψον ἡμῖν τὸ χρυσίον τὸ σὲ (= σοι) ἐδώκαμεν. Въ новѣйшемъ языкѣ это употребленіе исчезаетъ и сохранилось чуть-ли не исключительно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ оно завѣщано преданіемъ, напр. въ пословицахъ: Ἀλλοὶ 'ς τὸν δέρνουν δεκοχτὼ καὶ δὲν τὸν δέρν' ὁ νοῦς του „Горе тому, кого бьютъ восемнадцать (человѣкъ), а не бьетъ (его) его сознаніе!“; Τὸ δὲν σὲ μέλει, μὴ 'ρωτᾷς, ποτὲ κακὸν νὰ μὴ ἔχῃς „Что тебя не касается, не спрашивай, чтобы когда-нибудь не нажить себѣ бѣды“ (Βενετοκλῆς, Βραχεῖαι παρατηρήσεις εἴς τινας λέξεις καὶ παροιμίας τῆς καθ' ἡμᾶς ἑλληνικῆς γλώσσης. Ἐν Ἀθήναις 1872—стр. 88,40 и 129,32; ср. 127,32); три другія пословицы приведены у Муллаха стр. 191, у Софокла стр. 128, и двѣ изъ нихъ повторены у Яннараки на критскомъ нарѣчіи, 168 и 172 (стр. 311), послѣдняя въ нѣсколько иномъ видѣ. Хотя пѣсни обыкновенно болѣе подвержены измѣненіямъ, чѣмъ пословицы, однако-же и въ пѣсняхъ тамъ и сямъ попадается этотъ старинный, но, очевидно, еще понятный оборотъ. Особенно часто онъ встрѣчается въ извѣстныхъ выраженіяхъ, освященныхъ употребленіемъ, каковы τὸν (τὴν, τὸ) λέγουν или λέγαν и τὴν ἀγαπῶ,—ᾷς [k]). Послѣдняя формула какъ-бы окаменѣла въ значеніи „моя

---

k) Примѣры перваго выраженія Pass. 218,19; 253,25; 257,2 (см. Legrand 58 кон. съ переводомъ); 463,2; 492,2; 637,10, втораго 527,3; 532 е, 5; d. 456; также 15,10; 30,11; 441,5 и др. съ формулой καλῶς τὸν αγαπῶ, которая 588,6 неправильно написана καλὸ στὸν ἀγαπῶ. Для незнакомыхъ съ ново-греческимъ языкомъ замѣтимъ, что καλῶς не значитъ просто *хорошо* (какъ καλά, напр. Pass. 437,5 и 9: ὁποῦ τὴν ἀγαπᾷ καλά celle qui l'aime bien), но выражаетъ благопожеланіе, причемъ названіе лица, къ которому оно относится, ставится

(твоя) возлюбленная“, чѣмъ, повидимому, объясняется смѣлое притяженіе Pass. 443,2 (по варіянту): 'ς τῆς ἀγαπῶ τὴν πόρτα „у двери моей возлюбленной“; ср. Legrand 3,124: 'ς τῆς λυγερῆς (красавицы) τὴν πόρταν. Тѣмъ болѣе странно въ сфакіотской пѣснѣ Pass. 245,14: Ὁ πρῶτος ὁ σκοτώθηκεν ἦτον ὁ Μποῦζο Μάρκος „Первый, кто былъ убитъ, былъ Бузо Маркосъ“, потому что въ средне-греческомъ такимъ образомъ употребляются только формы съ τ; къ тому-же у Яннараки (43) здѣсь читается: Πρῶτος ἀποῦ σκοτώθηκε. Что касается трапезунтскаго нарѣчія, то оно въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія; но, если вѣрно правописаніе Іоаннида, Трапезунтяне и въ живой рѣчи до сихъ поръ употребляютъ членъ вмѣсто относительнаго м-нія послѣ ἄμμον *какъ* (ἄμμον ἐσέν какъ ты), напр. 278,6: ἄμμον τὸ λές „судя по тому, что̀ ты говоришь“ (Legrand 143,29: κατὰ ποῦ λές); ἄμμον τό передъ цѣлымъ предложеніемъ значитъ также *какъ только*, какъ теперь у прочихъ Грековъ одно ἅμα, или просто *какъ*, напр. 279,8: ἄμμον τὸ ἔσαν πρῶτα „какъ они были прежде“, съ чѣмъ поучительно сравнить тамъ-же: ἄμμον καὶ πῶς ἔσαν „такъ-же, какъ они и были“. Но можно-ли поручиться, что въ этихъ случаяхъ не слѣдуетъ писать ἄμμον ντό или ἄμμο ντό? [1]). Какъ бы то ни было, предложенное мною объясненіе ντό не нуждается для своего подтвержденія ни въ какихъ особенныхъ аналогіяхъ изъ современнаго трапезунтскаго нарѣчія: нѣкоторые слѣды употребленія члена въ смыслѣ относительнаго м-нія, хотя бы и очень слабые именно въ этомъ нарѣчіи, и существованіе этого употребленія въ средне-греческомъ языкѣ, отъ котораго это нарѣчіе про-

---

въ вин. пад. Ср. καλῶς τονε τὸν Χρόνη 48,4 καλῶς τον τὸν λεβέντην (молодца) 426,7; 427,1; 429,5, гдѣ καλὸ 'ς невозможно, потому что м-ніе 3-го л. τόν, нерѣдко энклитическое, не соединяется съ предлогомъ.

1) Полную параллель къ этому реченію представляетъ употребительное у греческихъ поселенцевъ въ Калабріи нарѣчіе μότι (motti) *когда*, если справедливо предположеніе Компаретти Saggi dei dialetti greci dell' Italia meridionale (Pisa 1866), Note (42,3): forse proviene da ὅμα ὅτι.

исходитъ, совершенно достаточны для того, чтобы это объясненіе не казалось по крайней мѣрѣ невѣроятнымъ. Эта вѣроятность значительна усиливается свидѣтельствомъ нарѣчія, близкаго къ Трапезунтскому, синопскаго, въ которомъ вмѣсто ντό говорится прямо τό; да и въ Трапезунтѣ, по завѣренію уроженца той-же мѣстности, г. Сакова, перѣдко слышится τό, какъ пишетъ и Пассовъ въ трапезунтской пѣснѣ 481,6, а во мн. ч. всегда τά. Если такъ, ντό представляетъ другой примѣръ перехода относительнаго м-нія въ вопросительное, — перехода, которому въ данномъ случаѣ содѣйствовало, вѣроятно, созвучіе съ ντέ.

Въ нарѣчіи Трапезунтянъ есть и еще одинъ примѣръ того-же явленія — нарѣчіе apoten (=πόθεν), если только вѣрно правописаніе Іоаннида ἀπ' ἔθεν. Legrand пишетъ ἀπόθεν, но какъ онъ понимаетъ это слово, неизвѣстно. При усвоенномъ имъ правописаніи возможно дѣленіе ἀ—πόθεν, гдѣ ἀ можетъ имѣть значеніе или благозвучной или указательной приставки; но первая допускается чуть-ли не исключительно передъ знаменательными частями рѣчи, а послѣдняя—, конечно, только передъ указательными словами: ἀτόσον, ἀέτς (обще-греч. ἔτσι такъ), ἀτώρα (τώρα, т. е. τῇ ὥρα, теперь), ἀδά (δά тамъ, особенно въ τουτο-δά и др.), ἀοῦτος (устарѣлое οὗτος), также, можетъ быть, ἀεῖκος (такой), происхожденіе котораго мнѣ неизвѣстно. Искаженіе изъ ἀπ' πόθεν не мыслимо, потому что ἀπό теряетъ конечную гласную только передъ формами члена съ τ, да и то не въ трапезунтскомъ нарѣчіи, въ которомъ вмѣсто сокращеннаго ἀπ' употребляется ἀς [m]); но вполнѣ возможно ἀ(πο)-

---

m) Это ἀς есть, конечно, не что иное, какъ предлогъ ἐκ или ἐξ, удержанный въ первой формѣ нѣкоторыми нарѣчіями до нашихъ дней, а въ древности у Віотянъ, Θессалійцевъ, Аркадянъ и близкихъ къ послѣднимъ Кипрянъ звучавшій ἐς. Слѣдовательно форма ἐς составляла принадлежность Эолянъ и потому была употребительна въ Азіи,—по всей вѣроятности, не только на островѣ Кипрѣ, но и на материкѣ, чѣмъ и объясняется ея существованіе въ трапезунтскомъ нарѣчіи. Переходъ начальнаго ε въ α, очень распространенный въ ново-греческомъ, коснулся и предлога ἐκ; напр. въ повѣсти объ Аполлоніи форма ἀκ засвидѣтельствована рукописью четырежды: ст. 477 (Wagner стр. 264), 493 (ib.), 535 (265), 664 (270).

πόθεν съ сокращеніемъ двухъ одинаковыхъ слоговъ въ одинъ, какъ Morosi (Studi sui dialetti greci della terra d' Otranto. Lecce 1870 стр. 146) объясняетъ и калабрское apoten. Уже въ древности, по свидѣтельству Гесихія, жители Пафоса говорили: ἔσποθ' ἔρπες; вмѣсто πόθεν ἥκεις. Что касается объясненія Іоаннида, то, принявъ его, необходимо признать у Трапензунтянъ за ὅθεν болѣе долгое существованіе, чѣмъ за густымъ дыханіемъ, которое должно было обратить π въ φ. Или мы можемъ допустить здѣсь эолизмъ?

Обратное вліяніе косвеннаго вопроса обнаруживается въ употребленіи вопросительныхъ м-ній въ значеніи относительныхъ. Мы видѣли на стр. 24, что этотъ переходъ можетъ совершаться путемъ прямаго вопроса; но въ греческомъ языкѣ, какъ было замѣчено на стр. 72, измѣненіе смысла нѣкоторыхъ вопросительныхъ м-ній совершилось преимущественно вслѣдствіе безпримѣрной въ другихъ языкахъ близости косвеннаго вопроса къ относительнымъ предложеніямъ. Еще къ древности относятся первые случаи смѣшенія τίς съ ὅστις и ὅς, которое можно прослѣдить исторически по примѣрамъ, хотя и немногочисленнымъ, приведеннымъ у Кюнера II стр. 1018; смотри также Шнейдерово изданіе Каллимаха I стр. 422. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ надписей. Двуязычная надпись на столбѣ, находящемся въ Капитолійскомъ музеѣ, C. I. G. 6184: Ἀννία Ῥήγιλλα,—Ἡρώδου γυνή, τὸ φῶς—τῆς οἰκίας, τίνος ταῦ—τα τὰ χωρία γέγοναν.—Annia Regilla,—Herodis uxor,—lumen domus,—cuius haec—praedia—fuerunt, гдѣ поправка издателей ἧς τινος неправдоподобна по причинамъ какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ: это м-ніе находится не въ началѣ, а въ серединѣ строки, и форма γέγοναν, которую они-же напрасно исправляютъ въ γέγονεν, указываетъ на позднѣйшій простонародный языкъ, не допускающій классической мѣрки. Стихотворное окончаніе надписи найденной во Фригіи, 3827 v. (t. III add. et corrig. p. 1055): Τίς ἂν προσάξει χεῖρα τὴν βαρύφθονον, Πολλαῖς ἀώροις περιπέσοιτο συμφοραῖς. Искаженія той-же формулы въ надпи-

сяхъ той-же мѣстности—3843: Τὶς (издатели: ὃς) ἂν δὲ χεῖρα προσαγάγῃ βαρύφθονον, ταῖς αὐταῖς περιπέσοιτο συνφοραῖς и 3883: Τὶς ἂν προσ(άξε)ι χεῖρα τὴν (β)αρύφθονον, (οὕτω)ς ἀ-(ώρ)οις..... [n]); см. также найденную въ Италіи 6223. b., которая впрочемъ такъ испорчена, что я ограничусь указаніемъ на примѣчаніе къ ней въ Addenda. Для уясненія смысла этого τίς (если только онъ не ясенъ и безъ того) сравни 3846. z. [60] (t. III add. p. 1077): Ὅστις νεκρὰν πρόσοψιν ἀφανίσει τέκνου, Οὕτως ἄωρον (читай:—ροις) περιπέσοιτο συμφοραῖς. Оттуда-же 3882. i., 8 слѣд. (ib. add. p. 1101):... Ἀμια—νῷ: Τὶς ἂν δὲ τούτῳ—τῷ μνημείῳ κακὸν προσποιή—σει.....,—ἀποτείσει τῷ ἱερωτάτῳ τα—μείῳ δηνάρια δισχίλια πεντα—κόσια. Издатели, какъ мы видѣли, большею частію исправляютъ это τίς въ ὅστις или ὅς или, по крайней мѣрѣ, объясняютъ его изъ перваго [o]). Въ такомъ случаѣ τις было бы энклитикой или проклитикой, а между тѣмъ замѣтка схоліаста къ первымъ стихамъ Софоклова Эдипа въ Колонѣ (у Шнейдера тамъ-же) свидѣтельствуетъ о тождествѣ относительнаго τίς съ вопросительнымъ,—стало быть, и объ одинаковомъ удареніи, которое впрочемъ при относительномъ значеніи, вѣроятно, подлежало общему правилу объ ὀξύτονα передъ другими словами. И такъ въ позднѣйшемъ древне-греческомъ языкѣ, между прочимъ и въ Ἀσιανὴ γλῶσσα, было относительное м-ніе τίς и даже, какъ видно изъ надписей 3843 и 3882 (τὶς ἂν δὲ—), τὶς ἄν, произносившееся, вѣроятно, τισάν, такъ какъ

---

n) Текстъ этой надписи значительно пострадалъ,—по крайней мѣрѣ, въ томъ спискѣ, которымъ пользовались издатели C. I. Заключенныя въ скобки дополненія и поправки принадлежатъ имъ кромѣ προσ(άξε)ι, гдѣ они читаютъ προσ(αγάγῃ), не обративъ вниманія на сохранившуюся въ концѣ слова ι: въ позднихъ надписяхъ, особенно такого качества, ι не подписывалась; такъ въ приведенной выше 3843 на камнѣ значится προσαγαγη. Что же касается будущаго времени въ относительныхъ неопредѣленныхъ предложеніяхъ даже при ἄν, сравни надписи, текстъ которыхъ выписанъ здѣсь и на стр. 79.; то-же при εἰ помимо случаевъ, допускаемыхъ классическимъ языкомъ, стр. 78.

o) Add. ad 6223: Quippe inter pronuntiandum ἥτις in τις depravatum absorpta priore syllaba.

при соединеніи двухъ словъ въ одно реченіе тяжелое удареніе перваго пропадаетъ передъ удареніемъ втораго, напр. ἐπε-(ι)-άν, ἐπει-δή [р]). Это τισάν должно было облегчить сложеніе εἴτισαν, сохранившееся въ трапезунтскомъ εἴντσαν. Изъ среднегреческаго языка, кромѣ сомнительнаго мѣста въ повѣсти объ Аполлоніи (см. стр. 24), мнѣ извѣстенъ только одинъ примѣръ относительнаго τίς, именно Fab. Rom. 220 (къ 109,19): διπλὴν καὶ τριπλὴν τὴν τιμὴν ἀπὸ τί ἐζυγίαζαν τὰ ξύλα „двойную и тройную цѣну противъ (того,) что́ вѣсило дерево“ (lignum), гдѣ рукописное искаженіе изъ обыкновеннаго ἀπ' ὅτι невѣроятно. Но Трапезунтяне до сихъ поръ употребляютъ въ относительномъ смыслѣ вин. пад. τινάν, напр. Pass. 527,3: 'Εμάγεψαν τὴν ἐγαπῶ, κ'ἐπῆραν τινὰν θέλω. Τὴν ἐγαπῶ φορεῖ σακκίν, τινὰν 'κὶ θέλω ῥοῦχον „Околдовали (ту), которую я люблю, и взяли (ту), которой желаю; которую я люблю, (та) носитъ мѣшекъ (?), которой не желаю, (та носитъ) платье.“ [г]); у Іоаннида 281,13: Τὴν κόρ', τινὰν αἰγάπανες, κρατοῦν καὶ πᾶγνε, θάφνε. — 'Εγὼ... τινὰν αἰγάπανα, ἐπῆραν, πᾶγνε, θάφνε; „Дѣвушку, которую ты любилъ, держатъ (на рукахъ) и несутъ хоронить. — Я... которую любилъ, взяли

р) Пока греческое удареніе сохраняло свою музыкальность, т. е. было основано не на усиленіи, а на повышеніи голоса, на напряженіи не выдыхательныхъ мышцъ, а голосовыхъ связокъ, въ упомянутомъ случаѣ тяжелое удареніе пропадало, вѣроятно, только на письмѣ, а въ живой рѣчи напр. ἐπεάν звучало epèán, какъ мы можемъ условно изобразить восходящее соединеніе трехъ нотъ, интервалли которыхъ намъ неизвѣстны. Но чѣмъ ближе удареніе въ греческомъ языкѣ подходило къ нашему, чѣмъ болѣе оно смѣшивалось съ прежнимъ метрическимъ удареніемъ (ictus), тѣмъ слабѣе звучало тяжелое удареніе внутри словъ.

г) Это темное мѣсто станетъ нѣсколько понятнѣе, если вторую половину перваго стиха мы будемъ читать такъ: πῆραν τινὰν 'κὶ θέλω „взяли (ту), которой я не желаю“. Глаголъ παίρνω употребленъ здѣсь, можетъ быть, въ томъже смыслѣ, какъ въ приведенномъ выше отрывкѣ критской пѣсни (примѣч. 25). Въ такомъ случаѣ второй стихъ будетъ указывать на различіе между двумя невѣстами по ихъ состоянію. Но если эта разница состояній находится въ отношеніи слѣдствія къ первому стиху, то ἐπῆραν или испорчено или употреблено въ неизвѣстномъ мнѣ значеніи.

и несутъ хоронить?“. Вотъ еще три примѣра, очевидно, разговорные, сообщенные мнѣ г. Саковымъ: τὸν ἄνθρωπον, τιναν (sic) 'χ' εἶδες, μὴ κατηγορᾷς „человѣка, котораго ты не видалъ, не порицай“; ἐμεῖς τιναν 'χ' εἴδαμεν, ἄλλοι πάλ' ἂς μὴ θωροῦν ἀτον „мы кого не видали, пусть и другіе на того не глядятъ“; ναὶ παῖ! ἐψές τιναν εἶδες, ἀτός ἔτον „о дитя, кого ты видѣлъ вчера, былъ онъ“. Изъ сопоставленія всѣхъ пяти примѣровъ можно вывести, 1) что употребителенъ только вин. пад. ед. ч. м. и ж. р.; 2) что, хотя и нельзя назвать это τιναν м-ніемъ относительнымъ неопредѣленнымъ, какимъ не всегда было и древнее относительное τίς, однако-же въ немъ есть извѣстная неопредѣленность, такъ какъ оно, повидимому, не можетъ относиться къ лицамъ, обозначеннымъ вполнѣ опредѣленно, напр. именемъ; 3) что оно употребляется въ извѣстныхъ выраженіяхъ, напр. съ ἐγαπῶ или однозначащимъ θέλω и съ εἶδα; 4) что удареніе формы τινάν до такой степени слабо, что самое существованіе его можетъ казаться сомнительнымъ. При легкости отпаденія начальныхъ гласныхъ въ ново-греческомъ языкѣ, казалось бы возможнымъ произвести и это τινάν отъ соотвѣтственной формы м-нія ὅστις; но въ виду того, что по ново-гречески она звучитъ ὅτινα, хотя вмѣсто τις, вин. τινα говорится τινάς, τινάν, такое объясненіе оказывается неправдоподобнымъ, а потому гораздо естественнѣе поставить τινάν въ непосредственную связь съ позднѣйшимъ древне-греческимъ относительнымъ неопредѣленнымъ τὶς ἄν, вин. пад. τίν' ἄν, позже, по законамъ тоническаго ударенія въ греческомъ языкѣ, съ однимъ повышеніемъ, именно съ тѣмъ, которое получило перевѣсъ въ именительномъ падежѣ,—τιν' ἄν.

У греческихъ поселенцевъ въ Калабріи употребляется также относительное τίς, передъ согласными и въ среднемъ родѣ τί, вин. пад. м. и ж. р. τινὰ. Компаретти въ текстѣ своихъ Saggi dei dialetti greci dell' Italia meridionale пишетъ 'tis, 'ti, намекая тѣмъ, конечно, на происхожденіе

изъ ὅστις; но могла-ли отпасть гласная съ согласной? Если бы мы имѣли право указать, какъ на первообразъ этого м-нія, на гомерическое ὅτις, дѣло объяснялось бы очень просто; но послѣдняя форма, сколько мнѣ извѣстно, чужда средне-греческому языку. Возможны два объясненія этихъ формъ: онѣ или такой-же остатокъ старины, какъ трапезунтское τινάν, или переводъ итальянскаго chi. Послѣднее можетъ показаться даже болѣе вѣроятнымъ при множествѣ всякихъ итальянизмовъ въ этомъ нарѣчіи, между прочимъ, можетъ быть, и πόσος (ит. quanto) и πόα (ит. quando) вмѣсто обще греческихъ ὅσος и ὅτε; но въ такомъ случаѣ какъ объяснить сложное τίς-που, употребляемое тамъ-же въ смыслѣ древняго ὅστις? переводомъ итальянскаго chiunque? но какимъ-же именно? Ποτε, которое могло бы соотвѣтствовать частицѣ unque, точно, можетъ сокращаться въ сложеніи, но не въ που, какъ видно изъ м-нія τί-πο или τί-πι (обще-греч. τί-ποτε=древне-греч. τι или οὐδέν); см. Morosi стр. 125. Къ тому-же чуть-ли не такое-же образованіе мы находимъ въ трапезунтскомъ upan, т. е. οὐπ' ἄν (Legrand 89,20) вмѣсто обще-греческаго ὅπου καὶ ἄν (гдѣ бы ни) [s].

Но употребительный въ нарѣчіи тѣхъ-же переселенцевъ союзъ τί вмѣсто ὅτι находится, можетъ быть, въ неразрывной связи съ обще-греческимъ τί, которое, вѣроятно, произошло изъ ὅτι, никогда не умиравшаго въ греческомъ языкѣ. Это усѣченіе только кажущимся образомъ противорѣчитъ правилу о неприкосновенности высокой гласной, которое Г. Курціусъ отвергаетъ безъ достаточныхъ основаній: начальную гласную потеряло не полнозвучное ὅτι, а произносимое

---

s) И такъ мы видѣли въ трапезунтскомъ нарѣчіи уже три относительныхъ образованія съ приросшимъ ἄν — εἴντσαν, τινάν и οὔπαν, какъ пишетъ Legrand, или, какъ, вѣроятно, слѣдуетъ писать, οὖπαν изъ οὖπ'(ου) ἄν. Τὶς ἄν находится уже въ 'Ασιανὴ γλῶσσα, въ которой употреблялось и ἵς ἄν, напр. во фригійской надписи 3865. i. (t. III add. p. 1096): ὃς ἂν δὲ κακῶς ηυησε (читай: ποιήσει) τέκνα ἄωρα.... (ср. ново-гр. ὡσάν какъ). Такимъ образомъ это нарѣчіе и здѣсь осталось вѣрно унаслѣдованному имъ пріему.

въ быстрой рѣчи вмѣстѣ съ послѣдующими словами ὅτι; такъ и нашъ союзъ *что* произносится безо всякаго ударенія, какъ показываетъ его неопредѣленная гласная. Такою временною утратой ударенія объясняется множество случаевъ усѣченія высокой гласной въ самыхъ разнообразныхъ языкахъ; сюда относятся ново-греч. (ἵ)να, лат. (i)ste и (i)lle, срб. (je)сам, пол. (i)że и т. п.

Вопросительною формой въ смыслѣ относительной, а не сокращенною изъ относительной неопредѣленной надобно признать πῶς вмѣсто древняго ὡς, какъ въ трапезунтскомъ примѣрѣ на стр. 88. Мы видѣли на стр. 64, что πῶς употребляется между прочимъ въ смыслѣ союза ὅτι; такъ какъ это значеніе указываетъ на косвенный вопросъ, а эта форма вопроса въ ново-греческомъ не отличается отъ прямой, относительное πῶς, очевидно, тождественно съ вопросительнымъ. Совершенно такое-же явленіе представляетъ союзъ διατί или γιατί въ смыслѣ διότι, по переходу значеній прямо противоположный сербскому jер *почему*. Что же касается относительныхъ ποιός (который) и ποῦ (нарѣчіе и частица), то какъ союзъ τί образовался изъ ὅτι, такъ, вѣроятно, и они сократились изъ ὁποῖος и ὁποῦ. Послѣднее есть новообразованіе изъ перваго, уже утратившаго неопредѣленность, какъ наоборотъ ὅποιος (произноси ópjos) произведено изъ ὅπου, получившаго смыслъ относительнаго неопредѣленнаго м-нія, но сохранившаго и свое прежнее значеніе. Итакъ, если изъ корня πο явилось новообразованіе съ ὀπ- (ὀποῦ), трудно предположить, чтобы языкъ началъ употреблять въ то-же время въ томъ-же значеніи отъ того-же корня формы съ π- (ποῦ и ποῖος — ποιός, о чемъ см. примѣч. 5 въ концѣ). Слогъ ὀ- могъ впослѣдствіи отпасть, какъ въ μολογῶ, μονοιάζω, μιλῶ, σπίτι (hospitium) и т. п.; въ данномъ случаѣ отпаденію этого слога могло содѣйствовать смѣшеніе его съ членомъ, такъ какъ въ средне-греческомъ языкѣ употреблялось и ὁ ποῖος, ἡ ποία, τὸ ποῖον, смѣнившееся въ новѣйшей книжной рѣчи соединеніемъ ὁ ὁποῖος и т. д. (ср. примѣч. 11).

Утрата понятія качественности оъ ποιός или ὁ ὁποῖος и ὅποιος напоминаетъ то-же явленіе въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, напр. романскихъ, и германскихъ, въ которыхъ видоизмѣненія м-ній качественныхъ qualis и hvîliks употребляются въ смыслѣ простыхъ относительныхъ. То-же мы видѣли въ средне-греческомъ οἷος, не пустившемъ однако прочныхъ корней въ языкѣ. Это превращеніе качественныхъ относительныхъ м-ній въ простыя въ греческомъ языкѣ имѣетъ также нѣчто общее съ косвеннымъ вопросомъ, особенности котораго такъ важны для вѣрнаго пониманія позднѣйшихъ греческихъ относительныхъ м-ній и союзовъ. Ὅστις есть неопредѣленное относительное м-ніе классическаго древне-греческаго языка, но оно можетъ относиться и къ опредѣленному лицу или предмету, указывая при этомъ на его качество или на тѣ особенныя обстоятельства, въ которыхъ находится это лице или предметъ, и такимъ образомъ соотвѣтствовать латинскому qui (съ сослагательнымъ или съ изъявительнымъ наклоненіемъ), а не quicumque или quisquis; см. Ellendt-Genthe, Lexicon Sophocleum s. v. и кромѣ того Lys. 1,27; 6 (подложная), 45; Dinarch. in Demosth. 93; Hyper. Epitaph. X 9—21; Thucyd. III, 57,3; 64,4 (съ примѣчаніемъ Классена); IV, 18,1; Alciphr. epist. II, 4,5 (Epistolographi graeci ed. Hercher p. 65). Другой случай, когда ὅστις можетъ обозначать опредѣленное лице или предметъ, и есть косвенный вопросъ. Но въ позднѣйшемъ древне-греческомъ языкѣ мы встрѣчаемъ ὅστις при названіи опредѣленнаго лица или предмета безъ оттѣнка качественности даже внѣ косвеннаго вопроса, напр. C. I. 6391: Εὐτυχίῳ—, ὅστις ἔζησεν μῆνας ια΄, ἡμέρας ια΄; 6405: Ζωτικῇ—, ἥτις ἔζησεν μετ' ἐμοῦ ἔτη δ΄; 6437: Μελιτίνῃ—, ἥτις συνεβίωσέ μοι ἀπὸ ἐτῶν ιε΄ ἅμα ἔτη λε΄; такъ-же 6441 b; 6474,5; 6503,4; 6545,6; 6667,5; 6769,2 и др. Такимъ образомъ м-ніе ὅστις, потерявъ свою неопредѣленность внѣ косвеннаго вопроса вмѣстѣ съ тѣмъ утратило и значеніе качественности

и превратилось въ простое относительное м-ніе, какъ позже ὁποῖος—ποῖος—ποιός.

Что касается нынѣшняго употребленія разсмотрѣнныхъ здѣсь ново-греческихъ относительныхъ м-ній, то значеніе опредѣленныхъ имѣютъ ὁ ὁποῖος въ книжномъ языкѣ и частица ὁποῦ или ποῦ (рѣже ὅπου, какъ у Христопула: Ἐκεῖνον ὅπου ξεύρεις „того, кого ты знаешь“), а въ смыслѣ неопредѣленныхъ употребляются безразлично ὅποιος и ὅπου, въ ср. р. также ὅ τι, въ род. падежѣ всѣхъ родовъ иногда ὅτινος, въ вин. м. ὅτινα. Относительное опредѣленное ποιός значитъ теперь большею частію то-же, что ὅποιος, и, по замѣчанію Софокла стр. 74, „обветшало или ветшаетъ“. Но оно живетъ и сохранило прежнее, т.-е. средне-греческое, значеніе въ трапезунтскомъ нарѣчіи, гдѣ оно употребляется рядомъ съ ποῦ для обозначенія лицъ,—кажется, только мужескаго рода: ποιά мнѣ не встрѣчалось. Косвенные падежи отъ ποιός, кромѣ развѣ винительнаго, у Трапезунтянъ неупотребительны; но вотъ примѣръ чрезвычайно поучительный изъ народнаго расказа у Іоаннида стр. 266: εἶπεν καὶ ἕτερον, ποιός ἔσαν βλαμμένα τὰ χέρια 'τ' (вмѣсто ἀτου) „сказалъ и другой, который были повреждены руки его“ (т.-е. котораго руки б. п.), гдѣ падежъ м-нія ποιός выраженъ посредствомъ личнаго м-нія, какъ падежъ частицы ποῦ или несклоняемыхъ арабскаго 'allaḏî и болгарскаго *кои-то*. По своему образованію ποιός (или, какъ обыкновенно произносятъ въ Трапезунтѣ, ποῖος), есть вполнѣ склоняемое м-ніе; и такъ, если оно по чему бы то ни было является несклоняемымъ или, по крайней мѣрѣ, безъ родительнаго падежа и должно прибѣгать къ косвеннымъ падежамъ личнаго м-нія, то такой образъ выраженія основанъ, очевидно, на неумѣньѣ справляться даже съ готовымъ относительнымъ м-ніемъ. Впрочемъ дивиться этой путаницѣ нечего, и если въ данномъ случаѣ она кажется намъ чѣмъ-то дикимъ и чуждымъ, то это зависитъ развѣ отъ того, что мы ее видимъ, а не слышимъ; иначе мы, вѣроятно, не обратили бы на нее ни ма-

лѣйшаго вниманія, потому что, благодаря весьма распространенной у насъ привычкѣ говорить какъ попало, лишь бы поняли, намъ не нужно ходить за такими примѣрами въ Трапезунтъ. Иную неправильность при склоняемомъ относительномъ м-ніи представляетъ стихъ изъ сербской пѣсни, приведенный въ сравнительной грамматикѣ Миклошича IV стр. 94: Бошньаци, које си jих скоро преварио „Босняки, которыхъ ты ихъ недавно обманулъ“, гдѣ падежъ относительнаго м-нія повторенъ въ личномъ вслѣдствіе того-же неправильнаго пониманія относительнаго м-нія. Какъ бы то ни было, примѣры и того и другаго рода въ высшей степени поучительны для языковѣда, какъ живыя доказательства тѣхъ усилій, которыхъ стоило человѣку соединеніе въ одномъ и томъ-же словѣ понятій относительной связи и опредѣленной части рѣчи, особенно части склоняемой, какъ qui, qualis, quantus. Трудностью этого процесса и объясняется необыкновенное распространеніе такого своеобразнаго способа, какъ сочетаніе относительныхъ частицъ съ личными или указательными м-ніями и нарѣчіями.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Стр. 7 Представленіе предмета боязни, какъ ея источника, не чуждо и нѣмецкому и греческому языкамъ: въ средне-верхне-нѣмецкомъ erschrecken сочиняется съ род. пад., въ ново-греческомъ φοβοῦμαι иногда съ предлогомъ ἀπό.

Стр. 9 строка 11 снизу: труга — читай: друга.

Стр. 16. Примѣромъ первобытнаго относительнаго построенія можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ литовской пѣсни (Ф. Фортунатовъ и Всев. Миллеръ, Литовскія народныя пѣсни Москва 1872 — № LXXIII 5): Не присамдиси, Мано тетужели, Сункем дабрялем дирбтё, Дидеј пошнялеј артё. (6) Ту пасамдиси, Мано тетужели и т. д. (7) Пер дёна аре, Варсно не ужаре и пр. — слово въ слово: „Не принаймешь, мой батюшка, тяжелыя работы работать, большую запашку орать. Ты наймешь, мой батюшка.... за день оралъ, полосы не взоралъ“, т.-е. ты не принаймешь никого, кто бы (или: чтобы).... ты наймешь такого, который (или: что) день попашетъ и полосы не вспашетъ“. Ср. тамъ-же 14 до конца пѣсни. Въ 5 отрицательное *никто* пропущено, какъ въ Отфридовомъ nist untar in thaz thulte (см. стр. 46) или въ критской пѣснѣ у Legrand 56,1: ʼς τὸ κόσμο δὲν εὑρέθηκεν οὔτε ʼς τὴν ʼΕγγιλτέρα, Νὰ πολεμήσῃ τὴν Τουρκιὰν ὡσὰν τὸν Ξεπατέρα „На свѣтѣ не находился ни даже въ Англіи, чтобы воевалъ съ Турціей, какъ Ксепатерасъ“, гдѣ по-литовски можно было бы употребить неопредѣленное наклоненіе, какъ въ выше приведенной пѣснѣ; въ 6 дополненіе къ *пасамдиси* (что-нибудь въ родѣ *такого*) пропущено, вѣроятно, въ соотвѣтствіе съ предшествующимъ *не присамдиси*. Въ 7 нѣтъ ни

относительнаго м-нія, ни союза, но, очевидно, ничто не пропущено, такъ какъ время глагола показываетъ, что это предложеніе самостоятельно не только грамматически, но и логически; ср. стр. 68 и дополненіе къ стр. 17.

Тамъ-же стр. 8 снизу: maqtûa — читай: maqtû'a.

Стр. 17. Подобное употребленіе *а* очень обыкновенно въ старо-польскомъ, напр. въ актѣ 1423 г. у Пршиборовскаго стр. 16: Iaco czsso moy ludze wczandzaly wlodarza czaczskego, to wcądzaly w mem lesse prawem, a on rwe chmel „Что мои люди задержали приказчика Чацкаго, то задержали въ законно мнѣ принадлежащемъ лѣсу, а онъ рветъ хмель", гдѣ *а* значитъ не только *за то, что,* но и *когда,* и въ соединеніи съ настоящимъ временемъ указываетъ на то, что виновный былъ накрытъ на мѣстѣ преступленія; ср. примѣч. 6. Съ прошедшимъ временемъ несовершеннаго вида, кажется, безъ существенной разницы въ актѣ 1428 г. (стр. 21): czso moy rzanczya wszyął sedmyoro kony y dwa vozy y dwe szyekyrze y nosz y szyodlo Bartoszewy a Pyotrowy, tho wszyął w mem prawem zapuscze, a ony rąbili „что мой управитель взялъ семь коней, двѣ телѣги, два топора, ножъ и сѣдло у Варѳоломея и Петра, то взялъ въ законно мнѣ принадлежащей заросли, а они рубили". Но въ другомъ смыслѣ съ прошедшимъ совершеннаго вида, какъ въ актѣ 1424 г. (стр. 17): Iaco czssom zayął conye Przybcowi, ti-m zayął w mem zicze, a ony my zyadly zyta za copą „Что я захватилъ коней у Пршибка, тѣхъ я захватилъ въ моемъ житѣ, а они у меня съѣли жита больше копы", гдѣ *а* значитъ, очевидно *когда уже* или *послѣ того, какъ.* Ср. Miklosich, Vergleichende Gramm. IV стр. 78—80.

Стр. 21 примѣч. 4. *Же*, означающее тождество (въ *томъже*, *такой-же* и т. п.), попало сюда безъ оговорки лишь по недосмотру, такъ какъ въ этомъ случаѣ оно замѣняется у нѣкоторыхъ Славянъ другою частицею, первоначальная форма которой не ga (црк. *же*), а dja (црк. *жде*); обѣ

частицы являются въ сербскомъ *такодъер* (также). Сущность примѣчанія не потеряла бы своей силы отъ исключенія этого *же* = *жде*; но его не за чѣмъ даже исключать: м-нія и нарѣчія тождества образуются при помощи *же* не только въ русскомъ языкѣ, въ которомъ *ж* нерѣдко представляетъ первоначальное *dj*, но и въ западныхъ славянскихъ, гдѣ *dj* переходитъ въ сложныя *дз*, *ц* и (въ верхнелужицкомъ нарѣчіи) *дж*; слѣдовательно обѣ частицы имѣютъ приблизительно одинаковое значеніе. Объ упомянутомъ въ томъ-же примѣчаніи относительномъ *и* (вмѣсто *и-же*) см. Miklosich ib. 83.

Стр. 25 примѣч. 5. Для исторіи перехода вопросительныхъ м-ній въ неопредѣленныя важны такіе примѣры, какъ „Несторъ къто" Nestor quidam (Miklosich ib. 86), напоминающіе не только греческое τις, но и соотвѣтственные обороты арабскаго языка. Противъ непосредственной связи относительныхъ м-ній съ неопредѣленными свидѣтельствуютъ такіе языки, въ которыхъ послѣднія тождественны съ вопросительными (лат. quis, quid; црк. *къто, чьто*; хорут. kdo, kaj), тогда какъ относительныя образуются иначе, хоть иногда отъ того-же корня (лат. qui, quae, quod; црк. *иже, яже, еже;* хорут. kdor, kar).

Стр. 28 — 31. О соединеніи относительныхъ частицъ съ личнымъ м-ніемъ см. Miklosich ib. 92 — 94, откуда въ нашемъ очеркѣ слѣдуетъ прибавить словацкое čo и верхне-лужицкое kiž; кромѣ того на стр. 84 упоминаются старочешскія jenž и ježto. Что касается недостающихъ у меня украинскаго *же* и словинскаго kir (стр. 93), то обѣ частицы засвидѣтельствованы у Миклошича примѣрами безъ личнаго м-нія и только въ именительномъ падежѣ. Послѣднее Миклошичъ считаетъ нарѣчіемъ мѣста (=*къдеже*); но въ такомъ случаѣ странно, что въ смыслѣ относительной частицы оно никогда не звучитъ kjer, какъ обыкновенно произносится нарѣчіе мѣста. Поэтому, кажется, вѣрнѣе отождествить kir съ обыкновеннымъ ki, къ которому r=*же* могло

присоединиться точно такъ-же, какъ оно присоединилось ко многимъ другимъ относительнымъ образованіямъ вопросительнаго корня въ словинскомъ языкѣ: kdor, kar, kjer, kedar, kakor и пр. Возможность существованія двухъ одно-значащихъ формъ — простой и съ *же* — въ одномъ и томъ-же языкѣ подтверждается такими примѣрами, какъ црк. *яко* и *якоже,* чешскія který и kterýž.

Стр. 30 примѣч. 11. Съ указательнымъ м-ніемъ сложены также чешскія jež-to и kterýž-to и болгарскія *што-то, ка-то* (ὡς), *кога-то* (ὅτε); см. Miklosich ib. 94. Греки усиливали иногда относительное м-ніе указательнымъ, напр. Каллимахъ Anthol. Pal. XII 118 (XLIII Schneider): Ἄκρητος καὶ Ἔρως μ' ἠνάγκασεν, ὧν ὁ μὲν αὐτῶν Εἷλκεν, ὁ δ' οὐκ εἴα σώφρονα θυμὸν ἔχειν (или τὴν προπέτειαν ἐᾶν, какъ дополняетъ Бюхелеръ конецъ этого стиха ετηανεαν на обломкѣ камня, найденномъ недавно при раскопкахъ на Эсквилинскомъ холмѣ); ἡ γραμματικὴ κυροῦ Γεωργίου τοῦ Λεκαπηνοῦ въ рукописи № 316 Московской Синодальной Библіотеки л. 32 б: Ἀμήχανον κάλλος, ὅπερ οὐ δυνατὸν, μιμήσασθαι αὐτὸ τινὰ (sic)· οὐδὲ διὰ μιμήσεως ἐφικέσθαι τούτου; сверхъ того съ существительнымъ въ видѣ общаго приложенія къ опредѣляемымъ словамъ въ рѣчи Гиперида за Эвксениппа XIX 14—XX 2: Διογνίδης μὲν καὶ Ἀντίδωρος ὁ μέτοικος εἰσαγγέλλονται ὡς πλέονος μισθοῦντες τὰς αὐλητρίδας ἢ ὁ νόμος κελεύει, Ἀγασικλῆς δὲ ὁ ἐκ Πειραέως ὅτι εἰς Ἁλιμουσίους ἐνεγράφη, Εὐξένιππος δ' ὑπὲρ τῶν ἐνυπνίων ὧν φησιν ἑωρακέναι, ὧν οὐδεμία δήπου τῶν αἰτιῶν τούτων οὐδὲν κοινωνεῖ τῷ εἰσαγγελτικῷ νόμῳ или съ род. пад. мн. ч. опредѣляемаго слова у Геродота IV 44: Ἰνδὸν ποταμόν, ὃς κροκοδείλους δεύτερος οὗτος ποταμῶν πάντων παρέχεται. Замѣтимъ кстати, что упомянутое на той-же страницѣ въ строкѣ 6 св. и 7 сн. болгарское *дѣто* правильнѣе писать *дето* (црк. *кѫде*).

Стр. 31 строка 11 св. вмѣсто ὅπου (ὁποῦ) читай ὁποῦ (ὅπου). Ср. стр. 97.

Стр. 33. Какъ въ ново-греческомъ ὁποῦ можетъ соеди-

няться съ м-ніями 1-го и 2-го лица, такъ Византійцы сочиняли и древнее ὅς, напр. Wagner XXI 714 (стр. 369): Ὃν βασιλεὺς ἐτίμα με.

Стр. 54 примѣч. 22. Если относительное предложеніе предшествуетъ тому, въ которомъ находится опредѣляемое слово, частица можетъ занимать и не первое мѣсто, какъ въ трапезунтской поговоркѣ, сообщенной мнѣ г. Саковымъ: 'σὰν ἐσὲν τὸν γιοῦκαν π' ἔχ', ἔργον καὶ δουλείαν 'κ' ἔχ' „У кого сынокъ, какъ ты, у того дѣла и работы нѣтъ".

Стр. 61. Въ числѣ описательныхъ выраженій заслуживаетъ вниманія трапезунтское ἔχω καὶ—, напр. у Іоаннида 267: εἶχεν καὶ παίεινεν „шелъ"; тамъ-же: ποῦ ἔ(χ)εις καὶ πᾷς; „куда ты идешь?"; 280,12: Τὸ κόρα'σον ἐπέντεσαν σ' σὸν Ἅιδ' εἶχεν καὶ παῖγνεν „Дѣвушку они встрѣтили (которая или: она) въ адъ шла"; 282,14: εἶχεν καὶ ἔρτεν „пришелъ". Повидимому, этотъ оборотъ соотвѣтствуетъ древнему τυγχάνω или древне-русскому и англійскому существительному глаголу съ причастіемъ.

Стр. 81. Современный примѣръ относительнаго εἴ τι у Спиридона Ламброса Πρὸς τὸν Γκαίτην (къ Гёте): Ἂν ἀγαπῶ τοὺς στίχους σου καὶ πᾶν, πᾶν εἴ τι ψάλλεις. Безо всякой разницы въ смыслѣ употребляются до сихъ поръ καὶ εἴ τι ὅμοιον и καὶ ὅσα τὰ τοιαῦτα=и т. п.

Стр. 82 стр. 18 и 19 сн. Στέννε (чуть-ли не правильнѣе σταίν'νε) значитъ не „стоятъ", а „ставятъ", почему смыслъ пословицы долженъ быть иной, но какой именно, я не знаю.

Стр. 85. По свидѣтельству г. Сакова, которому я обязанъ всѣми послѣдующими замѣчаніями о трапезунтскомъ нарѣчіи, ντό можетъ относиться и къ лицамъ, напр. ὁ ἄρθεπον ντὸ ἔρθεν ἐψές „человѣкъ, который пришелъ вчера". Такъ-же широко употребляется и τσί=τί (ср. σί βόλε. τί θέλεις. Κύπριοι у Гесихія), собственно средній родъ къ вопросительно-относительному τίς, о которомъ ср. ниже.

Стр. 87 и примѣч. k. Очень употребительна у Грековъ, по крайней мѣрѣ въ пѣсняхъ, формула καλῶς τὸ κάνεις или

πολεμᾷς и т. п., т.-е. (да идетъ) благополучно (то,) что̀ ты дѣлаешь и т. п.,—пожеланіе въ родѣ нашего „Богъ въ помочь“, напр. у Іоаннида: Καλῶς τὸ τρώγω κ' ἀγρυπνῶ καὶ κεῖμαι καὶ κοιμοῦμαι.

Стр. 89. Кромѣ только-что приведеннаго стиха изъ пѣсни относительное τό встрѣчается у Іоаннида еще въ слѣдующемъ: 'Εσὲν νι'σιὰν (нишан) θὰ δοίγω σε, τὸ 'κ' ἔχ' ἡ δωδεκάρα „Тебѣ орденъ я дамъ, какого нѣтъ у (членовъ) Совѣта Двѣнадцати“.

Стр. 93. Кромѣ вин. τινάν или τιναν=ὄν, ἥν Трапезунтяне употребляютъ род. τίνος или τινος (или τινός?)=οὗ, ἧς, напр. въ пословицахъ: Τινος εὑρέθεν τ' ἄλογον, ἐκεῖνος ἂς κεράζ(η) „Чья лошадь нашлась, тотъ пусть поитъ (виномъ)“ и: Τινος ἔν τὸ σπίτιν, ἂς ἔχ' καὶ τ' ἀνεγάρια „Чей домъ, у того пусть будутъ и ключи“. Какъ самая форма род. падежа, такъ и неопредѣленность или слабость ея ударенія заставляютъ сомнѣваться въ предложенномъ выше объясненіи формы τινάν изъ τιν' ἄν: и τινος и τιναν, каковы бы ни были ихъ настоящія ударенія, произведены одинаково отъ простыхъ τίς и τίνας, что̀ впрочемъ безразлично относительно сущности вопроса о переходѣ вопросительныхъ м-ній въ относительныя. Если бы даже можно было утверждать, что трапезунтскія формы относительнаго τίς, взятыя внѣ связи съ послѣдующими словами, произносятся τινός и τινάν, а не τίνος и τίναν, это значило бы, конечно, не то, что онѣ относятся къ неопредѣленному τις, а то, что вопросительное τίς или τίνας при переходѣ въ относительное м-ніе замѣнило свое сильное удареніе менѣе знаменательнымъ, какъ древнія вопросительныя ποῖος и πόσος, превратившись въ неопредѣленныя, звучали ποιός и ποσός. Два слѣдующіе вывода изъ приведенныхъ въ текстѣ примѣровъ м-нія τιναν при болѣе обширномъ матеріалѣ оказались также невѣрными, такъ какъ оно 2) можетъ относится и къ опредѣленнымъ лицамъ, даже обозначеннымъ именами, и 3) употребляется со всѣми возможными глаголами. Такимъ образомъ относительное м-ніе

является у Трапезунтянъ въ слѣдующихъ формахъ: им. пад. м. р. ποῖος (или ποιος, рѣже ποιός=пёс), ср. р. ντό или τό, иногда τσί (также для всѣхъ родовъ и чиселъ); род. τινος; вин. м. и ж. р. τιναν и для м. р., быть можетъ, ποῖον, ср. р. ντό или τό (τσί); мн. ч. ср. р. τά; кромѣ того частица ποῦ для всѣхъ родовъ, чиселъ и падежей (съ личнымъ м-ніемъ).

NB. Здѣсь не перечислены нѣкоторыя опечатки, которыя читатель безъ труда исправитъ самъ.

Пользуясь послѣдними страницами, которыя оказались лишними, я представляю на судъ знатоковъ нѣкоторыя изъ своихъ попытокъ къ исправленію текста Проперція.

I, 2, 13: Litora nativis collucent picta lapillis
Et volucres nulla dulcius arte canunt.

Такъ въ Groninganus, которому слѣдуетъ большинство издателей; въ Neapolitanus (лучшемъ) L. n. persuadent p. l., въ чемъ, очевидно, скрывается подлинное чтеніе. Смыслъ мѣста требуетъ глагола со значеніемъ превосходства — praestant, который мы и находимъ въ буквахъ persua — nt; de перенесено изъ depicta вслѣдствіе приблизительно такого начертанія этихъ словъ въ codex archetypus:

de ut
$p_r$stantpicta или $p_r$stadepicta.

II, 8, 8: Vinceris aut vincis, haec in amore rota est.

Короткій слогъ въ сѣченіи элегическаго стиха не мыслимъ у поэта золотаго вѣка. Вѣроятно: sic in a. r. e., какъ I, 4, 27: maneat (Cynthia) sic semper, adoro. Путь искаженія: vincissic—vincisic, откуда уже сознательно: vincis hic—vincis haec. Такимъ-же образомъ Гейне исправилъ Tibull. II, 4, 38: Fecit ut infamis *hic* deus esset Amor.

II, 9, 3: Penelope poterat bis denos salva per annos
Vivere, tam multis femina digna procis.

Salva въ смыслѣ integra (IV, 6, 40) или casta (IV, 12, 37 также о Пенелопѣ) неясно, и если бы Проперцій имѣлъ въ виду эту мысль, онъ могъ бы употребить именно casta. Но какъ ст. 20—21 (At tu non una potuisti nocte vacare, Impia, non unum *sola* manere diem), такъ и противоположность (ср. III, 20, 27: Cum te *tam multi* peterent, tu me *una* petisti) заставляютъ думать, что здѣсь вмѣсто salva слѣдуетъ читать sola.

III, 3 (II, 12); 9: Et merito hamatis manus est armata sagittis
Et pharetra ex humero Gnosia uterque iacet.

Такъ въ Neapolitanus; въ Groninganus: cnosia utroque, что̀ вмѣстѣ съ поправкой Якоба iacit принято большинствомъ издателей, хотя utroque есть очевидная интерполяція, которая при iacit становится сверхъ того почти безсмысленной. Смыслъ слѣдующаго стиха (Ante ferit quoniam, tuti quam cernimus hostem—прежде чѣмъ мы, считая себя въ безопасности, усматриваемъ въ Амурѣ врага), указываетъ на то, что вмѣсто iacet слѣдуетъ читать latet, именно за спиною—a tergo, что̀, вѣроятно, и было надписано надъ подлиннымъ словомъ въ видѣ глоссы и, вытѣснивъ это слово, превратилось впослѣдствіи въ uterque. Вытѣсненное слово было, конечно, pone, которое могло нуждаться въ толкованіи, какъ устарѣлое (Quintil. VIII, 3, 25). Ср. Мосха объ Эротѣ въ Anthol. Pal. IX, 440, 20: χρύσεον περὶ νῶτα φαρέτριον. О вольности въ употребленіи предлога (latere ex —) см. изданіе Герцберга I стр. 133.

III, 5, 39 (II, 13, 55): Illis formosum iacuisse paludibus, illuc
Diceris effusa tu, Venus, isse coma.

Iacuisse, относящееся къ Адонису, по признанію многихъ толкователей, вытѣснило собою другое неопредѣленное наклоненіе, относящееся къ Венерѣ, но какое? вѣроятно, te-

nuisse. Ср. Өеокрита 20,35: αὐτὸν Ἄδωνιν Ἐν δρυμοῖσι φίλασε καὶ ἐν δρυμοῖσιν ἔκλαυσεν.

III, 7 (II, 15), 17: Quod si pertendens animo vestita cubares,
Scissa veste meas experiere manus.

Обыкновенное исправленіе cubaris (= cubueris) не годится по смыслу мѣста: ἐὰν διατελῇς κειμένη. Было: pertendes—cubare; s въ концѣ присталъ отъ послѣдующаго слова. Ср. Ovid. Am. I, 5, 14: Pugnabat tunica sed tamen illa tegi.

III, 27 (II, 29), 41: Sic ego tam sancti custode recludor amoris.

Въ Neapolitanus: custode reludor—очевидно, простая описка; въ editio Regiensis: custodis rector — отчасти интерполяція ради размѣра, отчасти настоящій варіантъ, наводящій на мысль, что слоги clu-do въ recludor возникли изъ повторенія буквъ *ct* съ *a*, занимающимъ по своему начертанію середину между *u* и *o*. При нерѣдкомъ смѣшеніи *r* и *n* довольно вѣроятно, что rector и reclu(do)r представляютъ искаженія слова nectar. Выраженіе nectar amoris необычно, но, если съ одной стороны поэзія одинаково называется медомъ (Lucr. I, 947; Hor. Epist. I, 19,44) и нектаромъ (Pindar. Ol. 7, 7; Anthol. Ries. 483, 3; Pers. prol. extr.), гдѣ tertium comparationis есть, очевидно, сладость (нектаръ= медъ Eurip. Bacch. 143; Martial. XIII, 104), и если съ другой Лукрецій говоритъ IV, 1059: primum Veneris dulcedinis in cor Stillavit gutta, оно, безъ сомнѣнія, возможно. Ср. у подражателя Проперція, Павла Силенціарія, въ Anth. Pal. V 226: Ὀφθαλμοί, τέο μέχρις ἀφύσσετε νέκταρ Ἐρώτων, Κάλλεος ἀκρήτου ζωροπόται θρασέες; Припомнивъ встрѣчающіяся въ текстѣ Проперція смѣшеніе *c* и *g* (см. изданіе Л. Мюллера стр. XIV) и перестановку слоговъ (ср. выше I, 2, 13 и ниже), мы найдемъ и глаголъ, соотвѣтствующій Павлову ἀφύσσειν—degusto, искаженное въ custode.

III, 30 (II, 32), 23: Nuper enim de te nostras me laedit ad aures
Rumor et in tota non bonus urbe fuit.

Можетъ быть: nostras malus accidit aures, какъ C. I. R. III (p. 12) 47: Meas quoque auris Memnonis vox accidit; ср. Лахманна ad Lucr. IV 568 и V 608 и Plauti Capt. 548: Ne tu, quod istic fabuletur, auris inmittas tuas.

Тамъ же 61: Quodsi tu Graias tuque es imitata Latinas,
Semper vive meo libera iudicio.

Вмѣсто es необходимо sis, которое, конечно, должно было стоять передъ tuque. Путь искаженія: graiassistuq. — graiasistuq., потомъ

graiastuq. (над строкой: is) или, можетъ быть, прямо graiastuq. (над строкой: es)

IV (III), 1, 19: Mollia, Pegasides, date vestro serta poetae.

Такъ въ Neapolitanus и чуть-ли не во всѣхъ изданіяхъ; въ Groninganus: vestro date, что̀ слѣдуетъ принять: Проперцій, какъ и многіе другіе, ставитъ послѣ caesura semiquinaria сперва спондаическое, потомъ пиррихическое слово.

IV (III), 10 (11), 5: Venturam melius praesagit navita mortem,
Vulneribus didicit miles habere metum.

Смерть грозитъ одинаково мореплавателю и воину; но то, что̀ для воина vulnera, для мореплавателя не mors, а procella, какъ и здѣсь, вѣроятно, читалось: nauta procellam (въ codex archetypus: p̣rcellā, отчасти стершееся). Ср. совершенно такъ-же построенный стихъ III, 20 (II, 25), 23: An quisquam in mediis persolvit vota procellis. Кромѣ того Avien. Arat. Phaen. 122: In caput inque humeros Helice Cynosuraque versae Praescia venturis dant semper signa procellis. Id. Progn. 72: Sol quoque venturas aperit tibi saepe procellas. Ib. 396: venturae praenoscere signa procellae Convenit.

Тамъ-же 57: Septem urbs alta iugis, toti quae praesidet orbi,
Femineas timuit territa Marte minas.

Такъ въ Gr.; въ N. toto, а второй стихъ пропущенъ. Было, вѣроятно: Femineo extimuit, гдѣ *o* и *e* слились въ *a*, а *x* превратился въ *s* подъ вліяніемъ итальянскаго произношенія.

IV (III), 13 (14), 9: Nunc ligat ad caestum gaudentia bracchia loris.

Hypallage, сама по себѣ странная, оказывается неумѣстною при сравненіи съ niveum latus (11) и virgineum caput (12). Читай: candentia bracchia. О смѣшеніи c и g см. изданіе Л. Мюллера p. XIV.

V (IV), 3, 7: Te modo viderunt iteratos Bactra per ortus,
Te modo munito Neuricus hostis equo
Hibernique Getae pictoque Britannia curru,
Ustus et Eoa discolor Indus aqua.

Въ N. нѣтъ словъ Bactra per ortus, которыя вмѣстѣ съ iteratos многіе считаютъ испорченными; и въ самомъ дѣлѣ вмѣсто темнаго iteratos per ortus слѣдовало ожидать эпитета къ Bactra,—можетъ быть, auratis (или aeratis?) B. pharetris. Въ ст. 10 discolor давно исправлено въ decolor. Тамъже Л. Мюллеръ, слѣдуя Грутеру, читаетъ Eoo — equo; но у Римскихъ поэтовъ Lunae biga datur semper Solique quadriga (Anthol. Ries. 197, 17). Вѣроятнѣе, что слѣдуетъ исправить ustus въ aestus—Индѣйскій Океанъ, который древніе представляли себѣ предѣломъ земли на востокѣ и потому багрянымъ отъ зори (Eoa aqua).

V (IV), 8, 87: Atque ita mutato per singula pallia lecto
Respondi et toto solvimus arma toro.

Безсмысленное respondi перенесено сюда изъ ст. 81, но вытѣсненное имъ слово было, конечно, похоже на него начертаніемъ, — слѣдовательно не глаголъ въ 1-мъ л. мн. ч., котораго можно было бы ожидать въ соотвѣтствіе съ solvimus. Поправки despondi, in sponda и res pacta (L. Müller praef.) даютъ невыносимыя тавтологіи — первая и третья

послѣ 81, вторая передъ toro. Смыслъ и стихъ допустили бы, пожалуй, ascendi, но зачѣмъ было бы замѣнять его отдаленнымъ respondi? Это относится и къ повелительному ascende (въ смыслѣ приказанія со стороны Цинтіи); кромѣ того оно было бы понятно только при глаголахъ inquit или ait, которые нарушили бы размѣръ. Но всѣмъ требованіямъ удовлетворяетъ Scande, ait: послѣднее слово легко могло выпасть передъ et, и возникшая такимъ образомъ неполнота стиха вызвала замѣну слишкомъ короткаго scande сходнымъ съ нимъ словомъ, попавшимъ подъ перо переписчика всего за шесть стиховъ выше. Ср. V, 4, 90: Nube, ait, et regni scande cubile mei. Эта поправка указываетъ на то, что неумѣстное toto, занесенное сюда, вѣроятно, изъ 85, должно быть измѣнено въ tacto; ср. Ovid. Her. 12, 57: Ut positum tetigi thalamo male saucia lectum, Actast per lacrimas nox mihi, quanta fuit.

СБОРНИКЪ
ТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXVII, № 8.

О РУССКОМЪ НАРОДНОМЪ СТИХОСЛОЖЕНІИ.

Ѳ. КОРШЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1901 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

О РУССКОМЪ НАРОДНОМЪ СТИХОСЛОЖЕНІИ.

I. Былины [1]).

Русское народное стихосложеніе, равно какъ и искусственное, относится къ типу топическому, т. е. ритмическое удареніе въ немъ совпадаетъ съ прозаическимъ или, во всякомъ случаѣ, связано съ послѣднимъ органически [2]). Отличается наша народная метрика отъ искусственной тѣмъ, что въ то время, какъ въ послѣднемъ родѣ стихосложенія каждой основной, т. е. мельчайшей части ритма (χρόνος πρῶτος, mora), соотвѣтствуетъ слогъ (за исключеніемъ конца стиха, гдѣ это условіе не необходимо), въ первомъ слогъ иногда приходится на двѣ такія части ритма, — иначе говоря, растягивается вдвое, что̀ возможно, конечно, только при пѣніи. Потому для правильнаго пониманія всякаго

1) Что слово «былина» примѣнено къ нашимъ народнымъ эпическимъ сказаніямъ впервые Сахаровымъ, и притомъ по недоразумѣнію, недавно показано профессоромъ Вс. Ѳ. Миллеромъ въ статьѣ «Русская былина, ея слагатели и исполнители» (Русская Мысль 1895 г. Октябрь и Ноябрь). Но самъ проф. Миллеръ не находитъ нужнымъ изгонять изъ научнаго обихода этотъ терминъ, освященный уже многолѣтнимъ употребленіемъ и по своей условной ясности болѣе удобный, чѣмъ народное названіе этихъ стихотвореній — «старина», «старинка» или «старинушка» (послѣднее встрѣчается, можетъ быть, только въ самомъ текстѣ былинъ). Кстати замѣтимъ, что разнообразнымъ заключеніямъ былинъ, находимымъ у новѣйшихъ Олонецкихъ сказителей, съ почти неизмѣннымъ употребленіемъ словъ «старинка», «старинушка» или «слава»

народнаго размѣра необходимо знаніе соотвѣтствующаго напѣва. Впрочемъ это слѣдуетъ понимать не такъ, чтобы ритмическій разборъ даннаго народнаго стихотворнаго текста былъ невозможенъ, если намъ неизвѣстенъ въ точности его напѣвъ, тѣмъ болѣе, что есть тексты такого рода, никогда не имѣвшіе при себѣ напѣва, напримѣръ стихотворныя пословицы: для опредѣленія ритма достаточно выяснить признаки, на основаніи которыхъ можно отнести разсматриваемый текстъ къ тому или другому типу пѣсеннаго ритма.

Несомнѣнно, что ритмъ выступаетъ съ наибольшею опредѣленностью въ пѣсняхъ плясовыхъ, такъ какъ здѣсь онъ воспроизводится одновременно въ словахъ, въ напѣвѣ и въ движеніи. Ритмъ этихъ пѣсенъ бываетъ или восходящій, начинающійся съ неударяемаго слога, или нисходящій, начинающійся со слога ударяемаго. Представителемъ перваго можетъ служить пѣсня «Ахъ вы сѣни, мои сѣни», втораго—«Барыня». Изъ нихъ болѣе древнимъ кажется первый (восходящій), судя какъ по его распространенности, такъ и по многочисленнымъ соприкосновеніямъ съ другими размѣрами, между прочимъ съ былевымъ. Въ наиболѣе правильномъ, съ точки зрѣнія искусственной метрики, видѣ этотъ плясовой размѣръ является въ такихъ стихахъ, въ которыхъ каждой основной части ритма соотвѣтствуетъ особый слогъ (за исключеніемъ конца).

Таковъ стихъ «Ахъ вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои».

(напр. Гильферд., столб. 458, 479, 642, 662, 671, 676, 681, 683, особенно часто у Щеголенка, или «Такъ та старинка и покончилась», слышанное нами въ Москвѣ отъ Ивана Трофимовича Рябинина), въ старѣйшей изъ намъ извѣстныхъ записей былинъ, связанной съ именемъ Кирши Данилова, соотвѣтствуетъ постоянно одна и та-же формула: «То старина, то и дѣянье», кромѣ былины «Царь Саулъ Леванидовичъ», которой послѣдній стихъ таковъ: «Тѣмъ старина и кончилася» (Калайдовичъ, Древнія Россійскія стихотворенія. Москва 1818 г., стр. 265). Сказанное объ искусственности существительнаго «былина» относится и къ прилагательному «былевой».

2) Ритмъ, какъ всѣмъ извѣстно, состоитъ изъ чередованія сильныхъ и слабыхъ моментовъ времени, слѣдовательно въ метрикѣ—изъ сильныхъ (ритмически ударяемыхъ) и слабыхъ (неударяемыхъ) слоговъ.

Обозначивъ каждую основную часть ритма знакомъ ˘ и разставивъ главныя и второстепенныя ритмическія ударенія —

Ахъ вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои,

мы увидимъ, что такой стихъ слогъ въ слогъ равняется метрическому (квантитативному) анапестическому диметру съ разложеніемъ всѣхъ долгихъ слоговъ кромѣ послѣдняго, напр.

Τίς ὄρεα βαθύκομα τάδ' ἐπέσυτο βροτῶν;

Отличіе такого анапестическаго стиха отъ нашего плясового состоитъ лишь въ одной подробности, не имѣющей ритмическаго значенія, такъ какъ она обусловлена исключительно звуковыми свойствами того и другого языка—русскаго (тоническаго) и греческаго (метрическаго): въ греческомъ стихѣ послѣднія двѣ ритмическія величины представлены сполна одпимъ долгимъ слогомъ, тогда какъ въ русскомъ, вслѣдствіе одинаковаго протяженія всѣхъ слоговъ въ рѣчи, слогомъ выражена лишь предпослѣдняя часть ритма, а послѣдней соотвѣтствуетъ пауза. Впрочемъ, такъ какъ послѣдній слогъ въ метрическомъ стихѣ безразличенъ, то и по-гречески возможно совершенно такое-же окончаніе стиха, какъ и по-русски. Во всемъ остальномъ сходство этихъ двухъ стиховъ слѣдуетъ признать полнымъ. Между прочимъ особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь расположеніе анапестовъ по диподіямъ и при томъ нисходящимъ, т. е. удареніе каждаго изъ первыхъ двухъ анапестовъ сильнѣе, нежели удареніе второго анапеста той-же пары. Съ точки зрѣнія современной музыкальной ритмики тотъ и другой стихъ представляютъ собой восходящую ритмическую величину изъ двухъ тактовъ въ четыре четверти [или $^8/_8$] [3]):

3) У Малорусовъ и у Бѣлорусовъ тотъ-же самый стихъ разбивается на такты вдвое меньшіе. Какъ бы то ни было, наличность этого размѣра во всѣхъ трехъ вѣтвяхъ русскаго племени подтверждаетъ, повидимому, высказанное выше предположеніе объ его древности.

♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ ♩ (или … ♪ 𝄾).

При такомъ написаніи послѣдній тактъ оказывается неполнымъ въ томъ случаѣ, если мы возьмемъ каждый стихъ отдѣльно отъ другихъ, но въ пѣснѣ недостающія части послѣдняго такта кромѣ той, которая, какъ мы видѣли, всегда находится въ паузѣ, находятъ себѣ дополненіе въ приступѣ (анакрусисѣ, Auftakt) слѣдующаго стиха. Приведенное выше музыкальное изображеніе, передавая вполнѣ какъ продолжительность отдѣльныхъ частей ритма, такъ и относительную силу ритмическихъ удареній, оставляетъ однако-же въ сторонѣ дѣленіе на ритмическія группы, ясно выступающее при греческомъ обозначеніи и соотвѣтствующей ему терминологіи, а именно: понятіе анапестической диподіи напоминаетъ дѣленіе такого стиха на двѣ группы, выражающееся обыкновенно въ цезурѣ. Подъ этимъ терминомъ не слѣдуетъ разумѣть непремѣнно болѣе или менѣе сильную, напр. логическую, остановку: для показанія различныхъ частей стиха совершенно достаточно постояннаго окончанія слова въ данномъ мѣстѣ, напр.

Ахъ вы сѣни, мои сѣни ||.

Впрочемъ, какъ въ греческомъ анапестическомъ диметрѣ, такъ и въ описанномъ русскомъ плясовомъ стихѣ встрѣчаются иногда нарушенія цезуры, однако большею частью, а у насъ, кажется, всегда, лишь на одинъ слогъ, и при томъ такимъ образомъ, что послѣдній слогъ послѣдняго слова первой половины стиха переходитъ ко второй половинѣ, напр.

Сѣни новыя, кленовы||я, рѣшетчаты мои [4]).

Въ подчиненіи такого, оканчивающагося дактилически, слова цезурѣ, а не цезуры слову легко убѣдиться изъ напѣва.

---

4) Такъ, повидимому, слѣдуетъ читать текстъ, напечатанный Сахаровымъ на стр. 87:

Сѣни новы, кленовы, рѣшетчаты мои.

Чуть-ли не чаще поется такъ, какъ указано ниже.

Что касается ритмическихъ удареній въ вышеприведенномъ стихѣ, то главныя изъ нихъ, т. е. соотвѣтствующія удареніямъ тактовымъ, всегда совпадаютъ съ прозаическими (сѣ́ни, но́выя), второстепенныя — большею частью также [5]), за исключеніемъ неударяемыхъ послѣднихъ слоговъ многосложныхъ (болѣе чѣмъ 2-сложныхъ) словъ съ удареніемъ не на предпослѣднемъ слогѣ [6]). Впрочемъ эта вольность допускается только въ концѣ метрическаго ряда, иначе говоря, въ концѣ стиха или въ цезурѣ, если въ этомъ мѣстѣ пропущена послѣдняя ритмическая часть полустишія или двѣ послѣднія стянуты въ одну, что̀, какъ мы увидимъ, встрѣчается часто.

До сихъ поръ мы не могли замѣтить въ распредѣленіи удареній никакого различія между метрикой народной и искусственной; но помимо указанныхъ двухъ родовъ ритмическаго ударенія — первостепеннаго (или главнаго) и второстепеннаго, есть еще третьестепенное, которое падаетъ на ритмическія величины (или слоги), отдѣленныя отъ таковыхъ-же съ главнымъ или второстепеннымъ удареніемъ однимъ слогомъ:

(или …)

Ахъ вы сѣ-ни, мо-и сѣ-ни, сѣ-ни но-вы-я мо-и.

---

5) Само собою разумѣется, что къ языку народной поэзіи нельзя безусловно примѣнять наше литературное удареніе, такъ какъ въ немъ часто встрѣчаются ударенія діалектическія и архаическія, напр. правóй, сокóлъ, соколá, мóлодецъ, дѣ́вица и т. п.

6) И въ прозаической русской рѣчи второстепенное удареніе при указанномъ въ текстѣ строеніи слова падаетъ именно на послѣдній слогъ, а напримѣръ не такъ, какъ по чешски, гдѣ второстепенныя ударенія слышатся черезъ слогъ послѣ главнаго ударенія: pómilùjemè, óbvinìtelèvi, тогда какъ у насъ такъ-же, какъ и у Лужичанъ и у Словенцевъ, второстепенное удареніе лежитъ на послѣднемъ слогѣ: пятидесятѝ, какъ видно изъ шуточнаго стихотворенія Рылѣева, которое Пушкинъ поставилъ въ видѣ эпиграфа къ Пиковой Дамѣ. Потому и въ искусственной метрикѣ при нарушеніи диподіи (восходящей) въ четырехстопномъ ямбѣ ритмически вѣрно построеннымъ стихомъ можетъ быть признанъ лишь тотъ, въ которомъ второстепенное удареніе падаетъ на конецъ слова; потому правиленъ стихъ: «Взлелѣянный въ тѣни дубравной» Пушк. Полт. I, но не: «Причудливыя какъ мечты» Лерм. Мцыри VI.

Уже изъ этого примѣра видно, что совпаденіе удареній прозаическихъ съ третьестепенными необязательно: слово «мои» (первое) считается какъ-бы неимѣющимъ ударенія, а потому съ нимъ и поступлено не какъ съ самостоятельнымъ словомъ, а лишь какъ съ частью слѣдующаго слова. Въ искусственныхъ ямбахъ и хореяхъ (а разбираемый стихъ въ искусственной метрикѣ разсматривался бы какъ трохаическій) эта вольность не допускается, что впрочемъ и понятно въ виду меньшей энергіи главныхъ удареній при рецитаціи [7]).

Но такіе стихи, которыхъ всѣ ритмическія части были-бы выражены отдѣльными слогами, встрѣчаются въ народныхъ пѣсняхъ довольно рѣдко: большею частью то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ стиха въ соотвѣтствіи двумъ ритмическимъ величи-

---

7) Исключенія весьма рѣдки, напр. у Пушкина въ Пирѣ во время чумы:

Я пред - ла - га - ю || вы - пить въ е - го па - мять

(хотя музыкантъ предпочелъ-бы, конечно, сократить паузу посредствомъ протяженія одного изъ двухъ предшествующихъ слоговъ или обоихъ вмѣстѣ); также въ Анжело, ч. I:

Что пра-во-су-ді-е || си-дѣ-ло сло-жа ру-ки,

если только Пушкинъ не имѣлъ въ виду ударенія «сло́жа», которое иногда слышится именно въ этомъ сочетаніи. Въ тоническихъ трохеяхъ и 4-стопныхъ ямбахъ противорѣчіе между ритмическимъ, хотя бы и не главнымъ, и прозаическимъ удареніемъ было бы тѣмъ замѣтнѣе, что касалось бы уже не третьестепеннаго, а второстепеннаго ритмическаго ударенія, потому что ритмъ такихъ стиховъ, — по крайней мѣрѣ, музыкальный, предполагаетъ такты въ $^2/_4$ съ восходящимъ порядкомъ удареній:

Ко - бы - ли - ца мо - ло - да - я.

Въ о - дно - о - браз - ной бѣ - ли - знѣ.

намъ мы находимъ по одному слогу. Это бываетъ во первыхъ, какъ уже выше сказано, въ цезурѣ, гдѣ впрочемъ вторая изъ соотвѣтствующихъ слогу ритмическихъ величинъ обыкновенно замѣняется паузою:

Выходила молода || за новыя ворота.

Во-вторыхъ это бываетъ преимущественно подъ главнымъ удареніемъ:

Сѣни новыя кленовы||я рѣшотчатыя.

Зовутъ Ванюшкою || пивоварушкою.

При нарушеніи этого строя, очень обыкновенномъ въ 4-стопныхъ ямбахъ, является тактъ $^3/_4$, а съ нимъ и третьестепенное удареніе, напр.

Ко - вши, се - ре - бря - ны - я ча - ши,

или, съ другимъ распредѣленіемъ удареній,

Пре - дань - я ста - ри - вы глу - бо - кой.

Однако и при построеніи въ $^3/_4$ едва-ли можно найти въ русскихъ стихахъ этого размѣра случаи постановки какого бы то ни было ритмическаго ударенія на безударный слогъ, стоящій рядомъ съ ударяемымъ, если не считать энклитическаго употребленія вводнаго «ка́же» въ малорусскихъ стихахъ Котляревскаго (Энеида I и II, стр. 9 и 50 изд. Катранова):

Ко - лыбъ, ка - же, у - меръ я въ Тро - и.

Не - хай, ка - же, тво - я здо - ро - ва

Бу - ла, Неп - ту - не, го - ло - ва.

По-великорусски можно было бы употребить такимъ образомъ, даже въ тактѣ $^2/_4$, трохаическія «дѣскать» и «братецъ» (при обращеніи не къ «братцу» въ собственномъ смыслѣ этого слова).

Значительно рѣже встрѣчается такое стяженіе во всѣхъ частяхъ стиха сразу:

Овечушки || косматушки[8]), —

стихъ, вполнѣ равняющійся при пѣніи не только слѣдующему за нимъ

Да и кто же васъ пасетъ, || мои матушки,

но и такому, какъ Ахъ вы сѣни мои, сѣни.

Изъ этого сравненія видно, какъ мало значенія имѣютъ слоги съ третьестепеннымъ удареніемъ: при стяженіи они совершенно исчезаютъ и въ стихѣ остаются лишь главныя и второстепенныя ударенія. При этомъ напомнимъ то, на что въ общихъ чертахъ было указано и выше, а именно, что второстепенное ритмическое удареніе можетъ падать на послѣдній неударяемый слогъ отдѣльнаго слова, если этому слогу не предшествуетъ непосредственно прозаическое удареніе (овéчушкѝ космáтушкѝ).

Такимъ образомъ число слоговъ этого народнаго размѣра колеблется между 15 и 8 соотвѣтственно числу ритмическихъ величинъ, изъ которыхъ состоитъ стихъ (16, считая съ послѣдней, падающей на паузу), то сполна выражаемыхъ слогами, то стягиваемыхъ въ текстѣ по двѣ на одинъ слогъ. Сверхъ того уже изъ предыдущаго слѣдуетъ, что между главнымъ и второстепеннымъ удареніемъ не можетъ быть больше трехъ слоговъ и меньше одного, а между двумя главными можетъ быть не больше семи и не меньше трехъ.

Тотъ-же самый плясовой стихъ лежитъ въ основѣ стиха эпическаго или былевого. Замѣтное отличіе послѣдняго отъ перваго заключается въ томъ, что онъ держится, такъ сказать, средняго типа между двумя крайностями, а именно въ высшей степени рѣдко число его слоговъ доходитъ до 15, даже до 14

8) Ср. у Кольцова «Веснóю стѣпь || зелéнаѝ» и т. д.

(по крайней мѣрѣ, со стяженіемъ или паузой въ цезурѣ)

А и я къ тебѣ пріѣхалъ || не по старому служить

(Калайдовичъ, Древнія Росс. стихотвор. стр. 90).

А и солью насолилъ, || его въ Волгу опустилъ

(тамъ-же стр. 266),

но также далеко не часто встрѣчается форма въ 8 слоговъ, напр.

Дружина спитъ, || такъ Волхъ, не спитъ,

и даже, какъ мы увидимъ ниже, бываютъ стихи и въ семь слоговъ. Возможенъ впрочемъ и 16-сложный стихъ, но подъ условіемъ риѳмы (конечно, женской) въ цезурѣ и въ концѣ, напр.

А и старицы черницы, || души красныя дѣвицы

(тамъ-же стр. 384). Но такой стихъ, единственный въ былинахъ сборника Кирши Данилова, находится въ стихотвореніи «Чурилья Игуменья», не древнемъ по происхожденію и отличающемся пѣсеннымъ складомъ согласно съ игривостью своего содержанія. Однако и первый изъ только-что приведенныхъ стиховъ (въ былинѣ «О женидьбѣ князя Владиміра») стоитъ одиноко. Другое дѣло у олонецкихъ сказителей.

Конецъ стиха въ огромномъ большинствѣ случаевъ является стяженнымъ такимъ образомъ, что двумъ предпослѣднимъ ритмическимъ величинамъ стиха (не считая конечной и находящейся въ паузѣ) соотвѣтствуетъ лишь одинъ слогъ, вслѣдствіе чего въ концѣ стиха большею частью оказывается тоническій дактиль, напр.

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ || Ивановичъ [9]).

9) Для упрощенія схемы въ концѣ стиха или полустишія вмѣсто знака краткости съ паузой мы будемъ ставить знакъ долготы.

Впрочемъ этотъ конечный дактиль нерѣдко выражается двумя словами, такъ что конечному второстепенному ударенію соотвѣтствуетъ прозаическое удареніе:

Въ чердакѣ была бесѣда, || дорогъ рыбій зубъ.

Правда, такое стяженіе въ концѣ стиха отнюдь не обязательно, но за то при выраженіи двухъ предпослѣднихъ величинъ стиха особыми слогами обыкновенно является стяженіе впереди:

Чтобы бѣгати, скакати || на добрыхъ на коняхъ.

Очень рѣдко въ концѣ стиха замѣчается явленіе обратное стяженію, а именно разложеніе конечнаго слога (или долготы), т. е. выраженіе послѣдней ритмической величины, находящейся въ паузѣ, отдѣльнымъ слогомъ, какъ въ приведенномъ выше стихѣ изъ «Чурильи»,напр.

Товарную пошлину || въ таможнѣ платили.

Не тоя то Камы, || коя въ Волгу пала.

А и Божье то крѣпко, || вражье то лѣпко.

Въ плясовомъ стихѣ такое окончаніе допускается, по видимому, только съ тѣмъ условіемъ, какое мы видѣли въ томъ-же примѣрѣ изъ «Чурильи».

Согласно съ тѣмъ, что было сказано о господствѣ средней нормы въ построеніи былевого стиха, большею частью на стихъ приходится болѣе одного стяженія:

Во стольномъ городѣ || Кіевѣ,

У ласкова князя || Владиміра.

Цезура въ эпическомъ стихѣ соблюдается всегда, но въ немъ она подвижнѣе, нежели въ плясовомъ, а именно она можетъ быть мужская, женская и дактилическая:

У великаго князя || вечеринка была (женская).

А сидѣли на пиру || честны вдовы (мужская).

И сидѣла тутъ Добрынина || матушка (дактилическая).

Рѣзкое отличіе былевого стиха отъ разобраннаго выше плясового заключается въ томъ, что первый можетъ терять приступъ, напр.

Было пированье, || почестный пиръ,

или, со стяженіями по всему стиху (въ 7 слоговъ):

Въ вишеньѣ, || въ орѣшеньѣ,

рѣже совсѣмъ безъ стяженій внутри, какъ

Али палачу || мнѣ самому быть сказнену

(Калайд. стр. 331).

Въ этихъ трехъ стихахъ недостаетъ первыхъ двухъ величинъ, которыя и восполняются паузой впереди. Эта форма въ эпосѣ встрѣчается въ перемежку съ болѣе обыкновенной формой восходящаго вида, но въ лирической поэзіи она часто употребляется исключительно на протяженіи всей пѣсни. Сравнительная самостоятельность ея видна изъ того, что именно она предпочитается въ пословицахъ и загадкахъ:

Не было ни гроша, || да вдругъ алтынъ.

Быкъ да теля || —одна родня.

Зато съ другой стороны, хотя довольно рѣдко, во всякомъ случаѣ гораздо рѣже, чѣмъ можно заключить изъ текстовъ, записанныхъ подъ диктовку или по памяти безъ пѣнія, приступъ въ былевомъ стихѣ можетъ простираться до трехъ слоговъ, напр.

Втапоры повары были || догадливы,

а точно такъ-же, но, можетъ быть, чаще, во второй половинѣ

стиха, — разумѣется, съ тѣмъ условіемъ, чтобы непосредственно передъ цезурой стоялъ слогъ со второстепеннымъ удареніемъ, напр.

Приводили его || ко княженецкому столу.

Въ видѣ исключенія попадаются стихи съ приступомъ отъ 4 до 6 слоговъ, т. е. длины, которая вызываетъ уже два ритмическихъ ударенія, одно — третьестепенное, другое — второстепенное, напр.

Пошелъ онъ ко ласкову князю || Владиміру
(Калайд. стр. 4).

Втапоры Алеша подскочилъ, || ему голову срубилъ
(тамъ-же стр. 193).

Такой приступъ нарушаетъ ритмъ въ мѣстѣ соединенія двухъ стиховъ, потому что вводитъ величины свыше мѣры 4/4 въ тактъ, образуемый концемъ перваго стиха и приступомъ второго, если только первый стихъ полонъ, а не замѣненъ однимъ полустишіемъ (о чемъ ниже), напр.

Велѣлъ подносить вина || имъ заморскія
И меда сладкіе. ||
Тотчасъ по постукамъ Соловья || опознывали
(Калайд. стр. 11).

Само собою разумѣется, что далеко не всѣ чрезмѣрно длинные стихи въ нашихъ сборникахъ былинъ можно объяснять такимъ образомъ: распространеніе посредствомъ постороннихъ прибавокъ замѣчается обыкновенно въ серединѣ стиха, а не въ началѣ. Но и многосложный приступъ есть вольность до такой степени незаконная, что на нее надобно смотрѣть, какъ на посильный выходъ пѣвца изъ затрудненія, когда ему измѣнитъ память или искусство, и нельзя было бы догадаться о подлинномъ, хотя рѣдкомъ, существованіи такого вида стиха въ ка-

чествѣ особой формы, если бы мы не слышали своими ушами такихъ примѣровъ, какъ у знакомаго Петербургу и Москвѣ И. Тр. Рябинина въ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ (Этнографическое Обозрѣніе 1894, № 4) ст. 136=147=153 (т. е. даже въ значеніи формулы):

А не могутъ оны сошки съ земельки || повыдернуть.

Выше уже по поводу плясового стиха было сказано, что цезура не требуетъ логической остановки; потому возможно такое распредѣленіе словъ:

Тысяцкій—ласковый || Владиміръ князь,
Свашена—княгиня || Апраксѣевна [10]).

Если стихъ оканчивается на слово, имѣющее главное удареніе на первомъ слогѣ, а ему предшествуетъ двухсложное слово, имѣющее на себѣ лишь третьестепенное удареніе, то это слово относится ко второй половинѣ стиха, напр.

Вмѣсто очей || было вставлено.

Вообще односложныя и двусложныя слова, хотя бы и не связанныя по смыслу со вторымъ полустишіемъ, относятся къ послѣднему, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если въ первомъ полустишіи окажутся оба ритмическія ударенія помимо этого слова. Потому не только

Сталъ себѣ Волхъ || онъ дружину прибирать.

или

Ѣздитъ Дюкъ || подлѣ синя моря,

но, какъ явствуетъ изъ напѣва, также

Потянулъ онъ тугій || лукъ за ухо.
И велѣлъ изымать || его бережно.

---

10) У Калайдовича стр. 10 «Свашела».

Такое дѣленіе естественно вытекаетъ изъ господствующаго восходящаго движенія стиха, которое осуществляется по возможности въ обѣихъ его половинахъ. Однако отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы смыслъ не имѣлъ никакого значенія въ вопросѣ о мѣстѣ цезуры. Для выясненія доли участія логическаго элемента въ построеніи русскихъ народныхъ стиховъ восходящаго типа вообще и былевого стиха въ частности возвратимся нѣсколько назадъ и присмотримся къ нѣкоторымъ примѣрамъ отношенія логическаго ударенія къ ритмическому помимо цезуры.

Хотя несомнѣнно, что главное ритмическое удареніе не можетъ падать на слогъ, не имѣющій ударенія прозаическаго, тѣмъ не менѣе сплошь да рядомъ мы находимъ случаи подчиненія логическаго распорядка ударенiй требованіямъ ритма, иными словами: главное ритмическое удареніе не можетъ проявиться безъ помощи грамматическаго, — того, которое свойственно слову въ отдѣльности, помимо его связи съ другими словами въ предложеніи; но для него отнюдь не обязательно совпаденіе съ тѣмъ изъ грамматическихъ удареній, которое въ данномъ сочетаніи словъ звучитъ сильнѣе ближайшихъ къ нему такихъ-же удареній по причинамъ логическимъ. Такого противорѣчія между ритмикой и логикой прямо слѣдуетъ ожидать при сравненіи восходящаго характера русской рѣчи въ предѣлахъ почти всякаго сочетанія словъ, произносимаго отдѣльно, съ обратнымъ отношеніемъ главнаго и второстепеннаго ритмическихъ удареній въ полустишіи былевого размѣра. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ очень часто ритмическое преобладаніе перваго слова надъ вторымъ или даже вторымъ и третьимъ въ такихъ соединеніяхъ, которыя помимо стиха или особыхъ риторическихъ условій произносятся съ усиленіемъ голоса къ концу, а не наоборотъ, напр. главное ритмическое удареніе на опредѣленіи, поставленномъ впереди опредѣляемаго:

Широко раздолье || по всей земли.

Два остра копья || мурзамецкія.

Двѣ лисицы || бурнастыя.

Сходни бросали || на крутъ бережекъ.

Со всѣми гостьми || и со всѣми людьми.

А его дружина || хоробрая.

Ихъ челобитья || не слушаетъ;

на опредѣляемомъ, поставленномъ впереди опредѣленія:

Два медвѣдя бѣлые || заморскіе.

Княгинѣ Апраксѣвной || на особицу. [11])

Только ты дай || мнѣ загонъ земли.

Гой еси ты, голый Шапъ, || Давидъ Поповъ. [12])

Зелена вина || въ полтора ведра;

на подлежащемъ передъ сказуемымъ:

Было пированье, || почестный пиръ,

Было столованье, || почестный столъ;

на сказуемомъ передъ подлежащимъ:

Не время спать, || пора вставать;

на первомъ изъ двухъ сопоставленныхъ словъ въ одной и той-же грамматической формѣ:

Носъ, корма || по туриному.

Снимали желѣза || съ рукъ и съ ногъ;

---

11) У Калайдовича стр. 4 «Апраксѣевной».

12) Едва-ли можно отнести «Шапъ» ко второму полустишію: «голый» связано съ «Шапъ», а не со всѣми именами Давида, какъ видно изъ того, что «голый Шапъ» встрѣчается и безъ нихъ (Калайд. стр. 10). Возможно, что «голый Шапъ» находится въ связи съ фамиліей «Голощаповъ» и, подобно Голохвастовымъ (отъ Gallifasto), ведетъ свое происхожденіе съ Запада.

на предлогѣ, по крайней мѣрѣ, не 1-сложномъ:

Вмѣсто гривы || прибивано.
Середи двора || княженецкаго.
Для ради рожденья || богатырскаго.
Опричь тебя, Волха || Всеславьевича.
Промежу обѣдней || и заутреней.
Она третьяго хватила || поперекъ хребта.
Около чебота || зеленъ сафьянъ,
Около чулочика || шелковаго. 13)
Въ дубову скамью || противъ меня. 14)
Оглянется Тугаринъ || назадъ себя;

такъ-же съ 1-сложнымъ предлогомъ несобственнымъ (изъ предлога съ существительнымъ):

Сверхъ тоя || рѣки Череги, 15)

и даже, быть можетъ, съ настоящимъ предлогомъ 1-сложнымъ, если за нимъ слѣдуетъ не менѣе двухъ неударяемыхъ въ простой рѣчи слоговъ, вызывающихъ передъ собою и въ прозѣ нѣкоторое удареніе:

Изъ глухоморья || зеленаго (Калайд. стр. 1).

Преобладаніе ритма надъ смысломъ сказывается еще въ томъ, что при повтореніи словъ въ извѣстномъ сочетаніи относительная сила ихъ удареній можетъ измѣняться въ зависимости отъ измѣненія въ строѣ стиха, напр.

---

13) Калайд. стр. 45 «шелкова».
14) «Проти́въ» какъ «супроти́въ».
15) Если не «Сверху—».

Стать почитать, || стать сказывать.

Оставалася || матера вдова,

Матера вдова Амелоа || Тимоосевна [16]).

Такую-же борьбу между ритмомъ и смысломъ мы встрѣчаемъ и при распредѣленіи словъ по полустишіямъ. Въ этомъ случаѣ надлежитъ принимать въ расчетъ слѣдующія три обстоятельства:

1) Важнѣйшимъ признакомъ принадлежности 2-сложнаго слова къ тому или другому полустишію служитъ, конечно, законъ о наибольшемъ числѣ слоговъ, помѣщающихся въ одномъ тактѣ (не больше 8) и о послѣдовательности ритмическихъ ударений различной силы (и т. д.). Отсюда

Приказалъ наливать чару || зелена вина

съ цезурой послѣ «чару», а не послѣ «наливать».

2) Приступъ въ 3 слога вообще нелюбимъ, и уже по этой причинѣ слѣдуетъ дѣлить

А и ты, ласковый сударь || Владиміръ князь

(или «Ай ты—»), а не

А и ты, ласковый || сударь Владиміръ князь,

какъ Александрійскій стихъ, на который этотъ примѣръ при обыкновенномъ чтеніи окажется похожимъ вполнѣ, если мы возьмемъ для сравненія слѣдующій стихъ Баратынскаго изъ стихотворенія «Деревня»:

Тамъ дружба нѣкогда || сокроетъ пепелъ мой.

---

16) Калайд. стр. 72 «Осталася», и при повтореніи опущено слово «вдова», необходимое въ этой формулѣ (о чемъ будетъ сказано впослѣдствіи). Что касается вида глагола, то и онъ составляетъ принадлежность формулы; ср. тамъже «Оставалося его житье бытье» и ниже «И оставалося чадо милое».

Понятно, что 3-сложный приступъ допускается охотнѣе въ томъ случаѣ, если приходящееся на его средній слогъ третьестепенное ритмическое удареніе совпадаетъ съ прозаическимъ или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ ему, напр.

Отдавала пѣтью || учить церковному.

Честна вдова || многоразумная.

Но и противорѣчіе между этими двумя различными удареніями встрѣчается въ такомъ приступѣ сравнительно часто, большею частію при такомъ сочетаніи слоговъ, когда приступъ состоитъ изъ анапестическаго слова, такъ какъ передъ непосредственно слѣдующимъ за нимъ главнымъ ритмическимъ удареніемъ такое слово превращается въ проклитику, напр.

А въ иномъ кругу || въ кулаки битися.

Ставьте корабль || поперекъ Ильменя [17]).

Впрочемъ на мѣстѣ анапестическаго слова попадается и дактилическое:

А й ручки бѣленьки, || пальчики тоненьки.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ 3-сложный приступъ употребляется рѣдко, нельзя не признать, что онъ не нравился народнымъ поэтамъ самъ по себѣ, — вѣроятно, вслѣдствіе своей тяжести.

3) Односложное или трохаическое слово, имѣющее болѣе сильное логическое удареніе, чѣмъ предшествующее ему слово, можетъ терять или ослаблять свое удареніе до третьей степени только непосредственно послѣ главнаго ритмическаго ударенія вслѣдствіе энклизы (о которой будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ),

---

17) Такъ-же у Крылова въ баснѣ «Троеженецъ», но смѣлѣе, потому что здѣсь неударяемый слогъ поставленъ не подъ третьестепенное, а подъ второстепенное ритмическое удареніе:

Но не прошло четырехъ дней.

а помимо этого условія должно имѣть, по малой мѣрѣ, второстепенное удареніе, почему и остается въ первомъ полустишіи, напр.

А скажите вы мнѣ || прямого пути

почти съ такой-же ритмизаціей мѣстоименій, какъ въ стихѣ

А и будь ты мнѣ || названый братъ,

а не такъ:

А скажите вы || мнѣ прямого пути.

Такъ-же

Прибито уже много || до смерти,

гдѣ стóитъ только сократить «уже» въ «ужь», — и тогда будетъ безусловно невозможно отнести «много» ко второму полустишію. Такимъ-же образомъ

А и вѣрую въ свой || червленый вязъ,

потому что иначе слова «въ свой» окажутся болѣе слабыми по ударенію, нежели грамматически неударяемый послѣдній слогъ дактилическаго «вѣрую», который въ случаѣ переноса словъ «въ свой» во второе полустишіе получилъ бы второстепенное ритмическое удареніе. Изъ этого правила исключаются трохаическія существительныя передъ опредѣляющими ихъ прилагательными съ удареніемъ на первомъ слогѣ и такія-же прилагательныя передъ опредѣляемыми ими существительными съ указаннымъ удареніемъ, напр.

Онъ обернется || яснымъ соколомъ.

Душечки || красны дѣвицы.

Послѣ его || вѣку долгаго.

Уйми ты свое || чадо милое,

съ чѣмъ сравни послѣдній примѣръ въ примѣч. 16. Той-же проклизѣ передъ удареніемъ подвергаются вообще трохаическія слова, тѣсно соединенныя по смыслу со слѣдующими за ними, какъ

Гой еси ты, сударь ласковый || Владимiръ князь,

а потому и могутъ переходить во второе полустишіе, если стоятъ около середины стиха, напр.

Отдай ты мнѣ || дани-выходы.

Что касается сравнительнаго вѣса отдѣльныхъ словъ, то вопросъ о томъ, которое изъ двухъ рядомъ стоящихъ словъ должно звучать сильнѣе другого, рѣшается иногда только при помощи знанія особыхъ правилъ, точнаго опредѣленія которыхъ слѣдуетъ ждать отъ пристальнаго изученія текстовъ въ связи съ напѣвомъ. Понятно напр. само по себѣ, что служебныя части рѣчи, какъ мѣстоименія, произносятся слабѣе, чѣмъ знаменательныя. Потому

А по имени вамъ мочно || мѣсто дать,

а не такъ:

А по имени вамъ || мочно мѣсто дать,

что̀ до нѣкоторой степени подтверждается сравненіемъ со стихомъ, непосредственно слѣдующимъ за только-что выписаннымъ (Калайд. стр. 187):

По изотчеству можно || пожаловати.

Такъ-же

Котораго возьметъ || онъ за руку,

Изъ плеча тому руку || выдернетъ,

съ чѣмъ сравни ближайшіе за этими стихи (тамъ-же стр. 73):

Котораго задѣнетъ || за ногу,

То изъ брюха ногу || выломитъ [18]).

Съ такой-же цезурой

А и только онъ слово || выговорилъ,

а не послѣ мѣстоименія, и т. п. Но нельзя сказать, чтобы разумѣлась сама собою невозможность такой-же энклизы, какъ «синѐ морѐ», если находящееся въ этомъ положеніи трохаическое слово есть собственное имя; напр. было бы невѣрно

Молода Анна || Ивановна;

слѣдуетъ читать:

Молода Анна || Ивановна.

Но подъ условіемъ согласія ритмическаго ударенія съ прозаическимъ первый слогъ такого имени можетъ быть подведенъ не только подъ второстепенное, но и подъ третьестепенное удареніе, почему напр. въ превышающемъ мѣру стихѣ (Калайд. стр. 351)

Для другой сестрицы || родимыя, | Марьи Дивовны [19])

придатокъ можно считать правильнымъ полустишіемъ, а если онъ образовался путемъ пропуска чего-нибудь неважнаго для смысла при передачѣ разговорной рѣчью, то пропускъ мы имѣемъ право пополнить не только при помощи стиха:

Тоё-то Марью || Дивовну [20])

со второстепеннымъ удареніемъ на имени, но также (какъ сей-

---

18) У Калайдовича здѣсь и на стр. 254 «неприличное» слово замѣнено пятью точками, какъ и на стр. 411 въ подобной связи: «Самъ и локоть на окно, ноги подъ. . . . .», т. е. вѣроятно, «пóдъ брюхо̀». Въ приведенномъ выше стихѣ, можетъ быть, слѣдуетъ читать «Тому и́зъ брюха».

19) Если не «дру́гой», о чемъ будетъ сказано въ особомъ приложеніи.

20) У Калайдовича стр. 349. «Тоя-то», какъ слѣдовало-бы сказать въ занимающемъ насъ теперь стихѣ.

часъ увидимъ) посредствомъ повторенія изъ предшествующаго стиха:

Родимыя сестрицы, || Марьи Дивовны,

тѣмъ болѣе, что отношеніе между именемъ и отчествомъ таково-же, какъ между существительнымъ и прилагательнымъ, замѣчанія о которыхъ остается дополнить тѣмъ, что трохаическое существительное вслѣдствіе слабости своего логическаго ударенія въ тѣсномъ сочетаніи съ послѣдующимъ прилагательнымъ можетъ подвергаться полной проклизѣ даже не непосредственно передъ удареніемъ, напр.

Лука и Моисей, || дѣти боярскіе [21]).

Ямбическія слова, связанныя смысломъ съ послѣдующими, испытываютъ полную проклизу гораздо чаще, особенно непосредственно передъ удареніемъ. Такъ напр. слово «душа» въ видѣ приложенія, всегда предшествующаго опредѣляемому, употребляется съ третьестепеннымъ ритмическимъ удареніемъ не только на послѣднемъ слогѣ, какъ

Казарянинъ, || душа Петровичъ младъ,

а не

Казарянинъ, душа || Петровичъ младъ,

хотя при такомъ распорядкѣ ритма былъ бы удаленъ 3-сложный приступъ, но нерѣдко и на первомъ слогѣ, напр.

Душа Дмитревна || запоручена.

Молода душа Анна || Романовна.

Со второстепеннымъ удареніемъ (конечно, на мѣстѣ прозаическаго)

21) Калайд. стр. 73. Въ интересахъ не стиха, но языка позволительно спросить: не «Мосей»-ли?

Гой еси, душа || красна дѣвица

въ той-же ритмической обстановкѣ, какъ

А по имени тебѣ || можно мѣсто дать,

гдѣ, наперекоръ сказанному выше, служебная часть рѣчи перевѣшиваетъ знаменательную на основаніи общаго ритмическаго закона, состоящаго въ томъ, что конечное удареніе, какъ бы слабо оно ни было само по себѣ, пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе силы, чѣмъ больше ему предшествуетъ безударныхъ слоговъ [22]). Склонность ямбическихъ словъ къ проклизѣ доказывается между прочимъ наблюденіемъ надъ собственными именами. Въ былевомъ стихѣ имя, даже односложное, обыкновенно отдѣляется отъ отчества цезурою,—очевидно, для того, чтобы на имени лежало хоть второстепенное удареніе, напр.

То оттеля Дюкъ || Степановичъ.

Какъ бы молодый Волхъ || Всеславьевичъ.

---

22) Напр. въ «пяти́десяти» послѣдній слогъ звучитъ сильнѣе, нежели напр. въ «вы́нести», почему первое изъ этихъ словъ Рылѣевъ въ стихотвореніи, упомянутомъ въ примѣч. 6, нашелъ возможнымъ поставить въ риѳму съ «прости́», котораго удареніе, правда, значительно ослаблено предшествующимъ сильно ударяемымъ трохеемъ «Бо́гъ ихъ». Тамъ-же риѳмуютъ слова «выи́грывали» и «отпи́сывали», — очевидно, только послѣднимъ слогомъ, а для риѳмы нужно ударевіе. Съ болѣе сильнымъ удареніемъ на концѣ произносится «слѣдующими » ($^4/_4$), съ еще сильнѣйшимъ — «преизбыточествующими» (или почти такъ, т. е. приблизительно $^3/_4$ съ хоріамбическимъ удареніемъ; ср. «слѣдующими словами»). То-же наблюдается и обратно, считая отъ конечнаго ударяемаго слога къ началу слова: «переписать» (части 2 тактовъ $^6/_8$), «переночевать» (части 2 тактовъ $^3/_4$ или $^4/_4$), «перебороновать» (почти такъ т. е. какъ-бы части 2 тактовъ $^5/_8$); но въ этомъ случаѣ второстепенное удареніе часто слышится на второмъ слогѣ отъ начала: «переписать», «переночевать», «переборонoвать». Этимологическій составъ слова здѣсь ни при чемъ: ср.

Ямбическія имена ставятся такъ по необходимости передъ отчествомъ, начинающимся двумя неударяемыми слогами, напр.

Царь Саулъ || Леванидовичъ.

По имени Ермакъ || Тимоѳеевичъ.

Передъ отчествомъ, имѣющимъ удареніе прямо на первомъ слогѣ, повидимому, должно вставляться послѣ ямбическаго имени слово «сынъ»,—которымъ и начинается второе полустишіе:

И завидѣлъ Горденъ || сынъ Блудовичъ (Кал. стр. 150).

Молодый Горденъ || сынъ Блудовичъ (151),

почему лучше вставить это слово и на стр. 152, гдѣ его нѣтъ, чѣмъ читать

Что молодой || Горденъ Блудовичъ

съ необычнымъ отдѣленіемъ такъ называемаго украшающаго эпитета отъ опредѣляемаго имъ существительнаго. При отче-

---

«изборозди́ть», или «и́збороздить», «располосова́ть» или «ра́сполосовать», что доказывается возможностью употребленія такихъ словъ отчасти въ ямбическихъ стихахъ, отчасти въ анапестическихъ и дактилическихъ, впрочемъ не безъ натяжки, какъ напр. въ гексаметрахъ Фета, весьма поучительныхъ при изученіи вопроса о второстепенныхъ удареніяхъ русскаго языка, такъ какъ для образованія сильной части стопъ этого чуждаго намъ размѣра покойный поэтъ пользовался всякимъ слогомъ, допускающимъ хоть нѣкоторое усиленіе голоса. Правда, въ словѣ изъ 6 или 7 слоговъ съ удареніемъ на концѣ второстепенное удареніе находится неизмѣнно на первомъ слогѣ и звучитъ такъ-же сильно, какъ конечное, но за примѣрами такихъ «многоэтажныхъ» словъ сложныхъ съ нѣсколькими предлогами, пришлось бы обратиться къ источникамъ «непечатнымъ». На возможность ударенія «И́зъ глухомо́рья» было уже указано выше. Въ лирическихъ пѣсняхъ такіе стихи, какъ

Изъ огорода || во зеленый садъ гулять,

очень обыкновенны. Можетъ быть, и въ эпосѣ можно признать стихомъ такое соединеніе словъ, какъ

ствѣ, имѣющемъ въ началѣ одинъ неударяемый слогъ, замѣчается колебаніе:

Пригодился тутъ Иванъ || Годиновичъ (135).

Гой еси Иванъ || Годиновичъ (138).

Молодой Иванъ || Годиновичъ (143).

Втапоры Иванъ || Годиновичъ (146),

но съ другой стороны:

Гой еси Иванъ || ты Годиновичъ (135).

Гой еси Иванъ || сынъ Годиновичъ (тамъ-же),

и сверхъ того 6 разъ «Иванушка Годиновичъ» — всѣ на стр. 140—145, словно авторъ обрадовался этой формѣ имени, когда она пришла ему въ голову. Тверже въ былинѣ «О женидьбѣ князя Владиміра» имена Дуная и Екима, передъ общимъ отчествомъ которыхъ «Ивановичъ» постоянно находится слово «сынъ» тотчасъ послѣ цезуры (Дунай стр. 87, 89, 90 дважды, 91, 92 дважды, 93, 95, 96, 98 дважды, 99, 100, 101, Екимъ 91 и 94) кромѣ

Гой еси Дунай || Ивановичъ (92).

Гой еси ты, Дунай || Ивановичъ,

Онъ обернулся || гнѣдымъ туромъ (Кал. стр. 49).

Во всякомъ случаѣ только второстепеннымъ удареніемъ, вызываемымъ послѣдующими безударными слогами, можно оправдать главное ритмическое удареніе на относительномъ (а не вопросительномъ) мѣстоименіи въ стихахъ на стр. 48—49:

А есть-ли у васъ, братцы, || таковъ человѣкъ,

Кто-бы обернулся || гнѣдымъ туромъ — ?

(у Калайдовича «А если, братцы, у васъ — »).

гдѣ «сынъ», судя по большинству примѣровъ, опущено едва-ли правильно. Въ былинѣ «Алеша Поповичъ» имя того-же Екима помѣщается въ стихѣ двояко:

1) Молодой Екимъ || сынъ Ивановичъ (182).

2) А и ты, братецъ || Екимъ Ивановичъ (181).

Говорилъ тутъ || Екимъ Ивановичъ (тамъ-же).

Обернется || Екимъ Ивановичъ (183),

какъ слѣдуетъ читать на основаніи стиховъ

Онъ обернется || сѣрымъ волкомъ (48).

Онъ обернется || яснымъ соколомъ (тамъ-же и 49);

сравни

Обертываться || яснымъ соколомъ (47).

Обертываться || сѣрымъ волкомъ (тамъ-же).

Обертываться || гнѣдымъ туромъ (тамъ-же).

А если «Екимъ» передъ отчествомъ звучитъ такъ слабо, что уступаетъ чисто ритмическому (не соединенному съ грамматическимъ) ударенію, отсюда слѣдуетъ, что оно могло разсматриваться въ ритмическомъ отношеніи лишь какъ часть цѣлаго, другая часть котораго состоитъ изъ отчества. Потому, кажется, мы имѣемъ полное право прочесть остальные примѣры этого соединенія такъ:

Втапоры увидѣли || Екимъ Ивановичъ (185) [23].

Втапоры || Екимъ Ивановичъ (186).

Подхватилъ чингалище || Екимъ Ивановичъ (190).

---

23) Слѣдуетъ недостаточный стихъ, который можно пополнить такъ:

И (тая) калика || перехожая.

Остается еще одинъ стихъ съ этимъ именемъ, который, очевидно, надобно пополнить напр. такъ:

Приходилъ (тогда) || Екимъ Ивановичъ (192).

Точно такъ-же

А грозный царь || Иванъ Васильевичъ (326, 327, 328, 333, 334, 335),

Или «Ты, грозный —» (333 и 334), съ чѣмъ сравни о томъ-же царѣ:

А грозный царь, || онъ и крутъ добрѣ (333)

съ цезурой на томъ-же мѣстѣ.

Едва-ли нужно напоминать, что всѣ эти замѣчанія относятся къ ямбическимъ словамъ только въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ они образуютъ ямбъ, а не амфибрахій, какъ

Со душею княгиней || Апраксѣевной.

А со молодомъ Екимомъ || Ивановичемъ.

Въ концѣ концовъ нельзя однако-же не сознаться, что попадаются такіе стихи, въ которыхъ нашъ братъ «образованный» не знаетъ, куда отнести 1-сложное или 2-сложное слово, а потому колеблется и относительно ритма.

Заканчивая этотъ бѣглый очеркъ нашего былевого стиха, считаемъ необходимымъ замѣтить, что въ печатныхъ текстахъ нашихъ былинъ найдется не мало стиховъ, не подчиняющихся этимъ правиламъ. Происходитъ это преимущественно отъ того, что пѣсни записываются обыкновенно не съ напѣва, а съ пересказа, причемъ пѣвецъ, при необычномъ для него условіи разговорной передачи того, что онъ привыкъ представлять себѣ не иначе, какъ вмѣстѣ съ напѣвомъ, часто уклоняется отъ той формы текста, которой онъ несомнѣнно держался бы при пѣніи.

Въ виду этого обстоятельства при чтеніи пѣсенъ въ нашихъ изданіяхъ необходимъ постоянный контроль посредствомъ правилъ ритмики. Къ счастью, языкъ нашихъ пѣсенъ заключаетъ въ себѣ столько формулъ и стереотипныхъ выраженій, что, при болѣе или менѣе основательномъ знакомствѣ съ нашей народной поэзіей, можно иногда возстановить подлинный текстъ съ полной увѣренностью въ успѣхѣ. Въ другихъ случаяхъ, гдѣ искаженіе текста сводится къ пропуску какихъ-либо не особенно важныхъ для смысла словечекъ, какъ частицъ, междометій и т. п., потерпѣвшіе отъ пересказа стихи могутъ быть исправлены, по малой мѣрѣ, со значительной вѣроятностью, особенно въ виду того, что сами пѣвцы именно по отношенію къ словамъ этого рода обнаруживаютъ колебаніе при исполненіи одной и той-же пѣсни въ разное время. Попытки такого возстановленія пѣсеннаго текста читатель найдетъ ниже, причемъ будутъ указаны и нѣкоторыя, такъ сказать, постоянныя категоріи искаженія. Здѣсь же упомянемъ лишь одну неправильность, и то потому, что устраненіе ея не всегда совпадало бы съ практикой пѣвцовъ, по крайней мѣрѣ, современныхъ. Мы разумѣемъ неожиданное употребленіе полустишій (по строенію — вторыхъ) на ряду съ цѣлыми стихами:

Во бѣломъ платьѣ || сорокъ каликъ
со каликою.

Велѣлъ подносить вина || заморскія
и меда сладкіе.

Привязалъ коня || ко дубову столбу,
къ кольцу булатному.

Приказалъ наливать чару || зелена вина
въ полтора ведра.

Посадилъ его || за единый столъ
хлѣба кушати.

Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ этихъ случаевъ произошли отъ пропуска перваго полустишія слѣдующаго стиха, которое было тождественно со вторымъ полустишіемъ предшествующаго, напр.

Посадилъ его || за единый столъ,
За единый столъ || хлѣба кушати,

какъ то мы видимъ напр. въ стихахъ

А то-то, сударь, дѣвушка || станомъ статна,
Станомъ статна || и умомъ свершна (87).
Чтобы она на то больше || не кручинилася,
Не кручинилася || и не гнѣвалася (154).

Иногда при повтореніи прибавляется какое-нибудь слово, большею частію союзъ, часто не безъ вліянія перваго полустишія, напр.

А втапоры княгиня || поносъ понесла,
А поносъ понесла || и дитя родила (45).
Какъ бы та была дѣвица || станомъ статна,
Станомъ бы статна || и умомъ свершна (86).

Весьма поучительны для вопроса о значеніи самостоятельныхъ полустишій такія формулы, въ которыхъ полустишіе то стоитъ одиноко, то вводится въ общую систему стиховъ посредствомъ повторенія, напр. на стр. 25:

Привязалъ коня || къ дубову столбу, къ кольцу булатному,

а на стр. 205 «къ кольцу булатному» повторено, тогда какъ на стр. 89, 136, 140, 187 (стихъ испорченъ), 277 и 356 оно выпущено, на стр. 200 — развито въ цѣлый стихъ:

Ко тому кольцу || булатному [24]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой или подобный пропускъ не подлежитъ никакому сомнѣнію особенно въ тѣхъ, впрочемъ очень рѣдкихъ, стихахъ, гдѣ прибавка превышаетъ размѣры одного полустишія, напр.

Походили они || ко честной вдовѣ

Амелфѣ || Тимоѳеевнѣ,

что̀, по всей вѣроятности, произошло изъ:

Походили они || ко честной вдовѣ,

Ко честной вдовѣ Амелфѣ || Тимоѳеевнѣ.

Однако современные сказители даже при пѣніи часто не вставляютъ недостающаго полустишія. Такъ И. Тр. Рябининъ

---

24) Впрочемъ при перенесеніи части одного стиха въ другой нѣтъ нужды въ повтореніи цѣлаго полустишія или только полустишія, какъ и въ сохраненіи того-же порядка словъ, напр.

До своей его палицы || тяжкія,
А и тяжкія палицы || мѣдныя (91).

У Константинушки умокъ || молодешенекъ,
Молодешенекъ умокъ, || зеленешенекъ (360).

Напущается онъ || на стараго,
На стара козака || Илью Муромца (362).

Такое повтореніе относится въ сущности не къ метрикѣ, а къ реторикѣ: это есть ἐπανάληψις, — фигура, состоящая въ повтореніи одного или нѣсколькихъ

въ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ, по свидѣтельству записывавшаго его пѣсни въ Москвѣ Е. А. Ляцкаго, пѣлъ стихи

Жаловалъ ёво || трема городама,
Трема городама || всё крестьяновскими

иногда безъ повторенія полустишія «трема городама», но что̀ любопытно, — въ качествѣ части не перваго стиха, а второго, какъ видно изъ ударенiй (Этнографическое Обозрѣніе 1894 г. № 4, стр. 136). Напѣвъ, записанный А. Ст. Аренскимъ, даетъ первый стихъ съ паузой такта въ полтора на мѣстѣ второго полустишія (тамъ-же ноты при стр. 152).

Кромѣ описанной формы былевого стиха встрѣчается въ былинахъ, преимущественно позднѣйшихъ (т. е. относящихся къ событіямъ 16-го и 17-го вв.), форма сокращенная на одинъ слогъ въ концѣ, однако безъ нарушенія законнаго числа ритмическихъ величинъ, такъ какъ предпослѣдній слогъ заключаетъ ихъ въ себѣ четыре или недостатокъ восполняется соотвѣтствующей паузой, напр.

Середи было Казанскаго || царства,
Что стояли бѣлокаменны || палаты.

словъ, но въ повтореніи распространенномъ, напр. во 2-й пѣсни Иліады ст. 671 слѣд. (рѣдкій примѣръ двойного примѣненія этой фигуры):

Νιρεὺς αὖ Σύμηθεν ἄγε τρεῖς νῆας ἐίσας,
Νιρεὺς, Ἀγλαΐης υἱὸς Χαρόποιο τ' ἄνακτος,
Νιρεὺς, ὃς κάλλιστος ἀνὴρ ὑπὸ Ἴλιον ἦλθεν
Τῶν ἄλλων Δαναῶν μετ' ἀμύμονα Πηλεΐωνα.

Форма повторенія у Грековъ такъ-же свободна, какъ у насъ, напр. тамъ-же ст. 837 слѣд.

Τῶν αὖθ' Ὑρτακίδης ἦρχ' Ἄσιος, ὄρχαμος ἀνδρῶν,
Ἄσιος Ὑρτακίδης, ὃν Ἀρίσβηθεν φέρον ἵπποι
Αἴθωνες μεγάλοι ποταμοῦ ἄπο Σελλήεντος

и т. п. (см. мои Observationes criticae въ Nordisk Tidskrift for filologi. Ny raekke VI, стр. 268 слѣд.).

Къ этой формѣ прилагаются всѣ тѣ правила, по которымъ строится полная форма за исключеніемъ, конечно, относящихся къ концу стиха. Сверхъ того эта форма стиха въ былинахъ, повидимому, не встрѣчается безъ приступа, который большею частью бываетъ двусложный. Вообще стяженій въ ней меньше, рѣдко три, какъ

И съ тѣхъ поръ великая || слава,

но почти только около середины. Никогда не стягиваются 3-ій съ 4-ымъ слогомъ отъ конца. Между стихами этого вида въ былинахъ иногда встрѣчаются обыкновенные былевые [25]).

---

25) Къ сокращенной формѣ былевого стиха, по видимому, восходитъ отчасти тотъ размѣръ, которымъ Пушкинъ написалъ «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ» (въ 1833 г.) и большую часть «Пѣсенъ западныхъ Славянъ» (въ 1832—1833 г.). Несомнѣнно, что Пушкинъ подражалъ сербскому 10-сложному стиху, хотя весьма своеобразно: замѣтивъ чуть не въ каждомъ стихѣ подлинника то тамъ, то сямъ уклоненія отъ господствующаго трохаическаго движенія, онъ не заботился о введеніи правильнаго стопнаго строя, какъ обыкновенно поступаютъ переводчики, а самъ разрѣшилъ себѣ свободное обращеніе съ размѣромъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что сербскаго ударенія онъ не зналъ. Какъ-же онъ читалъ сербскіе стихи? По всей вѣроятности, съ русскимъ удареніемъ. Отъ такого произношенія стихи, сложенные Сербами — штокавцами, которые отодвигаютъ древнее удареніе, сходное по мѣсту съ русскимъ, по большей части на одинъ слогъ къ началу слова, должны были казаться еще болѣе неправильными, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Сознавая яснѣе всякаго ритмика-теоретика, что однообразное число слоговъ важно только тамъ, гдѣ оно связано со стопностью, Пушкинъ отказался отъ него, какъ отъ излишней обузы, и удовольствовался осуществленіемъ ритма стиха въ общихъ чертахъ. Но что за ритмъ онъ старался воспроизвести? Сравни начало «Видѣнія Короля»:

Король ходитъ большими || шагами
Взадъ и впередъ || по палатамъ;
Люди спятъ, королю || лишь не спится:
Короля Султанъ || осаждаетъ,
Голову отсѣчь || ему грозится
И въ Стамбулъ отослать || ее хочетъ

и нашу народную свадебную пѣсню:

Въ заключеніе находимъ нужнымъ оговорить помѣщенное выше замѣчаніе о музыкальномъ размѣрѣ эпическаго стиха какъ въ полной, такъ и въ сокращенной формѣ. Современные сказители часто исполняютъ этотъ стихъ въ $^2/_4$, отчасти въ $^3/_4$, но эта разница нисколько не вліяетъ на метрическое (или, говоря иначе, просодическое) построеніе стиха. Исполняется ли онъ въ четыре четверти или въ двѣ, во всякомъ случаѣ распредѣленіе ударенiй соотвѣтствующаго ему текста таково, что первое изъ каждыхъ двухъ удареній звучитъ несомнѣнно сильнѣе, нежели второе, что̀ видно особенно ясно изъ упомянутаго выше преобладанія дактиля въ концѣ стиха.

Впрочемъ, такъ какъ мы уже заговорили объ особенностяхъ сказительскаго исполненія сравнительно съ предположенными въ этомъ изслѣдованіи свойствами былевого стиха, будетъ, пожалуй, небезполезно сказать нѣсколько словъ въ оправданіе того предпочтенія, которое мною оказано невѣдомому Киршѣ Данилову

Ахъ, свѣтъ-ли мои аленьки || цвѣточки,
Свѣтъ лазоревы || василечки!
Вы къ чему такъ рано || пріублекли?
На васъ лютые морозы || не бывали,
Частые дожди || не ливали.

Правда, подобный ритмъ часто дается самъ собою при дословной передачѣ сербскихъ 10-сложныхъ стиховъ, напр. хоть бы въ пѣснѣ «Бог ником дужан не остаје», переведенной Пушкинымъ (но, конечно, не такъ рабски):

Двѣ сосны рядкомъ || выростали,
Между ними тонковерхая || елка.
То не были двѣ || сосны зеленыхъ,
Ни межь ними тонковерхая || елка,
Но то были два брата || родимыхъ и т. д.

передъ живыми хранителями эпическаго преданія, олонецкими и архангельскими пѣвцами. Въ самомъ дѣлѣ, былины Кирши Данилова почти преданы забвенію съ тѣхъ поръ, какъ появился сборникъ Рыбникова, а въ особенности — Гильфердинга съ его въ высшей степени любопытнымъ введеніемъ. Возвращеніе къ записи какого-то неуча, жившаго задолго до начала систематическаго обслѣдованія нашей народной словесности, не есть-ли шагъ назадъ? Несомнѣнно, только не въ общепринятомъ смыслѣ этого выраженія: вѣдь сборникъ Кирши содержитъ въ себѣ самый древній текстъ былинъ, какой намъ доступенъ (за исключеніемъ развѣ только «Богатырскаго слова въ спискѣ начала XVII вѣка», изданнаго Е. В. Барсовымъ въ приложеніи къ XXVIII тому Сборника Отд. рус. яз. и слов.). Такъ, но этотъ Кирша не имѣлъ понятія о научныхъ требованіяхъ отъ записи, а потому его свидѣтельство не заслуживаетъ довѣрія. Первое безспорно справедливо, а второе отсюда не слѣдуетъ: пусть онъ не былъ ученъ, но

Однако едва-ли Пушкинъ примѣнилъ бы такой размѣръ въ сказкѣ, написанной русскимъ народнымъ слогомъ, если бы онъ не чувствовалъ въ этомъ размѣрѣ чего-то русскаго. Поучительно сравнить стихи хотя-бы изъ того-же «Видѣнія Короля»

Никто свѣта въ церкви Божіей || не видитъ

и изъ «Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ»

Здравствуй, барыня-сударыня || дворянка

съ двумя стихами изъ русской народной пѣсни, помѣщенными въ видѣ второго эпиграфа къ V главѣ «Капитанской дочки»,

Буде лучше меня найдешь, || позабудешь,
Если хуже меня найдешь, || воспомянешь.

Но что, если чутье геніальнаго художника предупредило изысканія ученыхъ? что, если напр. такой, со штокавской точки зрѣнія, неправильный стихъ, который поется гуслярами безо всякаго вниманія къ ритмически обязательному трохаическому окончанію,

онъ самъ могъ быть пѣвцемъ-спеціалистомъ, и тогда его отличіе отъ современныхъ намъ сказителей будетъ состоять лишь въ томъ, что онъ старше ихъ, по малой мѣрѣ, на полтораста лѣтъ. Точно-ли онъ былъ профессіональнымъ пѣвцемъ,—этого мы, правда, не знаемъ; но если онъ не занимался пѣніемъ «старинъ», какъ ремесломъ, то въ такомъ случаѣ онъ былъ ихъ любителемъ, и любителемъ страстнымъ, — иначе онъ, по тогдашнему времени, не сталъ бы ихъ собирать, да еще записывать. Вѣрно то, что технику былиннаго творчества онъ зналъ хорошо; это видно изъ обильно разсыпанныхъ у него эпическихъ формулъ, строго выдержанныхъ, но повторяемыхъ совершенно свободно, безъ гоньбы за всякою мѣлочью. Или эту технику зналъ не онъ, а пѣвцы, слова которыхъ онъ записывалъ? Если такъ, онъ записывалъ превосходно, ничего не измѣняя по небрежности, которую и трудно допустить въ такомъ рѣдкостномъ любителѣ, или по личному вкусу, такъ какъ разница въ стихосложеніи, въ стилѣ, даже въ языкѣ между старинными и новѣйшими былинами, козачьими поэтическими повѣствованіями и лирическими пѣснями въ его сборникѣ бросается въ глаза. Скорѣе всего — Кирша самъ былъ пѣвецъ: недаромъ къ каждой пѣснѣ приложены ноты, знаніе которыхъ въ тѣ времена едва-ли было распространено,—ноты западныя, для игры на скрипкѣ, и не безъ основанія нѣкоторыя

Шеталасе царица Милица,

основанъ на такомъ древнѣйшемъ, чакавскомъ первообразѣ:

Шеталасе царица || Милица?

Иначе смотритъ на происхожденіе сербскаго 10-сложнаго стиха проф. Халанскій въ своемъ ученомъ и остроумномъ изслѣдованіи «Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса» стр. 769—772. Отдавая полную справедливость мѣткости его соображеній, тѣмъ не менѣе я не могу согласиться съ нимъ въ вопросѣ о важности числа слоговъ, по крайней мѣрѣ, для древнѣйшаго періода. Отсюда и разница между нами съ нимъ въ оцѣнкѣ преданія современныхъ сказителей. Впрочемъ то, что̀ сказано въ этомъ примѣчаніи о родствѣ сербскаго стиха съ русскимъ, имѣетъ характеръ лишь запроса славистамъ.

изъ вошедшихъ въ составъ сборника стихотвореній Калайдовичъ приписываетъ самому собирателю. Особенно важно XXXVI (стр. 307), озаглавленное «Да не жаль добра молодца битаго — жаль похмѣльнаго». Вотъ этотъ образчикъ собственнаго творчества Кирши:

А и не жаль мнѣ-ко битаго, || грабленаго,
А и того-ли Ивана || Сутырина,
Только жаль добра молодца || похмельнаго [26]),
А того-ли Кирилу || Даниловича:
У похмельнаго добраго || молодца.
Буйна голова || (невтерпежъ) болитъ [27]).
А вы, милы мои братцы || товарищи-друзья!
Вы купите винца, || опохмельте молодца.
Хотя горько да жидко, || давай еще.
Замѣните мою смерть || животомъ своимъ:
Еще нѣ въ кое время || пригожусь я вамъ всѣмъ.

Это стихотвореніе, отъ котораго такъ и вѣетъ ароматомъ «царева кружала», ясно показываетъ, какого рода «любитель» былъ Кирша: если такой человѣкъ записывалъ пѣсни, то дѣлалъ это по причинѣ, болѣе дѣйствительной, нежели платоническое любительство, т. е. либо ему нужно было закрѣпить эти пѣсни

26) У Калайдовича «добраго».

27) У Калайдовича два стиха сведены въ одинъ. Второй изъ нихъ дополненъ здѣсь, разумѣется, только примѣрно, безъ отвѣтственности даже за мѣсто пропуска.

въ памяти для воспроизведенія ихъ въ честной компаніи, будь то среди собутыльниковъ или «сидючи во бесѣдѣ смиренныя у боярина великаго», либо онъ взялся за перо по порученію такого боярина, который и былъ только любителемъ. Кто-же былъ Кирша? Вѣроятно, профессіональный пѣвецъ, скоморохъ, и притомъ, судя по языку и по репертуару, житель Урала или западной Сибири, но едва-ли козакъ: именно козачьи пѣсни, напр. «На Бузанѣ островѣ», записаны неисправно. Техника его та же, какую мы находимъ въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ отчасти и въ наши дни по всей Великой Россіи кромѣ Олонецко-Архангельскаго края — можетъ быть, наиболѣе пѣвучаго, но потому-то и создавшаго, при своей отчужденности отъ остальной Россіи, особые пріемы. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что народное поэтическое творчество не прекратилось въ этихъ мѣстностяхъ до сихъ поръ, никакъ не говоритъ въ пользу свидѣтельства сохранившихся тамъ былинъ объ исконныхъ формахъ нашего эпоса. Возьмемъ для примѣра «старинку» одного изъ лучшихъ Олонецкихъ сказителей, И. Тр. Рябинина, о Вольгѣ и Микулѣ, слышанную мною нѣсколько разъ отъ самого пѣвца и сверхъ того доступную мнѣ и теперь въ мѣлочно-точной записи Е. А. Ляцкаго, къ которой превосходнымъ ритмическимъ комментаріемъ служитъ музыкальное приложеніе А. Ст. Аренскаго. Со стороны содержанія эта «старинка» представляетъ собою очевидное смѣшеніе двухъ различныхъ богатырей, Вольги Святославича (или «Святославговича») съ Волхомъ Всеславичемъ, къ которому только и относится изученіе «мудростей» и потрясающее дѣйствіе рожденія героя-оборотня на звѣрей, птицъ и рыбъ, совершенно ненужныя въ разсказѣ о встрѣчѣ Вольги съ Микулой (ср. Вс. Ѳ. Миллера «Къ былинамъ о Вольгѣ и Микулѣ» въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1894 г. № 11). Вотъ это мѣсто (ст. 6—12):

Похотѣлосе Вольгѣ || да много мудростей:

Щукой рыбою ходить || ему во синихъ моряхъ,

Птичкой-соколомъ летать || Вольги подъ оболоки [28]).

Рыскать волкомъ || во чистыхъ поляхъ.

Уходили-то всѣ рыбушки || въ глубокія моря,

Улетали-то всѣ птички || да подъ оболоки,

Убѣгали-то всѣ звѣри || во темны лѣса.

Эти быстро текущіе стихи въ исполненіи Рябинина производили сильное впечатлѣніе. Но здѣсь рѣчь идетъ не объ эстетикѣ, а объ обще-русской старинной поэтической техникѣ. Съ этой точки зрѣнія можно было бы ожидать приблизительно слѣдующей редакціи:

Щукой-рыбою ходить || во синемъ морѣ,

Яснымъ соколомъ летать || по поднебесью,

Сѣрымъ волкомъ рыскать || во чистомъ полѣ.

Уходили всѣ рыбы || въ морску глубину,

Улетали всѣ птицы || высоко въ небеса,

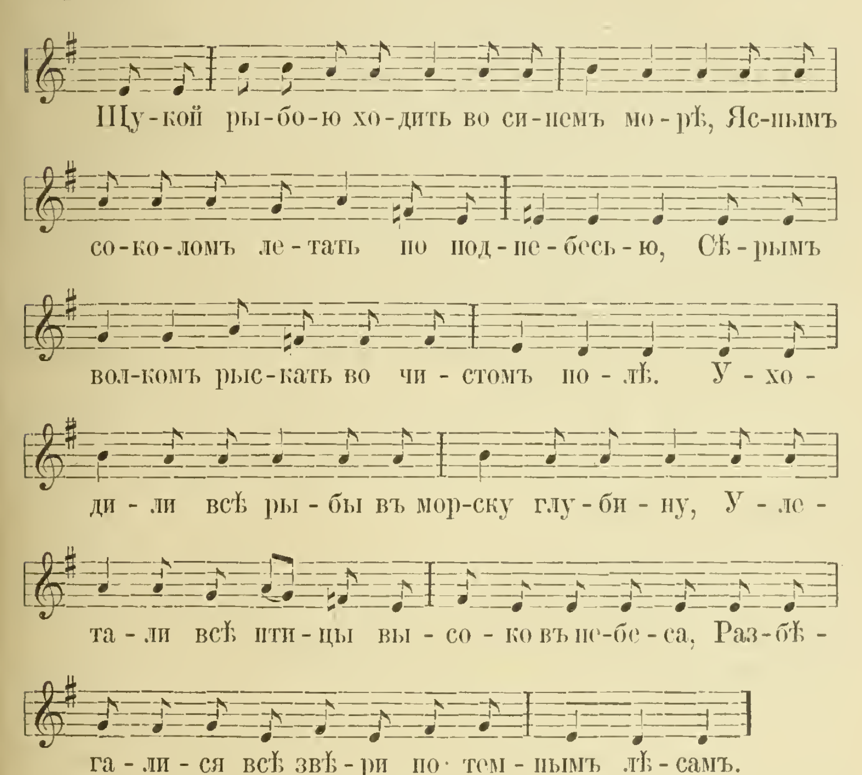
Разбѣгалися всѣ звѣри || по темнымъ лѣсамъ.

Даже въ такомъ видѣ стихи содержатъ въ себѣ нѣсколько больше слоговъ, нежели полагается по общей нормѣ; но Рябининъ здѣсь умышленно дробитъ ритмъ вставочными словами «да», «ему», «Вольги», «то». Что это есть сознательное дробленіе ритма, обусловленное личнымъ вкусомъ, видно изъ напѣва, въ кото-

---

28) Такъ въ текстѣ г. Аренскаго при нотахъ, а у г. Ляцкаго—«летáть да подъ óболоки». Варіанты у Рябинина не рѣдкость. «Вольги» пѣлъ здѣсь и Рябининъ-отецъ (Гильф. столб. 435 и ноты при столбцѣ 436).

ромъ ноты для этихъ вставокъ добыты по большей части изъ сосѣднихъ нотъ. При перенесеніи его напѣва на предложенную нами редакцію повтореніе однихъ и тѣхъ-же нотъ значительно сократится:

Еще больше было бы разнообразія въ нотахъ, если бы къ этимъ словамъ мы примѣнили тотъ напѣвъ, который данъ у Кирши при былинахъ «Соловей Будиміровичъ», «Иванъ гостиный сынъ», «Иванъ Годиновичъ», «Чурила Пленковичъ» и «Василій Буслаевъ молиться ѣздилъ» — напѣвъ, несомнѣнно типическій и употребительный только въ древнихъ, чисто эпическихъ пѣсняхъ. Со стороны стилистики между прочимъ замѣтимъ, что именительный и винительный падежи множественнаго числа «темны лѣса» въ старинныхъ пѣсняхъ едва-ли встрѣчается, какъ впрочемъ и вообще множественное число мужескаго рода на ударяе-

мое *а*. Далѣе — перемѣна ударенія въ приведенномъ уже выше «трѐма го́родама» или, въ повтореніи, «тре́ма города́ма» свойственна скорѣе лирикѣ[29]), чѣмъ эпосу, какъ и дробленіе ритма. Притомъ это разнообразіе въ удареніи, а еще болѣе «тре́ма» даже подъ главнымъ ритмическимъ удареніемъ, указываетъ на подчиненіе естественныхъ свойствъ слова требованіямъ размѣра. Что удареніе здѣсь перенесено насильственно, ясно изъ сохраненія *е* подъ удареніемъ безъ перехода въ *ё*. Странныя ударенія, очевидно, искусственныя, такъ какъ попадаются одиноко и не связаны ни съ какой грамматической категоріей, — явленіе, довольно обыкновенное въ пѣсняхъ Олончанъ и Архангельцевъ. Давленіе размѣра на языкъ и смыслъ сказывается у нихъ также въ образованіи конечнаго дактиля посредствомъ неумѣстной прибавки частицъ «то» и «ли», напр.

Накупить намъ бумаги || да черниловъ-то

(Гильф. столб. 1011).

Онъ къ тому-ли къ городу || къ Риму-ли[30])

(Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа стр. 9, ноты «Другаго напѣва»).

Тотъ и другой пріемъ условны, а вторженіе условности есть уже признакъ упадка, дряхлости, предвѣстницы близкаго омертвѣнія и разложенія. Но возвратимся къ «старинкѣ» о Вольгѣ. Выше мы видѣли крайнее дробленіе ритма въ нѣсколькихъ стихахъ подъ рядъ; ниже находимъ обратное явленіе (18—20):

---

29) Напр. Ты лети, лети, соколъ, || высоко и далеко,
И высоко и далеко, || на родиму сторону.

30) Въ современномъ пѣніи ритмъ другой — $^6/_8$, несвойственный стариннымъ русскимъ пѣснямъ, но съ послѣднимъ тактомъ въ $^2/_4$ вмѣсто первоначальныхъ $^4/_4$. Съ переложеніемъ эпическаго стиха въ пѣніи на другой ритмъ мы еще не разъ встрѣтимся при изслѣдованіи размѣровъ русской народной лирики.

Первый городъ || Гурцовецъ [31])

Другой городъ || Орѣховецъ,

Третій городъ || Крестьяновецъ.

И такъ различаются по смыслу группы стиховъ, и въ каждой одинъ стихъ подгоняется къ другому, — пріемъ безспорно эффектный, если примѣняется кстати, но уже искусственный; впрочемъ онъ обусловливается скорѣе безсознательною ритмической ассоціаціей, чѣмъ расчетомъ. Вообще замѣтно стремленіе къ однообразному построенію стопъ, откуда и перестановки удареній и вставка ненужныхъ словечекъ. Это стремленіе ведетъ у необразованныхъ людей къ силлабическимъ стихамъ, господствующимъ теперь въ поэзіи лакеевъ, мастеровыхъ и солдатъ. Гоньба за равенствомъ сосѣднихъ между собою стиховъ отразилась и на ст. 23:

Тридцать молодцовъ || да и безъ единаго

вмѣсто нормальнаго

Тридцать молодцевъ || безъ единаго,

какъ Рябининъ, можетъ быть, и сказалъ бы, если бы за этимъ стихомъ не слѣдовало

Самъ ещё Вольга || да й во тридцятыяхъ.

Ст. 15:

Ласковъ князь-то Владымеръ || стольнё-кіёвской [32])

---

31) Въ нотахъ «а Гурцовецъ».

32) И. Тр. Рябининъ ритмизовалъ такъ:

Ласковъ князь то Владымеръ || стольнё-кіёвской ($= 6/4 + 4/4$ съ точкой при $1/8$ для «то» и съ $1/16$ для «Вла—».

контаминированъ изъ двухъ совершенно различныхъ формулъ:

Ласковый сударь || Владиміръ князь

и

Владиміръ князь || стольный Кіевскій.

Ст. 25—26:

Садились на добрыхъ || коней, поѣхали

По этымъ городамъ || да за получкою.

1) Прилагательное съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ и подчиненное ему въ ритмическомъ отношеніи опредѣляемое имъ существительное помѣщаются всегда въ одномъ полустишіи для того, чтобы они не разрывались цезурой, какъ то случилось у Рябинина, который даже отмѣтилъ цезуру посредствомъ протяженія слога «—брыхъ» въ полторы осьмыхъ, сокративъ «ко—» до $^1/_{16}$. Еще примѣръ подчиненія смысла стиху.

2) Мѣстоименіе «этотъ» употребляется въ старинныхъ пѣсняхъ при указаніи на присутствующій предметъ (δεικτικῶς), а не только представляемый (ἀναφορικῶς), напр.

А и эта рука || мнѣ не надобна,

говоритъ Добрыня, отсѣкая руку Маринѣ. Старинный пѣвецъ не сѣверо-западный выразилъ бы ту-же мысль напр. такъ:

Садились они || на добрыхъ коней,

Поѣхали ко тѣмъ || ко городамъ,

Ко тѣмъ городамъ || за получкою,

если бы только послѣднему стиху не предпочелъ такого:

Собирать съ нихъ дани, || невыплаты.

То-же уклоненіе отъ обычной постановки прилагательнаго съ подчиненнымъ ему по ударенію существительнымъ оказывается и въ ст. 37 (какъ въ почти тождественныхъ 43 и 49):

Не наѣхали въ чистомъ || поли ратая.

Здѣсь цезура еще слышнѣе, потому что на стоящій передъ нею слогъ приходится цѣлая $^1/_4$. А стоило только переставить слова. Лирическое разнообразіе удареній также въ ст. 54 и 55:

Каменья, коренья || вывёртываётъ,

А и крупныя ёнъ каменья || всѣ въ борозду валитъ[33]).

Ст. 98:

Отъѣхали отъ сошки || кленовоёй.

Пѣвецъ изъ другой мѣстности сказалъ бы «кленовыя», — правда, не только въ родительномъ падежѣ, но и въ дательномъ, иногда даже въ мѣстномъ, для котораго употребительна и форма на «— оей»; но здѣсь дѣло не въ грамматической правильности, а въ грамматическомъ преданіи.

Ст. 84—87:

Просятъ оны грошей || поддорожныихъ;

А при мнѣ была шалыга || поддорожная:

А у насъ съ шалыгой || съ поддорожноёй

Кой стоя стоитъ, || тотъ и сидя сидитъ и т. д.

Пѣвецъ, очевидно, заранортовался, и виной тому была таинственная «шалыга». Что она, въ самомъ дѣлѣ, такое? А вотъ послушаемъ дальше (ст. 101 слѣд.):

---

33) У Рябинина-отца «вси», какъ и слѣдуетъ по-олонецки.

Хошь оставилъ я сошку || въ бороздочки

Не гля-ради прохожаго й || проѣжжаго,

А гля-ради мужика || да деревенщины.

Есть у насъ мужикъ || да деревенщина,

Прозывается шалыга || поддорожная,

То ёнъ сошку съ земельки || повыдернетъ и пр.

Стало быть, не «шалыга», а «Шалыга»: это — имя мужика, товарища Микулы. Женскій родъ не противорѣчитъ такому пониманію: вѣдь есть-же «калика перехожая». Сравнимъ показаніе Рябинина-отца. Первое изъ этихъ двухъ мѣстъ онъ пѣлъ почти также, какъ поетъ сынъ, а второе является у него въ такомъ видѣ:

А оставилъ я сошку || въ бороздочки...

Да не гля-ради прохожаго || проѣзжаго,

Ради мужика || деревенщины:

Они сошку съ земельки || повыдернутъ и т. д.

О «шалыгѣ» па этотъ разъ у отца нѣтъ ни слова, за то черезъ два стиха сказано нѣчто, чего нѣтъ у сына:

Мнѣ нечѣмъ будетъ молодцу || крестьянствовати.

Многоточіе послѣ перваго стиха поставлено Гильфердингомъ; и въ самомъ дѣлѣ, здѣсь какъ будто пропущено нѣчто въ родѣ того, что Микула боится за свою соху и желалъ бы принять мѣры къ ея сохраненію — отъ кого именно, пояснено дальше: отъ своего брата-мужика. Смыслъ ясенъ, но не для Рябинина - сына,

упомянувшаго это мѣсто только внѣшнимъ образомъ. А кто-же наконецъ «шалыга»? Смотри у Кирши (Калайд. стр. 183):

Въ тридцать пудъ шелепуга || подорожная,

Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу || Чебурацкаго [34]).

Этотъ образчикъ новѣйшей нелѣпости служитъ также блестящимъ доказательствомъ того, какъ скоро въ наше не-эпическое время разлагается эпосъ. Объ отличіяхъ современныхъ олонецкихъ былинъ отъ «Богатырскаго слова», записаннаго въ той-же губерніи (въ Турчасовской волости Каргопольскаго уѣзда), нечего и говорить. Дальнѣйшій разборъ былины о Вольгѣ и Микулѣ, кажется, излишенъ, особенно въ виду продолженія этого изслѣдованія. Но само собою разумѣется, что при изученіи нашего народнаго эпоса никакъ нельзя обойтись безъ помощи его живыхъ или, вѣрнѣе, издыхающихъ остатковъ; только при пользованіи ими ни на одно мгновеніе не слѣдуетъ забывать, что олонецко-архангельскій край — не вся Россія и что XIX вѣкъ — не XVII, дальше котораго мы пока не можемъ проникнуть въ прошедшее въ вопросѣ о древнѣйшей редакціи нашего эпоса.

---

34) «Шелепуга» или «шалыга» — то-же что «шелепъ» — родъ кистеня въ видѣ кнута, оружіе не воина, а путника, иногда — разбойника, какъ теперь карманный револьверъ. Въ числѣ пѣсенныхъ насмѣшекъ надъ свахой есть и такая (Сахаровъ № 186):

Ѣхала свашенька || изъ города,

Свѣсила ноженьки || изъ короба.

Увидѣли свашеньку || два щеголя,

Пріударили свашеньку || въ два шелепа.

I.

Ударенія въ языкѣ русской народной поэзіи.

Русская рѣчь даже въ устахъ образованныхъ людей, говорящихъ языкомъ литературнымъ, обнаруживаетъ нѣкоторыя колебанія относительно постановки ударенiй: одинъ произноситъ *высóко*, *ворóта*, *óтдалъ*, *нá землю*, другой — *высокó*, *воротá*, *отдáлъ*, *на зéмлю*. Эта разница зависитъ отъ различныхъ нарѣчій; такъ въ приведенныхъ примѣрахъ первый рядъ удареній свойственъ, говоря вообще, сѣверной половинѣ Великой Россіи (со включеніемъ Москвы), второй — южной. Само собою разумѣется, что рѣчь простого народа отличается гораздо большимъ разнообразіемъ въ распорядкѣ удареній, смотря по родинѣ и мѣсту жительства говорящихъ. Въ народной поэзіи, не только русской, но и какой угодно, въ томъ числѣ у Гомера и въ Ведахъ (какъ бы сильно ни было замѣшано въ созданіи этихъ памятниковъ личное творчество), языкъ представляется всегда болѣе или менѣе пестрымъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ неустойчивымъ вслѣдствіе смѣси нарѣчій различныхъ мѣстностей и различныхъ эпохъ, образующейся постепенно при переходахъ одной и той-же пѣсни изъ одной части страны въ другую и передачи

---

*) Начало статьи см. въ I т. (1896) Извѣстій стр. 1—45.

этой пѣсни отъ поколѣнія къ поколѣнію. Такимъ путемъ слагается впослѣдствіи условный поэтическій языкъ, разумѣется, не вполнѣ твердо выдержанный, однако достаточно опредѣленный для того, чтобы и позднѣйшіе народные поэты имѣли его въ виду, какъ образецъ, хотя при этомъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ отдѣлаться отъ вліянія своего родного говора. Этотъ искусственный, но въ то-же время безукоризненно народный языкъ сохраняется въ принципѣ неприкосновеннымъ, пока жива народная поэзія. Вымираніе его и постепенное приближеніе языка пѣсенъ къ чистому-ли разговорному той среды, въ которой каждая изъ нихъ поется, или къ литературному уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о вырожденіи народнаго творчества данной эпохи. Мы живемъ именно въ такое время, когда старинная русская пѣсня исчезаетъ, отчасти забившись въ захолустья и тамъ все болѣе обособляясь и вмѣстѣ мельчая, какъ въ Олонецко-Архангельскомъ краѣ, въ Сибири и у казаковъ, отчасти уступая свое мѣсто произведеніямъ городского простонародья, къ которому въ занимающемъ насъ вопросѣ можно причислить и солдатъ, особенно теперь, при общей воинской повинности и краткосрочной дѣйствительной службѣ. Къ солдатскому типу все болѣе приближается и казачья пѣсня, какъ видно хотя бы изъ образчиковъ, печатаемыхъ въ «Сборникѣ свѣдѣній о мѣстностяхъ и племенахъ Кавказа». О быстротѣ порчи стараго пѣсеннаго склада подъ вліяніемъ обращенія пѣсни въ замкнутомъ кругу опредѣленной мѣстности уже было сказано; заполоненіе народнаго поэтическаго репертуара пѣснями литературнаго характера, даже переводными, представляетъ собою фактъ до такой степени извѣстный, что о немъ нечего распространяться. Еще въ шестидесятыхъ годахъ Гильфердингъ слышалъ въ Олонецкой губерніи сербскую пѣсню о Йовѣ и Марѣ въ переводѣ Щербины, подвергшуюся, правда, въ устахъ сказителей кое-какимъ редакціоннымъ измѣненіямъ въ народномъ духѣ; но такое сравнительно свободное отношеніе къ подлиннику объясняется въ значительной степени нѣкоторой неопредѣленностью его размѣра и отсут-

ствіемъ риѳмы. Не то будетъ, когда и въ тотъ край проникнутъ произведенія въ родѣ Пушкинскаго «Подъ вечеръ осенью ненастной» или Байроновскаго прощанія Чайльдъ-Гарольда съ родиной, уже давно распространенныхъ въ Великой Россіи и отчасти даже въ Малороссіи: въ такіе стихи можно внести только искаженія, какъ приведенное въ предисловіи покойнаго Мельгунова къ первому выпуску его сборника пѣсенъ «Дайте мнѣ синя огня» вмѣсто «Дайте мнѣ сіянье дня», но народнаго въ такихъ замѣнахъ будетъ только непониманіе не-народнаго текста. Что касается предмета настоящаго изслѣдованія, вопроса о пѣсенныхъ удареніяхъ, то, при все возрастающемъ ослабленіи преданія, въ пользованіи даже чисто или почти чисто народными произведеніями или хоть бы редакціями позднѣйшей эпохи надобно придерживаться строжайшей осторожности. Къ этому побуждаетъ не только усиливающееся подчиненіе слова размѣру, на что̀ было указано въ концѣ предшествующаго опыта, но и фактъ, упомянутый тѣмъ-же замѣчательнымъ знатокомъ и собирателемъ русскихъ пѣсенъ, хотя и не оцѣненный имъ во всей его важности именно для этого вопроса,—переносъ напѣва на текстъ, пѣвшійся нѣкогда иначе. Только этимъ, повидимому, и можно объяснить такія дикія ударенія, какъ

Вѣрный мой колодязь,
Вѣрный мой глубокой,
Что ты стоишь безъ воды? (вар.—воды нѣтъ)
«Кони воду выпивали, (вар.—конь воду выпивалъ)
Копытами землю выбивали» (вар.—выбивалъ),

что̀ при первоначальномъ напѣвѣ, теперь утраченномъ, произносилось, вѣроятно, такъ:

Вѣрный || мой колодязь,
Вѣрный || мой глубокій,

Что ты стоишь— || воды пѣту?
«Кони воду || выпивали,
Копытами землю || выбивали»,

но въ старшемъ изводѣ, конечно, не со словомъ «вѣрный», которое и въ схему позднѣйшаго напѣва втиснуто лишь при помощи растяженія перваго слога, а съ какимъ нибудь 3-хъ-сложнымъ,— можетъ быть, собственнымъ именемъ, впослѣдствіи забытымъ. Въ силу этихъ соображеній я взялъ въ основу своихъ изслѣдованій русскаго пѣсеннаго ударенія такъ называемый сборникъ Кирши Данилова, какъ старѣйшую извѣстную намъ запись пѣсенъ различнаго содержанія, а это разнообразіе не лишено значенія въ томъ смыслѣ, что русскій народный пѣсенный языкъ оказывается болѣе или менѣе одинаковымъ во всѣхъ родахъ поэзіи. Свидѣтельства этого сборника я провѣряю и дополняю показаніями старинныхъ и распространенныхъ лирическихъ пѣсенъ, которыхъ напѣвы по большей части хорошо извѣстны. Распространенность пѣсни въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи есть важное условіе установки древнѣйшаго текста. Правда, ссылки на пѣсни лирическія, сложенныя различными размѣрами, о которыхъ не было говорено выше, сопряжены съ нѣкоторыми неудобствами для читателя, но ритмическая размѣтка надъ строками примѣровъ разъяснитъ ему на первый разъ ихъ строй въ достаточной степени, а между тѣмъ безъ предварительныхъ свѣдѣній объ удареніяхъ трудно приняться и за изслѣдованіе самыхъ размѣровъ. Само собою разумѣется, что объ исчерпывающемъ вопросъ разборѣ всѣхъ примѣровъ необычнаго въ литературномъ языкѣ ударенія здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Но прежде, чѣмъ приступить къ изслѣдованію удареній по частямъ рѣчи, необходимо выдѣлить тѣ случаи, которые относятся не къ грамматикѣ, а къ метрикѣ. Выше уже было замѣчено, что вопросъ о совпаденіи удареній прозаическаго и ритмическаго можетъ возникать только по отношенію къ удареніямъ

главному и второстепенному, т. е. къ тѣмъ, которые необходимы въ тактѣ сложномъ, какъ $^4/_4$, составляющемъ половину эпическаго стиха, и $^3/_4$, лежащемъ въ основѣ нѣкоторыхъ лирическихъ размѣровъ. Третьестепенное удареніе, какъ появляющееся лишь случайно, вслѣдствіе разложенія четвертей на осьмыя, можетъ приходиться на слоги, въ прозѣ неударяемые. Въ стихахъ изъ тактовъ $^2/_4$, все болѣе и болѣе входящихъ въ употребленіе въ народныхъ пѣсняхъ, совпаденіе ритмическаго ударенія съ прозаическимъ обязательно только для главнаго ударенія, такъ какъ другое удареніе, которое ощущается преимущественно при разложеніи четвертей, въ простомъ тактѣ отмѣчаетъ собою не особый отдѣлъ такта, имѣющій свои ударенія двухъ степеней (второстепенное и третьестепенное), а лишь такую величину, безъ противоположности которой тактовому ударенію не было бы различимо и это удареніе, а съ нимъ и ритмъ. Потому слабѣйшее изъ двухъ ударенiй такта $^2/_4$ равняется по значенію и по силѣ третьестепенному сложнаго такта, согласно съ чѣмъ въ этомъ изслѣдованіи оно и обозначается лишь точкой надъ слогомъ, какъ третьестепенное [1]). Но и главное удареніе въ самомъ концѣ стиха такого склада можетъ падать на конечный неударяемый слогъ, отдѣленный отъ прозаически ударяемаго однимъ, двумя или тремя неударяемыми слогами. Впрочемъ есть много пѣсенъ въ $^2/_4$, сложенныхъ такъ вольно, что пользоваться ими въ качествѣ источниковъ свѣдѣній объ удареніяхъ почти или даже совсѣмъ невозможно за исключеніемъ развѣ послѣдняго въ стихѣ ударенія, если оно главное, да и то иногда съ тѣмъ условіямъ, чтобы обращать вниманіе на ритмъ не напѣва, который, какъ мы видѣли, нерѣдко оказывается перенесеннымъ изъ другой пѣсни, а на ритмъ первоначальный, сохранившійся только въ текстѣ. Что же касается тѣхъ пѣсенъ, которыя въ этомъ отношеніи надежны, то изъ сказаннаго слѣдуетъ, что

1) Иначе отмѣчено второстепенное удареніе такта $^2/_4$ въ первой части изслѣдованія (примѣч. 7 и 17), гдѣ шла рѣчь объ этомъ тактѣ въ стопныхъ стихахъ искусственной поэзіи.

и въ нихъ третьестепенныя ритмическія ударенія должны быть исключены изъ изслѣдованія прозаическихъ удареній.

Но и второстепенныя ударенія въ одномъ извѣстномъ случаѣ могутъ быть въ прямой противоположности къ естественному ритму слова. Этотъ случай есть уже упомянутая прежде (т. I стр. 21) энклиза трохаическихъ словъ, которая состоитъ въ томъ, что 2-сложное слово съ удареніемъ на первомъ слогѣ, заключающее собою первое или второе полустишіе, послѣ односложнаго слова съ сильнымъ удареніемъ или послѣ 2-сложнаго или 3-сложнаго съ удареніемъ на концѣ теряетъ свое грамматическое удареніе и, вслѣдствіе этого, становясь прозаически неударяемымъ, допускаетъ второстепенное ритмическое удареніе на своемъ послѣднемъ слогѣ. Такъ какъ ритмическое удареніе не есть посторонній языку элементъ, введенный въ него искусственно, а вытекаетъ изъ физическихъ свойствъ языка, то такая энклиза нечужда и прозѣ, напр., хотя слово *либо* въ такихъ сочетаніяхъ, какъ «либо ты, либо я», гдѣ оно стоитъ въ началѣ синтактическаго члена, произносится съ удареніемъ на первомъ слогѣ, тѣмъ не менѣе послѣ вопросительныхъ мѣстоименій и нарѣчій замѣняетъ это удареніе болѣе слабымъ на концѣ: *кто-либо*, *гдѣ-либо*, *какой-либо*, откуда уже по аналогіи—*какого-либо* на ряду съ болѣе правильнымъ съ ритмической точки зрѣнія *какого-либо*. До какой степени естественно это явленіе, явствуетъ изъ его существованія и въ другихъ языкахъ, особенно въ новогреческомъ и въ англійскомъ и шотландскомъ, гдѣ оно встрѣчается при тѣхъ-же самыхъ условіяхъ, какъ въ русскомъ, напр.

Καὶ σὺ φόλαν οὐδὲν ἔχεις || νὰ δῶς διὰ τὴν ψυχήν σου

(Θеодора Продрома Κατὰ ἡγουμένων ст. 90).

Σαρδαμαριοῦ παιδὶν εἶσαι || χαυϊαροκαταιλύτου

(тамъ-же 97).

Τὸ τίς εἶσαι καὶ τί θέλεις || καὶ τί με συντυχαίνεις;

(тамъ-же 473),

даже послѣ предлога, котораго удареніе усилено, вѣроятно, искусственнымъ образомъ:

Νὰ προσκυνῆσαι ὑπὸ πάντων || μικρῶν τε καὶ μεγάλων

(Βέλθανδρος καὶ Χρυσάντζα 145),

послѣ члена, чтò въ прозѣ было бы натяжкой:

Τρεῖς τὸ ταχὺ, τρεῖς τὸ βράδυ, || χρυσή μου περιστέρα

(Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris DCXLVI, 14), послѣ отрицанія δέν, по примѣру стариннаго οὐδέν, хотя односложная форма въ прозѣ не имѣетъ ударенія:

Ἐτοῦτο ντέρντι δὲν εἶναι, || ὁποῦχω 'ς τὴν καρδιά μου

(тамъ-же, Disticha 339),

при повтореніи слова, не смотря на соблюденіе его ударенія въ первый разъ:

Ἔτσ' εἶναι, μάτια μ', ἔτσ' εἶναι, || ὄπ' ἀγαπάῃ καὶ χάσῃ

(тамъ-же, Disticha 338).

Примѣръ, подобный нашему *какóго-либò*:

Σίτ' ἀναγνώθ', (–) σίτι κλαίγει, || σίτ' κρούει τὴν καρδίαν

(трапезунтская пѣсня у Legrand, Recueil de chansons populaires grecques 49, 6). [2]

---

2) Въ стихѣ такого-же ритма у Пассова Dist. 80:

Ἄνοιξε γῆς (,) μέσα νἄμπω || καὶ σκέπασέ με χῶμα

можно написать и νἀμπῶ, хотя νἄμπω, какъ Dist. 81, кажется употребительнѣе. Однако тамъ-же DCXXXII a 11:

Κὶ ὅσὄ νάμπῃ κὶ ὅσο νἀβγῇ, || εὑρέθ' ἐγγαστρωμένη·

Англійскіе примѣры такъ многочисленны, что ихъ можно найти десятки въ любой не очень короткой старинной балладѣ, напр. въ первой части Sir Cauline (Percy, Reliques of ancient english poetry vol. I p. 36 sqq. ed. B. Tauchnitz):

Men call him syr Cauline (ст. 4).
He says, Where is || syr Cauline (23)

и такъ постоянно въ концѣ стиха, то со второстепеннымъ, то даже съ главнымъ удареніемъ, смотря по составу послѣдней стопы; но въ другихъ мѣстахъ стиха

Syr Cauline loveth her || best of alle (9) [3)]

и т. п.

Upon Eldridge hill || there groweth a thorne,
Upon the mores brodinge;
And dare ye, syr knighte, || wake there all nighte
Untill the fayre morninge? (59—62).

Энклиза трохея послѣ трохея:

And Ile either bring you || a ready token (73),

хотя, вѣроятно, не съ полнымъ слогомъ -en, а со слоговымъ n, какъ это слово произносится и теперь: tōkn. Энклизу допускаютъ и новые поэты въ подражаніяхъ народнымъ пѣснямъ, напр. у Байрона въ пѣснѣ Чайльдъ-Гарольда (I, 13):

Come hither, hither, || my staunch yeoman,
Why dost thou look so pale?

---

3) Можетъ быть, lŏvĕth hĕr и ниже grōwĕth ă. Стихи размѣчены здѣсь по современному выговору и притомъ въ декламаціонномъ ритмѣ. Въ пѣніи является иногда размѣръ $^{6}/_{8}$, т. е., гдѣ у насъ спондеи, слышатся трохеи ($^{1}/_{4}+^{1}/_{8}$), а на мѣстѣ дактилей — трибрахіи ($^{3}/_{8}$).

Or dost thou dread || a French foeman?
Or shiver at the gale?

Такая энклиза обусловливается не только ритмомъ, но и физическими особенностями даннаго языка, напр. у Грековъ сліяніями въ родѣ τῶβγαλε изъ τὸ ἔβγαλε, или усѣченіями — τό'βγαλε, что при частомъ отпаденіи наращенія повело къ τό βγαλε будто бы вмѣсто τὸ βγάλε (см. Византійскій Временникъ 1896 № 4), у Англичанъ и Шотландцевъ—грамматическимъ второстепеннымъ удареніемъ (Nebenton): mórnìng, yeómàn и т. п., и само собою разумѣется, что эта перестановка ударенія должна была имѣть у всякаго народа свою особую исторію, состоявшую впрочемъ преимущественно въ распространеніи аналогіи. Тоже, конечно, и у насъ, хотя на первый разъ приходится ограничиться догадками. Точкой отправленія развитію энклизы трохаическихъ словъ могли послужить ударяемыя на первомъ слогѣ формы словъ съ подвижнымъ удареніемъ послѣ предлоговъ: *ná ногу*, *зá руки*, *пóдъ воду*, *ó земь*, *зá уголъ*, *пéре-далъ* и т. п. Огромное большинство такихъ формъ заключало въ себѣ по два слога (считая ъ и ь), т. е. представляло собою тоническіе трохеи; тоническіе дактили этого разряда, какъ (*ná*) *сторону*, (*пó*) *гóроду*, (*зá*) *вóлосы*, всѣ относятся къ отдѣлу полногласныхъ, а такія слова, бывшія нѣкогда 2-сложными (**сторнá*, **гордъ*, **волсъ*) по отношенію къ удареніямъ подчиняются однимъ законамъ съ 2-сложными, почему и отличаются отъ другихъ, напр. *сторонá* — мн. *стóроны*, *головá* — *гóловы* (и единственное 4-сложное *сковородá—скóвороды*), а *высотá* — мн. *высóты*, *стрекозá—стрекóзы*. Но прежде, чѣмъ приводить въ связь эти два рода энклизы, ознакомимся съ энклизой трохаическихъ словъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, которые мы расположимъ по синтактическимъ категоріямъ. Примѣры эти заимствованы изъ сборниковъ Кирши и Сахарова, изъ которыхъ первый будетъ здѣсь обозначенъ лишь цыфрой страницы, второй — буквой «С.», цыфрой страницы и цыфрой пѣсни.

1) Приложеніе предшествующее (въ видѣ первой части сложенія) подчиняетъ себѣ опредѣляемое:

Глубота, глубота || океанъ-море (1=387).
Хитрости были || Царя-града (4).
Якори метали || во Днѣпръ рѣку (4).
Купатися || на Сафатъ рѣку (346).
Во ту во матушку || во Израй рѣку (348).
(Сравни: По славной матушкѣ || по Израй рѣкѣ 349).
Тутъ [4] увидѣли || Баранчу рѣку (315)
И скоро выплывали [5] || на Тагиль рѣку (315).
И поплыли || по Тагиль рѣкѣ,
А и выплыли || на Туру рѣку,
И поплыли || по той Турѣ рѣкѣ
въ Епанчу рѣку (316).
Со товарищи [6] || на Иртышъ рѣку (317).
Колоты онѣ были || изъ трость-древа (24).
Къ тебѣ Царю || въ Азовъ городъ (312).
Клеены онѣ клеемъ || осетра-рыбы (24).
Завела нужда-бѣдность (16).
Ахъ и братъ, сестра, || что и родъ-племя (С. 204, 10).
Есть ли у Дарьюшки || родъ-племень (С. 153, 180).

4) И въ то время К.
5) И скоро они выплыли К.
6) Со своими товарищами К.

Приложеніе послѣдующее (объяснительное) подчиняется опредѣляемому:

За тебя, сына, || Гордена Блудовича (150). [7)]

А и ты, братецъ || Екимъ Ивановичъ (181).

А ты, Свицкой || Король Карлусъ (277, но безъ эклизы 276: Ко Свицкому || Королю Карлосу).

По аналогіи приложеній

Что увидя графъ || Мусинъ-Пушкинъ

въ солдатской пѣснѣ Екатерининскихъ временъ въ сборникѣ Кирѣевскаго вып. 9, стр. 272.

2) Опредѣляющее прилагательное или мѣстоименіе подчиняетъ себѣ опредѣляемое существительное:

Говорилъ Соловей || таково слово (3 ср. 12,53, 81, 85, 88, 101 и др.).

Бросилъ свои || звончаты гусли,

Подхватывалъ дѣвицу || за бѣлы ручки (9 ср. 210, 218, 305, 329 дважды, 335).

Онъ беретъ Царя || за бѣлы руки (52 ср. 79, 83, 238, 250, 350, 354, 362, 365).

Увидѣла она || бѣлу руку (270).

Еще плачутъ малы его дѣти || надъ (его) бѣлымъ тѣломъ (374).

---

7) Если не

За тебя, Гордена || сына Блудовича,

какъ выше

И завидѣлъ Горденъ || сынъ Блудовичъ

и далѣе стр. 151:

Молодой Горденъ || сынъ Блудовичъ

Пропустя она Гордена || сына Блудовича.

Темна ночь || до бѣла свѣта (256).

А тоя-то Камы || за синимъ моремъ —

Своимъ устьемъ впала || въ сине море;

А леталъ орелъ || надъ синимъ моремъ,

А ронилъ онъ перьица || въ [8]) сине море,

А бѣжали гости || корабельщики,

Собирали перья || на синемъ морѣ (24 ср. 25, 48, 101, 210, 337, 338 дважды, 340 дважды, 341, 343 и др.).

Ужь какъ палъ туманъ || на сине море,

А злодѣй тоска || въ ретиво сердце (С. 202, 5)[9].

Вложилъ Богъ желанье || въ ретиво сердце (К. 272 = 273).

Строганы тѣ стрѣлки || въ Новѣгородѣ (24) и т. п. очень часто, какъ и

Во славномъ Великомъ || Новѣградѣ (72).

Изъ Новагорода || въ каменну Москву (278).

Напущаюсь я || на весь Новгородъ (77), какъ и въ нашей прозѣ.

Скочили всѣ || на рѣзвы ноги (26 ср. 132, 191 дважды, 241, 290, 350, 386).

А и на небѣ просвѣтя || свѣтелъ мѣсяцъ (45 = 50 ср. 189).

Говоритъ ему || таковы рѣчи (341).

---

8) во К.

9) Поется (или пѣлась) эта пѣсня въ иномъ ритмѣ, о которомъ будетъ сказано въ отдѣлѣ лирики.

Къ тому чану, || зелену вину (75).
До того часу, || когда спросятся (119)
Сходни бросали || на ту гору (176).
На ту гору || Сорочинскую (177).
Жалобу приноситъ || своему сыну (150).
На тѣ годы || уреченные (198).
Ко тоя церкви || соборныя (222).
На твои щаски || княженецкія (157=158).
До мо[е]го тестя || любимаго (196, До тво[е]го—197, 201 дважды).
Ужь какъ злы, лихи на молодца || своя братья (С. 230, 21)[10].
Выкупайте вы || добра молодца,
Добра молодца, || своего сына,
Своего сына, || сво[е]го родимаго (С. 228, 13).
Молодой женѣ || своя воля (С. 229, 17).
Не сказалъ бы онъ || своему сыну,
Своему сыну, || моему мужу (С. 212, 44).
Не о томъ, что идти || во свѣтлы гридни (97 ср. 160, 199, 213, 219).
И приходитъ онъ || во свѣтлу гридню (137 ср. 200, 212 дважды, 221, 230 дважды, 239, 351).

---

10) Впрочемъ В. В. Латышевъ слышалъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи *братья́*, вѣроятно, и помимо энклизы (Извѣстія I, 338). То-же удареніе въ Покровскомъ у., Владимірской губ. (тамъ-же, 340), также въ Гдовскомъ у., Петербургской губ. (тамъ-же, 342), въ Буйскомъ, Костромской (тамъ-же, 351). Ср. князья́, зятья́, шурья́ и т. п.

Вы подите во свѣтлу[ю] гридню (18).

Обертываться || сѣрымъ волкомъ (47 по ср. 48:

А волку, медвѣдю || спуску нѣтъ).

А и бродишь по чисту полю (15 ср. 130, 180).

Полетѣлъ онъ далече || во чисто поле (50 ср. 67, 69, 147).

Нагулялся ты, Добрыня, || во чистомъ полѣ (69 ср. 95, 96, 131 и др.)

Какъ издалеча, || изъ чиста поля (211 ср. 234 и 388).

Вшелъ онъ, Добрыня, || во высокъ теремъ (64 ср. 174) [11].

Бѣжала во свой || въ высокъ теремъ (С. стр. 231, № 21).

А сидѣли на пиру || честны[я] вдовы (67 ср. 135, 147).

Сходни метали || на крутой берегъ,

И вышли цѣловальники || на крутъ берегъ (344).

Ужь вы только породили, || круты горы,

Бѣлъ горючъ камень, || великъ добрѣ (С. стр. 209 № 33).

Поклонился матушкѣ || въ праву ногу (150 ср. 334).

Хватя Никиту || за праву руку (335).

А праву руку || съ золотымъ перстнемъ (367).

Опознавала [она] хорошъ || золотъ перстень (370).

Въ дальну Орду— || Золоту землю (89=127)

Хлеснетъ онъ Дунай || по сыру дубу (94 ср. тамъ-же, 144, 419).

---

11) У Олончанъ въ этомъ случаѣ даже *терёмъ*.

И стрѣляетъ Илью || во бѣлы груди,
Во бѣлы груди || изъ туга лука (362 ср. 364, 365).
Полетѣлъ Соловей || съ сыра дуба (354).
Воткнетъ копье || во сыру землю (95 ср. 145, 192, 210, 218, 225 и др.).
И стрѣлялъ въ примѣту || на цѣлу версту (100 ср. тамъ-же и 129).
Ткнулъ себя чингалищемъ || въ бѣлы груди (101) [12].
Сгоряча онъ бросился || въ быстру рѣку (101 ср. 370) [13].
По той по порохѣ, || по бѣлу снѣгу (139)
И за лютымъ звѣремъ || послалъ другое сто (139).
Промежу тѣхъ дорогъ || лежитъ горючъ камень (181 ср. 251).
По отечеству садися || въ большо[е] мѣсто (187).
Увидѣлъ Царевича || въ большомъ мѣстѣ,
Въ большомъ мѣстѣ || въ переднемъ углу (335).
Во рукахъ несутъ || большу книгу (С. 225, 5).
Излежался мой || дорогой камень (С. 213, 49).
Распаялся мой || золотъ перстень,
Выкатился || дорогой камень (С. 224, 1).
А снаряжаютъ-то все || чужи люди,
Чужи люди, || незнакомые (С. 153, 180).

---

12) во К.
13) во К. Возможно и «бросался во».

Дѣлили они || золоту казну || пуховой шляпой (С. 246, 24).
На дубу сидитъ || тутъ черной воронъ (207 ср. 208).
Стоючи она съ надежею || съ милымъ другомъ (305).
Молодой Екимъ || со добры кони (182 кр. 265).
А честной Король, || честной Карлусъ (278, а безъ энклизы 277:
У честна Короля, || честнаго Карлуса).
И плюетъ Ильѣ || во ясны очи (249).
Какъ стегнетъ онъ коня || по тучнымъ бедрамъ (353 ср. 356).
Могучи плечи || расходилися (257).
А выпилъ чару || единымъ духомъ (26 ср. 173, 197, 213).
Илья Муромецъ || единымъ словомъ (365).
Смотрючи, глядючи || на русу косу,
На русу косу, || на дѣвичью красу (С. 148, 156).
Что разсыльщики мои || — калены стрѣлы (С. 227, 9).
Отцы, матери, || молоды жены (С. 234, 8).

Сюда-же можно отнести

А окольной дорогой || полтора года (169).
Дружину прибирать || во[14]) три годы (47).
Ровно тридцать лѣтъ || и три года (С. 225, 5; 230, 21).

---

14) «въ» К.

Рѣже наоборотъ, какъ

Вы простите меня, || міръ и народъ Божій (С. 226, 5).

3) Родительное опредѣленіе подчиняетъ себѣ опредѣляемое:

Гдѣ ихъ роды || роды Царскіе (332).
Пригоню ли тебѣ || голубей стадо (С. 213, 6).
А за нимъ идетъ || стрѣльцевъ рота (С. 225, 5).

4) Глаголъ въ качествѣ сказуемаго подчиняетъ себѣ подлежащее, дополненіе или обстоятельство:

И носи платье || разноцвѣтное (74). [15]
Учинилъ драку || великую (158). [16]
Приставалъ скоро || ко круту берегу (170).
Встаетъ рано || ранешенько (182).
Зажигалъ свѣчи || воску ярaго (223). [17]
Понесли питья || медвяныя (231, но 188:
А питья все || заморскія ,

о чемъ ср. ниже, стр. 470).

Смилосердися, || покажи милость (277).
Прибыла сила || во Новгородъ (278).

---

15) Примѣръ сомнительный, потому что 1) постоянный эпитетъ платья есть просто «цвѣтное», 2) смыслъ требуетъ указанія на то, что платье, какъ предлагаемое Васильемъ Буслаевымъ, принадлежитъ ему. Можетъ быть:

И носи мое || платье цвѣтное.

16) Если не «бой—драку».
17) Если не «свѣчу».

А стоитъ крѣпкой || Азовъ городъ (310).[18]
Приказалъ мурзы, || улановьямъ (313, но 311:
А мурзы вы, || улановья.
А и мурзы, улановья || металися || черезъ голову).[19]
Говоритъ дѣвка || улыбаючись (С. 35, 25).
Ты прости, радость || красна дѣвица (тамъ же).

Стругалъ стружки || добрый молодецъ,
Брала стружки || красна дѣвица (С. 202, 4).
Такъ взяла вѣру || божбѣ его (С. 212, 45).
Онъ кидалъ перья || по чисту полю (С. 213, 46).
Не ходи, холостъ, || поздно вечеромъ (С. 213, 48)
Запустѣлъ теремъ || состроенный (С. 214, 1).

5) Сказуемое—глаголъ подчиняется предшествующему слову, по большей части имѣющему главное въ предложеніи логическое удареніе:

Тутъ Добрынѣ || за бѣду стало (62 ср. 63, 64, 66, 90 дважды, 98 и др.).
По цѣлой коврпгѣ || за щеку мечетъ (188=190).
Отъ меня Тугарину || то-жь[20]) будетъ (189=190).

---

18) Если не діалектическое *крѣпкой*: ср. Извѣстія I 342.

19) Если не слѣдуетъ читать «мурза́мъ», то «мурзы-улановья» должно разсматривать какъ «трость-древо» — род. «трость-древа», «океанъ-море» — род. «океанъ-моря». Разсѣченіе такого сложнаго слова цезурой извиняется тѣмъ, что его части, если не связаны однимъ общимъ удареніемъ, сознаются все-таки въ видѣ отдѣльныхъ словъ, что̀ въ данномъ случаѣ поддерживается флексивной формой первой части. Весьма вѣроятно, что и на стр. 311 было бы правильнѣе «А вы, мурзы-улановья». Недѣлимы, не смотря на склоненіе, сложныя съ «полъ» (т. е. половина), изъ которыхъ «во полу́-пирѣ» (514 и 116) можетъ служить примѣромъ такой-же энклизы 170; иначе «во полу́-горѣ».

20) тоже К.

А матушка ему || пѣнять стала (282).

Братъ сестру || за себя емлетъ (388).

Она плачетъ, || какъ рѣка льется (С. 202, 2=209, 30=224, 1=225, 5 и др., или: Онѝ плачу̀тъ—225, 2).

Я сама сяду, || послушаю (С. 214, 51)

Съ луговой было || со сторонушки (С. 224, 1).

Во письмѣ пишетъ || доброй молодецъ (С. 228, 13).

Не перомъ пишетъ, || не чернилами (С. 231, 22),

при чемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ извѣстное соединеніе неопредѣленнаго наклоненія съ существительнымъ глаголомъ (какъ по-гречески):

Сложить будетъ || буйну голову (171=177),

Моей крови тебѣ || не пить будетъ,

Моего мяса || не ѣсть будетъ (208).

Мнѣ куда красу дѣть будетъ,

Мнѣ куда положить будетъ? (С. 165, 237).

Отчасти сюда-же относятся многочисленные примѣры энклизы глаголовъ II спряженія (—*ишь*, —*ятъ*), какъ

Отвѣтъ держитъ || тутъ Царевичъ молодой (328).

Но ихъ умѣстнѣе коснуться въ отдѣлѣ оба удареніи глагола, потому что *держи́тъ* и т. п. встрѣчаются и помимо энклизы. Можно выдѣлить еще усиленія прилагательнаго или нарѣчія качественнаго посредствомъ поставленнаго впереди творительнаго падежа ед. ч. ср. р. того-же прилагательнаго (съ удареніемъ

на послѣднемъ слогѣ), напр.: «давны́мъ давно», «пьяны́мъ пьяна». То-же съ энклизо́й:

Съ вечера, || позднимъ поздно (6).
По утру-то было || ранымъ рано (С. 234, 8).

Есть еще много случаевъ энклизы, которые трудно подвести подъ опредѣленныя грамматическія категоріи, напр.

Есть сударь, || дорога камка (3).
На небѣ солнце— || въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ— || въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды— || въ теремѣ звѣзды (6=8).
У коня грива || на лѣву сторону (22).
У коня грива || загорѣлася (С. 202, 4).
И тутъ дѣвка || запыхалася (80) [21].
Въ долину сабля || сажень печатная,
Въ ширину сабля || осми вершковъ (204).
Ему тута || за бѣду стало (328).
Ни отца нѣту, || ни матери (С. 204, 10).
Сама съ мѣста || не тронуся (С. 207, 24).
Ты къ чему рано || упиваешься? (С. 215, 6).
Не сама въ землю || становилася (тамъ-же).
У ребятъ корокъ || отъимано (С. 224, 29).
По краямъ лодки || добры молодцы,
Посреди лодки || красна дѣвица (224, 1).

---

21) Можетъ быть, «запыхалася».

Тѣмъ естественнѣе энклиза съ третьестепеннымъ удареніемъ, какъ напр.

Есть, сударь, у васъ[22]) || золота казна (3).
Про стара мужа Терентьища (19).
Потерять будетъ головки || напрасныя (51)
А и ты, братецъ калика || перехожая (183)
Изъ того было стола || Княженецкаго (197).
Во Новѣградѣ товару || больше стараго (272).
Безъ числа больно, надежа, || упиваешься (306).
Во новы сѣни вскочили, || новы сѣни подломили
(С. 35, 26)[23].
А у нихъ въ головахъ || звончаты гусли лежатъ
(С. 262, 2 Радуницкая).

Вообще энклизой, какъ и проклизой, объясняется вольная постановка третьестепенныхъ удареній.

Нечего доказывать, что энклиза могла возникнуть только при непосредственномъ соприкосновеніи двухъ словъ, такъ какъ помимо связи звуковой между ними обыкновенно бываетъ еще связь синтактическая или логическая. Потому такой примѣръ, какъ выше «Сама́ съ мѣста̀» или

Пустился недугъ къ сердцу (14=16),

обнаруживаетъ уже вліяніе аналогіи. Это вліяніе сказывается еще явственнѣе въ энклизѣ черезъ предлогъ не безгласный, какъ *съ* или *къ*, а заключающій въ себѣ полную гласную, напр.

Поскакалъ за матушку || Москву за рѣку (330).

---

22) «у насъ»?

23) Можетъ быть, въ $^2/_4$.

За славну [ю] матушку || за Москву за рѣку (329).
Повелъ Царевича || за Москву за рѣку (тамъ-же).
Пойдешь ты, Добрыня, || на Израй на рѣку (346).
Пришелъ онъ Добрыня || на Израй на рѣку (347).
А съ чѣмъ придтить || къ Царю предъ очи (331).
А съ тѣмъ поди || къ Царю предъ очи (тамъ-же).
А прямо пошелъ || къ Царю предъ очи (тамъ-же).

Еще далѣе идетъ аналогія въ тѣхъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, случаяхъ, когда энклиза допускается черезъ неударяемый последній слогъ предшествующаго слова, что̀ возможно, конечно, только при особенно тѣсной связи двухъ словъ, какая бываетъ въ формулахъ, напр.

Избылъ меня батюшка || единымъ часомъ (С. 149, 158).
Избыла меня матушка || единымъ часомъ (тамъ же).

Потому, быть можетъ, и въ приведенныхъ выше постоянныхъ сочетаніяхъ «единымъ духомъ» и «единымъ словомъ», въ которыхъ выше ритмическія ударенія поставлены согласно съ выговоромъ современныхъ олонецкихъ сказителей, удареніе слова «еди́нымъ» оставлялось прежними пѣвцами на середнемъ слогѣ. Въ такихъ случаяхъ энклиза едва-ли сознавалась въ своемъ первоначальномъ чисто ритмическомъ значеніи: вѣроятно, удареніе *часо́мъ* и т. п. казалось уже грамматическимъ. Да оно, пожалуй, и было таково: слова «единый часъ», слившись какъ-бы въ одно, подчинились одному ударенію, такимъ образомъ, что главнымъ удареніемъ этого сочетанія оказалось удареніе перваго слова, а удареніе второго ослабѣло до степени второстепеннаго ударенія, описаннаго выше въ примѣчаніяхъ I стр. 5 и 23, — «еди́ный часъ», какъ «еди́нственный», откуда

род. пад. «еди́на часа̀», какъ «еди́нственнаго̀», дат. «еди́ну часу̀», какъ «еди́нственному̀» и т. д. Можетъ быть, и въ соединеніяхъ «за Москву́ за рѣку̀» или «на Изра́й на рѣку̀» и «къ царю́ предъ очѝ» слѣдуетъ различать два послѣдовательныхъ момента, изъ которыхъ старѣйшій представляютъ выраженія со словомъ *рѣка*, сливающееся съ именемъ какъ-бы въ одно слово: «Москва́ рѣка̀», «Москвы́ рѣкѝ», «Москву́ рѣку̀» и т. д. Энклиза правильная, какова «чисто́ полѐ», «сине́ морѐ», не могла отозваться на грамматическомъ удареніи подчиняемыхъ въ ритмическомъ отношеніи словъ, потому что причина́ ея была вполнѣ ясна говорящему [24]), но развившаяся въ постоянныхъ сочетаніяхъ и вообще на почвѣ аналогіи могла вводить его въ нѣкоторый соблазнъ касательно ударенія подчиненнаго слова и внушала ему мысль о возможности ударенія не только на первомъ слогѣ этого слова, гдѣ оно слышалось обыкновенно, но и на второмъ, особенно если это предположеніе поддерживалось другими падежами, напр. *рѣка́, оча́мъ* (въ старину — и *очи́ма*), *часы́* —

24) Смотри напр.

Свѣтъ Игнатій чесалъ кудри,
Свѣтъ Петровичъ чесалъ черны,
Чесалъ кудри, приговаривалъ (С. 191, 21 и 192, 21 трижды въ той-же пѣснѣ).

и т. п. очень часто. Къ тому-же такая, такъ сказать, временная энклитика сохраняетъ свои звуки въ томъ видѣ, въ какомъ они являются помимо энклизы, т. е. слова *но́ги, го́родъ, мѣ́сяцъ, бё́драмъ* послѣ словъ *рѣзвы́, Азо́въ, свѣтё́лъ, тучны́мъ*, звучатъ и въ акающихъ говорахъ *ночи, горат, месец* (не вездѣ), *бодрам* (но, конечно, *Но́вгородъ=но́вгарат, Бѣ́лгородъ=бе́лгарат* и т. п.). Только въ избитыхъ «чисто́ поле» и «сине́ море» второе слово нерѣдко произносится какъ часть перваго: *пал а, мар а*, и такъ-же, даже помимо пѣсенъ, «въ ту́ пору»=*фту́пару* и «не́ въ пору»=*не́фпару* по аналогіи соединеній съ предлогами: за́ ноги=*занаги*, «на́ воду»=*на́ваду* и т. д. Сѣверяне, которые говорятъ не только *по́л о, го́рот*, (*бодра* съ *о* подъ удареніемъ), но и *пол а́, го́рот* (съ *о* въ неударяемомъ слогѣ), *бодро́*, и сверхъ того *се́рцо* (не только послѣ *ретиво́*), легче, нежели другіе Великороссы, могутъ смѣшать второстепенное ритмическое удареніе на послѣднемъ слогѣ временно энклитическаго слова съ настоящимъ удареніемъ.

(двойств. *два часá*). Не отсюда-ли и наше удареніе *пол-часá*? Говорятъ и *пóл-часа*. Древнѣйшимъ должно быть признано второе: «пóлъ чáса» съ энклизой могло дать только «пóлъ часà», род. п. «полý часà» и т. д.; ср. *пóлдень* изъ «пóл(ъ)дьнѐ», род. *полýдня* или *полýдни* изъ «полýдьнѐ» и т. д., *пóлночь* изъ «пóл(ъ)ночѝ», род. п. *полýночи* изъ «полý ночѝ» и т. д. Отсюда позволительно заключить, что *полчасá* возникло путемъ усиленія второстепеннаго ударенія на счетъ главнаго вслѣдствіе предположенія, что род. п. отъ слова *часъ* можетъ быть не только *чáса*, но и *часá*, а въ такомъ случаѣ удареніе должно упасть на конечный слогъ всего сочетанія, какъ въ «пол(ъ-в)торá», «пол-третья́» и т. п. Случаи перевѣса второстепеннаго ударенія надъ главнымъ мы находимъ въ различныхъ языкахъ, напр. въ ново-греческомъ во всѣхъ προπαροξύτονα передъ энклитикой, какъ τὰ κρίματά μου = *такриматáму*, въ шведскомъ въ прилагательныхъ на -lig съ предшествующимъ другимъ суффиксомъ, какъ egentlig = *эйéнтли*, въ нѣмецкомъ lebéndig, wahrháftig и т. п. Впрочемъ сила энклизы такова, что на ряду съ *полторá* говорится и *пóлтора* (напр. сутокъ), а въ род. всегда *полýтора*. Нынѣшнія «четверть часá», «три четверти часá» объясняются уже аналогіей. Выше мы видѣли удареніе «зà щекý» вмѣсто «зá щекỳ», далѣе встрѣтимся и съ удареніями *рѣкý*, *горý* и т. п., въ происхожденіи которыхъ, по всей вѣроятности, замѣшана энклиза, особенно послѣ предлоговъ (зá рѣкỳ, нá горỳ и т. д.). Предлогамъ, какъ припомнитъ читатель, мы и приписали съ самаго начала значительное участіе въ развитіи энклизы.

Такое дѣйствіе предлоговъ касается только словъ съ подвижнымъ удареніемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого выраженія, т. е. такимъ, которыя переносятъ удареніе не въ одной какой-либо формѣ, каково напр. *слезá* — им., вин. и зват. *слéзы*. Отсюда слѣдуетъ, что по распространеніи этой особенности предлоговъ на другія части рѣчи, имѣющія съ ними ту общую черту, что и онѣ входили въ тѣсную связь съ послѣдующими словами, первыми примѣрами энклизы были соединенія, состоящія изъ

часто встрѣчаемыхъ опредѣленій, особенно постоянныхъ эпитетовъ, ударяемыхъ на концѣ, и существительныхъ съ подвижнымъ удареніемъ въ качествѣ опредѣляемыхъ, какъ «сине́ морѐ», «чисто́ полѐ», «бѣлы́ рукѝ», «бѣлы́ грудѝ», «бѣлу́ снѣгу̀», «рѣзвы́ ногѝ», «тучны́ бедрѝ», «ретиво́ сердцѐ», «кру́тъ берѐгъ», «сыру́ землю̀», «сыру́ дубу̀», «быстру́ рѣку̀», «люты́мъ звѣрѐмъ», «Нова́ городѝ», «таково́ словѝ», въ которыхъ и самое прилагательное является иногда съ несвойственнымъ ему удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, быть можетъ, отчасти вслѣдствіе энклизы сравнительно слабо ударяемаго второго слова, подобно «(о)номе́дни» (ср. на́ день, за́ день, двѝ дни, третьёго дни): не даромъ-же въ старинныхъ былинахъ очень употребителенъ переносъ ударенія въ «чисто́ полѐ» и т. п., но не въ такихъ сочетаніяхъ, какъ

Ў тебя-то есть || да девять братцёвъ

въ олонецкой старинкѣ у Гильфердинга ст. 120. Съ той-же точки зрѣнія совершенно понятна энклиза въ «ту́ гору̀», съ чѣмъ можно сравнить современное *то́тчасъ* (при *тотча́съ*, какъ *сейча́съ*). Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ такому переносу ударенія могли, правда, содѣйствовать другіе падежи, напр. «бѣла́ рука́», «сыра́ земля́», «быстра́ рѣка́»; но едва-ли эта аналогія обращала на себя достаточное вниманіе для распространенія такого-же ударенія на другія формы: въ большинствѣ случаевъ или употребляемыя въ смыслѣ постоянныхъ эпитетовъ прилагательныя имѣли удареніе неподвижное (кромѣ положенія передъ трохаическимъ существительнымъ) или самыя сочетанія не встрѣчаются въ иномъ видѣ, какъ напр. нѣтъ въ пѣсняхъ ед. ч. «рѣзва́ нога». Не забудемъ при этомъ, что число словъ съ подвижнымъ удареніемъ въ древне-русскомъ было, по видимому, гораздо значительнѣе, нежели теперь, чему доказательства найдутся между прочимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Само

собою разумѣется, что опредѣляемыя, подчинявшіяся ритмически по особымъ, естественнымъ причинамъ, увлекали за собою другія трохаическія существительныя въ томъ-же положеніи, хотя бы эти особыя причины ихъ не касались.

Къ древнѣйшимъ случаямъ энклизы относятся, безъ сомнѣнія, и опредѣляемыя тѣсно связанныхъ съ ними приложеній. Можетъ быть, не случайности слѣдуетъ приписывать то обстоятельство, что бо́льшая часть такихъ опредѣляемыхъ состоитъ также изъ словъ съ подвижнымъ удареніемъ: «океа́нъ-морѐ», «Днѣ́пръ-рѣку̀», «тро́сть-древо̀», «Азо́въ (Пско́въ и т. п.) — го̀ро̀дъ», «ро́дъ-племя̀»; но здѣсь энклиза едва-ли нуждалась въ этомъ условіи, почему и нѣтъ основанія для того, чтобы считать соединеніе «осетра́-рыбы̀» или даже «Днѣ́пръ-рѣка̀» болѣе новыми, чѣмъ «Днѣ́пръ-рѣку̀». Въ аппозитивныхъ сочетаніяхъ выступаетъ уже начало логическое: видъ подчиняетъ себѣ родъ, потому что въ каждомъ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о видѣ, а названіе рода прибавляется лишь ради объясненія, какъ болѣе извѣстное по своей распространенности. Это начало, само по себѣ постороннее ритмикѣ, до нашихъ дней при непосредственномъ столкновеніи прозаическаго ударенія логически важнаго слова съ трохаическимъ словомъ меньшей важности сказывается въ томъ, что послѣднее подчиняется предъидущему и терпитъ всѣ послѣдствія энклизы; напр. мы говоримъ:

«Легко было начать, да трудно кончить»,

а при живой интонаціи, какая часто слышится въ народной рѣчи, энклизу можно наблюдать и въ такомъ примѣрѣ, какъ слѣдующій:

«Самъ знаю, что дѣло плохо, да что съ этимъ подѣлаешь?».

т. е., на сколько можно выразить интервалы рѣчи нотами,

Для ритмическаго подчиненія трохаическаго слова непосредственно предшествующему ударенію нужно, конечно, еще полное отсутствіе паузы между обоими словами. Послѣднее условіе мы найдемъ во всѣхъ выписанныхъ выше примѣрахъ энклизы, но само собою разумѣется, что особенно точно оно осуществляется въ такихъ выраженіяхъ, какъ «за бѣду́ стало̀», «сломи́ть будѐтъ», «поздни́мъ поздно̀», составляющихъ какъ-бы одну логическую и грамматическую единицу. Что касается логическаго преобладанія перваго слова, то и это условіе оказывается соблюденнымъ въ большинствѣ примѣровъ. Для правильной оцѣнки положенія дѣла часто бываетъ необходимо принять въ расчетъ отношеніе даннаго мѣста къ предшествующей части пѣсни; напр. стихъ «Говори́тъ дѣвка̀ улыбаючись» находится въ пѣснѣ, которая начинается такъ:

Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,
Изъ другой идетъ красна дѣвица.

Такимъ образомъ здѣсь «дѣвка» по своему значенію въ связи разсказа сводится почти къ служебному слову и легко могло бы быть замѣнено мѣстоименіемъ *она*. Такъ и «по края́мъ лодкѝ» встрѣчается уже послѣ стиха

Что гребетъ плыветъ легка лодочка

и другихъ, содержащихъ въ себѣ описаніе этой лодки. Пѣвецъ, особенно эпическій, едва-ли рѣшился бы сказать «въ долину́ сабля̀» и «въ ширину́ сабля̀», если бы непосредственно передъ этимъ не увѣдомилъ слушателя, что у Михайлы Казарянина

Ко лѣво́й бедрѣ припоясана сабля острая.

И здѣсь было бы понятно «она». Слѣдуетъ обратить вниманіе и на риторическую сторону рѣчи; такъ «въ теремѣ́ солнцѐ, — мѣся̀цъ, — звѣздьѝ» вполнѣ оправдывается не только тѣмъ, что впереди находится стихъ

Хорошо въ теремахъ изукрашено,

но и сильнымъ противоположеніемъ къ первымъ половинамъ тѣхъ-же стиховъ: «На небѣ солнце, — мѣсяцъ, — звѣзды». Такъ-же «Ни *отца́* нѣту, ни *матери*» и т. п. Но нельзя спорить противъ того, что напр. въ стихахъ

И саха́рнаго куса поѣдено,
У ребя́тъ коро̀къ отънимано

энклизѣ подвергся какъ разъ одинъ изъ членовъ противоположенія. Правда, и для этого случая можно найти извиненіе, именно въ томъ, что дополненіе «у ребятъ» представляетъ собою со стороны смысла опредѣленіе къ слову «корокъ», вслѣдствіе чего «у ребятъ корокъ» идетъ въ параллель къ «сахарному кусу», а потому и можетъ быть противопоставлено ему какъ одно цѣлое. Однако очень сомнительно, чтобы энклиза была допущена при такихъ условіяхъ въ старинной былинѣ. Вообще должно замѣтить, что, чѣмъ стихотвореніе старше, тѣмъ рѣже въ немъ попадаются случаи энклизы, не принадлежащіе къ разрядамъ наиболѣе естественнымъ и, по видимому, древнимъ; мало того: судя по той легкости, съ какой эти менѣе естественные примѣры устраняются посредствомъ вставки односложныхъ или двусложныхъ служебныхъ словъ, какъ *ты, онъ, тотъ, тебѣ*, и другими путями, на что̀ были даны кое-гдѣ указанія подъ текстомъ, можно даже думать, что настоящимъ былинамъ въ ихъ первоначальномъ видѣ была свойственна энклиза только разрядовъ 1-го, 2-го и 5-го. Не безъ причины, конечно, болѣе свободное примѣненіе энклизы встрѣчается чаще въ историческихъ пѣсняхъ, относящихся къ событіямъ XVI и XVII в., чѣмъ въ былинахъ богатырскихъ, еще чаще — въ пѣсняхъ лирическихъ, изъ которыхъ многія сложены во времена позднѣйшія, а другія подверглись передѣлкамъ въ прошломъ столѣтіи, какъ видно изъ упоминанія въ нихъ частей западной одежды и другихъ бытовыхъ чертъ XVIII в.

Существительныя.

Отдѣльныя слова.

Удареніе *дѣвица* такъ извѣстно, что не за чѣмъ подтверждать его выписками. Такого ударенія, а не *дѣвúца*, и слѣдуетъ ожидать при *дѣ́ва*[25]: *дѣ́ва, дѣ́вка, дѣ́вица* — такое-же троякое образованіе, какъ *кýра* (откуда множ. *кýры*) — *кýрка* — *кýрица*, (*бѣ́ла*) — *бѣ́лка* — *бѣ́лица* (откуда *бѣ́личій*), *кáша* — *кáшка* — *кáшица*[26]), *ры́ба* — *ры́бка* — *ры́бица*, *кнúга* — *кнúж-*

25) Болг. *дѣ́ва* указываетъ, по видимому, на то-же удареніе, т. е., вѣроятно, на праславянское восходящее на первомъ слогѣ: иначе было бы **дѣвá*, какъ *главá, горá, дѫгá, ногá, рѫкá* и т. п., или это удареніе являлось бы, по крайней мѣрѣ, передъ членомъ — **дѣвá*-та, какъ *вóда*, но *водá*-та. Въ чешскомъ мы ждали бы долготы, но оказывается краткость, какъ при древнемъ нисходящемъ удареніи—dĕva, что̀ впрочемъ, какъ будетъ сказано ниже, можетъ и не противорѣчить показанію болгарскаго и русскаго языковъ. Серб. *дjéва* (т. е. *дjеѐвȧ* съ удареніемъ перенесеннымъ съ послѣдующаго слога) само по себѣ едва-ли доказываетъ существованіе формы **дѣвá*, изъ которой въ штокавскомъ говорѣ получилось бы **диjѐва*. Остается предположить, что *дjéва* (*дéва, дúва*) или сокращено изъ *дjѐвица*, какъ *мájа* (=*маȧjа*) при *мȃjка*, *сéjа* (=*сеѐjā*) при *сѐстра*, *Мúла* (=*Миȉлȧ*) при *Мúлева, Мúлена* или *Мӣлица*, *Рáда* (=*Раȧдȧ*) при *Рàдана, Рàдо̑jка, Рàдука* или *Ра̏дула, Цвиjѐта* при *Цвjѐтана*, гдѣ однако долгое *ѣ* съ восходящимъ удареніемъ въ видѣ *иjѐ* свидѣтельствуетъ о большей древности или нормальности образованія сравнительно съ *дjéва*, или же происходитъ отъ первоначальнаго **дjȅва*, которое, послѣ того, какъ было вытѣснено изъ обихода уменьшительнымъ *дjѐво̑jка* и, отчасти, быть можетъ, однозначащимъ *дjѐвица*, подверглось передѣлкѣ по аналогіи образованій, подобныхъ *мájа*. И тѣмъ не менѣе серб. *дjѐвúца*, хорут. d(e)víca, болг. *дѣвúца* ведутъ къ юго-славянскому **дѣвá*, если только здѣсь не простая аналогія названій женщинъ и самокъ въ родѣ *крàљúца, маџàрúца, бàнúца, ковàчúца, другàрúца, капетàнúца, врàбúца* и многихъ другихъ, въ томъ числѣ *маjстòрúца* (хоть и *мȃjсторица*) отъ *мȃjстор*, *ђавòлúца* отъ *ђа̏во̑*, *вỳчúца* (*волчúца*) отъ *вȗк* род. *вȗка*, *голу̀бúца* (*голубúца*) отъ *гȍлу̑б*, *лабу̀дúца* отъ *ла̏бу̑д*. Ср. примѣч. 27. Замѣчу кстати, что во избѣжаніе недоразумѣній съ надстрочными знаками сербскія ударенія я буду обозначать такъ (взявъ здѣсь для примѣра гласную *а*): *á*=ȁ, *áа*=ȃ, *à*—*ȧ*=à, *аà*—*ȧ*=á, гдѣ точка на слѣдующей за ударяемымъ слогомъ гласной означаетъ мѣсто первоначальнаго ударенія. Чешская долгота, равномѣрная по высотѣ въ обѣихъ частяхъ гласной: ā и т. п.

26) *Кашúца* (нѣчто среднее между кашей и похлебкой), можетъ быть, не совсѣмъ русское слово, но какое? въ польскомъ его, кажется, нѣтъ.

ка — *кни́жица*, *тро́е* — *тро́йка* — *тро́ица*, *ла́ва* — *ла́вка* — *ла́вица*, *я́года* — *я́годка* — *я́годица* и т. п.; безъ производнаго на *-ка*: *ко́жа* — *ко́жица*. *Па́лица* (*па́лка*), *га́лица* (*га́лка*), *у́тица* (*у́тка*), *ла́стовица* серб. *ла̏стовица* (*ла́стовка* малор. *ла́стівка*), *ча́ица* (*ча́йка*) и т. п. предполагаютъ также болѣе простыя слова съ удареніемъ на корнѣ [27]). *Дѣвица*, повидимому, и въ Словѣ о Полку Игоревѣ (считая конечные *ъ* и *ь* за полныя гласныя):

Вържe Вьсеславъ || жеребій
О дѣвицю || собѣ любу (10 Тих.).
А вѣ сокольця опутаевѣ красьною || дѣвицею (12).
Ни нама будеть || сокольця,
Ни нама красьны || дѣвицѣ (тамъ-же).

Еще убѣдительнѣе были бы эти примѣры, если бы можно было доказать, что *красьна* произносилось тогда въ 4 слога, по крайней мѣрѣ, въ стихахъ. У Кирши *дѣвица* почти вездѣ (несомнѣнно 24, 35, 52 = 52 = 64, 92, 95, 96 дважды, 149, 209 дважды, 210, 211 дважды, 297 дважды, 305, 306 и др.), въ нѣсколькихъ мѣстахъ размѣръ допускаетъ то и другое удареніе, *дѣви́ца* сравнительно рѣдко, а именно:

Подхватывалъ дѣвицу || за бѣлы ручки (9).
Бросится дѣвица, | испужалася (92).

---

27) Но *води́ца*, *коси́ца*, *кори́ца*, *крупи́ца*, *земли́ца*, *лиси́ца*, *сестри́ца*, малор. *поли́ця*, *трави́ця* отъ *вода́*, *коса́* и пр. (серб. во̏ди́ца, ко̏си́ца, ду̏ши́ца, но̏жі́ца, ру̏чи́ца и т. п.). Потому *куни́ца* ведетъ къ *куна́*, а не *ку́на*, какъ принято произносить, вѣроятно, по множ. *ку́ны*. *Души́ца* origanum vulgare, конечно, не отъ *душа́*, а, вѣроятно, ж. р. къ **душьць*, уменьшительному отъ *духъ*. Хотя слово, лежащее въ основѣ поэтическаго у насъ *кошница*, едва-ли оканчивалось на *-а*, тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ здѣсь вопросъ, почему мы говоримъ *кошни́ца*, также *зѣни́ца*: ср. серб. *ко̏шница* — малор. *ко́шниця*, серб. *зје̏ница*. Не сходятся и въ живомъ языкѣ *ногави́ца* и серб. *но̀га̄вица*, *кобыли́ца* и серб. *ко̀билица*.

Приказалъ онъ дѣвицѣ || паряжатися (96).

Передъ ними ходитъ || красна дѣвица,

Руская дѣвица || полоняночка (209 дважды).

Я сама дѣвица, || знаю, вѣдаю (тамъ-же)

Не плачь$_{(,)}$ дѣвица, || душа красная,

Не скорби$_{(,)}$ дѣвица$_{(,)}$ || лица бѣлаго (210).

Посадилъ дѣвицу || на добра коня (212).

Сохваталъ дѣвицу || за бѣлы ручки (тамъ-же).

Онъ держалъ красну дѣвицу || за бѣлы ручки (305 не

въ былинѣ, а въ пѣснѣ «Передъ нашими воротами», но въ ней-же выше:

Сотоптала, столочила || красна[я] дѣвица душа).

Называлъ красну дѣвицу || животомъ своимъ(тамъ-же).

И проговоритъ дѣвица || душа красная (тамъ-же).

А й ты мной красной дѣвицей || похваляешся (306 въ той-же пѣснѣ).

Какъ онъ бьетъ красну дѣвицу || по бѣлу ея лицу:

Онъ расшибъ у дѣвицы || лице бѣлое,

Проливалъ у дѣвицы || кровь горячую,

Замаралъ на дѣвицѣ || платье цвѣтное.

Расплачется дѣвица || передъ молодцемъ (тамъ-же)

По правую руку || идутъ сорокъ дѣвицъ (383 «Чюрилья Игуменья», откуда и остальные примѣры).

Дѣвицы становилися || по крылосамъ (384).

Запѣвали тутъ дѣвицы || стихи верхніе (тамъ-же).
А мѣшаются дѣвицы, || усмѣхаются (тамъ-же).
А и старицы черницы, || души красныя дѣвицы (тамъ-же, съ риѳмой, невозможной безъ ударенія на среднемъ слогѣ).

Промежу собой, дѣвицы, || усмѣхаетесь (тамъ-же).
Отвѣтъ держатъ черницы, || души красныя дѣвицы (тамъ-же).
Промежу собой дѣвицы || усмѣхаемся (тамъ-же).
Промежу собой дѣвицы || усмѣхаются (385).

Вѣроятно, такъ и въ остальныхъ пяти стихахъ той-же пѣсни, гдѣ встрѣчается это слово:

Позади ея дѣвицъ || и смѣты нѣтъ (383).
Затѣвали тутъ дѣвицы || четью пѣть (384).
Что поютъ дѣвицы, || мѣшаются (тамъ-же).
А и то поемъ, дѣвицы, || мѣшаемся (тамъ-же).
То поютъ дѣвицы, || мѣшаются (385), [28]

хотя второй изъ этихъ стиховъ былъ бы лучше при ударенiи *дѣвицы*. И такъ въ двухъ пѣсняхъ (не былинахъ) удареніе *дѣвúца* попадается, по малой мѣрѣ, 19 разъ, но вѣрнѣе — 24 раза (можетъ быть, еще на стр. 373, если вѣрно такое исправленіе:

Ты глупая дѣвица, || [да] неразумная),

а въ былинахъ того-же сборника — 9 разъ (не считая двухъ неясныхъ случаевъ на стр. 342). Это отношеніе само по себѣ поучительно; но оно окажется еще менѣе въ пользу ударенія

28) У К. «То дѣвицы поютъ»; но ср. два предпослѣднихъ примѣра.

на середнемъ слогѣ, если мы обратимъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства: 1) первый примѣръ на стр. 209 едва-ли что-нибудь доказываетъ въ виду стиха

Руску дѣвицу || полоняночку (210),

изъ котораго можно заключить, что и тамъ слѣдуетъ читать «Руска», и тогда въ обоихъ тѣсно связанныхъ между собою стихахъ будетъ одно и то-же удареніе; 2) въ примѣрахъ на стр. 210 глаголы съ отрицаніемъ могутъ быть отнесены къ анакрузѣ: «Не плачь, дѣ́вица̀», «Не скорби, дѣ́вица̀», и также «Я сама, дѣ́вица̀», «Посадилъ дѣ́вицу̀», «Сохваталъ дѣ́вицу̀» (или «Схваталъ—»); 3) издревле въ нашей поэзіи на ряду съ *дѣвица* употреблялась форма *дѣвка* [29]). Во всякомъ случаѣ эпическимъ произношеніемъ надобно признать *дѣвица.* Это-же удареніе господствуетъ и въ чисто народной лирикѣ, гдѣ оно гораздо употребительнѣе, чѣмъ можетъ показаться при разборѣ текстовъ безъ напѣвовъ. Дѣло въ томъ, что, какъ уже было замѣчено, пѣсни въ $^{2}/_{4}$ допускаютъ вольности въ удареніяхъ, почему напр. въ весьма распространенной около Москвы хороводной

29) Нѣкогда и *дѣва.* По поводу предпочтенія той или другой изъ двухъ послѣднихъ формъ позволю себѣ замолвить слово за слоговое значеніе глухихъ гласныхъ въ древне-русскомъ языкѣ или, пожалуй, поэзіи. По смыслу между *дѣвкой* и *дѣвой* въ Словѣ о Полку Игоревѣ не замѣтно никакой разницы; и такъ не было-ли разницы въ числѣ слоговъ? Сравнимъ слѣдующія мѣста:

И россуша ся стрѣлами || по полю,
Помъчяша красныѣ || дѣвъкы Половьцькыѣ (3 Тих.).
Се бо готьскыѣ красныя || дѣвы
въспѣша на березѣ синему || морю (7).

Здѣсь какъ будто рѣшаютъ выборъ окончанія стиховъ, то дактилическое, то трохаическое. Слоговое произношеніе конечныхъ ъ и ь передъ согласными въ Словѣ о Полку Игоревѣ едва-ли подлежитъ сомнѣнію, въ чемъ всякому легко убѣдиться. Для церковно-славянскаго языка такое произношеніе всѣхъ ъ и ь, въ какой бы части слова они ни находились, фактически доказано проф. А. И. Соболевскимъ въ его изслѣдованіи «Церковно-славянскія стихотворенія конца IX — начала X вѣковъ» (Спб. 1892).

пѣснѣ третій и четвертый стихъ при ритмическомъ анализѣ получаютъ такой видъ:

Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ || къ дѣвицѣ въ окошко:
«Ты, дѣвица, догадайся, || радость, домекнися»,

и такъ выйдетъ и въ нотной записи, а при пѣніи посредствомъ незначительнаго (ирраціональнаго) протяженія слога «дѣ-» на счетъ сосѣднихъ слоговъ «ты» и «-ви-» выдвигается то-же удареніе, что въ предъидущемъ стихѣ. Изъ пѣсенъ это удареніе перешло даже въ романсы, написанные будто-бы въ народномъ духѣ, какъ въ нѣкогда знаменитомъ

Ты душа-ль моя, || красна дѣвица

или въ болѣе позднемъ и менѣе искусственномъ

Какъ и шли наши ребята || изъ Нова-города;
Красная дѣвица || на улицѣ была.

Но въ такихъ-же подражаніяхъ или поддѣлкахъ, которыя постарше и попроще, *дѣви́ца* попадается сплошь да рядомъ, напр. въ сдѣлавшемся отчасти даже народнымъ

Вечеркомъ красна дѣвица || на село гусей гнала.

Въ наше время *дѣвица* слышится чуть-ли не въ однихъ пѣсняхъ (но часто прилаг. *дѣвичій*), а *дѣви́ца* въ обиходномъ языкѣ простонародія употребляется очень рѣдко сравнительно съ формами *дѣвка* и *дѣвушка* (послѣднее въ старину только въ смыслѣ служилой дѣвушки, напр. дѣвушка сѣ́нная, пова́решная и т. п., а теперь преимущественно въ значеніи звательнаго падежа при обращеніи одной женщины къ другой, хотя-бы замужней); образованные классы, отбросивъ *дѣвку*, предпочитаютъ *дѣвушку*, но, какъ и простой народъ, сохраняютъ *дѣви́цу* въ качествѣ чего-то въ родѣ термина. Народъ говоритъ: «она еще въ дѣви́цахъ» или «она дѣви́ца» съ рѣзкимъ противоположеніемъ не только замужней, но и вообще утратившей дѣвство (каковая

можетъ быть и «въ дѣвкахъ») [30]); мы, образованные, говоримъ: «пансіонъ для благородныхъ дѣви́цъ», а когда хотимъ похвалить благородство характера такъ называемой jeune personne, то скажемъ: «какая благородная дѣвушка!»—иначе будетъ паѳосъ или насмѣшка. Откуда эта разница? Очевидно, *дѣви́ца* противуполагалась прежде *дѣвушкѣ* какъ нѣчто болѣе благородное, согласно со стариннымъ значеніемъ слова *дѣвушка*, и какъ болѣе чистое въ нравственномъ отношеніи. Говорится, правда, и «крестьянская дѣви́ца», но только въ концелярскомъ языкѣ для обозначенія принадлежности даннаго лица къ разряду «незамужнихъ» съ его юридическими особенностями. Такое примѣненіе относится уже къ новѣйшему времени, когда подъ вліяніемъ гуманистическихъ идей прежнее выраженіе «крестьянская дѣвка» нашли неприличнымъ. Раньше, чуть-ли не въ царствованіе Елисаветы Петровны, положившей начало опоэтизированію крестьянъ, облагородилось названіе *дѣвушка*, распространившееся предварительна съ дворовыхъ «дѣвушекъ» въ смыслѣ почетнаго прозвища на всѣхъ крестьянскихъ дѣвокъ и, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже бабъ, такъ какъ «дѣвушками» въ помѣщичьихъ домахъ служили иногда и замужнія (ср. въ словарѣ Вука: «дjѐво̑jка— свака слушкиња, била удата или неудата, удовица или баба од шездесет година» у Дубровничанъ). Судя по *дѣ́вичьей*, *дѣ́вица* также считалась менѣе благородной, чѣмъ *дѣви́ца*: первая была если не изъ крестьянъ, то во всякомъ случаѣ изъ большинства, изъ толпы, а вторая — изъ какого-то особеннаго, исключительнаго и притомъ строгаго круга. Невольно вспомнишь «Чюрилью игуменью» и въ ней риѳмованный стихъ

А и старицы-черницы, души красныя дѣвицы.

Черни́ца правильно отъ *черне́цъ*; въ той-же обстановкѣ *бѣли́ца* (отъ *бѣле́цъ*) и *чти́ца*, отчасти *пѣви́ца* (отъ *пѣве́цъ*), *вдови́ца* (отъ

30) Въ пословицахъ (у Даля): «Въ клѣткахъ пти́цы, а въ теремахъ дѣви́цы», «Не смѣйся, братецъ, чужой сестри́цѣ: своя въ дѣви́цахъ», «По дѣви́цѣ и тряпи́ца».

вдова́) и одинъ изъ идеаловъ дѣвицы — *голуби́ца* (отъ *го́лубь* мн. род. *голубі́й*, дат. *голубе́мъ* и т. д. и, можетъ быть, ед. мѣстн. *голуби́*). Играла-ли какую-нибудь роль въ этомъ переходѣ ударенія польское dziewica, соотвѣтствующее нашему *дѣва*, напр. Bogarodzica dziewica, что̀ мыслимо для того времени, когда южно-русское ученое духовенство вошло въ силу на Сѣверѣ, предоставляю рѣшить знатокамъ литературы XVII вѣка, какъ никоніянской, такъ и раскольничьей. Но впредь до появленія какихъ либо новыхъ данныхъ вѣрнѣе приписывать въ этомъ случаѣ вліяніе юго-славянскому ударенію, которое могло быть извѣстно у насъ именно въ монастыряхъ (ср. примѣч. 25).

Точно такъ-же *те́мница* (отъ *тё́мный*, но всегда съ *е*, а не *ё*):

Мѣсто темной || темницы (261=263).
Стоитъ (тутъ) темная || темница (310). [31]
И во той было темной || темницѣ (тамъ-же).
Что во той (во) темной || темницѣ (311).
Мимо той да темной || темницы (тамъ-же).
А вы згаркайте || изъ темницы (тамъ-же).
И по разнымъ темнымъ || темницамъ (312).
Сидючи во темной || темницѣ (С. 225, 3). [32]
Добрый молодецъ || сидитъ во темницѣ (С. 228, 13).

---

31) Едва-ли «(Тутъ) стоитъ», потому что въ этой пѣснѣ всѣ стихи начинаются съ анакрузы кромѣ

Либо казнить, || либо на волю пустить (311),

гдѣ и по смыслу не излишне было бы «А» въ началѣ: предшествуетъ

Прикажи ты меня || поить, кормить.

32) Вѣроятно, такъ-же и ниже въ этой пѣснѣ:

Во темницѣ головушку || свою положить.

Впрочемъ размѣръ здѣсь чуть-ли не $^2/_4$, что̀ въ данномъ случаѣ безразлично.

Что во той ли[33]) темной || темницѣ (С. 231, 22).
Какъ была тутъ темна темница (С. 137, 4)[34])

И теперь поется въ арестантской пѣснѣ:

Въ темной темницѣ, || въ заключевницѣ[35])
Онъ не годъ живетъ || и не два года,
А живетъ, живетъ || ровно двадцать лѣтъ.

Загадка (морковь):

Въ темной темницѣ || сидитъ дѣвица, || хвостъ на улицѣ.

Но въ позднѣйшей пѣснѣ, обнаруживающей вліяніе книжныхъ образцовъ:

Въ темницѣ несносной разбойничекъ сидѣлъ (Мельгуновъ вып. I № 18).

Свѣтлица (отъ *свѣтлый*):

Какъ во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Во столовой новой горницѣ (С. 197, 2).
Ахъ ты, свѣтъ моя свѣтлая свѣтлица,
Ахъ ты, свѣтъ-ли моя столовая горница,
Во сыромъ-то бору свѣтлица рублена (С. 198, 4).
На прекрасномъ мѣстѣ свѣтлица ставлена (тамъ-же)[36]).

---

33) Такъ, можетъ быть, слѣдуетъ пополнить и приведенный выше стихъ изъ Кирши, стр. 311.

34) «Какъ тутъ была» С., что̀ нарушаетъ размѣръ этой пѣсни (2/4). Ср. выше примѣръ изъ Кирши стр. 310 и при немъ примѣчаніе 31.

35) По недоразумѣнію вмѣсто «заключеньицѣ»; ср. ниже въ текстѣ.

36) За вѣрность ритмическаго разбора этой пѣсни не ручаюсь, но удареніе *свѣтлица* во всякомъ случаѣ здѣсь несомнѣнно.

Какъ во той-ли-то во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Какъ во той-ли во столовой новой горницѣ (тамъ-же).

Можетъ быть, и у Кирши

Гридни, свѣтлицы || бѣлодубовы (124),

но можно прочесть этотъ стихъ и съ другимъ удареніемъ.

И *тё́мница* и *свѣ́тлица* въ двухъ изводахъ пѣсни временъ Семилѣтней войны о Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ въ 9-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго:

Тамъ стояла тёмная || темница,
Распроклятая || заключевница (стр. 130, также ниже).
Тамъ стояла нова || свѣтлица,
Нова свѣтлица || королевская (Дополн. XLV и слѣд.).

Нынѣшнее удареніе *темни́ца*, *свѣтли́ца* обязано своимъ происхожденіемъ, вѣроятно, словамъ на *-ица*, восходящимъ прямо или косвенно къ прилагательнымъ, каковы *молоди́ца* (при *молоде́цъ* отъ *молодо́й*), *тупи́ца* (отъ *тупо́й*), *ушни́ца* (отъ *ушно́й*), *озорни́ца* (при *озорни́къ* отъ *озорно́й*), *тепли́ца* (отъ *тё́пелъ* ж. *тепла́*), *горчи́ца* (отъ *го́рькій* — *го́рекъ*, ж. *горька́*) и упомянутыя выше *черни́ца*, *бѣли́ца* [37]), тѣмъ болѣе, что и отъ *тё́менъ* и *свѣ́телъ* ж. р. *темна́*, *свѣтла́*. При такихъ условіяхъ колебаніе въ удареніи могло быть исконнымъ. По мало-русски *темни́ця*, *світли́ця*.

Изъ производныхъ на *-ище*, какъ *Тере́нтьище* (13—21), *Пилигри́мище* (81), *чинга́лище* (95, 190, 365), *коро́вища* (190),

37) Но *ста́рица* (отъ *ста́рецъ* безъ отношенія къ ж. *стара́*). Любопытнѣе *шуйца* или, правильнѣе, *шу́ица*, изъ котораго слѣдуетъ, что *шуя* (ж р. отъ *шуй*) произносилось съ тѣмъ-же удареніемъ, какъ имя города *Шу́я*; ср. *десни́ца* и при немъ названіе рѣкъ *Десна́*. *Синица* не отъ *си́ній*: ср. серб. *сјѐница*; такъ какъ и по мало-русски *сині́ця*, то это слово принадлежитъ въ звуковомъ отношеніи къ одному разряду съ общерусскими *дитя́* и *сидѣ́ти*.

гнóище (236), можно отмѣтить *змѣище* (отъ *змѣй* род. *змѣя*, а не отъ *змѣя́*):

Нашелъ во палатахъ || у змѣища (149),

а потому и

А и гой еси, змѣище || Горынчище (147).
У лютаго змѣища || Горынчища (149).

Говорятъ и *сáжень* и *сажéнь*; у Кирши послѣднее:

Въ вышину три сажени || печатныя (171=177).

По размѣру возможно было бы и *сáжени*, но такой ритмъ не обыченъ и поэтому мало вѣроятенъ, особенно въ повторяющемся стихѣ. Отсюда слѣдуетъ, что̀ не нужно предполагать вліяніе энклизы въ стихахъ, какъ такой:

А мѣрой [40]) тотъ Татаринъ || трехъ сажень (244),

и ради нея усѣкать прилагательное въ стихѣ

Промежъ плечами || косая сажень (тамъ-же).

Впрочемъ, скажемъ-ли мы въ род. мн. *сáжень* или *сажéнь* (говорятъ и *сажóнъ*), эти формы восходятъ не къ *сажень* съ тѣмъ или другимъ удареніемъ, откуда род. мн. *саженéй*, а къ **сáжня* или **сажня́*, какъ *пáшня* или *пашня́*, о которомъ ниже.

Музыка съ удареніемъ на среднемъ слогѣ:

Тутъ въ теремѣ || музыка гремитъ (8).

Это удареніе, общее съ мало-русскимъ, перешедшее съ намъ вмѣстѣ со словомъ въ XVII в., если еще не въ XVI, отъ Поляковъ, было въ исключительномъ употребленіи очень долго; такъ еще у Лермонтова:

Гудитъ музыка полковая (Валерикъ).

Но въ такое позднее время это можетъ быть лишь отголоскомъ литературнаго преданія. Нынѣшнее *мýзыка* должно было

40) Мѣрою К.

все болѣе проникать въ нашъ обиходъ съ усиленіемъ вліянія итальянскихъ и нѣмецкихъ музыкантовъ, называвшихъ свое искусство la música, die Músik. Сами нѣмцы говорили прежде Musík, подражая французамъ, а потомъ переставили удареніе также по примѣру Итальянцевъ, но, вѣроятно, не безъ содѣйствія латыни.

Существительныя отглагольныя на *-нье*, содержащія въ себѣ не менѣе трехъ слоговъ, имѣютъ ударенье обыкновенно на корнѣ:

То старина, || то и дѣянье (30, 194, 225, 241, 251,
283, 366, А и то — 101).
Синему морю || на утѣшенье (30, читай «утишенье»,
какъ 283: Какъ бы синему —).
А добрымъ людямъ || на послушанье (30, Какъ бы
добрымъ — 283).
Веселымъ молодцамъ || на потѣшенье (30, Еще намъ
веселымъ — 283).
Молодымъ молодцамъ || на перениманье (283).
Быть тебѣ молодцу || въ поиманьи (377).
На постриженье ты дай мнѣ || пятдесятъ рублевъ (306).
На радость (мнѣ) || да на сбереженье (С. 164, 236)[38].

Примѣръ съ болѣе или менѣе опредѣленной датой представляетъ пѣсня на постриженье царицы Евдокіи, извѣстная уже при Петрѣ II (см. «Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ» вып. 9 Дополненія, стр. XLI):

На постриженье || дамъ сто рублевъ.

---

38) У Сахарова «мнѣ» въ предшествующемъ стихѣ, гдѣ размѣръ его не требуетъ.

Такимъ-же образомъ въ духовныхъ стихахъ *спа́сенье* (малорусское *спа́сiння*, но серб. *спа̏се̂ње*), въ сѣверныхъ говорахъ *моло́ченье*, *га́данье*, *вста́ванье* (Извѣстія I, стр. 342, 345 и 560). Общеизвѣстная поговорка «не мытьёмъ, такъ ка́таньемъ». Тѣмъ страннѣе *жалова́нье* въ стихѣ былины о Чурилѣ:

А отъ васъ, Осударь, || жалованья нѣтъ (156,
Отъ васъ, Государь — 157),

хотя въ былинѣ о Щелканѣ, составленной впрочемъ въ стихахъ не одинаковаго числа тактовъ, и притомъ $^2/_4$,

Царское жалованье (33).

Однако возможно, что въ первомъ случаѣ это слово значитъ не даръ высшаго низшему, какъ во второмъ, и не плату за службу, а сожалѣніе, участіе въ судьбѣ другого, пособіе. Въ двусложныхъ этого образованія народъ, какъ извѣстно, ставитъ удареніе на концѣ, напр. *пѣньё*, *тканьё*, *враньё*, какъ впрочемъ изрѣдка и во многосложныхъ, напр. *Пропловеньё* или *Перьпълньё* (съ чѣмъ-то въ родѣ слогового *л*) вмѣсто *Преполове́ніе*, *Введеньё* вмѣсто *Введе́ніе* (но *Устрѣтенье*, *Успле́нье*, *говѣ́нье*) [39]. То-же правило соблюдается и въ отглагольныхъ словахъ на *-тье*: *ко́лотье*, но *житьё*, *бытьё*, *питьё* (откуда книжное удареніе *житіе́*, *бытіе́*, *питіе́* вмѣсто *жи́тіе*, *бы́тіе*, *пи́тіе*), *шитьё*, *мытьё*, *пѣтьё* [40]), напр.

Отдавала пѣтью учить || церковному (73),

и также сложное *забытьё*. *Челоби́тье*, какъ сложенное не съ предлогомъ, однако, если не ошибаюсь, не только *рукоби́тье*, но

39) Серб. *тка̏ње* и т. п., но *ѝгра̄ње*, *лавдре̄ње* и др., иногда колебаніе: *ѝма̄ње* (какъ и слѣдуетъ въ 3-сложномъ) или *има̏ње*; *сазда̏ње*, *поста̏ње* и др. сложныя, какъ простыя (ср. Даничић, Основе стр. 81). Иначе у Чакавцевъ (см. напр. А. А. Шахматова «Юрій Крижаничъ о сербско-хорватскомъ удареніи» стр. 6 и 47).

40) Серб. *бѝће*, *жѝће* и т. п. также, вѣроятно, подъ вліяніемъ стяженія.

и *рукобитьё*. Во множ. ч. удареніе отступаетъ пазадъ, какъ въ *пятнó—пя́тна* и т. п.:

А питья все || заморскія (188).

И нечестно Тугаринъ || питья пьетъ (тамъ-же).

Въ другихъ мѣстахъ у Кирши такое удареніе, по малой мѣрѣ, допускается стихомъ (26, 28, 29, 62, 161, 188 и др.) кромѣ уже приведеннаго

Понесли питья || медвяныя (231),

что̀ объясняется энклизой, если въ первоначальномъ изводѣ не было и здѣсь «Носили», какъ обыкновенно. Удареніе множественнаго переносится иногда на единственное, или, можетъ быть, единственное число сохраняетъ то удареніе, которое оно имѣло до стяженія:

Послѣ нашего царьского || житья (Рич. Джемсъ 3 и 4).

Неясно

И пропѣли пѣтье вѣчное (К. 292),

но почти несомнѣнно, судя по положенію слова *тебя* въ обоихъ стихахъ передъ знаменательной частью рѣчи:

А погребъ тебѣ злата, || серебра,

Второе тебѣ питья || разнаго (335).

Можетъ быть, съ переносомъ ударенія во мн. ч.

Понесли ѣства || сахарныя (188),

если это не энклиза. То-же удареніе возможно и въ стихѣ

Носили яства || сахарныя (26).

Впрочемъ здѣсь мы уже коснулись отдѣла словъ съ подвижнымъ удареніемъ, о которомъ рѣчь впереди.

Недугъ нѣкоторые произносятъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, другіе, и, кажется, большинство, — на послѣднемъ. Такъ и въ «Гостѣ Терентьищѣ»:

Расходился недугъ въ головѣ (14 и 16).
А кто бы-де недугамъ пособилъ,
Кто недуги бы прочь отгонилъ (16).
А недугъ-отъ пошевеливается (21).
А недугъ-отъ не путемъ въ окошко скочилъ (тамъ-же).
Онъ оставилъ (,) недужище (тамъ-же).

Помо́чь:

Что кому будетъ Божья помочь (42=43).

Такое удареніе вмѣсто первоначальнаго и обычнаго *по́мочь* (серб. *по́моћ*) развилось, вѣроятно, путемъ энклизы; сравни

А и дай мнѣ силы || на подмочь (277).
Какъ проситъ силы || на подмочь (278).

Должно замѣтить, что этотъ примѣръ ударенія *помо́чь* заимствованъ изъ пѣсни о Мастрюкѣ Темрюковичѣ, по всей вѣроятности, московской.

Ворота, по сѣверному, съ удареніемъ на второмъ *о*:

Вороты (sic) у города || желѣзные (51).[41]
Первые [у него] ворота || вальящатые,
Другіе ворота || хрустальные,
Третьи ворота || оловянные (159—160).
Отворяетъ ворота || вальящатые (160).
Простымъ людямъ ворота || оловянные (тамъ-же).
Только онъ въ ворота || выѣхалъ (257).
Передъ нашими широкими || воротами (305).
У крестьянина ворота || крѣпко заперты (411).

41) *Воро́ты* отмѣчено въ Шуйскомъ у Влад. губ. (Извѣстія I, 551), *воро́та* въ Новгородскомъ у. (тамъ-же 554).

Впрочемъ въ примѣрахъ 1-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ возможно было бы и удареніе на концѣ. Въ испорченномъ стихѣ

Какъ молодецъ за ворота выѣхалъ (216),

такъ какъ слово *молодецъ* въ былинахъ имѣетъ удареніе обыкновенно на первомъ слогѣ, слѣдуетъ, вѣроятно, вмѣсто *за* читать *въ*; во всякомъ случаѣ ударенье *ворóта* здѣсь ясно. Потому странно въ новгородской былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ:

Убьютъ его (,) || за ворота бросятъ (76).

По крайней мѣрѣ, иначе пришлось бы допустить удареніе *брося́тъ* (помимо энклизы), что̀ едва-ли возможно. Впрочемъ и въ пѣснѣ о «Гостѣ Терентьищѣ», также новгородской, остается или читать

Ворота были вальящатыя,

причемъ сохраняется размѣръ этой пѣсни (съ тремя удареніями) или, читая

Ворота были || вальящатыя,

признать въ этомъ стихѣ эпическій размѣръ (о 4 удареніяхъ), какъ въ примѣрѣ, приведенномъ выше подъ словомъ «недугъ», если только первоначальная редакція этого мѣста не была приблизительно такова:

А недуго-тъ не путемъ скочилъ
Онъ въ окошечко косящатое.

Въ пѣсняхъ средней и южной Россіи *ворота́*—произношеніе обыкновенное, напр.

Выходила молода || за новыя ворота

въ пѣснѣ, средне-русское происхожденіе которой явствуетъ изъ двоякаго ударенія, сѣвернаго и южнаго, въ стихахъ

Ты лети, лети, соколъ, || высоко и далеко,
И высоко и далеко, || на родиму сторону.

Воро́та предполагаетъ ед. ч. **воротó*, какъ *рѣшетó* при *рѣшёта*, а *воротá*, серб. *враа̀тà* и чеш. vrata—ед. *вóрото*, какъ *óблако* при *облакá;* въ малорусскомъ удареніе, по видимому, подвижное: *ворóта*, *ворíт*, *воротáм*. Впрочемъ къ этому вопросу мы еще возвратимся, когда дойдемъ до существительныхъ средняго рода съ подвижнымъ удареніемъ.

При помощи пѣсенъ можно установить удареніе словъ, незнакомыхъ большей части Русскихъ изъ живой рѣчи. Такъ въ сборникѣ Кирши:

По протокѣ по Ахтубѣ (107=112).
На протокѣ на Ахтубѣ (109=114=121).
На старой на Канакжѣ (414).
На старую Канакжу (416).

Потому и

Неразумные Канакжане (417 дважды)

Особое положеніе занимаютъ слова, образованныя посредствомъ наставокъ -(ъ)*ба* и -(ъ)*ня*, такъ какъ въ нихъ переносъ ударенія связанъ, повидимому, со склоненіемъ. Потому съ ними мы переходимъ къ отдѣлу, который озаглавимъ

Существительныя съ подвижнымъ удареніемъ.

Женскій родъ.

Слово *жалоба* является не только съ удареніемъ на первомъ слогѣ, напр.

Они жалобу приносили (35).
Доносили они жалобу || великую (254)

и, вѣроятно,

Пошла-то жалоба || великая (73),

но также на послѣднемъ:

Приносили жалобу || они великую (74).
Бьютъ челомъ, || жалобу творятъ (156=157=158).

То и другое удареніе возможно въ стихахъ

Жалобу приноситъ || матера вдова,
(Матера вдова) Авдотья || Блудова жена,
Жалобу приноситъ || своему сыну (150).

Правда, на стр. 74 легко возстановить обыкновенное удареніе путемъ постановки слова *жалобу* послѣ *они*, но въ слѣдующемъ за этимъ примѣрѣ удареніе *жалобу́* несомнѣнно, а свидѣтельство этого стиха имѣетъ особенную важность, такъ какъ онъ, очевидно, представляетъ собою формулу; впрочемъ въ лирикѣ это выраженіе является съ инымъ удареніемъ:

Жалобу творитъ || кукушечка (С. 202, 2),

а потому, конечно, и

Жалобу творитъ || красна дѣвица

въ той-же пѣснѣ. Обратное явленіе встрѣчаемъ въ словѣ *журьба*:

Журьба Васькѣ || не взлюбилася (74).

Удареніе на концѣ было бы возможно лишь подъ условіемъ энклизы слѣдующаго слова, но собственныя имена, по крайней мѣрѣ, трохаическія, энклизѣ не подвергаются. Къ тому-же есть аналогіи, которыми легко оправдать удареніе *жу́рьба*, напр. у Державина, котораго нарѣчіе приближается къ сѣверному, «Приглашеніе къ обѣду» (строфа 2):

Безъ рѣзьбы, злата и сребра.

Вообще удареніе словъ на *-ба* колеблется: мы говоримъ съ одной стороны *журьба́*, *рѣзьба́*, *судьба́*, *борьба́*, *ходьба́*, *мольба́*, *гонь-*

бá, стрѣльбá, гульбá, молотьбá, похвальбá, косьбá, худобá и т. п.[42]), съ другой — *слýжба, дрýжба, тяжба, свáдьба, жáлоба, злóба* (малор. *хворóба, худóба* и др.). Однако Сербы говорятъ не только *бо̀рба̀, мо̀ба̀, ко̀рба̀* (съ перенесеннымъ удареніемъ), но точно такъ же *слу̏жба̀, дру̏жба̀, зло̀ба̀*, что̀ въ виду преобладанія ударенія на *-ба* и въ русскомъ языкѣ заставляетъ подозрѣвать, что нѣкогда таково-же было въ немъ удареніе и тѣхъ словъ этой категоріи, которыя теперь произносятся съ удареніемъ на корнѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ осложненія суффикса, какъ *женúтьба* — серб. *жѐни̏тба* — болг. *женúтба*, серб. *ко̀си̏тба* — болг. *косúтба*, серб. *ре̏зи̏тба* и т. п.

Можетъ быть, и въ упомянутомъ выше (стр. 467) словѣ *пашня* привычное намъ удареніе на первомъ слогѣ новѣе того, которое мы, по всей вѣроятности, встрѣчаемъ въ стихѣ

И пріѣхали онп || на пашню къ нему (28).

Такъ произносится это слово кое-гдѣ на Сѣверѣ, гдѣ говорятъ и *колокольня́* вмѣсто нашего *колокóльня* (Изв. I, стр...). Здѣсь колебаніе въ постановкѣ ударенія можетъ быть обусловлено отчасти смысломъ согласно съ тѣмъ, какъ мы будемъ понимать это производное отъ глагола *пахать* — въ значеніи мѣста или объекта дѣйствія или-же самаго дѣйствія. Въ первомъ случаѣ являются аналогіи въ словахъ *сплéтня, бóйня, схóдня, лáзня* и произве-

42) Можетъ быть, сюда относится *гурьбá*, хотя происхожденіе этого слова неясно; ср. впрочемъ серб. *жу̏рба̀* «давка, толкотня» при *журúти се* «спѣшить», которое можетъ относится къ нашему *гур-ьба*, какъ geur- къ gour-. Изъ параллелей, приведенныхъ въ «Сравнительномъ этимологическомъ словарѣ русскаго языка» Н. В. Горяева, отмѣтимъ «областное» *гурма*, которое, повидимому, подтверждаетъ дѣленіе *гур-ьба*. Остальныя сближенія сомнительны. Вообще эта книга, составленная вполнѣ добросовѣстно и безспорно полезная, значительно выиграла бы, если бы авторъ относился съ большей критикой къ своимъ источникамъ. Впрочемъ необходимо прибавить, что зато его нельзя упрекнуть въ отсутствіи критики при выборѣ источниковъ. Во всякомъ случаѣ словарь г. Горяева составляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно со всѣми предшествующими попытками этого рода, почему было бы желательно чтобы наши лингвисты обратили вниманіе на это сочиненіе.

денныя не прямо отъ корня *ба́сня*, *пѣ́сня*, *ку́зня*, *шва́льня*, *спа́льня* и т. п., во второмъ — *рѣзня́*, *грызня́*, *возня́*, *стряпня́* и произведенныя отъ отглагольныхъ существительныхъ (иногда неупотребительныхъ самостоятельно) *топотня́*, *толкотня́*, *пискотня́*, *руготня́*, *трескотня́* (какъ серб. *вòжња*, *грòжња*, *грȁдња*, *јеѐжња*, *сууд̏ња*, *тлаа̏пња* и т. п.—см. Даничић, Основе, стр. 202 и 203, гдѣ впрочемъ смѣшаны различныя образованія). Къ тому-же эти двѣ категоріи часто сливаются, напр. въ словѣ *стряпня́*, которое означаетъ и дѣйствіе и его предметъ. Въ звуковыхъ аналогіяхъ въ пользу того и другого ударенія, какъ *ба́шня* — *квашня́*, также не было недостатка. Но всѣ эти факты объясняютъ лишь то, почему въ словѣ *пашня* во всѣхъ его формахъ утвердилось двоякое удареніе; что-же касается причины самой двойственности мѣста ударенія, то на нее указываетъ съ одной стороны сербскій языкъ, свидѣтельствующій объ удареніи на наставкѣ -(ь)*ня́*, съ другой — удареніе такихъ словъ, какъ *вода́*, *душа́*, въ вин. ед. *во́ду*, *ду́шу*, въ им. мн. *во́ды*, *ду́ши* (серб. *вòда̀*, *ду̏ша̀* — *во̏ду*, *ду̏шу* — *во̏де*, *ду̏ше*), или такихъ, какъ *слеза́*. *стрѣла́*, въ вин. ед. *слезу́*, *стрѣлу́*, но въ им. мн. *слёзы*, *стрѣ́лы* (серб. *су̏за̀*, *стрѝјѐла̀* — *су̏зу̀*, *стрѝјѐлу̀* — *су́зе*, *стри́јеле*). Послѣднее вѣроятнѣе, судя по слову *головня́*, въ вин. *головню́*, въ им. мн. *го́ловни*. И такъ *пашня́*, род. *пашни́* и т. д. по всѣмъ падежамъ ед. ч., вѣроятно, древнѣе, чѣмъ *па́шня*, но им. и вин. мн. искони звучали *па́шни*, род. *па́шень*. Однако сомнительно, чтобы удареніе удерживалось на томъ-же слогѣ въ остальныхъ падежахъ мн. ч.: уже аналогія склоненія того-же слова *головня* заставляетъ ожидать *пашня́мъ*, *пашня́ми*, *пашня́хъ*, какъ и говорятъ во многихъ мѣстностяхъ, образуя притомъ род. пад., именно ради удержанія ударенія на послѣднемъ слогѣ, метапластически (по аналогіи словъ на -ь): *пашне́й*, какъ *свѣче́й* вмѣсто *свѣчъ* отъ *свѣча́* при мн. *свѣ́чи*, дат. *свѣча́мъ* и т. д. Примѣръ такого ударенія въ косвенныхъ падежахъ мн. ч. при им. мн. съ удареніемъ на первомъ слогѣ есть и у Кирши, — можетъ быть, въ собственномъ его произведеніи:

Стихъ по стиху || на дровняхъ волокутъ (изъ «Стать почитать» въ предисл. Калайдовича стр. XXXII)

при имен. *дро́вни*. До какой степени различна можетъ быть судьба такихъ образованій, показываютъ съ одной стороны мн. ч. отъ *простыня́* (на югѣ *про́стыня*) со всѣми тремя возможными удареніями, что̀ впрочемъ отчасти зависитъ отъ того, что оно сложное, съ другой—мн. ч. отъ *дере́вня* въ стихѣ

Идти селами || и деревнями (227),

съ чѣмъ можно сравнить род. *дере́венъ* въ Вытегорскомъ у., Олонецкой губ. (Извѣстія I, 568).

Такимъ-же образомъ и слово *жалоба* произносилось, вѣроятно, съ двоякимъ удареніемъ, и по той-же причинѣ, т. е. потому, что нѣкогда ударенія въ немъ распредѣлялись такъ: ед. им. *жалоба́*, вин. *жа́лобу*, мн. им. *жа́лобы*. Такъ-же *рѣзьба́* и т. п. Во косвенныхъ падежахъ мн. ч. удареніе было не таково, какъ въ им., а *жало́бъ*, *жалоба́мъ* и пр., какъ род. *сторо́нъ*, *поло́съ*, *голо́въ*, *слобо́дъ*, дат. *сторона́мъ* и т. д. (серб. род. *стра̏на̄а*, дат. *стра̏на̄ма*). Такъ отчасти и до сихъ поръ въ словѣ *судьба́*—мн. *су́дьбы*, *суде́бъ*, *судьба́мъ*, *судьба́ми*, напр. въ выраженіи, употребляемомъ при встрѣчѣ съ лицемъ, которое мы не ожидали видѣть въ данномъ мѣстѣ: «Какими судьба́ми?», хотя въ искусственной рѣчи можно услышать во множ. и *судьбы́*, *су́дьбамъ*.

Если эти соображенія вѣрны, въ нашемъ *жа́лоба* удареніе перенесено изъ падежей, имѣвшихъ его на первомъ слогѣ, чему способствовало частое употребленіе выраженій въ родѣ *приносить жа́лобу* или *жа́лобы*. Такое перенесеніе удареній нѣкоторыхъ флексивныхъ формъ на остальныя въ видахъ однообразной постановки ударенія по всей парадигмѣ встрѣчается и у насъ и у Сербовъ, у которыхъ напр. *сова́* и *леса́* звучитъ *со́ва*, *ле́са*, а *кора́*, закрѣпившее, по видимому, и въ русскомъ языкѣ свое удареніе, подверглось той-же участи въ сербскомъ по противоположной аналогіи — *ко́ра*, какъ у насъ *ве́рба*, которое въ нѣко-

торыхъ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ говорахъ и въ малорусскомъ еще не утратило подвижности ударенія: ед. *верба́*, мн. *ве́рбы*, дат. *верба́мъ* (такъ, по крайней мѣрѣ, на Югѣ); зато по-сербски *вр̀ба́* съ одинаковымъ удареніемъ во всѣхъ формахъ (конечно, за исключеніемъ зват. пад. обоихъ чиселъ, по общему правилу). Сербскому *му̀ха̀* со мн. *му́хе* соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ *му́ха* съ неизмѣннымъ удареніемъ, хотя протяженіе въ чешскомъ moucha (съ уменьш. muška) доказываетъ, по видимому, первоначальность ударенія *муха́* (но им. мн. *му̀хы* и, можетъ быть, вин. ед. *му́хѫ*). *Мѣна* произносится обыкновенно съ удареніемъ на первомъ слогѣ, однако иногда и на послѣднемъ, и въ пользу ударенія на концѣ свидѣтельствуетъ серб. *мијѐна̀* «молодой мѣсяцъ», а за вин. *мѣ́ну* (такъ какъ множественнаго числа у этого слова, вѣроятно, не было) говоритъ чеш. měna, гдѣ краткость первой гласной едва-ли можно объяснить иначе, нежели нисходящимъ удареніемъ этого слога (см. изслѣдованіе Ф. Ѳ. Фортунатова въ Archiv für slav. Philol. IV). Сверхъ того ср. мѣ-на́ отъ корня mi- въ ἀ-μεί-βω и др.— цѣ-на́ = ποι-νή = зенд. kaē-nā отъ qi- въ τί-ω, τι-μή — лу-на́ = luna изъ louk-s-nā отъ louk-, luk- въ *лучъ* и др. — *стор-на́ (црк. *страна*, русск. *сторона́* и т. д.) отъ ster- въ sterno, στορέννυμι и пр. — въл-на́ отъ vel-, ver- покрывать и т. д. Что въ словѣ *толпа́* удареніе было нѣкогда подвижно, можно заключить изъ чеш. tlupa (отъ вин. tlupu = *тълпу) въ противоположность къ louka = малор. *лука́* «лугъ». Рѣзко бросается въ глаза переносъ ударенія и закрѣпленіе его на первомъ слогѣ въ нѣкоторыхъ сербскихъ заимствованіяхъ съ турецкаго, напр. *ка́авга*, *со́фра* (или *со́вра*, *со́пра*), *хи́ла*, очевидно, вмѣсто **каа̀вга́* (изъ **кавга́*), **со̀фра̀*, **хѝла̀* при мн. **ка́авге* **со́фре*, **хи́ле*, род. *ка́авгаа*, *хи́лаа* и т. д.; ср. *па̀ра̀* (тур. *пара́* мелкая монета), мн. *па́ре*, род. *па́араа* и т. п., между прочимъ и ставшее у Сербовъ 3-сложнымъ *па̀пу́ча* род. мн. *па́пучаа* (тур. *папу́ш* или *папу́ч*). Въ этихъ заимствованіяхъ встрѣчаются и такіе дублеты, какъ наши *па́шня* и *пашня́*, но, кажется, въ обоихъ случаяхъ съ удареніемъ неподвижнымъ, напр. *тво̀рба̀* въ соотвѣт-

ствіе съ тур. *торбá*, оставшимся безъ измѣненія у Болгаръ, но и *тóрба*, какъ у насъ, употреблявшихъ это слова первоначально, можетъ быть, только въ видѣ мн. *тóрбы* (т. е. хуржумы, саквы, переметныя сумы). Нѣкогда удареніе такихъ словъ въ сербскомъ языкѣ было еще подвижнѣе, такъ какъ они склонялись, по крайней мѣрѣ, отчасти по парадигмѣ *водá, душá*. Остатокъ такого склоненія представляетъ собою выраженіе *нá јагму* = на расхватъ или, по простонародному, на шарапъ, гдѣ удареніе на предлогѣ предполагаетъ вин. *јáгму* при употребительномъ и теперь имен. *јàгмà*. Только предположивъ такое склоненіе, мы поймемъ удареніе въ *пáстрма* (тур. *пастърмá*), которое во множ. неупотребительно. Вѣроятно, такъ-же объясняется и *сáганлиjа* вмѣсто ожидаемаго *сагàнлûjа* (вѣроятно, тур. *соӷанлы́* собств. «луковый»), въ которомъ прибавленное Сербами *-а* какимъ-то образомъ не принимается въ расчетъ, какъ будто бы удареніе стояло на послѣднемъ слогѣ, какъ въ турецкомъ первообразѣ, что̀ мы уже видѣли въ словѣ *пàпу̂ча*. Колебанія между новымъ и старымъ удареніемъ падежей, имѣвшихъ первоначально удареніе на первомъ слогѣ, замѣчаются до сихъ поръ, напр. *вàшà* (или *вàндр̂ша*) «отодранный лоскутъ кожи» — вин. *вàшу̂*, но и *вáшу*, хотя возможно, что послѣднее удареніе вызвано аналогіей, такъ какъ *вàшà*, по видимому, сокращено изъ *вàндр̂ша*. У насъ полную параллель къ исторіи словъ какъ *јàгмà* и *пáстрма* представляетъ слово *деньгá* (отъ тат. діалект. **дäнгä́* при *тäнкä́*) — вин. ед. *дéньгу*, но и *деньгу́*, мн. им. *дéньги*, род. *дéнегъ*, дат. *дéньгамъ* или, на Югѣ, *деньгáмъ* и т. д., а кое-гдѣ на Сѣверѣ уже и въ им. ед. *дéньга* (Извѣстія I, 340 и 560).

Вообще категорія «слезá—слезу́—слёзы», вѣроятно, обогатилась съ теченіемъ времени на счетъ категоріи «водá—вóду—вóды» (конечно, въ отдѣльныхъ языкахъ, по уничтоженіи качественнаго различія между удареніями обѣихъ категорій, сказавшемся въ энклизѣ и ея отсутствіи — «нá воды», но «на слёзы»). Такъ напр. вин. ед. отъ *грядá* едва-ли кто, по крайней мѣрѣ, изъ насъ, говорящихъ литературнымъ языкомъ, произнесетъ съ уда-

реніемъ на первомъ слогѣ, а по-сербски отъ *греда̏* не только им. мн. *гре́еде*, но и вин. ед. *гре́еду* сохраняетъ нисходящее, т. е. древнее, удареніе въ началѣ. Мы говоримъ не только *траву́*, но и *тра́ву* (откуда *на́ траву*), хотя трудно рѣшить, что̀ древнѣе, такъ какъ по-сербски вин. ед. *тра̀ву* (при им. мн. *тра́аве*). Далѣе слова типа «слеза́ — слёзы» мало по малу объединяютъ удареніе во мн. ч. по им. (вин.) пад., напр. *жена́*, *пчела́*, *сестра́*, *змѣя́*, *свинья́*, *труба́*, *метла́*, *пила́*, *узда́*, *тюрьма́*, *звѣзда́*, *ветла́*, *лиса́* звучатъ большею частью съ удареніемъ на первомъ слогѣ во всѣхъ 2-сложныхъ и 3-сложныхъ падежахъ (кромѣ род. *сестёръ* и *свине́й*), хотя *слеза́*, *межа́*, *свѣча́*, *сопля́* и др. въ тѣхъ-же формахъ еще не испытали этого переноса: *слеза́мъ*, *слеза́ми*, *слеза́хъ*, третьи, какъ *стрѣла́*, *скула́*, *серьга́*, *судьба́*, *скала́*, *бѣда́*, *дуга́*, въ нашей рѣчи колеблются. Естественно, что въ словахъ типа «вода́ — во́ду — во́ды» начался тотъ-же процессъ, напр. *и́збамъ*, *дро́гамъ*, *гро́замъ*, *ко́замъ*, *вдо́вамъ*, *тра́вамъ*, *о́самъ*, *ко́самъ*, *со́снамъ*, *ве́снамъ*, *де́снамъ*, *спи́намъ*, *о́вцамъ*, и что это явленіе свойственно языку не однихъ горожанъ, видно изъ самаго значенія приведенныхъ здѣсь словъ. Двоякое удареніе можно услышать у насъ въ тѣхъ-же падежахъ словъ *семья́*, *дрога́*, *стѣна́*, *сноха́*, *соха́*, *кроха́*, *нора́*, *зима́*, *душа́*, *доска́*, *дуга́* и во многихъ другихъ, причемъ уравниваніе идетъ, кажется, съ Сѣвера на Югъ, а не наоборотъ. Не даромъ сѣверные поэты позволяютъ себѣ въ словахъ этого рода такія вольности, какъ

На удѣ вытянуть на брегъ (Ломоносовъ, Ода, выбранная изъ Іова, строфа 10).

Какъ сосна, рында обожженна (Державинъ, На взятіе Измаила, строфа 25)

и, вѣроятно, уже по этому образцу,

Копье, какъ сосна вѣковая (Озеровъ, Пѣснь Уллина).

Если бы эти *у́да* и *со́сна* даже не были заимствованы изъ

какого-нибудь говора [43]), во всякомъ случаѣ переварить такія ударенія тѣмъ легче, чѣмъ чаще встрѣчается удареніе на первомъ слогѣ въ склоненіи этихъ словъ. Но въ старинномъ присловьѣ говорится, что «Пошехонцы въ трехъ сосна́хъ заблудились» (таково преданіе — не только о Пошехонцахъ, но и объ удареніи), да и тотъ-же Державинъ говоритъ:

Хотя осыпь его звѣздами.

Поговорка гласитъ: «всѣмъ сестра́мъ по серга́мъ»; сербское *сѐстра̑* не обнаруживаетъ даже никакихъ слѣдовъ древняго переноса ударенія на первый слогъ: им. мн. *сѐстре̑*, род. *сеста̀ара̑а*, дат. *сѐстра̑ма*. Въ разныхъ мѣстностяхъ можно услышать: «тарантасъ на длинныхъ дрога́хъ», «ну́ те къ свинья́мъ» и т. п.

Εἰ γὰρ δεῖ καὶ μῦθον λέγειν, какъ говоритъ Сократъ въ Платоновомъ Федонѣ, я позволю себѣ по поводу подвижности ударенія въ склоненіи основъ на *-а* отмѣтить здѣсь эпизодически одинъ фактъ, до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не обратившій на себя вниманія. Выше было уже упомянуто открытіе проф. Фортунатова, что обще-славянское восходящее удареніе въ сербскомъ языкѣ отразилось краткостью ударяемой гласной, въ чешскомъ — ея долготой, а нисходящее въ сербскомъ — долготой, въ чешскомъ — краткостью, причемъ чешскій языкъ, закрѣпляя ударенія во всѣхъ случаяхъ на первомъ слогѣ, отдавалъ предпочтеніе, конечно, тѣмъ формамъ, въ которыхъ удареніе въ обще-славянскую эпоху падало на первый слогъ: strana по вин. stranu изъ *сто́рнѫ. Рѣдко въ такихъ случаяхъ является долгота, объясняющаяся оттяжкой ударенія съ конца, вслѣдствіе ко-

---

43) *Со́сна* Петрозаводскаго у., Олонецкой губ., *гу́ба, о́льха, спи́на*, Тобольск. губ. (Извѣстія I, 345 и 560). Тамъ-же *де́ньга* (см. выше). И въ Москвѣ говорятъ: «гу́ба не дура», «ну́жды нѣтъ» (можетъ быть, подъ вліяніемъ народнаго «ну́ждушки нѣтъ»). То-же иногда въ малорусскомъ, напр. у Котляревскаго:

Прямый, якъ сосна, величавый (Эн. стр. 246 изд. Катр.);

часто *зо́ря*, въ пѣсняхъ *вдо́ва*.

торой оно получало на своемъ новомъ мѣстѣ на первое время восходящій характеръ, напр. brāzda — борозда́, также, можетъ быть, moucha (см. выше). Иногда наблюдается колебаніе: jīzba (по им. п. ед.) или jizba (по вин.) — изба́ — серб. и̏зба̑, pīla или pila — пила́ — пи̏ла̑ и т. п., куда, можетъ быть, относятся sādra или sadra «гипсъ» и mouňa или muňa «дуракъ». Слова на *-а* (*-я*) съ неподвижнымъ удареніемъ въ русскомъ и сербскомъ языкахъ, если не всѣ, то почти всѣ, имѣли восходящее удареніе: коло́да — кла́да — klāda, воро́на — вра́на — vrāna, си́ла — си́ла — sīla, гри́ва — гри́ва — hřīva, ра́на — ра́на — rāna, и́ва — и́ва — jīva, лу́жа — louže, гу́ща — houště, вѣ́ра — вје́ра — vīra (но věrný и т. п.), сли́ва — сли́ва или шљи́ва — slīva, сла́ва — сла́ва — slāva, жа́ба — жа́ба — žāba, жа́бры — žābry, спра́ва — sprāva, ча́ша — ча́ша — číše, сѣ́ра — cjéра — sīra и т. д.[44]). Но въ нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ по-чешски корневая гласная оказывается краткой, какъ въ сербскомъ, напр. ryba — ры́ба — ри́ба, řiza — ри́за — ри́за, něha — нѣ́га — њéга, pěna — пѣ́на — пjéна, muka — му́ка — му́ка, řepa — рѣ́па — ре́па, kaše — ка́ша (въ сербскомъ нѣтъ? но есть въ хорутанскомъ), strava — стра́ва — стра́ва (ужасъ, наведенный чарами) и др., куда можно, кажется, отнести и škola — шко́ла (съ польскаго?) — шко́ла. Но гораздо чаще количество корневой гласной колеблется, какъ tlāpa и tlapa — ла́па (въ серб. нѣтъ?), kniha и kniha (род. мн. knih или kněh, производныя knižný, kniha̋ř или kněhař и т. п.) — кни́га — књи́га, kōže (kůže) и kože — ко́жа — ко́жа, līpa и lipa — ли́па — ли́па, jīzva и jizva — я́зва (въ сербскомъ нѣтъ?), mīra и měra (съ mīrka, но měřice, měrný и т. п.) — мѣ́ра —

44) Обратное отношеніе между чеш. tajna и серб. та̑јна зависитъ отъ условій, явившихся въ этихъ двухъ языкахъ внѣ всякой связи съ праславянскимъ: въ чешскомъ восходящее удареніе само по себѣ вызываетъ долготу только при открытости ударяемаго слога, а въ сербскомъ краткая гласная въ слогѣ съ древнимъ удареніемъ протягивается передъ сочетаніемъ полугласной съ согласной; см. Лескина Untersuchungen über Quantität und Betonung и т. д. (въ Abhandlungen der kön. sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften X) стр. 76. Потому и *ка́вга* по ударенію дат. *ка́взи*, вин. *ка́вгу*, мн. *ка́вге* отъ нормальнаго до—штокавскаго **кавга́*.

mјéра, pīħa и piħa (веснушка; въ русскомъ прилаг. пѣгій)—пјéга, skřīňe и skřině—скри́ня (скры́ня)—скри́ња и др., въ томъ числѣ, можетъ быть, dlāħa и dlaħa, не находящее себѣ соотвѣтствія въ русскомъ и сербскомъ языкахъ. Drāħa «выгонъ, пастбище» и draħa «дорога» представляютъ, конечно, лишь варіанты одного и того-же слова, соотвѣтствующаго русскому *доро́га*—серб. (хорв.) *дра́га* «долина, луговина». Возможно, что смѣна долготъ и краткостей не во всѣхъ случаяхъ этого рода относится ко временамъ чешско-словацкаго единства; напр. piħa вмѣсто нормальнаго при такихъ условіяхъ *pěħa изобличаетъ позднѣйшее сокращеніе, распространившееся изъ какого-нибудь отдѣльнаго говора, вѣроятно, близкаго къ словацкимъ, такъ какъ причины этого сокращенія всего естественнѣе искать въ отвращеніи отъ двухъ долготъ въ одномъ и томъ-же словѣ, почему напр. твор. пад. отъ pīħa звучалъ бы piħou, какъ отъ slāma, krāva Чехи образуютъ этотъ падежъ большею частію съ сокращеніемъ корневой гласной. Той-же причинѣ можетъ быть приписана и общечешская разница въ количествѣ между pān и panī, pāně и paňātko, гдѣ, кажется, не было причины для измѣненія первоначально восходящаго ударенія (кромѣ зват. pane съ нисходящимъ удареніемъ и проклитическаго pan передъ именемъ). Но такое объясненіе всѣхъ примѣровъ колебанія количества во всѣхъ словахъ съ обще-славянскимъ восходящимъ удареніемъ по всѣмъ падежамъ (а не въ одномъ твор. ед., окончаніе котораго отличалось, быть можетъ, особенно ощутительной долготой вслѣдствіе стяженія изъ -ојѫ) оставляетъ безъ отвѣта вопросъ, почему-же это явленіе наблюдается именно въ такихъ словахъ несравненно чаще, чѣмъ въ другихъ случаяхъ сосуществованія двухъ долготъ. Такъ какъ, судя по протяженію того восходящаго ударенія, которое возникало вслѣдствіе переноса ударенія съ конца назадъ, чехо-словацкій языкъ долго сохранялъ чутье къ различію между восходящимъ и нисходящимъ удареніями и въ эпоху образованія новой системы удареній отзывался на это различіе такъ-же, какъ въ эпоху своего выдѣленія изъ обще-славянскаго языка, не

проще ли предположить, что и въ склоненіи словъ, какъ *ли́па*, по крайней мѣрѣ, по чехо-словацкому выговору, удареніе корневой гласной измѣнялось аналогично съ переходомъ ударенія въ склоненіи словъ, какъ *вода́*? Можетъ быть, это и было слѣдствіемъ только аналогіи, которая допустима даже для обще-славянской эпохи, потому что подвижность ударенія въ словахъ послѣдней категоріи существовала еще во времена литовско-славянскаго единства; такъ напр. болг. *липа́* наводитъ на пропорцію: праслав. **зо̂лто*: болг. *злато́* = праслав. вин. **ли̂пу*: болг. *липа́*. Аналогія разряда «вода́» должна была дѣйствовать почти неотразимо, если восходящее удареніе древнѣйшаго чехо-словацкаго языка походило на современное восходящее (т. е. перенесенное) удареніе штокавско-сербскаго: какъ *во̀да̏* — вин. *во̏ду*, такъ **ли̏па̏* — вин. **ли̏пу*, откуда позже līpa — lípu, или **мѣ̏ра̏* — **мѣ́ру*, потомъ mīra — měru. Предположивъ такое отраженіе восходящаго ударенія на послѣдующемъ слогѣ, мы поймемъ и причину того, что въ чехо-словацкомъ языкѣ оно вызывало протяженіе: когда въ этомъ языкѣ вступилъ въ силу законъ акцентуаціи перваго слога, та часть восходящаго ударенія, которая падала на слѣдующій слогъ, отходила назадъ и вела къ тому протяженію, которое происходило отъ переноса ударенія на предшествующій ему слогъ. Такимъ образомъ обѣ эти причины спеціально чехо-словацкаго протяженія сводились бы къ одной — къ увеличенію звукового содержанія перваго слога на счетъ послѣдующаго, бывшаго прежде ударяемымъ. Физіологически процессъ протяженія могъ быть таковъ: восходящее удареніе, т. е. падавшее на вторую часть гласной, хотя бы краткой, а потому захватывавшее собою отчасти и слѣдующій слогъ, какого-бы происхожденія оно ни было, отодвигалось назадъ и переходило на первую часть гласной, привлекая на свое мѣсто отраженіе со слѣдующаго слога: mièrá – mìèra – mīra. Въ сокращеніи гласныхъ перваго слога съ нисходящимъ удареніемъ виноваты, можетъ быть, слова, предшествовавшія имъ въ рѣчи, особенно предлоги, которые перетягивали его на себя, особенно, когда началась по-

пятная передвижка ударенія: за обще-славянскимъ *зá ръкѫ* (съ подвижнымъ удареніемъ) послѣдовало zá mieru, потомъ zá mjeru (=za měru). Сербо-хорватскій языкъ, за исключеніемъ штокавщины въ самомъ узкомъ смыслѣ этого термина, отличается поступательнымъ характеромъ ударенія въ еще большей степени, нежели русскій, такъ какъ въ немъ, помимо часто встрѣчаемаго ударенія на конечномъ слогѣ отчасти сохранилось еще пра-сербское восходящее удареніе. Еще рѣзче сказывался этотъ характеръ въ пра-сербскую эпоху, когда, какъ блестящимъ образомъ доказалъ А. А. Шахматовъ («Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній», стр. 38), слова типа *водá* имѣли на послѣднемъ слогѣ восходящее удареніе. Согласно съ этимъ стремленіемъ ударенія впередъ обще-славянское нисходящее удареніе требовало такого выдерживанія второй, болѣе низкой или слабой, части гласной, что эта часть могла достигать длительности цѣлой моры, откуда являлось долгота, тогда какъ подъ обще-славянскимъ восходящимъ удареніемъ первая, слабая часть гласной скрадывалась, откуда краткость.

Какъ я началъ этотъ экскурсъ оговоркой изъ Платона, такъ и закончу его словами того-же философа-поэта (Федръ 265, 13), измѣнивъ только глаголъ въ концѣ: ἴσως μὲν ἀληθοῦς τινος ἁπτόμενοι, τάχα δὲ καὶ ἄλλοσε παραφερόμενοι, κεράσαντες οὐ παντάπασιν ἀπίθανον λόγον, μυθικόν τινα ὕμνον συνεγράψαμεν. Хорошо, если было, по крайней мѣрѣ, ἄξιον ἀκοῦσαι, хотя бы и не въ той мѣрѣ, какъ миѳъ, разсказанный Сократомъ въ Федонѣ. Но возвратимся къ основамъ на *-а* въ русскихъ пѣсняхъ, и прежде всего ко множественному числу этихъ основъ, о которомъ шла рѣчь выше.

Переносъ ударенія имен. п. мн. ч. на косвенные падежи, по видимому, чуждъ старинному народному языку: вездѣ мы читаемъ:

Какъ-де служатъ || по усопшимъ душамъ (248).

Потому тѣмъ стрѣламъ || цѣны не было (24) [45].

и т. п., между прочимъ и въ твор. на *-ы*, перенесенномъ изъ склоненія основъ на *-о*:

Со вдовы честны, || многоразумными (8).

Но имен. мн. въ словахъ на ударяемое *-а*, даже иноязычныхъ, обыкновенно имѣетъ удареніе на первомъ слогѣ, напр.

Кто бы съѣздилъ въ Орды || немирныя (196).
Съѣзжу я въ Орды || немирныя (тамъ-же).
Ѣхать въ дальны Орды || немирныя (197 ср. 199 и 201).

Такъ и въ пѣснѣ о Ермакѣ, стало быть — казачьей и потому нѣсколько отличной по техникѣ отъ былинъ:

Въ Мяденски юрты || приплыли (116). [46]

Мýрзы мы уже видѣли на стр. 446 [47]). Но косвенные падежи, вѣроятно, *мурзáмъ*, *мурзáми*, *мурзáхъ*, какъ

Въ тѣхъ Ордахъ || немирныхъ (199),

гдѣ нѣтъ ни основанія, ни нужды предполагать энклизу.

Неясно удареніе во мн. ч. слова *сумá* (нѣм. sûm, теперь Saum — отъ греч. σάγμα черезъ романско-латинское salma и франц. saume). Вотъ свидѣтельство изъ сборника Кирши:

---

45) Такъ слѣдуетъ читать и выше:

А и тѣмъ стрѣламъ || цѣны не было,

а не «цѣны нѣтъ», какъ у Калайдовича. Это видно уже изъ слѣдующаго стиха

Цѣны не было || и несвѣдомо,

первая половина котораго должна быть повтореніемъ второй половины предъидущаго стиха (см. Извѣстія I, стр. 29—30 съ примѣч. 24).

46) Едва-ли отъ ед. *юртъ*, потому что во мн. муж. р. скорѣе слѣдовало бы ожидать ударенія *юртú*, какъ *гуртú*.

47) У Кирши стр. 312 стихъ не полонъ; вѣроятно, слѣдуетъ читать:

(Гой еси) вы мурзы, || улановья.

Онъ кладетъ во тѣ сумы || переметныя (212).

И велѣлъ снимать сумы || сыромятныя (213).

Расковыривалъ сумы, || вынималъ ярлыки (278).

Всѣ три стиха читаются гладко, будемъ-ли мы произносить *су́мы* или *сумы́*. Вѣроятнѣе первое удареніе, съ которымъ, кажется, и Сумцы выговариваютъ имя своего родного города. За то-же удареніе и аналогія только-что приведенныхъ татарскихъ словъ вмѣстѣ съ упомянутымъ выше *то́рба*. Есть у Кирши стихъ, изъ котораго слѣдовало бы это удареніе и для ед. ч.:

Вынималъ изъ сумы книжку свою.

Но правильность его тѣмъ болѣе подозрительна, что и слѣдующій за нимъ стихъ

Посмотрѣлъ и число показалъ,

очевидно, испорченъ. Тамъ и другой слѣдуетъ пополнить, вставивъ напр. «онъ» послѣ «сумы» и «въ нее» послѣ «Посмотрѣлъ».

Наоборотъ, можетъ быть, не слѣдуетъ объяснять энклизой удареніе въ стихѣ

Распоролъ суму || рыта бархата,

потому что заимствованныя слова этого типа часто принадлежатъ къ разряду *слеза́ — слезу́ — слёзы*, какъ видно между прочимъ изъ стиха, не только построеннаго безукоризненно, но еще и встрѣчающагося въ двухъ мѣстахъ безъ малѣйшей перемѣны, а потому несомнѣнно переданнаго правильно:

Въ дальну Орду, || въ Половецку землю (252=255).

Объ удареніи *землю́* и т. п. было уже упомянуто вскользь въ концѣ изслѣдованія энклизы (стр. 452). У Кирши есть еще три примѣра, всѣ съ предлогами:

Взялъ ее за хвостъ, || подъ гору махнулъ (189=190 безъ «се»).

Переѣхалъ молодецъ || за рѣку за Смородину (297).
Тѣло терзалъ, || во рѣку бросалъ (367)

и уже извѣстный читателю

По цѣлой ковригѣ || за щеку мечетъ (190).

Чаще въ лирическихъ пѣсняхъ, напр.

И высоко и далеко, || на родиму сторону (С. 87, 4).
Погоню (ли) я корову на росу (С. 97, 27).
Сама по воду пойду || на Москву на рѣку,
На Москву на рѣку, || къ Разгуляю кабаку,
по студеную воду (С. 215, 5).
А отдалъ (то) || меня батюшко
Не въ согласную семью, || не въ покрытую избу
(С. 206, 2)

или (и притомъ въ началѣ пѣсни, а не въ концѣ, какъ у Сахарова)

Отдаетъ-то меня батюшка || въ несогласную семью

или (также въ началѣ)

Какъ просваталъ меня батюшка || въ немалую деревню,
Что въ немалую деревню, || въ несогласную семью[48]).

Можно услышать въ не старой пѣснѣ «ногу́», напр. въ шуточныхъ, уже силлабическихъ стишкахъ, въ которыхъ только послѣднее ритмическое удареніе совпадаетъ съ прозаическимъ, но при пѣніи искуственно выдерживается тактъ $^{2}/_{4}$:

Ой, батюшки, не могу:
Комаръ ступилъ на ногу.

48) Нѣсколько иная ритмизація у Мельгунова (вып. 1-й, № 14), но *семью́* и у него.

Даже въ разговорѣ, особенно по нарѣчіямъ, широко распространены *рѣку́, семью́, избу́, росу́, зорю́, грозу́, нору́, блоху́, версту́, тропу́, ольху́, губу́, сову́, золу́, весну́, кору́, полу́.* Въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ *трава́, сноха́, десна́, крома́, леса́, уда́, скула́, дрофа́* (дрохва́), *лоза́*, трудно даже опредѣлить правильное удареніе: *траву́* или *тра́ву* и т. д., о чемъ было сказано выше. Въ вин. п. отъ слова *пята́* едва-ли кто рѣшится поставить удареніе на первомъ слогѣ, а между тѣмъ произношеніе «пя́ту» прямо слѣдуетъ изъ стереотипнаго «на́ пяту» (т. е. настежь), напр.

Какъ бы на пяту двери || отворялися (4).
Отворяла двери || на пяту (8).
Отворяли Царю (двери) || на пету (sic! 335).

За удареніе *пя́ту* или, по крайней мѣрѣ, мн. *пя́ты* (но «по пята́мъ») говоритъ и краткость въ чешск. pata. Впрочемъ ед. ч. *пята́* въ значеніи пятки, помимо поэзіи, мало употребительно, а въ смыслѣ нижняго мѣста прикрѣпленія древнаго притвора къ косяку извѣстно теперь болѣе сельчанамъ, чѣмъ намъ, горожанамъ. Москвичи остаются вѣрны древнему ударенію вин. ед. въ словахъ *нога, рука, вода, гора, стѣна, коза, коса* (въ обоихъ значеніяхъ), *душа, кроха, сосна, щека, спина, доска, земля, зима, верста, голова, борода, сторона, полоса, борона, середа, сковорода, слобода*, по большей части въ *зоря, роса* и нѣкоторыхъ другихъ, но за этими исключеніями не мало колебаній замѣчается и въ московскомъ говорѣ. Словомъ сказать — въ русскомъ языкѣ, какъ, по видимому, и въ сербскомъ, совершается переходъ типа «вода́» въ типъ «слеза́». Что въ этомъ явленіи играетъ нѣкоторую роль расширенное аналогіей примѣненіе энклизы къ существительному съ предлогомъ, какъ

А сводилъ онъ [49]) поить || на Сафатъ на рѣку (182),

49) Въ текстѣ «ихъ», но исправлено въ спискѣ опечатокъ.

можно заключить изъ присутствія предлога въ большинствѣ такого рода случаевъ, судя по пѣснямъ: «въ рѣку́», «на ногу́», а потомъ уже и «на родиму сторону́» съ прилагательнымъ. Быть можетъ, не случайность, что въ отвѣтахъ на программу для собиранія особенностей сѣверно-великорусскихъ говоровъ примѣромъ такого ударенія въ говорахъ Покровскаго и Шуйскаго у. Владимірской губ., Петрозаводскаго и Вытегорскаго Олонецкой, Буйскаго Костромской Кадниковскаго Вологодской и Алатырскаго Симбирской, служитъ именно сочетаніе «въ рѣку́» (Извѣстія I, стр. 340, 345, 351, 551; 253, 266, 275). То-же для Тобольской, губ., гдѣ впрочемъ говорятъ и «въ рѣку» (560). Любопытно что въ Петрозаводскомъ у. говорится при этомъ *сви́нью* (но и *свинью́*): это слово, какъ означающее одушевленный предметъ, не подлежитъ энклизѣ, по крайней мѣрѣ, въ прозѣ да и по смыслу едва-ли входило въ какую нибудь формулу.

Въ древне-русскомъ языкѣ, какъ до сихъ поръ въ сербскомъ, существительныя разряда «вода́» кромѣ винительнаго образовали еще одинъ падежъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ,—дательный, который впослѣдствіи подчинился аналогіи мѣстнаго. Такъ въ стихахъ Бояна или какого-нибудь другого старѣйшаго пѣснотворца, сохраненныхъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ:

Тяжко ти, головѣ, || кромѣ плечю,
Зло ти, тѣлу, || кромѣ головы,

а потому, можетъ быть, и въ прибавкѣ автора Слова:

Русьской земли || безъ Игоря,

хотя въ соединеніи съ предшествующимъ прилагательнымъ существительное могло слѣдовать инымъ законамъ.

Такъ-же

Велить послушати земли || незнаемѣ

и, вѣроятно, съ энклизой, какъ «на́ землю̀»:

То ростѣкатеть ся мыслью (?) || по дереву,
Сѣрымь вълкъмь || по земли,
Шизымь орьлъмь || подъ оболокы.
Тъй бо Ольгъ || мьчьмь крамолу || коваше(ть)
И стрѣлы по земли || сѣяше(ть).

Можетъ быть, есть у насъ и еще примѣръ изъ памятника старой записи — дат. п. имени *Москва*, если оно имѣло нѣкогда подвижное удареніе, какъ можно подозрѣвать на основаніи энклитическаго «за́ Москву», употребительнаго до сихъ поръ. «Къ Москвѣ» въ пѣсняхъ, записанныхъ въ началѣ XVII в. для Ричарда Джемса, встрѣчается дважды, въ 3-ей и въ 4-ой, и, такъ какъ усѣченному былевому стиху ни въ этомъ собраніи, ни вообще (см. Извѣстія I, стр. 32) не свойственно стяженіе 3-го и 4-го слоговъ отъ конца, стихи, въ которыхъ находится этотъ дат. пад., остается читать такъ:

Что едетъ къ Москвѣ || измѣнникъ.
А что едетъ къ Москвѣ || ростριга.

Косвеннымъ подтвержденіемъ такому ударенію служитъ встрѣчающійся въ обѣихъ пѣсняхъ примѣръ мѣстнаго падежа «на Москвѣ», въ которомъ ритмъ требуетъ ударенія или на первомъ слогѣ имени или, что̀ свидѣтельствуетъ о томъ-же, на предлогѣ. Послѣднее вѣроятнѣе, а потому мы такъ и размѣтимъ:

Сплачетца на Москвѣ || Царевна (3 «А сплачетца—4).

Третій примѣръ во всякомъ случаѣ допускаетъ то-же удареніе:

А еще есть на Москвѣ семьдесять || Апостоловъ (6).

Предположивъ удареніе «на Москвѣ», мы сократимъ приступъ до трехъ слоговъ, но ритмическое удареніе, правда, третьестепенное упадетъ все-таки не на послѣдній слогъ имени, а на первый. Четвертый примѣръ

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося

также не исключаетъ ударенія на первомъ слогѣ. Такое удареніе въ мѣстномъ падежѣ можно объяснить только смѣшеніемъ, противоположнымъ тому, вслѣдствіе котораго дательный получилъ удареніе мѣстнаго.

Никакихъ подозрѣній ни со стороны метрики, ни съ точки зрѣнія языка не внушаетъ къ себѣ слѣдующій стихъ въ былинѣ «Василій Буслаевъ молиться ѣздилъ»:

И лежать будетъ головѣ || Васильевой (170).

То-же удареніе найдемъ и въ другомъ стихѣ этой былины, устранивъ нарушающее размѣръ слово:

Гдѣ лежитъ || пуста голова,
Лежать [будетъ] и Васильевой || головѣ.

Предпочтетъ-ли кто возстановить размѣръ посредствомъ исключенія союза «и» или путемъ перестановки «головѣ Васильевой» или же такой: «И лежать будетъ» удареніе слова «головѣ» останется все то-же. Но въ мѣстномъ падежѣ, конечно,

А бьюсь о своей || буйной головѣ (191).

Два такихъ примѣра обоихъ падежей даетъ у Кирши слово *середа* (т. е. средняя часть пола въ противоположность къ подлавечью), употребляемое въ формулѣ

Полъ-середа || одного серебра (124 дважды=159).

Въ пѣснѣ о Терентьищѣ оно встрѣчается трижды, причемъ мѣстный падежъ подъ вліяніемъ предлога *среди* или по новгородскому выговору написанъ съ *и* вмѣсто *ѣ*:

Середа была кирпичная;
А на середи кроватка стоитъ (14).
Походи-ко, Терентьище,
По своей свѣтлой гридни
И по середи кирпищатой (20).

Только при ударенiи на первомъ слогѣ могла возникнуть энклиза въ сочетанiи «пó щекѣ», которое, какъ показываютъ ниже слѣдующiе примѣры, вошло въ эпическiй языкъ въ качествѣ формулы, унаслѣдованной, конечно, отъ пѣвцевъ прежнихъ поколѣнiй:

А Марину она по щекѣ || ударила (69).
Ударилъ онъ дѣвицу || по щекѣ (95).
Била (она) || ее по щекѣ (149).
Била (она) || меня по щекѣ (151).
А бѣй ты бабу || . . . . . по щекѣ (365).

Во всемъ сборникѣ Кирши привычное намъ ударенiе встрѣчается только въ пѣснѣ «Кто Травника не слыхалъ»:

И Семенъ Травника по щекѣ (416). [50]

У Сахарова мѣстный падежъ въ самомъ началѣ пѣсни, очевидно, старинной:

---

50) За этимъ слѣдуетъ:

Господинъ по другой сторонѣ.

Ср. нѣсколько выше совершенно такъ-же построенные стихи:

А Семенъ Травника не взлюбилъ,
Господинъ Травника не взлюбилъ.

Какъ во городѣ было || во Суздалѣ,
Во Ефимьевой славной || слободѣ (214, 1).

У Кирши есть для этого смѣшенія въ пользу дательнаго и еще примѣръ, который приведемъ вмѣстѣ съ предшествующимъ ему стихами (у Калайдовича — двумя) ради провѣрки ритмическихъ удареній:

Безвремянной молодецъ!
Ты забылъ за быстрой рѣкой
Два друга сердечные,
Два остра ножа булатные,
На чужой дальной сторонѣ
Оборона великая (297).

Сравни еще въ той-же пѣснѣ:

Поѣхалъ доброй молодецъ
На чужу дальну сторону (296),

что̀ дѣлаетъ удареніе «дальнóй сторонѣ́», и безъ того, кажется, необычное, окончательно невѣроятнымъ.

Не только *Москва*, но, вѣроятно, и *Вологда* склонялось прежде какъ *слободá*, *чередá* и т. п. Вологжане называютъ свою родину *Вóлогдою*, но у Кирши въ пѣснѣ о Щелканѣ она зовется *Вологдóю*:

Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ (32=34).

Господствующій размѣръ этой пѣсни состоитъ изъ трехъ тактовъ въ $^2/_4$, но тамъ и сямъ встрѣчаются стихи въ два такта.

Второй изъ приведенныхъ стиховъ можно прочесть и въ три такта—

Гордѣя къ Вологдѣ —,

причемъ на слогъ «Во-» упадетъ главное ритмическое удареніе и съ тѣмъ вмѣстѣ получится во́логодское (какъ говорятъ Вологжане) или вологóдское (какъ говорятъ многіе уроженцы другихъ мѣстностей) произношеніе «Во́логдѣ»; по прозаически неударяемые третьи слоги отъ конца въ двухъ остальныхъ стихахъ исключаютъ для нихъ возможность такой ритмизаціи; а такъ какъ всѣ три стиха относительно и смысла и грамматики и значенія въ разсказѣ построены совершенно одинаково, то одинаковъ долженъ быть и ихъ размѣръ. И такъ *Во́логда* и *Вологда́*, а первоначально, можетъ быть, им. *Вологда́*, род. *Вологды́*, дат. *Во́логдѣ*, вин. *Во́логду*, зват. *Во́логдо*, твор. *Вологдо́ю*, мѣстн. *Вологдѣ́*. Отсюда и двойственность ударенія въ прилагательномъ. Прилагательное отъ имени *Вы́чегда* мы, не тамошніе, произносимъ съ удареніемъ на *о* — «вычегóдскій» и такъ-же «Соль-Вычегóдскъ»; любопытно было бы узнать мѣстное удареніе въ этихъ словахъ равно, какъ и въ прилагательномъ отъ *Су́догда*. Припомнимъ, что, какъ мы видѣли на стр. 480 сл., удареніе им. ед. по вин. ед. въ такихъ словахъ свойственно именно сѣвернымъ говорамъ, и не только въ 2-сложныхъ, но и въ болѣе длинныхъ, какъ *ско́ворода*, напр. въ Олонцѣ и въ Кадниковскомъ у. Вологодской губ. (Изв. II 239 и 266, и это удареніе очевидно древнѣе, чѣмъ упоминаемое тамъ-же стр. 239 и 253 *сковоро́да*, возникшее по аналогіи мн. ч. *сковоро́ды*, которое въ свою очередь обусловлено аналогіей мн. ч. словъ не полногласныхъ, какъ *стреко́зы*).

Въ словахъ на *-ота* я не помню никакихъ непривычныхъ намъ удареній, но ихъ можно ожидать при подвижности ударенія въ *высота́* — им. *высо́ты*, дат. *высота́мъ* (*высо́тамъ* уже по аналогіи им. п.) и т. п. Слово *сирота́* образуетъ мн. ч. даже двояко: *сиро́ты* и, по-южному, *си́роты*, и послѣднее какъ будто

древнѣе, судя по сербскому *сиро̀та̄* — мн. *сѝроте* (род. мн. *сиро̀та̄а*), съ чѣмъ можно сравнить наше plurale tantum *хло́поты* при род. *хлопо́тъ* (слѣдовательно ж. р.), дат. *хлопота́мъ* и т. д. На какое-то колебаніе въ удареніи указываетъ *суббо́та* (вѣрнѣе *субо́та*, серб. *су̀бо̄та* — церк. сѫбота вмѣсто греч. σάββατα, множ. отъ σάββατον, въ которомъ *о* второго слога свидѣтельствуетъ объ отсутствіи ударенія на немъ въ первое время по заимствованіи (см. мои «Нѣсколько замѣчаній къ греческой фонетикѣ Бругмана» въ Харьковскомъ Сборникѣ Историко-Филологическаго Общества за 1895 г., примѣч. 23). Вѣроятно, удареніе сохранялось тогда еще на томъ слогѣ, гдѣ оно было въ греческомъ первообразѣ; впослѣдствіи оно продвинулось впередъ подъ вліяніемъ словъ, какъ *рабо́та* (серб. *ра̀бо̄та*). По-русски почти всѣ существительныя на *-ота*, произведенныя не отъ прилагательныхъ или параллельныхъ съ ними существительныхъ, какъ *краса́* при *красный*, имѣютъ именно это удареніе: *лъг-о́та*, *зѣв-о́та*, *рв-о́та*, *блево́та*, *по-тяг-о́та*, *лом-о́та*, *ик-о́та*, *перх-о́та* и т. п. вмѣстѣ съ неясными *забо́та* и *охо́та*; но *чисто-та́* (серб. *чисто̀та̀*), *красо-та́* и т. д. Однако *хрип-о́та* и *хрипота́*, а отъ прилагательнаго — *мокро́та* = Schleim и *мокрота́* = мокрядь, и безъ колебаній *пѣхо́та* (при *пѣшій*), западное *страхота́*, отъ глагола *могота́* («не въ моготу̀»), *тяг-ота́* (серб. *тего̀та̀*). Въ малорусскомъ: *тісно́та* (при *тісний*), *бідо́та* (при *бідний*), *гидо́та* (при *гидкий*) и т. п. Какъ сербскій, такъ и словенскій языкъ свидѣтельствуютъ за удареніе на *-та́*: strahȍ̂ta. Въ виду этихъ колебаній долгота въ чеш. lhůta едва-ли произошла изъ восходящаго ударенія: скорѣе она служитъ признакомъ переноса ударенія съ конца. Если мы примемъ въ расчетъ, что большинство словъ на *-та* (*-ота*) по своему смыслу не могло употребляться во множ. ч., трудно найти иной исходъ изъ этихъ противорѣчій кромѣ предположенія и здѣсь склоненія, подобнаго склоненію разряда «вода́»: *чистота́*, дат. **чисто́тѣ*, вин. **чисто́ту*, зват. *чисто́то*. Мѣсто передвинутаго ударенія не на корневомъ слогѣ, а на предшествующемъ суффиксу *-та* опредѣляется удареніемъ множе-

ственнаго числа, и такъ было, вѣроятно, во всѣхъ искони трехсложныхъ словахъ на *-á* (*-я́*) съ подвижнымъ удареніемъ, какъ *осокá* (малор.), дат. *осо́ць* вин. *осо́кѫ* (откуда великорусское и отчасти малорусское *осо́ка*), *острогá*, дат. *остро́зѣ*, вин. *остро́гѫ* и, въ смыслѣ шпоръ, дв. *остро́зѣ*, какъ малор. *но́зі*, серб. род. дв. *но́гу* (ср. серб. *о̀стро̀га*). Можно думать, что удареніе это было въ общеславянскую эпоху нисходящимъ, какъ въ типѣ «во́ду», но впослѣдствіи слова съ плавной въ первомъ или второмъ слогѣ отчасти подчинились аналогіи праславянскихъ 2-сложныхъ съ *ор-*, *ло* въ первомъ слогѣ, откуда *сло́боду*, *жа́лобу*, *си́роты*[51]), также, можетъ быть, *хло́поты* и болг. *ра́бота* (если это удареніе не перенесено со слѣдующаго слога, именно потому, что тамъ оно было нисходящее), а изрѣдка склонялись по той-же парадигмѣ и слова на *-та*, откуда наше сѣверное *па́хота* (Извѣстія 560) при *пахотá* и т. п. Что-же касается постояннаго и въ нѣкоторыхъ случаяхъ древняго ударенія *-о́та*, то оно могло зависѣть отъ частаго употребленія данныхъ словъ во мн. ч., какъ *рабо́ты*, *забо́ты* и, можетъ быть, *сѫбо́ты* въ соотвѣтствіе греческому *σάββατα* (какъ и по латыни sabbata уже у Горація Sat. I, 9, 69); въ великорусскихъ на *-о́та* бросается въ глаза преобладаніе словъ, означающихъ болѣзненныя и вообще физіологическія явленія, что̀ наводитъ на мысль объ аналогіи какихъ-нибудь близкихъ по смыслу pluralia tantum. Впрочемъ этотъ вопросъ выходитъ уже изъ области не только русскаго стихосложенія, но и русскаго языка.

Изъ существительныхъ на *-и́на* легко переставляютъ свое удареніе на первый слогъ *кали́на* и *мали́на*, именно въ припѣвахъ и, по аналогіи, вообще тамъ, гдѣ они являются въ видѣ не реальныхъ предметовъ, а поэтическаго украшенія въ началѣ пѣсни, напр.

Никогда наша Катюша || не загуливала.

---

51) Но отъ *колбасá* мн. *колба́сы*—не потому-ли, что это слово принадлежало къ разряду «слеза́», какъ *вьдовá*?

Охъ и калина моя, || да охъ, и малина моя [52])

и т. д. съ «Охъ—» послѣ каждаго стиха.

На горѣ-то калина, || на горѣ-то калина, [53])
На горѣ-то сиротина калина.

Впрочемъ удареніе *ка́лина* и *ма́лина* въ послѣдней пѣснѣ такъ-же мало доказательно, какъ въ малорусской

Калино, малино, || чогось почорніла,

потому что и она, вѣроятно, вслѣдствіе примѣненія къ ней чуждаго напѣва, сдѣлалась теперь силлабической. Но такое удареніе этихъ двухъ словъ не стоитъ и вообще ни въ какой связи съ дѣйствительной рѣчью.

Гораздо естественнѣе переходъ ударенія на послѣдній слогъ, напр.

Шелъ Ванюша долиной || ко Дуняшѣ вдовиной

или

Шелъ Ванюша долиною, || чужою межою,

гдѣ *долина́* не только извиняется аналогіей многочисленныхъ существительныхъ на *-ина́*, между которыми есть и прямо *долина́*, (=длина) но можетъ быть просто діалектическимъ произношеніемъ, какъ *судьбина́*, отмѣченное въ Петрозаводскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи (Извѣстія I, 345). Но едва-ли такое удареніе можно найти въ строгомъ эпосѣ.

Не переносятъ ударенія трохаическія слова ж. р. на -ѣ въ род. мн., какъ можно заключить изъ стиховъ

Калена стрѣла || семи четвертей (94)
Калену стрѣлу || семи четвертей (217).

52) Съ точки зрѣнія напѣва было бы вѣрнѣе замѣнить вездѣ краткость посредствомъ долготы и разбить каждый тактъ на два.

53) Въ напѣвѣ слогъ «-рѣ» протягивается на $^1/_8$, а «то» на столько-же сокращается.

Такъ-же, вѣроятно, въ стереотипномъ второмъ полустишіи о лебедяхъ (ж. р.: «лебедь бѣлая»):

И стрѣляетъ гусей, || бѣлыхъ лебедей (25 ср. тамъ-же, 213, 216 дважды, 220, 228, 229),

хотя по размѣру возможно было бы и «бѣлы́хъ лебеде́й»; но «ле́бедей» поютъ современные сказители, и удареніе «че́твертей» поддерживаетъ ихъ свидѣтельство. Однако въ пѣснѣ «У Спаса къ обѣднѣ звонятъ», по видимому, московской, размѣръ заставляетъ читать

Много гусей, лебедей (408).

Если мы, уроженцы средней Россіи говоримъ часто *ле́бедей*, то лишь потому, что это слово перешло у насъ въ мужескій родъ, а для женскаго въ косвенныхъ падежахъ мн. ч. кромѣ вин. п. переносъ ударенія на гласную основы намъ обязателенъ. Державинъ, хоть и сѣверянинъ по языку, однако сказалъ даже

Скрижаль заповѣдей святыхъ (Изображеніе Фелицы, строфа 9).

Мы, Москвичи, говоримъ *за́повѣдей* и съ тѣмъ-же удареніемъ произносимъ всѣ косвенные падежи мн. ч., кромѣ вин., отъ словъ на *-остъ* (но, конечно, *косте́й*, *волосте́й* и пр.), въ томъ числѣ и на *-ностъ,* чему слѣдуетъ и большинство Русскихъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ образованныхъ, которые склоняютъ «древносте́й, древностя́мъ» и т. д., не отваживаясь впрочемъ не только на *радосте́й* и *гадосте́й*, но, кажется, и на *мѣстносте́й*, хотя многіе говорятъ *скоросте́й*, *плоскосте́й* и всѣ—*крѣпосте́й*. Какъ бы то ни было, неподвижность ударенія въ словахъ ж. р. на *-ъ* есть явленіе позднѣйшее, основанное на аналогіи. Многія односложныя и до сихъ поръ переносятъ удареніе не только въ косвенныхъ падежахъ мн. ч., а и въ мѣстномъ ед. («на Руси́», но «по Ру́си», въ чемъ образованные, даже народ-

ники, подъ часъ путаются»); но и нѣкоторыя двухсложныя сохраняютъ у простонародья, хоть не вездѣ, удареніе на послѣднемъ слогѣ того-же падежа: *на памятѝ*, *въ осенѝ*, а на югѣ и твор. *осенью̀*; да и въ Москвѣ часто слышно *на лошадѝ*, *на площадѝ*, какъ на Сѣверѣ (Извѣстія II 238, 253, 266). Сербы иначе не склоняютъ какъ нар. «па́меет, па́меети, у памеѐтѝ», «ста́роост, ста́рости, у староѐстѝ». Сюда-же относятся, можетъ быть, первоначально мѣстные падежи *пятѝ*, *шестѝ*, *семѝ*, *осьмѝ*, *девятѝ*, *десятѝ* и т. д. Удареніе на первомъ слогѣ такихъ словъ было того-же качества, какъ въ формахъ *во́ду*, что̀ показываетъ энклиза при предлогахъ: «за́ ночь», «до́ смерти», «на́ десять», но не въ двухсложныхъ существительныхъ кромѣ *че́тверть* вслѣдствіе сродства этого слова, съ числительными: «на́ четверть», «бе́зъ четверти», что̀ не помѣшало такому-же образованію *треть* утратить способность къ энклизѣ.

Если бы мы вздумали подвести итоги современному употребленію, пришлось бы остановиться приблизительно на слѣдующихъ правилахъ. Изъ односложныхъ словъ переставляютъ удареніе съ корня 1) въ мѣстномъ п. ед. ч. и въ косвенныхъ (кромѣ вин.) падежахъ мн. ч. *кость, соль, часть* (= полицейскій участокъ), *грязь*, *тѣнь*, *шерсть*, *горсть*, *мѣль* (пишутъ «мель»), *жердь*, *грудь, рѣчь*, *ночь*, *зыбь*, *клѣть*, *бровь*, *кровь*, *связь*, *смѣсь*, *дверь*, *плѣшь*, *цѣпь*, *печь*, *степь*, *ось, трость* (не всегда) и въ мѣстномъ ед. ч. не имѣющія множественнаго *рысь* (родъ аллюра), *пыль*, *честь, корь*, *плоть*, *сталь* (не всегда), *глубь*, *глушь*, *тишь*, *даль, крѣпь*, *новь*, *старь*, *мѣдь*, *земь*, и *близь* (только съ предлогами), *Русь, Тверь, Пермь* и др., списокъ которыхъ было бы желательно довести до совершенной полноты, какъ и слѣдующихъ категорій; 2) только въ косвенныхъ падежахъ мн. ч. *часть* (= pars), *кисть*, *вѣсть*, *масть*, *сѣнь* (въ ед. ч. — цркcл.), *б...ь* (meretrix), *дробь*, *пясть*, *треть*, *мышь*, *вещь*, *снасть*, *сласть, страсть*, *власть*, *смерть*, *полсть*, *десть*, *скорбь* (впрочемъ, кажется, и *въ дестѝ*, *въ скорбѝ*). Не переносятъ ударенія односложныя *рысь* (lynx), *быль*, *боль*, *жизнь*, *казнь*, *лань*, *выпь*,

хлябь, *кадь*, *рать*, *тварь*, *топь*, *цѣль*, *дань*, *дебрь* и др., изъ которыхъ многія употребляются только въ ед. ч., каковы *пасть* (хотя возможенъ им. и вин. *па́сти*), *грусть*, *жесть*, *лесть*, *моль*, *месть*, *боязнь*, *рознь*, *смѣсь*, *хворь*, *лѣнь*, *дурь*, *голь*, *блань*, *дичь*, *слизь*, *гладь*, *чушь*, (вмѣсто «чужь»), *чернь*, *гарь*, *рѣзь*, *течь*, *дрянь*, *дрань*, *вонь*, *мразь*, *хлупь*, *бязь*, *знать*, *суть*, *шваль*, *злость*. Изъ двухсложныхъ переносятъ удареніе во мн. ч. трохаическія простыя, т. е. не содержащія въ себѣ ни предлога, ни суффикса, сознаваемыхъ въ качествѣ отдѣльныхъ отъ корня частей, напр. *во́лость*, *мѣлочь*, *зе́лень* (со второобразнымъ имен. мн. *зеленя́* м. р.), *сте́пень* (откуда, вѣроятно, и *ступе́нь* образуемъ не только *ступе́ней*, но и *ступене́й*). Впрочемъ даже отъ сложнаго *по́-да-ть* род. мн. *подате́й*, дат. *податя́мъ* и т. д. Удареніе прочихъ словъ ж. р. на *-ь* неподвижно, по крайней мѣрѣ, въ литературномъ языкѣ, однако не безъ исключеній; такъ, не смотря на *за́повѣдей*, мы говоримъ *проповѣде́й* — почему? должно быть, только потому, что первое изъ этихъ двухъ словъ чуждо просторѣчію, а къ ударенію такихъ словъ мы обыкновенно относимся осторожнѣе. Въ языкѣ грамотныхъ число такихъ заимствованій изъ церковно-славянскаго, а также искусственныхъ образованій значительно больше, — зато больше словъ съ неподвижнымъ удареніемъ. Для исторіи словъ ж. р. на *-ь* важны слѣдующія данныя: 1) всѣ слова съ подвижнымъ удареніемъ, особенно въ мѣстномъ пад. ед. ч., употребительны въ просторѣчіи, въ которомъ они, по всей вѣроятности, были бы гораздо многочисленнѣе, если бы ощущалась надобность для обихода въ образованіи отъ нихъ мѣстнаго пад. ед. ч. и всѣхъ или хотя нѣкоторыхъ падежей мн. ч., напр. *высь*, *ширь*, *мочь*, произведенныя впрочемъ совершенно такъ-же, какъ упомянутыя выше *даль* (въ дали́), *тишь* (въ тиши́), *рѣчь* въ рѣчи́, рѣче́й) и т. п., или *часть*, съ которой въ смыслѣ хотя-бы отдѣла сочиненія простолюдину нечего дѣлать, тогда какъ ему хорошо извѣстно, что̀ значитъ «сидѣть въ части́»; 2) даже тѣ слова, которыхъ удареніе въ языкѣ образованныхъ неподвижно, а въ

просторѣчіи, по крайней мѣрѣ, неясно, переставляютъ его въ опредѣленныхъ соединеніяхъ, какъ «дѣло теперь на мазú»; 3) многія слова изъ переносящихъ удареніе въ мѣстномъ пад. ед. ч. и отчасти во мн. ч. подлежатъ въ формахъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ энклизѣ послѣ предлоговъ, что̀ указываетъ на исконную подвижность ударенія: *зá соль*, *пó грязи*, *пó шерсти*, *нá мѣль*, *зá груди*, *нá (зá) ночь*, *нá брови*, *úз-дали*, *нá (ó) земь*, *дó крови*, *нá (зá, óбъ, пóдъ) дверь (зá двери)*, *пó плѣши*, *нá (зá)* цѣпь («И днемъ и ночью котъ ученый Все ходитъ *пó цѣпи* кругомъ» Пушкинъ, прологъ Руслана и Людмилы), *нá (зá, пóдъ) печь*, *пó степи*, *нá (пóдъ) лошадь*, иногда *óтъ части*, всегда *нá смерть*, *дó смерти*, *прú смерти* (но въ томъ-же мѣстномъ пад. *по смéрти*, потому что это формула книжная), кромѣ того пѣсенное *дó люби* (кого пожаловать) и т. п. Малороссы сохранили подвижность ударенія въ словахъ этого рода слабѣе, чѣмъ Великороссы, однако въ мѣстномъ пад. ед. ч. отъ *ніч*, *тінь*, *бров*, *кров*, *двірь*, *піч*, *вісь* (род. *óси*) и др. еще слышится мѣстами удареніе на концѣ, также во мн. ч. *ночúй*, *ночáм* и т. д. Не слѣдуетъ забывать, что многія изъ относящихся сюда словъ замѣняются въ малорусскомъ языкѣ другими словами или, по крайней мѣрѣ, образованіями, какъ *частúна*, *жéрдка*, *степ* и *пич* м. р., *грýди* (мѣстн. п. *на грýдих*) только во мн. ч. Что касается сербскаго, то о двухсложныхъ словахъ было уже сказано, а доселѣ употребительныя односложныя еще не утратили подвижности ударенія: *кóост*, род. *кóсти* — род. мн. *кòстӣи* и *кòстӣјуу*, *нóоћ* род. *нóћи*—мѣстн. *нòћӣ*, *чáаст* род. *чáсти*—мѣстн. *чàстӣ*, *рӣјеч* (*рӣич*, рéеч) род. *рӣјечи (рӣичи, чéчи)*—мѣстн. *риjѐчи* род. мн. *риjѐчӣи;* но *зéлеен* и другія производныя отъ корней прилагательныхъ ударенія не перемѣщаютъ. Если при всемъ этомъ мы примемъ въ расчетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что — за рѣдкими исключеніями въ родѣ нашего новаго мн. ч. м. р. на *-á (-я́)* — удареніе все болѣе теряетъ свою подвижность, а никакъ не наоборотъ, слѣдуетъ предполагать, что чуть не всѣ существительныя ж. р. на *-ь* разнообразили мѣсто своего ударенія

по падежамъ. Но въ выборѣ этихъ падежей, какъ и самыхъ словъ, отличающихся этой способностью, отдѣльные славянскіе языки, какъ видно, разошлись. Въ русскомъ языкѣ, если мы ограничимъ свое изслѣдованіе на самомъ дѣлѣ употребительными въ безыскусственной рѣчи образованіями, мы замѣтимъ прежде всего, что, какъ уже было сказано, переносятъ удареніе тѣ слова, которыя народное сознаніе признаетъ простыми, хотя при этомъ оно, конечно, иногда ошибается. Ближайшее изученіе русскаго языка по его говорамъ, вѣроятно, еще болѣе подтвердитъ это правило. Сложныя съ удареніемъ на первомъ слогѣ, какъ *по́-честь, за́-водъ, и́з-городъ, о́-чередь*, ударенія не переносили; *про-по-вѣде́й, по-да-те́й, по-вѣс-те́й* — удареніе позднѣйшее, а въ старину оно было таково, какъ напр. въ слѣдующемъ стихѣ:

Трудныхъ повѣстій ‖ о пълку Игоревѣ

и въ пѣсенномъ *че́твер-те́й* и даже *ле́б-еде́й*, куда такое дѣленіе могло быть перенесено съ формы *ле́бядь* (ср. *лебя́жій*), истолкованной народомъ какъ *мо́кр-ядь, пло́щ-адь, ле́щ-адь, ло́шадь* (отъ тюрк. *алаша́*). Впрочемъ эта аналогія могла дѣйствовать только спорадически, потому что напр. *ло́шадь* и *пло́щадь*, какъ видно изъ ударенія ихъ мѣстнаго пад. ед. ч., во всякомъ случаѣ большинству русскихъ казались несложными словами. Къ разряду словъ *высь, ширь, глубь* и т. п. принадлежатъ *задь, передь* и *середь*, сохранившіяся лишь въ видѣ нарѣчій: *с-за́ди, с-переди* (род. п.) — *на-(по-)зади́, в-(на-)переди́, (по-)середи́* (мѣстн. п.). Въ древности удареній этихъ словъ нельзя сомнѣваться именно въ силу того условія, что, вышедъ изъ употребленія въ качествѣ самостоятельныхъ реченій, они вмѣстѣ съ тѣмъ освободились отъ вліянія парадигмы склоненія такихъ-же образованій.

Въ заключеніе этого отдѣла считаю своимъ долгомъ по возможности оправдаться передъ читателемъ въ томъ, что чрезмѣрно удлинилъ свое изложеніе лингвистическими подробностями и даже догадками, не будучи вдобавокъ славистомъ. Да

послужитъ мнѣ извиненіемъ то обстоятельство, что, пустившись въ эти частности, не стоящія иногда въ непосредственной связи съ предметомъ изслѣдованія, я имѣлъ въ виду двоякую цѣль: 1) приготовить разомъ почву для дальнѣйшихъ своихъ разысканій въ области русскихъ удареній, чтобы впредь не повторять одного и того-же, и 2) обратить вниманіе спеціалистовъ на исторію русскаго ударенія, для которой до сихъ поръ сдѣлано довольно мало.

Ѳ. Коршъ.

[illegible]

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ.
ТОМЪ II, ВЫПУСКЪ 6-Й.

Л. Ильинс

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Ѳ. Е. Коршъ.

ИЗДАНІЕ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1909.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1909 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Издателю было, разумѣется, хорошо извѣстно, что тѣ стихи, которые служатъ матеріаломъ научному изслѣдованію, должны быть ради ссылокъ размѣчены цифрами: 5—10—15—20 и т. д., но какъ по новости дѣла, такъ и вслѣдствіе продолжительности печатанія, нѣсколько разъ прерывавшагося, дѣленіе текста на стихи могло установиться лишь мало по малу, а потому и своевременная размѣтка стиховъ оказалась дѣломъ невозможнымъ. Позже, когда печатаніе текста пришло къ концу и насталъ чередъ изложенія тѣхъ данныхъ, на которыхъ основаны особенности помѣщаемой ниже рецензіи этого текста, явилась необходимость числового обозначенія стиховъ. И такъ читатель прежде, чѣмъ приступитъ къ ознакомленію съ предварительными замѣтками, если не приметъ на себя скучный трудъ разстановки соотвѣтствующихъ цифръ при каждомъ пятомъ стихѣ въ своемъ экземплярѣ, благоволитъ пользоваться слѣдующимъ указателемъ стиховъ:

5. Начяти же ся тъи пѣсни.
10. Сѣрымь влъкъмь по земли.
15. Которое (кыи) дотечяшеть.
20. Передъ пълкы касожьскыми.
25. На живыѣ струны въскладашеть.
30. Иже истягну умь крѣпостію.
35. Тъгда Игорь възьрѣ на свѣтьлое сълньце.
40. Луче же [бы] потяту быти, неже полонену быти.
45. И жялость ему знаменіе заступи.
50. А любо испити шеломъмь Дону.

55. Съвпвая, соловію, оба полы сего веремене.
60. Черес поля широкая.
65. Звьнить слава въ Кыевѣ.
70. Одпнъ братъ, одпнъ свѣтъ, свѣтлый ты, Игорю.
75. А мои ти Куряне съвѣдоми къметіе.
80. Яругы имъ знаемы.
85. Тъгда въступи Игорь кънязь въ золотъ стремень.
90. Дивъ клпчеть вьрху дерева.
95. А Половьци неготовами дорогами.
100. Уже бо бѣды его пасеть пътиць по дубію.
105. Дълго ночь мьркнеть.
110. Русичи поля великая.
115. И россушя ся стрѣлами по полю.
120. Начяшя мосты мостити.
125. Хоробьрому Святославичу.
130. Къза бѣжить сѣрымь вълкъмь.
135. Хотять прикрыти четыри сълнця.
140. Ту ся саблямъ потручяти.
145. Вѣють съ моря стрѣлами.
150. И отъ вьсѣхъ сторонъ.
155. (Крѣпъко) стопши на борони.
160. Тамо лежять поганыѣ.
165. Кая ра(ть)ны(мъ) дорога?
170. (И) своеѣ милыѣ хоти, красьныѣ Глѣбовьны.
175. Ольга Святославичя.
180. Тъй же звонъ слыша(шеть).
185. Бориса же Вячеславичя.
190. Съ тоѣ же Каялы Святопълкъ.
195. Сѣяшеть ся и ростяшеть усобицями.
200. Нъ часто врони граяхуть.
205. А сицеѣ рати не слышано.
210. Трѣщать копія харалужьная.
215. А кръвію (была) поліяна.
220. Жяль бо ему мила брата Вьсеволода.
225. На березѣ быстрыѣ Каялы.
230. А дерево съ тугою къ земли приклонило ся.
235. Въсплѣскала лебедиными крилы на синѣмь мори у Дону плѣщючи.

240. И начяшя кънязи про малое.
245. О, далече заиде соколъ.
250. Смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ.
255. А золота и серебра.
260. Печяль жирьна утече.
265. Емляхуть дань по бѣлѣ отъ двора.
270. Отьць ихъ Святославъ.
275. Притопъта хълмы и яругы.
280. Яко вихъръ вытърже.
285. Кають къпязя Игоря.
290. А въ седьло кощіево.
295. Чьрпахуть ми сине вино.
300. Уже дъскы безъ кнѣса.
305. Бѣшя (изъ) дьбри (съпесли ся н)а ню.
310. Съ отьня стола золота.
315. А самую опуташя въ путины желѣзьны.
320. Тьмою ся поволокоста.
325. Уже съпесе ся хула на хвалу.
330. Звоня(чѣ) Русьскымь золотъмь.
335. Изрони золото слово (съ) сльзами съмѣшено [и рече].
340. Не чьстью бо кръвь поганую проліяста.
345. А уже не вижю волости.
350. И съ Шельбиры и съ Топъчякы.
355. Нъ рекоста: «Мужяимъ ся сами.
360. Высоко пътицѣ възбиваеть.
365. Се у Римова кричять подъ саблями Половьчьскыми.
370. Отьня золота стола поблюстъ?
375. Живыми шереширы стрѣляти.
380. Не ваю ли бързая комони.
385. Въступита, господина, въ золотъ стремень.
390. Высоко сѣдиши на своемъ столѣ золотокованѣмь.
395. Мечя беремена через оболокы.
400. Салътаны за землями.
405. А ты, буи Романе и Мьстиславе!
410. Суть бо у ваю желѣзьни паворози.
415. Сулицѣ своѣ повьргошя.
420. А дерево не бологъмь лиственіе сърони.
425. И зоветь къпязѣ на побѣду.

430. (Нъ) не побѣдьными жеребіи.
435. Своими остьрыми стрѣлами.
440. Къ городу Переяславлю.
445. Позвони своими остьрыми.
450. Притрепанъ въ поли (незнаемѣ) мечи Литъвьскыми.
455. Не бысть ту брата Брячислава.
460. Унылы голосы, помпнаючѣ и.
465. Уже бо (вьси вы) выскочисте изъ дѣдьнѣѣ славы.
470. Пьрвое) бѣше насиліе.
475. Тъ(гда) клюками подъпьръ ся окони.
480. (Ускочивъ,) обѣси ся синѣ мьглѣ.
485. На Немизѣ снопы стелють головами.
490. Не бологъмь бяхуть посѣяни.
495. Изъ Кыева дорыскашеть.
500. Аже и вѣщя душя въ дьрзѣ тѣлѣ.
505. Ни пътицю(, ни звѣрю, ни) г[ор]а[з]ду.
510. Того старого Володимѣра.
515. Кое се поють надъ нами?
520. Утьру кънязю кръвавыѣ его раны.
525. Чему, господине, насильно вѣеши?
530. Горѣ подъ оболокы вѣяти.
535. «О Дънѣпьре словутичю!
540. Абыхъ не сълала къ нему.
545. Вьсѣмъ тепьло и красьно еси.
550. Идуть смьрчи мьглами.
555. Погасошя вечеру зорѣ.
560. Овлуръ свиснy за рѣкою.
565. А Игорь [кънязь] поскочи гърностаемь къ тръстію.
570. И полетѣ соколъмь подъ мьглами.
575. Труся собою студеную росу.
580. А Русьсцѣи земли веселія».
585. На своихъ серебьреныхъ березѣхъ.
590. Чаицями на вѣтьрѣхъ.
595. Уношю кънязю Ростиславу.
600. По уноши кънязи Ростиславѣ.
605. Тъгда вороніі не граяхуть.
610. Путь къ рѣцѣ (има) кажють.
615. Своими золочеными стрѣл(ък)ами.

620. «Аже его опутаевѣ красьною дѣвицею.
625. Рекъ (у)бо я(зъ) ны(нѣ ся,) худыи.
630. Хоти тяжько ти, головѣ, кромѣ плечю.
635. Дѣвицѣ поють на Дунаи.
640. Пѣвъше пѣснь старымъ къняземъ.
645. Съдрави кънязи и дружина.

О ритмическомъ складѣ «Слова о Пълку Игоревѣ» и объ удареніяхъ древне-русскаго языка.

Стройность теченія рѣчи «Слова о Пълку Игоревѣ» обращаетъ на себя вниманіе даже новѣйшаго читателя, знакомаго со складомъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, и не только давно замѣчена, но и отмѣчена нѣкоторыми издателями посредствомъ дѣленія текста на болѣе или менѣе короткія строки, которыя должны представлять собою стихи. И трудно сомнѣваться въ томъ, что напр. слова

Не лѣ́но ли ны бя́шеть, бра́тіѐ

могутъ считаться стихомъ съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ былинный стихъ

Снима́лъ онъ съ себя пла̀тье цвѣ́тноѐ.

Но во многихъ случаяхъ такія попытки слѣдуетъ признать неудачными. Причинъ тому нѣсколько:

1) Кромѣ ритмическаго сходства нѣкоторыхъ мѣстъ «Слова» съ былинными стихами у насъ нѣтъ никакихъ указаній на стихосложеніе этого памятника, не имѣющаго параллели въ русской словесности.

2) Число слоговъ во многихъ словахъ во время возникновенія «Слова» было отлично отъ нынѣшняго, потому что гласныя *ъ* и *ь*, теперь отчасти превратившіяся въ *о* и *е*, отчасти утратившія слоговое значеніе, и *й* тогда еще сохраняли въ нѣкоторыхъ случаяхъ свою первоначальную длительность, но въ какихъ — grammatici certant, et adhuc sub iudice lis est.

3) Такъ какъ въ памятникахъ XV, XVI и даже XVII в. съ помѣченными удареніями и въ народныхъ пѣсняхъ отъ записи Ричарда Джемса до сборниковъ гг. Маркова и Григорьева включительно ударенія далеко не

всегда сходятся съ нашими, то эта разница должна была бы оказаться еще значительнѣе при сравненіи съ удареніями конца XII в., если бы... да, *если бы* мы ихъ знали.

Возможно, что въ стихосложеніи «Слова» имѣла нѣкоторое значеніе и долгота слоговъ, естественная и по положенію, какое свойственно ей въ стихахъ чешскихъ, словацкихъ и сербо-хорватскихъ; но эта сторона вопроса, впрочемъ, едва-ли существенная, покрыта густымъ мракомъ, и потому, при настоящихъ научныхъ средствахъ слѣдуетъ, кажется, въ этомъ отношеніи ограничить свои домыслы предположеніемъ, что по количеству гласныхъ древне-русскій языкъ стоялъ ближе къ сербо-хорватскому, нежели къ чехо-словацкому, а при разысканіяхъ о древне-русскомъ стихосложеніи поступать на первое время такъ, какъ будто русскій языкъ никогда не различалъ долгихъ и короткихъ слоговъ.

Какъ бы то ни было, мѣрность рѣчи «Слова» не подлежитъ сомнѣнію. Несомнѣнно и то, что эта мѣрность обусловлена разговорнымъ удареніемъ, хотя, какъ сказано выше, не исключена возможность нѣкотораго участія долготы въ опредѣленіи слоговъ, способныхъ къ принятію на себя ритмическаго ударенія. Итакъ изслѣдователь стихосложенія «Слова» обязанъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1) Какимъ стихомъ или какими стихами сложено «Слово»?

2) При какихъ условіяхъ *ъ*, *ь* и *й* сохраняли въ немъ за собой слоговую длительность?

3) Каковы были ударенія въ русскомъ языкѣ конца XII в.?

Прежде, чѣмъ приступить къ отвѣтамъ на эти вопросы, необходимо оговорить одно обстоятельство, важное для установленія языка Слова. Изъ правописанія этого памятника, именно изъ строго проведенной постановки буквъ *ъ* и *ь* по-церковно-славянски послѣ плавныхъ, а не по-русски передъ плавными, слѣдуетъ заключить, что подлинникъ изданія Мусина-Пушкина и Архивнаго списка или, по крайней мѣрѣ, та рукопись, съ которой этотъ подлинникъ былъ списанъ, относились къ XV или XVI в., когда и чисто русскія произведенія подвергались болѣе или менѣе значительной передѣлкѣ на церковно-славянскій ладъ. Какія границы въ такой обработкѣ сознательно или безсознательно поставилъ себѣ переписчикъ, мы, конечно, не знаемъ, но, судя по тому, что въ сочиненіи поэтическомъ, уснащенномъ языческими воспоминаніями и, слѣдовательно, съ церковной точки зрѣнія суетномъ и грѣховномъ, да еще написанномъ для читателей или слушателей свѣтскихъ, языкъ церкви неумѣстенъ, мы должны предположить, что неизвѣстный переписчикъ, по мѣрѣ своихъ познаній, подгонялъ почти каждое слово

и почти каждую грамматическую форму своего подлинника подъ тотъ образецъ книжной рѣчи, который былъ ему знакомъ изъ южно-славянскихъ рукописей или вѣрныхъ списковъ съ нихъ. Потому первая задача всякаго, кто желаетъ хотя-бы лишь составить себѣ понятіе объ истинномъ характерѣ Слова, должна заключаться въ томъ, чтобы, удаливъ изъ него церковно-славянскія примѣси, перевести его на древне-русскій языкъ, и притомъ, по возможности, болѣе чистый и народный, чѣмъ языкъ лѣтописей, далеко не свободный отъ церковнаго налета. Эта задача, еще недавно казавшаяся почти неразрѣшимой, теперь, во всякомъ случаѣ, значительно облегчена изданіемъ лекцій профессора-академика А. И. Соболевскаго по исторіи русскаго языка. Такой переводъ не только измѣняетъ впечатлѣніе отъ этого высоко-поэтическаго памятника, приближая его къ привычной намъ народной пѣснѣ, но и обнаруживаетъ стихотворный складъ рѣчи тамъ, гдѣ онъ уничтоженъ превращеніемъ русскихъ формъ въ церковно-славянскія, и устраняетъ многія трудности въ вопросѣ объ удареніяхъ, отчасти показывая намъ его мѣста при помощи выяснившагося такимъ образомъ стиха, отчасти открывая возможность пользованія аналогіями позднѣйшихъ русскихъ ударенiй. Въ такомъ переводѣ — хотя, къ сожалѣнію, еще далекомъ отъ совершенства — читатель найдетъ ниже полный текстъ Слова, слегка измѣненный, дополненный или укороченный только тамъ, гдѣ того требовалъ смыслъ или строй стиха, самъ по себѣ, помимо исправленнаго въ немъ слова, несомнѣнный и ясный. Безъ перевода осталось лишь одно предложеніе въ четыре слова (стр. 640), потому что оно 1) представляетъ собою стихъ только въ своемъ церковно-славянскомъ видѣ:

Стра́ны ра̀ды, гради ве́селѝ;

2) русское сто́роны значитъ не contrées, Gegende, что̀ разумѣется здѣсь, а côtés, Seiten; 3) возможно, что это мѣсто цѣликомъ заимствовано изъ какого нибудь церковно-славянскаго сочиненія. Но въ ст. 645:

Съдра́ви кънязи и дружи́нà,

можетъ быть, не слѣдовало удерживать церковно-славянскую форму. За то ст. 413, сообразно со значеніемъ слова *страна*, вѣрнѣе, кажется, принять безъ передѣлокъ:

И мъно́гы стра̀ны — Хынова́, Литъва̀,

что̀, впрочемъ, по видимому, влечетъ за собою нѣкоторую передѣлку ст. 322:

И великое буйство подаста Хыновѣ.

Послѣ этой оговорки относительно языка Слова возвратимся къ поставленнымъ выше тремъ вопросамъ.

I.

Стихосложеніе Слова.

Принявъ то, что̀ было сказано выше о разговорномъ удареніи, какъ основѣ ритма въ Словѣ, мы должны прежде всего выяснить вопросъ о стопахъ, изъ которыхъ слагается этотъ ритмъ, а именно: 1) всѣмъ ли мельчайшимъ его единицамъ соотвѣтствуютъ отдѣльные слоги въ одинакомъ съ ними числѣ, или же нѣсколько такихъ единицъ могутъ выражаться однимъ слогомъ, т. е, при музыкальномъ исполненіи, равны ли между собой всѣ ноты, соотвѣтствующія отдѣльнымъ слогамъ текста, или же нѣкоторыя изъ нихъ дольше другихъ, 2) равны ли стопы одна другой, 3) каковы эти стопы по длительности и распорядку ритмическихъ удареній. Само собою разумѣется, что при рѣшеніи этихъ вопросовъ естественно прежде всего отправиться отъ древнѣйшаго стихотворнаго склада, сохранившагося въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ эпическихъ и многихъ лирическихъ пѣсняхъ и отчасти въ малорусскихъ обрядовыхъ. Какъ бы разнообразно ни пѣлись эти пѣсни теперь — $^2/_4$, $^3/_4$, $^4/_4$, $^2/_4 + ^3/_4$ ($^5/_4$), $^6/_8$—, разговорныя ударенія въ ихъ текстѣ располагаются всегда такъ, что наиболѣе подходитъ къ нимъ напѣвъ изъ $^4/_4$, напр. въ пѣснѣ «Какъ и по-мосту, мосту»:

Полы машутся, раздуваются.

Правда, можно спѣть этотъ стихъ и такъ:

или

или

или

и въ самомъ дѣлѣ стихи этого размѣра (такъ называемаго былиннаго или былевого) поются по разнымъ пѣснямъ на всѣ эти лады, и къ отдѣльнымъ

стихамъ, содержащимъ въ себѣ больше разговорныхъ удареній, чѣмъ въ приведенномъ примѣрѣ, всѣ они примѣнимы одинаково. Но важно то, что чуть не въ каждой старинной пѣснѣ найдутся стихи съ тѣмъ-же числомъ разговорныхъ удареній и съ такимъ-же расположеніемъ ихъ, какъ и въ этомъ примѣрѣ, а разговорно-ритмическому строю такихъ стиховъ точно соотвѣтствуютъ только первый ритмъ ($^4/_4$) и два послѣднихъ ($^2/_4$+$^3/_4$ и $^6/_8$), сравнительно малоупотребительныхъ въ славянскомъ народномъ творчествѣ и едва-ли исконныхъ въ немъ. Эти соображенія заставляютъ искать въ стихахъ Слова именно такта $^4/_4$. И опытъ вполнѣ оправдываетъ эту догадку отъ начала памятника до конца. Для всякаго, кто имѣетъ понятіе о народномъ русскомъ стихосложеніи, излишне прибавлять, что въ Словѣ число слоговъ, составляющихъ стопу, колеблется между четырьмя (⏑́ ⏑ ⏑̀ ⏑) и осмью (⏑́ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑̀ ⏑ ⏑ ⏑). Но это еще не значитъ, чтобы Слово состояло сплошь изъ «былинныхъ» стиховъ, знакомыхъ намъ по сборникамъ Кирши Данилова, Кирѣевскаго, Рыбникова и т. д. Безпристрастный разборъ текста со стороны ритма приводитъ изслѣдователя къ признанію въ немъ стиховъ различныхъ какъ по числу стопъ, такъ и по ихъ соединенію въ ритмическія группы. Такое стихосложеніе роднитъ Слово съ одной стороны съ великорусскими былинами, съ другой — съ малорусскими думами.

Что̀ касается разнообразныхъ сочетаній стопъ, соотвѣтствующихъ такту $^4/_4$, то господствующимъ и, такъ сказать образцевымъ стихомъ въ Словѣ является былинный стихъ, т. е. соединеніе двухъ такихъ стопъ, по большей части имѣющихъ впереди безударный приступъ (Auftakt, ἀνάκρουσις — отъ одного до пяти слоговъ), для котораго время выгадывается изъ послѣдней четверти второго такта, почти всегда оставляемой безъ выраженія слогомъ, а при стяженіи двухъ первыхъ четвертей второй стопы въ одинъ слогъ (⏑́) — всегда безъ исключенія. Потому правильны и ст. 17

старому Ярославу

и ст. 288

Русьского золота насыпаша ту

и ст. 37

вьсѣ своѣ воѣ прикрыты

и ст. 318

оба багряная стълпа погасоста.

Но изъ сказаннаго объ отношеніи пропуска послѣдней четверти одного стиха къ безударному приступу другого, слѣдующаго за нимъ, не надобно заключать, что всѣ стихи связаны другъ съ другомъ неразрывно: между ними нерѣдко встрѣчаются передышки, иногда четверти въ три. Различныя отношенія между концемъ одного стиха и началомъ другого размѣчены только въ началѣ предлагаемаго текста, и то лишь примѣрно, а дальше обозначены лишь при особенно тѣсной взаимной связи двухъ стиховъ.

Все сказанное до сихъ поръ о былевомъ стихѣ Слова совпадаетъ со свойствами былевого стиха въ извѣстной намъ русской народной поэзіи, кромѣ длины безударнаго приступа, который въ пѣсняхъ обыкновенно не превышаетъ двухъ слоговъ, а въ Словѣ можетъ быть названъ безударнымъ только потому, что не имѣетъ на себѣ главнаго (тактоваго) ударенія. Но въ Словѣ часто встрѣчаются передъ былевымъ стихомъ части стиха съ главнымъ удареніемъ и потому равныя цѣлымъ стопамъ. Это уже самостоятельныя музыкальныя предложенія (κῶλα), входящія въ составъ одного періода съ былевымъ стихомъ, напр. ст. 138

итти дъждю   стрѣлами съ Дону   великого,
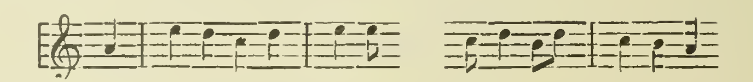
если не

стрѣлами съ Дону   великого,

что впрочемъ, если бы мы знали напѣвъ этого стиха, мы, можетъ быть, раздѣлили бы иначе, ближе къ смыслу:

итти дъждю стрѣлами   съ Дону великого

съ crescendo на слогахъ *-лами* хотя-бы такъ:

Такія музыкально-ритмическія сомнѣнія возможны относительно довольно многихъ стиховъ, но въ текстѣ при дѣленіи періодовъ на части пришлось почти вездѣ во избѣжаніе бездоказательныхъ догадокъ остановиться на такомъ распорядкѣ музыкальныхъ предложеній, при которомъ составляющія періодъ стопы соединяются въ былевой стихъ, осложненный лишь извнѣ посторонними ему прибавками. Такія прибавки, обыкновенно въ видѣ второго полустишія, нерѣдки и послѣ былевого стиха, напр. ст. 34

на землю Половьчьскую за землю Русьскую.

То-же встрѣчается въ былинахъ и вообще въ пѣсняхъ этого склада, но недостача перваго полустишія при такой прибавкѣ восполняется въ пѣніи повтореніемъ второй половины предыдущаго стиха, что едва-ли возможно въ Словѣ. Попадаются въ немъ излишнія для былевого стиха стопы и по обоимъ концамъ такого стиха. Иногда осложненный такимъ образомъ былевой стихъ подвергается и другимъ измѣненіямъ, перечислять которыя здѣсь кажется не только ненужнымъ, при расчлененномъ на стихи текстѣ, но и преждевременнымъ въ виду шаткости и сомнительности матеріала, исключающаго надежду на возможность полной разработки прямо съ перваго приступа. Нѣкоторые примѣры особенно сложныхъ ритмическихъ построеній пояснены въ примѣчаніяхъ подъ текстомъ музыкальными переложеніями, которыя, конечно, всякій можетъ измѣнять по своему вкусу съ тѣмъ большей надеждой на усовершенствованіе этихъ непритязательныхъ попытокъ, что авторъ ихъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не музыкантъ, а любитель, поневолѣ руководящійся только собственнымъ слухомъ. Такъ какъ былевой стихъ является въ Словѣ вполнѣ развитымъ и даже какъ-бы нормою общаго склада произведенія, именно осложняющимъ его прибавкамъ и ихъ вліянію на обычный его строй можно приписать нѣкоторыя формы этого стиха, не встрѣчающіяся въ пѣсняхъ, напр. ст. 82

тули отъворени, саблѣ изострены.

Какъ бы то ни было, тактъ $^4/_4$ соблюденъ, по видимому, вездѣ. Основы того, что принято называть былевымъ стихомъ, читатель найдетъ въ первомъ выпускѣ Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1897 г.

II.

О звукахъ *ъ*, *ь* и *й* въ Словѣ.

Въ томъ, что эти звуки въ XII в. не были на-чисто лишены слоговой длительности, едва-ли кто сомнѣвается въ наше время; но безспорно и то, что къ концу XII в. они были гласными далеко не во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ имъ придавалось это значеніе древнѣйшими Славянами. Слѣдовательно вопросъ объ этихъ сомнительныхъ гласныхъ можетъ сводиться

лишь къ тому, въ какихъ словахъ, грамматическихъ формахъ и звуковыхъ сочетаніяхъ современники автора Слова признавали за ними нѣкоторую длительность, и гдѣ они произносили ихъ такъ-же, какъ мы, т. е. *ъ* опускали, *ь* выговаривали въ неразрывной связи съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ звукомъ, не пріобрѣтавшимъ отъ того большей продолжительности, а *й* сокращали до длительности какого нибудь *р* или *л*. О *ъ* и *ь* въ русскомъ языкѣ у насъ написано много, и при томъ на основаніи строго провѣреннаго рукописнаго матеріала, но нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ былъ окончательно рѣшенъ, особенно по отношенію къ южнымъ нарѣчіямъ. Еще менѣе выяснена исторія сокращенія слогового *и* въ *й*, которыя въ старыхъ рукописяхъ нельзя и различить. Можно, кажется, считать доказаннымъ, что даже въ XIII в. *ъ* и *ь* образовали слоги тамъ, гдѣ теперь о слоговомъ ихъ выговорѣ, т. е. о превращеніи въ *о* и *е*, рѣчи быть не можетъ. Это видно не столько изъ употребленія буквъ *ъ* и *ь* въ смыслѣ звуковъ *о* и *е* или *ѣ*, что̀ могло быть слѣдомъ старой графики, основаннымъ на ложномъ пониманіи этихъ буквъ, сколько изъ обратной замѣны, напр. *латинеськымь* вмѣсто *латиньскымь*, *свободьный* вм. *свободьныи*, и даже въ концѣ: *дьеть* вм. *дьеть*, *кнѧзь* вм. *князь*, *берьго* вм. *берегъ*, *Ролфо* вм. *Ролфъ*, *Тумаше* вм. *Тумашь*. Что̀ касается пропуска буквъ *ъ* и *ь*, то онъ самъ по себѣ, при наличности ихъ въ другихъ такихъ-же случаяхъ, еще не доказываетъ отсутствія соотвѣтствующихъ звуковъ въ этихъ словахъ и можетъ объясняться и краткостью и неопредѣленностью звуковъ *ъ* и *ь*. Такія начертанія, какъ *бчела*, *Ризкий*, *кдь* при сравненіи съ позднѣйшими *пчела*, *Новоторскій* (вм. *Новоторжскій*), *гдь* ведутъ къ выговору *бъчела*, *Ризькии* (изъ *Рижьскыи*—ср. *тысѧчького*, т. е., безъ сѣвернаго смѣшенія *ц* съ *ч*, *тысяцького* изъ *тысячьского*), *къдь (къде)*. Вмѣсто *пьшено* встрѣчается и *пшено*, но *пьшено* (и *пьшеница*) слышится по говорамъ до сихъ поръ. Къ осторожности въ этомъ отношеніи особенно побуждаютъ написанія въ родѣ *горда* вм. *города*, гдѣ по понятію писца, привыкшаго къ *голъву* вм. *голову* и т. п., пропущено не *о*, а *ъ*. Правда, въ *кто*, *что* (нѣсколько позднѣе *што*), *вся*, *все*, *всего* и т. д., *князь* и нѣкоторыхъ другихъ словахъ буквы *ъ* и *ь* въ то время опускались такъ часто, что позволительно предположить въ нихъ исчезновеніе и самыхъ звуковъ; но доказать это едва-ли возможно даже для начала XIII в., а еще меньше, конечно, для конца XII-го[1]). Несомнѣнно древнее отпаденіе звуковъ

1) Преданіе о слоговомъ произношеніи этихъ звуковъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ словахъ или, пожалуй, терминахъ сохранялось и позже, какъ видно напр. изъ записи начала XV в. въ Луцкомъ евангеліи: се ѩзъ смиреныи еп҃пь ѡлѣки (А. И. Соболевскій, Очерки изъ исторіи русскаго языка. Часть I-ая, стр. 40).

ъ и ь въ концѣ нѣкоторыхъ предлоговъ, которые за то и писались у насъ *от*, *из* (даже *исвоѥго горда Смольнеска* вм. *из своѥго города Смольньска*), *через* или *черес* и т. п., но въ сложеніи — часто *отъ*, *изъ* и т. д. (въ грамотѣ Мстислава Владиміровича и его сына Всеволода даже *изоѿстанить*), а какое-нибудь *отслеть* при нынѣшнемъ *отошлетъ* представляется написаніемъ фонетически неточнымъ. Есть примѣры употребленія буквы ь только въ позднѣйшемъ ея значеніи «мягкаго знака», какъ *ѥмьлеть* вмѣсто обыкновеннаго *ѥмлеть*, но они рѣдки, хотя съ другой стороны едва-ли можно ручаться за то, что напр. въ наставкахъ *-ьба*, *-ьда*, *-ьна*, *ьно*, *-ьнико*, *-ьць-* (въ косвенныхъ падежахъ) эта буква изображала всегда слогъ, а не одно смягченіе: такъ часто попадаются написанія *татба*, *правда*, *гривна*, *желѣзныи*, *мечникъ*, *купча* при *татьба*, *правьда* и пр. Въ наставкѣ *-ьро-* гласность звука ь къ XIII в., кажется, совсѣмъ утратилась; по крайней мѣрѣ, *серебро (серьбро)*, *добръ (дъбръ)* было тогда обычнымъ правописаніемъ. Впрочемъ *добръ* пишется обыкновенно безъ ъ и по церковно-славянски, и, если вѣрно его сопоставленіе не съ *добá* (*у-доб-ьнъ* и т. д.), а съ латинскимъ faber — род. п. fabrī, оно должно быть отдѣлено отъ словъ на *-ьръ*, *-ьра*, *-ьро*, несмотря на сербское дȍбар, словѣнское dȏber, русское діалектическое *добёръ*, какъ образовавшіяся путемъ такъ называемой svaraʻbakti, и точно такъ-же церк.-слав. *срѣбро*, в.-русск. *серебрó* или *сéребро*, малор. *срiбло* и пр. — лит. sidábras. Потому вѣрнѣе читать стихъ 124 такъ:

Чьрвлена челъка, серебрьно стружіе,

ст. 255—256:

А золота и серебра не мало того потрепати,

ст. 344:

Се ли сътвористе моеи серебрьнѣи сѣдинѣ?,

ст. 585:

На своихъ серебрьныхъ березѣхъ.

Точность требуетъ оговорки, что всѣ данныя, на которыхъ построены изложенныя выше соображенія, почерпнуты изъ сѣвернаго нарѣчія древнерусскаго языка. Но у насъ нѣтъ, кажется, никакихъ основаній для предположенія меньшей устойчивости гласныхъ ъ и ь на югѣ Россіи въ концѣ XII в. Напротивъ, малорусскій языкъ — на сколько можно привлечь его къ

выясненію фонетики древняго южно-русскаго нарѣчія — своимъ обращеніемъ съ гласными, предшествующими слогу съ утраченнымъ впослѣдствіи звукомъ *ъ* или *ь*, и сохраненіемъ звучности звучныхъ согласныхъ, за которыми нѣкогда слѣдовали эти звуки, свидѣтельствуетъ, повидимому, объ особенно долгомъ удержаніи ихъ. Впрочемъ и въ древнемъ языкѣ нашего юга можно уловить указаніе на нѣкоторую длительность глухихъ гласныхъ: это — переходъ конечнаго *ь* въ *и* передъ *и*, напр. *убиꙗшети и*, какъ *синии* изъ *синь*+*и* и т. п. Правда, всѣ эти явленія относятся къ исходу словъ; но ни изъ чего не видно, чтобы южно-русскій языкъ признавалъ за этими звуками ме́ньшую гласность внутри словъ, а разница между малор. *сон* (изъ *сънъ*) и *вуоз. вуз* или *віз* (изъ *возъ*), *день* (изъ *дьнь*) и *нюос, нюс* или *ніс* (изъ *неслъ*) показываетъ отчетливое сохраненіе *ъ* и *ь* еще тогда, когда у Великорусовъ они уже обратились въ *о* и *е*. Поэтому, хотя южно-русское нарѣчіе XII в. не могло, конечно, сохранить въ полной неприкосновенности всѣ *ъ* и *ь* славянскаго или даже обще-русскаго праязыка, слѣдуетъ думать, что случаи гласности этихъ звуковъ были въ немъ за то время гораздо многочисленнѣе, чѣмъ сколько ихъ встрѣчается въ дошедшихъ до насъ рукописныхъ памятникахъ этого нарѣчія; а такъ какъ наши научныя средства не позволяютъ опредѣлить точно тѣ случаи, въ которыхъ оно сохранило гласность звуковъ *ъ* и *ь*, и тѣ, въ которыхъ оно потеряло ее, при попыткѣ возстановленія первоначальнаго языка Слова издателю остается относительно этого вопроса руководствоваться фонетикой церковно-славянскаго языка. При такомъ образѣ дѣйствія получится, несомнѣнно, больше *ъ* и *ь*, чѣмъ сколько ихъ произносилъ авторъ Слова; но на сколько больше, мы не знаемъ, а излишекъ по этой части предпочтительнѣе недобора, потому что меньше можетъ отразиться на предполагаемомъ строѣ стиха. Сверхъ того мы не только имѣемъ право, но должны допустить, что въ стихотворной рѣчи, всегда болѣе консервативной, чѣмъ прозаическая, древнія особенности выговора соблюдались долго послѣ того, какъ исчезли изъ обихода, и *ъ* и *ь* при чтеніи или пѣніи стиховъ пріобрѣтали силу слоговыхъ гласныхъ на томъ-же основаніи, на которомъ во Французскихъ стихахъ считаются полными слогами слоги съ e muet, внутри словъ наклоннымъ къ выпаденію, а въ концѣ дошедшимъ почти вездѣ до условнаго значенія нашей буквы *ъ*. И такъ ниже въ текстѣ Слова *ъ* и *ь* вездѣ приняты въ расчетъ при размѣткѣ слоговъ ритмическими знаками кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, гдѣ они приходятся передъ гласными, если такой элизіи не препятствуетъ цезура.

Въ позднѣйшемъ великорусскомъ языкѣ *ь* въ значеніи звуковъ *j* или неслогового *і* является на мѣстѣ прежняго слогового *і* передъ *j*, и уже въ

XIII в. попадаются случаи такой замѣны, напр. *лодью*; но тутъ-же и *лодию*, *отобиються*, *прохожение*, *полюдие*, *сьданию*, *польтретина* и т. п., и послѣдній способъ написанія до такой степени преобладаетъ надъ первымъ, что въ этомъ сравнительно рѣдкомъ *ь* едва-ли можно видѣть нѣчто иное, нежели *і*, лишь болѣе короткое, чѣмъ *і* передъ согласными (кромѣ *j*) или послѣ согласныхъ въ концѣ слова. Въ южно-русскомъ нарѣчіи сокращеніе звука *і* передъ *j* началось, повидимому, раньше, но прослѣдить развитіе этого явленія, по малой мѣрѣ, трудно. Впрочемъ и здѣсь, какъ при *ъ* и *ь*, надлежитъ имѣть въ виду особенности стихотворнаго произношенія, вслѣдствіе которыхъ *і* напр. французскихъ nation, marier, odieux, diable и т. п., въ разговорѣ легко теряющее свою слоговую длительность, въ стихахъ звучитъ не короче другихъ гласныхъ. На основаніи такихъ соображеній тѣ *і*, которыя впослѣдствіи упали до значенія позднѣйшаго *ь* или должны были дойти до него, если-бы тому не препятствовало скопленіе согласныхъ впереди, не замѣнены нигдѣ буквою *ь*, а лишь выражены знакомъ десятеричнаго *і*, какъ въ нашемъ обычномъ правописаніи. Такъ какъ эти соображенія относятся къ *і* неударяемому, можно усомниться въ правильности написанія *бія* (ст. 245) вмѣсто *бия*, потому что древнѣйшее удареніе этого глагола было *бихъ*, но *біиши*. Труднѣе остановиться на какомъ-либо однообразномъ отношеніи къ тѣмъ *і*, которыя сократились въ наше *й*. Для того времени, когда напр. *конь* (изъ *konįó-s), *нашь* (изъ *nâhįos) произносились въ два или хоть въ полтора слога, естественно предполагать такое-же измѣненіе и въ *мой* (изъ *moįó-s) и даже въ *край* (изъ *krâios), *войнá* (изъ *voįinâ). Но кажется вполнѣ вѣроятнымъ, что къ концу этого времени такое *і* стало терять свою гласность тамъ, гдѣ оно приходилось послѣ другого *і* или послѣ ближайшаго къ *і* звука *ы*. За отсутствіемъ болѣе надежнаго критерія нынѣшнее *й* прочтено въ помѣщаемомъ ниже текстѣ то за слогъ, то безъ слоговой длительности, а именно послѣ *а, о, у* — по первому способу, послѣ *и* и *ы* — отчасти по первому, отчасти по второму, за исключеніемъ кое-какихъ недосмотровъ. Такъ на этомъ основаніи въ пятомъ стихѣ, можетъ быть, слѣдуетъ читать не *тъй*, а *тъи* и т. п.

Удареніе.

Само собою разумѣется, что лучшій источникъ нашихъ свѣдѣній объ удареніи русскаго языка старшихъ эпохъ суть старые тексты со знаками ударенія. Но, къ сожалѣнію, такіе тексты появляются не ранѣе XV в., да и то въ очень маломъ количествѣ и безъ послѣдовательности въ употребле-

нія этихъ знаковъ, которые то ставились, то опускались, такъ какъ писцы, перенявъ ихъ у Болгаръ и Сербовъ, сначала примѣняли ихъ болѣе или менѣе случайно. Въ XVI в. примѣненіе ихъ усиливается и проводится послѣдовательнѣе; отъ XVII в. текстовъ съ разставленными удареніями до насъ дошло много. Но ударенія обозначались особенно часто и тщательно въ текстахъ церковно-славянскихъ, а для русскихъ можно, кажется, выставить такое правило: чѣмъ ближе сочиненіе по языку или содержанію стояло къ богословской письменности или чѣмъ оно было важнѣе и, такъ сказать, оффиціальнѣе, тѣмъ охотнѣе писцы снабжали его удареніями. Потому, читая такой текстъ, мы нерѣдко должны задавать себѣ вопросъ, имѣемъ-ли мы дѣло съ русскими удареніями или съ церковно-славянскими. Но главная помѣха къ опредѣленію древне-русскихъ удареній по акцентуированнымъ текстамъ заключается во времени ихъ происхожденія. Къ XV в. русскій языкъ измѣнился во всѣхъ отношеніяхъ такъ значительно, что съ этого времени нельзя уже говорить о древне-русскомъ языкѣ: это языкъ, сравнительно съ нашимъ, конечно, старый, но по мѣсту въ исторіи русскаго языка вообще — ново-русскій языкъ. Такъ по отношенію къ фонетикѣ и морфологіи, такъ и относительно ударенія. Еще въ XVII в. ударенія были первоначальнѣе нашихъ, потому что менѣе подчинялись новымъ аналогіямъ, однако и къ тому времени этотъ могущественный факторъ грамматическаго упорядоченія языка во многихъ случаяхъ успѣлъ сдѣлать свое дѣло, сказавшись особенно въ томъ, что̀ Нѣмцы называютъ Systemzwang, въ ограниченіи разнообразія формъ путемъ подведенія ихъ подъ извѣстные, сравнительно немногочисленные отдѣлы. Кромѣ того подлинныя ударенія нѣкоторыхъ древне-русскихъ формъ утратились вмѣстѣ съ самыми формами, которыя поэтому въ эпоху акцентуированныхъ текстовъ произносились или съ южно-славянскимъ удареніемъ, если были свойственны и церковно-славянскому языку, или, можетъ быть, съ удареніемъ, выведеннымъ теоретически изъ удареній какихъ-нибудь ближайшихъ грамматическихъ образованій. Поэтому во многихъ случаяхъ для возстановленія древне-русскихъ удареній изслѣдователю также приходится прибѣгать къ аналогіи, а въ другихъ — обращаться къ помощи обще-славянскаго языка, который въ свою очередь представляетъ собою лишь выводъ, правда, изъ положительныхъ, но значительно болѣе позднихъ данныхъ, къ тому-же не всегда согласимыхъ между собою.

Возможно, что древне-русское удареніе нуждается въ опредѣленіи не только мѣста, но и качества, какъ удареніе сербо-хорватское или словѣнское, и что напр. начало Слова — подъ условіемъ вѣрности поставленныхъ

въ этомъ изданіи удареній со стороны мѣста — должно произноситься приблизительно такъ (съ примѣненіемъ сербскихъ знаковъ ударенія):

Не лѣ̑по ли ны бя̏шеть, бра̏тіе,
Нача́ти ста̑ры̄ми сло̏весы
Тру̑дьны̄хъ по̏вѣ̑сті̄й о пълку̀ И̏горевѣ,
И̏горя Свято̀славича?
Нача́ти же ся тъ̏и пѣ̏сни
По были̇̀намъ сего̀ верѐмене,
А̏ не по замы̀шленію Бо̏я̄ню.

Такая попытка только и можетъ быть приблизительной хотя-бы уже потому, что въ древне-русскомъ языкѣ мыслимо существованіе обще-славянскаго восходящаго ударенія, которое сохранилось въ языкѣ словѣнскомъ, и мы не знаемъ, какъ произносилось у насъ нѣкогда напр. слово *рыба*: *ры̏ба*, *ры̀ба* или *ры́ба*. Но, какъ бы то ни было, наличность качественной разницы въ удареніяхъ древнѣйшаго русскаго языка можетъ казаться вѣроятной въ виду сохраненія энклизы нѣкоторыхъ словъ до нашихъ дней, особенно въ сѣверныхъ и среднихъ говорахъ, какъ *на́ воду*, *и́з-желта*, *по́ два*, *не́ былъ*, *два́ раза* и т. п., прежде, конечно, еще чаще, нежели теперь, напр. въ грамотахъ съ *ѣ* = *é*, изданныхъ Л. Л. Васильевымъ въ Извѣстіяхъ отд. р. яз. и сл. Имп. Ак. Н. X 2 стр. 177—227 «Къ исторіи звука ѣ въ Московскомъ говорѣ въ XIV—XVII вѣкахъ», *во веки*, *на веки* (теперь *до́ вѣку* = до конца жизни), *на свете* (теперь *со́ свѣту*, *по́ свѣту*, хоть и *по свѣту*, какъ у Грибоѣдова), *налево*, *налеве* съ приведенными тамъ-же изъ старопечатныхъ изданій *во́ вѣки*, *на́ вѣки*, *на́ свѣтѣ*, въ Домостроѣ *на̀ друга* (до сихъ поръ мѣстами *другъ за́ друга*), *по̀ чину*, *на̀ мужа* (теперь не только *за́-мужъ*, но иногда и *по́-мужу* = по мужниной фамиліи), въ памятникахъ XVI—XVII в., вошедшихъ въ составъ книги П. К. Симони «Къ исторіи обихода книгописца, переплетчика и иконнаго писца», *на́ частѣ* (= часто — стр. 22), *на́десно* (41), *по́ бз҃ѣ* (54—ср. съ одной стороны им. мн. *бѡ́ѕи* и вин. мн. *богы̀* тамъ-же 52, съ другой — *спаси́бо*, малор. *спаси́бі*, *про́бі*, *да́лебі*, *помага́й-бі*, иногда въ пословицахъ, напр.

На Бога надѣйся, а самъ не плошай),

по̀чину (= надлежащимъ образомъ—111), *пѡ́оу̀глю* (118), *на́гладко* (118— ср. *на́ чисто*, *на́ черно*, *на́ бѣло*), *на́золотѣ* (119 и 120, въ пѣсняхъ Гильф. Он. Был. III 159:

Сѣделышка (у нихъ) было на золотѣ,

Барсовъ, Причит. I 103:

Не утай, скажи, красно мое на золотѣ

со знакомъ ударенія на предлогѣ въ текстѣ), *нáсвѣтло* (120), *пóзолоту* (120), *нá платъ* (120, но *подплáтъ* 200), *нá оуго*ʌ (= на уголь — 122), *нáлоскъ* (147), *нáкꙋсы* (149), *нé снѧть* (201, но *некла́сть* тамъ-же), *нá-скорѣ* (201 и др.), *нáгꙋстѣ* (202), *ӥзгꙋста* (203, 205, 209, 213 дважды), *нéмошнѡ* (= нельзя — 211, въ Пчелѣ XVII в. *нéмощьно,* ср. *нéмощный*), а по-сербски даже при союзѣ: *кȁд ӥ кад*, откуда у Хорватовъ *ӥкад*. То-же и въ сложеніи и при сцѣпкѣ (Zusammenrückung): *прá-дѣдъ*, *сý-дорога* (изъ **су-дръга*), *прú-городъ*, *Нóв*(*ъ*)*-городъ* съ род. п., старинным и пѣсеннымъ, *Новá-города* (*в Новѣ городе*, какъ и на *Белѣ озере* въ грамотахъ, изданныхъ Л. Л. Васильевымъ), *шú*(*во*)*-воротъ* (см. А. И. Соболевскій, Лекціи по истор. р. яз. стр. 148, изд. 3), *сегó-дня*, *съ полá горя*, и вообще при особенно тѣсной связи словъ, напр. *въ тý пору*, *въ тѣ́ поры* (но въ Стоглавѣ *в' тѣ́ пóры*), *мáлъ мала мéньше* (ср. *съúзмала*, близкое по плеонастичности своего состава къ ἀπὸ μικρόθεν Феодора Продрома) и т. п. Въ Словѣ сюда, повидимому, относится *изъ лукý моря* (ст. 278).

Какъ извѣстно, всѣ именныя и глагольныя формы, которыя передаютъ свое удареніе предшествующему неударяемому слогу или теряютъ удареніе послѣ ударяемаго слога, имѣли нѣкогда на своемъ первомъ (или единственномъ) слогѣ нисходящее удареніе, обнаруживавшее еще въ общеславянскомъ языкѣ склонность къ оттяжкѣ назадъ. Качество ударенія второго слова почти во всѣхъ такихъ случаяхъ мы можемъ провѣрить по сербо-хорватскому языку, отчасти и по своему собственному, такъ какъ слова, имѣющія въ одной формѣ (падежѣ, времени и т. п.) удареніе, первоначально нисходящее, на первомъ слогѣ, обыкновенно въ другихъ формахъ переносятъ удареніе ближе къ концу, напр. *вóду — водá*, *жéлтый — желтá*, *трú — тремя́*, *бы́лъ — былá* и т. д. Несомнѣнно, что эта праславянская энклиза у насъ мало-по-малу пропадаетъ, а потому мы должны предположить, что въ древне-русскомъ языкѣ она встрѣчалась гораздо чаще, чѣмъ теперь, что̀ и подтверждается приведенными выше примѣрами, и, чѣмъ языкъ древнѣе, тѣмъ ближе онъ былъ съ этой стороны къ обще-славянскому. Согласно съ такимъ предположеніемъ читатель найдетъ въ текстѣ ниже не только *нá землю*, *дó вечера*, *вѣ поли* (въ пѣсняхъ *вó полѣ*), *нá мори* и т. п., но и *пó*

дереву, *въ тропу*, *въ городѣ* (ср. *зá городомъ*), *нá кости* (ср. *зá двери*), *съ моря* (ср. *сó слѣпа*), *съ вечера* (ср. *дó вечера*), *нá березѣ* (ср. *нá берегъ*), *въ дънѣ* (ср. *пó дну*, хотя *на днó*, *на днѣ́*, *до днá*, *со днá*, однако и *сó дна*), *сквозѣ землю*, *нá бързъ кóмонь* (ср. *нá босу нóгу*), *къ лугу* (ср. *кó дню* и *пó лугу*) и др., о которыхъ ниже. Можетъ быть, и ст. 604 слѣдуетъ размѣтить такъ:

На слѣдѣ Игоревѣ ѣздить Къза съ Коньчякъмь,

если не съ удержаніемъ той формы мѣстнаго падежа, которая читается въ первомъ изданіи:

На слѣду Игоревѣ ѣздить

и т. д., что̀ не исключало-бы возможности ударенія *на слѣдý* въ прозаической рѣчи, такъ какъ слогъ *слѣ-* приходится въ этомъ стихѣ лишь подъ третьестепеннымъ ритмическимъ удареніемъ. Вопросъ о формѣ и удареніи мѣстнаго падежа отъ этого слова можетъ возникнуть потому, что, хотя въ ново-русскомъ языкѣ слово *слѣдъ* переноситъ удареніе въ косвенныхъ падежахъ на окончанія, однако и теперь еще слышно *по свѣ́жему слѣ́ду*, *пó слѣду*, и хорватское *сли̏јед* съ родительнымъ *сли̏једа* и т. д. свидѣтельствуетъ, по видимому, за неподвижность ударенія этого слова въ обще-славянскую эпоху.

Очень сомнительно удареніе предлога, принятое въ ст. 12 и 154, которые надлежитъ читать согласно со ст. 530 и 395, т. е. такъ:

Сизымь орьлъмь подъ оболокы.

Лѣтая умъмь подъ оболокы.

Переходъ ударенія въ существительныхъ, оканчивающихся на -*ъ* и -*ь* съ непосредственно предшествующимъ ударнымъ слогомъ, при склоненіи на окончанія свойственъ лишь позднѣйшему русскому языку. Такъ напр. род. пад. отъ *кожýхъ* звучалъ нѣкогда *кожýха*, какъ онъ и до сихъ поръ звучитъ по-малорусски и, можетъ быть, у Хорватовъ-чакавцевъ, судя по штокавскому *кȍжуха*; *язы́къ* — *язы́ка* (серб. *jȅзика*) — удареніе, сохранившееся у насъ въ церковныхъ книгахъ и въ говорѣ духовенства (ср. фамилію *Язы́ковъ*), однако напр. и въ пословицѣ

Худъ Пермякъ, да два языка знатъ,

съ чѣмъ можно сравнить малорусскій выговоръ слова, значащаго то-же, что *опорки*, — *босовіки*; *дворъ* — *двбра* (ср. *пб двору* и малор. *на двбрі*), *листъ* — *ліста* (П. К. Симони, «Къ исторіи обихода» и т. д., *ліста пбдва йлй пбтри* 202, *лістовъ* тамъ-же дважды, *лістѫ* тамъ-же); *ледъ* — не *льда*, какъ теперь, а *лéда* (малор. *лїд* род. *лéду*); *ровъ* — *рóва* (малор. *рів* род. *рóва*, ср. въ былинахъ мн. ч. *рóвы глубокіе* и въ Хожденіи А. Ѳ. Котова л. 32 а *в рову*); *потолóкъ* — *потолóка* (*с потолóка* въ названномъ выше сборникѣ П. К. Симони стр. 39, ср. поговорку «рýки въ бóки, глазá въ потолóкп»); *Москвúчъ*, *Костромúчъ* и т. п. — *Москвúча* и пр. (ср. *Боровúчи*); заимствованныя съ персидскаго въ началѣ уже ново-русской эпохи *нашатыръ* и *ревéнь* — *нашатырю* (см. П. Симони, Къ исторіи обихода книгописца и т. д. стр. 147), *ревéня* (тамъ-же стр. 210 и др.). Какъ *ледъ* род. *льдá*, такъ теперь и *день* род. *дня́*, но нѣкогда, при полной сохранности корневого *ъ*, это слово должно было произноситься *дь̏нь* род. *дь̏ня* съ нисходящимъ удареніемъ, какъ сербское *да̏н* род. *да̏на*, откуда до сихъ поръ *день зá день*, *со дня нá день*, *мѣсяцъ сó днемъ* (т. е. содержащій въ себѣ 31 день), *двá дни*, *трú дни* (всегда *дни*, не *дня*, почему, вѣроятно, и *третьёво дни*), *сегóдни* (въ литературномъ языкѣ *сегóдня*) и другія такія сочетанія, которыя см. ниже. Такъ-же *лóбъ* род. *лбá* изъ *лъ̏бъ* — *лъ̏ба*, откуда малор. *лóб* — *лóба* (ср. *нá лобъ*, *пó лбу*, въ Пчелѣ XVII в. *вó лбѣ*), и, вѣроятно, *лéвъ* род. *львá* изъ *лъ̏въ* — *лъ̏ва*, (малор. *лéв* — *лéва*). То удареніе косвенныхъ падежей слова *кожýхъ*, которое, по видимому, слѣдуетъ принять въ ст. 120 Слова о п. Иг., придается и теперь такому-же образованію — *обýхъ* съ род. *обухá* — въ поговоркѣ «на мýху съ обýхомъ». Сомнительна между прочимъ древность нашего ударенія въ *царя́* (серб. *ца̏р* — р. п. *ца̏ра* изъ **цьсáрь* — р. п. **цьсáря*). Весьма вѣроятно предположеніе А. И. Соболевскаго, высказанное по поводу одного церковно-славянскаго стихотворенія, что среднеболгарское удареніе *рáба*, род. п. отъ *рабъ* (по-русски *робъ*), есть первоначальное удареніе этого слова. Множ. ч. отъ слова *кормъ* теперь *кормы*, а въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича — *кóрмы*; отъ *край* теперь *кра́я*, *краёвъ* и т. д., а въ трактатахъ о книжномъ и живописномъ дѣлѣ у П. К. Симони — *на крáехъ* (202 и 203), *йскрáевъ* (203), *покрáѣ* 208, но тамъ-же *скраéвъ* дважды). О другихъ случаяхъ этого явленія будетъ сказано ниже въ отдѣлѣ объ удареніяхъ именъ существительныхъ, къ которому и переходимъ.

Въ неразрывной связи съ энклизой состоитъ отчасти уже затронутый выше вопросъ объ удареніяхъ предложныхъ сложеній. Относительно русскаго языка XIX и XX столѣтій этотъ вопросъ едва-ли можетъ быть воз-

бужденъ или, по крайней мѣрѣ, разрѣшенъ, такъ какъ здѣсь мы на каждомъ шагу наталкиваемся на такія противорѣчія, что для сложныхъ, образованныхъ безъ посредства извѣстныхъ словопроизводственныхъ наставокъ, трудно или даже невозможно создать какія-нибудь правила, не допускающія многочисленныхъ исключеній. Да и наставки мало помогаютъ дѣлу, можетъ быть, кромѣ -ь, древнѣйшей и простѣйшей, служащей къ образованію многихъ сложныхъ какъ мужескаго, такъ и женскаго рода: *зá-воротень, óт-тепель* и т. п. имѣютъ удареніе на предлогѣ (однако *су-пóнь*). Особенною неопредѣленностью отличаются существительныя на -ъ: между ними мы встрѣчаемъ *при-зы́въ* и *óт-зывъ*, *отъ-ѣ́здъ* и *пó-ѣздъ*, *у-стáвъ* и *прú-ставъ*, *от-вáръ* и *пó-варъ*, *раз-мáхъ* (рѣже *рóзмахъ*) и *прó-махъ*, при чемъ однако нельзя не замѣтить, что, помимо сложеній съ *вы-*, всегда перетягивающимъ удареніе на себя въ такихъ образованіяхъ, нѣкоторые корни, напр. *ступ-*, *пуск-*, *иск-*, передаютъ удареніе предлогу, а другіе, гораздо болѣе многочисленные, принимаютъ удареніе на себя. Есть и такія сложныя, въ которыхъ удареніе колеблется между предлогомъ и корнемъ, смотря то по нарѣчію или говору, то по большей или меньшей близости говорящаго къ литературной рѣчи, при чемъ иногда видоизмѣняется значеніе слова, напр. *насмóркъ*, *присмóтръ* (болѣе сѣверныя) — *нáсморкъ*, *прúсмотръ* (болѣе южныя), *пригово́ръ* (суда правительственнаго) — *прúговоръ* (суда или схода сельскаго или станичнаго), *загово́ръ* (conjuratio) — *зáговоръ* (carmen magicum). Такъ и съ отрицаніемъ по сѣверному *недýгъ*, по южному *нéдугъ*. Что предложныя сложенія этого, т. е. простѣйшаго, образованія со стороны постановки ударенія на корнѣ или на предлогѣ искони распадались на два отдѣла, едва-ли подлежитъ сомнѣнію: корни (или основы) съ восходящимъ удареніемъ должны были удерживать его на себѣ, а корни съ нисходящимъ удареніемъ — передавать удареніе предлогу. Колебанія здѣсь могли зависѣть развѣ лишь отъ колебаній въ качествѣ ударенія корня, если такія колебанія были, а это кажется мало вѣроятнымъ. Для объясненія такихъ случаевъ естественнѣе припомнить колебанія въ удареніи разныхъ падежей и чиселъ однихъ и тѣхъ-же сложныхъ, напр. отъ словъ *заёмъ* и *наёмъ* род. п. не только *займá*, *наймá*, мн. ч. не только *займы́*, *наймы́*, но и *зáйма*, *нáйма* — *зáймы*, *нáймы*. Далѣе можно предположить, что удареніе формы *заёмъ* относится къ ударенію формъ *зáйма* и *зáймы* такъ-же, какъ *сей дéнь*, *днъ* (*дный*) *дéнь*, *Петрóвъ дéнь*, *золъ (злый) дéнь къ сегó-дня, (*о*)*номé-дни* (изъ *ономь дьни*, по серб. *онома̀-дне*), *Петровá дни* (поговорочный стихъ

Далеко кулику до Петрова дни,

ср. въ былинахъ *Блудова́ жена́*, *Чесова́ жена́*, малор. *братова́* жена брата), *злы́-дни*. Во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ им. п. ед. ч. отличается отъ прочихъ формъ удареніемъ на конечномъ слогѣ (не считая ъ). Причина тому можетъ быть не только логическая, но отчасти и фонетическая, а именно — долгота, развивавшаяся въ томъ или другомъ изъ этихъ словъ по мѣрѣ сокращенія срединнаго или конечнаго ь въ словѣ *дьнь*. И такъ *сей де̄нь*, но *сего̄ д(ь)ня* (ср. малор. *Велико́дня*, откуда теперь *Вели́кдень* вмѣсто **Великъ де́нь*), и такимъ-же образомъ съ ъ: *зае̄мъ*, но *за́йма* отъ основы *за́јьмо-*. Должно сознаться, что аналогія въ этихъ двухъ примѣрахъ неполна, такъ какъ въ первомъ приходится объяснять скорѣе удареніе родительнаго падежа, чѣмъ именительнаго, а во второмъ — наоборотъ; но внѣшняя аналогія есть несомнѣнно. Изъ такой разницы между именительнымъ падежемъ ед. ч. и прочими формами того-же слова легко объясняется и упомянутое выше колебаніе въ удареніи нѣкоторыхъ сложныхъ: напр. слово *заговоръ* могло звучать въ им. п. ед. ч. *загово̄ръ*, а въ род. п. *за́говора* (ср. серб. *ра̏зговӧр*, въ которомъ, по видимому, слились им. **разговӧр* съ косвенными *ра̏зговора* и т. д.); основа *за́говоро-*. Отсюда, можетъ быть, и чешскія průběh и proběh, průhon и prohon, průchod и prochod, průlom и prolom, průmysl и promysl и т. п., изъ которыхъ формы съ prů- указываютъ на переносъ ударенія съ конца (если не на другую форму предлога): им. п. ед. ч. звучалъ — если это предположеніе вѣрно — probieh съ удареніемъ на концѣ, какъ въ нашемъ *пробѣгъ*, а род. — proběha съ удареніемъ на первомъ слогѣ, какъ нѣкогда, вѣроятно, и у насъ **про́бѣга*. Průběh съ короткимъ ѣ есть, по видимому, такая-же контаминація прямого падежа съ косвеннымъ, какъ сербское *ра̏зговӧр*, только по нѣсколько иному образцу. Правдоподобіе этого объясненія подтверждается тѣми немногими примѣрами русскихъ сложныхъ словъ, древнее удареніе которыхъ ясно изъ самаго ихъ звукового строя; такъ напр. наше *расчётъ* съ род. *расчёта* писалось *розчетъ*, а въ род. *розочта*: ясно, что эти формы произносились *розчётъ, розо́чта*. Мы говоримъ *почётъ, зачётъ, начётъ, прочётъ, отчётъ, учётъ, недочётъ* (при оговоренномъ выше исключеніи *вы́четъ*) съ род. *прочёта, зачёта* и пр. (какъ и *вы́чета*), но *причтъ*, которое впрочемъ заимствовано съ церковно-славянскаго; а первоначально склоняли, очевидно, *почётъ, по́ч(ь)та, по́ч(ь)ту* и т. д., откуда *по́чтовать* (теперь *по́тчивать*); ср. чеш. počet (*счетъ*) — род. počtu, účet — род. účtu. Отъ *счётъ* съ род. *счёта* въ прежнемъ языкѣ мы должны ожидать род. **со́ч(ь)та*. На ряду съ *заёмъ* — род. *займа́* или *за́йма* мы говоримъ *пріёмъ* — род. *пріёма*; но для старины слѣдуетъ предположить род. *пр́іима*, а польскому sejm (изъ косв. пад.), чешскому sněm (древній им.)

должно соотвѣтствовать древне-русское *съе́мъ* съ род. *со́йма*. При нашихъ *прото́ръ*, *зато́ръ*, *уто́ръ* поучительно сохранившееся въ юридическомъ языкѣ древнее множественное *про́тори*. Такъ-же, можетъ быть, объясняется и мн. *ко́чни* изъ **ко́чани* отъ *коча́нъ*, каково-бы ни было происхожденіе этого слова (ср. тур. *кöк* синій, зеленый, зелень). Хотя мы говоримъ *заво́дъ*, *наво́дъ*, *отво́дъ*, *приво́дъ*, *уво́дъ*, *разво́дъ*, отъ *прово́дъ* мн. ч. звучитъ *про́воды*, удареніе котораго уцѣлѣло изъ древности потому, что это слово обозначаетъ дѣйствіе, обставленное въ старину обрядами. То-же удареніе осталось во мн. *по́хороны*, *су́мерки*, у Малорусовъ въ *до́світки*, *по́сідки* и др. *Перемы́шль* (въ Калужской губерніи) похоже на им. пад., а *Пере́мышль* (въ Червонной Руси) — на косвенные. То-же въ сложеніяхъ съ именами и глаголами впереди. Великорусскія *злодѣ́й* и *добродѣ́й* могутъ относиться къ малорусскимъ *зло́дій* и *добро́дій* какъ именительный падежъ къ косвеннымъ. Малорусскія *пройди́-світ*, *пруди́-ус*, *Переби́й-ніс* легко объяснить изъ косвенныхъ падежей. Сюда-же, вѣроятно, относится и удареніе *бого́словъ*, теперь чуть-ли не совсѣмъ вытѣсненное общеупотребительнымъ *богосло́въ*. *Переяславъ*, *Переяславль* можно слышать съ двоякимъ удареніемъ — на предпослѣднемъ и на послѣднемъ слогѣ, а прежде, вѣроятно, им. *Переясла́въ* — род. *Пере́яслава*. Если такъ, въ фамиліи *Вячо́словъ* мы имѣемъ право видѣть не произведеніе отъ какого-то невѣдомаго и невозможнаго имени **Вячеслъ*, а сокращеніе изъ *Вяче́славовъ* съ удареніемъ косвенныхъ падежей *Вяче́слава* и т. д. (ср. А. И. Соболевскій, Лекціи изд. 3 стр. 148). Въ сложеніяхъ съ именами и глаголами впереди качество ударенія второй части не имѣетъ той важности для мѣста ударенія, какъ въ сложеніяхъ предложныхъ, такъ какъ первыя подчиняются готовымъ праславянскимъ образцамъ. Потому и возможны *Святосла́въ* — *Свято́слава* — *Свято́славичь* — *Свято́славль* (по аналогіи большинства падежей), *Яросла́въ* — *Яро́слава* — *Яро́славль* и т. п., хотя *сла́ва* имѣло восходящее удареніе, какъ видно изъ сопоставленія чешскаго sláva съ сербскимъ *сла̏ва*. На основаніи такихъ примѣровъ, какъ *Вячесла́въ* — *Вяче́слава* наше удареніе имени *Влади́міръ*, особенно при сравненіи съ *Чести́міръ*, *Яроми́ръ*, *Казими́ръ*, *Тихоми́ръ* и т. п., кажется принадлежностью косвенныхъ падежей, такъ какъ именительный падежъ долженъ звучать въ древне-русскомъ языкѣ *Володимѣ́ръ*, а родительный — *Володи́мѣра* (если не съ *е* вм. *ѣ*). Галицкій поэтъ Иванъ Гушалевичъ въ своемъ стихотвореніи «Крещеніе Руси» упоминаетъ это имя 5 разъ:

Они приходятъ къ Владиміру.

Онъ просвѣтитъ Володиміра.

Святого Владиміра дѣло.

Что подъ святого Владиміра
Рукою крѣпнути могла.

Блаженный душе Владиміра!
Надъ Русью солнцемъ ты сіяй,
Всѣхъ насъ согрѣй — и маловѣра —
А тучи вражи поражай!

— вездѣ съ удареніемъ на второй части сложенія, т. е. прямо противоположнымъ нашему вслѣдствіе иной основы просодическаго объединенія падежей. По-польски такія имена произносятся двояко: Włodzimierz и Włodźmierz, Kazimierz и Kaźmierz и т. д., изъ которыхъ первыя могутъ восходить къ косвеннымъ падежамъ, а вторыя — къ именительному. Послѣднія едва-ли можно сравнивать съ сербо-хорватскими *Ву̏кмӣр*, *Ру̏смӣр*, *Драгомӣр* при родительномъ *Ву̏кмира*, *Ру̏смира*, *Драго̀мира*: въ нихъ удареніе именительнаго падежа заимствовано, вѣроятно, у звательнаго, въ которомъ также не исконно, а явилось по аналогіи съ нѣкоторыми несложными именами вмѣсто древнѣйшаго **Драго̏мире* и т. п.; ср. *Бо̏гољуб* при правильномъ *Бого̀љӯб*. Что̀ до косвенныхъ падежей, то ихъ удареніе восходитъ, по видимому, къ древнѣйшему им. п. *Драгомӣр* и пр. Память о старомъ удареніи косвенныхъ падежей сохранилась въ *Jѐздимир*, *Ста̀нимир* и во многихъ нарицательныхъ, какъ *до̀бротвор*, *зло̏твōр*, *ви̏ногра̄д*, *пла̀чидрӯг*, *ра̀збигӯз*. Любопытно, что русское *В(ъ)се́володъ* въ Словѣ о полку Игоревѣ встрѣчается исключительно съ удареніемъ на томъ слогѣ, гдѣ оно слышится и теперь, какъ будто удареніе подъ вліяніемъ позднѣйшей долготы могло переходить на конецъ (не считая конечныхъ *ъ* и *ь*) только съ предпослѣдняго слога. Впрочемъ ни въ предложныхъ сложеніяхъ, ни при энклизѣ это ограниченіе не наблюдается.

Неустойчивость ударенія замѣчается и въ нѣкоторыхъ простыхъ словахъ на -*ъ* и -*ь*, напр. *тво́рогъ* — род. *тво́рога* и *творо́гъ* — род. *творога́* или *творогу́* (моск.), *пе́редъ* (серб. *при̏јед*) — род. *пе́реда* и *перёдъ* — род. *переда́*, *че́редъ* — род. *че́реда* (ср. поговорку изъ двухъ стиховъ:

Вертитъ баба задомъ и передомъ,
А свѣтъ идетъ своимъ чередомъ)

и *черёдъ* род. *чередá* (ср. дат. по *чередý*), *торгóвецъ* (серб. *трговац*) — род. *торгóвца* и *торговéцъ* — род. *торговцá*; особенно при сравненіи нашего обычнаго языка съ пѣсеннымъ: *сóколъ* — род. *сóкола* и *сокóлъ* — род. *соколá* (серб. *со̏ко̄* — род. *со̏кола*), *сéлезенъ* — род. *сéлезня* и *селезéнъ* — род. *селезня́* (? ср. фамилію *Селезнёвъ*), *молодéцъ* — род. *молодцá* и *мóлодецъ* — род. *мóлодца*. И эти колебанія могутъ быть объяснены, по крайней мѣрѣ, отчасти, разницей ударенія по падежамъ: *творóгъ* — *твóрога*, *перéдъ* — *пéреда* и т. д. Нѣкоторое сомнѣніе возникаетъ по поводу ударенія *сóколъ* — *сóкола* въ виду не только сербскаго *со̏ко̄* съ производнымъ *соко̏лов*, *соко̏лић*, но и русскихъ производныхъ *сокóликъ*, *сокóльникъ* и *Соколóвъ*, *Соколóво* (впрочемъ слово съ наставкой *-ьнико-* само по себѣ не доказательно). Возможно, что вслѣдствіе частаго употребленія слова *соколъ* въ обращеніи къ собесѣднику удареніе звательнаго падежа *сóколе* (серб. *со̏коле*) было перенесено у насъ на другіе косвенные падежи, а съ нихъ — и на именительный. Такъ произошло, вѣроятно, и удареніе упомянутыхъ выше сербскихъ собственныхъ именъ. Во всякомъ случаѣ этотъ переносъ, впрочемъ необязательный для русскаго языка вообще, долженъ былъ совершиться давно, такъ какъ въ Словѣ о полку Игоревѣ, хотя нѣкоторыя мѣста допускаютъ удареніе *сокóлъ* (ст. 613 и 617, а въ ст. 670 и 673 —, можетъ быть, и *сокóлѣмь*), однако не требуя его безусловно, за то другія положительно свидѣтельствуютъ за удареніе *сóколъ* и также *сóколичь*, *сóкольць*. Нельзя не обратить вниманія на то, что и въ *селезéнь* — *сéлез(ь)ня*, *молодéцъ* — *мóлод(ь)ца* и другихъ трехсложныхъ, имѣющихъ или имѣвшихъ тѣ-же ударенія, должно скрываться дѣйствіе какихъ-то иныхъ образцевъ. Иначе не объяснимы со стороны фонетики ни переносъ ударенія въ им. п. не съ непосредственно предшествующаго слога, какъ въ предыдущихъ примѣрахъ, а черезъ слогъ (не считая *ъ*), ни мѣсто ударенія въ косвенныхъ падежахъ, гдѣ оно за выпускомъ звука *ъ* должно было-бы стоять на предпослѣднемъ слогѣ, какъ въ *молóдчикъ*, въ малор. зват. *молóдче*, во мн. ч. *волóс(ъ)ки*, *глáз(ъ)ки*, *зýб(ъ)ки*, *рóж(ъ)ки*, *сапóж(ъ)ки*, діалект. *башмáчки*, (на) *кулáчки*, *кули́чки* (? въ поговорочныхъ «къ чёрту на кули́чки» и «у чёрта на кули́чкахъ» — ср. «къ чёрту въ болото» и «всякъ куликъ свое болото хвалитъ»), малор. *чýл(ъ)ки* отъ *волосóкъ*, *глазóкъ*, *зубóкъ*, *рожёкъ*, *сапожёкъ*, *башмачёкъ*, *кулачёкъ*, *куличёкъ*, *чулóкъ* съ род. *волоскá*, *глазкá* и т. д., куда можетъ относиться и *въ ти́скахъ* (П. Симони, Къ исторіи обихода и пр. стр. 49). Эти образцы, вѣроятно, — сложныя слова, за которыми послѣдовали и многія простыя, разбираемыя отчасти ниже.

Догадка о падежномъ происхожденіи указанныхъ колебаній ударенія

подтверждается весьма обыкновеннымъ различіемъ удареній по падежамъ въ пѣсенномъ языкѣ: *кора́бль — ко́рабля*, *мужи́къ — му́жика* (мн. ч. *му́жики* — ср. серб. *ла̀нци* отъ *ла̀нац*, *мо̏мци* отъ *мо̀мак*, *но̀вци* отъ *но̀вац*), *жеребе́цъ — же́ребца*, *бережёкъ — бе́режка*, *горноста́й — горно́стая*; такъ, вѣроятно, и названіе города **Ледене́цъ — Ле́денца*. Слово *рубе́жъ* (съ нѣсколько страннымъ, но общепринятымъ *é*, а не *ё*) мы склоняемъ *рубежа́*, *рубежу́* и т. д., но въ старинной пѣснѣ есть и

На литовскомъ на рубежѣ,

что̀ для косвенныхъ падежей можетъ быть болѣе древнимъ. Это удареніе слышится иногда также въ им. п., но попало въ него, вѣроятно, изъ косвенныхъ. Современное *Нѣмецъ* извлечено, можетъ быть, изъ множественнаго *Нѣмьци*, *Нѣмцы*, а прежде звучало, по всей вѣроятности, **Нѣмь́ць*, судя по написаніямъ *нѣмцы*, но *немчина* въ только-что упомянутыхъ грамотахъ съ *ѣ = é* и по фамиліи *Нѣмчи́новъ*. Отсюда при множественномъ *По́ловьци* можно вывести единственныя **Полові́ць* и *Половьчи́нъ*, а въ такомъ случаѣ возможно, что ст. 129 долженъ читаться приблизительно такъ:

Ни тобѣ, чьрный вороне,   поганыи   Половьчине.

Особенно богаты наши пѣсни примѣрами такого склоненія въ словахъ и собственныхъ именахъ иноязычныхъ: *атама́нъ — ата́мана* съ производнымъ *по̀дата́манье*, *богаты́рь — бога́тыря* (но *богаты́рскій*), *монасты́рь — мона́стыря* (но *монасты́рскій*), *жемчу́гъ — же́мчуга*, *боя́ринъ* — мн. ч. *бо́яра* или *бо́яры*, *скоморо́хъ* — мн. *ско́морохи*, *Ерусали́мъ — Ерýса́лима*, *Балда́къ — Ба́лдака*. Такъ-же, по всей вѣроятности, **чембу́ръ* (теперь *чумбу́ръ* и *чу́мбуръ*) — мн. ч. *че́мбуры*, **богилы́къ* (нѣчто въ родѣ capite census — отъ тур. *башлы́к* головной, поголовный, откуда и наше нынѣшнее *багилы́къ*) — мн. *бо́гилыки*, **Сарта́къ* — род. *Са́ртака*, **Лонша́къ* (? = *Алым-ша́h*?) — род. *Ло́ншека* (вм. *Ло́ншака*? ср. *ло́шади* — фонетически *ло́шеди*). Эти пѣсенныя ударенія, очевидно, древнія, достойны тѣмъ бо́льшаго вниманія, что русскія пѣсни въ древнѣйшей своей редакціи восходятъ едва-ли далѣе XVII в., а письменные памятники уже съ XVI в. показываютъ въ этихъ и имъ подобныхъ словахъ другія, новѣйшія, ударенія, напр. въ московскихъ грамотахъ съ *ѣ = é*, изданныхъ Л. Л. Васильевымъ (см. выше), *арлыкѣ* (1571 г.), *Кобакѣ* (1571), *асакѣ* (1609), *в монастырѣ* (1646), въ Стоглавѣ *мужикѝ*, *скоморѡхи*, *по монастырéмъ* и т. п. Древнія заимствованія, каково-бы ни было ихъ происхож-

деніе, *батóгъ* и *сапóгъ* должны были въ косвенныхъ падежахъ имѣть ударение па первомъ слогѣ, потому что иначе они такъ-же, какъ *богатырь*, *монастырь* и т. п., не могли-бы предохранить свое *а* отъ перехода въ *о*. Почти навѣрно можно предположить такое-же ударение для имени *Олéгъ* — род. *Óльга* съ производнымъ *Óльговичь*, которое иначе и не произносится въ наше время. Измѣненіе именъ *Михаилъ* (Μιχαήλ), *Мануилъ* (Μανουήλ), *Самуилъ* (Σαμουήλ), *Измаилъ* (Ἰσμαήλ) въ *Михáйло, Манýйло*, *Самýйло* или *Самóйло*, **Измáйло* (ср. фамилію *Измáйловъ*) всего легче объяснить удареніемъ косвенныхъ падежей *Михáила*, потомъ *Михáйла* и пр. Тотъ-же переносъ ударенія мы видимъ въ имени *Израиль*, которое въ именительномъ падежѣ звучало нѣкогда, вѣроятно, такъ-же, какъ по-гречески — **Израйль* (Ἰσραήλ). *Иродъ* при Ἡρώδης едва-ли могло образоваться иначе, какъ изъ косвенныхъ падежей. Тѣмъ-же могутъ быть обусловлены *Никóла* при *Николáй* (или наоборотъ: ср. Νικόλαος) и *Фóфанъ* при *Θеофáнъ* (Θεοφάνης). Фамиліи татарскаго происхожденія *Мáнсуровъ* (но и *Мансýровъ*), *Балóбановъ*, *Тулýбьевъ* ведутъ къ склоненію *Мансýръ* (ар. *Манçýр*) — **Мáнсура*, *Балобáнъ* (тур. *балабáн* родъ сокола) — **Балóбана*, **Тулубéй* (тур. *Тулу-бій*? ср. *Целибѣевъ* отъ тур. *чеlебí* господинъ) — **Тулýбья*. Въ рукописяхъ съ удареніями встрѣчается *Соломóнъ* — *Солóмона* съ производнымъ *Солóмонь*. Нерѣдко въ нихъ и *Солóмонъ* въ им. п., но, очевидно, уже подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей, откуда тамъ-же *Ӏгéмонъ* (ἡγεμών) и сохранившіяся доселѣ *кéларь* (κελλάριος), *óлухъ* (тур. *алýк*), *кýзовъ* (тур. *кызáў*), *бéркутъ* (тур. *бýркӯт*), *шáхматы* (перс.-ар. *шаhма̄т*), *мéринъ* (калм. *мöрӣн* лошадь), малор. *бýзівок* (тат. *бузáў* теленокъ), имена *Óсипъ* (Ἰωσήφ), прежде и *Éсипъ* (ср. *Éсиповъ*) и малор. *Прóкіп* (Προκόπιος, откуда *Прокóпій*, в.-р. *Прокóфей, Прокóпъ*). Пѣсенное *Ерусáлимъ градъ* можетъ зависѣть кромѣ того отъ ритма стиха и отъ пѣсенной связи этихъ двухъ словъ, какъ *Кáлинъ царь* и *Кýнгуръ царь* вмѣсто *Калúнъ* и *Кунгýръ*. Еще и теперь отъ слова *козёлъ* образуется мн. ч. *кóзлы* съ род. *кóзелъ* въ смыслѣ сидѣнья возницы (нѣм. Bock), а на сѣверѣ склоняютъ *кабáкъ* — мн. *кáбаки* (изъ пѣсни), *кабáтъ* (родъ женской кофты, новогр. καββάδιν) — мн. *кáбаты*. Сюда-же, вѣроятно, относится твор. п. ед. ч. въ смыслѣ нарѣчія *кýбаремъ* отъ *кубáрь* (κομβάριον) род. (теперь) *кубаря́*. Такъ-же можетъ объясняться *архимандрúтъ* (ἀρχιμανδρίτης) и *архимáндритъ*. Любопытна фамилія *Вóлоховъ* отъ слова *Волóхъ* (или *Волóшинъ*), котораго предполагаемый род. п. **Вóлоха* не совпадалъ-бы съ сербскимъ род. *Влȁха* отъ *Влȃх*. При такихъ условіяхъ допустимо производство загадочнаго *полоýмный* отъ новогреческаго παλαβωμένος «одурѣлый» черезъ **полоумéнъ* съ род. п. *полоýм(ъ)на* (см. Изв. Имп. Ак. Н. 1907, стр. 763—766).

Для знакомыхъ съ исторіей языковъ вообще и русскаго языка въ частности нѣтъ нужды въ оговоркѣ; что указанные выше случаи переноса удареній представлены здѣсь не въ историческомъ порядкѣ. Тѣ изъ нихъ, которые предполагаютъ разницу между удареніями восходящимъ и нисходящимъ, относятся къ эпохѣ общеславянской, отчасти даже къ балто-славянской; другіе, которые основаны на протяженіи гласныхъ, послѣдовавшемъ за постепенной утратой слоговой длительности гласныхъ ъ и ь, могутъ считаться возникшими еще въ исходѣ общеславянской эпохи, но окончательно развились и опредѣлились уже въ русскомъ языкѣ. Нѣкоторыя явленія объясняются лишь аналогіей фонетически правильныхъ примѣровъ и потому могли произойти во времена, еще болѣе поздния.

Какъ-бы то ни было, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ и относящихся къ нимъ соображеній въ Словѣ о п. И. слѣдуетъ, по видимому, читать не только *Свято́слава*, *Свято́славичь*, *Свято́славль*, *Яро́славу*, *Яро́славль*, *Мьсти́славу*, *Мьсти́славичь*, *Вяче́славичь*, *Гори́славичь*, *Всесла́ву*, *Въсе́славль*, *Бря́числава*, *Рости́славу*, *Рости́славль* при им. п. *Святосла́въ*, *Яросла́въ*, *Изясла́въ* и т. п., но и **Дажьбо́гъ* — **Дажь́бога* — *Дажь́божь*, **Осьмомы́слъ* — *Осьмо́мыслѣ*, *Боя́нъ* (тур. и монг. *баја́н*, а едва-ли отъ *бояти-ся*, какъ думалъ Потебня) — *Бо́яна* и *Бо́янь*, **Троя́нъ* (Trajánus) — *Тро́янь*, *Кобя́къ* (тур. *кӧбӓ́к* собака) — *Ко́бяка*, *Шарока́нъ* (тур. *Шару́-ка́н?*) — *Шаро́кань*, *Давы́дъ* (Δαυίδ) — *Да́выде*, **Тъмуторока́нъ* (тур. *Тему́р-тарка́н?*) — *Тъмуторо́кань*, *Коньчя́къ* (тур. *кочча́к* молодецъ) — *Ко́ньчяка*, **Топъчя́къ* (тур. *топча́к* родъ лошади) — *То́пъчякы*, *оксами́тъ* (ἐξάμιτος) — *окса́миты*, *бълва́нъ* (тур. *балва́н* изъ перс. *пahлава́н*) — *бълване*, *харалу́гъ* (тур. **харалу́ҕ* вм. *каралы́к* чернота) — *хара́лузь* (но *харалу́жьный*), **шерши́ръ* (ср. перс. **тӣрі чарх* «стрѣла колеса», названіе какого-то метательнаго снаряда, какъ предполагалъ проф. Пл. М. Меліоранскій, или сарт. *чірчі́р* родъ чесалки) — *шере́ширы*, *салъта́нъ* (ар. *султа́н*) — *са́лътаны*. По сравнительно ясному *То́пъчякы* и хорошо извѣстному изъ пѣсенъ *Олы́беры* поставлено удареніе и въ сомнительныхъ *Та́траны*, *Ше́льбиры* и *Ре́вугы*. Возможно и, судя по *а* перваго слога, даже очень вѣроятно, что наше старинное названіе Черкесовъ произносилось *Ка́сози* (осет. *кӓса́г*); однако стихъ 18 долженъ читаться такъ, какъ и напечатано въ текстѣ:

Передъ пълкы касожьскыми:

ср. *богаты́рскій*, *монасты́рскій* при род. *бога́тыря*, *мона́стыря*. А если такъ, ст. 94 чуть-ли не вѣрнѣе читать по такимъ удареніямъ:

И тобѣ, Тьмутороканьскыи   бълване

съ нарушеніемъ правила, по которому въ былевомъ стихѣ второстепенное (не третьестепенное) ритмическое удареніе можетъ падать лишь на послѣдній слогъ слова, носящаго на своемъ разговорно ударяемомъ слогѣ главное ритмическое удареніе. Это уклоненіе можно было-бы оправдать не только необычайною длиною слова и долготою *а* передъ сочетаніемъ звуковъ *-ньскыи*, гдѣ звукъ *ь* очень коротокъ, но и тѣмъ, что въ имени *Тьмуторо́кань* чуялось почти два слова, откуда и разсѣченіе его цезурою въ ст. 496:

До куръ Тьму-   торокани.

Изъ иноязычныхъ собственныхъ именъ обращаетъ на себя особое вниманіе *Дуна́й*, въ новомъ языкѣ не мѣняющее своего ударенія, какъ и по-сербски; но у Сербовъ *Ду̏нāj*, *Ду̏нав*, *Ду̏наво* (однако прилагательное *ду̀нāвскӣ* ср. *богаты́рскій* и т. п.), а имъ, конечно, лучше было извѣстно туземное имя этой рѣки, существовавшее до прихода Славянъ на ея берега,— имя, вѣроятно, ѳракійское, родственное имени *Донъ* и, можетъ быть, *Дънѣстръ* и *Дънѣпръ*. Отсюда возможность предположенія, что это имя нѣкогда склонялось у насъ *Дуна́й* — *Ду́ная*. Ниже въ текстѣ принято нынѣшнее удареніе, но законы былевого стиха не мѣшаютъ читать ст. 394

Затворивъ Дунаю   ворота,

ст. 396

Суды рядя   до Дуная,

ст. 515 (измѣненный въ текстѣ)

Копія поють   на Дунаи,

ст. 518

Полечю [рече] зегъзицею   по Дунаеви,

ст. 635

Дѣвицѣ поють   на Дунаи.

Изъ русскихъ словъ сюда относятся **мо́гу́тъ* (ср. *жгу́тъ*, *лоску́тъ*) — мн. *мо́гути* (ср. род. ед. *ло́скута*, откуда им. ед. мѣстами *ло́скутъ* и фамилія *Ло́скутовъ*) и *кора́бль* (καράβιον) — *ко́рабля*. Сильныя сомнѣнія возбуждаетъ

слово *соловій*, теперь *соловéй* — *соловья́* во всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ русскаго языка. Однако въ великорусскихъ пѣсняхъ по сборнику XVIII в., приписываемому Киршѣ Данилову, хотя напр.

Засвисталъ Соловей   по соловьиному,

но также

Ты послушай меня, Соловей   разбойникъ младъ,

вѣроятно, вмѣсто первоначальнаго *сóловью*, и

Замыслы Соловья   Будимiровича,

откуда «Солóвьева мáтушка»; уменьшительное всегда *солóвушка*, и въ сборникахъ сѣверныхъ былинъ форма *Солóвьютко* неоднократно отмѣчена такимъ удареніемъ, напр. «Бѣломорскія былины» В. Маркова стр. 536; есть, говорятъ, въ Можайскомъ уѣздѣ Московской губерніи или въ Гжатскомъ Смоленской село *Сóловьево* (не *Соловьёво*, какихъ нѣсколько); по-малорусски зват. п. *солóвъю*; по-сербски, помимо обычнаго *сла̏вуј* — р. *славу́ја*, есть и *сла̑вје* — р. *сла̑вја* или *сла̑вља*. И такъ по-русски этому слову было свойственно троякое удареніе: *соловéй* въ им. п. и *солóвья* или *сóловья* въ косвенныхъ, и послѣднее удареніе извѣстно также въ сербскомъ языкѣ. Первыя два могутъ находиться въ связи съ сокращеніемъ гласныхъ *-и* и *-ъ*, но третье принадлежитъ, вѣроятно, славяно-балтійскому *sṷȃlvį̑a, состоящему въ родствѣ съ др.-в.-нѣм. swal(a)wa — н.-в.-нѣм. Schwalbe, англ. swallow «ласточка», а русская форма можетъ восходить какъ къ общему праславянскому первообразу, такъ и къ его діалектической разновидности **сóловиј*ъ, предположенія которой требуетъ верхне-лужицкое syłobik, нижне-лужицкое syłowik, sołojk, syłojk. Потому въ текстѣ принято послѣднее удареніе, но возможно и второе, какъ видно изъ слѣдующей размѣтки ст. 51:

О Бояне,   соловію старого веремене,

ст. 53:

Скачя, соловію, мыслію   по дереву,

ст. 55:

Съвивая, соловію,   оба полы   сего веремене,

ст. 108:

Щекътъ соловіи   усъпе,

ст. 611:

Соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдають.

Допустимо и то, что ударенія существительнаго были *солові́й* — *со́ловія*, а прилагательнаго — *соло́вій*.

Слово *шеломъ*, употребляемое теперь только въ поэтическомъ языкѣ, во всѣхъ падежахъ мы произносимъ съ удареніемъ на *о*; но пѣвецъ Слова о п. И. говорилъ *ше́ломъ*, *ше́лома* и т. д. съ неподвижнымъ, т. е., первоначально, восходящимъ, удареніемъ на *е*, какъ можно заключить изъ того, что нигдѣ не замѣтно переноса ударенія на предлогъ, хотя сѣверное *шоломъ*, если первое его *о* явилось еще до перехода ударяемаго *е* въ *ё* (или *о*), могло-бы указывать на *шело́мъ*. Профессору А. Е. Крымскому я обязанъ свѣдѣніемъ о другой формѣ этого слова, имѣющей удареніе на первомъ слогѣ: то-же др.-в.-н. hëlm, къ которому восходитъ слав. **шелмъ*, общерусское *шеломъ*, перешло позже въ малорусскій языкъ въ видѣ **је́ломъ* — *йо́лом* (родъ шапки, откуда уменьшительное *яломо́к* ермолка).

Мы склоняемъ *по́лкъ*, *полка́* или *полку́* (напр. въ поговоркѣ «нашего полку́ при́было»), *полку́*, *полко́мъ*, (въ) *полку́*, мн. ч. *полки́* и т. д. Родительный на *-у*, помимо понятій дѣлимаго вещества, какъ *песку́* отъ *песо́къ*, производится въ новомъ велико-русскомъ языкѣ отъ существительныхъ, ударяемыхъ вообще не па падежныхъ окончаніяхъ, и то преимущественно при энклизѣ, напр. *до́мъ* — *до́ма* — *и́зъ дому*, *ро́дъ* — *ро́да* — *о́тъ роду*, и потому его *-у* не привлекаетъ на себя ударенія, а мѣстный на *-у*, хотя производится отъ того-же разряда именъ, имѣетъ удареніе всегда на окончаніи, напр. *мо́стъ* (серб. *мȍст*) — *мо́ста* (серб. *мȍста*) — (на) *мосту́* (серб. *на мо̏сту*). Такимъ образомъ и родительный и мѣстный *полку́* при *полка́* и т. д. представляютъ собою уклоненія отъ общаго правила. По-сербски *пу̑к* — род. *пу̑ка* и т. д., что̀, будучи переложено на русскіе звуки, даетъ *пълкъ* — *пълка*. Такое удареніе или подобное ему, падающее на первый слогъ, объяснило-бы форму *пълку́*, по крайней мѣрѣ, въ мѣстномъ падежѣ, а для объясненія ея въ родительномъ было-бы можно воспользоваться аналогіей понятій дѣлимаго вещества, съ которымъ понятіе *полкъ* близко соприкасается, какъ собирательное, при чемъ за исходную точку мы были-бы должны принять не **пълка*, **пълку* и т. д., а *полка́* и пр. Причина переноса ударенія съ корня на падежныя окончанія могла заключаться не только во вліяніи другихъ подобныхъ случаевъ, но и во множественномъ числѣ, которое произносилось, по видимому, съ удареніемъ на окончаніяхъ кромѣ творительнаго *пълкы*, отличавшагося такимъ образомъ отъ винительнаго *пълкы́*. То-же отношеніе между

ед. ч. и мн. обнаруживаетъ слово *мо́стъ*, отъ котораго впрочемъ Слово о п. И. представляетъ примѣръ только вин. мн. Отъ словъ *мѐчь* и *щѝтъ* съ род. *меча́*, *щита́* (серб. *ма̏ч* — *ма̀ча*, *шти̑т* — *шти̏та*) твор. мн. *мечи́*, *щиты́*. Отъ слова *тýлъ*, которое мы склоняемъ по преданію *тýла*, *тýлу* и т. д. (у Дмитріева «Разсы́павъ стрѣ́лы всѣ́ изъ ту́ла»), въ Словѣ встрѣчаются, кромѣ им. мн. *тýли*, также твор. мн. и вин. мн., но ударенія и того и другого неясны. *Туръ*, судя по ст. 383, произносилось и въ косвенныхъ падежахъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, хотя теперь слышно *тура́*, *туру́* и т. д., при чемъ однако можетъ быть не лишено значенія то обстоятельство, что прежде *туръ* (ср. греч. ταῦρος, лат. taurus, ар. θаур, евр. шôр) означало зубра или дикаго быка (bos urus или bos primigenius, греч. βίσων, др.-в.-н. wisunt), а теперь такъ называется родъ горнаго барана. Мы говоримъ *Доне́цъ*, род. *Донца́*, а въ Словѣ это имя звучало, по видимому, *До́ньць* съ род. *До́ньця*, что̀ и естественно при удареніи коренного *До́нъ* — *До́на*. Изъ словъ, упомянутыхъ на стр. XX, *кожухъ* является съ неподвижнымъ удареніемъ въ ст. 119, а *дворъ* въ ст. 265 можетъ быть принято за энклитику, т. е. за слово съ первоначальнымъ нисходящимъ удареніемъ на первомъ слогѣ:

Емляхуть дань по бѣлѣ   отъ двора.

Въ словахъ средняго рода древне-русскій языкъ допускалъ какъ будто нѣсколько меньшую подвижность ударенiй. Такъ мы находимъ въ старыхъ текстахъ, снабженныхъ удареніями, им. и вин. мн. ч. *пи́смена*, твор. мн. *и́мены* и т. п., *ку́рята*, *чи́плята* (ср. *вну́чата* не только у Державина, но даже у Грибоѣдова), въ пѣсняхъ *и́мена* и *сѣ́мена*. Отъ словъ съ наставкой *-ес-* мн. ч. было, какъ теперь, на *-са́*, напр. *небеса́*, *словеса́*, и на старую подвижность ударенія въ такихъ словахъ указываетъ сохранившаяся до нашего времени энклиза въ *на́ небо*, *до́ неба*, *по́ небу* (откуда, можетъ быть, *на́ небеси* въ ст. 633), *на́ слово*, *сло́во за́ слово* («отъ слова до сло́ва» у Лермонтова); но твор. мн. во второмъ стихѣ Слова требуетъ ударенія на корнѣ — *сло́весы*. Такъ-же, вѣроятно, въ основахъ на *-о: ста́ды*, *ве́слы*. Отъ *мѣсто* въ старыхъ текстахъ съ удареніями попадается мн. ч. *мѣста* (напр. *мѣста* им.-вин. мн. ч., *мѣстомъ* дат. мн., *мѣстѣ* мѣстн. мн. въ грамотахъ съ *ѣ* = *е́*, изданныхъ Л. Л. Васильевымъ, «Къ исторіи звука ѣ въ московскомъ говорѣ въ XIV—XVII вѣкахъ» — Изв. Отд. р. яз. и сл. Имп. Ак. Н. X 2 стр. 177—227, гдѣ ср. Объясненіе 5; также въ Домостроѣ дат. мн. *мѣстомъ*, П. Симони, Къ исторіи обихода стр. 139, 141, 152 трижды *мѣ-*

стомъ дат. мн., *мѣстехъ* 182, *мѣстами* 159, но *мѣста́ми* 200, и т. п.); потому вполнѣ вѣроятно, что ст. 121 слѣдуетъ читать такъ:

По болотомъ и грязивымъ   мѣстомъ.

Неподвижно было удареніе и въ словѣ *дѣло*, какъ видно изъ примѣровъ *тѣ дѣла*, *дѣломъ* дат., *дѣлы* твор., *дѣлехъ* въ тѣхъ-же грамотахъ, изданныхъ Л. Л. Васильевымъ, который въ томъ-же Объясненіи приводитъ изъ Уложенія *подѣ́ломъ*, *за тѣми дѣ́лы*, *дѣ́лехъ*. Употребительное теперь удареніе мн. ч. *дѣла́*, *дѣла́мъ*, *дѣла́ми*, *дѣла́хъ*, изрѣдка попадающееся уже въ XVII в., состоитъ, по видимому, въ связи съ новыми окончаніями *-а́мъ*, *-а́ми*, *-а́хъ*, аналогіи которыхъ со стороны ударенія подверглось и древнее *-омъ* въ выраженіи *по дѣло́мъ*. Такимъ образомъ подвижность ударенія въ этомъ словѣ оказывается явленіемъ позднѣйшимъ, и потому ст. 406 вѣрнѣе читается такъ:

Хоробрая мысль   носить ва   съ у(е)мь   на дѣло.

И въ рукописяхъ и въ старопечатныхъ книгахъ, по языку, правда, не свободныхъ отъ церковной славянщины, обычно удареніе мн. *лѣ́та*, *въ лѣ́тѣхъ*, и до сихъ поръ поется у насъ и у южныхъ Славянъ «мно́гая лѣ́та», и то-же удареніе подтверждается стихотворною поговоркой о «Спиридонѣ — поворотѣ» (12 декабря), которая подъ Москвою произносится такъ:

Солнце на лѣто,   зима на морозъ.

И въ Словѣ ст. 173 можно читать такъ:

Минула лѣта   Ярославля.

Особо можно отмѣтить *се́ребро* съ удареніемъ, до сихъ поръ употребительнымъ въ пѣсняхъ, и *замы́шленіе*, сходное съ пѣсенными *дѣя́нье*, *утѣ́шенье*, *утишенье*, *послу́шанье*, *постри́женье*, *пойманье*, съ извѣстнымъ изъ размѣченныхъ удареніями текстовъ *золо́ченье* (П. Симони, Къ обиходу и пр. стр. 118) и др., ударяемыми въ нашемъ литературномъ языкѣ обыкновенно за корнемъ (хотя *мы́шленіе* обычно), а въ старину и отчасти въ просторѣчіи — на корнѣ, какъ причастія прошедшаго времени страдательнаго залога отъ тѣхъ-же основъ.

Древнее склоненіе словъ женскаго рода на *-á*, *-я́* съ подвижнымъ удареніемъ отличается отъ новаго между прочимъ отдачей ударенія на задъ не только въ винительномъ падежѣ ед. ч. и въ именительномъ и винительномъ мн. ч., но и въ дательномъ и звательномъ ед. ч. Послѣднее, вмѣстѣ съ самой формой, хотя иногда измѣненной, сохранилось въ нарѣчіяхъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ, а первое живетъ теперь только въ сербо-хорватскомъ языкѣ: *вȍда* — дат. *вȍди*, *глáва* —дат. *глáви*. Но что такое удареніе было нѣкогда свойственно и русскому языку, можно заключить изъ примѣровъ, приведенныхъ въ Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н. (т. II «О русскомъ народномъ стихосложеніи»), между которыми есть изъ Слова дат. *гóловѣ.* Кромѣ того *зéмли, рѣ́цѣ* (серб. *зȅмљи*, *рȉјеци*), *Сýлѣ* въ сочетаніяхъ *пó земли* (ст. 10), *кȍ рѣцѣ* (ст. 610), *пó Сулѣ* (ст. 420). Существительныя на *-а* съ подвижнымъ удареніемъ переносятъ его въ имен. — вин. падежѣ мн. ч. на первый слогъ. Такъ въ ново-русскомъ языкѣ, и сербскій языкъ признаётъ это правило; но въ русскомъ оно соблюдалось прежде далеко не послѣдовательно. Напр. въ статьяхъ XVI—XVII в., обнародованныхъ П. К. Симони въ сочиненіи «Къ исторіи обихода» и т. д., встрѣчаются мн. ч. *землѝ* (52), *травы̀* (47 и 120), Л. Л. Васильевъ въ Изв. Отд. р. яз. и сл. X кн. 2 и 3 приводитъ изъ Богдановской Псалтыри и другихъ памятниковъ того-же времени мн. ч. *свѣщѝ* (можетъ быть, по ударенію *свѣщà мнóги* Апост. 1564 г.), *беды* (= *бѣды́*, чтò, по указанію Л. Л. Васильева, есть и у В. Майкова), *реки* (= *рѣкѝ*, какъ и напечатано въ Псалтыри 1568 г. и др.), также *слугѝ* и *слугы̀* въ Пчелѣ XVII в., *раѳлѝ* въ Стоглавѣ, *трубы̀*, *жены̀*, *слугѝ* въ Домостроѣ; но съ другой стороны *рѣ́ки* въ Уложеніи и др., *скáмьи*, *нóги* въ Домостроѣ и т. п. Въ Словѣ несомнѣнны ударенія *гóловы* ст. 161 и 416, *стрѣ́лы* 177 и 208, *гóры* 536 (а потому и 57 и 391), *зóрѣ* 555, *стрáны* 639 (и 413?), а другія слова этого рода, хотя въ текстѣ размѣчены такъ, какъ если-бы имѣли удареніе на первомъ слогѣ, допускаютъ иную просодію:

На живыѣ струны въскладашеть (ст. 25).

Рища въ тропу Трояню черес поля на горы (56—57).

Трубы трубять въ Новѣгородѣ (66).

Трубы трубять Городьньскыѣ (461).

Възмути рѣкы и озера (276).

Уже дъскы   безъ кънѣса (300).

Нъ часто бѣды   страдашеть (501).

Пожьрши чюжѣ   ручяѣ и стругы (593).

Къ этимъ примѣрамъ присоединяется

Тѣмь трѣсну (нужя   на чюжѣ) землѣ (412),

если поправка этого стиха вѣрна, и если здѣсь не замѣшана энклиза. Ст. 147 для ударенія *рѫкы* недоказателенъ, потому что первый слогъ этого слова приходится въ немъ лишь подъ третьестепеннымъ удареніемъ.

Существительныя ж. р. на -ь въ новомъ великорусскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, въ народномъ, переносятъ ударенія на окончанія мѣстнаго падежа ед. ч. и косвенныхъ падежей мн. ч. Первое, напр. *па́мять* (серб. *па̏мēт*) — род. и дат. *па́мяти* (серб. *па̏мēти*) — мѣстн. (*на*) *памятѝ* (серб. *у паме́ти*), есть черта праславянская, а второе возникло чуть-ли не въ XVIII в., да и то въ пѣсняхъ находимъ часто род. п. *ле́бедей*, *че́твертей* и т. п. Еще въ XVI и XVII в. тексты съ удареніями даютъ такія-же ударенія почти по всѣмъ падежамъ, напр. въ обнародованныхъ П. К. Симони встрѣчаются *в сѣне*ˣ (стр. 40), *сви́ней* (152 дважды), *на цр̑ьски*ˣ *две́ре*ˣ (181), *ве́ще*ˣ (197), *о ве́ще*ˣ (тамъ-же), *во ве́щехъ* (207), хотя и *моще́мъ* (181). Старо можетъ быть и *частмѝ* (214), но едва-ли то-же удареніе было въ древнемъ *честьми* до полнаго сокращенія звука ь. Потому въ Словѣ несомнѣнно *по́вѣстій*. Сюда, а не къ основамъ на -*а*, должно быть отнесено слово *рѣзань* (а не *рѣзана*, какъ вѣрно замѣчено Потебней), что̀ и принято въ ст. 373.

Жалоба́ встрѣчается и въ пѣсняхъ и относится къ обычному *жа́лоба* такъ-же, какъ западное (и церковно-славянское) *злоба́* (серб. *зло̀ба*) къ общеупотребительному *зло́ба*, *рѣзьба́* къ сѣверному *рѣ́зьба* (напр. у Державина). *журьба́* (малор. *журба́*) къ сѣверному *жу́рьба*, какъ *слу́жба*, *дру́жба* къ сербскимъ *слу̏жба*, *дру̏жба* и, можетъ быть, какъ чешское klетba къ чешскому-же klatba. Вообще наставка -*ьба* является у Славянъ то ударяемой, то безударной, и напр. мы говоримъ *судьба́*, *мольба́*, *ходьба́*, *косьба́*, *борьба́* (малор. *борба́*, *боротьба́*), *стрѣльба́*, *пальба́*, *гоньба́*, *божба́*, *гульба́*, *молотьба́*, но *тя́жба*, *сва́дьба*, *уса́дьба*, при чемъ однако нельзя не отмѣтить преобладанія словъ съ удареніемъ на -*ба́*. Отъ слова *сѣдина́* мы образуемъ мн. ч. *сѣди́ны*, хотя слышно и *сѣдины́*. Но и въ ед. ч. изрѣдка говорится *сѣди́на*, хотя это едва-ли можно признать правильнымъ, когда рѣчь идетъ не объ

одномъ сѣдомъ волоскѣ или объ одномъ сѣдомъ мѣстѣ на еще не посѣдѣвшей головѣ или бородѣ, а объ общемъ цвѣтѣ волосъ, такъ какъ *-и́на* или *-ина*, напр. въ *ряби́на, пѣжи́на, цара́пина, зару́бина, отмѣ́тина*, есть наставка единства, а свойство обозначается посредствомъ наставки *-и(з)на́: вышина́, долина́, краснина́, бѣлизна́* и т. п. Въ текстѣ Слова принято *сѣди́на* (ст. 344), но возможно, пожалуй, и *сѣдина́:*

Се ли сътвористе моеи серебьренѣи сѣдинѣ?

Однако предпочтительнымъ кажется первое, такъ какъ и былевой стихъ и прибавки къ нему оканчиваются обыкновенно не на главное, а на второстепенное ритмическое удареніе.

Въ именахъ прилагательныхъ очень труденъ вопросъ объ удареніи именныхъ формъ, потому что онъ сильно запутанъ, по видимому, издавна взаимнымъ вліяніемъ прилагательныхъ разныхъ образованій и аналогіей мѣстоименныхъ формъ. Не подлежитъ сомнѣнію древность типа *бѣ̑лъ, бѣла̀, бѣ̑ло* (ср. *на́ бѣло*), въ которомъ удареніе средняго рода тождественно съ удареніемъ мужескаго, одинакаго со среднимъ по основѣ. Но рядомъ съ этимъ балто-славянскимъ типомъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ рано появился другой — *свѣ̑тълъ, свѣтьла̀, свѣтьло̀*, котораго средній родъ примкнулъ по ударенію къ женскому роду. Отъ перваго типа родительный падежъ долженъ быть *бѣ̑ла, бѣлы́, бѣ̑ла*, отъ второго — *свѣ̑тьла, свѣтьлы́, свѣтьла̀*. Но отсюда начинается дѣйствіе аналогій въ разныхъ направленіяхъ: 1) потребность въ объединеніи мужескаго и средняго рода прилагательныхъ второго типа относительно ударенія должна была обнаружиться очень рано между прочимъ потому, что, такъ какъ *свѣ̑тьлъ*, вѣроятно, звучало нѣкогда *çvoitilós (ср. др.-инд. peçalás и т. п.), разница въ удареніи между этими двумя родами могла быть съ самаго начала проведена непослѣдовательно и то соблюдаться, то исчезать, и даже въ им. п. при *свѣ́телъ* мы находимъ въ пѣсняхъ *свѣтёлъ* и такъ-же *красёнъ* (ср. П. Симони, Къ исторіи обихода стр. 111 и 210) при *кра́сенъ, силёнъ* (и въ разговорѣ) при *си́ленъ* и т. п., отчасти, можетъ быть, по сокращеніи конечнаго ъ; 2) ср. р. въ первомъ типѣ легко принималъ удареніе женскаго: *бѣло́*, — чѣмъ этотъ типъ приравнивался ко второму; 3) *бѣ̑лыи* и *бѣ̑лое* сообщаютъ свое удареніе женскому роду: *бѣ́лая* вм. *бѣла́я* (ср. *мила́я* при *ми́лая* и т. п.) и вмѣстѣ съ м. р. *свѣ̑тьлыи* вліяютъ на удареніе ж. **свѣтьла́я* и ср. **свѣтьло́е*, превращая ихъ въ *свѣ̑тьлая, свѣ̑тьлое*; 4) р. п. м. и ср. р. *свѣтьла́* измѣняетъ иногда р. п. *бѣ́ла* (ср. *до́ бѣла*) въ *бѣла́*; 5) ср. р. ед. ч. *бѣ́ло* (*бѣ̑ло*) измѣ-

няетъ иногда *свѣтьлó* въ *свѣ́тьло* (*свѣ́тьло* — ср. *зá свѣтло*); 6) р. п. м. и ср. р. *бѣ́ла* измѣняетъ иногда р. п. *свѣтьлá* въ *свѣ́тьла* (*свѣ́тьла* — ср. *и́зъ красна*) и т. п. Къ типу *бѣлъ* относятся *мóлодъ, зéленъ* и др., но въ мѣстоименной формѣ они звучатъ *молоды́и, зелёныи*; и эти ударенія могутъ передаваться именной формѣ, когда она, напр. въ пѣсенномъ языкѣ, замѣняетъ собою форму мѣстоименную. Есть и другіе типы, и всѣ они болѣе или менѣе вліяютъ въ просодическомъ отношеніи другъ на друга. Размѣры этихъ перекрещивающихся взаимныхъ вліяній не поддаются хотя-бы приблизительному опредѣленію на основаніи одного русскаго языка, такъ какъ онъ утратилъ долготу гласныхъ и качественное различіе удареній. Нѣсколько болѣе, но и то лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, этотъ вопросъ выясняется изъ чакавскаго нарѣчія сербскаго языка, которое показываетъ не только мѣсто, но и качество стараго ударенія, — стараго, однако едва-ли хоть прасербскаго: такъ сильно разнится чакавское удареніе прилагательныхъ отъ русскаго, и такъ явно въ немъ сказываются извѣстные шаблоны, установившіеся, конечно, далеко не сразу. Въ чакавскомъ прилагательныя простыя, односложныя распадаются, по видимому, на слѣдующіе типы:

1) съ неподвижнымъ удареніемъ на корнѣ: а) съ восходящимъ краткимъ, напр. *сла̀б, сла̀ба, сла̀бо* (рус. *сла́бъ, слаба́, сла́бо*); б) съ нисходящимъ долгимъ, напр. *све̑т, све̑та, све̑то* (р. *свя́тъ, свята́, свя́то*);

2) съ подвижнымъ нисходящимъ краткимъ или долгимъ, напр. *бо̏с, боса̀, босо̀* (р. *бóсъ, босá, бóсо*), *би̑л, била̀, било̀* (р. *бѣ́лъ, бѣлá, бѣ́ло*).

Неподвижность ударенія въ *сла̀ба* объясняется его качествомъ; но откуда она въ *све̑та?* Качествомъ ударенія обусловлено *боса̀*, но не *босо̀*. Очевидно и здѣсь вліяніе аналогій, но не тѣхъ, которыя дѣйствовали въ русскомъ языкѣ. Въ старину именная форма у Русскихъ употреблялась, какъ извѣстно, и чаще и шире, чѣмъ теперь, и потому въ старомъ языкѣ и даже въ пѣсняхъ производится отъ такихъ прилагательныхъ, за которыми новый языкъ признаетъ лишь мѣстоименную форму, напр. *золотóй*. Именная его форма имѣла, вѣроятно, тѣ-же ударенія, какъ *мóлодъ* : *зóлотъ, золотá, зóлото*; слѣдовательно *въ золотъ стрéменъ, черéс золото ожерéліе* (о чемъ см. ниже). Такъ и во мн. ч. *въ золота стрéмена*, чѣмъ, кажется, можно оправдать предположенный видъ ст. 165:

Кая ратьнымъ дорога?

Но въ косвенныхъ падежахъ м. и ср. р. удареніе женскаго рода: *золотá столá, столá золотá, золотý столý, изъ седьмá золотá*, какъ въ пѣс-

няхъ. Такъ-же *зеленý травý.* Если это вѣрно, ст. 187 приходится читать не такъ, какъ онъ размѣченъ въ текстѣ, а съ энклизой существительнаго, какая наблюдается послѣ предлоговъ:

И на Каялину зелену паполому

(изъ *пáполому* отъ им. *паполомá*, почему ст. 294 требуетъ, по видимому, такой размѣтки:

Одѣвахуть мя, рече чьрною паполомою на кровати тисовѣ);

ср. ст. 587:

Подъ сѣнію зелену дереву.

То-же, конечно, и послѣ двухсложнаго прилагательнаго въ ст. 531:

Лелѣючю кораблѣ на сини мори

(а не *синѣ*, какъ напечатано), если не

на синимь мори,

какъ въ ст. 235; ср. *синему морю* въ ст. 306 и 329. Всѣ эти случаи энклизы такъ-же естественны, какъ *въ тý пору, въ тѣ́ поры.* Не только возможно, но и вѣроятно, что ст. 429 слѣдуетъ читать такъ:

Не худа гнѣзда шестокрильци.

Но въ среднемъ родѣ прилагательныхъ, употребленныхъ безъ опредѣляемыхъ существительныхъ, удареніе не подавалось впередъ: *пó суху* въ старину, какъ и теперь. Если-же помимо этого случая удареніе въ косвенныхъ падежахъ именной формы переносилось на окончаніе, ритмъ ст. 68 и 220 долженъ быть таковъ:

Игорь ждетъ мила брата Всеволода.

Жяль бо ему мила брата Всеволода,

чтò въ пѣснѣ не за чѣмъ было-бы и оговаривать: такъ обычна энклиза этого рода въ народномъ стихосложеніи. Сомнѣніе въ возможности именно этого

случая энклизы для XII в. можетъ возникнуть потому, что слово *братъ*, удареніе котораго было нѣкогда восходящимъ, не подлежало энклизѣ, да не подлежитъ и до сихъ поръ. И тѣмъ не менѣе *милá брата* безукоризненно съ точки зрѣнія народнаго пѣсеннаго склада, очевидно, по аналогіи соединеній въ родѣ *милá друга*, гдѣ энклиза понятна, потому что слово *другъ* звучало съ нисходящимъ удареніемъ, и это условіе обезпечиваетъ, кажется, возможность энклизы и въ томъ сочетаніи, которое находимъ въ ст. 474:

О дѣвицю   себѣ любу,

что̀ въ текстѣ размѣчено иначе. Отчего не допустить, что ритмическая аналогія дѣйствовала, хотя-бы только въ стихахъ, уже въ то время? При такомъ предположеніи получается, по крайней мѣрѣ, то удареніе прилагательнаго, котораго, по видимому, требуетъ грамматическая схема, не говоря уже о совершенствѣ стиха. Та-же догадка и съ тѣми-же выгодами напрашивается въ ст. 500:

Аже и вѣщя душя   въ дьрзѣ тѣлѣ

тѣмъ болѣе, что, хотя энклиза слова *тѣло* не обычна, по своему древнѣйшему ударенію оно не исключаетъ возможности ритмическаго подчиненія предшествующему слову. Трудно, но въ тѣхъ-же видахъ желательно примѣнить энклизу въ ст. 189, гдѣ она впрочемъ мыслима лишь подъ условіемъ выпуска корневого *ъ*:

Хоробьра   и молода князя,

что̀ кажется тѣмъ болѣе пріемлемымъ, что звукъ *ъ* въ этомъ словѣ чуть-ли не выпалъ къ концу XII в., по крайней мѣрѣ на Сѣверѣ.

Трудно рѣшить, какъ надобно смотрѣть на удареніе мн. ч. отъ слова *утро* въ ст. 183:

А Володимеръ   по вься утра,

такъ какъ удареніе этой формы, помимо ея связи со словомъ, способнымъ къ принятію на себя ея ударенія, представляется спорнымъ.

Образчикомъ хоть не древнихъ, но старыхъ русскихъ удареній въ именныхъ формахъ именъ прилагательныхъ могутъ служить ихъ примѣры изъ сборниковъ XVI—XVII в., находимые въ книгѣ П. К. Симони «Къ исторіи обихода» и т. д.: *зелены́* мн. ч. 22 и 48, *чиста́* род. ед. 48, *мертвы́* 56,

красе́нъ 111 и 210, *черно́* 122, *зелено́* 141, *желто́* 147. 148 и 152, *бѣло́* 148, 151 и др., *голо́* 148 и 181, *добрѣ́* (нарѣч.) 151 и 152, *мокро́* 196 и 197, *цѣ́нна* 206, *го́лубо — зе́лено* 210, *спе́рва* (нарѣч.) 213, *изжарка́* (нарѣч.) 214.

Наше *дру́гой* звучало въ говорѣ автора Слова о п. И. съ удареніемъ на первомъ слогѣ, какъ нерѣдко въ старыхъ великорусскихъ пѣсняхъ и до сихъ поръ въ малорусскомъ языкѣ.

Числительное прилагательное *тре́тій* имѣетъ и до сихъ поръ удареніе на наставкѣ въ реченіяхъ *самъ трете́й*, *пол-третья́*, *третье́го дни*. Такъ и въ Словѣ *третіе́го дьне*.

Любопытно въ Словѣ отсутствіе признаковъ того полнаго склоненія прилагательныхъ, остатки котораго нерѣдки въ позднѣйшемъ пѣсенномъ языкѣ, хотя отчасти уже съ забвеніемъ первоначальнаго значенія такихъ формъ, напр.

Сидючи во бесѣдѣ смиренныя

или «смиренноей», какъ сказалъ-бы другой пѣвецъ, вмѣсто «смиренной». Это отсутствіе, наблюдаемое и въ другихъ чисто-русскихъ памятникахъ древней письменности, наводитъ на мысль, что въ нашихъ пѣсняхъ эти образованія появились отчасти изъ книжныхъ, церковно-славянскихъ источниковъ, вліяніе которыхъ на русскія пѣсни — вѣроятно, черезъ духовные стихи — не подлежитъ сомнѣнію, отчасти путемъ аналогическаго примѣненія формъ им. и вин. мн. (*добріи*, *добрыѣ*, *добрая*, потомъ *добрые* или *добрыя*) и род. ед. ж. р. (*добрыѣ* или *доброѣ*).

Нарѣчія отъ трех-сложныхъ прилагательныхъ на *-о́къ*, *-е́къ* съ подвижнымъ удареніемъ имѣютъ его въ малорусскомъ языкѣ обыкновенно на первомъ слогѣ: *ви́соко*, *ши́роко*, *да́леко*, и съ тѣмъ-же удареніемъ произносятъ Великоруссы *здо́рово* отъ *здоро́въ*, иногда и *ко́ротко* (иначе *коротко́*) отъ *корото́къ* изъ *коро́токъ*. Потому вѣроятно, что ст. 360 Слова надлежитъ читать такъ (какъ въ текстѣ):

Высоко птицѣ възбиваеть,

а ст. 407:

Высоко плаваета въ буести.

Нарѣчіе *далече* произносилось въ XII в., вѣроятно, такъ-же, какъ теперь, съ удареніемъ на середнемъ слогѣ, но *из да́леча*, какъ и въ старыхъ пѣсняхъ. Такъ и теперь *изда́вна*, *неда́вно*, *пода́вно* при *давно́*; ср. *сго́реча* (= пока горячо — П. Симони, Къ исторіи обихода стр. 152) вмѣсто обыч-

наго въ наше время *сгорячá*, какъ *йзгорячá* тамъ-же 205, но, очевидно, не отъ *горячó*, а отъ *горяче*.

Тотъ-же самый переносъ ударенія со второго, иногда и третьяго слога на первый при соединеніи слова съ предлогомъ соблюдается у насъ при мѣстоименіяхъ притяжательныхъ въ реченіяхъ *по мóему*, *по твóему*, *по свóему*, а у Малоруссовъ — при личныхъ: *від мéне*, *на тéбе*, *за сéбе* (но *при тобí*, *на собí*), *у нéго* и даже при собственныхъ именахъ святыхъ, но только въ обозначеніяхъ времени по названіямъ праздниковъ, напр. *на Пéтра и Пáвла*, *під Мúтра*, *од Пéтра* (см. А. Крымскій, Украинская грамматика II, 1 стр. 56 об.). Такъ и въ Словѣ *отъ нéго*, *къ нéму*, *на сéбе* и, вѣроятно, *въ мóемь* и т. п., почему можно читать съ такими ударенiями не только ст. 301, который такъ и размѣченъ въ текстѣ, но и ст. 42:

На своѣ бързыѣ комонѣ

и ст. 527:

На своею нетрудьную крильцю,

но не слѣдующій за нимъ

На моеѣ лады воѣ,

потому что здѣсь предлогъ относится не къ мѣстоименію.

Энклитическое *ся* употребляется въ новѣйшемъ великорусскомъ языкѣ только слитно съ предшествующимъ глаголомъ, и это сращеніе началось давно, судя по тому, что оно совершилось и въ восточной вѣтви малорусскаго языка. Въ западной *ся*, правда, еще ставится свободно то передъ глаголомъ, то за нимъ, но эта свобода чуть-ли не поддерживается примѣромъ польскаго языка, который впрочемъ и самъ уже ограничиваетъ ее. При такомъ положеніи дѣла у насъ можно говорить объ «энклитическомъ *ся*» развѣ только въ примѣненіи къ среднему роду ед. ч. и ко множественному числу прошедшаго спрягаемаго причастія отъ возвратныхъ глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ, какъ *милóся* или *милóсь*, *милúся* или *милúсь* (но *мúло*, *мúли*), *продалóся* или *продалóсь* (но *прóдало*, *прóдали*) и т. п., чему на Сѣверѣ могли содѣйствовать формы простыя съ такимъ удареніемъ, какъ олонецкое *былó* или въ былинѣ у Гильфердинга II 521:

Какъ бы этая кобыла коньком бы была,

За эту кобылу пятьсот бы дали.

Даже въ былинѣ московскаго происхожденія о Мастрюкѣ Темрюковичѣ у Кирши Данилова

Не слыхалъ, какъ платье снялп.

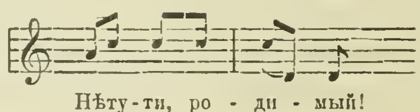
Впрочемъ *дало́*, *взяло́* слышится и въ средней Россіи. На Югѣ такое удареніе чуть-ли не господствуетъ, и, можетъ быть, поэтому тамъ обычны даже *случило́сь* вмѣсто *случи́лось* и др. независимо отъ подвижности ударенія въ данномъ глаголѣ; но за то въ м. р. ед. ч. тѣхъ-же глаголовъ среднее великорусское нарѣчіе подъ вліяніемъ такихъ удареній охотно переноситъ удареніе на послѣдній слогъ, т. е. на то-же *ся*, напр. *продался́*, *нанялся́*, *взялся́* и т. п., распоряжаясь съ этимъ мѣстоименіемъ, очевидно, какъ съ неразрывной частью глагольной формы. Возможно, что это сліяніе кое-гдѣ проявилось уже и въ языкѣ Слова, но едва-ли можно рѣшить этотъ вопросъ на основаніи такого свободнаго размѣра, какъ нашъ былевой стихъ. Если напр. ст. 9

То ростѣкашеть ся бѣлою*) по дереву

можетъ казаться примѣромъ энклитической постановки мѣстоименія *ся*, то въ другихъ случаяхъ, гдѣ ритмическое удареніе, впрочемъ всегда лишь второстепенное или третьестепенное, падаетъ на *ся*, какъ въ стихѣ

Начяти же ся тѣи пѣсни,

это мѣстоименіе какъ будто уже не подходитъ подъ понятіе энклитическаго слова; однако и такая постановка его свидѣтельствуетъ противъ энклизы не болѣе, нежели напр. *нѣтути̂* въ пѣвучемъ говорѣ рязанской бабы, которая, особенно передъ неударяемымъ слогомъ, скажетъ это слово приблизительно такъ:

---

*) Такъ, а не *рысію* (felis lynx), какъ напечатано въ текстѣ: чтеніе перваго изданія *мыслію* произошло, очевидно, изъ *мысію*, а *мысь* есть псковское названіе бѣлки или вѣкши, которая въ Словѣ, какъ и вообще въ древне-русскомъ языкѣ, называется бѣлою; см. ст. 265, который слѣдуетъ читать, вѣроятно, такъ:

Емляхуть дань по бѣлѣ отъ двора.

Слѣды псковскаго нарѣчія въ Пушкинской рукописи Слова еще лѣтъ 20 тому назадъ показаны Козловскимъ.

со слабымъ, но несомнѣннымъ ритмическимъ удареніемъ на *-ти*, хотя въ болѣе быстрой рѣчи *пѣтути* звучитъ дактилически, а нѣкогда произносилось, вѣроятно, *нѣ тў ти* (или *нѣ тў ти*). Та-же трудность представляется и относительно мѣстоименныхъ формъ *мя*, *ми*, *ти*, безспорно энклитическихъ. Потому тамъ, гдѣ онѣ являются послѣ трехъ или четырехъ безударныхъ слоговъ, какъ *чърпахуть ми*, *пѣгуютъ* (если не *нѣговахуть*) *мя*, ритмическія ударенія разставлены въ текстѣ такъ, какъ требуетъ энклитическая природа этихъ словечекъ. Какъ-бы то ни было, вопросъ объ ихъ удареніяхъ въ Словѣ остается однимъ изъ самыхъ темныхъ хотя-бы уже потому, что энклиза праславянская необязательна для отдѣльнаго славянскаго языка.

Въ нѣкоторыхъ формахъ мѣстоименія *кый*, позже *кой* удареніе колеблется: говорятъ «въ кóе мѣсто?» (вопросъ извозчика нанимателю), «никóимъ образомъ», «за кóимъ чёртомъ?», «на кó(е)го чёрта?» (или «на кóй чёртъ?», что̀ показываетъ древность этого выраженія), но также «въ кои-то вѣки!», иногда и «коё кáкъ», вмѣсто болѣе употребительнаго «кóе кáкъ». Такъ и въ старину, напр. въ сборникѣ XVII в. (П. Симони, Къ исторіи обихода и т. д.) *вкóю пóр8* (стр. 119), въ другомъ XVII в. *в кóю* (стр. 149), *кóи* (стр. 196, 197 и др.), но въ сборникѣ XVI—XVII в. *кой зеленъ — кой блѣ^дны* (стр. 48), въ другомъ того-же времени *коé* (стр. 56). Въ Словѣ, по видимому, только *кáя*, *кóе*.

Въ глаголахъ древне-русское удареніе отличается отъ новаго, по видимому, преимущественно болѣе строгимъ соблюденіемъ энклизы при сложеніи съ предлогами, однако отчасти — и меньшимъ выравненіемъ по родамъ спряженія и по отдѣльнымъ временамъ. Особенно сильно сказывается это различіе при сопоставленіи древне-русскаго и даже стараго русскаго языка съ нашимъ литературнымъ нарѣчіемъ; а въ сѣверномъ великорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ малорусскомъ языкѣ, прежнія ударенія сохранились несравненно лучше: тамъ, какъ въ старину, говорится еще *йдешь* (но по-малорусски *йдéш* вслѣдствіе сокращенія начальнаго *и* подъ вліяніемъ сложныхъ), *пóйдешь* (малор. *пíйдеш, пíдеш*), *вóзьмешь* (малор. *вíзьмеш*), при 1 л. е. *идý* (малор. *йдý*), *пойдý* (малор. *пiдý*), *возьмý* (малор. *візьмý*) и т. и. Въ текстахъ XVI и XVII в., изданныхъ П. К. Симони («Къ исторіи» и т. д.), встрѣчаются *йде*ᵀ стр. 38, *йде*ᵀ 150, *йд8*ᵀ 39, *непóйдетъ* 150 (*ѿйде*ᵀ 46 по-церковно-славянски, а по-русски было-бы, вѣроятно, *отóйдетъ*), *пáчнеши* 57, *пáчнеца* 122, *оýчнетъ* 152 (ср. въ Стоглавѣ *ýчнутъ*), *вóзметъ* 224. Въ Словѣ допускаются размѣромъ *пóзримъ*, *пóчнутъ* (по повел. накл. *почнѣмъ*), *йдутъ*. Впрочемъ *пóчнутъ*, *вóзметъ* и т. и. возможны только при неслоговомъ выговорѣ звука *ъ*, а потому ст. 623 слѣдуетъ или читать

То почьнуть наю пътицѣ бити,

ст. 641 —

А потомь молодымъ пѣти (почьнемъ)

и сообразно съ этимъ ст. 27 —

Почьнѣмъ же, братіе, повѣсть сю,

или принять въ первомъ наше средне-русское удареніе и перестроить стихъ такъ, чтобы онъ соединился со слѣдующимъ въ одинъ ритмическій рядъ такимъ образомъ:

То почьнуть на[ю] пътицѣ бити въ поли Половьчьскомь,

а во второмъ дополнить что-нибудь другое, напр. *будемъ*. Съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ-виду, что удареніе *почьну́ть* (какъ и *иду́ть* и т. п.) по звуковымъ причинамъ должно быть древнѣе, чѣмъ *по́ч(г)нуть*, которое могло явиться лишь аналогически, и еще въ Стоглавѣ при *оу́чнетъ* есть *оу́чнѹ́тъ*.

Какъ *и́дуть*, такъ, вѣроятно, и *бі́ють*, *ві́ють*, *пі́ють*. Потому ст. 636 слѣдуетъ читать такъ:

Віють ся голоси черес море до Кыева,

а восполненный по догадкѣ ст. 166 —

(Се туръ біеть ся,) братіе.

Удареніе полной формы неопредѣленнаго наклоненія сохранилось до нашего времени, по видимому, на столько, на сколько еще живетъ самая форма, хотя-бы только въ качествѣ діалектической особенности или архаизма: *и(д)ти́*, *нести́*, *пасти́*, *трясти́*, *рости́*, *везти́*, *ползти́*, *грести́*, *скрести́*, *плести́*, *цвѣсти́*, *мести́*, *брести́*, *вести́*, *печи́* (такъ и въ Домостроѣ), *стере́чи́* (у Крылова), *сѣчи́* и т. п. (въ старину, напр. въ Стоглавѣ, и *честѝ*, *брещѝ*), а съ другой стороны *бы́ти*, *пи́ти*, *би́ти*, *ду́ти*, *пѣ́ти*, *да́ти*, *ѣ́сти* (*я́сти*), *гры́зти*, *лѣ́зти*, *спа́ти*, *ходи́ти* и др. (пѣсенныя и вятскія), по большей части сократившія свое окончаніе въ *-ть*. Но такъ какъ этому сокращенію подвергаются и такія формы неопредѣленнаго наклоненія, которыя несомнѣнно имѣли удареніе на окончаніи, какъ иногда *не́сть*, *ве́сть* и т. п. и почти всегда *пе́чь*, *бере́чь*, *стере́чь* и др., нельзя безусловно довѣрять такимъ сокращеннымъ формамъ въ качествѣ показателя мѣста древняго уда-

ренія. Такъ мы говоримъ *на-(по-, за-)ча́ть, вз-(изъ-, от-н-, при-н-, до-н-, у-н-, за-н-, на-н-, раз-н-, под-н-, по-н-, с-н-, пере-н-, про-н-, вн-)я́ть*, а между тѣмъ въ этихъ формахъ до сокращенія, т. е. первоначально *-чѧти* (изъ *-*чьн-ти*) и *ѩти* (изъ **jьм-ти*), удареніе должно быть на томъ-же мѣстѣ, гдѣ въ *нес-ти́, вес-ти́, вез-ти́* и т. п. И въ самомъ дѣлѣ изъ старыхъ текстовъ съ удареніями извѣстны *взѧти́* (Симони, стр. 119, 120, 121, 122), *начяти́* (стр. 140). Такъ и въ Словѣ стиху 191 можно придать слѣдующій видъ:

Повелѣ яти отьця своего,

а стиху 5 —

Начяти же ся тъи пѣсни,

хотя послѣ одного безударнаго слога ритмическое удареніе падаетъ на энклитическое *ся* тяжеле, чѣмъ послѣ двухъ, какъ при удареніи *начя́ти*, а въ ст. 2 чтеніе *начяти́* возможно лишь при еще другой перестановкѣ ударенія —

Начяти старыми словесы —,

которая кажется мало вѣроятной. Но и въ старыхъ текстахъ со знаками ударенiй *взяти́* и *начяти́* отнюдь не исключаютъ употребленія тѣхъ-же формъ съ удареніемъ передъ окончаніемъ. Это колебаніе можно объяснить тѣмъ, что *яти* и *-чяти*, утративъ носовой призвукъ, потеряли одну существенную черту сходства съ подобными имъ по образованію глаголами *нести́, вести́* и пр., имѣющими передъ *-ти* согласный звукъ, и подпали аналогіи неопредѣленныхъ формъ на древнія *-я́ти*, какъ *прия́ти* (покровительствовать, содѣйствовать), *пролія́ти. приклання́ти, напълня́ти, коньча́ти, потруча́ти, крича́ти, помъча́ти*, не говоря уже о многочисленныхъ на *-а́ти*. Несомнѣнно, что дѣйствію этой аналогіи подлежали сложныя съ *яти* гораздо болѣе, чѣмъ самое *яти*, почему оно могло еще въ теченіе нѣкотораго времени звучать *яти́* даже въ тѣхъ говорахъ, которые уже приняли удареніе *възя́ти, съня́ти, отъня́ти* и т. д. Такова-же, быть можетъ, была судьба ударенія глаголовъ *жяти* (1 *жьму*, 2 *жьну*), *кляти, мяти, пяти* и *тяти* съ ихъ сложными. Если вѣрно предположеніе Лоренца, что въ праславянскомъ языкѣ на ряду съ окончаніемъ неопр. накл. *-ти* существовало и *-ть*, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ такихъ колебаній могутъ объясняться борьбою между **зачѧти́* и **зачѧ́ть* (ср. С. М. Кульбакинъ, «Замѣтки о словянскомъ количествѣ и удареніи» въ «Изв. отд. р. яз. и сл. Имп. Ак. Н.» XI кн. 4 стр. 298).

Въ причастіяхъ новый русскій языкъ удержалъ по большей части древнія ударенія. Къ иному заключенію можно придти, кажется, лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ сравнивать ударенія старыхъ сѣверныхъ текстовъ съ удареніями живого южнаго нарѣчія и наоборотъ; но такой пріемъ, очевидно, ошибоченъ. Однако и при соблюденіи самаго разумнаго и строгаго метода изслѣдованіе затрудняется вторженіемъ аналогіи, дѣйствію которой было открыто довольно широкое поле въ этомъ отдѣлѣ русскаго глагола, съ теченіемъ времени утратившемъ отчасти свою жизненность и сблизившемся по значенію съ именами прилагательными и съ нарѣчіями.

Причастіе наст. вр. дѣйствительнаго и средняго залоговъ сохранилось у насъ — помимо искусственнаго языка —, какъ извѣстно, въ трехъ видахъ:

1) на *-я* или, послѣ мягкихъ согласныхъ, на *-а* — изъ древнѣйшаго -ѧ или -ꙗ, вытѣснившаго собою и соотвѣтствовавшее ему въ 1-мъ спряженіи *-ы;*

2) на *-чи* изъ древнѣйшаго **тјu* (церк.-слав. *-щи*);

3) на *-учій*, *-ючій* или *-ячій*, послѣ мягкихъ *-ачій*.

Первыя двѣ формы употребляются въ смыслѣ дѣепричастій, третья — въ смыслѣ прилагательныхъ. Употребленіе дѣепричастій на *-я*, *-а*, широко распространенное въ искусственномъ языкѣ, очень ограничено въ языкѣ народномъ, вообще мало склонномъ къ подчиненію одного предложенія другому. Народная рѣчь признаётъ, и то въ смыслѣ нарѣчій или, по крайней мѣрѣ, обстоятельственныхъ словъ, почти только дѣепричастія *сто́я*, *си́дя* (но въ церк.-слав. текстахъ *сѣдѧ̀*), *лёжа*, *мо́лча*, *не́ хотя* (такъ и въ литературномъ выговорѣ), *и́дя* (но и *идя́*, какъ въ Пчелѣ XVII в.), *хо́дя* (и *ходя́*, всегда *проходя́*, *выходя́*, *не доходя́* и т. п., однако *по́ходя*), *гля́дя* (и *глядя́*, но всегда *гля́дя по человѣку*), *су́дя* (также съ *по человѣку* и т. п., иначе и *судя́*, но лишь у образованныхъ), *смотря́* и, рѣже, *смо́тря* (какъ у Крылова въ баснѣ «Левъ и волкъ»:

Напрасно, смо́тря на собачку,
Ты думалъ, что тебѣ я также дамъ потачку,

однако уже въ Домостроѣ «по винѣ смотря̀»), въ старину *слу́жа* въ той-же Пчелѣ, но тамъ-же *служа́* и др. Такъ и въ значеніи дѣепричастія прош. вр. *сло́жа* (но и *сложа́*) *ру́ки*. Отсюда видно, что народный и древній языкъ клалъ удареніе въ дѣепричастіяхъ этого образованія на корнѣ, и то-же удареніе мы находимъ при двусложности нерѣдко и въ позднѣйшемъ письменномъ языкѣ, напр. у Пушкина въ стихотвореніи «Донъ»:

Блеща средь полей широкихъ.

Дѣепричастія на -*чи*, свойственныя почти только просторѣчію, употребляются въ томъ-же смыслѣ, но, по видимому, уже нѣсколько устарѣли: ихъ настоящая область есть пѣсня, гдѣ они произносятся отчасти двояко, напр. *сидючи* и *сидючи́*, *глядючи* и *глядючи́*, *и́дучи* и *идучи́*, *смѣючись* и *смѣючи́сь*, *кра́дучись* (только съ этимъ удареніемъ, какъ и *пролива́ючи*, *утира́ючи*, *умы́ючи*, *усмѣха́ючись* и т. п.) и т. д., но всегда съ удареніемъ или въ началѣ или въ концѣ, не по серединѣ (кромѣ второобразныхъ глаголовъ на -*а́ю*, -*у́ю*, -*ѣю*). Изъ нихъ въ письменномъ языкѣ употребительно *бу́дучи*. Отглагольныя прилагательныя на -*учій*, -*ючій*, какъ *могу́чій*, *паду́чій*, *теку́чій*, *бѣгу́чій*, *жгу́чій*, *плову́чій*, *ползу́чій*, *трясу́чій*, *гніючій*, *колю́чій*, *пеку́чій*, вполнѣ совпадающія по формѣ съ соотвѣтственными древне-русскими причастіями, а также произведенныя отъ утраченныхъ глагольныхъ основъ или образованныя аналогически *летучій* (но малор. *летя́чий*), *пѣвучій* (малор. *співо́чий*), *прыску́чій*, *горю́чій*, *немину́чій*, *вонючій*, *смердю́чій* (чаще правильно *смердя́чій*), *линючій*, *кипу́чій* (рѣже *кипя́чій*), *сыпу́чій*, *трескучій*, *кусючій*, *зыбу́чій*, *гремучій*, *дрему́чій*, *скрипучій*, *блыску́чій*, *плоду́чій*, *тягучій*, на -*ячій* (-*ачій*), какъ *горя́чій*, *лежа́чій*, *стоя́чій*, *сидя́чій*, *зря́чій*, *бродя́чій*, *вися́чій*, *ходя́чій*, *блудя́чій*, и обнаруживающія вліяніе церковнаго языка *завиду́щій*, *загребу́щій*, *зря́щій* («первый встрѣчный» отъ *зря*) съ произведенными отъ прилагательныхъ какъ-бы превосходными степенями *большу́щій* и *злю́щій* (ср. *богатѣющій*, *важнѣющій* вм. *богатѣйшій*, *важнѣйшій*), всѣ имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ независимо отъ ударенія другихъ формъ соотвѣтствующихъ глаголовъ (но не прилагательныхъ *большо́й* и *зло́й*). Ясно, что въ такомъ однообразномъ удареніи сказалось дѣйствіе аналогіи тѣхъ причастій, которыхъ удареніе было таково искони, и эти причастія должны были преобладать по числу или употребительности надъ ударяемыми иначе. Просматривая хотя-бы только приведенные примѣры, мы можемъ придти къ заключенію, что ударенія непосредственно передъ -*чій* были свойственны причастіямъ отъ глаголовъ 1) съ согласнымъ звукомъ въ исходѣ корня, каково-бы ни было господствующее въ нихъ удареніе, какъ *ползти́*, *па́сти* (серб. *па̏сти* изъ **па̏д-ти*), *печи́* (изъ **пек-ти́*). 2) непереходныхъ на -*ѣти* (-*яти*, -*а́ти* послѣ шипящихъ), какъ *сидѣти*, *стоя́ти*, *лежа́ти*, 3) на -*и́ти* или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, которые въ спряженіи не относятъ ударенія назадъ, но, вѣроятно, и нѣкоторые другіе, такъ какъ едва-ли найдется какое доказательство тому, что напр. *ходя́чій* или *бродя́чій* имѣли прежде удареніе тамъ-же, гдѣ *хо́дишь*, *бро́дишь*, какъ теперь многіе изъ насъ говорятъ *лю́бящій* (малор. *любъя́чий*), *слу́жащій*.

Изъ сопоставленія двухъ дѣепричастій наст. вр. съ упомянутыми от-

глагольными прилагательными получается слѣдующая схема древне-русскаго причастія наст. вр. отъ перечисленныхъ выше разрядовъ глагола: именная форма им. п. м. р. ед. ч. *сто́я*, ж. р. **сто́ячи* или **стоячи́*, мѣстоименная — м. р. *стоя́чій*, ж. **стоя́чая*, ср. **стоя́чее*. Объ именной формѣ ср. р. трудно сказать что-нибудь положительное, и едва-ли она была вполнѣ опредѣленна въ эпоху общеславянскую; по крайней мѣрѣ, церк.-слав. стоѩще вмѣсто нормальнаго *стоѩ образовано уже изъ основы косвенныхъ падежей или извлечено изъ мѣстоименной формы стоѩщеє, можетъ быть, не безъ воздѣйствія со стороны сравнительныхъ болии, больши, болє. Заключать о видѣ и удареніи этой формы въ древне-русскомъ языкѣ изъ соотвѣтствующей формы параллельныхъ отглагольныхъ прилагательныхъ, разумѣется, нельзя, потому что они всецѣло вступили въ разрядъ именъ прилагательныхъ, гдѣ они и могли получить свои нынѣшнія народныя ударенія ж. и ср. р. *горяча́ — горячо́*, *жгуча́ — жгучо́* (но и *лию́ча — лию́че* и т. п.). Во всякомъ случаѣ любопытно и то, что̀ можно вывести для удареній древнихъ причастій наст. вр. изъ живыхъ остатковъ этого глагольнаго образованія, изъ которыхъ особенно замѣчательны дѣепричастія *сто́я* отъ *стоя́ть* (*стою́*, *стои́шь*), *лёжа* отъ *лежа́ть* (*лежу́*, *лежи́шь*) и т. п., исключающія всякую мысль о вліяніи какихъ-либо постороннихъ аналогій, быть можетъ, кромѣ одного **хо́тя* въ *не́ хотя* изъ *не хотя́* по образцу *не́ веселъ*, *не́ солоно*, *не́ въ пору*, *не́видаль*, *не́когда* (вмѣсто *нѣ когда*) и многихъ другихъ. И такъ можно думать, что правильное чтеніе ст. 575, если мы притомъ примемъ въ расчетъ сказанное выше объ удареніи именной формы прилагательныхъ типа *зе́ленъ* — *зелёный*, должно быть таково:

Труся собою студену росу,

такъ какъ при 1 л. ед. ч. наст. вр. *трушу́* 2 л. *тру́сишь*. Въ виду сербскихъ *би̏јеш*, *би̏је*, *би̏јемо*, *би̏јете*, *би̏јӯ* наши *бьёшь*, *бьётъ* и т. д. кажутся позднѣйшей передѣлкой изъ **бі́еши*, **бі́етъ*, **бі́емъ*, **бі́ете*, **бі́ютъ*, происшедшей путемъ уподобленія 1-му лицу *бію́*, потомъ *бью́*. Потому ст. 246 слѣдуетъ, вѣроятно, читать такъ:

Пътицѣ бія, къ морю.

Удареніе причастія *а́ръкучи* выведено изъ ритма стиха, но еще вопросъ, появилось-ли въ этой формѣ *а* при слоговомъ произношеніи древняго ь; а если оно развилось подъ вліяніемъ тѣхъ-же фонетическихъ условій, какъ

въ простонародныхъ *арцы́* (названіе буквы *р*) и *аржано́й* вмѣсто прежнихъ *рьци* и *ръжяный*, то вставленное въ него помимо перваго изданія *ь* или излишне или, что̀ вѣроятнѣе, можетъ обозначать лишь смягченіе, сохранившееся и въ чешскомъ řkouc.

Удареніе причастій страдательнаго залога прош. вр. зависитъ въ новомъ языкѣ отъ ударенія настоящаго времени кромѣ 1 л. ед. ч., при чемъ въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между формами именной и мѣстоименной: *пи́шешь* — м. р. *пи́санъ*, ж. *пи́сана*, ср. *пи́сано*, мѣст. ф. *пи́сан(н)ый* (при *пишу́*, *писа́ть*), *ко́лешь* — *ко́лотъ*, *ко́лота*, *ко́лото*, *ко́лотый* (при *колю́*, *коло́ть*), *ко́рмишь* — *ко́рмленъ*, *ко́рмлена*, *ко́рмлено*, *ко́рмленый* (при *кормлю́*), *рѣши́шь* — *рѣшёнъ*, *рѣшена́*, *рѣшено́*, *рѣшён(н)ый*. Но глаголы 1-го спряженія, имѣющія передъ конечнымъ корневымъ согласнымъ звукомъ не *е*, и также всѣ на *-а́ть*, независимо отъ образованія настоящаго времени, оттягиваютъ въ этомъ причастіи удареніе назадъ: *стри́женъ*, **и́денъ* (*на́йденъ*, *про́йденъ*), *пря́денъ*, *и́денъ*, *сѣ́ченъ*, *ви́данъ*, *слы́ханъ* (безъ наст. вр.), *про́*- (*за́*-, *ото́*-, *на́*-)*гнанъ*, *ко́ванъ*, *вз*-(*от*-, *при́*-)*и́сканъ*, *за́*-(*про́*-)*дранъ*, *у́*-(*при́*-, *на́*-, *со́*-, *за́*-, *ото́*-, *пе́ре*-, *подо́*-, *и́з*-)*бранъ*, *со́*-(*на́*-, *про́*-, *изо́*-)*рванъ*, *на́*-(*про́*-, *при́*-, *со́*-, *за́*-, *ото́*-, *подо́*)*званъ*, и 2-го спряженія на *-ѣть* при 2 л. наст. вр. не только на *-ишь*, но и на *-и́шь: ве́льно*, *си́жено*. Эти правила соблюдаются болѣе или менѣе строго въ говорахъ средней Россіи. На сѣверѣ удареніе этихъ причастій тяготѣетъ къ концу, почему тамъ говорятъ не только *снесёнъ*, *-а́*, *-о́*, *переведёнъ*, *-а́*, *-о́* при *снесёшь*, *переведёшь* и т. п., но напр. и *пряде́но* отъ *прясть* и даже *позволено́* (Пушк.) отъ глагола съ неподвижнымъ удареніемъ, — можетъ быть, по аналогіи съ *говорено́* при *говори́шь*, *запрещено́* при *запрети́шь* и т. п. Такъ и въ мѣстоименной формѣ у Пушкина

> Предъ нимъ roastbeef окровавлённый (Евг. Онѣгинъ),
> Окровавлённые зубцы (Стамбулъ гяуры н. сл.)

отъ глагола *окрова́вить*, отъ котораго страд. причастіе звучитъ въ средней и южной Россіи *окрова́вленъ*, *окрова́вленный*. На югѣ говорятъ, напротивъ, *рѣ́шенъ*, *сне́сенъ*, *переве́денъ* и т. п. чуть-ли не съ полной послѣдовательностью. Это однообразіе, особенно при сопоставленіи его съ различіями средне-русскихъ удареній, зависящими отъ особенностей образованія отдѣльныхъ глаголовъ, наводитъ на мысль о дѣйствіи аналогіи, а именно уже упомянутыхъ глаголовъ 1-го спряженія отъ корней съ *а*, *и*, *ѣ*, *я*, *ы* въ серединѣ и согласнымъ звукомъ въ концѣ и 2-го спряженія съ удареніемъ во 2-мъ лицѣ ед. ч. наст. вр. на корнѣ, каковы *кра́сть* (*кра́сти*) — *кра*-

дёшь и *кра́дешь* — *кра́денъ*, *стри́чь* (*стри́чи*) — *стрижёшь* — *стри́женъ*, *сѣ́чь* (*сѣ́чи* и *сѣчи́*) — *сѣчёшь* — *сѣ́ченъ*, *пря́сть* (*пря́сти*) — *прядёшь* — *пря́денъ*, *гры́зть* (*гры́зти*) — *грызёшь* — *гры́зенъ* (въ сложеніи: *укра́денъ*, *остри́женъ*, *разсѣ́ченъ*, *напря́денъ*, *прогры́зенъ* — всѣ съ восходящимъ удареніемъ, съ чѣмъ несогласно *пряла́* при *кра́ла*, *стри́гла*, *сѣ́кла*, *гры́зла*), *корми́ть* — *ко́рмишь* — *ко́рмленъ* (*нако́рмленъ*). Послѣдняя аналогія сказывается, можетъ быть, иногда и въ средне-русскомъ нарѣчіи, гдѣ нерѣдко приходится услышать напр. *позоло́ченъ*, *позоло́чен*(*н*)*ый* — и такъ говорится обыкновенно — при *позолоти́шь*, хотя *золочёный*, также *пересо́ленъ* при *пересоли́шь*, хотя *солёный*, у Пушкина въ «Лицейской годовщинѣ» 1831 г.

Шесть мѣстъ упра́здненныхъ стоятъ,

хотя обычно *упраздни́шь* и потому *упразднёнъ*, *упразднённый*. Но это лишь возможное объясненіе, такъ какъ эта оттяжка ударенія допускаетъ и другую догадку — что такое удареніе причастій основано на иномъ удареніи настоящаго времени: *золо́тишь*, *со́лишь* и т. п. По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ глаголахъ мы находимъ двоякое удареніе 2 л. ед. ч.: *сори́шь* (откуда *засорёнъ*) и *со́ришь* (откуда *насо́рено*), *пои́шь* (откуда книжное *напоёнъ*, *напоённый*) и *по́ишь* (откуда *по́енъ*, *по́еный*), *скобли́шь* и *ско́блишь* (откуда *ско́бленъ*) и др. Однако въ нѣкоторыхъ примѣрахъ дѣйствіе аналогіи безспорно: діалектическія *до́ришь* (съ *подо́рёнъ*), *во́ришь*, *со́дишь* (съ *посо́женъ*), *бро́нишь*, *ко́тишь* (съ *поко́ченъ*), *пло́тишь* (съ *пло́ченъ*) произошли, конечно, изъ формъ съ безударнымъ *а*: *дари́шь* (съ *дарёный*, *подарёнъ*, *-а́*, *-о́*), *вари́шь* (съ *варёный*), *сади́шь*, *брани́шь*, *кати́шь*, **плати́шь*. Но послѣдній глаголъ съ этимъ удареніемъ, кажется, неупотребителенъ: говорятъ *пла́тишь*, и это трудно объяснить возстановленіемъ первоначальной гласной изъ этимологически неправильнаго *пло́тишь*. Есть и *ва́ришь*, *са́дишь*, *ка́тишь*, откуда *ва́ренъ*, *са́женъ*, *са́женый*, *ка́ченъ*, *ка́ченый*, но только *брани́шь*, а не **бра́нишь*, хотя по-сербски *бра̑ни̑ш* (= борони́шь = обороняешь). Отъ глагола *вали́ть* образуются *вали́шь* и *ва́лишь*, но не **во́лишь*, и причастіе только *ва́ленъ*, *ва́леный*. Оттяжка ударенія на корень въ такихъ случаяхъ, какъ *пла́тишь*, есть, по крайней мѣрѣ, отчасти явленіе позднѣйшее. Правда, удареніе на тематической гласной — *и́* или *я́* (*а́*) — было, по видимому, принадлежностью преимущественно церковнаго языка, откуда въ трактатахъ о книжномъ дѣлѣ, изданныхъ П. К. Симони (Къ исторіи обихода и т. д.), *приложи́ши* (стр. 51), *учи́тъ* (54), *получи́ши* (57), *раствори́тся* (111), *яви́тся* (203 и др.), *утвори́шь* (205), *станови́тца* (207)

съ причастіями *явле́нный* (206, какъ теперь *явле́нная ико́на* и т. п., по *я́вленый въ поли́ціи па́спортъ*), *изъяшне́но* (54, что̀ теперь *изъяснено́*, то и другое при *объясни́шь*), *почте́ны* (178, теперь *почтены́*, то и другое при *почти́шь*, по *почте́нный* въ смыслѣ «достойный почтенія, уваженія» и *почтённый* = «принятый за что-либо»), *цѣжде́но* (204 — нынѣшнее *про-цѣ́жено* и *про-цѣжено́* при *цѣди́шь*, но и *цѣ́дишь*), и такъ-же въ первомъ спряженіи *помяну́тыхъ* (196, теперь *помя́нутыхъ* при *помянёшь* и болѣе употребительномъ *помя́нешь*), *именова́нный* (205 и др., какъ теперь иногда *именова́нныя чи́сла* въ ариѳметикѣ, но обыкновенно *имено́ванный*). Такъ въ Стоглавѣ *оу̑ча́тсѧ*, *держи́тсѧ*, *держа́тъ*, *избра́нные* (какъ иногда и до сихъ поръ въ стихахъ, но въ разговорѣ *и́збранъ*, *и́збранный* ср. *вы́бранъ*, *вы́бранный*), *ѡ̑бличе́ни* (теперь *обличены́* при *обличи́шь*, *обличёнъ*, *обличённый*), *преда́нному* (теперь *пре́данному*, какъ *пе́реданному*, *о́тданному* и т. п.), *подарова́на* (теперь *подаро́вана*), *ѡ̑сꙋжде́ни* (теперь *осуждены́*), въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича *обьявя́тся*, *обьяви́тся*, въ Пчелѣ XVII в. *погу́би́тъ* (теперь *погу́битъ*), *снѣде́нъ* (по-русски *съѣ́денъ*) и т. п. Нѣкоторые случаи такого ударенія можно признать русскими діалектическими, именно сѣверными или восточными. Въ пѣсняхъ есть немало примѣровъ, съ виду какъ будто относящихся сюда, но многіе изъ нихъ, при наличности условій энклизы, сомнительны и прямо обманчивы; однако напр. у Кирши Данилова никакихъ споровъ не возбудитъ удареніе глагольныхъ формъ въ слѣдующихъ стихахъ:

За [князя] Владиміра держатъ поруки крѣпкія.
И всѣ за Тугарина поруки держатъ.
Теща къ обѣднѣ спѣшитъ,
На мутовкѣ рубашку сушитъ.
Дубравные звѣри кости дѣлятъ.

То-же въ глаголахъ перваго спряженія съ наставкой *ну*:

А и буйные вѣтры по насту тянутъ.
Что которые-то (жеребьи) во морѣ тонутъ.
А которы жеребьи во морѣ тонутъ.

Й всѣ (-то) жеребьи во морѣ тонутъ.

Единъ (-отъ) жеребій во морѣ тонетъ,

если только въ послѣднихъ четырехъ примѣрахъ мы не имѣемъ дѣла съ двойной энклизой, которую, по видимому, кое-гдѣ приходится допустить. Ничего особеннаго не представляютъ собою ударенія въ стихахъ

А крестьянинъ-атъ божится: «право, денегъ нѣтъ»,

А старуха ротится: «ни полушечки».

А дуракъ на печи, что клепитъ, говоритъ,

хотя говорятъ и *бо́жится* и *кле́питъ*, но, конечно, только по аналогіи другихъ глаголовъ, не отъименныхъ. То-же слѣдуетъ сказать о встрѣчающихся въ текстахъ П. К. Симони *чини́тца* (204) и *чине́ный* (208, какъ теперь *чинёный* по большей части въ смыслѣ *начинённый*, иногда и *починённый*, но чаще *почи́ненный*). Однако тамъ-же *посра́млени* (53 отъ *посрами́шь* — ср. малор. *соромлю́сь, соро́мишься*) и даже *мо́ченого* (69, правда, при *мо́чишь*, но *мочёное я́блоко*, какъ *топлёное ма́сло* при *то́пишь*, откуда *то́пленая печь*), *затворены̀* (196), *золочены̀* (200 и др.), *раздраблено́й* (224, что̀ теперь въ большей части Россіи *затво́рены, золо́чены, раздро́бленный*, а съ удареніемъ на концѣ слышно на сѣверѣ и сѣверо-западѣ), въ Стоглавѣ на ряду съ *попра́ны* также *по́праны* (какъ теперь), въ Домостроѣ *поплачено̀* (= зачинено), *учена̀, приметено̀* и другіе примѣры чисто-русскаго народнаго ударенія. Можетъ быть, не случайность, что языкъ пѣсенъ Кирши Данилова, сходясь въ удареніи *держи́тъ* съ языкомъ Стоглава, отличается отъ него въ удареніи той-же формы съ возвратнымъ мѣстоименіемъ:

Голова на плечахъ не держится.

Аналогія въ глаголахъ 2-го спряженія дѣйствуетъ, по видимому, въ обѣ стороны, по крайней мѣрѣ, въ языкѣ народномъ, тогда какъ въ литературномъ, долго бывшемъ въ рукахъ сѣверянъ, удареніе стремится къ концу: *получено́* (и *полу́чено*), *повелѣно́* (но *ве́лѣно*, хотя *вели́шь*), *суждено́* (по народному *су́жено*). Малорусскій языкъ въ большинствѣ случаевъ, если не сплошь, признаетъ *ро́биш, боро́ниш, по́стить* (великор. *пости́тся*) и т. д., и эту черту южной вѣтви русскаго языка слѣдуетъ имѣть въ виду при уста-

новкѣ удареній въ Словѣ о п. И., гдѣ напр. *напря́жени*, *изо́стрены*, *поро́жено*, *вере́жены* вполнѣ естественны. Сомнительнымъ можетъ показаться *зака́лена* отъ *закали́ть* — *закали́шь*, особенно при *калёныя*, *калёными*. Теперь, кажется, и на югѣ говорятъ *калёный*, но чуть-ли тамъ этотъ глаголъ цѣликомъ не заимствованъ съ сѣвера. Другое дѣло, когда и у южанъ онъ былъ въ живомъ употребленіи: тогда при мѣстоименной формѣ *калёный* именная форма была тамъ едва-ли *калёнъ*, *калена́*, *калено́*, какъ на Сѣверѣ, а скорѣе *ка́ленъ*, *калена́*, *ка́лено*. Ритмически ст. 343 несомнѣнно выигрываетъ при такомъ чтеніи:

А въ буести закаленѣ.

Что касается причастія отъ глагола *золоти́ти*, то ст. 615, правда, допускаетъ чтеніе

Своими золочеными стрѣлами,

но ст. 378 держится только при удареніи *золо́ченыма*. Если мы примемъ такое-же удареніе для причастія отъ *полони́ти*, въ ст. 40 возстановится обычный ритмъ:

Неже полонену быти.

Ту-же выгоду мы получимъ и въ предшествующемъ ему стихѣ, если измѣнимъ удареніе другого причастія:

Луче же потяту быти.

А это и вѣроятнѣе, судя по такимъ-же причастіямъ *на́чатъ*, *на́нятъ*, *про́клятъ* и заимствованному изъ церковнаго языка *ра́спятъ*. Иначе *пожа́тъ* (отъ *пожну́*), *зажа́тъ* (отъ *зажму́*), *изъя́тъ*, имѣвшія нѣкогда, по видимому, восходящее удареніе, и заимствованныя изъ уже мертваго церковно-славянскаго языка *объя́тъ* (по-русски *о́бнятъ*) и *изъя́тъ*. И такъ, вѣроятно, *по́тятъ*, *потята́*, *по́тято*, какъ *зе́ленъ*, *зелена́*, *зе́лено*. Но, если род. п. отъ *зе́ленъ* былъ *зелена́*, дат. *зелену́* и т. д., аналогія такого ударенія по падежамъ необязательна для причастій, почему и не можетъ служить возраженіемъ противъ *по́тяту*.

Удареніе причастія *по́ліяна* въ ст. 215 кажется страннымъ въ виду ударенія неопредѣленнаго церк.-слав. *лія́ти* и находимыхъ въ Словѣ аористовъ *розлія́ ся* (ст. 259) и *пролія́ста* (ст. 340). Но уже эти аористы, какъ и подобные имъ въ другихъ памятникахъ древне-русскаго языка, ясно по-

казываютъ, что глаголъ *лія́ти* въ сложеніи съ предлогами у древнихъ русскихъ писателей — и, можетъ быть, только у писателей — употреблялся въ смыслѣ *лити*, т. е. напр. *поліяти* значило для нихъ то-же, что̀ *полити*, а потому удареніе причастія *по́литъ* могло перейти на *поліянъ*. Правда, аналогія здѣсь неполна, такъ какъ ж. р. *по́ліяна* отличается удареніемъ отъ соотвѣтствующаго *полита́;* но удареніе искусственнаго или во всякомъ случаѣ неправильнаго *по́ліянъ* естественно не допускало той подвижности ударенія, которая была свойственна правильному *по́литъ*. Удареніе *по́ліянъ* въ сущности не болѣе странно, чѣмъ *вы́ліяти* (ст. 372), значащее, несомнѣнно, то-же, что̀ *вы́лити*, а не то, что̀ церк.-слав. *излія́ти*.

Особенно труденъ вопросъ о тѣхъ формахъ, которыя совершенно утрачены новымъ языкомъ. Таковъ аористъ, исчезнувшій изъ русскаго языка такъ давно, что объ его удареніяхъ у насъ едва-ли можно придти къ какимъ-нибудь заключеніямъ на основаніи русскаго матеріала. Остается сравненіе съ языками другихъ Славянъ. Но на церковно-славянскія ударенія, находимыя въ болгарскихъ и позже въ русскихъ рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ, полагаться нельзя. Надежнѣе сербское удареніе, которое и приходится принять за точку отправленія при изслѣдованіи просодической стороны древне-русскаго аориста. Само собою разумѣется, что, помимо глаголовъ съ неподвижнымъ удареніемъ, какъ *рѣ́зати*, *ви́дѣти*, *летѣ́ти*, *росхы́тити*, древнее удареніе всего лучше сохранилось въ глаголахъ 1-го спряженія съ односложнымъ корнемъ, оканчивающимся на согласный звукъ, и мы едва-ли ошибемся, если въ древне-русскомъ аористѣ напр. глагола *нести́* разставимъ ударенія такимъ образомъ: *несо́хъ*, *не́се*, *несо́ховѣ*, *несо́ста*, *несо́хомъ*, *несо́сте*, *несо́ша*. А такъ какъ *не́се* произносилось нѣкогда съ нисходящимъ удареніемъ (серб. *не̏се*), то въ сложныхъ удареніе переходило на предлогъ: *за́несе*. Такъ-же *на́веде*, *за́иде*, *у́тече*, *до́тъче ся*, *про́стьре*, *съ́пряже*, *въ́звьрже*. Потому и во 2-омъ спряженіи образованный по 1-ому аористъ *у́съпе*. Но, конечно, очень сомнительна, если не прямо невозможна, предположенная въ текстѣ форма *по́летѣ*, т. е. собственно *по́лете*, вмѣсто общеизвѣстной *полетѣ́*. Послѣдняя входитъ въ ритмъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она встрѣчается, только подъ условіемъ повторенія, т. е. въ ст. 570:

И полетѣ, полетѣ соколъмь подъ мьглами,

въ ст. 573:

Коли Игорь соколъмь полетѣ, полетѣ,

или, что̀ вѣроятнѣе, при ударенiи *соколѣмь.* Такое ударенiе даетъ второму примѣру безукоризненный ритмъ:

Коли Игорь соколѣмь полетѣ,

но въ первомъ требуетъ неслогового произношенiя второго *ъ:*

И полетѣ соколъмь подъ мьглами,

что̀, впрочемъ, кажется возможнымъ особенно послѣ полнозвучнаго *ъ* въ предлогѣ.

Поправкѣ подлежитъ ст. 291, который слѣдуетъ разбить на-два и читать ихъ такъ:

Уныша (у)бо городомъ заборола,
А веселiе пониче.

Переносъ ударенiя на предлогъ *вы-*, какъ *вы́търже, вы́сьде,* не нуждается въ оговоркѣ.

Отношенiе *несо́хъ — не́се,* по видимому, перешло на 2-е спряженiе, именно на глаголы съ тематическимъ *и*, и при томъ, какъ бываетъ при распространенiи аналогiи, упразднившей непосредственное преданiе, получило на новой почвѣ размѣры болѣе широкiе, чѣмъ тѣ, въ которыхъ оно проявилось первоначально. На мысль о возможности оттяжки ударенiя въ аористѣ такихъ глаголовъ наводитъ отчасти новый языкъ, по крайней мѣрѣ, пѣсенный, одною особенностью своего спряженiя, которая впрочемъ, при сравненiи съ юго-славянскими языками, оказывается явленiемъ инороднымъ и потому могла-бы остаться здѣсь не упомянутой, если-бы не заслуживала вниманiя изслѣдователей русскаго ударенiя, какъ сама по себѣ, такъ и въ качествѣ, по крайней мѣрѣ, возможной точки отправленiя для упомянутой оттяжки. Хотя въ прошедшемъ времени глаголовъ на *-ить* и *-ѣть* ударенiе ставится тамъ-же, гдѣ въ неопредѣленномъ наклоненiи, наши пѣсни даютъ немало такихъ примѣровъ, какъ *схоро́нили, перехо́дили, уту́шили, прого́ворилъ, прово́дила, поро́дила, перекре́стился, прино́сили, кло́нила, протру́била, прiосе́рдился* при неопредѣленныхъ *схорони́ть, переходи́ть* и т. д., рѣже *зашу́мѣла, усмо́трѣли,* къ которымъ примыкаетъ изъ 1-го спряженiя *осиро́тѣли,* при *зашумѣ́ть* и пр. — все формы съ ударенiемъ на третьемъ слогѣ отъ конца и помѣщающiяся обыкновенно въ концѣ такихъ стиховъ, каковы:

Наши дѣти осиротѣли

или

Какъ Ивана-то матушка

Въ воскресенье породила.

Но нельзя, конечно, объяснять такое удареніе только потребностью стиха, которая отражается на языкѣ, какъ извѣстно, гораздо болѣе архаизмами, чѣмъ неологизмами, допускаемыми лишь въ границахъ опредѣленныхъ аналогій. Иначе такимъ-же образомъ оттягивалось-бы удареніе и въ неопредѣленномъ наклоненіи, потому-что **схоро́нити*, **перехо́дити*, **зашу́мѣти* часто пригожались-бы народному стихослагателю; однако встрѣчается чуть-ли не одно *посі́дѣти*, которое за то едва-ли и произошло лишь подъ вліяніемъ стихотворной рѣчи: по крайней мѣрѣ, оно совершенно совпадаетъ съ малорусскими *посі́дїти*, *вихо́дити*, *прово́дити* и другими имъ подобными сложными. Но здѣсь уже вторичное или даже третичное дѣйствіе аналогіи. И *схоро́нили*, *перехо́дили* и т. п. можно возвести къ аналогіи формъ настоящаго или будущаго времени *схоро́нишь*, *перехо́дишь* и пр., но уже нѣсколько труднѣе приравнять *усмо́трѣли* къ *усмо́тришь* и совсѣмъ невозможно поставить *зашу́мѣла* и *осиро́тѣли* въ зависимость отъ *зашу́мишь* и *осиротѣешь*. И такъ основанія для такой оттяжки ударенія прошедшаго времени остается искать въ праславянскихъ свойствахъ ударенія такихъ формъ того-же значенія, и въ самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ указалъ академикъ А. А. Шахматовъ, изъ родственныхъ языковъ, особенно изъ словѣнскаго, можно извлечь желательныя аналогіи. Однако, въ видѣ параллели, хотя-бы только внѣшней, къ этому переносу ударенія, можно допустить, что, какъ въ 1-омъ спряженіи 2 и 3 л. аориста звучало *не́се*, *ве́де*, *и́де*, такъ во 2-омъ — *ско́чи*, *сту́пи*, *слу́жи*. По этой аналогіи мы должны ожидать въ прочихъ лицахъ *скочи́хъ*, *скочи́ховѣ*, *скочи́ста*, *скочи́хомъ*, *скочи́сте*, *скочи́ша*; но 1 л. ед. ч. аориста 2-го спряженія въ Словѣ не встрѣчается, а другія слабыя формы аориста, именно съ *с* и съ *ш*, — по крайней мѣрѣ, отъ глаголовъ на *-и́ти*, отчасти требуютъ оттяжки ударенія отъ тематическаго *-и-*, отчасти допускаютъ ее. Образцемъ могли послужить многочисленные отъименные глаголы на *-ити* съ неударяемымъ *-и-*, какъ *сла́вити* — аор. *сла́вихъ* и т. д., при поддержкѣ со стороны настоящаго времени (кромѣ 1 л. ед. ч.) отъ большинства глаголовъ на *-ити* даже съ удареніемъ на тематическомъ *-и-* въ неопредѣленномъ наклоненіи и въ причастіи на *-лъ*. На сколько это правило примѣнимо къ глаголамъ на *-ѣти*, трудно

рѣшить по недостатку убѣдительныхъ примѣровъ. Со стороны ритма нѣтъ препятствій къ тому, чтобы ст. 309 размѣтить такъ:

Се бо дъва сокола   сълетѣста,

но съ другой стороны ритмически вполнѣ допустима и та размѣтка, которая принята въ текстѣ. Безусловно ошибочное, но на этотъ разъ, къ сожалѣнію, уже неустранимое *пóлетѣ* немыслимо между прочимъ потому, что оно точь въ точь сходно съ *пóнесе,* а въ тѣхъ аористахъ 2-го спряженія, въ которыхъ удареніе оттянуто назадъ лишь по аналогіи, энклиза глагольной формы послѣ предлога не только не вытекаетъ необходимо ни изъ одного примѣра, но кое-гдѣ противорѣчитъ ритму. И такъ аористы всѣхъ глаголовъ на *-ити,* простыхъ и сложныхъ, имѣли, по видимому, тѣ-же ударенія, какъ аористъ глагола *росхы́тити* : *росхы́тихъ, росхы́ти, росхы́тиховѣ* и т. д. Если это вѣрно, ст. 228 слѣдуетъ читать такъ:

Сваты попоишя,   а сами полегошя за землю   Русьскую.

Но, разумѣется, вполнѣ возможно, что въ глаголахъ на *-и́ти,* по крайней мѣрѣ, 1 л. ед. ч. имѣло то-же удареніе, какъ *несóхъ,* т. е. напр. *носи́хъ* при 2 л. *нóси,* соотвѣтствующемъ формѣ *нéсе* (а *носи́* — повел. накл.).

Въ заключеніе этого отдѣла можно отмѣтить нѣсколько мѣстъ Слова, гдѣ за формою прошедшаго причастія на *-лъ,* по видимому, скрывается форма аориста, а именно ст. 314, который въ 1-омъ изданіи читается такъ: «уже соколома крилца припѣшали поганыхъ саблями». Элементарная грамматика требуетъ *припѣшала,* такъ какъ *припѣшати* — глаголъ непереходный и потому можетъ имѣть подлежащимъ только *крилца,* или ужь *припѣшили* (ср. *спѣшить* кого), что̀ было-бы лучше въ синтактическомъ отношеніи, потому что дальше идетъ «а самаю опуташа (1 изд. «опустоша») въ путины желѣзны», гдѣ подлежащимъ должно быть «поганіи». Въ силу такихъ соображеній можно предпочесть такое чтеніе:

Уже соколома   крильця
Притяшя поганіи   саблями.

Правда, въ словарѣ Срезневскаго отмѣчено только прѣтꙗти, т. е., по-русски, *перетяти.* Но это слово значитъ «перерубить» или «перерѣзать»,

что было-бы слишкомъ сильно для даннаго положенія: Игорь и Всеволодъ только временно лишены были свободы и въ годъ сочиненія Слова (1187?) уже снова пользовались ею. И такъ ихъ крылья были только «подрѣзаны», а этотъ оттѣнокъ общаго значенія глагола *тяти* выражался, по видимому, предлогомъ *при-*, какъ, можетъ быть, и въ томъ мѣстѣ Ипатской лѣтописи (подъ 6739 г.), которое приведено у Срезневскаго подъ словомъ прѣтати: «Ѿ конца остроты мечевыи шерсти претатѣ бывши на стегнѣ конѧ его».

Другой примѣръ причастія на *-лъ* вмѣсто аориста — въ ст. 44: «Спала (1-е изд., «Спалъ» Арх. спис.), князю умъ похоти» — подлежитъ, наперекоръ предположенному въ текстѣ чтенію, также замѣнѣ аористомъ, а не такимъ-же причастіемъ, да еще невѣрно образованнымъ, такъ какъ по-русски оно должно быть *отъняла́*. Вѣроятнѣе кажется

Съпятъ къпязю умъ похоть

отъ *съня́ти — съньну́*, если не *отъ(н)я́тъ*. Во всякомъ случаѣ чтеніе рукописи, какъ заключилъ Тихонравовъ изъ двоякаго написанія у Мусина-Пушкина, было *спа͠*, а буква подъ титломъ могла быть написана такъ, что неопытный и не очень внимательный переписчикъ не сумѣлъ прочесть ее правильно.

Весьма вѣроятно, что ст. 323 былъ первоначально таковъ:

На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покры,

гдѣ находящееся въ первомъ изданіи и въ Архивномъ спискѣ *покрыла* кажется страннымъ между аористами ст. 309—329. Возможно, что и ст. 308 имѣлъ нѣкогда такой видъ:

Уже, къняже, туга умъ полони,

совпадающій со схемой обыкновеннаго былиннаго стиха, которая нарушается извѣстнымъ изъ преданія *полонила*. Впрочемъ это еще вопросъ, потому что здѣсь по смыслу возможно и даже вѣроятно не perfectum historicum, а perfectum praesens, ему же въ древнѣйшемъ русскомъ языкѣ соотвѣтствовало причастіе на *-лъ* съ существительнымъ глаголомъ или, въ 3-емъ лицѣ, иногда само по себѣ приблизительно до половины XIII в., когда аористъ былъ, по видимому, вытѣсненъ изъ живого употребленія этою сложной формой прошедшаго времени. Перфективное, не аористическое значеніе этой формы въ Словѣ явствуетъ напр. изъ ст. 229—230:

Ничить трава жялощами,
А дерево съ тугою къ земли приклонилося,

гдѣ обоими глаголами изображается настоящее положеніе вещей. То-же въ ст. 231—235, въ которыхъ говорится о господствѣ «невеселой годины» и о дѣйствіяхъ обиды, а въ ст. 236 результатъ этихъ дѣйствій переданъ аористомъ —

Убуди жирьна времена—,

какъ относящійся уже къ повѣствованію. Для аориста и его отношенія къ давно-прошедшему времени, которое по своему значенію есть imperfectum отъ perfectum praesens, въ той-же степени характеристичны ст. 269—282.

Таково въ общихъ чертахъ древне-русское удареніе, по скольку его удалось выяснить здѣсь изъ сравненія ритма Слова о п. И. съ нѣкоторыми данными стараго и новаго языка. Но таково оно въ отдѣльныхъ словахъ, а это еще недостаточно для полнаго его описанія хотя-бы даже только въ схематическомъ очеркѣ: остается еще то удареніе, которое появляется на словахъ, вообще безударныхъ, но поставленныхъ въ особыя ритмическія условія, иногда не безъ вліянія со стороны смысла. Нѣчто относящееся сюда мы уже видѣли въ отдѣлѣ энклизы. Энклиза въ славянскихъ языкахъ особенно свойственна соединеніямъ съ предлогами. Но предлоги могутъ получать удареніе и помимо энклизы, напр. «пе́редъ обѣдомъ, а не по́слѣ обѣ̀да». Это свойство предлоговъ обнаруживалось, безъ сомнѣнія, гораздо ярче и чаще въ древности, когда свѣжѣе было чутье къ первоначальному значенію предложныхъ словъ, нарѣчному или именному, и потому нѣтъ ничего удивительнаго напр. въ такомъ стихѣ (20):

Передъ пълкы Касожьскыми

или (219):

Издалечя рано передъ зорями.

Предлогъ *передъ* имѣлъ удареніе на первомъ слогѣ, но *через*(*ъ*) — чуть-ли не на второмъ (ср. *черéзъ голову*). Если такъ, ст. 57 слѣдуетъ читать

Черес поля на горы (Кыевьскыѣ),

ст. 60 —

Черес поля широкая,

ст. 459 —

Через золото ожерелие,

гдѣ возможна энклиза, несомнѣнная при такомъ удареніи предлога въ ст. 466:

Через море до Кыева.

На второмъ слогѣ ударялось нѣкогда и *кромѣ* (откуда *окромя́*; ср. *кромá*), почему ст. 630—631 должны имѣть слѣдующій строй (принятый въ текстѣ):

Хоти тяжько ти, головѣ, кромѣ плечю,

Зъло ти, тѣлу, кромѣ головы.

Двусложно съ удареніемъ на первомъ слогѣ произносилось *отъ* (ср. «часъ о́тъ часу не ле́гче», «о́тъ слова до слова», «отказа́ть о́тъ дому», «о́тъ роду не слы́хивалъ»). Потому ст. 471

Отъ землѣ Половьчьскыѣ,

ст. 558:

Отъ великого Дону до малаго Доньця.

Изъ употреблялось, вѣроятно, такъ-же, какъ теперь *изо*,— при послѣдующемъ скопленіи согласныхъ, а помимо этого условія говорилось, по видимому, *из*. Только при такомъ выговорѣ можно построить правильно, безъ нарушенія цезуры, ст. 289:

Высѣде и(с) седьла золота,

такъ какъ легче допустить пропускъ *ъ* въ *изъ*, чѣмъ пропускъ *ь* въ *седьло́*. Если мы введемъ *из* въ ст. 457—458 —

Одинъ же изрони женьчюжьную душю из хоробьра тѣла —,

въ Словѣ не окажется примѣровъ ударяемаго *и́зъ*, подобнаго нашему *и́зо дня въ де́нь*. Такъ-же устраняется и *бе́зъ* въ ст. 352:

Ти бо бе(с) щитъ съ засапожьникы.

Но ясно удареніе на предлогѣ *на* въ ст. 372:

На седьмомь вѣцѣ Трояни.

Удареніе можетъ падать и на союзы. Едва-ли нуждается въ оговоркѣ такое произношеніе двусложнаго союза *áже*, какъ и нарѣчія *ýже*, которыя впослѣдствіи сократились въ *ажъ* (*áжно*) и *ужъ*. Въ обоихъ *же* — энклитика. Наше *ужé* сложилось искусственно,— можетъ быть, не безъ вліянія юга, гдѣ, помимо малорусскаго *вже*, среди даже образованныхъ по-великорусски людей *ужé* въ особенности употребительно, между прочимъ въ смыслѣ «готово!», и гдѣ въ той-же средѣ легко могло появиться *неужé-ли* подъ вліяніемъ малорусскаго *невжé-ж* (по-великорусски *неýжьли*, *неужь-лú* или *неýжь-то*). Возможно впрочемъ, что наше *ужé* возникло изъ энклитическаго выговора прежняго *ýже*, какъ и простонародное *ужó* въ смыслѣ «послѣ, со временемъ», развившееся, вѣроятно, изъ сочетаній въ родѣ «дáмъ уже» или «дáмъ ужѐ», гдѣ *ó* (а не *é* и не *á* = *я́*) объясняется тѣмъ, что и союзъ *же* произносится Великорусами какъ *жо*, но, кромѣ сѣвера, конечно, съ тѣмъ измѣненіемъ звука *о*, которому онъ подвергается въ конечныхъ неударяемыхъ слогахъ: ср. *тý-же* вин. отъ *тá-же* и *тýже* сравн. степ. отъ *тугóй*. И вообще разница между малорусскимъ *вже* (словѣнско-хорватскимъ vre, словѣнскимъ (v)že и между великорусскимъ *ужъ*, польскимъ juž, чешскимъ už, již едва-ли можетъ быть объяснена безъ помощи энклизы. И такъ ст. 8:

Аже кому хотяшеть,

ст. 100:

Уже бо бѣды его пасеть пътиць по дубію

и т. п. Изъ односложныхъ союзовъ часто ударяются въ Словѣ противительные не только передъ тремя или двумя ритмически не ударяемыми слогами, какъ въ ст. 7

А не по замышленію Бояню

или въ ст. 24

Нъ своѣ вѣщѣ пърьсты,

а и передъ однимъ, но въ смыслѣ отчасти заключительномъ, какъ-бы «а потому», въ ст. 41:

А въсядѣмъ, братіе.

Ритмически сила союза *а* ведетъ даже къ энклизѣ послѣдующаго слова въ ст. 345:

А уже не вижю волости.

Понятно сильное *ни* въ ст. 621—622:

Ни нама будеть   сокольця,
Ни нама красьныѣ   дѣвицѣ.

Только ритмическими причинами можно объяснить удареніе на *и* въ ст. 118

И дорогыѣ   оксамиты,

какъ и въ слѣдующемъ за нимъ:

Орьтъмами   и японьчицями и кожухы,

также въ ст. 150:

И отъ вьсѣхъ   сторонъ,

въ ст. 167:

Забывъ (ти) чьсти   и живота,

въ ст. 170:

(И) своеѣ милыѣ   хоти, красьныѣ   Глѣбовьны,

въ ст. 347:

И мъноговоѣ   брата моего   Ярослава,

гдѣ, кстати сказать, измѣненіе, принятое въ текстѣ, едва-ли нужно, потому что *мъноговоя* можетъ быть переводомъ какого-нибудь, правда, неизвѣстнаго, византійскаго *πολυστρατιώτης, скованнаго по образцу Эсхилова πολυναύτης, какъ и употребленное въ Словѣ *шестокрильць* восходитъ къ греческому ἑξάπτερος въ томъ значеніи, которое сохранилось въ новогреческомъ уменьшительномъ отъ этого слова — ξεφτέρι — родъ сокола или ястреба.

Этою поправкой собственнаго текста я заключаю свое введеніе, полное подобныхъ поправокъ. Впрочемъ, какъ ни прискорбно сознаваться въ своихъ грѣхахъ, я вынужденъ сказать объ изданномъ ниже текстѣ, что смотрю на него, какъ на черновую работу. Нѣкоторымъ оправданіемъ да послужатъ мнѣ два слѣдующія обстоятельства: во первыхъ — текстъ печатался очень долго, а между тѣмъ dies diem docet; во вторыхъ — въ этомъ трудѣ я

Avia Pieridum peragro loca, nullius ante
Trita solo.

Эти причины, не смотря на всѣ мои ошибки и противорѣчія, даютъ

мнѣ право повторить мольбу діакона Григорія: да иже горазнѣе сего напише, то не мози зазьрѣти мьнѣ грѣшьнику.

Но въ наши дни возможенъ и другой «зазоръ», невѣдомый почтенному писцу Остромирова Евангелія,— упущенія по части библіографіи, особенно достойныя порицанія послѣ монументальнаго труда Е. В. Ѣарсова. Изъ сочиненій, близкихъ по предмету изслѣдованія и по мысли къ моей обработкѣ Слова о п. И., упомяну здѣсь помѣщенную въ «Кіевской Старинѣ» за 1893 г. статью г. Ю. Тиховскаго «Прозою или стихами написано „Слово о полку Игоревѣ"?», «Приложеніе» къ которой содержитъ въ себѣ полный текстъ Слова, разбитый на стихи украинскихъ «думъ», а во введеніи излагается исторія вопроса съ перваго (французскаго) извѣстія объ этомъ памятникѣ до П. И. Житецкаго, также предположившаго въ немъ строй думъ (ср. выше стр. IX), при чемъ приведены любопытныя лингвистическія соображенія Востокова, заставившія его сомнѣваться въ успѣшности какой-бы то ни было попытки къ выясненію стихотворнаго склада Слова.

Пользуюсь этою послѣдней возможностью дополненій и поправокъ для того, чтобы упомянуть полную параллель къ предложенному Потебней *ся окони* = сѣлъ на коня (ст. 475) — sÿa okunÿ въ ст. 474 польскаго De morte prologus, что̀ издательница, Анна Арнольдовна Круазе ванъ деръ-Копъ (A. C. Croiset van der Kop, Altrussische Uebersetzungen aus dem Polnischen. I), переводитъ: «sich mit einem Marderfell bedeckt».

Ѳ. Коршъ.

Корректурные недосмотры

въ текстѣ Слова.

Ст. 45 чптай: жялость.
— 61 п 202 ч.: галпцѣ.
— 82 ч.: тулп отъворенп.
— 101 ч.: ворожять.
— 102 ч.: костѣ.
— 131 ч.: Коньчякъ.
— 210 ч.: трѣщять.
— 220 ч.: жяль.
— 229 ч.: жялощами.

Ст. 257 ч.: бо[, братіе,] Кыевъ.
— 259 ч.: розлія ся.
— 351 ч.: Топъчякы.
— 355 ч.: мужяпмъ ся.
— 372 ч.: выліятп.
— 383 ч.: турп.
— 401 ч.: Коньчяка.
— 518 ч.: «Полечю[, рече,] зегъзпцею.
— 601 ч.: цвѣтп.

Сверхъ того во введепіи критически разсмотрѣны и отчасти измѣнены сравнительно съ текстомъ слѣдующіе стихи: 5 (стр. XLV), 9 (XLII), 11 (XIX), 39 (LIII), 40 (LIII), 42 (XLI), 51 (XXX), 53 (XXX), 55 (XXX), 57 (LIX), 60 (LIX), 68 (XXXVIII), 94 (XXIX), 108 (XXX), 121 (XXXIII), 124 (XIII), 129 (XXIV), 154 (XIX), 166 (XLIV), 173 (XXXIII), 189 (XXXIX), 191 (XLV), 255—256 (XIII), 265 (XXXII), 289 (LX), 291 (LV), 294 (XXXVIII), 308 (LVIII), 309 (LVII), 314 (LVII), 322 (VIII), 323 (LVIII), 343 (LIII), 344 (XIII и XXXVI), 352 (LX), 394 (XXIX), 396 (XXIX), 406 (XXXIII), 413 (VII), 457—458 (LX), 459 (LIX), 466 (LX), 474 (XXXIX), 500 (XXXIX), 515 (XXIX), 518 (XXIX), 527 (XLI), 531 (XXXVIII), 570 (LIV), 573 (LIV), 575 (XLVIII), 585 (XIII), 604 (XIX), 611 (XXXI), 623 (XLIII), 635 (XXIX), 636 (XLIV).

Не лѣпо ли ны бяшеть, || братіе,
начяти старыми || словесы
трудныхъ повѣстий || о пълку Игоревѣ,
Игоря || Святославичя?
Начяти же ся || тъй пѣсни
по былинамъ || сего веремене,
а не по замышленію || Бояню.
Боянъ бо вѣщий, аже кому || хотяшеть [1]) пѣснь творити [2]),
то ростѣкашеть ся рысію [3]) || по дереву,
сѣрымь вълкъмь || по земли,
сизымь орьлъмь || подъ оболокы.
Помьняшеть бо, || рече [4]),
пьрвыхъ веременъ || усобицѣ.
Тъгда пущашеть десять || соколъ на стадо лебедий;
которое (кый) || дотечашеть [5]),
та переди пѣснь || пояшеть [6])
старому || Ярославу,
хоробьрому || Мьстиславу,
иже зарѣза || Редедю

---

1) хотяше. 2) Распредѣленіе музыкальныхъ предложеній можно изобразить напр. такъ:

3) мыслію (подъ вліяніемъ стиха «скоча, соловію, мыслію по дереву»).
4) речь (исправилъ Тихонравовъ). 5) дотечаше. 6) пояше.

передъ пълкы || касожьскыми,
красьному || Романови Святославичю.
Боянъ же, братіе, (тъй) не десять || соколъ
на стадо лебедий || пущашеть[7]),
нъ своѣ вѣщѣѣ || пърьсты
на живыѣ струны || въскладашеть[8]),
оны же самы къняземъ славу || рокътахуть[9]).
Почьнѣмъ же, братіе, || повѣсть сю
отъ старого || Володимѣра
до нынѣшьнего || (сего) Игоря,
иже истягну || умъ крѣпостію [своею]
и поостри сьрдьця [своего] || мужьствъмь,
напълнивъ ся духа || ратьного[10]),
наведе своѣ пълкы || хоробрыѣ[11])
на землю || Половьчьскую за землю Русьскую.
Тъгда Игорь възрѣ на свѣтлое || сълньце
и видѣ отъ него || тьмою
вьсѣ своѣ воѣ || прикрыты.
И рече Игорь || къ дружинѣ [своей]:
«Братіе || и дружино!
луче же [бы] потяту быти, || неже полонену быти.
А въсядѣмъ, || братіе,
на своѣ бързыѣ || комонѣ,
да позьримъ синего || Дону».

---

7) пущаше. 8) въскладаше. 9) рокотаху. 10) ратнаго духа.
11) своя храбрья плъки.

Отяла[12]) кънязю || умъ похоть[13])
и жалость || ему знаменіе заступи
искусити Дону || великого.
«Хочу бо, рече, || копіе приломити
коньць поля || Половьчьского,
съ вами, Русичи, хочу голову свою || приложити,
а любо испити шеломъмь || Дону».
О Бояне, соловію старого || веремене!
абы ты сѣ пълкы || ущекъталъ,
скачя, соловію, мыслію || по дереву[14]),
лѣтая умъмь || подъ оболокы,
съвивая, соловію[15]), оба полы || сего веремене (?).
Рища въ тропу || Трояню
черес поля на горы || (Кыевьскыѣ),
пѣти было пѣснь || Игореви, того вънуку:
«Не буря соколы || занесе
черес поля || широкая—
галици стады бѣжать къ Дону || великому».
Чи-ли въспѣти было, вѣщии || Бояне,
Велесовъ || вънуче:
«Комони ръжуть || за Сулою,
звьнить слава || въ Кыевѣ,
трубы трубять || въ Новѣгородѣ»?

---

12) Спала изд., Спалъ Арх. спис. — ошибка, находившаяся уже въ рукописи и, если вѣренъ предложенный въ текстѣ способъ исправленія, восходящая къ уставному подлиннику, вѣроятно, XV в. отяла, откуда впослѣдствіи спа^. 13) похоти, что̀ Потебня считаетъ подлиннымъ, указывая на переходъ ь въ и передъ и въ южнорусскихъ памятникахъ.
14) по мыслену древу. 15) славы (славію Тихонр.).

Стоять стязи || въ Путивли;

Игорь жьдеть мила брата || Всеволода.

И рече ему буй туръ || Всеволодъ:

«Одинъ братъ, одинъ свѣтъ, свѣтьлый || ты, Игорю! [17])

Оба есвѣ || Святославичя.

Седьлаи, брате, своѣ бързыѣ || комонѣ,

а мои ти готови, || оседьлани

у Курьска || напереди.

А мои ти Куряне свѣдоми || къметіе:

подъ трубами || повити,

подъ шеломы || възлелѣяни,

коньць копія || въскърмлени;

путіе имъ || вѣдоми,

яругы имъ || знаемы,

луци у нихъ || напряжени,

тули отъворени, саблѣ изострены;

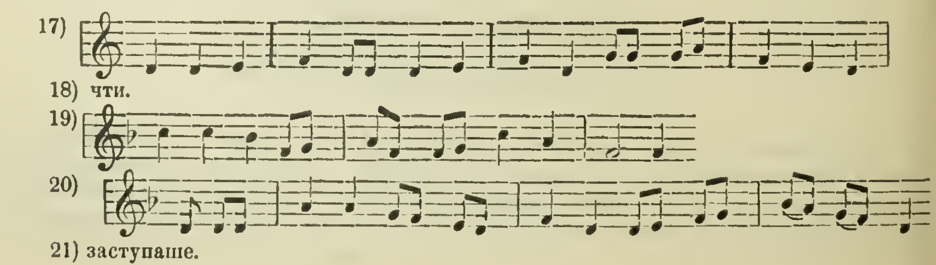
сами скачють акы сѣріи вълци || въ поли,

ищюче || собѣ чьсти, [18]) а кънязю славы» [19]).

Тъгда въступи Игорь || кънязь въ золотъ стремень [20])

и поѣха по чистому || полю.

Сълньце ему тьмою путь || заступашеть [21]);

17) [notation]

18) чти.

19) [notation]

20) [notation]

21) заступаше.

ночь ему[22]) стонучи грозою птицѣ[23]) || убуди,
свистъмь звѣрѣ || въ стада сѣби[24]);
дивъ кличеть || вьрху дерева,
велить послушати земли || незнаемѣ,
Вълзѣ, [и] Поморію, || [и] Посулію
и Сурожу || и Корсуню
и тобѣ, тьмутороканьскый || бълване![25])
А Половьци неготовами || дорогами
побѣгоша къ Дону || великому;
кричать телѣгы || полуночи,
рьци лебеди || роспужени[26]).
Игорь къ Дону || воѣ ведеть.
Уже бо бѣды его пасеть пътиць || по дубію[27]);
вълци грозу ворожать[28]) || по яругамъ;
орьли клекътъмь на кости || звѣрѣ зовуть;
лисицѣ брешють || на чьрвленыѣ щиты.
О Русьская земле! уже зашьла || за шеломень ми еси![29])
Дълго ночь || мьркнеть;
зоря съ свѣтъмь[30]) || запала;
мьгла поля || покрыла;
щекътъ соловій || усъпе,
говоръ галичь || убуди(ся).
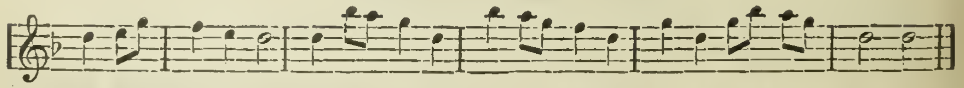
---

22) стонучи ему. 23) птичь. 24) свистъ звѣрииъ въ стазби (въ непосредственномъ подлинникѣ «свистѣ звѣрии въ ста зби» съ утратой надстрочныхъ буквъ?).
25) блъванъ. 26) роспуцени. 27) подобію. 28) въсрожать изд., въ срожатъ Арх. спис. 29) уже за Шеломянемъ еси. Ср. 1) стремень (выше и ниже), 2) чьто ми шумить, чьто ми звенить? (ниже). 30) заря свѣтъ.

Русичи || поля великая [31])
чьрвлеными щиты || перегородиша,
ищюче || собѣ чьсти [32]), а кънязю славы.
Съ заранія || въ пятькъ потъпъташа
поганыѣ пълкы || Половьчьскыѣ
и россушяся стрѣлами || по полю,
помъчяша красьныѣ || дѣвъкы Половьчьскыѣ,
а съ ними золото || и паволокы
и дорогыѣ || оксамиты;
орьтъмами и японьчицями || и кожухы
начяша мосты || мостити
по болотомъ и грязивымъ || мѣстомъ
и вьсякыми || узорочіи Половьчьскыми.
Чьрвленъ стягъ, бѣла || хорюгъвь,
чьрвлена челъка, серебьряно || стружіе
хоробьрому || Святославичю!
Дремлеть въ поли Ольгово || хоробьрое гнѣздо, далече || залетѣло [33]);
не было въ [34]) обидѣ || порожено
ни соколу, || ни кречету,
ни тобѣ, чьрный вороне, поганыи || Половьчине!

---

31) великая поля. 32) чти. 33) Одинъ музыкальный періодъ (фраза), напр. такой:

Здѣсь эпическій стихъ «Ольгово хоробьрое» есть величина лишь метрическая, не совпадающая съ музыкальнымъ предложеніемъ (κῶλον), почему и совпаденіе его съ частями грамматическаго предложенія не обязательно. По греческой терминологіи эта строка есть περίοδος τετράκωλος (1 Дремлеть въ поли—2 Ольгово—3 хоробьрое гнѣздо—4 далече залетѣло).

34) небылонь (исправ. Тихонр.).

Къза[35]) бѣжить сѣрымь || вълкъмь,
Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону || великому.
Другого дьне || вельми рано
кръвавыѣ зорѣ свѣтъ || повѣдають;
чьрныѣ тучѣ идуть || съ моря[36]),
хотять прикрыти четыри || сълньця,
а въ нихъ трепещють синѣѣ || мълніѣ.
Быти грому || великому,
ити дъждю стрѣлами съ Дону || великого.
Ту ся копіемъ || приламати,
ту ся саблямъ || потручяти
о шеломы || Половьчьскыѣ,
на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону || великого.
О Русьская земле! уже зашьла || за шеломень ми еси[37]).
Се вѣтьри, Стрибожи || вънуци,
вѣють съ моря || стрѣлами
на хоробрыѣ || пълкы Игоревы;
земля тутьнеть, || рѣкы мутьно текуть;
пороси поля прикрывають, стязи || глаголють.
Половьци идуть отъ || Дона и отъ моря
и отъ вьсѣхъ || сторонъ.
Русьскыѣ || пълкы оступиша[38]) дѣти бѣсови,

35) Гзакъ, какъ и ниже въ трехъ мѣстахъ, но изъ нихъ въ одномъ, «млъвить Гзакъ Кончакови», невѣрно соединены «Гза къ», а въ другомъ, «и рече Гзакъ къ Кончакови» — диттографія предлога; за то въ четвертомъ мѣстѣ правильно «рече Кончакъ ко Гзѣ», потому что здѣсь нельзя было приставить слога *къ*, прибавленнаго выше, вѣроятно, по аналогіи съ именемъ «Кончакъ». Къза — тат. коджа; ср. въ Ип. лѣт. «Романъ Кзичь».
36) съ моря идуть. 37) уже не Шеломянемъ еси. 38) отступиша (испр. Тих.).

кликъмь поля || перегородиша,
а хоробьріи Русичи || [перегородиша] чьрвлеными
щиты.

Яръ туре || Вьсеволоде!
(крѣпъко) стоиши || на борони,
прыщеши на воѣ || стрѣлами,
гремлеши о шеломы мечи || харалужьными.
Камо туръ || поскочяшеть,
своимь золотымь || шеломъмь посвѣчивая,
тамо лежать || поганыѣ
головы || Половьчьскыѣ.
Поскѣпани саблями || калеными
шеломи || Оварьстии
отъ тебе, яръ туре || Вьсеволоде!
Кая ратьнымъ [39]) || дорога?
(се туръ біеться,) || братіе,
забывъ (ти) чьсти || и живота
и города || Чьрнѣгова,
отьня || золота стола,
(и) своеѣ милыѣ || хоти, красьныѣ Глѣбовьны,
съвычяя || и обычяя.
Были вѣци || Трояни,
минула лѣта || Ярославля,
были (по нихъ) || пълци Ольгови,
Ольга || Святославичя.

39) раны. Ср. ниже: кое ваши златыи шеломы — ?

Тъй бо Ольгъ мечьмь крамолу || ковашеть
и стрѣлы по земли || сѣяшеть,
ступаеть въ золотъ || стремень
въ городѣ || Тьмутороканн.
Тъй же [40]) звонъ || слыша(шеть)
давьныи || великыи
Ярославль сынъ || Вьсеволодъ [41]),
а Володимѣръ || по вься утра
уши закладашеть || въ Чьрнѣговѣ.
Бориса же || Вячеславича
слава на судъ || приведе
и на Каялину [42]) зелену || паполому
посъла [43]) за обиду || Ольгову,
хоробьра и молода || кънязя.
Съ тоѣ-же Каялы || Святопълкъ
повелѣ възяти [44]) || отьця своего
межю Угорьскыми || иноходьци
къ Святѣи Софіи || къ Кыеву.
Тъгда при Ользѣ || Гориславичи
сѣяшеть ся || и ростяшеть усобицями,
погыбашеть жизнь Дажьбожя || вънука,
въ тяжькыхъ || крамолахъ
вѣци (ся) || человѣкомъ съкоротиша [45]).
Тъгда по Русьскои земли рѣдько ратаеве || кыкахуть,

---

40) Тоже. 41) Всеволожь изд., Всеволожъ Арх. спис. (исправ. Тихонр.).
42) канину. 43) постла. 44) повелѣя. 45) скратишась.

нъ часто ворони || граяхуть,
трупіе собѣ || дѣляче,
а галици || свою рѣчь говоряхуть,
хотять полетѣти || на уѣдіе.
То было въ ты рати || и въ ты пълкы,
а сицеѣ рати || не слышано:
съ заранія || (и) до вечера,
съ вечера || (и) до свѣта
летять стрѣлы || каленыѣ,
грѣмлють сабли || о шеломы,
трѣщать копія || харалужьная
въ поли || незнаемѣ,
середѣ землѣ || Половьчьскыѣ.
Чьрна земля || подъ копыты
костьми || была посѣяна,
а кръвію || (была) поліяна;
тугою възидоша по Русьской || земли.
Чьто ми шумить, чьто ми звенить
(из)далеча[46]) рано передъ зорями?
Игорь пълкы || заворочаеть:
жаль бо ему || мила брата Вьсеволода.
Биша ся дьнь, || биша ся другый;
третіего дьне || къ полудьнію
падоша стязи || Игореви.
Ту ся брата || розлучиста

46) давечя.

на березѣ быстроѣ || Каялы;
ту кръвавого || вина не доста;
ту пиръ [до]кончяшя хоробріи || Русичи;
сваты попоишя, а сами полегошя за землю || Руськую.
Ничить || трава жалощами,
а дерево съ тугою || къ земли приклонилося [47]).
Уже бо, братіе, невеселая година || въстала;
уже пустыни силу || прикрыла;
въстала обида въ силахъ Дажьбожя || вънука,
въступила дѣвою на землю || Трояню,
въсплѣскала лебедиными || крилы на синѣмь мори
у Дону плѣщючи, [48])
убуди жирьна || времена.
Усобиця къняземъ || на погыбѣль бѣ [49]):
рекоста бо братъ || брату:
«Се мое, а то || мое же»;
и начяшя кънязи || про малое
«Се великое» || мълвити,
а сами на себе крамолу || ковати;
а поганіи съ вьсѣхъ сторонъ || прихожяхуть
съ побѣдами на землю || Руськую.
О, далече заиде || соколъ,
пътицѣ бія, || къ луку моря [50])!

---

47) преклонилось.
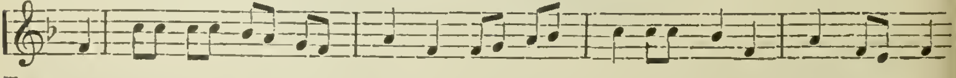
48)

49) на поганые погыбе. 50) къ морю.

А Игорева || хоробрьрого пълку не крѣсити:
за нимь кликну || Карьна,
и Жьля поскочи по Русьскои || земли,
смагу людьмъ || мычючи въ пламенѣ розѣ.
Жены Русьскыѣ || въсплакашя ся а рькучи:
«Уже намъ своихъ милыхъ || ладъ
ни мыслію || съмыслити,
ни думою || съдумати, ни очима съглядати,
а золота || и серебьра
ни мало того || потрепати».
А въстона бо, [братіе], || Кыевъ || тугою,
а Чьрнѣговъ || напастьми;
тъска розлия ся || по Русьскои земли;
печаль жирьна || утече
середѣ (землѣ), || землѣ Русьскыѣ;
а кънязи сами на себе крамолу || ковахуть;
а поганіи сами || побѣдами
нарищюче на Русьскую || землю
емляхуть дань по бѣлѣ || отъ двора [51]).
Тіи бо дъва || хоробрая Святославичя,

---

51) Первый изъ этихъ двухъ стиховъ пополняется въ ритмическомъ отношеніи началомъ второго и отдѣленъ отъ него по причинѣ мелодической, которая выяснится напр. при такой нотаціи:

Такъ-же ниже «иже погрузи» и пр.

Въ менѣе рѣзкомъ видѣ, а именно при наличности второстепеннаго ударенія въ первомъ стихѣ, такая тѣсная ритмическая связь двухъ стиховъ — явленіе не рѣдкое; ср. напр. ниже «бяшеть притрепалъ» и т. д.

Игорь || и Вьсеволодъ,
уже Жьлу[52]) убудиста || которою[53]).
Того[54]) бяшеть || усъпилъ
отьць ихъ || Святославъ,
грозьный великый || Кыевьскый, грозою,
бяшеть || притрепалъ[55])
своими сильными || пълкы и мечи харалужьными[56]),
наступи на землю || Половьчьскую,
притопъта хълмы || и яругы,
възмути рѣкы || и озера,
иссуши потокы || и болота,
а поганого Кобяка || изъ луку моря
ото желѣзьныхъ великыхъ пълкъ || Половьчьскыхъ
яко вихърь || вытържє,
и надє ся Кобякъ въ городѣ || Кыевѣ,
въ гридьници || Святославли.
Ту Нѣмьци || и Венедици, ту Грьци и Морава
поють славу || Святославлю,
кають кънязя || Игоря,
иже погрузи || жиръ
въ дънѣ Каялы, рѣкы || Половьчьскыѣ;
Русьского золота || насыпаша ту;
Игорь кънязь высѣде изъ || седьла золота,

---

52) лжу. 53) которую (исправ. Тих.). 54) то (исправ. Тих.)
55) притрепсталъ (исправ. Тих.).
56) харалу̀жными мечи..

а въ седьло || кощіево.
Уныша бо городомъ || заборола, а веселіе пониче.
А Святославъ мутьнъ сънъ || видѣ
въ Кыевѣ || на горахъ си ночь съ вечера:
«Одѣвахуть[57]) мя, [рече,] чьрною || паполомою на
кровати тисовѣ,
чьрпахуть ми || сине[58]) вино
съ трудъмь || съмѣшено,
сыпахуть ми || тъщими тулы
поганыхъ || тълковинъ
великый женьчюгъ || на лоно и нѣгують мя.
Уже дъскы || безъ кнѣса
въ моемь теремѣ || золотовьрсѣмь.
Вьсю ночь съ вечера бѣсови[59]) || ворони
възграяхуть у Плѣсньска || на болони,
(дѣляче кръваву || уѣдину;)
бѣша (изъ) дьбри || (сънеслися н)а ню[60])
и несошя ю[61]) къ синему || морю».
И рекошя бояре || къназю:
«Уже, къняже, туга умъ || полонила:
се бо дъва сокола || сълетѣста
съ отьня || стола золота

---

57) одѣвахъте. 58) синее. 59) босуви.

60) дебрь кисаню. Данная въ текстѣ попытка къ исправленію этого мѣста, не только искаженнаго, но и неполнаго, основана на предположеніи, что пропускъ произошелъ вслѣдствіе нѣкотораго однообразія въ буквенномъ составѣ этихъ стиховъ.

61) несошлю.

поискати города || Тьмутороканя,
а любо испити || шеломъмь Дону;
уже соколома || крильця
припѣшали поганіи[62]) || саблями,
а самую опуташя[63]) въ путины || желѣзьны.
Тьмьно бо бѣ || въ третьй дьнь:
дъва сълньци || помьркоста,
оба багряная стълпа || погасоста,
и съ нима[64]) молодая || мѣсяця, Ольгъ и Святославъ,
тьмою ся || поволокоста
и (ся) въ море || погрузиста
и великое буиство || подаста Хынови.
На рѣцѣ на Каялѣ || тьма свѣтъ покрыла:
по Русьскои земли простьропія ся || Половьци, акы пардуже гнѣздо[65]).
Уже сънесе ся || хула на хвалу,
уже трѣсну нужда || на волю,
уже вьрже ся дивъ || на землю.
Се бо гътьскыѣ красьныѣ || дѣвы
въспѣшя на березѣ синему || морю,
звоня(чѣ) Русьскымь || золотъмь,
поють веремя || бѣсово[66]),
лелѣють мьсть || Шароканю.

62) поганыхъ. 63) опустоша; испр. Тихонр. 64) нимъ.

65) поволокоста на рѣцѣ на Каялѣ. Тьма свѣтъ покрыла: по Русской земли простропіася Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста и великое буйство.

66) бусово.

А мы уже [дружина] жядьни || веселія.
Тъгда великыи || Святославъ
изрони золото || слово, (съ) сльзами съмѣшено
[и рече]:
«О моя сыновьця, (:) Игорю || и Вьсеволоде!
рано еста начяла Половьчьскую землю || мечи цвѣлити,
а собѣ славы || искати.
Нъ не чьстно || одолѣста[67]):
не чьстно бо кръвь || поганую проліяста.
Ваю хоробрѣи || сьрдьци[68])
въ жестоцѣмь харалузѣ || съкованѣ,
а въ буести || закаленѣ.
Се ли сътвориста моеи || серебрянѣи сѣдинѣ?
А уже не вижю || волости
сильного || и богатого
и мьноговои(ного) || брата моего Ярослава
съ Чьрнѣговьскыми || былями,
(и) съ могуты || и съ Татраны
и съ Шельбиры || и съ Топъчакы
и съ Ревугы || и съ Олыбѣры[69]):
тіи бо безъ щитъ || съ засапожьникы
кликъмь пълкы || побѣжяють,
звоняче въ прадѣдьнюю || славу.

---

67) одолѣсте, какъ ниже: проліясте, створисте, рекосте.

68) храбрая сердца, какъ и ниже: скована—закалена.

69) Олберы изд., Олбѣры Арх. спис. Ср. «царство Алыберское» у Кирши Данилова въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ, гдѣ упоминается и «земля полуѣецкая». Тур. алыб ӓр «великанъ-мужчина»?

Нъ рекоста: «Мужаимъ ся[70]) || сами,
передьнюю славу сами (си) || похытимъ,
а задьнюю сами си[71]) || подѣлимъ».
А чи диво ся, братіе, || стару помолодити?
Коли соколъ въ мытьхъ || бываеть,
высоко пътицѣ || възбиваеть,
не дасть гнѣзда своего || въ обиду.
Нъ се (одьно гнѣздо) || къняже
(друго)му[72]) || не пособіе;
наниче ся годины || оборотишя;
се у Римова[73]) кричять || подъ саблями Половьчьскыми,
а Володимѣръ || подъ ранами:
туга и тъска || сыну Глѣбову.
Великыи къняже || Вьсеволоде!
не бысть ли[74]) ти || прилетѣти издалечя
отьня || золота стола поблюсть? [75])
Ты бо можеши Вългу веслы || роскропити,
а Донъ шеломы || выльяти.
Аже бы ты былъ, то была бы чяга || по погатѣ, а кощіи по рѣзани:
ты бо можеши || по суху
живыми шереширы || стрѣляти,
удалыми || сыны Глѣбовы.
Ты, буи Рюриче || и Давыде!

70) му жа мѣся изд., мужа имѣся Арх. спис. (исправ. Тих.). 71) ся сами.
72) зло княже ми. 73) урӥ 74) мыслію 75) поблюсти. Музыкально-ритмическое построеніе этихъ двухъ стиховъ можетъ быть таково:

не ваю ли золоченыма || шеломома
(освѣчена поля || широкая?
не ваю ли бързая || комони,
акы по морю,) по кръви || плаваша?
не ваю ли дружина || хоробрая [76])
рыкають, акы тури || (ярій),
ранени саблями || калеными на поли незнаемѣ?
Въступита, господина, въ золотъ || стремень
за обиду сего || веремене,
за землю Русьскую, || за раны Игоревы,
буего || Святославичя!
Галичьскыи || Осьмомысле Ярославе!
высоко сѣдиши || на своемь столѣ золотокованѣмь [77]),
подъперъ горы || Угорьскыѣ
своими пълкы || желѣзными [78]);
заступивъ королеви || путь,
затворивъ Дунаю || ворота,
мечя беремена [79]) || через оболокы,
суды рядя || до Дуная;
грозы твоѣ || по землямъ текуть;
отъворяеши Кыеву || ворота,
стрѣляеши съ отьня || золота стола
салътаны || за землями.
Стрѣляи, господине, || Коньчака,

---

76) храбрая дружина. 77) златокованнѣмъ столѣ. 78) желѣзными пълкы.
79) времены («Мѣсто испорченное. *Бремены?*» Тих.).

поганого || кощѣя,
за землю Русьскую, || за раны Игоревы,
буего || Святославичя!
А ты, буи Романе, || и Мьстиславе!
хоробрая мысль носить ва съ уемь[80]) || на дѣло;
высоко плаваета[81]) || [на дѣло] въ буести,
акы[82]) соколъ на вѣтрѣхъ || ширяя ся,
хотя пьтицю || въ буиствѣ одолѣти.
Суть бо у ваю желѣзьни || наворози[83])
подъ шеломы || латиньскыми;
тѣмь[84]) трѣсну (нужя || на чюжѣ) землѣ,
и мьногы стороны || — Хынова, Литъва,
Ятьвязи, Деремела || и Половьци —
сулицѣ своѣ || повьргошя,
а головы своѣ || подъклонишя
подъ тыѣ мечѣ || харалужьныѣ.
Нъ уже, къняже || Игорю,
утьрпе сълньцю || свѣтъ,
а дерево не бологъмь листвіе || сърони:
по Ръси || и по Сулѣ
городы || подѣлишя,
а Игорева || хоробьрого пълку не кресити.
Донъ ти, къняже, || кличеть
и зоветь кънязѣ || на побѣду.

---

80) васъ умъ. Если поправка вѣрна, разумѣется Игорь, который приходился братомъ женѣ Ярополка, Романова и Мстиславова дяди (стрыя).

81) плаваеши. 82) яко. 83) напорзи. 84) тѣми.

Ольговичи, хоробьріи || кънязи, доспѣли на боронь,
Инъгварь || и Вьсеволодъ
и вьси трі(е) || Мьстиславичи,
не худа гнѣзда || шестокрильци.
(Нъ) не побѣдьными || жеребіи
собѣ волости || росхытисте:
кое ваши золот[ы]и || шеломи
и сулицѣ лядьскыѣ || и (чьрвленіи) щиты?
Загородите полю || ворота
своими остьрыми || стрѣлами
за землю Русьскую, || за раны Игоревы,
буего || Святославичя!
Уже бо Сула || не течеть
серебрьеными || струями
къ городу || Переяславлю,
и Двина болотъмь || течеть
онымъ грозьнымъ || Полочяномъ
подъ кликъмь || поганыхъ.
Одинъ же Изяславъ, сынъ || Васильковъ,
позвони своими || остьрыми
мечи о шеломы || Литъвьскыѣ,
притрепа (, рече,) славу дѣду своему || Вьсеславу,
а самъ подъ (стягы || и) чьврлеными щиты
(голову приложи) || на кръвавѣ травѣ,
притрепанъ въ поли || (незнаемѣ) мечи Литъвьскыми [85]).

85) Литовскыми мечи.

И се хытьрыи || Боянъ ти реклъ [86]):
«Дружину твою, || къняже,
пътицѣ [87]) крилы || пріодѣ(шя),
а звѣріе кръвь || полизашя».
Не бысть ту брата || Брячислава
ни другого || Вьсеволода;
одинъ же — изрони женьчюжьну || душу
изъ хоробра || тѣла
через золото || ожереліе.
Уныли голосы, || поминаючѣ и [88]),
трубы трубять || Городьньскыѣ.
Ярославе — и вьси вънуци || Вьсеславли!
Уже понизите || стягы своѣ,
въньзите мечѣ || своѣ [89]) вережены:
уже бо (вьси вы) || выскочисте изъ дѣдьнѣѣ славы.
Вы бо своими || крамолами
начясте наводити || поганыѣ
на землю Русьскую, || [на] стьзю Вьсеславлю [90]):
которою [91]) бо || (вашею
пьрвое) бѣше || насиліе
отъ землѣ || Половьчьскыѣ.
На седьмъмь || вѣцѣ Трояни

86) и схотию на кровать и рекъ (порча подъ вліяніемъ слоговъ *на крова-*).

87) птиць. 88) уныли голоси (исправ. Потебня), пониче веселіе (ср. въ предъидущемъ стихѣ «*веселіе*» и выше: «веселіе пониче»). 89) свои мечи.

90) жизнь. Вѣроятность поправки увеличивается при допущеніи правильности мнѣнія Потебни, что «которою—Половьчьскыѣ»—позднѣйшая глосса.

91) которое (исправ. Тих.).

въpже Всеславъ || жеребій
о дѣвицю || собѣ любу.
Тъ(гда) клюками подъпьръ ся || окони [92])
и скочи къ городу || Кыеву
и дотъче ся стружіемь || золота стола (того)
Кыевьского,
скочи отъ (рать)ныхъ лютымь || звѣрьмь
въ полуночи || изъ Бѣла-города,
(ускочивъ,) обѣси ся || синѣ мьглѣ,
утрѣ же въ(зво)ни || съ трикусы [93]),
отъвори ворота || Нову-городу,
росшибе славу || Ярославу,
скочи вълкъмь || до Немигы съ Дудутъкъ.
На Немизѣ снопы стелють || головами,
молотять цѣпы || харалужьными,
на тоцѣ животъ || кладуть,
вѣють душу || отъ тѣла;
Немизѣ кръвави || березi
не бологъмь бяхуть || посѣяни,
посѣяни костьми Русьскыхъ || сыновъ.
Всеславъ кънязь людемъ || судяшеть,
кънявемъ городы || рядяшеть,

92) о кони. Соединилъ Потебня («сдѣлать коннымъ»), прибавивъ *ся*: «окони ся»; но ср. въ пѣснѣ у Ричарда Джемса: «Мнѣ постритчи ся не хочетъ», гдѣ одно *ся* относится къ двумъ глаголамъ.

93) утръже возни стрикусы. Поправка (въ которой *утрѣ* не ново) основана на предположеніи, что подъ Новгородомъ въ XI в. была мѣстность или церковь *Трикус(т)а* (?=τριακοστή=тридцатая?).

а самъ въ ночь вълкъмь || рыскашеть:
изъ Кыева || дорыскашеть
до куръ Тьму || тороканя;
великому Хърсови вълкъмь путь || перерыскашеть.
Тому въ Полотьсцѣ позвонишя заутрьнюю || рано у святыѣ Софѣѣ,
а онъ въ Кыевѣ || звонъ слыша(шеть).
Аже и вѣщя душя || въ дьрзѣ [94]) тѣлѣ,
нъ чясто бѣды || страдашеть.
Тому вѣщій Боянъ || и пьрвое
припѣвъку съмысленый || рече:
«Ни хытьру, || ни горазду,
ни пътицю (, ни звѣрю || , ни) г[ор]а[з]ду
суда Божія || не минути».
О, стонати Русьсцѣи || земли,
помянувъши пьрвую || годину
и пьрвыхъ || кънязій!
Того старого || Володимѣра
не льзѣ бѣ (въ вѣкъ) пригвоздити къ горамъ || (къ) Кыевьскымъ;
сего (у)бо нынѣ сташя стязи || Рюрикови,
а друзіи || Давыдови,
нъ розьно ся [95]) имъ || хоботи (тіи) пашють.
Кое се поють || надъ нами [96])?
Ярославьнинъ голосъ || слышите [97]);
зегъзицею || незнаема [98]) рано кычеть:

---

94) друзѣ. Исправ. Потебня. 95) рози нося имъ (исправ. Тих. въ примѣч.).
96) копіа поютъ на Дунаи. 97) слышить. 98) незнаемь.

«Полечю зегъзицею || по Дунаеви,
омочю бебрянъ рукавъ || въ Каялѣ рѣцѣ,
утьру кънязю || кръвавыѣ его раны
на жестоцѣмь || его тѣлѣ».
Ярославьна рано || плачеть
въ Путивли на забороле, || арькучи:
«О вѣтре, || вѣтрило!
чему, господине, насильно || вѣеши?
чему мычеши хыновьскыѣ || стрѣлькы
на своею нетрудьную || крильцю
на моеѣ лады || воѣ?
Мало ли ти || бяшеть
горѣ [95]) подъ оболокы || вѣяти,
лелѣючи кораблѣ || на синѣ мори?
чему, господине, мое || веселiе по ковылiю розвѣя?».
Ярославьна рано || плачеть
Путивлю городу на забороле, || арькучи:
«О Дънѣпре || словутичю!
ты пробилъ еси каменьны[я] || горы
сквозѣ землю || Половьчьскую,
ты лелѣялъ еси на собѣ Святославлѣ насады до пълку || Кобякова:
възлелѣй, господине, || мою ладу къ мънѣ,
абыхъ не сълала || къ нему
сльзъ на море || рано».
Ярославьна рано || плачеть

95) горъ.

въ Путивли на забороле̂, || арькучи:
«Свѣтьлое || и тресвѣтьлое сълньце!
вьсѣмъ тепьло || и красьно еси:
чему, господине, простьре горячюю || свою лучю на (моеѣ) лады воѣ,
въ поли безводьнѣ жяжею имъ || лукы съпряже,
тугою имъ || тулы затъче?».
Прысну море || полуночи;
идуть смьрчи || мьглами.
Игореви || кънязю
Богъ путь || кажеть
изъ землѣ || Половьчьскыѣ на землю Русьскую
къ отьню || золоту столу.
Погасошя вечеру || зорѣ.
Игорь съпить, || Игорь бдить,
Игорь мыслію || поля мѣрить
отъ великого || Дону до малого Доньця.
Кои ми звонъ [99]) || въ полуночи?
Овлуръ свисну || за рѣкою,
велить кънязю || розумѣти.
Кънязю Игорю не бы(с)ть || кликну(ти):
стукну земля, || въсшюмѣ трава,
вежѣ ся || Половьчьскыѣ потрясошя [100]).
А Игорь [кънязь] поскочи || гърностаемь къ тръстію

---

99) комонь. 100) подвизашася (поправка основана на предположеніи диттографіи буквъ *полов*, откуда *под*[*о*]*в*, и компендія буквъ *тр*, похожаго на *з*, какъ въ *Зояни* по Арх. сп. вмѣсто *Трояни*).

и бѣлымь гогольмь || на воду,
въ(з)вьрже ся на бързъ || комонь
и скочи съ него бусымь[101]) || вълкъмь
и потече къ лугу || Доньця
и полетѣ соколъмь || подъ мьглами,
избивая гусѣ || и лебедѣ
завътроку || и обѣду и ужинѣ.
Коли Игорь соколъмь || полетѣ,
тъгда (О)влуръ вълкъмь || потече,
труся собою студеную || росу:
перетъргоста бо [своя] бързая || комоня.
Доньць рече || (къ Игореви):
«Къняже Игорю, не мало ти || величія,
а Коньчяку || нелюбія,
а Русьсцѣи земли || веселія».
Игорь рече || (къ Доньцю):
«О Доньче! не мало ти || величія,
лелѣявъшю || къназя на вълнахъ,
стълавъшю ему || зелену траву
на своихъ серебьреныхъ || березѣхъ,
одѣвавъшю || его теньлыми мьглами
подъ сѣнію || зелену дереву;
стережяше его гоголи || мъ(ногы) на водѣ,
чьрнядьми || на струяхъ,

---

101) босы[м].

чаицями || на вѣтьрѣхъ[102]).
Не тако ми[103]), рече, || рѣка Стугъна,
худу струю || имѣючи[104]),
пожьръши чюжѣ || ручяѣ и стругы,
(у Треполя) росширена || къ устію[105]),
уношю кънязю || Ростиславу
затвори (берегъ) || Дънѣпьрь(скыи.
Володимѣръ кънязь || въсплака ся,
одинъ собѣ || на) томь[106]) березѣ;
плачеть ся мати || Ростиславля
по уноши кънязи || Ростиславѣ.
Уныша цвѣты || жялобою,
и дерево съ тугою || къ земли приклонило ся[107])».
А не сорокы (вы се) || въстроскоташя:
на слѣдѣ[108]) Игоревѣ || ѣздить Къза[109]) съ
Коньчякъмь.

Тъгда ворони || не граяхуть,
галицѣ || помълкошя,
сорокы (на ню) || не троскотахуть[110]),
полози (близъ) ю || не пълзахуть[111]),
толико дятьлове || текътъмь
путь къ рѣцѣ || (има) кажють,

102) стрежаше гоголемъ на водѣ, чаицами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ. Переставилъ Потебня (но у него «стрегъшю»). 103) ли. 104) имѣя. 105) ростре на кусту. Отчасти исправлено прежними издателями. 106) темнѣ. 107) прѣклонилоˢ.
108) на слѣду. 109) Гза. Ср. примѣч. 35, гдѣ добавь изъ Ипатской лѣтописи форму того-же имени «Коза». 110) троскоташа. 111) полозію ползоша.

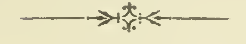
соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ || повѣдають.
Мълвить Къза || къ Коньчякови:
«Аже соколъ || къ гнѣзду летить,
соколичя || ростpѣляевѣ
своими золочеными || стрѣл(ък)ами».
Рече Коньчякъ || къ Къзѣ:
«Аже соколъ || къ гнѣзду летить,
а вѣ сокольця опутаевѣ красьною || дѣвицею».
И рече Къза || къ Коньчякови:
«Аже его опутаевѣ красьною || дѣвицею,
ни нама будеть || сокольця,
ни нама красьны(ѣ) || дѣвицѣ,
то почьнуть наю || пътицѣ бити
въ поли || Половьчьскомь».
Рекъ (у)бо я(зъ) ны(нѣ || ся), худыи [112]),
(поя вереме)на || Святославля,
(помяну припѣвъку || Бояню),
пѣснетворьця старого || веремене,
Ярославля, Ольгова, || Коганя:
«Хоти тяжько ти, головѣ [113]), || кромѣ плечю,
зъло ти, тѣлу, || кромѣ головы»,
Русьсцѣи земли || безъ Игоря.
Сълньце свѣтить ся || на небеси,
Игорь кънязь || въ Русьской земли.
Дѣвицѣ поють || на Дунаи,

---

112) Боянъ и ходы. 113) головы.

віють ся голоси через море || до Кыева.
Игорь ѣдеть || по Боричеву
къ святѣи Богородици || Пирогощи.
Страны рады, || гради весели.
Пѣвъше пѣснь старымъ || къназемъ,
а потомь молодымъ || пѣти (почьнемъ).
Слава Игорю || Святославичю,
бую туру || Вьсеволоду [114]),
Володимѣру (упому) || Игоревичю!
Съдрави кънязи || и дружина,
побараюче [115]) || за христіяны на поганыѣ пълкы!
Къназемъ слава || и [116]) дружинѣ!

Аминь.

114) буй туру Всеволоде. 115) побарая. 116) а.

Отзывъ о сочиненіи М. Р. ФАСМЕРА:

„Греко-славянскіе этюды. III. Греческія заимствованія въ русскомъ языкѣ", С.-Пб. 1909 г.,

составленный академикомъ Ѳ. Е. Коршемъ.

Авторъ въ настоящемъ своемъ трудѣ отчасти съузилъ, отчасти расширилъ ту тему, которой были посвящены первыя два его изслѣдованія, появившіяся подъ тѣмъ-же общимъ заглавіемъ — «Греко-славянскіе этюды» — въ XI и XII томахъ «Извѣстій Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ». На этотъ разъ онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на русскомъ языкѣ, но за то постарался изучить свой предметъ въ такой полнотѣ, чтобы онъ могъ считаться исчерпаннымъ. Стремленіе къ этой полнотѣ завело его даже черезчуръ далеко, навязавъ ему кое-гдѣ матеріалъ, по малой мѣрѣ, сомнительный, и вовлекло въ нѣкоторыя противорѣчія съ той программой, которой онъ, судя по его введенію и по общему характеру книги, предполагалъ слѣдовать. Такъ, пользованіе источниками исключительно или старыми, или народными (между прочимъ, малорусскими и бѣлорусскими) указываетъ на то, что онъ имѣлъ въ виду, какъ и естественно въ подобномъ изслѣдованіи, цѣль культурно-историческую — представить на

основаніи словаря картину постепеннаго вліянія греческаго языка на русскій вплоть до вступленія Русскихъ на путь обще-европейской цивилизаціи, которая, правда, продолжала и продолжаетъ вводить въ русскій языкъ, между многими новыми словами иноязычнаго происхожденія, также слова греческія, но ужь прошедшія искусственную среду западной мысли и культуры и потому способныя свидѣтельствовать о вліяніи древнихъ Грековъ на человѣчество, а не о значеніи Грековъ позднѣйшихъ для Русскихъ. Таковъ былъ, повидимому, первоначальный планъ автора или, во всякомъ случаѣ, таковъ приблизительно онъ былъ долженъ быть. Но авторъ, отчасти намѣренно, отчасти безсознательно, расширилъ его и матеріально, и хронологически къ нѣкоторому ущербу стройности и цѣлесообразности своего изслѣдованія, такъ какъ эти посторонніе его задачѣ элементы онъ не выдѣлилъ въ особыя приложенія, а помѣстилъ на ряду съ тѣми заимствованіями, которыя составляютъ дѣйствительно существенную часть принятаго имъ на себя труда. Вполнѣ сознательно онъ ввелъ въ свой словарь и тѣ греческія слова, которыя проникли къ намъ черезъ иноязычную среду и потому говорятъ о вліяніи на насъ не Грековъ, а передатчиковъ этихъ словъ — Турокъ, Румынъ и т. д., или о вліяніи Грековъ на этихъ передатчиковъ и, такимъ образомъ, относятся къ исторіи ихъ, а не нашей культуры. Едва-ли удачно и пріобщеніе «офенскаго» языка, завѣдомо искусственнаго и вбиравшаго въ себя чужія слова далеко не всегда изъ первоисточника, а, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ изъ такихъ-же языковъ, составленныхъ румынскими, галицкими и венгерскими ходебщиками и ворами. Хронологическое расширеніе программы, въ смыслѣ вторженія въ область уже обще-европейской культуры, авторъ позволялъ себѣ рѣдко, да и совсѣмъ не позволилъ-бы, если-бы въ числѣ семасіологическихъ правилъ, изложенныхъ во Введеніи на стр. III—VI, значилось точное пониманіе изслѣдуемаго слова. При соблюденіи этого правила онъ, конечно, не принялъ-бы такихъ искусственныхъ зоологическихъ названій, какъ *дидельфъ*, да еще напечатанное цер-

ковно-славянскими буквами (didelphys двуутробка, по-польски dydelf), *онагръ* (equus onager), *пеля́ндоръ* (didelphys dorsigera, точнѣе didelphys philander — бразильская двуутробка), *ритина* (rhytina Stelleri — морская корова), за «малорусскія» слова только потому, что они значатся въ словарѣ Желеховскаго. Можетъ быть, вѣрнѣе было-бы не называть и такихъ словъ, какъ *тигръ*, «общерусскими», хотя «лютая тигра» можно услышать отъ простолюдина.

Въ связи съ указанными недостатками плана или его исполненія находится упоминаемый авторомъ на стр. II-й упрекъ ему со стороны славистовъ въ недостаточномъ вниманіи къ исторіи греческаго языка. Авторъ защищается отъ этого обвиненія указаніемъ на свои ссылки, по которымъ можно провѣрить хронологію разбираемыхъ имъ словъ и относящихся къ нимъ фонетическихъ явленій. Такимъ образомъ онъ самъ косвенно признается въ томъ, что историческую сторону дѣла предоставляетъ всецѣло труду читателя. Должно отдать справедливость огромной начитанности автора, которая и позволила ему обосновать библіографическими ссылками чуть не каждое свое слово; но, что̀ касается литературы предмета помимо самыхъ памятниковъ, по большей части извѣстныхъ и доступныхъ, эти ссылки указываютъ иногда, и при томъ въ очень краткой и часто условной формѣ, на такія брошюры и журнальныя статьи, которыя можно найти развѣ лишь въ спеціальныхъ или весьма богатыхъ библіотекахъ, вслѣдствіе чего читатель бываетъ лишенъ возможности пользованія находимыми имъ цитатами и успѣшнаго исполненія возложенной на него авторомъ работы по созданію историческаго фона для предлагаемаго ему чрезвычайно разнообразнаго матеріала. По той-же причинѣ приходится кое-гдѣ вѣрить автору на-слово, между прочимъ, въ его лаконическихъ отзывахъ о чужихъ мнѣніяхъ, которыхъ онъ не раздѣляетъ: «Неточно» или «Ошибочно» такой-то, при чемъ иной читатель, можетъ быть, подумаетъ, что, если-бы то или другое изъ заклейменныхъ такимъ образомъ мнѣній стало ему извѣстно, онъ, пожалуй, присоединился-бы именно

къ нему. Правда, даже самое умѣренное распространеніе ссылокъ значительно осложнило-бы работу автора и сильно утолстило-бы его книгу; но онъ могъ-бы отчасти избѣжать того и другого затрудненія, если-бы отказался на этотъ разъ отъ лишняго для его цѣлей матеріала, что, какъ было указано выше, послужило-бы только къ пользѣ его изслѣдованія. Такимъ матеріаломъ, кромѣ уже упомянутыхъ примѣровъ, можно считать слова, случайно или по незнанію не переданныя по-славянски тѣмъ или инымъ отдѣльнымъ переводчикомъ и встрѣчающіяся всего по одному разу, не говоря уже о механическихъ транскрипціяхъ, смѣшеніе которыхъ съ дѣйствительно вошедшими въ употребленіе словами Мелье (Meillet) въ своемъ отзывѣ о настоящемъ трудѣ автора («Bulletin de la Société de linguistique de Paris», № 57, стр. CLXXV—CLXXVII) приписываетъ преимущественно предшествующимъ частямъ его «Этюдовъ», однако, и въ III-й части остались енколпионъ, крокомъ («книжное»), легатосъ, леонтопардосъ и т. п. и лишенныя греческихъ окончаній, но все-же никѣмъ не принятыя въ родѣ мертворожденныхъ кнодалъ, пификъ или хирогрилъ. Того условія, что какое-нибудь заимствованное у Грековъ слово попадается лишь однажды, конечно, еще не довольно для зачисленія его въ разрядъ несуществовавшихъ въ языкѣ; но когда это условіе поддерживается признаками безсознательной передачи не звуковъ, а буквъ оригинала, тогда можно уже рѣшительно усомниться въ томъ, что оно было въ составѣ языка, хотя-бы только книжнаго. Въ самомъ дѣлѣ, употребительныя заимствованія, хоть первоначально усвоенныя лишь зрѣніемъ и оставшіяся достояніемъ ученаго меньшинства, такъ или иначе измѣняются въ сторону приноровленія къ привычкамъ и потребностямъ языка.

Послѣднее наблюденіе ведетъ насъ къ вопросу о происхожденіи нѣкоторыхъ передѣлокъ греческихъ словъ на славянской почвѣ, съ которымъ отчасти связанъ и вопросъ о принадлежности отдѣльныхъ словъ къ тому или другому виду заимствованія, каковыхъ авторъ различаетъ два: 1) заимствованія книжныя а) пря-

мыя и б) проникшія въ русскую письменность изъ церковнославянской, 2) заимствованія народныя (стр. 2—6). Извѣстно, напр., что греческія слова ж. р. на —ις и —υς при род. п. на —ιδος, —υδος оканчиваются въ русскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ, не на —*исъ* или, по грамматическому роду, на —*иса*, а на —*ида*. Во всѣхъ такихъ примѣрахъ авторъ видитъ передачу простонароднаго окончанія —ίδα и тамъ, гдѣ не находитъ ея въ памятникахъ греческаго языка, возсоздаетъ ее на свой страхъ, напр., при — будто-бы «народномъ» — *арахнида* «ἀραχνίδα» по аналогіи уменьшительнаго ἀραχνίδιον, которое впрочемъ, могло быть произведено отъ основного ἀράχνη безъ посредства фактически неизвѣстнаго *ἀραχνίς, какъ κοριδίον отъ κόρη и т. п. позднѣйшія уменьшительныя. Но вѣроятно-ли, чтобы такія слова, какъ **хламуда** (Остр. Ев.), **пирамида** (XIII сл. Григ. Бог.), **епомида** (Мин. XII в.), причисляемыя и авторомъ къ книжнымъ, могли имѣть въ подлинникахъ, попадавшихъ въ руки славянскихъ переводчиковъ, форму χλαμύδα, πυραμίδα, ἐπωμίδα, а не χλαμύς, πυραμίς, ἐπωμίς? Что-же оставалось дѣлать съ такими словами переводчикамъ, знавшимъ ихъ склоненіе и грамматическій родъ, какъ не переиначить ихъ такъ-же, какъ переиначили и позднѣйшіе Греки, но въ такой-же независимости отъ нихъ, какую необходимо признать, напр., за польскимъ piramida? Иной вопросъ — но все-таки еще вопросъ, — отъ книжнаго κορις или отъ разговорнаго κορίδα происходитъ попавшее въ басни Стефанита и Ихнилата *корида* (что̀ значитъ будто-бы «вошь», а на самомъ дѣлѣ—клопъ). Это *корида* отнесено авторомъ почему-то къ «народнымъ» заимствованіямъ, какъ и *арахнида*, которая, судя по переводу автора «аганеа», есть не что иное, какъ то, что̀ народъ называетъ паукомъ. Сюда-же причислены названія птицъ *псофія* (что̀ по-гречески едва-ли «*ψοφια», а скорѣе *ψοφίας), *харадръ* (по-гречески не «χαράδριος», а χαραδριός) и многое другое, напоминающее гораздо болѣе книгу, чѣмъ народную рѣчь. Вообще распредѣленіе словъ по категоріямъ, принятое авторомъ, далеко не безспорно, что̀ впрочемъ тѣмъ менѣе можно поставить ему

въ вину, что и другимъ изслѣдователямъ разработываемаго имъ предмета, которыхъ трудъ будетъ, по крайней мѣрѣ, на половину облегченъ этой книгой, едва-ли когда удастся точно опредѣлить ближайшіе источники и пути каждаго слова, проникшаго въ русскій языкъ изъ греческаго [1]). Причина тому — недостаточность нашихъ свѣдѣній объ историческихъ судьбахъ нашего языка, при которой для разрѣшенія этой задачи пригодны лишь очень немногіе, особенно рѣзкіе и ясные критеріи, во всякомъ случаѣ болѣе надежные, чѣмъ происхожденіе даннаго перевода, кажущееся автору достаточнымъ признакомъ для различенія заимствованій непосредственныхъ и прошедшихъ черезъ церковно-славянскій языкъ, хотя вопросъ о родинѣ такого-то переводнаго произведенія не всегда можно считать рѣшеннымъ безповоротно, и само собою разумѣется, что тѣ русскіе грамотѣи, которые переводили греческіе тексты, по мѣрѣ своихъ познаній, на церковно-славянскій языкъ, были болѣе или менѣе начитаны въ памятникахъ этого языка, уже обладавшаго значительной переводной литературой.

Но, какъ-бы слабо ни были обоснованы нѣкоторыя стороны плана и классификаціи, усвоенныхъ себѣ авторомъ, онъ безспорно стяжаетъ себѣ почетное мѣсто среди изслѣдователей исторіи и этимологіи русскаго и церковно-славянскаго языковъ тѣмъ прилежаніемъ и знаніемъ дѣла, съ которыми онъ собралъ огромный, отчасти никѣмъ до него не замѣченный матеріалъ и разносторонне обработалъ его по даннымъ и правиламъ современной науки. Съ методологической стороны заслуживаютъ особеннаго вниманія отдѣлы его предисловія, посвященные фонетикѣ греческихъ словъ въ русскомъ языкѣ (стр. 6 — 18) и выводамъ изъ нея для звуковъ тогдашняго греческаго языка (стр. 18—25). Впрочемъ, и здѣсь можно возразить противъ нѣкоторыхъ частностей. Такъ

---

1) Рецензенту пріятно отмѣтить, что одинъ изъ лучшихъ знатоковъ нашей древней письменности, акад. В. М. Истринъ, въ своемъ отзывѣ о книгѣ г. Фасмера («Журналъ Мин. Нар. Пр.» 1910 г., кн. 4, стр. 372—384) въ свою очередь выразилъ то-же самое сомнѣніе.

на стр. 9 онъ высказываетъ мысль, что русскія *папълома* изъ πάπλωμα и *короватъ* (діалектически = *кроватъ*) изъ κραββάτι(ον) подтверждаютъ Торбьёрнсонову теорію общеславянской перестановки плавныхъ; но не то-же ли здѣсь явленіе, что въ позднѣйшемъ *балагуръ* (= *бологуръ*) изъ фр. blagueur? На стр. 10 онъ говоритъ о р. *о* изъ гр. α такъ, какъ будто здѣсь вовсе не замѣшано удареніе, роль котораго при распредѣленіи гласныхъ *о* и *а* ясно видна изъ примѣровъ, помѣщенныхъ двумя строками ниже— правда, безъ греческихъ подлинниковъ: *оксамитъ* (ἐξάμιτος), *онахима* (ἀνάθεμα), *поногея* (παναγία), *потріархъ* (πατριάρχης) и т. д. съ *а* при греческомъ ударяемомъ α и съ *о* — при неударяемомъ, кромѣ, повидимому, позднѣйшаго *омбонъ* или *омвонъ* вмѣсто обычнаго *амвонъ* (ἄμβων), къ которому можно присоединить *онтипасха* (ἀντίπασχα), легко объяснимое гораздо болѣе употребительнымъ *пасха* (πάσχα). Возможно, что ключа къ распредѣленію этихъ *а* и *о* слѣдуетъ искать въ ссылкѣ «M. Vasmer, KZ. XLI. 157 sq.», но — не у всякаго въ любое мгновенье найдется подъ рукой XLI томъ Кунова журнала. Впрочемъ отношеніе автора къ этимъ гласнымъ въ отдѣльныхъ словахъ ниже не даетъ повода къ ожиданію разгадки въ этой цитатѣ. На стр. 14 малор. *Охрім* написано съ ї, что можно было-бы счесть за опечатку, если-бы ниже не встрѣчались *ӱінексей* (стр. 48 — также «малорусское» слово!), *кїт* (99), *пїд* (146 примѣч. 2), *пїзма* (150), *пївóнія* (тамъ-же, примѣч. 3), *Петрївка* (168), *фїлъ* (213), *харнїсть* (218), изъ которыхъ *кїт*, *пїд* и *Петрївка* противорѣчатъ малорусской фонетикѣ даже двояко. На стр. 20 авторъ заявляетъ, что русскому *у* въ соотвѣтствіе греческому υ онъ приписываетъ лишь «орѳографическое значеніе». Слѣдуютъ примѣры, между которыми значится не только ꙁмѵрьна, представляющее собою передачу не начертанія σμύρνα, а его звуковъ, но и фуникъ, гдѣ ѵ выражаетъ не υ, а οι, еще въ IV в. до Р. X. совпавшее въ Беотіи съ υ = *ӱ* (нѣм. *ü*) и долго сохранявшее этотъ звукъ за собою въ средне-греческомъ языкѣ, но до какого именно времени, неизвѣстно. Такъ-же смотритъ авторъ и на *ю* въ сию-

томъ = σκυτοτόμος и т. п., хотя *ю* никакъ не можетъ быть признано передачей буквы υ, а не ея звука. Жаль, что онъ забылъ два поучительныхъ примѣра—георгии хоуровьскъ = Γεώργιος ὁ Χοιροβοσκός въ Изборникѣ Святославовѣ и неоднократно встрѣчающееся въ нашей лѣтописи єюпьтъ, изъ которыхъ первое даетъ греческое имя уже въ славянской передѣлкѣ, едва-ли допускающей мысль объ усвоеніи этого слова лишь глазами, а второе объяснимо только произношеніемъ начертаній Αἴγυπτος за *éjüptos*, что теперь звучитъ *éjiptos*. Не менѣе, если не болѣе, доказательно *Θетюкъ* = Θеотихъ Θεότυχος (14 Декабря): въ такой, чисто народной передѣлкѣ греческаго имени гораздо естественнѣе допустить вліяніе живого выговора прибывшихъ изъ Греціи священнослужителей и ихъ учениковъ, чѣмъ какой-нибудь орѳографическій первообразъ, несогласный съ тогдашнимъ произношеніемъ. Потому-же должны быть признаны свидѣтелями въ пользу выговора υ = *ü* въ Россіи X—XI в. также измѣненныя по-народному имена съ *у* = υ, каковы *Полуѐхтъ* = Поліевктъ Πολύευκτος, Акулйна = Акилина Ἀκυλῖνα, *Лукѐрья* (малор. *Ликѐра*) = Гликерія Γλυκερία, малор. *Явту́хъ* = Евтихій Εὐτύχιος. Въ словахъ *Чурило* (при *Курило*) = Κύριλλος, *чулиндать* = κυλινδῶ, *Чупро* = Κύπριος (если не = Κυπριανός, по-русски *Кипріянъ*, *Купреянъ*), *чуръ* = κύριος авторъ и самъ признаётъ изображеніе еще живого звука, *ü*, объясняя передачу его особенной древностью заимствованія. Но причина здѣсь можетъ быть не столько хронологическая (ср., напр., опорьчистъ изъ ἐπορκιστής), сколько этнографическая, такъ какъ это *ч* сильно напоминаетъ сербское *ћ* въ сочетаніи *ћу*—, соотвѣтствующемъ какъ греческому, такъ и турецкому *кӱ*—, напр., *ћурилица* отъ Κύριλλος, *ћурак* изъ *кӱрк* шуба. Въ виду такихъ данныхъ безусловный отказъ автора отъ признанія фонетическаго значенія славянской передачи υ посредствомъ *у* или *ю* лишь на томъ основаніи, что «въ эпоху этихъ позднихъ заимствованій на греческой почвѣ уже установился такъ назв. *итацизмъ*» (стр. 21), кажется черезчуръ рѣшительнымъ, особенно при сопоставленіи ссылки «Thumb[,] Helle-

nismus 227 sq.», гдѣ говорится объ итацизмѣ, съ другою, четырьмя строками выше, «Thumb, Hellenismus 193», изъ которой видно, что этотъ знатокъ позднѣйшаго греческаго языка считаетъ старую славянскую транскрипцію греческаго υ фонетической. Кстати о стр. 21: вмѣсто «Θέδωτος: Θεόδωτος «читай Θέδοτος: Θεόδοτος». Нѣкоторыя другія сомнѣнія, относящіяся къ этой части книги М. Р. Фасмера, были высказаны выше.

Обстоятельное разсмотрѣніе самаго словаря греческихъ заимствованій въ русскомъ языкѣ, при богатствѣ его содержанія и множествѣ возбуждаемыхъ имъ вопросовъ, не можетъ быть произведена во всей полнотѣ безъ предварительныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій. Остановимся лишь на нѣкоторыхъ словахъ, не требующихъ такой сложной и продолжительной работы отъ рецензента и отчасти дающихъ поводъ къ дополненію и подтвержденію общаго отдѣла этой рецензіи, и безъ того непомѣрно разросшагося.

агиасма и другія съ *с* передъ *м*, *в* и *р*, какъ и съ *т* и съ *к* послѣ *н*, съ *в* или съ *п* послѣ *м* и съ *вв*, т. е. транскрипціи, было-бы небезполезно отличить отъ словъ съ *зм* = σμ, *зв* = σβ, *зр* = σρ, *нд* = ντ, *нг* = νκ (γκ), *мб* = μβ, μπ, ββ, гдѣ переданы звуки.

акинтъ изъ ὑάκυνθος прошло, вѣроятно, черезъ болгарскую среду, откуда *а*— вм. *ја*— (ср. **аспидъ** = ἴασπις) и *т* = ϑ (ср. ниже къ **аметусонъ**). Восточное *jākӯt* — не османское, а персидско-арабское, заимствованное, можетъ быть, у Арамейцевъ.

аксáмитъ. «Съ запада: *акшамéтъ* sm. «казацкая одежда»». Откуда именно? да и какая часть одежды? если то-же, что *бешмéтъ* (а это вполнѣ вѣроятно), оттуда-же могло явиться и *ш*.

аладии «genus palmarum», вѣроятно, восходитъ къ ἐλαία «маслина». *А* изъ ε — какъ въ *аксамитъ*, *аргатъ*, *афедрóнъ* (котораго въ словарѣ г. Фасмера нѣтъ) и т. п. Впрочемъ ἐλάτη не «pinus», а abies.

аметусонъ и другія съ *т* = ϑ не мѣшаетъ отличать отъ словъ съ *ѳ (ф)*: *т* указываетъ обыкновенно на происхожденіе изъ юго-славянскаго источника.

ангелъ — бѣлор. *анёлокъ*, *анёльскій*. То и другое съ польскаго: aniołek, anielski.

андронъ. Къ собственнымъ именамъ, принявшимъ значеніе нарицательныхъ (ср. выше **агафонъ**), прибавь *Фефёла* = Θеофила Θεοφίλη, *Фофанъ* = Θеофанъ Θεοφάνης (что есть ниже), *Θалалéй* = Θαλαλαῖος и *Елуфимъ* изъ невѣрно прочитаннаго **еуфимъ** = *Евфимій* Εὐφήμιος (ср. *Елистратъ* = Евстратій Εὐστράτιος) — всѣ въ смыслѣ глупаго, недогадливаго, ненаходчиваго человѣка, также *Матрёшки* «деревянныя куклы, которыя вкладываются одна въ другую». «Андроны ѣдутъ» — образчикъ безсмыслицы. Впрочемъ, тождество всѣхъ этихъ «андроновъ» съ именемъ собственнымъ Ἄνδρων еще не доказано.

анитъ смотритъ странно при единственной ссылкѣ «Pavlovský 14» (т. е., вѣроятно, нѣмецко-русскій словарь Павловскаго).

апострофъ. Едва-ли можно рѣшительно утверждать, что **апострофь** въ памятникѣ XVII в. отражаетъ собою простонародное ἀποστρόφι: для формы съ **ь** довольно было сербскаго подлинника.

апракосъ можетъ тѣмъ менѣе происходить отъ ἄπραγος, что послѣднее значитъ «бездѣльный, праздный». Не принадлежитъ-ли *áпракосъ* языку коренныхъ Болгаръ? ср. мадярское арго «мелкій, малый», которое можетъ восходить къ **aprak:* apróként olvasni «читать по мелочамъ, короткими отрывками»?

архиатъръ. Въ XVIII в. *архіáтеръ*, на этотъ разъ уже несомнѣнно съ лат. archiāter, откуда ср.-в.-нѣм. arzāt, н.-в.-нѣм. Arzt.

асинкритъ — не «ἀσηκρῆτις», а ἀσηκρήτις съ лат. a secretis.

афтопоудъ едва-ли изъ ἀχταπόδι, откуда скорѣе можно ожидать **охтопóдь*, **афтопóдь;* приведенная выше форма легче объясняется изъ древняго и книжнаго ὀκτώπους род. п. ὀκτώποδος.

ахинéя не «absurdus», а скорѣе verba absurda и res absurdae, по-просту — чепуха. Сопоставленіе Грота съ «**аθинéя*, «аθинейская мудрость» изъ ἀθηναῖος» грѣшитъ тѣмъ, что такого русскаго

слова нѣтъ; но для бурсаковъ-остроумцевъ, превратившихъ *gerundium* въ *ерунду́*, могло послужить источникомъ или пресловутое ἄνδρες ἀθηναῖοι, извѣстное и имъ, или ссылки на Аѳинея Дипнософиста.

вамверекъ, вайверекъ не отъ Bamberg-ли?

выволъ — βούβαλος. Мелье справедливо указалъ въ своей рецензіи на сомнительность греческаго происхожденія славянскихъ словъ съ *б* (конечно, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ звукъ *б* обусловленъ греческой фонетикой) и сопоставилъ данное слово съ лат. *būbalus* или, въ позднѣйшемъ выговорѣ, *būbalus* (съ переходомъ *b* между гласными въ чисто-губное *v*).

бу́кла стаканъ — греч. Ьοῦκλα съ романскаго. Во всякомъ случаѣ ср. *баклáга (боклáга)*, по-польски *buklad*, *buklak*, *bukal*— лат. *boccale* бокалъ.

каиꙗ — βαΐον (sic). Обыкновенно τὰ βάϊα, τὰ βάγια (= *вáя*).

граматикиꙗ, также **кадоликиꙗ** (83), **моусикиꙗ** (131), **риторикиꙗ** (160), **синклитикиꙗ** (178), **диалектикиꙗ** (Истринъ l. c. 380) и т. п. изъ γραμματική, καθολική, μουσική, ῥητορική, συγκλητική, διαλεκτική и т. д. напоминаютъ ново-греческія γνωστικιά «умная, умница», ἀγαπητικιά «возлюбленная, любовница», πεισματικιά «упрямая, упрямица» и т. п. вмѣсто γνωστική, ἀγαπητική, πεισματική. Впрочемъ есть и **скиниꙗ** изъ σκηνή и т. п.

дефтерь — «араб.—осман. tefter». Не арабское, а персидское *дäфтäр*, и въ такомъ видѣ это слово первоначально перешло къ Туркамъ.

джерга, *дерга* «Wolldecke», зашедшее къ Малорусамъ, по мнѣнію автора, черезъ довольно длинный рядъ посредниковъ, отъ Грековъ (τσέργα «Decke»), къ которымъ оно попало отъ испанскихъ Евреевъ (jerga «Seidenzeug»), вездѣ, кромѣ малорусскаго и испанскаго (гдѣ j = *х* или *ж*), является съ глухими *ч* или *ц* въ началѣ, а у Цыганъ и османскихъ Турокъ означаетъ родъ шатра или шалаша. Возможно предположить персидское *чатр-гāh*, которое, если оно существуетъ, должно значить «павѣсъ», «балдахинъ» или «шатеръ».

дзема малор. (родъ похлебки) — ζέμα изъ «ζεῦμα», откуда рум. *зеамă*. Ζέμα отъ ζέω; откуда-же «ζεῦμα» (несмотря на ссылку «Duc. 460»)? Z = *з* могло перейти въ *дз* чуть-ли не у однихъ Молдаванъ, если это слово получено ими отъ Валаховъ, такъ какъ при этомъ условіи легко допустить дѣйствіе аналогіи: латинскому *d* передъ *e* соотвѣтствуетъ у Валаховъ *з*, у Молдаванъ *дз*.

димитрии, у Малорусовъ *Дмитрó* изъ новогреческой формы, Δημητρός. — Сомнительно въ виду *Петрó*, *Павлó*, *Карпó*, *Левкó* (= Леонтій, Леонидъ), *Лаврó* (= Лаврентій), *Хванькó* (= Агаоангелъ), *Михнó* (зап. = Михаилъ), *Пихнó* (зап. = Петръ) и т. п.

доместикъ, также *деместикъ*, послѣднее — изъ «народнаго» (т. е. діалектическаго?) δεμέστικος, которое встрѣчаеться уже въ Морейской Хроникѣ. Такое старое засвидѣтельствованіе этой формы, правда, очень важно, но — ср., сверхъ приведеннаго мною въ Сборникѣ въ честь М. Ст. Дринова, стр. 55, также **перъфира** изъ πορφύρα (158), *Перфиль* (и, вѣроятно, уже по аналогіи, *Перхуръ*) изъ Πορφύριος, *Демьянъ* изъ Δαμιανός, *Фетинья* изъ Φωτεινή.

Названіе растенія *дракóнка*, по всей вѣроятности, искусственно. Въ торговлѣ и техникѣ обычно *драгáнтъ*, по-польски *dragant*.

драконъ — δράκων, позже δράκος, откуда малор. *дракъ*, пол. *drak*, нѣм. — бав. *drack* змѣй, а древнѣе ихъ — малор. *дрокъ* оводъ-воинъ. — Забыто рум. *drac* чертъ (= змій библейскій), отъ котораго, въ древнѣйшемъ его значеніи, малор. и т. д., но не *дрок* съ род. п. *дрóка*, гдѣ *о* не можетъ восходить къ ударяемому гр. α. *Дрок: дрек— (дрочúти) = строкá* (родъ овода, чуть-ли не тотъ-же): *стрек— (стрекáти)*.

Оговоренное въ примѣчаніи на стр. 55 «**дротъ**, hasta» (не точнѣе-ли verutum?) сопоставлено, вслѣдъ за Матценауэромъ и др., со шведскимъ *dart* «кинжалъ», древне-скандинавскимъ *darraðr* «копье» (если не «дротикъ»), англо-саксонскимъ *daroþ*, но, такъ какъ изо всѣхъ этихъ формъ получилось-бы въ русскомъ

языкѣ **дороть*, трудно обойтись безъ предположенія польскаго посредства.

*дрѫгъ, *друк* и т. п. едва-ли могутъ быть поставлены въ связь съ византійскимъ δρούγγος «громада» (?толпа, отрядъ), которое само заимствовано съ кельтскаго. Славянское **дрѫгъ* (болг. *дрѫг*, *дръг*, польск. *drąg*) или **дрѫкъ* (малор. *друк*, великор. *дрюкъ*) «шесть, рычагъ» могутъ восходить къ корню *дрѫк*— (црк.-сл. *удрѫчати*, польск. *dręczyć*) съ варіантомъ *дрѫг*— (откуда, можетъ быть, *пере-дряга*). Возможно, что этотъ корень есть въ свою очередь такой-же варіантъ корня *trenk*— (лат. *truncus* обрубокъ, лит. *trinka* «баба» для забиванія свай), какъ *брызг*— — корня *пруск*—. Сюда-же польское *dragi* «дроги» (гдѣ можно заподозрѣть смѣшеніе корней *дрѫг*— и *дрог*— — ср. ирское *droch* колесо), рум. *drug* бревно. балка, *drugă* шесть, жердь.

єгѵпътъ. Забыто древне-русское *Еюпьтъ*, *Еюпетъ*.

еля́, малорусскій окрикъ на свиней, плохо подходитъ къ новогреческому ἔλα не только по ударенію, а и по смыслу, такъ какъ ἔλα значитъ, кажется, исключительно «поди сюда» = ἔλα (ἐ)δῶ.

ерен, иерен такъ-же мало предполагаетъ въ своей основѣ простонародное ἱερέας = ἱερεύς, какъ димотъ = δημότης, архимандритъ = ἀρχιμανδρίτης, патриархъ = πατριάρχης — несуществующія *δήμοτος и т. п., которыхъ не требуетъ и авторъ.

кресевь «erugo» — читай: aerugo (какъ при *ярь*).

Ермола́й и *ермо́лка* едва-ли связаны чѣмъ-нибудь, кромѣ звука. Послѣднее, можетъ быть, изъ **яломо́нка*: ср. *яломо́къ* = бѣлор. «*ерму́лка*» еврейская скуфейка»».

звиня́ръ (офенское) «поясъ»—«осм. *zinar*». Если такая форма въ османскомъ есть, ей во всякомъ случаѣ предшествовало *зӯн(н)ар* (перс. *зуннāр*), откуда объясняется вторженіе *в* въ русскую форму даже безъ «народнаго осмысленія въ сторону звьнѣти, «sonare» (если не tinnire, tintinnare).

Затронутыя въ примѣчаніи на той-же страницѣ (63) в.-р. *зинзиве́й* «althaea officinalis» и м.-р. *дзі́ндзі́вер* «malva mauritiana» наводятъ на мысль о существованіи др.-болг. *зинзикеръ изъ

гр. ζιγγίβερι. Что́ до б.-р. *дзенъдзи́виръ* «увалень, лѣнтяй» съ производнымъ отъ него *дзенъдзи́вирицъ* «лѣнтяйничать», то здѣсь былъ, вѣроятно, примѣненъ семасіологическій пріемъ, напоминающій знаменитую этимологію «lucus a non lucendo»: имбиремъ названъ вялый человѣкъ, о которомъ говорятъ: «ему-бы имбирю подъ хвость» (что̀ барышники дѣлаютъ старымъ и лѣнивымъ лошадямъ).

зигисати и другіе глаголы на —**исати** въ соотвѣтствіе греческимъ на —ίζω съ аористомъ на —ισα зашли къ намъ отъ южныхъ Славянъ.

зя́стра «приданое» = «рум. zestra» (читай zéstra или zeastra, то и другое фонетически = *зя́стръ*) объяснено правильно покойнымъ Хыждеу изъ лат. *dextra:* многіе договоры, въ томъ числѣ и брачный, скрѣпляются подачей правой руки.

измарагдъ. Форма **изоумроудъ** восходитъ прямо къ перс. *зумруд* безъ османскаго посредства, которое — въ XVI — XVII вв. — принесло-бы намъ **зюмрюдъ* или **зимридъ* (осм. *зӱмрӱд*).

илектръ. *Алатырь*, правда, не можетъ быть выводимо отсюда, но греческое его происхожденіе, кажется, все-таки мыслимо: (λίθος) ἀλετήριος мельничный камень, жерновъ.

Въ примѣчаніи на той-же страницѣ (67) вмѣсто «ἴλῦς» читай ἰλύς.

Кабатъ «рабочая рубашка» и т. п. «<***кабадъ** <καβάδης» — генеалогія невозможная хотя-бы уже по наличности *б* (ср. къ **быколъ**). Ближайшая форма къ русской — польск. *kabat* «кофта».

Въ примѣчаніи на той-же страницѣ (71) рѣчь идетъ о ст.-сл. **ковъчегъ**, при чемъ оно сличается съ «турецк. *курčак*, «idem», «которое сообщено автору А. Н. Самойловичемъ. Не *курчак* (=qurčaq)-ли? Обсуждаемое тамъ-же *кавья́ръ* «икра» можетъ, кажется, восходить къ иранскому (аршакидскому ср.-перс.?) **xā-вiјāр* изъ древнѣйшаго **xāвја-đāра* «содержащій въ себѣ яйца» (сасанидское ср.-перс. *xāјак* «яйцо», ново-перс. *xāјā* «testiculus»).

Въ примѣчаніи къ слову калига (на стр. 73) отрицается — по видимому, вполнѣ основательно — происхожденіе русскаго *калика, калѣка* отъ этого слова. Изъ параллелей стоило упомянуть рум. *calic* «нищій, негодяй» (фр. gueux).

«камбанъ sm. колоколъ... ⟨καμπανός, id.». А не καμπάνα?

При **канава* «конопля» — гр. κανάβα авторъ предполагаетъ гр. *καναβάτον для объясненія русскихъ *коновáтъ* «родъ азіатской шелковой ткани» и *конёвóдка* «женская фата изъ золотой и шелковой персидской матеріи съ узорами». И такъ рѣшительное указаніе на шелкъ и на Азію. Но первообразъ, кажется, еще не найденъ.

«*кандыкъ* sm. erythronium Dens Canis». Читай: dens canis (исправлено въ концѣ книги). «*кáнка* sf. 1) scirpus palustris; 2) Kopfreif... *кáнка*, клистирная трубка, бѣлор.... ⟨κάννα, «calamus... мр. *кáня* sf. 1) Gabelweihe, 2) Milvus regalis». Послѣднія два названія, нѣмецкое и латинское, относятся къ одной и той-же птицѣ — коршуну или, пожалуй, къ двумъ его видамъ. Но что̀ общаго между злакомъ и хищной птицей? *Кáня* (польск. *kania*), *канюкъ* (польск. *kaniuk*) ср. лат. *cano*, нѣм. *Hahn* и т. п. Бѣлор. *кáнка*, вѣроятно, изъ нѣм. *Kanne*.

канонъ — *канýнъ* — ср. христ.-лат. vigilia «вечерня» — фр. la veille «канунъ, накалунѣ».

«капа sf. mensura... ⟨κάππα, «cappa» ...*καπάνι, «mensura»... русс. *капáнъ*, хлѣбная мѣра». Это слово, извѣстное только кавказскимъ Русскимъ, есть тур. (осм. и азерб.) *капан*. Къ Малорусамъ и Бѣлорусамъ *кáпа* = покрышка (въ разныхъ примѣненіяхъ), употребительное также въ польскомъ и въ сербскомъ (родъ плаща), могло попасть прямо съ запада.

Приведенное подъ карафалъ «осм. *karanfil*» есть арабское *карáнфil*. Къ этому слову могло-бы восходить, черезъ *карафилъ, «русск. *канýперъ*, *канýферъ*, *калýферъ*, balsamita», если оно не новѣе.

Упоминаемое на стр. 80 въ примѣчаніи 2) русское *карикъ* «кошелекъ» можетъ быть ар. *харīта* (то-же) въ турецкомъ вы-

говорѣ (откуда и *калита́*) съ искаженіемъ со стороны сочинителя или писца.

катавасиꙗ по-гречески не только καταβάσιον, а и καταβασιά, въ просторѣчіи καταβασιά «сумятица, безпорядокъ, разстройство», напр. ἔλαβε μεγάλην καταβασιὰν 'ς τὰ 'δόντια «онъ получилъ сильную зубную боль».

«кентинарии sm. mensura... κεντηνάριον... Народн.: κεντηνάριν› кендинарь... Изъ греч. κεντηνάριον› осм. *kantar*[2])› контарь, «вѣсы»... «mensura frumenti»... *ка́нтар*, «вѣсы» мр.... Изъ осм. *kantar* заимствовано также рум. *cantar*, «вѣсы»». Послѣднее точнѣе *căntár* (кънтар). Отсюда или изъ османскаго сербское *ка̏нта̄р* «1) вѣсы, 2) вѣсъ въ 55 окъ», куда примыкаетъ, судя по ударенію, малор. *ка́нтар*. Къ румынскому можетъ восходить русское *конта́рь*, къ сербскому — польское *kantar*, чешское и словацкое *kantar* «мундштукъ (при уздѣ)». Отмѣченныя въ примѣчаніи 2) кентарь и кендарь (у Аѳанасія Никитина), вѣроятно, подновлены изъ гр. κεντηνάριν. Не сюда, а къ гр. κάνθαρος «родъ кубка» относятся — впрочемъ не упомянутыя здѣсь, какъ и греческое слово — сербское (черногорское) *ка̏нтара* «мѣдный горшекъ», мадярское *kandér* «кострюля» и румынское *cántă* «металлическій сосудъ» (можетъ быть, съ такой-же утратой конечнаго *r*, какъ *căntá* «пѣть» при *căntáre* «пѣніе» и т. п.).

«киновиꙗ» читай киновиꙗ.

«кириꙗкъ sm. Nomen. ‹Κυριακός... Отсюда, вѣроятно, ...*кирьякъ*, названіе семги... Арханг.». Не поискать-ли предварительно въ языкѣ кольскихъ Лопарей? Впрочемъ, не слѣдуетъ пренебрегать возможностью вліянія со стороны Соловецкаго монастыря.

«китоврасъ... ‹κένταυρος... *κένταυρας». Откуда-бы взялась послѣдняя форма? Мыслима сирская (арамейско-еврейская) передѣлка греческаго слова въ видѣ *ki̇ttaйрā*, которая въ греческой передачѣ могла дать *κιταυρᾶς.

«китъ sm. ballaena» — читай: balaena.

«*Клепсидра* sf. «Sanduhr» мр... ‹κλεψύδρα» — ср. выше, во введеніи, замѣчаніе о словахъ **диделъфъ**, **онагръ** и т. п.

«*колиба* sf. хуторъ, ‹καλύβα». Судя по *б*, съ запада: ср. мад. *kaliba* = «хижина», какъ и греческое слово.

«**комáра** sf. таможня...; *комáрникъ*, плетеная постройка, гдѣ спятъ пастыри и гдѣ хранятъ овечій сыръ, Арх. Астр. (»?«) холчевая (»холщевая?«) накидка, колпакъ на всю голову, съ сѣткой изъ конскаго волоса передъ лицомъ», Гал.-бойк. Уральск. Каз.... ‹καμάρα... Въ исконномъ родствѣ съ греч. словомъ находится **комора** sf. таможня...; *камóра*...; *камóрка*...» и т. п. Ср. «Дополненія и поправки» стр. 234: «Слово *комора* все-таки заимствовано изъ καμάρα, но раньше русскаго *комáра*». Это, во всякомъ случаѣ, вѣрнѣе «исконнаго родства»: καμάρα перешло, повидимому, еще въ обще-славянскій языкъ въ видѣ **коморà* (съ вин. ед. **ко̏моръ*), позже, путемъ вторичнаго заимствованія въ юго-славянскихъ языкахъ, *комáра*, откуда контаминированныя *комóра* и *комáра:* ср. серб. *кòмора* и *кàмара*. Русское *комóра (камóра)* могло быть взято съ польскаго *komora* «клѣть». Но *комáрникъ* произведено, очевидно, отъ комара, какъ греч. κωνωπεῖον отъ κώνωψ.

Южно-великорусское *кóминъ*, малорусское *кóмен*, *кóмін* (а не «*кóмїнъ*»), означающее разныя, по мѣстностямъ, части печи, восходитъ, конечно, къ гр. κάμινος, но непосредственно-ли, — это иной вопросъ. Правда, по мнѣнію автора, «удареніе показываетъ, что русск. слово заимствовано изъ греческаго языка, а не изъ романскихъ»; но въ такомъ случаѣ α не перешло-бы въ *о*. Къ намъ это слово занесено, вѣроятно, въ XVIII в. сербскими переселенцами, а сербское *кòмӣн* (род. п. *ко́мӣна*) заимствовано, очевидно, изъ романскаго источника (лат. camīnum печная труба).

«**комисъ** sm. dux... ‹κόμης» и т. д. Едва-ли кто возразить противъ сомнѣнія автора въ принадлежности слова **къметь** къ этой греческой формѣ латинскаго *comes:* славянское слово должно восходить къ послѣднему, но, конечно, не прямо и не черезъ греческое посредство, а черезъ романское, на которое указы-

ваетъ измѣненіе латинскаго ĭ (род. п. comĭtis) въ *е* (ср. Δομέτιος — откуда наше *Дементій* — изъ лат. *Domĭtius*), тогда какъ измѣненіе латинскаго и обще-романскаго *ŏ* передъ носовымъ звукомъ въ *и* ведетъ насъ къ средѣ румынской (гдѣ, впрочемъ, доступные мнѣ источники даютъ лишь *cumetare* «отвага» и *a se încumetá* «отваживаться, осмѣливаться»).

Въ примѣчаніи къ этому слову (стр. 94) упомянуто *компли́чка* «часовня», а въ «Дополненіяхъ и поправкахъ» (стр. 234) сообщено мое объясненіе изъ польскаго *kapliczka*, однако съ вопросомъ: «Но откуда здѣсь назализація?». Повліяло здѣсь, вѣроятно, kąpiel = кѫпѣль.

«*кондил sf. «колоколъ», откуда: кандил sf., id... ‹κονδυ, «vas»». Ср. серб. *ка̂нта*, нѣм. *Kandel* «кружка для воды» и слова въ концѣ замѣчанія къ кентинарии.

«*коны sf. vas› *ко́новка, коно́въ*» авторъ теперь отказывается производить отъ κάννιον, въ чемъ, конечно, онъ правъ. За то ему кажется несомнѣннымъ происхожденіе офенскаго *кайна* «кабакъ» отъ κάννα «кружка». По малой мѣрѣ, съ такимъ-же правомъ можно думать о нѣмецкомъ *Kanne* (кувшинъ и т. п.) и — о Каннѣ Галилейской, мѣстѣ извѣстнаго всѣмъ христіанамъ брачнаго пира съ претвореніемъ воды въ вино. Связь офенскаго слова съ κάννα тѣмъ сомнительнѣе, что въ немъ, повидимому, ясно слышно *нн*, а въ живомъ греческомъ говорѣ согласные звуки не удвоиваются.

«*ко́пань*, demin. *ко́панецъ* ms. 1) ко́пань, наполненная водой или небольшой колодезь... 2) худо обдѣланный колодезь...; *копа́нка* sf. выкопанный прудокъ, бѣлор....; *ко́панка*, «худая, мутная вода изъ копанца»...; *копа́нька* деревянная посуда для стирки бѣлья. Сѣдлецъ... ‹κόφανος: κοφάνιον ‹лат. *cophanus* ‹κόφινος». И такъ авторъ отдѣляетъ всѣ эти русскія слова отъ слова *ко́пань*, которое, очевидно, произведено отъ *копа́ть* совершенно такъ-же, какъ *дань, рѣзань, рвань, ру́гань* отъ *дать, рѣзать, рвать, руга́ть*, и по значенію совпадаетъ съ приведенными здѣсь русскими словами (къ которымъ добавь южно-великор. *ко́панка* = копань) кромѣ сѣверно-малор. *копа́нька*, которое, впрочемъ, можетъ отно-

сится къ нѣм. *kufe* (др.-в.-нѣм. *kuofa*, ср.-в.-нѣм. *kuofe*) отъ лат. *cūpa (cuppa)* «бочка», куда примыкаютъ рум. *cupă*, *cófă* «горшечекъ» при гр. κόφα «корзина» (?) и, можетъ быть, добавленное въ примѣчаніи 1 κοπάνα «корыто».

корабль — серб. *кòрāбаљ* и *кòрāб*, польск. *korab* (о Ноевомъ ковчегѣ).

«**короуна** sf. corona... κορώνα». Такъ какъ форма съ *у* = *ō* извѣстна не только изъ древне-славянскаго и сербскаго языковъ, но также изъ чешскаго, естественнѣе выводить ее изъ лат. *corōna* или изъ ит. *coróna*.

«**костьръ** ... κάστρος». А не κάστρον?

«**крокать** ... grabbatus» — читай: grabatus.

Упомянутое въ примѣчаніи на стр. 103 *кубáрь*, вѣроятно, изъ ***кѫбарь** — *κομβάρι(ον) отъ κόμβος «узелъ, кочерыжка» по смѣшенію съ κουβάρι(ον) «клубокъ, комъ». Иначе Walde, Lat. etym. Wört. подъ cubitum, cubitus.

«**коумба** sf. pars ecclesiae... ⟨κύμβη... Я не могъ установить болѣе точно значенія русскаго слова[1]) ...». Въ примѣчаніи 1) выписано то мѣсто Проскинитарія Арсенія Суханова, гдѣ встрѣчается это слово въ связи съ названіемъ, очевидно, противоположной части храма — «моста церковнаго», что̀ наводитъ на мысль, что **коумба** означало куполъ или, по крайней мѣрѣ, его внутреннюю сторону.

Подъ словомъ *куролéсить* неожиданно дана этимологія слова **цьркы** «изъ κυρικόν⟩ д.-в.-н. chirihha». Но почему изъ κυρικόν Нѣмцы сдѣлали существительное ж. р. на *-а?* да и что такое это κυρικόν? Прилагательное такого образованія возможно отъ κῦρος «авторитетность, значеніе» — откуда собств. имя Κύρικος —, а то, что̀ нужно въ данномъ случаѣ, прилагательное отъ Κύριος «Господь», есть κυριακός, откуда названіе слѣдующаго за субботой дня κυριακή (Dominica) и храма τὰ κυριακά. Сообщенное въ примѣчаніи 2) изъ др.-в.-н. нѣмецкаго Изидора *chiriihha* съ двойнымъ *i* или съ долгимъ *ī* послѣ *r* и ведетъ насъ къ κυριακά.

Въ примѣчаніи 3) на стр. 106 въ параллель къ бѣлор. *кокó*

«яйце» при гр. κόκον (то-же) можно добавить изъ греческой дѣтской пѣсенки: πίτσι, πίτσι τό κοκό «вари, вари яичко».

кýхоль, кýхликъ sm. «глиняный кувшинъ разнаго вида»... рѣшаюсь вывести его изъ греч. κουκλί, «Nachttopf»». Хотя-бы уже въ виду семасіологической непріятности такой этимологіи я со своей стороны рѣшаюсь выставить попытку другого объясненія: κύλιξ «кубокъ» — др.-в.-н. **kulihh* — мад. **kuhely* (вин. **kulyhet*).

«*лавра* sf. «высшій разборъ кубовой краски»... <λάβρα, «сильный жаръ» невѣроятно ни по исторіи этой краски, ни по способу ея изготовленія. Скорѣе можно подумать о нѣмецкомъ blau «синій».

Общеупотребительное *лагýнъ* (полубочье, кадь, баклага, особенно для дегтя), по мнѣнію автора, «заимствовано изъ греч. λάγυνος книжнымъ путемъ... Только такъ объяснимъ звукъ *у* въ этомъ словѣ». Сопоставивъ распространенность этого слова и производнаго отъ него *лагýнка* чуть не по всѣмъ концамъ Россіи и также его смыслъ съ общимъ характеромъ старой русской письменности, въ этомъ словѣ можно, наоборотъ, видѣть одно изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ того, что въ то время, когда къ Русскимъ стали проникать греческія слова, греческое υ (какъ и созвучное ему οι) еще не совпало въ выговорѣ съ ι (η, ει).

«*лáдка*... «оладья»..., *лáдкати* v. Hochzeitslieder singen, *лáдканка* sf. Hochzeitslied, мр....; <λαδικό, «placenta»....». Печенье—одно, а свадьба—другое: ср. припѣвъ: «Ой, дід Ладо!».

«*лазýрь, лазóрь*... <λαζούρι(ον)... <перс. *lazvard*...[1])», а примѣчаніе 1): «Форма *лазóрь* для меня не ясна». Вмѣсто «*lazvard*» читай: *lāǧvärd* (*lāџвäрд*). Но это — форма новая, образованная, можетъ быть, подъ вліяніемъ иранскаго *вард* (откуда арм. *вард*, ар. *ўард*) «роза», а, судя по греческому λαζούριον (отъ *λάζουρον, которое могло нѣкогда и существовать), было когда-то въ персидскомъ языкѣ не только **lāџвар*, но и **lāџўр*, какъ *рäнџўр* «больной» изъ **ранџвар*, *дäстўр* «руководитель, руководство» изъ **даствар* и т. п. При λαζούριον легко представить себѣ *λαζώριον,

какъ при κιβούρι(ον) было—хотя, наоборотъ, болѣе старое—κιβώριον и т. п.

«лаино sn. лаина sf. «later»..., лаино sn. «stercus»... теперь: *ла́йно* sn. Kot, Unrat, *лайня́р*, Mistkäfer, мр.... <λαγύνα: λαγύνιον: λάγυνος... Книжныя заимствованія см. s. v. *лагунъ*». И такъ вотъ истинно народныя отраженія все того-же λάγυνος. Но какъ странно народъ, сохранивъ (будто-бы) неприкосновеннымъ звукъ греческаго υ, измѣнилъ значеніе слова! то была бочка, а на ея мѣстѣ оказывается грязь, экскрементъ, навозъ. Не вѣрнѣе-ли отнести русское слово къ корню *lā* (į)—, откуда латинское *lā—ma*, латышское *lā—ni* «лужа» и персидское *ā—lāj—īдäн* (иначе *ālÿдäн*) «марать, пачкать»? Кстати *łajno* въ томъ-же смыслѣ есть и у Поляковъ, которые съ Греками не состояли ни въ какой связи. Можетъ быть, сюда-же и румынское *láje* «черный» (о рогатомъ скотѣ).

«*лака́та* sf. 1) Art Fischnetz, 2) Schloss, мр.... <λακάτα: λακάτι: ἀλακάτη, «Spindel»». Переходъ значеній непонятенъ, не смотря на приведенныя далѣе византійское ἀλακάτιον въ смыслѣ камнеметнаго снаряда и на эпирское «λιάκατα, λάκατα pl. = ὅλα τὰ ἐντόσθια» (?). Но по-мадьярски *lakat*, по-румынски *lăcát* значитъ «замóкъ», откуда могло произойти и названіе сѣти особаго устройства. Впрочемъ веретено на древне-греческомъ языкѣ называлось или ἠλακάτη (у Іонянъ и Аттиковъ) или ἀλακάτα (у Дорянъ и Эолянъ).

«*лату́нь*... <греч. λατούνι <лат. *lattone*...» вмѣсто «лат.» читай: нт. (какъ это слово и означено ниже).

Въ примѣчаніи 3) на стр. 112 (почему-то при слова лекласъ) *лаху́дра* авторъ справедливо затрудняется отнести къ λεχούσα «родильница». Скорѣе можно вспомнить λιχούδης «лакомка». при которомъ, по крайней мѣрѣ, мыслимо въ качествѣ формы ж. р. *λιχούδρα. Казанское и вятское *лаху́дрый* «тощій, грязный, растрепанный» могло получить свое значеніе отъ словъ *лохмо́тья*, *лохма́тый*. Ср. также (подъ словомъ лохань) псковское и тверское *лаханка* «грязная, неопрятная женщина».

Въ примѣчаніи 2) на стр. 113 авторъ возстаетъ противъ предположенія исконнаго родства между слав. **льнъ** и лат. *līnum* «въ виду долготы ī въ лат. языкѣ. Скорѣе всего оно заимствовано изъ др.-в.-н. līn». Это «оно» относится, вѣроятно, къ славянскому слову. Но вѣдь и въ нѣмецкомъ словѣ *i* долго, а изъ германскаго ī получается по-славянски *i*, напр. др.-в.-н. *kumīn*—**кълминъ** (стр. 108), герм. *wīn* — **вино** (сербск. *вúно*), др.-в.-н. *scrīni* — **скриния**, герм. *hwīla* — чешск. *chvíle*, польск. *chwila*, др.-в.-н. *sīda*—польск. *żyda* и т. п. Кратко *i*, помимо лит. *linaĩ*, также въ гр. λίνον, къ которому такъ или иначе, очевидно, и примыкаетъ славянское слово.

Офенское *ловáкъ* «лошадь» можетъ, конечно, восходить къ ἀλογάκι «лошадка», но слѣдуетъ имѣть въ виду и мад. *lovak* мн. ч. отъ *ló* «лошадь». Относительно мн. ч. въ смыслѣ ед. ср. офенское «*мутесъ* sm. «носъ»... ‹μύτη... pl. μύτες...».

Офенское-же *логъ* «мужчина» (примѣч. 1) на стр. 116) ср. осет. *läг* «человѣкъ».

«**лоханъ**... λαγάνι... Наконецъ, слово *лежéнь*, «бочка», Рязань..., можетъ быть, получилось изъ осм. *lejen*... подъ вліяніемъ *лежать*...». Но чѣмъ обусловливалось это вліяніе? Ассоціація съ *лежéнь* могла явиться только по измѣненіи *j* въ *ж*, а такое измѣненіе совсѣмъ не въ духѣ русскаго языка. И такъ, если *лежéнь* въ самомъ дѣлѣ заимствовано у османскихъ Турокъ, то для объясненія *ж* изъ *j* приходится предположить посредство другого языка. У офитскихъ Грековъ (въ Малой Азіи) взятое изъ османскаго языка λεγένι должно звучать **leцен*. Но такое объясненіе остается висящимъ въ воздухѣ, покуда не будутъ показаны пути, которыми эта малоазійская форма добралась до Рязани.

«*луфáръ* sm. lichia amia... ‹λουφάρι [1]); ‹γουφάρι... Прямо изъ греч. λιπάρι, «scombes» (»читай: scomber, какъ въ примѣчаніи«) ›см. (»читай: осм.«) *lüfer*› *лефéръ*...», а въ примѣчаніи 1) для объясненія звука λ на мѣстѣ γ: «въ λουφάρί я вижу результатъ контаминаціи греч. γουφάρι + осм. *lüfer*, «scomber», при чемъ

послѣднее восходитъ къ греч. λιπάρι...». Осм. *lÿфер* само произошло уже изъ λουφάρι (вслѣдствіе близости греческаго λ къ турецкому *l*, а не *л*, съ которымъ было-бы **луфар*). Но ср. чеш. *lup* «чешуя», *lupice* «родъ мелкой рыбы (пескаря)», куда, вѣроятно, относится и упомянутое тамъ-же южно-русск. *лупирка* «мелкая рыба».

«*лыскáрь* sm. piscis species... λισγάρι(ον) <λίσγος, «ligo»...». Ср. малор. *лýска*, польск. *łuska* «чешуя», если не малор. *лискати(ся)*, польск. *łyskać* «сверкать».

«магеръ sm. coquus... <μάγερος: μάγειρος» и т. д., а въ примѣчаніи 1): «Можетъ быть сюда уже не относится *магéрка* sf. 1) валеная бѣлая шапка безъ полей, 2) банный черпакъ или шайка, Запд....» Ср. польск. *magierka* «родъ шапки» — мад. *magyar* «Мадяринъ».

Въ примѣчаніи 2) тамъ-же (стр. 119) вмѣсто «dello» читай: delle.

«макъ ...<греч. μάκος: дорич.-ахейск. μᾶκων...». Отчего не μᾶκος? и не лучше-ли, на основаніи стр. 20 съ примѣч. 2, снабдить это слово звѣздочкой?

Подъ малакиꙗ слѣдуетъ добавить в.-русск. *малафья́* «semen virile» (выведенное, вѣроятно, изъ выраженія *малафью́* или *малафейку трясти́* masturbari). Къ *ф* восходитъ и *хв* въ приведенномъ авторомъ «*малахвія* sf. onanismus», а *ф*—изъ *x* (ср. собств. имя *Малáхія* отъ семитическаго корня *m-l-k* «владѣть», гдѣ *x* изъ *к* есть сѣверно-семитская особенность), какъ въ словѣ *тафья́* — чув. *тохја* — тур. *такја*.

малакиꙗ sf. sporta ...<μαλάκιον, id. [2])», а это примѣчаніе: «Отсюда: н.-греч. μαλάκα sf. «frischer Käse»...». Возможно, что и прямо отъ μαλακός: ср. γλύκα «сладость» отъ γλυκός (γλυκύς), πίκρα «горечь» отъ πικρός и т. п.

При *Маланиꙗ* можно добавить малор. *Мелáнка* «Маланья, 31 декабря».

«*мальхáмъ* sm. unguentum ...<осм. *melhem* <μάλαγμα...». Въ общемъ вѣрно, но османское слово заимствовано не прямо съ

греческаго, а черезъ ар.-перс. *malham*, куда, какъ показываютъ *a*, восходитъ и русское слово.

мамона sf. [1]) divitiae ...<ст.-сл. мамона ...<μαμμωνᾶς... Сюда-же: *мамо́нъ* sm. обжора...; *мамо́ня* sf. 1) обжора... 2) желудокъ...; *мамо́ня* sf. лѣнтяй, вялый, разиня...». По-латыни было-бы точнѣе bona mundana. *Мамо́ня* «обжора», конечно, связано съ *мамо́ня* «желудокъ» (если не «животъ», какъ и *мамо́нъ: набить мамонъ* «наѣсться»), по *мамо́ня* «лѣнтяй, нѣженка» относится, вѣроятно, къ *ма́ма, ма́монька*, по-польски *mamunia*.

«манастрия sf. монахиня... <μαναστρία <μοναστρία...». Читай: μανάστρια <μονάστρια.

маринаръ, sm. nauta, Двор. цес. тур. 47; <осм. **marinar* <μαρινάρης...». По-османски было-бы **марынар;* но для объясненія слова въ книгѣ польскаго происхожденія, да еще XVII в. не за чѣмъ строить предположительно восточную копію, когда есть западный подлинникъ — ит. *marinaro*, откуда у Славянъ не только словѣнское *mornár*, но — что̀ въ данномъ случаѣ особенно важно — и польское *marynarz*.

«мартъ sm. martius... <μάρτις...». И по-румынски не **Marți (= Марць)*, а *Márte* (при *Marți* = вторникъ).

«мастика sf. mastix lentiscus... <μαστίκα...». Чуть-ли не чаще — по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ водки — μαστίχα.

«*маюнъ valeriana major, откуда *маунъ*, и, путемъ сближенія съ глаголомъ *мяукать: мяу́ > мяу́нъ* [2]), <греч. μαϊούνιον «amarulus», что изъ μαρούλιον...», а примѣч. 2): «Этимъ осмысленіемъ оправдывается и другое названіе этого растенія — «*кошачья трава*»...». Извѣстно пристрастіе кошекъ къ валерьяну, который дѣйствуетъ на нихъ охмеляющимъ образомъ. Отсюда и это названіе и варіантъ *мяу́нъ*. Μαρούλιον значитъ «латукъ» (lactuca). Возможно-ли смѣшеніе этой салатной травы съ валерьяномъ, пусть рѣшаютъ ботаники.

«метохия sf. «подворье монастыря... <μετοχή, «cella monastica... изъ demin. μετόχιον> метохик sm. id....». И такъ,

если μετόχιον есть уменьшительное отъ μετοχή, а μετοχή значитъ «келья», оно должно означать также келью, только, можетъ быть, меньшихъ размѣровъ, что̀ и подтверждается объяснительнымъ «id.». А на дѣлѣ монастырское (или патріаршее) подворье называется μετόχιον (напр. Антіохійское подворье въ Москвѣ — τὸ μετόχιον τῆς Ἀντιοχείας, что̀ по-арабски *àl-àмтӯш àl-àнтāкі*).

«мидиє sf. «ostreae species»... < μύδι, id. ...< μῦς, «Miesmuschel»... къ значенію: *мышь* > *улитка*, сравни лат. *musculus: mus*». Что это значитъ?

«милоть sf. «vestis ex pelle»...; милотиє sf. id... < μηλωτή... Изъ ст.-сл. милотиє > рум. *malotea*...». Если это румынское слово то-же, что извѣстное мнѣ *maloteá*, то ближе греческое μαλλωτή «одежда изъ шкуры съ длинной шерстью».

«*мора* sf. maga... < μώρα < вульг.-лат. *mōra* < *maura*...». Но см. Kluge, Etym. W. подъ + Mahr.

«*море* interj... < μωρέ...». Въ Дополн. стр. 129 перѣшительно прибавляется вятское *вре* = βρέ (что̀ также μπρέ = фонет. *брэ*). Ср. малорусскія пѣсни «Ой бре, море, бре! Сип, шинкарко, ще»! и «Ходить Турчин по риночку, Гей, бре море бре» (гдѣ это восклицаніе соединено съ Туркомъ, можетъ быть, неслучайно).

«мороморъ sm. marmor...[1]) <*морморъ... < μάρμαρος...», а въ примѣч. 1) сказано, что «Соболевскій, Заимств. 22 сл. безъ основанія считаетъ мороморъ «позднѣйшей передѣлкой» изъ мраморъ. — Дѣйствительно съ передѣлкой мы имѣемъ дѣло въ: измороморати...». Едва-ли дѣло такъ просто, какъ думается автору. Вслѣдъ за Торбьёрнсономъ онъ разсуждаетъ такъ, какъ если-бы это заимствованіе существовало уже въ обще-славянскомъ языкѣ. Но на самомъ дѣлѣ древность его можно доказать только для церк.-славянскаго языка, откуда оно могло перейти въ языкъ чешскій (*mramor*), а, напр., польское *marmur* восходитъ, по всей вѣроятности, къ др.-в.-н. *marmul* или, точнѣе, къ его первообразу **marmur* (съ лат. *marmor*). Въ такомъ случаѣ небезразличенъ вопросъ, какъ долженъ былъ поступить Славянинъ, говорившій на языкѣ Кирилла и Меѳодія, съ первымъ слогомъ

греческаго μάρμαρος, содержащимъ въ себѣ подударное *а:* по своей фонетической привычкѣ онъ былъ склоненъ сохранить это *а*, а могъ онъ это сдѣлать или при помощи вставки звука *г* послѣ *р*, или путемъ перестановки. Къ первому способу онъ прибѣгалъ въ иноязычныхъ словахъ, впервые вводимыхъ имъ въ родную рѣчь, ко второму — въ ставшихъ уже болѣе или менѣе обиходными. Слово мраморъ, означавшее извѣстный на Балканскомъ полуостровѣ строительный матеріалъ, принадлежало, вѣроятно, къ числу послѣднихъ. Тому, кто привыкъ произносить мравии, мразъ, мракъ и даже смрадъ, это слово не доставляло никакихъ затрудненій, но для того, кто въ такихъ случаяхъ не могъ обходиться безъ разложенія *—ра—* на *—оро—*, звукосочетаніе *мрá-мóръ* было такъ неудобно, что оставалось только распорядиться съ нимъ такъ, какъ онъ поступалъ со всѣми словами такого состава. Въ измороморати это допустилъ самъ авторъ, можетъ быть, не столько сознавая, сколько чувствуя, что съ *измраморати русскій человѣкъ ужь совсѣмъ не могъ справиться.

«моулъ sm. mulus, Двор. цес. тур... памятникъ заставляетъ предполагать заимствованіе изъ греч. μοῦλος <*mūlus*, id....». Почему? (ср. къ маринаръ). Чтò до приводимыхъ ниже названій рыбъ *мулъ*, *мулáкъ*, *мулёкъ*, то прежде, чѣмъ ради ихъ объясненія предполагать» *μοῦλος, «mugil cephalus», можно вспомнить въ самомъ дѣлѣ существовавшее греческое названіе рыбы μύλλος съ его латинскимъ отраженіемъ *mullus*. Это воспоминаніе пригодилось-бы, по крайней мѣрѣ, для двухъ первыхъ, малорусскихъ, а къ третьему авторъ могъ-бы примѣнить то, чтó онъ самъ сказалъ въ примѣчаніи при словѣ «*муксýнъ* sm. salmo muxun»: «Эту свою этимологію я считаю недоказанной, пока слово засвидѣтельствовано только для Сибири». Сомнительно и «*муля-вúия* sf. col. «junge Brut verschiedener Fische» мр. Žel. 458»: ср. в.-р. *малявка*, *малёкъ*.

«*мурéй* sm. «сермяжникъ, болванъ, глупецъ... Можетъ быть изъ *μωρέλλι: μωρός, «stultus»...». Ср. *смýрый*.

Подъ моусиia почему-то попало моусикиia, хотя моусоугръ

(опечатка вмѣсто **моусоургъ**) поставлено отдѣльно, и при томъ послѣ **моуспоулл** и *мустъ*.

«*мустъ* sm. 1) Flussschlamm, Bodensatz, 2) Kot, Mistwasser, мр.... <μοῦστος... Отсюда же, въ виду *рода*, надо признать заимствованіе: аром. *mustu*, «Most»...». Неясно: если не аромунское, то обще-румынское *must* (по прежнему правописанію *mustu*) со мн. ч. *musturi* причисляется къ ср. р., какъ лат. *mustum*.

«**нервъ** sm. <н.-в.-н. *nerv* <лат. *nervus*... *невры* sm. pl...» внесено, повидимому, исключительно ради поправки къ мѣсту статьи въ Извѣстіяхъ XI, 2, 396. Впрочемъ сомнительно, чтобы наше *нервъ* («**нервъ**») было заимствовано съ нѣмецкаго, а не прямо съ латинскаго.

«**нефть**... <осм. *neft* <νάφθα...». Вѣроятно, прямо съ перс. *нäфт*. А персидское слово развѣ съ греческаго?

огурéцъ (что̀ по-латыни cucumis) по-малорусски не только «*огурóкъ*», а также—на Украйнѣ обыкновенно—*огірóк* (изъ мн. ч. *огіркú* отъ ед. **огорóкъ* — **огоръкъ*?).

Приведенное подъ **окинанъ** «*океáнка* sf. «pterocеras oceani, мр. Žel. 562» есть такое-же малорусское слово, какъ «**диделфъ**» (см. выше).

«**оксиа** sf. accentus acutus, Букв. XVII в., р. 11; теперь: мр. Žel. 567; <ὀξεῖα». Къ современному малорусскому авторъ могъ-бы отнести и приведенное имъ выше изъ того-же букваря **кариа**, и то и другое было-бы одинаково невѣрно.

«**пакликианинъ**, sm. hereticus...». Читай: haereticus.

«**палимисестъ**... <παλίμψαιστον...». Правильно παλίμψηστον, что̀ у насъ было-бы ***палимпсистъ**. Но гдѣ встрѣчается форма съ **е**?

«**палоута** sf. связка смоквъ... <παλάθα, «gepresster, eingedickter Fruchtsaft». Эту этимологію Срезневскаго авторъ считаетъ сомнительной. Справедливо: ср. перс. *nālȳdä*, значащее приблизительно то-же, что̀ греческое слово.

Въ примѣчаніи на той-же стр. 139 разсматривается слово *палúтра* итальянскаго происхожденія *(paletta)* — къ чему?

панагиꙗ <Παναγία, «Dei para...». Читай: Deipara.

панéръ sm. *панíръ*, *паньíръ*, «армянскій сыръ», астр. кавказ... <греч. πανέρι, «Korb, Fischkorb»...». Конечно, съ персидскаго *пäнір* «сыръ».

«пансырь... теперь: *пáнцырь*,... *пáнцирь*, мр.... <ср.-в.-н. *panzier* <лат. *pansiderium* <πανσιδήριον (иначе Kluge 290)...». А «иначе» такъ: «*Panzer* M. mhd. panzer, panzier N.: entlehnt aus ital. panziera, mlat. pancerea 'Panzer', das zu oberital. panza ital pancia 'Bauch, Leib'... gehört...». И такого объясненія надобно будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока не найдутся фр. (прованс.) **pansier* или исп. (португ.) **pansiero* «панцырь», потому что именно въ этихъ романскихъ языкахъ *d* выпадаетъ между гласными. За участіе итальянскаго языка въ исторіи этого слова говоритъ шток.—серб. *пàнцијер*, *пàнцӣр* съ удареніемъ, перенесеннымъ съ конечнаго слога. Русскія формы непосредственно съ польскаго *pancerz*.

«*пантóфель* sm. solea, мр.... <н.-в.-н. *pantoffel*..., рядомъ съ *пантýфли* pl.... <фрц. *pantoufle* <лат. **pantofella* <*παντοφέλλα, «sandalium»²)...», а въ примѣч. 2): «Сюда же относится: *тýфель*, «solea» <голл. шведск. *toffel*, датск. *toffel*..., но я не знаю, гдѣ и по какимъ причинамъ произошло «исчезновеніе» начальнаго παν—». Судя по тому, что 1) *тýфель* не наше, 2) παν— нѣтъ въ голландскомъ, шведскомъ и датскомъ *toffel* (которое авторомъ написано почему-то дважды), это отпаденіе должно было произойти въ одномъ изъ этихъ трехъ языковъ, — можетъ быть, въ первомъ, гдѣ есть слово *pan* «сковорода, противень» (нѣм. Pfanne). Если это вѣрно, въ источникѣ слѣдуетъ ожидать и **tuffel*. Впрочемъ, сравни мад. *topán* «полусапожекъ», едва-ли зависимое отъ *παντοφέλλα. Малор. *пантóфель* восходитъ непосредственно къ польскому *pantofel*. Въ заключеніе не могу умолчать о тѣхъ сомнѣніяхъ, которыя возбуждаютъ во мнѣ будто-бы греческое *παντοφέλλα или, пожалуй, построенное раньше Ленцемъ *παντοφελλος (съ неизвѣстнымъ удареніемъ), не смотря на одобреніе со стороны Мелье. Это слово представляетъ собою

сложеніе изъ πᾶς род. п. παντός «весь» и φελλός «пробка (не для затычки, а въ смыслѣ матерьяла)». Можетъ-ли такое сложное выражать то, что̀ въ немъ видятъ Ленцъ и авторъ (въ примѣчаніи), — «въ родѣ нѣм. Ganzkork»? Очевидно, нѣтъ: оно должно значить *Allkork*, т. е. *всепробка* или *всепробочникъ*, *всепробочница*, *всепробочный*, какъ παντο-δύναμος значитъ *allmächtig*, *всесильный*, *всемогущій*, παντο-πωλεῖον — **всеторжище*, т. е. ярмарка, базаръ. Для того, что-бы выразить понятіе «состоящій цѣликомъ изъ чего-либо», Греки пользуются сложеніями не съ πᾶς, а съ ὅλος «цѣлый»=нѣм. ganz, напр. ὁλό-χρυσος «состоящій цѣликомъ изъ золота», ὁλό-νευρος «состоящій изъ однихъ жилъ, крѣпкій, сильный» или позднѣйшее ὁλο-μέταξος «состоящій изъ одного шелка». Въ ново-греческомъ языкѣ сложенія съ παντο— еще встрѣчаются, но какія? подобныя выше упомянутымъ, или такія, какъ παντέρημος «со всѣхъ сторонъ одинокій», παντόρφανος «со всѣхъ сторонъ осиротѣвшій, круглый сирота». Таковы и сложныя съ παν—: πανεπιστήμιον «всеучилище, университетъ», πανδοχεῖον «*всепринималище = гостинница» и т. п. Πανσέληνον значитъ, правда, «полнолуніе», т. е., пожалуй, «цѣлая луна», но это слово древнее, да вѣдь и смыслъ его не «состоящее цѣликомъ изъ луны». При томъ всѣ эти слова употребительны только въ искусственномъ письменномъ языкѣ, а въ разговорномъ, къ которому приходится отнести *παντοφέλλα, πᾶς такъ-же замѣнилось болѣе удобнымъ ὅλος, какъ въ романскихъ *omnis* должно было отступить передъ *totus*. Можетъ быть, пригодится слѣдующее соображеніе. Какъ чешское *punčocha*, польское *pończocha*, малорусское *панчо́ха* «чулокъ» происходитъ отъ средне-верхне-нѣмецкаго *buntschuoch*, такъ и (опущенное авторомъ) итальянское *pantòfola* и т. д. могло-бы образоваться изъ средне-верхне-нѣмецкаго **bant-huofel* «копытце съ завязками».

«*папу́га* sf. psittacus, мр. . . . ; <польск. *papuga* <παπαγᾶς <араб. *babaġā*. Окончательная этимологія еще не выяснена . . .». Арабское *бабаг̣а̄* само отражаетъ собою какое-то иноязычное слово, въ которомъ на мѣстѣ *б*, какъ показываютъ гр. παπαγᾶς,

вт. *pappagallo* (рум. *papagál*, мад. *papagály*), др.-фр. *papegai*, было *и*; ср. ср.-перс. собственное имя *Пāпакāн* (?). Пропущено в.-р. *попугáй*, заимствованное, вѣроятно, съ голл. *papegaai* и отождествленное по звукамъ съ повелительнымъ наклоненіемъ отъ *попугáть*. Польская форма похожа на уменьшительное отъ слова, подобнаго велико-русскому. Не упомянутое авторомъ чешское *papuch* (съ уменьшительнымъ *papoušek*) есть также уменьшительное, но отъ болѣе краткой формы, похожей на ту, отъ которой наше *пóпка*.

Въ примѣчаніи 1) на той-же стр. 142 вторая часть слова *па-пьрть* сравнивается съ лит. *pirtis* «баня». Ближе **зá-пьрть*, откуда *взапертú*: ср. *пá-мять — на памятú* = серб. *пȁмēт — у памéти*.

«*парамíчъ*... <лат. *paralysus*...». Читай: *paralysis*.

«*парáфія* sf. districtus episcopi, откуда *парáхвія* <*парóхія*, мр.... Далѣе: *парáфія*, *парафья*, «приходъ»... <польск. *parochyja* <лат. *parochia* <παροικία...; *парох* sm. «pfarrer»... изъ польск. *paroch*> лат. *parochus* <πάροικος... Изъ русск. яз. обратно польск. *parafija*...». Очевидно смѣшеніе съ πάροχος, παροχία еще въ латинскомъ языкѣ, гдѣ *parochus* съ I в. до Р. X. означало содержателя почтовой станціи, а **paroecus* не было извѣстно. Къ такому смѣшенію могла повести у христіанъ, слышавшихъ слово πάροικος, также забота объ удержаніи ударенія на третьемъ слогѣ отъ конца, не смотря на долготу предпослѣдняго слога, что̀ по законамъ латинской акцентуаціи было естественно въ *parochus*, но невозможно въ **paroecus*. Отсюда и *parochia* (или **parocia* — фр. *paroisse*) въ смыслѣ παροικία. У Поляковъ, конечно, не «*parochyja*», а *parochja*, по старому правописанію — *parochya*, *parochia* (что̀, впрочемъ, можетъ произноситься, по видимому, и въ три слога съ удареніемъ на предпослѣднемъ); такъ-же *parafja* (*parafia*). Но откуда однако ударяемое *а* вмѣсто *о* въ русскомъ *парáфія?* Объяснить это можно слѣдующимъ образомъ. Лат. *paróchia* перешло въ румынскій языкъ съ романскимъ удареніемъ — *parohíe*. Отсюда русское **парохíя*, къ

которому восходитъ въ концѣ концевъ *парафея (парафѣя)*. У Бѣлорусовъ **парохія* должно было измѣниться въ **парафія*, **парахвія*. Со временемъ это слово приняло удареніе польскаго *parochja* и въ такомъ видѣ проникло и къ Малорусамъ—*пара́хвія*. Само собою разумѣется, что правильность этого объясненія можетъ быть доказана лишь при томъ условіи, если будетъ найденъ тотъ путь, которымъ это слово зашло отъ Румынъ къ Бѣлорусамъ. Лежалъ онъ, вѣроятно, черезъ буковинскихъ, галицкихъ и холмскихъ Малорусовъ, которымъ и можетъ принадлежать форма **парохія*.

пардоусъ . . . <πάρδος[1]) . . . Изъ πάρδαλις> мнимо-книжн. *παρδάλιος[2])> вр. *пардалей*, pardus . . .». Для объясненія этой великорусской формы довольно и πάρδαλις безъ посредства *παρδάλιος, которое сверхъ того могло-бы придти въ голову греческому книжнику только при существованіи несуществующаго *παρδάλις (*παρδάλης). То-же отношеніе ударенiй показываетъ и призванная авторомъ на помощь въ примѣч. 2) пара ἀπρίλις: ἀπρίλιος. Съ приведеннымъ въ примѣч. 1) понтійскимъ πάρδος «котъ» ср. обращеніе старухи къ кошкѣ въ Συναξάριον τοῦ τιμημένου γαδάρου: «παρδίτσα μου». .

паремиꙗ, паремеꙗ, *паремья́* изъ παροιμία (фонетически = *парӱмія*, потомъ *парімія*), повидимому, предполагаетъ романское посредство: ср. лат. *paroemia*. Но по-румынски теперь *parimie* подъ вліяніемъ греческаго духовенства.

«*пари́па* sf. Schindmähre, мр. <*παρίππα <παρίππιον, «veredus» <πάριππος . . .». Вѣроятно, черезъ рум. *parip* «парадный конь». Для значенія малорусскаго (буковинскаго?) слова (= одёръ) ср. фр. *rosse* «кляча» отъ нѣм. Ross «конь», для формы—*шка́па* «кляча».

«*партъ* st. 1) Teil, 3) Geschick, Los, 3) Glück, Talent. мр. . . . <πάρτη, id. . . .». Ср. рум. *parte*, котораго значеніе, можетъ быть, нѣсколько расширилось подъ вліяніемъ синонимовъ *до́ля* и *тала́н*.

«**пароусъ** . . . изъ греч. φάρος . . . .». Такъ у Іонянъ, а по-аттически φᾶρος.

пастá sf. густо сваренная пшенная каша, которую рѣжутъ кусками и подаютъ вмѣсто хлѣба къ вареной рыбѣ», Терск... Въ виду значенія и ударенія, я рѣшительно вывожу это слово изъ греч. παστό, pl. παστά, «piscis muria conditus...». Есть именно такая пшенная *пастá* и у Черкесовъ, которые ѣдятъ ее съ шашлыкомъ.

«*патерíца* sf. Bischofsstab, Mönchsstab... <πατερά, pl. Balken: πάτος, «Boden»... Для измѣненія значенія: Balken> Bischofsstab мы имѣемъ точную параллель въ греч. δοκός, «Balken»: δοκανίκι «baculus episcopi»[1]), которое g. Meyer... ошибочно считаетъ заимствованіемъ изъ латинскаго языка». Πατερίτσα въ томъ-же значеніи есть и по-гречески. Связь слова δοκανίκι съ δοκός представляется сомнительной, несмотря даже на упущенное авторомъ изъ-виду δοκίς «палка, жезлъ»: δοκανίκι, правда, какъ онъ говоритъ въ примѣч. 1) можетъ быть «deminutiv'омъ къ δοκανικό: δόκανον», но что такое эти два послѣднихъ слова? Окончаніе —ανον (какъ и болѣе рѣдкое —ανος, напр. γλύφανος «рѣзецъ» при γλύφω «вырѣзываю, высѣкаю», и —άνη, напр., βυκάνη «труба»—ср. Од. X 20 βυκτάων ἀνέμων «завывающихъ вѣтровъ») выражаетъ обыкновенно орудіе или произведеніе, напр. κόπανον «ножъ для рубки, косарь» при κόπτω «рублю», κτέανον «имѣніе» при κτάομαι «пріобрѣтаю», λείψανον «остатокъ» при λείπω (аор. ἔλειψα) «оставляю», ξόανον «деревянное изваяніе» про ξέω «тешу», ὄργανον «орудіе (при ἐργάζομαι «работаю» (ἔργον «работа, издѣліе, дѣло»), ὄχανον «ручка щита» при ἔχω «держу, имѣю», σπάργανον «пеленка» при σπάργω «пеленаю», τρύπανον «сверло» при τρυπάω «сверлю» (τρῦπα «дыра»), τύμπανον или τύπανον «родъ бубна» при τύπτω «ударяю», φρύγανον «щепка, растопка» при φρύγω «жарю» и т. д. По этой аналогіи можно ожидать, что δόκανον относится къ δέκομαι (аттич. δέχομαι) «принимаю» и означаетъ не то какое-нибудь орудіе для принятія чего-либо, не то — нѣчто принятое или происшедшее отъ принятія или, можетъ быть, какъ сохраное Гесихіемъ δοκάνη, — мѣсто для принятія чего-либо, хранилище, складъ. Отсюда до понятія палки — не близкій

путь. Есть, правда, τὰ δόκανα въ смыслѣ символа Діоскурова, состоящаго изъ двухъ брусьевъ, скрѣпленныхъ двумя перемычками; но 1) примѣненіе этого слова было, очевидно, очень узко, 2) мы не знаемъ, каково было непосредственное значеніе, съ которымъ этотъ терминъ воспринимался Греками. Кромѣ того, уменьшительное отъ δοκανικό, по образованію своему — прилагательнаго, хотя-бы оно и приняло значеніе существительнаго, едва-ли можетъ найти себѣ параллели. При томъ обычное названіе палки или посоха—не δοκανίκι, а δεκανίκι. Густавъ Мейеръ и объяснялъ это слово латинскимъ *decanus*. Въ самомъ дѣлѣ: отъ *decanus* легко могло быть произведено прилагательное **decanicus*, котораго средній родъ **decanicum* получилъ значеніе «деканскаго» посоха. Отсюда по-гречески *δεκάνικον уже сначала въ смыслѣ существительнаго, отъ котораго, какъ таковаго, можно было несомнѣнно образовать уменьшительное δεκανίκι. За форму съ ε, а не съ ο, говоритъ и осм. *деґенек (деǰенек)* «палка, трость». То обстоятельство, что это слово извѣстно и азербайджанскимъ Туркамъ, не противорѣчитъ предположенію иноязычнаго его происхожденія: греческое σαγμάρι(ον) «вьючное сѣдло» въ турецкой формѣ *самар* зашло даже въ Среднюю Азію.

Въ примѣч. 2) на той-же страницѣ (146) вмѣсто «*пїд*» читай: *під*.

«*пацъ* sm. чрим. rhodeus amarus, откуда... *пацъ*, *пасюкъ*, *пацюкъ*, mus decumanus... ‹πάτσος, «mugil cephalus»...». И такъ растеніе и крыса получили свое имя отъ рыбы. Стоило-бы остановиться на вопросѣ, какъ это произошло.

пелека́нъ sm. pelicanus, ‹нѣм. *Pelikan*, а не греч. πελεκᾶνος...». Почему?

Что *петекъ* «верхнее платье» есть рум. *petec* «лохмотья» изъ алб. *petkε* «платье», вполнѣ ясно, но нельзя сказать того-же объ отношеніи «готск. *paida* ‹βαίτη» и «псл. (сѣв.) *fat* «Hemd» (:готск. *paida*)», откуда «заимствовано русск. ѳата́» (не **фота́*).

Вмѣсто «*пїзма*» читай: *пізма*.

На той-же страницѣ 150 въ примѣч. 3) вмѣсто «*пїво́нія*» читай: *пıво́нія*.

Вмѣсто «питронъ» читай: питропъ.

«пифарь sm. бочка... <πιθάρι(ον)... Изъ аугментативнаго: πιθάρα> семит. *pithārā*, id....». Сирское *pîpāpā* есть существительное въ status emphaticus, признакомъ котораго служитъ *—ā*. Это надобно имѣть въ виду на тотъ случай, если-бы оказалось, что это заимствованіе древнѣе новообразованія πιθάρα.

Въ примѣч. 2) на стр. 153 читай: серб. *по̏гача* (а не «*пога̀ча*») и прибавь словѣн. *pogáča*.

«*пода́гра*... <ποδάγρα, «pedica»...». Для русскаго значенія этого слова нуженъ переводъ не «pedica», что̀ значитъ «силокъ, капканъ», а podagra.

«*политика́нъ* sm. politicus, мр. Žel. 690 <*πολιτικᾶνος: πολιτικός...». А *критика́нъ* <*κριτικᾶνος: κριτικός? А *интереса́нъ?* А *интрига́нъ?* Это ужъ ясно — фр. interessant, intrigant. По этимъ образцамъ и *политика́нъ*, какъ-бы **politicant* «предающійся политическимъ соображеніямъ», что̀ значитъ и наше слово (наше, великорусское, конечно, больше, чѣмъ малорусское). Изъ производныхъ забыто *полити́чный* = польск. *polityczny* = тонкій въ обращеніи, учтивый.

«поль sm. «Diele»... Можетъ быть заимствовано изъ ср.-греч. πάλος, «шестъ, бревно»... или изъ др.-в.-нѣм. *pfâl*... Сюда же, какъ позднѣйшее заимствованіе изъ романскихъ языковъ, примыкаетъ: *паль* sm. «свая, высокій камень»...; *па́ля* sf. «свая»». Наше *поль* не можетъ быть передѣлкой греческаго πάλος или древне-верхне-нѣмецкаго *pfâl*, потому что въ такомъ случаѣ звучало-бы **паль*. Затруднительно это производство и по причинѣ семасіологической, особенно отъ нѣмецкаго *pfâl*, теперь *Pfahl* «колъ» (какъ и латинскій его подлинникъ *pālus*), къ чему авторъ склоняется на стр. 156, и это затрудненіе не устраняется приведенными имъ тамъ-же сомнительными аналогіями. За то къ *pfâl* могутъ быть отнесены *паль*, *па́ля* и не упомянутыя имъ

па́лка, па́лица (польск. *palica*, чешск. *palice*). Что̀ же касается слова *полъ*, едва-ли слѣдуетъ отдѣлять его отъ *по́ле*.

Въ примѣчаніи на той-же стр. 155 авторъ, возражая противъ моего производства слова *полоу́мный* изъ παλαβωμένος, ссылается на «параллельныя образованія отъ другихъ substantiva и adjectiva, напр.: *дополу́пьяны, дополу́сыти*, Вятка, Сб. LXXVI, 48». Первое не параллельно ужь потому, что оно отъ прилагательнаго или, пожалуй, отъ «adjectivum», а второе потому, что *сыть* выражаетъ преходящее состояніе, тогда какъ *умъ* означаетъ постоянное свойство. Важность этого семасіологическаго условія обнаруживается, между прочимъ, въ томъ, что *дополу́сыти* существуетъ только въ этомъ видѣ, съ предлогомъ, а не самостоятельно въ формѣ **по́л-сыти* или **по́лсыть* съ род. **полу́сыти*, какъ *по́лночь* (но, напр., по-словѣнски *polnoči*) съ род. *полу́ночи*, и потому нѣтъ прилагательнаго **полусь'тный*, которое одно могло-бы до нѣкоторой степени годиться для сравненія съ *полоу́мный*, но именно лишь до нѣкоторой степени, такъ какъ *полу*— есть род. п. отъ *полъ* «половина», а *поло*—, съ точки зрѣнія русскаго языка, есть основа. Образованное выше ради примѣра **по́лсыть* еще мыслимо въ значеніи полу-сытости, неполнаго насыщенія, но **по́л-ума* или **по́л-умъ* было-бы такъ-же нелѣпо, какъ **по́л-грязи* или **по́л-грязь*, **пол-холода* или **по́лхолодъ* и т. п. Да и правописаніе **палаоумныи** въ XIV в. что-нибудь да значитъ.

«*порфира*... <πορφύρα... Путемъ контаминаціи πορφύρα + πέρπερα... получилось: **перфира**...». То-же могло получиться инымъ путемъ: см. къ **доместикъ**. Сюда-ли относится малорусское прозвище «**парпура**», изъ котораго авторъ даже выводитъ древне-русское «***порпура**», — это еще вопросъ, особенно при неожиданномъ въ этомъ случаѣ аканьѣ. Ср. рум. *farfurie* («фарфоровая) тарелка, блюдо», *farfurárin* «торговецъ (фарфоровой) посудой».

***праскы** (др.-р. **праскобь**, **прасква**, серб. *пра̏сква*, болг. *пра́сква*) «персикъ» восходитъ, по видимому, къ *παρσίκιον изъ

ср.-перс.. *пāрсīг «персидскій». Ср. 1) *русское масло* (не *чухонское* и не *сливочное*), 2) *русская утка*, *русскій гусь* = домашняя утка, домашній гусь.

«**пресвитеръ** sm. <ст.-сл. **презвутеръ**... <πρεσβύτερος... Отсюда... **прозвоутеръ**...». Формы съ *з* указываютъ не на механическое списываніе греческихъ буквъ, а на передачу живого выговора Грековъ. При такихъ условіяхъ слѣдуетъ признать и у, оу попыткою передачи греческаго υ въ качествѣ *ӱ* (нѣм. *ü*).

«**просфора**..., **просфоура**... <προσφορά... Въ вел.-русскихъ говорахъ изъ *просфора* не фонетическимъ, но непонятнымъ для меня путемъ получилось: **просвора**... откуда **просвира**...». Ср. **власвимиіа** изъ βλασφημία, **власвимисати** изъ βλασφημίζειν, какъ наоборотъ гр. Σφεντοσθλάβος изъ **свѧтославъ**, рум. *sfânt* = **свѧтъ**, польск. (фонет.) *sfuj* = swój и т. п. Уменьшительное отъ **просвора** по-малорусски **просвуорка* (изъ **просвбръка* — **просвбрка*), позже, но, повидимому, еще въ XV в., **просвірка*, если не **просвӱрка*. Отсюда *просвирá*.

«**псалъмъ**... <ψαλμός... Изъ греч. ψάλμα> *псáльма*...». Мягкое *л* не могло получиться изъ греческаго первообраза; ср. польск. *psalm*.

«*псйрка*> *псюрка*... <греч. ψεῖρα <φτεῖρα (изъ φθεῖρ) + ψύλλα...». Едва-ли нужно предположеніе такой контаминаціи, когда изъ ἐχθές вышло ἐψές. Вмѣсто «φθεῖρ» читай: φθείρ.

поулъ sm. moneta... <φόλλος... Изъ русск. яз. заимствовано тур. *pul*...». То-же при *фолъ*. Естественнѣе было Туркамъ заимствовать это слово у Персовъ, у которыхъ *пул* значитъ деньги.

рака sl. sepulcrum..., что мы попытались объяснить изъ ἄρκα: ἀρκίον... [1])», а въ примѣч. 1): «Германскимъ это слово считаетъ Peisker 64. Я продолжаю придерживаться своего мнѣнія, потому что не вижу *пока* возможности объяснить германскими средствами двухъ формъ: **raky* и *raka*...». Курсивъ слова «*пока*» принадлежитъ самому автору, изъ чего ясно, что свое не-

согласіе съ Пейскеромъ (да и со многими лингвистами) онъ не считаетъ неустранимымъ. Въ самомъ дѣлѣ невидно важныхъ препятствій къ тому, чтобы готское *arka* или древне-верхне-нѣмецкое *archa* превратилось у Славянъ въ **рака** и даже въ ***ракы**, какъ древне-верхне-нѣмецкое *kirihha, chirihha* — въ ***цьркы** (= др.-русск.), древне-болгарское **црькы**.

Въ примѣч. 2) на той-же страницѣ (165) авторъ не признаетъ происхожденія русскаго *рафли* отъ ῥάμβλιον «по фонетическимъ соображеніямъ». Въ этомъ онъ правъ. Можетъ быть, небезразлично и то, что ῥάμβλιον произошло изъ арабскаго *рамl* «песокъ», а это означаетъ гаданіе не астрономическое, къ которому относятся рафли. Но тѣмъ болѣе можно думать объ арабскомъ источникѣ этого слова. Припоминается арабское *pakj* «чарованіе» и переходъ *к (k)* въ *x*, потомъ въ *ф*: см. къ **малакия**. Измѣненіе *j* въ *л* послѣ *ф* понятно, но трудно объяснить эту перемѣну при ея отсутствіи въ разбираемыхъ тамъ примѣрахъ.

Приведенное подъ «**риксъ** sm. rex... ‹ῥῆξ» изъ Арсенія Суханова **регъ** представляетъ собою, вѣроятно, лат. *rex* род. п. *regis*.

Подъ «*рома́нъ* sm. camilla... ‹ῥωμανός» забыты *рома́шка* и французская параллель *romaine*.

рупосъ sm. «лохмотье»... ‹ῥύπος, «грязь»... Меня только смущаетъ значеніе; въ н.-греч. яз. имѣется ῥύπος, «Ohrenschmalz»...». Ср. суом. *ruopio* «пришедшая въ негодность вещь», *ruuppu* «ошметки, остатки».

Подъ словомъ **роусалия** вмѣсто «*Пет̑рївка*» читай «*Петрівка*».

Подъ словомъ **сагъ** добавь при *са́янъ* значеніе «тотъ, кто вмѣсто *ц* произноситъ *с*» (Курск.).

«**сакелие** sn. sacellum... ‹σακέλλιον..., отсюда теперь: *саке́льня*, sf. Futtersack», мр....». Ср. южно-нѣм. *Säckel* и рум. *săculeț* (фонет. = *съкуле́ц*) «мѣшечекъ», первое, очевидно, отъ *Sack*, второе отъ *sac*, то и другое отъ лат. *saccus* «мѣшекъ».

салама́та... Я его вывожу изъ σαλγαμᾶτον, «Rübenspeise», pl. σαλγαμᾶτα: σαλγάμι», «Rübe»...». Сверхъ того, что саламата

не имѣетъ ничего общаго съ рѣпой, есть одно затрудненіе, которое необходимо устранить дла принятія этимологіи, предложенной авторомъ: слово *салама́та* въ значеніи кушанья изъ муки или крупы распространено отъ Бѣлаго моря до Кавказскихъ горъ, что̀ какъ будто указываетъ на его сравнительную древность, а греч. σαλγάμι есть тур. (перс.) *шалҙам*, которое впервые проникло къ Грекамъ едва-ли ранѣе самаго конца XIV в. Для этимологіи нашего слова можетъ быть небезразлично, что оно свойственно, по видимому, лишь Великорусамъ, а у Малорусовъ и Бѣлорусовъ употребительна форма *салама́ха* въ смыслѣ кушанья, отчасти иного.

«*саліангозь [1]) sm. limax, Проск. Арс. Сух. 357; <осм. *saliangoz*, id. <σάλιαγκος...», а въ примѣч. 1): «Въ рукописяхъ Арс. Суханова имѣется неясное мнѣ саназь...». Скорѣе, кажется, можно предположить *слинязь, хотя такое слово мнѣ неизвѣстно. Но почему Арсенію Суханову естественнѣе было заимствовать греческое слово (если онъ его заимствовалъ) у Турокъ, чѣмъ у Грековъ? Правда, его слово оканчивается на —зь, чѣмъ оно ближе къ османской формѣ; но вѣдь онъ по-османски едва-ли и зналъ.

«*сандара́къ*... <σανδαράκη, id. <др.-инд. *çandra-rāga*...». Вѣроятно: *candra-rāga*, хотя и это слово мнѣ неизвѣстно.

«*се́врить* г. понимать, офенск.... изъ контаминаціи *серить* + русск. *зерца́ть*, получилось *зе́рить* v. «смотрѣть», офен.... Изъ греч. ξεύρω, «понимать»...». Обыкновенно это греческое слово значитъ «знаю» (а «понимаю»—καταλαβαίνω). Странное «*серить*» похоже на опечатку. Странно и «русск. *зерца́ть*». Да и нужна-ли эта контаминація при наличности несомнѣнно русскихъ *у́зирка*, *во́ззрѣться*, *зазирать* и т. п.?

«синклитъ... <σύγκλητος... сюда же синклитиѧ, откуда, путемъ контаминаціи съ *секлетарь* (<*секретарь*)—> народное: *секлете́я*...». Можно обойтись безъ этой сомнительной контаминаціи, предположивъ удареніе *синклитія:* ср. *Палаге́я* изъ *Пелагі́я* Πελαγία.

«*ситáрь* sm. ситникъ, куга (водяное растеніе)... ‹σιτάρι(ον), «Weizen»: σῖτος... Болѣе древнее заимствованіе изъ σῖτος› *сúта* sf. «озерное крупное растеніе безъ листьевъ..., откуда: **ситно** sn. «тростникъ»...; дальше: **ситьнъ**, adj., откуда: *сúтникъ*, «тростникъ»...; *ситня́гъ* sm. «Schilf, Binse»... Болѣе древнее значеніе сохранилось въ русскомъ: *сúтникъ* «домашній бѣлый хлѣбъ»...». Что общаго между пшеницей и тростникомъ или кугой кромѣ того, что всѣ они — растенія? Но общее найдется между послѣдними друмя растеніями и *ситомъ* въ его первоначальномъ видѣ, какъ и между ситомъ и тѣмъ бѣлымъ хлѣбомъ, который печется изъ пшеничной муки лишь просѣянной послѣ помола безъ помощи крупорушки. По-польски *sit* «куга», *sitowisko* «мѣсто, гдѣ растетъ куга», *sito* «сито» съ прилаг. *sitny* = **ситьнъ**; по-чешски *sít* «куга», *síto* «сито» и т. п.

«**скала** sf. scala... ‹σκάλα, id.... Сюда же относятся: *скáлы* pl. «палки, свайки, чурки для игры деревенскихъ ребятъ»..., *скáлка*, «палка, на которую навиваютъ чистое бѣлье...». Наконецъ, путемъ контаминаціи *скáла* + *скалá*, «petra», получилось: *скалá*, «орудіе, на которомъ сучатъ цѣвки для ткани», Саратовъ ... Уже не сюда относится: *скáля*, «Tonleiter», мр. Žel. 870, что прямо изъ нт. *scala*». Лат. *scala* значитъ «лѣстница»; то-же и гр. σκάλα. Странно назвать круглую чурку лѣстницей. Нелегко додуматься и до связи цѣвки со скало́й, особенно степняку-Саратовцу. Во всякомъ случаѣ ему было легче перенести удареніе слово *скáла*, если это слово, наоборотъ, не звучало первоначально *скалá*. Происхожденія оно можетъ быть славянскаго — отъ *кол*— (*коло́ть*, напр., дрова, чеш. *kláti*, напр., dříví): ср. *у-гáръ*, *за-гáръ*, *о-гáр-окъ* при *гор*— (*горѣть*). Малорусское (только галицкое) *скáля* заимствовано непосредственно съ польскаго *skala*. Это заимствованіе есть и у насъ въ видѣ *скáла*, — вѣроятно, съ латинскаго, а не съ нѣмецкаго, откуда употребительное у физиковъ *шкáла*.

«**скамия** sf. scamnum, эта форма предполагается мр. *скамнúця*, *скомнúця*...; а также заимствованнымъ изъ русск. яз.,

горно-черемисск. *skamña*, id.... Отсюда ложно-литературное: **скамиꙗ** sf. Домострой 129, 142, теперь: общевр., откуда дальше: офенск. *скамейка*, «лошадь»... Отсюда дальше: *скамля́*, *скамлйца*, «scamnum», бѣлор.... Русское слово восходитъ къ греч. *σκαμνί*, pl. *σκαμνιά*... Изъ русск. діал. *скамля́*> осм. *iskemle*...». Общерусское (?) **скамиꙗ**, какъ не засвидѣтельствованное фактически, должно быть отмѣчено звѣздочкой. Впрочемъ и знаки препинанія здѣсь разставлены небрежно, и велико-русское *скамья́* пропущено послѣ «общевр.». Сильвестрово **скамиꙗ** названо ложно-литературнымъ, т. е., вѣроятно, искусственнымъ. Это возможно; но откуда эта форма могла явиться, какъ не изъ уже существовавшаго въ просторѣчіи *скамья́?* какъ, съ другой стороны, изъ «ложно-литературной» выдумки московскаго грамотея могла образоваться бѣлорусская діалектическая форма? какъ эта бѣлорусская форма могла забрести къ Туркамъ? Естественнѣе предположить слѣдующій ходъ дѣла. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ новогреческаго языка i̯ (j) послѣ μ измѣняется въ νι̯ (νj), напр., *μνιά* (фонет. = *мня*) «одна» вмѣсто *μιά* (фонет. = *мья*), Ῥωμνιός «Грекъ» вмѣсто Ῥωμιός (изъ Ῥωμαῖος «Римлянинъ») и т. п., по реакціи противъ этого выговора въ нарѣчіяхъ, не знающихъ такой замѣны, *σκαμνιά* (фонет. = *скамня́*) могло превратиться въ **σκαμιά* (фонет. = *скамья́*). Эта форма и попала къ Русскимъ. Отсюда, по аналогіи слова *семья́*—**сѣмиꙗ**, *Демья́нъ*—**дамиꙗнъ** и т. п., искусственное **скамиꙗ**. Въ тѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, которыя всякое i̯ послѣ губныхъ измѣняютъ въ *л*, *скамья́* превратилось въ *скамля́*. То-же измѣненіе свойственно сербскому языку, и здѣсь-то и слѣдуетъ искать источника османскаго *ícкemle* (*ícкämlä*). Черемисское *скамна* образовалось изъ *скамья́*, вѣроятно, уже на мѣстной почвѣ. По-малорусски на Украйнѣ скамья называется *ослíн* (род. п. *ослóну*), а галицкое *скамнйця* или *скомнйця* можетъ восходить къ румынскому **scamn* (теперь *scaun*), какъ и болгарское *скóмін* (можетъ быть, изъ **скомьнъ* съ род. п. **скомьна́*).

«**скарамангиꙗ** sf. vestis... <*σκαραμάγκιον*, id.... *σκαράμαγ*-

κον, id. (Duc. I 382 это слово считаетъ персидскимъ)», куда Маценауэръ присоединяетъ неясное автору *сермя́га*. Слово σκαράμαγκον (σκαράμαγγον) или σκαραμάγκιον (σκαραμάγγιον), означающее не просто одежду, а родъ парадной верхней одежды, до сихъ поръ не объяснено. Трудно сказать, на чемъ основано мнѣніе Дюканжа. Въ виду того обстоятельства, что существеннымъ украшеніемъ плащей и кафтановъ, по крайней мѣрѣ, съ начала среднихъ вѣковъ служили дорогіе мѣха, можно указать иной путь для изслѣдованія исторіи этого слова. На основаніи рето-романскаго *carmũ* «хорекъ» (?) Мейэръ-Любкэ предположилъ европейское (безъ точнѣйшаго опредѣленія языка) **carmōn*, тождественное съ лит. *szermũ'* и др.-в.-н. *harmo* «хорекъ». Отсюда ср.-в.-н. *hermelîn* и, вѣроятно, чеш. *chramostejl* (изъ **harmo + musteila* отъ лат. *mustēla* «ласка» — животное, близкое къ хорьку) «горностай», неотдѣлимое отъ русскаго *горноста́ль*, *горноста́й*, проникшаго къ намъ, вѣроятно, черезъ Бѣлоруссію или Малороссію, гдѣ *г* = ɣ: ср. польск. *hornostaj*. Отъ **carmōn* или, вѣрнѣе, отъ слабой его основы *carmon*— (= *karmon*—) съ подвижнымъ *s* въ началѣ и съ наставкой —*ko*— можно себѣ представить кельтское **skarmonko*— (ср. кимр. *ieuanc*, корн. *iouenc*, брет. *youanc*, *iaouank*, мр. *óac*, изъ **i̯ovn̥-ko*— «молодой» — лат. *iuvencus* «бычекъ») — германское **skarmanga*— (ср. гот. *juggs*, нѣм. *jung*, др.-сканд. *ungr* и пр. изъ **juwun-ga*- «молодой») или, съ древне-верхне-нѣмецкой svarabhakti, **skaramanga* «сшитая изъ горностаевыхъ шкурокъ или украшенная ими одежда». Сюда-же можетъ относиться и *сєръмѧга, по сходство начала этого слова съ началомъ литовскаго *szermũ'* заставляетъ думать о первообразѣ, нѣсколько отличномъ отъ германскаго и, можетъ быть, болѣе древнемъ. О трудности присоединенія сюда бѣлорусскаго *скоромя́га*, *скоромя́ка* «не соблюдающій поста, ядущій въ постъ скоромное», о которой авторъ говоритъ въ примѣчаніи, не стоило и упоминать.

Въ какомъ отношеніи «неточно» я говорю въ Сборникѣ LXXVIII 28 о словѣ скарлатъ = σκαρλᾶτον, не могу догадаться.

«склавыга sm. оф. «слуга»... Я предполагаю къ *склавыга* болѣе древнее **склавъ*, «слуга», выводя его изъ греч. σκλάβος, «servus», Σκλαβηνός <Σλαβηνός: **Словѣнинъ**...». Отсюда можно вывести заключеніе, что, какъ Σλαβηνός произведено отъ **Словѣнинъ**, такъ σκλάβος произошло изъ Σκλαβηνός, какъ-то возникшаго изъ Σλαβηνός.. Форму Σκλαβηνός авторъ признаетъ въ примѣчаніи чисто византійской. Правда, что Византійцы называли Славянъ обыкновенно такъ (съ κ), но Греки, когда хотѣли избѣжать столкновенія σ съ λ (при чемъ σ произносится за *з*), вставляли скорѣе θ, чѣмъ κ, напр. ἐσθλός (дор. ἐσλός), Σφενδοσθλάβος (въ σκλιβώνω вмѣсто στλιβώνω не вставка: см. подъ **сливосать**). Вставка *к* въ этомъ случаѣ свойственна Романцамъ: ит. *schiavo* (изъ **sclavo*), фр. *esclave*, рум. *sclav* «рабъ, крѣпостной» (въ отличіе отъ *Slavo*, *Slave*, *Slav* «Славянинъ»). Впервые вставное *к* въ этомъ словѣ появилось, по видимому, у Итальянцевъ, и отъ нихъ уже **sclavo* перешло къ Французамъ (которые потому и удерживаютъ *s* понынѣ, какъ въ чуждомъ *esclandre* изъ *scandalum*), Румынамъ, Нѣмцамъ (Sklave) и даже Арабамъ *(çaklāb)*. Ср.-в.-н. *slave* (при *sklave*), голл. *slaaf* и англ. *slave* скорѣе утратили *к* (черезъ *sch* = *сх*), чѣмъ пришли прямо отъ Славянъ, такъ какъ значатъ то-же, что ит. *schiavo*. Виновниками отождествленія нашихъ предковъ съ рабами были, вѣроятно, Генуэзцы, ведшіе торговлю «живымъ товаромъ» разнаго назначенія изъ Каффы съ народами какъ Европы, такъ и Азіи, гдѣ непосредственными ихъ покупателями были арабскіе купцы. Отъ крымскихъ Генуэзцевъ слово **sclavo* попало, вѣроятно, къ крымскимъ-же Грекамъ, замѣнившимъ новымъ σκλάβος древнее δοῦλος (αἰχμάλωτος), которое приняло въ языкѣ Грековъ-христіанъ значеніе слуги (по-древнему — θεράπων), откуда и δουλεύω съ существительнымъ δουλεία сдѣлались синонимами древнихъ ἐργάζομαι и ἐργασία (что впослѣдствіи случилось и со словомъ σκλάβος въ языкѣ офеней, гдѣ *склáвить* = дѣлать, *склавóта* = работа, какъ и съ лат. *servus* и его производными въ романскихъ языкахъ). Что у насъ было нѣкогда **склавъ*,

вполнѣ вѣроятно; но значить оно должно было не «слуга», а *рабъ*. Потому и забытое авторомъ общеупотребительное *сквальга* означаетъ человѣка съ наклонностями, достойными только раба, hominem illiberalem, теперь—скрягу, низкаго скупца. Слово σκλάβος могло повлiять въ звуковомъ отношенiи на греческое названiе Славянъ, но едва-ли можно допустить, чтобы σκλάβος было сокращенiемъ слова Σκλαβηνός.

Подъ **скоморохъ** не упомянуто **скомрахъ**.

«*скóпа* sf. falco, мр. . . ., *скопá*, "Fischgeier», мр. . . ., «falco haliaetos», вр. . . . <σκῶπα. . . . Путемъ контаминацiи *скóпа* + *скопьць*, «eunuchus» . . . получилось *скопéць*, sm. «eine Art Habicht . . .». Если это—контаминацiя, то развѣ лишь семасiологическая, т. е. смѣшенiе двухъ сходныхъ по звукамъ словъ. Во всякомъ случаѣ такая подмѣна одного слова другимъ едва-ли произошла безъ участiя слова *кóбецъ* «falco vespertinus» (по-нѣм. *Sperber*, по-фр. *épervier*). Впрочемъ, такъ какъ «Fischgeier» и «falco haliaetus» одно и то-же, *скопá* (таково обыкновенное ударенiе) въ смыслѣ «рѣчной ястребъ» есть обще-русское слово.

«**скорда* sf., откуда: *скородá* sf. allium angulosum . . . <σκόρδον . . . . Сюда, вѣроятно, уже не относится: *скородúлка*, *скородá*, «борона, смыка» . . . *скородить*, «бороновать землю» . . .». Очевидно; ср. др.-сканд. *skarðr* «изрѣзанный, исщербленный».

«**скрина** sf. ящикъ . . . <σκρίνα . . .». Такъ какъ это распространенное у насъ—правда, въ видѣ *скрúня* или *скрúня* — слово находится также не только въ малорусскомъ языкѣ, а и въ западно-славянскихъ (польск. *skrzynia*, чешск. *skříně*), вѣрнѣе выводить его изъ др.-в.-н. *scrîni* (съ лат. *scrinium*, откуда и гр. σκρίνιον).

содома sf. . . . <Σόδομα . . . . Изъ народнаго *Σοδόμη> *Содóмiя* 1) великое злоупотребленiе, 2) сильный развратъ, бѣл.-р. . . .». По-гречески σοδομία «мужеложство». и съ тѣми-же ударенiемъ и смысломъ великорусское (церковное) *содомíя*. Бѣлорусское съ польскаго *sodomia (sodomja)* въ томъ-же значенiи, какъ латинское (церковное) *sodomia* = σοδομία.

сомáръ sm. asinus, мр. . . .». Какое «мр.»? едва-ли украинское. Потому ср. мад. *szamár* «оселъ», рум. *samár* «вьючное животное».

«спафарии . . . ‹σπαθάριος . . . . Изъ σπαθέα, «baculus»› *спафéй*, «разгульный мотъ, промотавшійся человѣкъ» Калуга . . .». Жаль, что авторъ не подтвердилъ ничѣмъ своего перевода слова σπαθέα, которое обыкновенно значитъ «сабельный ударъ» (теперь въ формѣ σπαθιά). Чтò до *спафéй*, ср. кумыцкое *ìспаhe* «щеголь» изъ перс. **ìспāhī = сіпāhī*, раньше *спāhī* «военный» (откуда фр. *spahi* «арабскій кавалеристъ въ сѣверной Африкѣ»).

«*сплина* sf. lien. ‹σπλήνα: др.-гр. σπλήν . . . . Книжное: **сплинъ**, см. Горяевъ 340». А у Горяева: «сплинъ: *англ.* spleen (отъ *гр.* σπλήν)» — вполнѣ вѣрно, только жаль, что онъ забылъ прибавить переводъ: «хандра». Ср. Пушкинъ, Евгеній Онѣгинъ I, 38:

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный англійскому *сплину*,
Короче: русская *хандра*
Имъ овладѣла понемногу.

Къ чему-же «**сплинъ**», а не «*сплинъ*», и къ чему здѣсь это слово?

стивиѥ sn. Schminke, Даль IV², 332 . . .». Что это значитъ? и почему «*стивиѥ*», а не *стивіе* или **стикиѥ**?

стиѵера вмѣсто **стихира** = греч. στιχηρόν, если не мн. ч. στιχηρά, основано, повидимому, на греческомъ *στιχερόν, которое можно предполагать потому, что звукъ *і* изъ *ē* = η (а позже — и какого-бы онъ ни былъ происхожденія — ι, ει, οι, υ) въ безударныхъ слогахъ передъ ρ переходилъ въ *е* = ε, напр. νερό(ν) «вода» изъ νηρόν (въ надписи нубійскаго царька Σιλκώ), πονερός (apo tu poneru въ англо-саксонской записи греческаго текста молитвы Господней) «лукавый, дурной» изъ πονηρός, σίδερο(ν) «желѣзо» изъ σίδηρος (теперь и πίτερα «перхоть, головная плоть» изъ πίτυρα и т. п.).

Подъ **стратигъ** помѣщены не только **архистратигъ**, но и **стратилатъ** и даже **стратопедархъ**.

«*стратимъ* sm. avis mythicus... Источникомъ слова можно предположить греческое *στράτιμος...». Читай: mythica. Ср. **трохилъ** и примѣчаніе къ этому слову объ *евстрафиль* (что, можетъ быть, изъ *avis trochilus*), хотя вліяніе со стороны слова **стратигъ** легко допустимо: ср. подъ **строудокамилъ** его искаженіе **стратокамилъ**.

«*стрóнуть* v. «сколотить полы или потолки»... можетъ быть изъ греч. στρώνω, «крыть, разстилать».... Отсюда же: *стрóнень*, sm. «столъ», офенск. Суздаль, Kuhns Btr. IV, 340 [2]);.... *стрóнецъ*, id.»...», а примѣч. 2): Цитованное тамъ же *стропень*, idem, слишкомъ уже похоже на опечатку». Ср. чешск. *strop* «полъ, потолокъ», польск. *strop* «потолокъ», словѣнск. *strop* «кровля».

строудокамилъ... <στρουθοκάμηλος.... Отсюда же... путемъ контаминаціи съ **строфингъ**> **строфокамилъ**...». Могло быть и проще: **стро(у)фокамилъ**.

Офенскія *сумáрь* и *сумáкъ* «хлѣбъ» могутъ происходить не только отъ лишь предположенныхъ *ψωμάρι и *ψωμάκι, а и отъ *сумá*: вѣдь подъ именемъ офенскаго языка разумѣется иногда и нищенскій, и во всякомъ случаѣ взаимное вліяніе того и другого не подлежитъ сомнѣнію. Впрочемъ ψωμάκι «хлѣбецъ» есть въ словарѣ Кинда.

«*сундýкъ*... <осм. *sandɪk* (перс. *sandūk*, Koffer <συνδοκεῖον, id...., ошибочно Psichari..., М. Фасмеръ... считаютъ источникомъ слова греч. σάνδυξ, id. Hesych., которое само заимствовано изъ персидскаго языка...». И такъ наше *сундýкъ* изъ осм. *сандык?* Мало вѣроятно: вѣдь *ы* есть и у насъ. Само осм. *сандык* произошло изъ перс. *ç*андӯk (формы арабизованной, судя по арабскимъ *ç* и *k*). Это, по всей вѣроятности, правильно. Далѣе: перс. *çандӯk* или *сандӯк* образовалось изъ греч. συνδοκεῖον. Неправдоподобно: это греческое слово превратилось-бы у Персіянъ, вѣроятно, въ *сундукī. Если оно зашло къ нимъ черезъ сирское

посредство, оно также едва-ли сократилось-бы въ *sandūк*, потому что у Сирійцевъ звучало-бы приблизительно **сундӯкījӯн* или, можетъ быть, *сундӯкīн,* даже, пожалуй, **сандӯкін* (ср. арамейско-еврейское *санҥедрīн* изъ гр. συνέδριον). Перс. *сандӯк* и есть то самое слово — хоть, вѣроятно, въ позднѣйшей формѣ —, изъ котораго произошло греч. σάνδυξ. Что касается греч. συνδοχεῖον, то оно значитъ буквально «сопріемникъ» — странное названіе для сундука. Потому позволительно задать вопросъ, не восходитъ-ли это слово къ тому-же перс. **сандӯк* или къ древнѣйшей его формѣ — можетъ быть, съ краткимъ *у* — съ осмысленіемъ его для Грека путемъ народной этимологіи при участіи слова πανδοχεῖον «гостинница». Къ намъ слово *сундукъ* попало, вѣроятно, отъ такихъ Турокъ, которые выговаривали его *сандук*.

сурьма́ sf. Zinke, Spiessglanz, вр. Даль IV², 371 сл., мр. Žel. 937 <осм. *sɛrma*, «Gold- oder Silberfaden <σύρμα, «Faden»...». Что общаго между порошкомъ и ниткой? При этомъ упущено изъ виду обиходное и старое значеніе русскаго слова — порошокъ для черненія («сурмленія») бровей и рѣсницъ. Что это значеніе старше, чѣмъ данное авторомъ по-нѣмецки (хотя какъ будто изъ Даля), видно уже изъ термина «*сурмяной* блескъ», соотвѣтствующаго нѣмецкому «Spiessglanz». Въ турецкихъ языкахъ этотъ черный порошекъ, приготовляемый изъ металлоида, извѣстнаго въ нашей химіи подъ именемъ *сурьма́*, называется *сӱрмӓ* отъ глагола *сӱрмӓк* «тащить, размазывать». Потому у насъ также *сюрьма́*. Совершенно отличное отъ этого слова осм. *сырма* заимствовано непосредственно съ рум. *sîrmă* (фонет. = *сырмъ*) «проволока» = гр. σύρμα.

«*тавро́*.... Лишь колеблясь, я упоминаю греч. σταυρός «crux», откуда въ Sandhi могло получиться *ταυρός, id....». Ср. осм. *туҕра* «султанское клеймо на указахъ и монетахъ».

Упомянутое въ примѣчаніи къ этому слову малор. (галицк. или угорск.?) *тавротъ* «Art Versteckspiel der Kinder» есть, можетъ быть, мад. **tag* — *róta* «партія» (изъ *tag* «членъ» и *róta* «партія въ игрѣ).

«таганъ sm. четвероножная, продолговатая подставка подъ кухонную посуду...; деревянный треногъ для подвѣшиванія котла надъ костромъ...» .... Это слово я возвожу къ осм. *tɛgan*, id. <греч. τηγάνι(ον): др.-гр. τήγανον, id....». Второе изъ значеній русскаго слова напоминаетъ приволжское турецкое (татарское) *таҕан* «висѣлица», для котораго, однако, въ турецкихъ языкахъ, повидимому, нѣтъ соотвѣтствующаго корня. Впрочемъ осм. *тыҕан*, кажется, не «id.», а «родъ печи», и гр. τηγάνι тоже не «id.», а «сковорода».

Изъ приведенныхъ въ примѣчаніи словъ, которыя авторъ не рѣшается отнести сюда «по семасіологическимъ причинамъ», бѣлорусскія *тагáнъ* «пытка», *тагáниць* «таскать», *таганíть* «нести», *притагонíть* «приносить» (принести?), *тагцí* «нести», *таганíць* «носить» представляютъ какъ-бы контаминацію изъ польскихъ *targan* «битье, драчунъ» и *targanić* «таскать, колотить» съ бѣлорусскимъ *тягтí, цягцí* «тянуть», а малор. *тагановáти* «Rast nehmen, sich aufhalten um das Essen zu bereiten» произведено, очевидно, отъ слова *тагáнъ*.

«*тáйстра* sf. «котомка»... чешск.-словацк. *tanistra*..., откуда, уже путемъ народнаго осмысленія: *цанїстра* sf. «Reisetasche a. d. Seite», мр....». Въ чемъ осмысленіе?

«*талисманъ*... <нѣм. *talisman* <араб. *telsam*, pl. *telsaman* <ср.-гр. τέλεσμα...». По-арабски *ṯылісм*, мн. ч. *ṯаlāсім*. Мн. ч. *ṯылісмāн* можетъ быть только въ персидскомъ языкѣ. Къ намъ это слово зашло, повидимому, отъ Французовъ.

«*таль* sf. ramus virens, *талъ* sm. salix cinerea, мр.... *талúна* sf. Weidenstrauch, мр... <θαλλός, id.... Изъ славянскихъ языковъ заимствовано: осм. *tal*, «Art Weide, Sandweide»...». По-великорусски *тáльникъ* «мелкій ивнякъ». Слово *талъ* авторъ признаетъ, повидимому, чуть не обще-славянскимъ; въ такомъ случаѣ, если оно изъ θαλλός, почему не **толъ* съ род. п. **толá?* Въ турецкихъ языкахъ *тал* распространено помимо османскаго. И опять «id.» употреблено неточно: θαλλός можетъ значить ramus virens, какъ *таль*, но не совпадаетъ по смыслу ни съ ἰτέα,

ни съ οἰσύη, ни съ ἑλίκη, ни съ какимъ инымъ названіемъ растеній, подобныхъ ивѣ. Вообще пока — non liquet.

«*тарáхта* sf. «aus Holz gefertigter Gegenstand, der bei seiner Bewegung ein Geräusch von sich gibt», мр.... <*ταράχτα, id., что изъ ταράχτης, «Quirl zum Rühren der Milch bei der Käsebereitung»...». Ср. звукоподражательное *торохті́ти* «дребезжать» и великор. *тpáxъ* — *тарарáхъ*.

«*тимиамь...> *тимиамъ... <ст.-сл. тьмьанъ... <θυμιάμι(ον): θυμίαμα...» Если θυμιάμι дѣйствительно существуетъ, это варварское образованіе не можетъ быть старо: ср. μάτι «глазъ» отъ ὄμμα, δεμάτι «снопъ» отъ δέμα, κομμάτι «кусокъ» отъ κόμμα, ζητημάτι «вопросъ» отъ ζήτημα и т. п.

«тиранноусъ sm. tyrannus, Библ. 1499 г.... <τύραννος, id., откуда... *тиранъ*, *тыра́нъ*, «жестокій истязатель, мучитель», бѣлор....». Ср. «трофеа sf. trophaeum, Библ. 1499 г.... <лат. *trophaeum* <греч. τρόπαιον...». И такъ, если самъ авторъ въ одномъ случаѣ считаетъ возможнымъ для Библіи 1499 г. заимствованіе изъ латинскаго языка, зачѣмъ не допустить того-же въ другомъ, гдѣ оно почти такъ-же очевидно? Бѣлорусскія формы, конечно, съ польскаго.

«торакъ sm. lorica... <θώρακας, id. id. <θώρακας <др.-гр. θώραξ...». Отчего не прямо съ др.-гр.? Удвоенное «id. id.», вѣроятно, — опечатка.

«*тóрникъ*, *торня́къ* sm. «Werkstück des Böttchers, zum Einlassen des Bodens»... Изъ первоначальнаго *торнъ <τόρνος, «Werkzeug d. Drechslers...». Дно вставляется въ бочку не токарнымъ станкомъ. Не *торн-икъ*, а *тор-никъ:* ср. общер. *у-тóръ* «отверстіе въ серединѣ бочки, затычка къ этому отверстію».

Въ примѣчаніи къ слову тра́пеза (стр. 204): «Форма *тре-пéзникъ* изъ *трапéзникъ* получилась путемъ ассимиляціи гласныхъ... Я не могу объяснить формы: трѣпеза... Неясно мнѣ также: трѧпеза... и трѫпеза...». Начало ср. къ доместикъ, а далѣе — трѣва (болг.) изъ трава, трефолой изъ τροπολόγιον, тре-парь изъ тропарь, *трюхъ-трюхъ* отъ *трусить*, *дрюкъ* при *другъ*,

дригáть (дрягáть) при *дрыгáть*, *дрянь* изъ **дрань* (ср. *дермó* или *дерьмó, вз-доръ*), *дрáпать* (и **дрѣпати*, откуда малор. *задрí-паний* «оборванный») «царáпать, рвать ногтями» при польскомъ *drapać*, чешскомъ *drápati* (*dráp* «коготь»), хотя съ другой стороны *крылó* при др.-болг. крило, польск. *skrzydło*, чешск. *křídlo*, *скрыпъ* при *скрипъ*, *грыбъ* при *грибъ* и др. съ *и* послѣ *р*.

«*трóить* v. «ѣсть», офенск.... изъ греч. τρώγω, «ѣсть»..., точнѣе, изъ *tróγu*, id. Маріуполь...». Еще точнѣе: изъ τρώγεις (фонет.=*трójic*), τρώγει (=*трójі*), τρώγετε (=*трójеme*), τρῶγε (=*трóje*), θέλω τρώγει (=*þélo трóјі*).

топáзъ между **тоумбанъ** и **тунъ* не на мѣстѣ.

«**тунъ* sm. откуда: demin. *тýнець* sm. thynnus vulgaris, мр.... <осм. *tun*... <θύννος, откуда лат. *thunnus*... Изъ русск. яз.> польск. *tuńczyk*...». А чешское *tuník* откуда? И Славяне и даже Турки получили названіе этой рыбы съ запада, такъ какъ Турки могли услышать слово θύννος только въ видѣ *þíнос*.

«*ýрма* sf. «Spur der Schafe auf dem Grase», мр. Žel. s. v. <рум. *urmă*, «Spur», послѣднее же я считаю контаминаціей изъ греч. ὀσμή, «Geruch, Witterung»+ὁρμή, «Andrang»....». Слово ὁρμή едва-ли таково, чтобы могло войти въ народную контаминацію. Да и къ чему она, когда, какъ показываютъ слова въ родѣ *cízmă* «сапогъ» съ тур. *чизме* или *pízmă* «зависть, злоба» съ гр. πεῖσμα, сочетаніе *зм* отнюдь не противно румынскому языку? Лучше, кажется, вспомнить латинскія *flamma* отъ *flag*— (*flagrare*), *plūma* отъ *plug*— (?), *forma*, *norma*, *turma* и т. п. на —*ma*, какъ-бы ни относилось оно къ корню, и предположить доруманское происхожденіе, напр., отъ *urg(u)* —*ēre* «напирать».

Для объясненія слова **факіелесъ** «варенье» слѣдуетъ, можетъ быть, прибѣгнуть къ рум. *a făcălui* «мѣшать, цѣдить» съ существительнымъ *făcăleţ* (фонет.=*фъкъléц*) «мѣшалка». Впрочемъ, такъ какъ подлинное значеніе употребленнаго Сухановымъ слова, по видимому, не установлено, можно имѣть въ виду и гр. φακῆ «чечевица и похлебка изъ нея».

Вѣроятно, сюда относится отнесенное къ *фалáнга* примѣча-

ніе о малорусскомъ (но едва-ли украинскомъ) словѣ *фа́кля* «факелъ», которое авторъ выводитъ изъ нѣм. *Fackel*, что̀ сомнительно въ виду рум. *făclă* прямо изъ лат. *facula*. Странно только *—ля* вмѣсто ожидаемаго *—ла*.

«фамилиа sf. familia Ист. Св. земли 8, 17; <φαμιλία, id. <лат. *familia*, id....». Такъ какъ «Исторія и описаніе Святой земли» патріарха іерусалимскаго Хрисанѳа относится къ XVIII в., вѣроятно заимствованіе этого слова прямо съ латинскаго.

Изъ малорусскихъ словъ, приведенныхъ въ примѣчаніи къ этому слову, *фаму́ла*, *хаму́ла* «abscheulicher Mensch», *хамло́* «unbeholfener dummer Mensch» и *хамлюга* «Bauer» восходятъ къ *Хамъ*, хотя на нѣкоторыя изъ нихъ могло повліять лат. *famulus* съ польскимъ удареніемъ, но, конечно, не въ греческой формѣ φάμουλος, отъ сопоставленія которой съ этими словами авторъ отказывается. Странно въ этой связи слѣдующее заявленіе: «Въ то же время фонетика запрещаетъ сопоставленіе польск. *gamuła*, «głupieć» (»читай: *głupiec*«) съ н.-в.-н. *gähmaul*, установленное Karłowicz'емъ 76».

«фаса sf. columba... <φάσσα, id....; путемъ контаминаціи φάσσα + φάρης... получилось: φάρσα, «крылатый конь въ сказкахъ»...». Ср. арабское *фа́рас* «конь».

Въ примѣчаніи на стр. 212 авторъ недоумѣваетъ относительно этимологіи слова *фертъ* въ смыслѣ «франтъ, щеголь». Едва-ли можно отдѣлить это слово отъ названія буквы: ср. *статъ фертомъ, ходитъ фертомъ*, т. е. уперевъ руки въ боки (что̀ придаетъ человѣку надменный или фатоватый видъ).

«фиала sf. vas, Св. Ао. Гора 28. <φιάλα...: др.-гр. φιάλη.... Изъ контаминаціи φιάλη + ὕαλος получилось *φίαλος> фиалъ sm. vas, (съ XVI в. 24)...». И такъ фиала является въ началѣ XVIII в. и при томъ въ писаніи не какого-нибудь простеца, усвоивавшаго себѣ греческую рѣчь только изъ разговоровъ съ необразованными проводниками, а у болѣе или менѣе ученаго іеродіакона Дамаскина; вѣроятно-ли, чтобы онъ узналъ слово φιάλη впервые въ его простонародномъ видѣ φιάλα? Еще менѣе

вѣроятна предположенная авторомъ контаминація. Гдѣ произошла она? Очевидно, не у Русскихъ; но и Грекамъ нелегко было до нея додуматься, потому что ученые изъ нихъ твердо знали и φιάλη и ὕαλος, а неученые мало употребляли первое даже въ формѣ φιάλα и не употребляли второго, такъ какъ замѣняли его уменьшительнымъ ὑάλι (фонет. = *jáli*). Для формы фиалъ (если она дѣйствительно извѣстна уже съ XVI в.) довольно было и аналогіи словъ *кубокъ* и *(до)стоканъ*. Но что значитъ «24» послѣ «съ XVI в.»?

«*филактéрія* sf. «Gebetstreifen der Juden, Denkzettel, мр. Žel. 1027 <φυλακτήριον...». *Е* (не *и*) = η ясно указываетъ на латинскую форму *phylacterium*, принятую, вѣроятно, черезъ польское посредство. Напрасно прибавлено: «Сюда же фулакионъ sm. «carcer»... <φυλακεῖον...»: для заимствующей стороны это — совсѣмъ другое слово.

«*філь* sm. Art, Gattung, Race, мр. Žel. 1028; <φυλή». Очевидно, не изъ этого слова, книжнаго и значащаго «племя, сословіе», а изъ мад. *fél* «половина, часть, партія» между прочимъ въ такихъ сложеніяхъ, какъ *mi-féle* «что за...?», *minden-féle* «всяческій», при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что мадярское *é* (=*ē*) звучитъ близко къ *i*, а въ нѣкоторыхъ говорахъ и совсѣмъ переходитъ въ него. Впрочемъ, слѣдуетъ читать, вѣроятно, *фíль*.

«фиником sm. avis..., *фéниксъ*... фениксъ... <φοῖνιξ, id.». Не просто «avis», а avis mythica omnium perfectissima et identidem renascens или, короче, —phoenix. Правда, и о несомнѣнной avis, о вóронѣ, Лафонтенъ говоритъ:

Vous êtes le phénix des hôtes de ce bois,

но устами льстивой лисицы. Если-бы авторъ вспомнилъ эти данныя, онъ отнесъ-бы *е* въ русской формѣ на счетъ не греческаго слова, въ которомъ этого звука нѣтъ, и не русскаго языка, въ которомъ не было основаній для превращенія *i* (т. е. οι) въ *е*, а на счетъ языковъ латинскаго и французскаго, откуда и нерѣдкое удареніе *фени́ксъ*.

«*фисташка*... <осм. *fεstεk* (изъ араб. *fustak*) <πιστάκι(ον)...». А по-французски *pistache*.

Упомянутое подъ словомъ *фитиль* «осм. *fetil*» есть ар. *fätīl* «крученый».

«фλαвоурарь sm. Fahnenträger... <φλαμβουράρις, id. <φλάμβουρον: φλάμμουλον [2]) <лат. *flammula*...», а примѣч. 2): «О взаимоотношеніи этихъ двухъ греческихъ формъ уже въ другомъ мѣстѣ». Во всякомъ случаѣ для соотношенія между μβ и μμ можетъ пригодиться указаніе, что *flammula* по-романски **flammella*, откуда **flammellum* — фр. *flambeau*, какъ и *flammare* — фр. *flamber*.

Въ примѣчаніи 3) къ тому-же слову, авторъ справедливо отвергаетъ мнѣніе Миклошича о принадлежности старо-славянскаго прапоръ сюда-же. Не имѣя подъ руками тѣхъ сочиненій, на которыя онъ при этомъ ссылается, позволю себѣ на всякій случай высказать свое предположеніе, что это слово — **пор-пор-ъ* — образовано такъ-же, какъ **бол-бол-ъка* — р. *болобóлка* (чеш. *blaboliti* «болтать»), **гол-гол-ъ* (ср. перс. *ɀylɀyl* «звукъ льющейся жидкости, переливы голоса») — *глаголъ*, **кол-кол-ъ* — *колоколъ* (р. *кóлоколъ*), **пол-пол-ати* — *плаполати*, **тор-тор-ити* — р. *торотóрить* (чеш. *tratořiti*), **хор-хор-итисѧ* — р. *хорохóриться* (куда аналогически примкнуло и *мраморъ* — р. *мóроморъ*), и такъ-же съ *е* **пер-пер-ъка* — р. *перепёлка* (польск. *przepiórka*, сербск. *препѐлица*). Относительно корня ср. *пар-ъ* *(пáр-ити)*, *пар-и́ти*, **пор-хъ* — *прахъ* (р. *пóрохъ*, п. *proch*), **пър-х-ати* — р. *порхáть*.

«*фортуна* sf. Sturm, Loos, Schicksal, рядомъ съ *хвортуна*, id. мр. <φορτοῦνα, id.... Отсюда же рум. *fortúnă*, «Sturm»... Измѣненіе значенія: «Glück»> «Sturm» произошло уже на греческой почвѣ...». По-малорусски и *хуртóвина* «буря». Въ этомъ смыслѣ *фортýна* могло быть заимствовано Малороссами скорѣе у Турокъ (осм. *фуртуна* «буря») или у Румынъ, а въ значеніи «счастіе, доля» — у Поляковъ.

«*фундýкъ* sm. corylus tuberosa... <осм. *fεndεk*, id. <ποντικό...

Обратное заимствованіе изъ осм. яз. >φουντούκι...». Для объясненія этихъ перемѣнъ въ гласныхъ слѣдуетъ предположить первоначальное осм. **фундык* (изъ ποντικό) и принять въ расчетъ существующее въ говорахъ *фундук*. Эта форма, какъ и *фындык*, произошла путемъ ассимиляціи гласныхъ. *Фындык* относится къ *фундук* такъ-же, какъ осм. *jылдыз* «звѣзда» къ *jулдуз* другихъ турецкихъ языковъ (вѣроятно, изъ **jылдуз*).

«*ха́лепа* sf. «зимняя непогодь, мокрый снѣгъ», юж. зап. кал. Даль IV², 557, изъ болѣе древняго: *хале́па* sf. Elend, Trübsal, Unglück, Widerwärtigkeit, мр. Žel. 1032, <*χαλέπα sf. «Elend»: χαλεπός. Сюда-же... офенск. *халяпный*, «смертный»...». Удареніе, указанное Далемъ, господствуетъ и на Украйнѣ, а *хале́па* можетъ принадлежать говору, ставящему удареніе по-польски. Слово *χαλέπα безъ сомнѣнія возможно въ новогреческомъ языкѣ, но значило-бы оно, вѣроятно «непріятность, досадное обстоятельство, хлопоты». *Ха́лепа* могло сложиться и безъ этого посредства, прямо изъ χαλεπός, по аналогіи какого-нибудь синонимическаго слова, или изъ мн. ч. ср. р. χαλεπά «непріятности, докуки, хлопоты», откуда **халепа́* со мн. ч. *ха́лепы*. По значенію рѣзко выдѣляется *халяпный*, которое за то и можетъ быть другого происхожденія; ср., напр., мад. *halófél* «подобный мертвому, умирающій».

χарадрь sm. «avis genus»... <χαράδριος...». Такъ и ниже вмѣсто χαραδριός.

хе́рить, очевидно, слѣдуетъ признать не передѣлкой греческаго χειρόω, которое привлекаетъ сюда Матценауэръ, а производнымъ отъ имени буквы *хѣръ*, подобной кресту изъ двухъ линій, проводимыхъ діагонально на страницѣ для показанія недѣйствительности написаннаго.

«χероувимъ... Изъ греч. χερουβίμ; pl. отъ χερούβ». Часто, если не чаще, χερουβείμ съ ει въ значеніи ī (евр. *k̊ᵉrūbīm*).

«*химія* sf. chymia <χυμεία...». По-латыни *chemia* изъ χημεία.

«*хи́рки* pl. «руки», офенск... <χέρι «manus», pl. χέρια. Контаминаціей *хи́ри* pl. + въратн объясняется: *би́ри* pl. «руки»,

офенск. . . .». Но возможно и безъ контаминаціи; во всякомъ случаѣ ср. не только *вы-*, *за-*, *на-*, *от-*, *при-*, *у-бирáть*, но въ особенности *бúрщикъ* «вытаскивающій вещи изъ кармана жертвы, прижатой *затирщикомъ*».

«*хитонъ* sm. tunica, мр. Žel. 1038 (впервые: Проск. Арс. Сух. 157). <χιτῶνας, id. <др.-гр. χιτών». Отсюда слѣдуетъ: 1) *хитонъ* есть слово малорусское, 2) встрѣчается оно впервые у Арсенія Суханова, 3) въ малорусскій языкъ или къ этому писателю — очевидно, малорусскому — это слово проникло изъ простонароднаго греческаго языка. Таковы послѣдствія небрежной редакціи. Впрочемъ это слово ровно столько-же малорусское, сколько великорусское или бѣлорусское, такъ какъ всѣмъ Русскимъ оно стало извѣстно изъ Евангелія, въ греческомъ подлинникѣ котораго, конечно, не χιτῶνας, а χιτών.

«*хламúда* sf. «Kaisermantel, Königsmantel», Žel. 1039; <ст.-сл. хламүда. (Остр. Ев. 198 β, γ, δ) <χλαμύδα». Съ этимъ словомъ дѣло обстоитъ такъ-же, какъ съ предыдущимъ. Потому нужна здѣсь только др.-гр. χλαμύς, которое и не упомянуто.

«*ховрóнья* sf. sus . . . <Φεβρωνία . . . [1]) — путемъ контаминаціи съ ср.-греч. γουρώνι, pl. γουρώνια, «sus» . . . Мое предположеніе о заимствованіи слова изъ греч. языка оправдывается тѣмъ, что и позднѣйшее греч. γουρούνι [2]), «sus» проникло въ русскій языкъ въ видѣ *хрýнья* . . .; *хрýнь* . . ., *хрюня* . . .». Эта этимологія слова *ховрóнья* въ смыслѣ «свинья» можетъ служить образчикомъ остроумія автора. Тѣмъ менѣе она нуждается въ какомъ-бы то ни-было оправданіи, не только въ такомъ, какое онъ привелъ, не оправдывающемъ ничего, потому что позднѣйшее заимствованіе слова не доказываетъ его заимствованія также въ болѣе раннюю эпоху, при иныхъ условіяхъ. Сверхъ того для этого позднѣйшаго заимствованія слѣдуетъ принять въ расчетъ звукоподражательное *хрю* или, въ говорахъ, не смягчающихъ *р*, *хру*, и образованія въ родѣ *нюня*, *фýня* отъ *ню* и *фу* и, можетъ быть собственное имя *Грýня*, уменьшительное отъ *Агриппúна* — *Аграфéна*.

Въ примѣчаніи 1) вмѣсто «*хïвря*» читай: *хïвря*, а съ приведеннымъ въ примѣчаніи 2) офенскимъ *кúрха* «свинья» сравни съ одной стороны греческое χοῖρος «свинья», съ другой—офенское-же могилевское *кирга* (фонет. = *кірɣа*) «рука» (подъ *хи́рки*).

«*хóрья* ‹ *хóйра* . . .». Наоборотъ, потому что то и другое, какъ показываетъ авторъ, «изъ греч. χωριό, «село» ‹ χωρίον . . .». Перестановка звуковъ *р* и *ɪ̯* едва-ли русская.

Архангельское *хруль* «носачъ» восходитъ, конечно, не къ «γρύλλις: γρύλλιος, «sus», въ чемъ сомнѣвается и самъ авторъ, а скорѣе къ какому-нибудь старо-скандинавскому слову съ *hr* въ началѣ, какъ *hriota* «храпѣть» и т. п.

«**хоусарии** sm. «nauta, corsarius», Чуд. Ник. Мирл. 42, рядомъ съ **хоусаръ** sm. pirata, Хож. Дан. 91. ‹ мадяр. *huszár* ‹ греч. κουρσάριος . . . Заимствованіе изъ нѣм. *husar* › *гусаръ* . . .». Форма **хоусарии** не связывается непосредственно ни съ мадярскимъ словомъ, ни съ греческимъ, а предполагаетъ латинизацію перваго — **hus(s)arius* (которая, можетъ быть, гдѣ-нибудь и встрѣчается). Но каково отношеніе слова *huszár* къ κουρσάριος? и почему Мадяры заимствовали греческую передѣлку латинскаго *cursarius* (отъ *cursus* «бѣгъ, набѣгъ, наѣздъ»), а не латинскій первообразъ, хотя культура шла къ нимъ съ запада, а не съ юга? Впрочемъ и съ *cursarius* или съ его романскими отраженіями можно соединить *huszár* прямо только въ томъ случаѣ, если будетъ доказана вѣроятность измѣненія *c* (= *k*) въ *h* въ мадярскомъ словѣ, заимствованномъ изъ другого языка. Въ словахъ обще-финскихъ эта замѣна не подлежитъ сомнѣнію: суоми *kala* «рыба», *kuolee* «умираетъ», *kolme* «три», *kota* «домъ»— мад. *hal*, *hal*, *három*, *ház*, и т. п. Что же касается заимствованій, сюда, можетъ быть, подойдутъ слѣдующіе примѣры: *hab* «пѣна»—тур. *кубук* (но въ болѣе короткомъ видѣ), *had* «война»— кельтск. *katu*—, *hajó* «корабль» — тур. *kajyk* «лодка», *hajt* «сгибаетъ, поворачиваетъ» — тур. *kajm-mak* «возвращаться», *homok* «песокъ» — тур. *кум*, *hordó* «бочка» — тур. *kaptak* «чехолъ, вмѣстилище», *horgany* «цинкъ»—тур. *курɣа-шын* «свинецъ», *hurkol*

«опоясывается» — тур. *кур* «поясъ». Примѣры пропуска *r* въ мадярскомъ языкѣ мнѣ извѣстны только передъ шипящими: *hás* при *hárs* «липа», *kocsma* при *korcsma* «корчма». Нѣмецкое происхожденіе нашего *гусáръ* сомнительно уже потому, что *s* между гласными звучитъ по-нѣмецки какъ *з*. Гусарскіе полки формировались у насъ при Елисаветѣ Петровнѣ, большею частью изъ казачьихъ, по венгерскому образцу инструкторами изъ австрійскихъ Сербовъ и, вѣроятно, изъ Мадяръ. Отсюда *венгéрка* «полукафтанье со стоячимъ воротникомъ и шнурами на груди» (перешедшая отъ гусаръ и къ штатскимъ), *доломáнъ* или *дóлманъ* «такое-же полукафтанье, но короче и съ бóльшимъ количествомъ нагрудныхъ шнуровъ» — мад. *dolmány*, *мéнтикъ* «родъ доломана съ мѣхомъ, носимый въ накидку на лѣвомъ плечѣ» — мад. *mente*, *тáшка* «висящій на двухъ тесьмахъ карманъ» — мад. *táska*, *витишкéтъ* «свободно висящій шнуръ отъ кивера къ наплечному шнуру» — мад. *vitéz— kötet* (? слово мнѣ неизвѣстное, но вполнѣ возможное) и возглашавшееся на гусарскихъ пирушкахъ *теремтетé*—мад. —*teremtőt* «Творца» (вин. п.) или *teremtődet* «Творца твоего» въ зависимости отъ умалчиваемаго глагола. Что̀ касается перевода поясняемаго слова, онъ подлежитъ исправленію въ «nauta cursarius» (= pirata).

«*циганъ*... мр...., *цыгáнъ*, *цыганъ* (»*цыганъ?*«)... бѣлорусск.... Отсюда: *цыгáнить* v. 1) выпрашивать, выманивать..., 2) мѣнять съ барышомъ..., *цигáнити* v. 1) schwindeln, betrügen, 2) sich als Zigeuner verkleiden u. auf Diebstahl ausgehen», мр.... <τσίγανος... <ἀθίγγανος, «hereticus»...». Читай: haereticus. Не сказано, что *цыгáнъ* и по-великорусски. *Цыгáнить* значитъ также «передразнивать», а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Украйны *цигáнити* говорится объ отцахъ новоженовъ и ихъ старшихъ родственникахъ, когда они послѣ свадьбы разъѣзжаютъ по другимъ родственникамъ и угощаются у нихъ.

Чагáнъ «artemisia annua» едва-ли отъ осм. *чаӡанос* «морской ракъ», потому что 1) между травой въ родѣ полыни и ракомъ трудно найти какое-нибудь сходство, 2) *чаӡанос* есть слово осман-

ское, неизвѣстное другимъ Туркамъ, а наши культурныя сношенія съ Османцами были сравнительно ничтожны, 3) *—ос* въ турецкомъ словѣ не отпало-бы, такъ какъ повторяется во всѣхъ падежахъ: род. *чаҕаносун*, дат. *чаҕаноса*, вин. *чаҕаносу* и т. д. Можетъ быть, для объясненія русскаго слова пригодится монгольское *чаҕан (цаҕан)* «бѣлый».

«*чала́пати, челепати* v. «waten, sich mit Mühe fort bewegen», мр. Žel. 1063. Это, опять неясное слово, я, колеблясь, сопоставляю съ греч. τσαλαπατῶ, «trete mit Füssen», что G. Meyer, Alb. Wb. 443 считаетъ заимствованіемъ изъ осм. *čala*, «en frappant» (изъ *čalmak*, «schlagen») + πατῶ. Но звукъ *č* русскаго слова заставляетъ скорѣе считать его прямо турецкимъ». Вѣрна-ли этимологія Густава Мейера, еще вопросъ, такъ какъ *чала*, дѣепричастіе отъ (а не «изъ») *чалмаk*, употребляется почти только въ повтореніи — *чала-чала* «постоянно или постепенно ударяя» — или передъ вспомогательными глаголами *bilмек* «знать» и *вермек* «давать» — *чала́-bilмек* «мочь ударить», *чала́-вермек* «разомъ ударить», и надобно еще показать примѣры такихъ турецкихъ дѣепричастій съ греческими глаголами. О заимствованіи слова *чала́пати*, особенно при *челепати* (удареніе не показано), прямо съ турецкаго *чалмаk* нельзя думать по отсутствію производственнаго *—ап* — въ славянскихъ языкахъ, и, конечно, ужь не *ч* на ряду съ *ц* ведетъ насъ къ этому источнику. Съ перваго взгляда *чала́пати* напоминаетъ образованіемъ *цара́пать*. Но уже Горяевъ (если онъ не воспользовался чьимъ-либо чужимъ указаніемъ) сопоставилъ это слово съ нѣм. (нижн.) *schrappen* = kratzen. Какъ при польск. *całun* «покровъ» есть чеш. *čaloun* — то и другое изъ ср.-в.-н. *schalûne* «шалонская (изъ Châlon) ткань», такъ и при *цара́пать* есть *чаря́пать*, котораго *ч* можетъ быть не только не таково, какъ въ *чепь* — *цѣпь*, но и не тождественно съ діалектическимъ *ч* = *ц*, а представлять собою, на ряду съ *ц*, отраженіе нѣмецкаго *sch* въ стадіи *ś'χ* и *š'χ* на пути отъ *sk* черезъ *sχ* (ср. англо-сакс. *scrĕpan*, голл. *schrabben*—фонет.=*схра́ббън*—«цара-

пать», откуда — хоть не прямо — бѣлор. *скрáбаць*, великор. *скря́бать*, малор. *шкрáбати*, чеш. *škrábati*, польск. *skrobać*) къ позднѣйшему нѣмецкому *sch* = *š*. Восходитъ-ли къ *sch* = *šχ* — *š'χ* чеш. *cvál*, *cval*, польск. *cwał* или *czwał* «скокъ, галопъ», нельзя рѣшить, пока не выяснено происхожденіе этого слова. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что *чалáпати* едва-ли можно на-чисто отдѣлить отъ малорусскаго-же *чвалáти* «плестись», семасіологическая связь котораго съ упомянутымъ чешскимъ и польскимъ словомъ не представляла-бы особенныхъ затрудненій, если-бы оказалось, что послѣднее происходитъ отъ ср.-в.-н. *zuo allen sc. vieren vuezen «на всѣхъ четырехъ ногахъ» (ср. zu Fuss «пѣшкомъ»): если животное пускается «со всѣхъ четырехъ ногъ», оно бѣжитъ быстро, если-же человѣкъ пробирается «на четверенькахъ», онъ движется впередъ медленно. *Челепати* при *чалáпати* наводитъ на мысль о контаминаціи съ глаголомъ *шлёпать* (въ смыслѣ «идти съ трудомъ, всплескивая ногами грязь или воду») или, если этотъ процессъ совершился раньше, — съ нѣмецкимъ *(sich) schleppen* «тащить(ся»). То-же соединеніе можетъ оказаться и въ малорусскомъ *пришелéповатый* «придурковатый» при сопоставленіи его съ чешскимъ *šarapata* «рухлядь» (ср. польск. *szarpać*, малор. *шáрпати* «рвать клочьями» — нѣм. *scharben* «крошить», англос. *sceorpan* «царапать» и т. п.), но и «дуракъ, олухъ». То-же слово у Мазуровъ Сѣдлецкой губерніи въ пословицѣ «Nie tak láta, jak sarapata» (краковскій Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj. Tom. VIII. II стр. 321), но съ другимъ значеніемъ — можетъ быть, бѣды, непріятности. Особенно важно для объясненія слова *чалáпати* чеш. *šlapati*, польск. *szłapać* «тяжело или медленно ступать» отъ нѣм. *Schlappe* «шлёпанецъ, туфель безъ задка».

Подъ «*черешня*» (читай: *черéшня*) къ предположенному авторомъ *чєрша прибавь русск. *черéшина* (если здѣсь не диссимиляція) и болг. *црѣша* (у него цр҄ѣша изъ «Аѳ. Гора 23») или *черѣша*, гдѣ относительно *е* между *ч* и *р* и относительно *ц* изъ *ч* передъ *р* (какъ у Сербовъ) ср. *чéрен* и *црѣн* — чрѣнъ, *чередá* —

чрѣда, *че́реп* и *цръп* — чрѣпъ, *черѣсло* и *цръсло* «сошникъ» — р. *чересло́* (др.-болг. мн. чрѣсла въ другомъ значеніи). Но напрасно авторъ какъ будто считаетъ образованіе съ *—ня* только русскимъ: оно свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ кромѣ древне-болгарскаго («старо-славянскаго»), гдѣ, впрочемъ, не засвидѣтельствовано, можетъ быть, случайно. По-мадярски *cseresnye* (фонет.=*čerešńe*, но пишется не «čerešnye»), а заимствовано оно едва-ли у Русскихъ.

«Ϋоупро... <Κύπριος... А не Κυπριανός?

«*чуту́ра* sf. *чуто́ра*, «hölzerne Flasche», мр. <рум. *čiutură* <**kiutй* <др.-гр. κύτος... Сюда-же: мр. *чи̂тура* sf. «Blechbüchse»..., мадяр. *čutora*...» По-румынски *ciutură*, фонетически=*чу́туръ*. По-мадярски *csutora*, фонетически=*чу́торȧ*. Въ «**kiutй*» *i*, очевидно, не кратко, а, такъ сказать, негласно, т. е. *ɩ*, если — что̀ вѣрнѣе — не служитъ простымъ знакомъ смягченія (ср. скютомъ изъ σκυτοτόμος). Вмѣсто *чи̂ту́ра*», вѣроятно, слѣдуетъ читать: *чи̂ту́ра*. Образованіе на *—ură* (не *—úră*, что̀ существенно) объясняется, по видимому, такъ: отъ **čútй*, смѣнившаго собою **kɩútй*, множественное было **čúturi;* отсюда *čútură (ciutură)*, какъ изъ *rámuri* «вѣтви, оленьи рога», мн. ч. отъ *rám(u)* «вѣтвь, сукъ», — *rámura* «вѣтка». Впрочемъ Бернекеръ остановился на нѣсколько иной этимологіи румынскаго слова, указывая на итальянское *ciótola* «глиняный стаканъ» изъ **cytula* — въ концѣ концевъ отъ того-же κύτος, и противъ этого было-бы трудно что-нибудь возразить, если-бы не странность соотношенія *cy—* и *cio—*: **cytula* не могло удержать *y* = *ü* и должно было обратиться или въ *cu—*, откуда **cótola*, или въ *ci—*, откуда **cítola*. Словѣнское *čútara* «плоская баклажка, фляжка», забытое авторомъ, но значащееся у Бернекера, восходитъ, вѣроятно, къ мад. *csutora*, откуда и малорусское *чуто́ра* съ удареніемъ по *чуту́ра*, которое само изъ *нату́ра*, *хвідýра*, *мацапýра* и т. п.

«*явлю́да* sf. «корова», офенск.... *улю́да*..., *алю́да*, *явлюда*...; *галю́дъ*, «быкъ», *галю́да*, «корова», Дорогобужъ... <ἀγελάδα. Фонетическая сторона остается не выясненной». Послѣднее за-

мѣчаніе до такой степени вѣрно, что предшествующая ему этимологія кажется основанной не столько на звукахъ, сколько на смыслѣ (такъ какъ *ἀγελάδα* значитъ «корова», чего авторъ не сказалъ). Кромѣ различія въ наставкѣ, носящей при томъ удареніе, удивляетъ читателя и довольно стойкое *в* русскихъ формъ въ противоположность греческому γε = *je*. Потому приходитъ въ голову предположеніе, что офенское первоначальное **авлы́да* (ср. *явлы́да* и смол. *галы́да*, т. е., фонетически ɣ*алы́да*, при *алы́да*) заимствовано не изъ общепонятнаго греческаго языка, а изъ условнаго-же, въ которомъ *ἀγελάδα* замѣнялось искусственнымъ **αὐλίδα* отъ слова *αὐλή* «дворъ», куда коровы загоняются на ночь, удобнѣйшее время для воровства, тогда какъ днемъ онѣ ходятъ въ стадѣ, *ἀγέλη*, на глазахъ у настуха. Предположенная основная офенская форма отчасти подтверждается слѣдующимъ ниже также офенскимъ *я́ласть*, *га́лость* и т. п. «соль» изъ *ἅλας* (по выговору — безъ густого дыханія, котораго нѣтъ въ новогреческомъ языкѣ). Правда, авторъ замѣчаетъ при этомъ словѣ: «Неясна только причина существованія въ началѣ слова *j* и *г*» (что̀ онъ могъ-бы замѣтить уже при *явлы́да* — *галы́да*). Но эта двойственность начала указываетъ на основное **а́лась*, котораго *а*—, несвойственное русскому языку, и устранялось различными способами, смотря по нарѣчію говорящаго.

«*якорь* sm. ancora, <ꙗкорь, <др.-шведск. *ankari* <лат. *ancora* <греч. ἄγκυρα... Изъ русск. ꙗкорь> латышск. *enkurs*, лит. *iñkoras*, *iñkaras*, см. Berneker 29». Но Бернекеръ осторожнѣе: онъ лишь предполагаетъ «**ękorъ*», подтверждая эту форму ссылкой на балтійскіе языки, заимствовавшіе ее, однако онъ не называетъ ее прямо русскою. Написанная церковно-славянскими буквами, эта форма будетъ имѣть видъ ꙗкорь, и въ такомъ видѣ она, точно, встрѣчается въ русскихъ памятникахъ, но съ тѣмъ-же звуковымъ значеніемъ, какъ ѭкорь. Потому балтійскія формы не могутъ происходить отъ этого ꙗкорь. Невѣроятно это и по той причинѣ, что онѣ предполагаютъ первообразъ на —ъ. Навязывается вопросъ, не было-ли у нѣкоторой части Славянъ, еще не

подѣлившихся окончательно на исторически извѣстныя племена, двухъ однозначащихъ словъ—*ѧкорь изъ сканд. *ankari* и *ѧкоръ изъ др.-в.-н. *ankar*.

Въ «Дополненіяхъ и поправкахъ» подаютъ поводъ къ замѣчаніямъ слѣдующія мѣста.

Къ стр. 10 (на стр. 232) «**rogъ*» въ качествѣ общеславянской формы есть, вѣроятно, опечатка вмѣсто **rorgъ*.

Къ стр. 18, строкѣ 17 слѣд.: «Къ литературѣ о Κοινή прибавлю еще статью Корша, Мысли о происхожденіи новогреческаго языка, Одесса 1896, стр. 1—16, который большое значеніе въ образованіи эллинистическаго языка придаетъ бэотійскому нарѣчію». Держась критическихъ формулъ автора, я могъ-бы сказать по поводу этой передачи моего мнѣнія: «Неточно Фасмеръ»: на бэотійское нарѣчіе я указывалъ лишь какъ на такое, въ которомъ впервые представляются намъ черты позднѣйшаго вокализма, зародившагося, какъ мнѣ кажется, въ сѣверной Греціи, при чемъ однако первое мѣсто въ образованіи «общаго» языка я, подобно всѣмъ новѣйшимъ изслѣдователямъ, отводилъ аттическому нарѣчію. Послѣднее признаетъ, конечно, и авторъ, но, какъ здѣсь, такъ и въ «Положеніи» 7, подчеркиваетъ вліяніе іоническаго нарѣчія, приписывая именно ему на первый разъ («объ этомъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ») введеніе сочетаній σσ и ρσ вмѣсто аттическихъ ττ и ρρ. Такъ какъ и σσ и ρσ свойственны нѣкоторымъ другимъ нарѣчіямъ, весьма любопытно узнать причины, побудившія такого знатока дѣла, какъ М. Р. Фасмеръ, признать источникомъ этихъ сочетаній въ κοινή только іоническое нарѣчіе. Теперь къ русской библіографіи по κοινή можно прибавить основательное изслѣдованіе профессора С. И. Соболевскаго въ Энциклопедіи богословскихъ наукъ.

Къ стр. 22, примѣч. 1) исправлено «Κοδράνης» въ «Κοδράντης». Изъ этой формы Шульце выводитъ русское *Кондрáтъ* посредствомъ вторичной назализаціи, но какъ именно, изъ словъ автора невидно. Подлинная форма этого имени—*Кодратъ*, по-гречески—

Κοδρᾶτος съ латинскаго *Quadratus*, а *н* попало въ него, вѣроятно, изъ нѣмецкаго *Konrad*.

Къ стр. 30, примѣч. 3) авторъ подтверждаетъ предложенное тамъ производство офенскаго *мелюсъ* «медъ» изъ готскаго *miliþ* (здѣсь «*meliþ*») тѣмъ соображеніемъ, что это можетъ быть «заимствованіе изъ языка *крымскихъ готовъ*», изъ котораго онъ выводитъ найденное имъ въ русско-нѣмецкомъ словарѣ Павловскаго *хайта* «weite, schlotternde kleidung», «что изъ *hêta*, «kleid», можетъ быть, путемъ контаминаціи съ *paida*, «Rock»». Для доказательства такого неожиданнаго факта, какъ участіе Готовъ, хотя-бы и крымскихъ, въ созданіи языка нашихъ офеней и воровъ, нужны данныя, болѣе вѣскія. Ср. съ одной стороны мад. *hajték* «складка», съ другой—рум. *háina* «одежда». Офенскія *мелюсъ*, *емеля*, *имелька* и т. п. безопаснѣе связать съ греч. μέλι «медъ» и, можетъ быть, съ μέλισσα «пчела».

Къ стр. 76 названіе растенія erythronium dens canis авторъ не признаетъ заимствованнымъ съ алтайскаго *кандык*, которое, по его мнѣнію, «скорѣе слѣдуетъ считать заимствованнымъ изъ русскаго языка». Это было-бы возможно въ томъ случаѣ, если-бы алтайскіе Турки узнали это растеніе отъ Русскихъ; для родной флоры у нихъ были, конечно, свои названія. Поймемъ-ли мы *кандык* какъ нѣчто кровавое (**кан-лык)* или какъ подобное крови (*кáн-дык)*, такое названіе краснаго цвѣтка нельзя не признать вполнѣ подходящимъ.

Къ стр. 200 дополнено «*таусиный* adj. павлинный... отъ *таусъ*, «павлинъ» <греч. ταώς, id....». А по-арабски и оттуда по-персидски и по-турецки *тāус*. Относительно значенія этого прилагательнаго «синій» ср. пѣсенное бѣлорусское *пава размавистая*, если только *размавистый* отъ турецкаго *мас-мавi* «совсѣмъ синій, синехонькій».

И такъ новый трудъ нашего молодого, но уже извѣстнаго византиниста далъ поводъ ко многимъ замѣчаніямъ и даже возраженіямъ какъ общаго характера, такъ и частнаго. Но этотъ фактъ свидѣтельствуетъ не только о наличности нѣкоторыхъ не-

достатковъ въ книгѣ, а и объ ея содержательности и научномъ интересѣ. Заслуга автора велика и будетъ, безъ сомнѣнія, оцѣнена всѣми славистами, а также историками русской культуры. Изучая этотъ плодъ основательныхъ, разностороннихъ и съ любовью и умѣніемъ исполненныхъ работъ, невольно хочется принять въ немъ посильное участіе, и читатель этой рецензіи, вѣроятно, понялъ, что многія мѣста ея вызваны желаніемъ двинуть поднятые авторомъ книги вопросы хоть нѣсколько дальше, а вся оцѣнка въ цѣломъ внушена стараніемъ объ усовершенствованіи такъ успѣшно начатаго труда. Его слабыя стороны объясняются въ значительной мѣрѣ поспѣшностью. сказавшеюся прежде всего въ формѣ, во внѣшнихъ частностяхъ, которыя въ рецензіи изрѣдка указаны словами, а иногда отмѣчены простой выпиской отдѣльныхъ мѣстъ съ сохраненіемъ всѣхъ мелочей до знаковъ препинанія включительно.

Какъ бы то ни было, несмотря на отмѣченные выше недостатки, отчасти неизбѣжные при неразработанности предмета, трудъ г. Фасмера отличается такими крупными достоинствами, что несомнѣнно заслуживаетъ полной преміи Михельсона.

ОПЕЧАТКА.

На стр. 51-й, 2-я стр. снизу: вмѣсто кононическаго, читай каноническаго.

Ѳ. Е. Коршъ.

О РУССКОМЪ ПРАВОПИСАНІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1902.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май 1902 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VII (1902), кн. 1, стран. 39 — 94.

О русскомъ правописаніи.

Изъ-за вопроса объ упрощеніи русскаго правописанія, поднятаго московскимъ педагогическимъ обществомъ, идетъ довольно ожесточенная борьба между консерваторами и реформаторами, и въ глазахъ публики, мало призванной къ рѣшенію этого спора, да и едва-ли горячо имъ интересующейся, «то сей, то оный на бокъ гнется»; а кто изъ нихъ правъ? сочувствіе большинства читателей къ той или другой сторонѣ обусловливается причинами болѣе или менѣе субъективными: одни, твердо усвоившіе себѣ школьныя правила о буквѣ *ѣ*, смотрятъ на нее, какъ на палладіумъ цивилизаціи и въ написаніи «седло» или «цвелъ» видятъ вторженіе варварства, а другіе, не столь памятливые или болѣе склонные къ писанью безо всякихъ стѣсненій, какъ попало, рады всякой реформѣ, которая сниметъ съ нихъ ненужныя, по ихъ мнѣнію, путы. И то и другое основано на прискорбномъ недоразумѣніи, зависящемъ отъ того, что читатели-сторонники того и другого направленія одинаково мало вдумывались въ вопросы, что̀ такое правописаніе, и каково оно у насъ. Въ чемъ состоитъ недоразумѣніе поборниковъ такъ называемаго общепринятаго правописанія (хотя таковыхъ, говоря строго, у насъ нѣтъ), выяснено вполнѣ удовлетворительно ихъ противниками, реформаторами, напр. проф. Брандтомъ въ «Филологическихъ Запискахъ» и г. Сакулинымъ въ «Курьерѣ» за истекшій годъ, изъ которыхъ первый показалъ на примѣрахъ ненаучность и непо-

слѣдовательность нашего обычнаго правописанія, а второй очень убѣдительно выставилъ законность попытокъ къ созданію новой орѳографической системы, значительно упрощенной, приведенной къ единообразію и сближенной съ современнымъ произношеніемъ. Если они, при всѣхъ достоинствахъ разсужденій, посвященныхъ ими этому, можно сказать, животрепещущему вопросу, не успѣли склонить на свою сторону большинство представителей нашей школы и литературы, то въ этомъ виновата неясность того принципа, на которомъ они и ихъ единомышленники собираются основать новое правописаніе. Въ самомъ дѣлѣ — что это за принципъ? Хотятъ-ли они приблизить нашу орѳографію къ живому выговору или прямо построить ее на немъ? Приближеніе къ выговору было и прежде, когда напр., считая въ род. пад. ед. ч. муж. и ср. рода прилагательныхъ единственно правильнымъ окончаніе *-аго* (иначе зачѣмъ было и требовать его?), нѣкоторые смѣльчаки разрѣшали себѣ и даже другимъ писать *слѣпого*, *хромого*, *косого* и т. п. Но приближеніе не можетъ служить принципомъ, потому что это — понятіе относительное: приблизить значитъ придвинуть или уподобить до нѣкоторой степени, а до какой — неизвѣстно. Другое дѣло — построить правописаніе на произношеніи; а этого можно достичь вполнѣ лишь такимъ образомъ, чтобы слова такъ-таки и писались, какъ выговариваются. Такое правописаніе мы находимъ у большей части Романцевъ (у Итальянцевъ, Испанцевъ, теперь и у Румынъ), у нѣкоторыхъ Славянъ (Чеховъ, Сербовъ, Хорватовъ, Лужичанъ, Малороссовъ, возьмемъ-ли признанную у насъ почему-то неблагонадежной «кулішівку» или разрѣшенную нашей цензурой азбуку съ *ы*, но безъ *і*), у Калмыковъ (не по невѣжеству, а сознательно, какъ видно изъ фонетическаго написанія тибетскихъ словъ, употребляемаго тѣми-же ламами, которые часто обладаютъ превосходнымъ знаніемъ тибетскаго языка). Но для установки правописанія на чисто фонетической основѣ необходима наличность общепризнаннаго образцоваго произношенія. При малыхъ размѣрахъ территоріи, занимаемой даннымъ

языкомъ, и при однородности ея населенія единство выговора дается само по себѣ, безъ вмѣшательства ученыхъ. Другое условіе единаго произношенія, принятаго уже болѣе или менѣе условно, есть малочисленность грамотныхъ людей и замкнутость ихъ кружка въ видѣ какъ-бы касты ученыхъ. Третье условіе, съ перваго взгляда невѣроятное, но подтверждаемое многими примѣрами, это — крайняя діалектическая рознь, какъ напр. въ областяхъ языковъ италья нскаго или ново-греческаго. Если Пьемонтецъ не пойметъ Сицилійца, а «Семиостровникъ» (Ἑπτανήσιος, уроженецъ Іоническихъ острововъ) — Трапезунтянина иначе, какъ при помощи литературнаго языка, естественно, что, объясняясь другъ съ другомъ на этомъ языкѣ, условно общемъ обѣимъ сторонамъ, говорящіе должны держаться и условно общаго произношенія, присвоеннаго этому условному языку. Пусть онъ въ основѣ представляетъ собою одно изъ живыхъ нарѣчій даннаго языка, какъ напр. книжный языкъ итальянскій—тосканское нарѣчіе, но это только въ основѣ, а въ полномъ своемъ объемѣ онъ является смѣсью разныхъ нарѣчій и говоровъ и элементовъ искусственныхъ, отчасти иноязычныхъ, внесенныхъ общеевропейскою культурой. Между прочимъ и произношеніе литературнаго итальянскаго языка теперь уже не тосканское, а римское, но не совсѣмъ то, какое слышится въ деревняхъ Римской Кампаньи и Албанскихъ горъ. И такъ итальянскій литературный языкъ есть для всякаго Итальянца, не исключая Тосканца, языкъ въ извѣстномъ смыслѣ чужой, какъ по грамматическому и лексикальному составу, такъ и по произношенію, хотя послѣднему можно научиться лучше всего въ Римѣ или, пожалуй, въ Синигальи, говоръ которой считается вообще лучшимъ — lingua toscana in bocca romana; но что такое Синигалья или даже самъ «вѣчный городъ» сравнительно со всей Италіей, самостоятельной вмѣстѣ съ irredenta? Всякій Неаполитанецъ, Романьйолъ, Сардинецъ и т. д. долженъ обучаться книжному выговору приблизительно такъ-же, какъ французскому или испанскому. Мудрено-ли при такихъ условіяхъ, что этотъ выговоръ — одинъ для всѣхъ,

по крайней мѣрѣ, въ идеалѣ? У насъ, не смотря на громадность территоріи, неграмотный Бѣломоръ можетъ пройти со своимъ нарѣчіемъ до Каспійскаго моря и Смоленецъ — до Камчатки, и при такомъ однообразіи языка литературное нарѣчіе основано на серединномъ говорѣ, московскомъ; кому-же изо всѣхъ Великороссовъ оно такъ-же чуждо, какъ литературное итальянское — Ломбардцу или литературное нѣмецкое — Швабу? Къ тому-же съ легкой руки Пушкина наша письменная рѣчь все болѣе и болѣе сближается съ разговорной, а въ устной бесѣдѣ, особенно нѣсколько шутливой, кое-что діалектическое легко пробивается сквозь общій литературный фонъ языка; можетъ-ли быть, чтобы эта діалектическая примѣсь не сказалась и въ выговорѣ? Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ образованный Москвичъ или Петербуржецъ не только въ частномъ разговорѣ, но даже на каѳедрѣ и на сценѣ благодушно принимаетъ черты діалектическаго произношенія, въ противоположность современному Римлянину, который готовъ освистать актера-Венеціанца за всякое, хоть сколько-нибудь рѣзкое проявленіе его мѣстнаго говора. И такъ основать русское правописаніе на литературномъ выговорѣ значитъ принять за мѣру выговоръ того или другого литературно-образованнаго человѣка, необязательный для другого литературно-образованнаго человѣка, имѣющаго приблизительно такія-же права на предъявленіе своего выговора въ качествѣ нормы. Что-же это за основаніе? Но съ другой стороны очевидно, что, если мы хотимъ разумно облегчить наше правописаніе, мы должны принять въ расчетъ то, что̀ есть общаго въ произношеніи всѣхъ литературно-образованныхъ людей, по крайней мѣрѣ, великорусскихъ, такъ какъ нашъ литературный языкъ примыкаетъ несомнѣнно къ говорамъ великорусскимъ, а не къ малорусскимъ и не къ бѣлорусскимъ, — принять въ расчетъ не какъ безусловную норму, а лишь какъ одинъ разрядъ данныхъ для установки такого правописанія, которое представляло-бы собою звуки великорусскаго языка вообще, со включеніемъ крупнѣйшихъ и характеристичнѣйшихъ его разновидностей.

Хотя и вѣрно то, что напр. *о* передъ ударяемымъ слогомъ звучитъ въ литературномъ нарѣчіи какъ чистое *а*, тѣмъ не менѣе писать *сабака* вм. *собака* значило-бы идти противъ самаго смысла литературнаго нарѣчія, какъ орудія образованія и носителя культуры національной, такъ какъ 1) такое написаніе все-таки не соотвѣтствуетъ дѣйствительному произношенію, въ которомъ гласная слѣдующаго за удареніемъ слога отлична отъ гласной первыхъ двухъ слоговъ, будучи въ словѣ *соба́ка* тождественна съ *о* въ словѣ *корабли́* или *жа́лко*, 2) — и это главное — древнее, общерусское *о* перваго, неударяемаго слога сохраняется доселѣ въ выговорѣ всей сѣверной Россіи. Въ другихъ случаяхъ изображенію того-же неударяемаго *о* буквой *а* препятствуютъ причины, болѣе осязательныя и, можно сказать, прямо практическія, а именно, когда въ угоду литературному произношенію пришлось-бы, смотря по мѣсту ударенія, писать то *о*, то *а*, какъ въ неопредѣленномъ *коло́ть* и причастіи *ко́лотъ* (гдѣ впрочемъ неударяемое *о*, какъ неударямое *а* въ *соба́ка*, не есть чистое *а*). *Ко́ротко* нельзя, конечно, назвать литературнымъ выговоромъ, но это удареніе успѣло проникнуть (чуть-ли не черезъ духовныя семинаріи) съ юга довольно далеко на сѣверъ и всегда готово къ изобличенію чрезмѣрнаго поборника звуковаго письма, который вздумалъ-бы ввести букву *а* въ первый слогъ формъ *коро́ткій* и *коро́че*, а всѣ три формы возопили-бы противъ *коротá́ть* съ тремя *а*. А такъ какъ полученному такимъ образомъ общерусскому корню *корот-* соотвѣтствуетъ въ церковно-славянскомъ односложное *крат-* и то-же отношеніе наблюдается въ *во́ронъ*, *воро́на* и *вранъ*, въ *го́родъ*, *загоро́дка* и *градъ*, въ *мо́лодъ*, *моло́же* и *младъ* и т. п., ясно, что вездѣ, гдѣ церковно-славянскому *-ра-* соотвѣтствуетъ по-русски *р* между двумя гласными, хотя-бы та или другая изъ нихъ звучала какъ чистое *а* или обѣ — какъ *о* или *а* послѣ ударенія, въ обоихъ этихъ слогахъ должно писаться *о*, и не только тамъ, гдѣ оно выясняется удареніемъ другихъ образованій отъ того-же корня, какъ въ *городи́ть* при *го́родъ* и *загоро́дка* или *огоро́женный*, но и въ такихъ, какъ *коросте́ль*,

рядомъ съ которымъ нѣтъ производныхъ, имѣющихъ удареніе на одномъ изъ *о*, а есть только церковно-славянское *крастель*. И сѣверное произношеніе вполнѣ подтверждаетъ *о* въ словахъ съ полногласіемъ. Правда, что на Сѣверѣ говорятъ и *стока́нъ* и *кона́тъ* и вообще склонны не признавать *а* передъ удареніемъ въ словахъ, неясныхъ по своему происхожденію, т. е. большею частью въ заимствованныхъ изъ другихъ языковъ; но что за бѣда, если мы ради простоты узаконимъ это *о* даже наперекоръ этимологіи въ тѣхъ-же случаяхъ, особенно если данныя слова, иноязычныя или хоть славянскія, но въ русскомъ языкѣ стоящія одиноко, давно или даже искони находятся въ общемъ употребленіи? Вѣдь это уже и случилось, можно сказать, безъ нашего вѣдома кое въ какихъ словахъ, напр. *ора́ва* (ново-греч. ἀράδα рядъ)—ужь не подъ вліяніемъ-ли глагола *орать?* Такъ мы только воскресимъ древне-русскія и согласныя съ ними на этотъ разъ церковно-славянскія написанія, соотвѣтствовавшія несомнѣнно тогдашнему живому выговору: наши предки писали *стоканъ*, раньше — *достоканъ* (не смотря на турецкій[1]) первообразъ *достака́н*, извѣстный намъ впрочемъ въ видѣ *тостаҕан* ковшъ), *козакъ* (какъ и теперь по-малорусски, хотя изъ турецкаго *kазаk* бобыль, вольный человѣкъ), *коганъ* (древнее турецкое *kаҕа́н* князь, царь, откуда по нарѣчіямъ *kаа́н*, *kан* или *хаҕа́н*, *хан*), *Боянъ* монгольское, но и древне-турецкое *баја́н* богатый, напр. по турецкому словарю, изданному П. М. Меліоранскимъ — «Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ», — также титулъ аварскихъ князей, откуда хорватское *ба̑н*, какъ у насъ *ба́ринъ* изъ *боя́ринъ*[2]) изъ монгольско-турецкаго *баја́р* вельможа[3]) — еще

1) Или, пожалуй, тюркскій, такъ какъ подъ турецкимъ языкомъ у насъ разумѣется обыкновенно османскій. Но «тюркскій» такъ противно русской фонетикѣ, что лучше расширить понятіе, присвоенное прилагательному «турецкій», которое въ сущности значитъ то-же самое, нежели чинить насиліе надъ роднымъ языкомъ.

2) Ср. въ баснѣ Крылова «Муха и дорожные»:

Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель.

3) До сихъ поръ у Тюркменъ и Сартовъ, а у Монголовъ есть, по крайней мѣрѣ, произведенный отъ *бајан* глаголъ *бајараху́* богатѣть или кичиться богат-

примѣръ *о* изъ неударяемаго *а*), *Троянъ* (по всей вѣроятности, латинское Trajanus, зашедшее къ намъ съ нижняго Дуная), *богатырь* съ род. ед. *богатыря* (персидско-монгольское *баһадур*, а у Турокъ нѣкогда и *баһатир*, судя по киргизскому *батыр*, алтайскому *пааттыр*[1]) и др.[2]). Такъ и народъ, говорившій на церковно-славянскомъ языкѣ, писалъ и, конечно, произносилъ *сотона* (греч. σατανᾶς), *олтарь* (лат. altáre), *поганъ* (лат. pagánus) и т. п., и отъ прежнихъ временъ у насъ остались, кромѣ *богатыря*, еще *фонарь* (средне-греч. φανάριν) и *пономарь* или *понамарь* (средне-греч. παραμονάρης). И такъ *стаканъ* въ нашемъ будто-бы этимологическомъ правописаніи оказывается безсознательной уступкой произношенію, какъ *Авдотья* вмѣсто *Овдотья*

ствомъ. Церковно-славянское *болярипъ* и сербское *бо̏љар* есть лишь измѣненіе того-же *бояринъ* подъ вліяніемъ слова *болiи* и отчасти, быть можетъ, также откуда-то заимствованнаго *биля* (виз. βοιλᾶς).

1) И по-чувашски *паттыр*, но чувашская форма едва-ли имѣетъ самостоятельное значеніе при алтайской, такъ какъ возможно, что чувашскій языкъ находится въ ближайшемъ родствѣ именно съ алтайскими нарѣчіями.

2) Такъ, вѣроятно, произошло и *комната* изъ лат. camināta. Посредствующимъ звеномъ могло служить древнее нѣмецкое *kámināta (средне-верхненѣм. kéменāte), откуда у Славянъ, не признававшихъ тогда двойного ударенія, подобнаго нынѣшнему чешскому, и отдавшихъ въ этомъ случаѣ предпочтеніе второстепенному вслѣдствіе совпадающей съ нимъ долготы, должна была получиться *комьната* (ср. словѣнское kómnata, гдѣ восходящее удареніе можетъ указывать на переносъ со слѣдующаго слога) съ законнымъ *о* изъ неударяемаго *а*. Для объясненія позднѣйшаго переноса ударенія на первый слогъ придется прибѣгнуть если не къ допущенію чешскаго посредства, которое мало вѣроятно (и въ словѣнскомъ есть čùmnata), то къ предположенію контаминаціи этого слова съ другимъ, а именно, какъ подозрѣваетъ А. А. Шахматовъ (въ частномъ сообщеніи), *čomnuša, которое онъ остроумно выводитъ путемъ сопоставленія слов. čùmnata съ русскими, сѣверными *чолмоша* перегородка въ избѣ (Холмог.), *шолныша* темное мѣсто за печкой въ видѣ комнаты (Пудож.), *шоннуша* чуланъ (Шенк.), *шомуша* или *шомыша* = шолныша (Шенк.), *чолмуша* (Холмог., Пинеж., Мезен.), *солныша* (тамъ-же), *шовныша* (Шенк.). Что это слово заимствовано изъ какого-нибудь финскаго или вообще урало-алтайскаго языка, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, и потому рѣшить, состоитъ-ли оно въ родствѣ напр. съ остяцкимъ *чумат* основаніе дома, *чумдем* строю, есть дѣло спеціалистовъ по этимъ языкамъ. Такое заимствованіе еще въ общеславянскую эпоху не было-бы единичнымъ примѣромъ. Переносомъ ударенія объясняется ударяемое *о* въ *лошадь* отъ *лоша*, род. *лошяте* (тат. *алаша* низкій, особ. малорослый конь—ср. *лошакъ*), съ неударяемой наставкой *-адь* или *-ядь* и въ *субота* (а ужь отнюдь не *суббота*, какъ мы пишемъ — црк.-слав. сѫбота отъ греч. σάβ-

(о чемъ см. ниже), *Хавро́нья* вмѣсто *Ховро́нья* (малор. уменьш. *Хі́вря*) и, вѣроятно, *лапта́* (сербское *ло̀пта*, словѣнское lȍpta мячъ — при lopúta хлопушка и lópiti хлопать, шлепать)[1]). Но *а* въ *рабо́та* (малор. *робо́та*) чуть-ли не ради слова *рабъ*, которое въ виду чисто русскихъ древняго *робичичъ* и простонароднаго *робёнокъ*, слѣдуетъ, повидимому, признать церковно-славянскимъ, и, можетъ быть, въ *лака́ть* (серб. *ло̀кати*) — только по образцу церковно-славянскаго *алкати*. Сюда-же, а не къ выговору слѣдуетъ, кажется, отнести *ладья́* (церк.-слав. *ладия*) при *ло́дка*. Но и самый изобрѣтательный грамотѣй не объяснитъ, почему пишетъ *о*, а не *а* въ *гомо́нъ*, когда глаголъ отъ того-же корня звучитъ по-малорусски *гамова́ти*, по-польски hamować, и наоборотъ *а* въ *кала́чъ*, гдѣ всѣ славянскіе языки знаютъ только *о*.

βατον по старинному выговору = *са́мбатон*) или, точвѣе, отъ множ. σάββατα (ср. у Горація sat. I, 9, 69: hodie tricesima sabbata), вѣроятно, черезъ **сѫбота́*, какъ малор. *тісно́та* изъ *тѣснота́* (удареніе по множ. *тісно́ти*), да чуть-ли и не обще-русское *робо́та* (ср. весьма употребительное въ просторѣчіи *робота́ть*). Возможно, что и мадярское oroszlan «левъ» восходитъ не прямо къ турецкому *арсла́н*, а къ слав. **оръсла́нъ* (съ *оръ-*, а не *ра-*, изъ *ар-* передъ двойной согласной). *А* вмѣсто *о* въ малор. *гаря́чий*, *хазя́ин*, *бага́то*, *ганча́р*, *нага́й* (нагайка — отъ народа ноɦáj=ногайцы), *халя́ва* (польск. cholewa), *чаба́н* (перс. *чаба̄н*), не идетъ въ сравненіе съ такимъ правописаніемъ, какъ *стаканъ*, потому что основано на обусловленномъ фонетически уподобленіи неударяемаго гласнаго звука ударяемому, отдѣленному отъ него по большей части смягченнымъ или придувнымъ согласнымъ. Фонетически оправдываются ставшія отчасти обще-русскими *каба́нъ*, *сабу́ръ*, *чаба́къ*, *каву́нъ* и др., заимствованныя уже въ то время, когда неударяемое *а* не превращалось въ *о*, культурными условіями — *кано́нъ* и *кану́нъ*, *патери́къ* и т. д. Впрочемъ уподобленіе есть, по видимому, и въ древне-русскихъ *арга́нъ* у Даніила Заточника (ὄργανον), *Яганъ* (Iohann) въ грамотѣ великаго князя Ѳедора Ростиславича 1284 г. и т. п. Нѣтъ этихъ условій въ очень древнихъ, еще спорныхъ заимствованіяхъ *сапогъ* (и церк.-сл.) и *батогъ* (также), заключающихъ въ себѣ, по видимому, то-же окончаніе, что *пирогъ*, *чертогъ*, *ковчегъ*, также темныя — судя по *касогъ* (ср. осет. *касӑɦ*), быть можетъ, иранскія. Здѣсь, какъ въ *богаты́рь* род. *бога́тыря*, въ косвенныхъ падежахъ удареніе, вѣроятно, отходило назадъ, о чемъ будетъ рѣчь въ моихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ объ удареніяхъ въ нашихъ пѣсняхъ.

1) Подозрителенъ и «*Са́янскій* хребетъ», названіе котораго сильно напоминаетъ живущихъ тамъ-же Сойотовъ. *Сојо́т* есть монгольское множ. ч. отъ *сојо́н*, а *сојо́н* — діалектическая (калмыцкая, бурятская) форма, вмѣсто которой для древняго (книжнаго) языка можно предположить форму *сојáн*. И такъ не «Соянскій»-ли?

Въ словѣ *чемода́нъ* (перс. *ҷāмăдāн*, по татарскому выговору *чама́да́н*) мы пишемъ е и *о* вмѣсто *а*, а *чакчи́ры* (тур. *чакшы́р*) является въ орѳографическомъ указателѣ Грота даже ужь не съ *е*, а съ *и* въ первомъ слогѣ. Такъ *е* вытѣснило у насъ *а* послѣ *ч* въ словѣ *чарда́къ*, которое нѣкогда такъ и писалось, съ *а*, согласно со своимъ персидско-турецкимъ первообразомъ *чардак*. На мѣстѣ *я* красуется *е* и въ славянскихъ *я́стребъ* (въ Русской Правдѣ ѧстрѧбъ, чешск. jestřáb, польск. jastrząb, малор. *я́струб* — очевидно, изъ двоякой формы jástrębъ и jastrąbъ), *тетива́* (польск. cięciwa)[1]). Объ *едука́рь* см. ниже. Наоборотъ *кляну́* вмѣсто *клену́* (црк.-слав. *кльнѫ*). Впрочемъ о смѣшеніи *е* и *я* въ нашемъ правописаніи замѣчено лишь мимоходомъ, послѣ чего «на предняя возвратимся». И такъ мы путаемъ на письмѣ *о* и *а*, и наше будто-бы грамотное написаніе *стаканъ* съ русской точки зрѣнія не менѣе ошибочно, чѣмъ выше упомянутыя, столь дорогія нашимъ грамотникамъ *сѣдло* (црк.-слав. *седьло*, польск. siodło, сербск. *сѐдло* и т. д.) и *цвѣсти* (црк.-слав. *цвьсти*) — даже съ общеславянской. Такимъ образомъ *сёдла* и *цвёлъ* явились въ нашемъ выговорѣ не даромъ. Но тѣ самые грамотѣи, которые будто-бы во имя науки, а на самомъ дѣлѣ словно на зло ей распинаются за *сѣдла* и *цвѣлъ*, какъ съ другой стороны — за *мелкій* (црк.-слав. *мьлъкъ*, польск. miałki), *блескъ* (польск. blask), *трескъ* (польск. trzask), *плескъ* (польск. plask), *ночлегъ* (црк.-слав. *нощьлѣгъ*, малор. *ночлі́г*), пишутъ *дремать*, *ведро*, забывъ или просто не зная, что первое есть малор. *дрімáти*, сербск. *дриjѐмати*, словѣнск. drẹmati, болг. *дрѣ́мѫ* (и, можетъ быть, чешск. dřímati, если въ немъ не *і*, какъ въ польскомъ drzymać), а второе — црк.-слав. *вѣдро*, малор. *відро́*, польск. wiadro, чешск. vědro, сербск. *вjѐдро* (хоть чаще *вѐдро*), словѣнск. vẹdro, и въ доказательство правописанія съ *е* ссылаются на многократный видъ *подрёмывать* и на множ. *вёдра*. И они правы,

1) *Ска́редъ, скарядъ* или *скарѣдъ?* ср. польск. szkarada, szkaradny, чешск. škaradý, но и škaredý или škaředý, какъ и въ русскомъ изводѣ устава Ѳеодора Студійскаго: «съзывающе нѣкы скарѣдныѧ пьꙗница».

только не со своей, лже-этимологической, точки зрѣнія; но, становясь такимъ образомъ уже на почву живого великорусскаго языка, мы, очевидно, должны, безъ вниманія къ общеславянской этимологіи, писать и *гнездо* (ср. *гнёзда*, хотя црк.-слав. *гнѣздо*, малор. *гнiздо*, польск. *gniazdo* и пр.), *медведь* (ср. *медвёдка*, и даже малор. *ведмедя*, *ведмедю* и т. д. при имен. ед. *ведмiдь*), *пріобретать* (ср. *пріобрелъ*), *зевать* (ср. *позёвывать*, а *зѣвъ* есть слово црк.-слав. и къ тому-же выговаривается иногда съ *ё*). А какъ быть со словомъ *звѣздá*, отъ котораго множ. ч. звучитъ и *звѣ́зды* и *звёзды*, уменьшительное — и *звѣздочка* и *звёздочка*? что дѣлать съ глаголомъ *дѣвáть*, *дѣть*, отъ котораго прошедшее — *дѣлъ*, а производное — *пóддёвка*? какъ писать діалектическое, но широко распространенное *бёгъ* вмѣсто *бѣжалъ*? предать-ли грамматической анаѳемѣ правописаніе фамилій *Лёвшинъ* и *Неёловъ* (если послѣдняя въ самомъ дѣлѣ отъ *не ѣлъ*)? Во избѣжаніе такихъ и другихъ затрудненій съ буквой *ѣ* реформаторы предлагаютъ ее выкинуть, установивъ притомъ послѣдовательное употребленіе знака *ё*, и писать напр. *гнездо*, *гнёзда*. Это очень удобно относительно однообразія: въ разныхъ формахъ корня, какъ бы ни звучало его первоначальное *е* (или *ѣ*), удерживается та-же буква *е* съ тою лишь разницей, что иногда надъ нею ставятся точки, а иногда ихъ нѣтъ. Потребность однообразія въ подобныхъ случаяхъ такъ настоятельна, что и самые фанатическіе грамотѣи пишутъ напр. *летать* вмѣсто правильнаго (для другихъ славянъ) *лѣтать* (црк.-слав. *лѣтати*, малор. *лiтати*, польск. latać, сербск. *лиjѐтати*, а у насъ не только *полётывать*, но по говорамъ — и прямо *лётать*). Такого-же однообразія легко достичь и относительно *о*, если писать, какъ покойный профессоръ Бодянскій, *пологáть* (при *полóжитъ*) и т. п., однако не всегда: напр. *вынáшивать* и *нóситъ* не допускаютъ графическаго отождествленія гласной. Невозможно оно также въ *запрёгъ* и *запря́жка*, въ *трёсъ* и *тря́ска*, въ *лебёдка* и *лебя́жій*, какъ бы мы ни писали слова *запрегáть*, *трестú* и *лéбедь* — съ произносимымъ теперь *е* или съ этимологическимъ *я* (которое въ послѣднемъ изъ этихъ словъ

не пишется теперь даже самыми отъявленными грамотѣями, а въ первыхъ двухъ корняхъ появляется нерѣдко, но уже у Державина «Оттомана ты потрёсъ» въ риомѣ съ «Веселися, храбрый Россъ»). И такъ только изъ-за зрительнаго однообразія привычный намъ *ѣ* бросать не зачѣмъ, а лучше воспользоваться имъ, какъ пользуются начертаніемъ *ё*, для показанія и звука и мѣста ударенія, т. е. въ смыслѣ ударяемаго чистаго *е*, напр. *пеку́*,— *пёкъ* — *пѣкарь*. Если кто вздумаетъ отвергнуть это предложеніе на томъ основаніи, что цѣлыхъ три выраженія первоначально одного звука есть нѣкоторая роскошь, ему можно отвѣтить, 1) что, если мы рѣшимъ ставить *ѣ* только передъ твердымъ (несмягченнымъ) звукомъ, т. е. напр. *вѣра* (по *ве́рю* и, конечно, *увере́ніе*), *сѣк* (по *се́чка*, *секу́*), и въ концѣ, какъ *женѣ*, *себѣ*, *всѣ*, то указанныя три начертанія будутъ соотвѣтствовать тремъ различнымъ звукамъ, а именно *ѣ* — открытому *е*, *е* — закрытому *е*, *ё* — мягкому *о*, т. е. слѣдующему за смягченной согласной или за *j* (какъ въ *ёлка* = *jо́лка*); 2) что трояхаго написанія корневой гласной не избѣжишь даже подъ удареніемъ въ *запре́чь* — *запрёг* — *запря́жка*, не говоря уже о четверояком, отчасти праславянскомъ различіи въ *несу́* — *нёс* — *но́сит* — *пона́шиваст*. Даже съ этимологической стороны правописаніе *пѣкарь* можно, если не вполнѣ оправдать, то, по крайней мѣрѣ, удовлетворительно объяснить ссылкой на польское piekarz, которое чуть-ли не было его первообразомъ (какъ, вѣроятно, и *склѣп* = польск. sklep, а чисто по-русски *склёп*). Этимологическое оправданіе нашли-бы себѣ и *шѣст*, *щѣпка*, *роскѣп*[1]), *крѣсло*, а еще того болѣе — *нѣкому*, *нѣгде*, *нѣкогда* = недосужно, *нѣ за чѣм* (ср. малор. *ні́кому*, *ні́де*, *ні́коли* и т. п. — съ *нѣ* изъ

---

1) Что *ѣ*, по крайней мѣрѣ, изъ *ē*, могло являться и послѣ шипящихъ, позволительно, кажется, заключить изъ самаго сохраненія звука *е* отъ перехода въ *ё* въ словахъ *шестъ* и *щепка*, а также изъ удержанія *ѣ* послѣ *j* въ словахъ *ѣсти* при *ясти*, *ѣхати* при *яхати*. *Роскѣпъ*, вѣроятно, лишь кажущійся возвратъ къ старинѣ изъ **рашчѣпъ*, *рощѣпъ* (ср. *ощѣпъ*), какъ *скéля* изъ *щéля* (*щѣля?*; ср. *щéлка*, которое въ произношеніи многихъ не измѣняетъ своего *е* въ *о*).

не е вмѣсто *не есть*, какъ въ *нѣ-ту, нѣтъ*) и церковно-славянскія *прѣдан, прѣжде, прѣдок, трѣзвой, чрѣсла* и т. п. Безъ этимологическаго обоснованія остались-бы 1) нѣкоторыя слова отъ корней съ *р* передъ гортанными (задненебными), губными и, теперь твердыми, *ш* и *ж*, какъ *мѣркнуть, зѣркало, ковѣркать, отвѣрг, вѣрх* (но и *верьх*), *чѣрпать, вѣрба, пѣрвой* (и *перьвой*, но во всякомъ случаѣ по-великорусски *-ой*, а не *-ый*), *вѣрша, стѣржень*, 2) страдательныя причастія прош. вр. въ смыслѣ прилагательныхъ, какъ *совершѣнной* (но *совершонной* въ смыслѣ причастія), *почтѣнной* (и тѣмъ болѣе *согбѣнный* и *надмѣнный* при русскихъ причастіяхъ *согнутой* и *надутой*), 3) слова съ наставкой, имѣвшей *ъ* впереди, какъ *зѣмство, зѣмской, смѣртной* (напр. «*смѣртная казнь*», но «скука», «охота» или «жара *смёртная*). *полотѣнцо* (о чемъ ср. ниже), *двѣрца*, род. *пѣрца* (им. п. *перец*)[1]), 4) слова съ *ш* и *ж* передъ *е* и *и*, какъ *черкѣшенка*,

---

1) Примѣры съ *ц*, кажется, вѣрнѣе объяснить такъ-же, какъ упомянутыя ниже (подъ 6) слова на *-ецъ*, потому что *ц* отвердѣло сравнительно недавно, какъ видно не только изъ малорусскаго языка, но и изъ сѣвернаго нарѣчія великорусскаго: и тамъ и здѣсь *ш* и *ж* соединяются съ *а, е, у* безъ смягченія, а съ *ц* эти гласныя даютъ *ця, цю* и отчасти *цѣэ*. *Веретёнцо* образовано уже по отвердѣніи *ц*. Лингвистически — правильное распредѣленіе примѣровъ трудно соблюсти въ общепонятномъ изложеніи между прочимъ потому, что извѣстныя явленія въ исторіи одного и того-же звука обнаруживались не разомъ, а постепенно, въ зависимости отъ ихъ положенія. Такъ *ш* и *ж* отвердѣли раньше передъ *а* и *у* и въ концѣ (когда *ъ* утратилъ свою слоговую природу), но еще нѣкоторое время удерживали свою мягкость передъ *е, и* и внутреннимъ *ъ*; отсюда *одёжа, одёжу, одёж* съ *ё* (органически, тогда какъ въ *одёжи, одёжь, одёжка* оно явилось аналогически или, во всякомъ случаѣ, позже), *лéжень, тéшетъ*—съ *é*. Отвердѣнію *ш* и *ж* передъ наставкой *-ка* могла содѣйствовать аналогія словъ того-же образованія отъ основъ не на *к, г* и *х*, такъ какъ за исключеніемъ случаевъ, когда основа оканчивается на одинъ изъ упомянутыхъ звуковъ, эта наставка имѣла въ началѣ не *ъ*, а *ъ*. *Тёща*, рядомъ съ *лещъ, клещъ, вещь* (но не *трѣщина*, хоть принято писать *трещина*), объясняется только отсутствіемъ другихъ словъ на неударяемое—*а* съ *е* передъ мягкой согласной въ корнѣ, откуда и *тётя*, если послѣднее не выведено изъ *тётка*. Двойное *ж* или, по сѣверному выговору, *ждж*, какъ-бы это звуковое сочетаніе ни было выражено на письмѣ, сохранило у насъ (кромѣ говоровъ съ твердымъ *щ*) исконную свою мягкость до сихъ поръ: *жжетъ, ѣзжу, дождя*, (*дождь*) звучатъ *жъжъот, jéжъжю, дажъжя́* (*дощъ*) или *жъджъот, jéжъджю, дожъджя́* (*дошъчъ*). Однако въ сложныхъ *зж* не смягчается: *разжать*=*ражжа́ть*,

род. мн. *черкљшенок*, *мљжи*, *мљжень*, *лљжень*, *скрљжет* (впрочемъ церк.-слав.), *розберљжен* (если не *розбережон* — отъ *розберéдить*), 5) слова съ твердой согласной передъ мягкой, какъ *черљшня*, *лљче*, *дешљвле*, 6) слова на *-ецъ*, какъ *молодљц* съ прилагательнымъ *молодљцкой*, род. мн. *овљц*, *колљц* (если не *кóлец*), 7) односложныя ударяемыя передъ неударяемыми связанными съ ними словами или частями того-же слова, какъ *нљ был* и *нљ было* (но *не былá*), *нључ* (но *нéвидаль*), *бљз году недéлю*, *бљзтолоч* (или съ *с*, по условію, хотя — см. ниже о *под-*), *Всљволод*, 8) слова, заимствованныя изъ церковно-славянскаго и другихъ чужихъ языковъ и созданныя искусственно по иноязычному образцу, какъ *вообщљ*, *ужљ* (по-великорусски сокращенно *уж*, а полное *ужо* значитъ «по-позже»), *нљбо* (црк.-слав., по крайней мѣрѣ, со стороны произношенія, а по-великорусски *нёбо* = palatum), *вљтхой* и *вљтош*, *пещљра*, *надљжда*, *воскрљс*, *жљртва*, *лљв*, *мятљж*, *бљздна*, *шљствовать* (по *шествіе*, потому что все сочетаніе *ств* смягчено), *цљсарь* (какъ по црк.-слав., изъ древне-верхне-нѣм. keisar съ латинскаго caesar), *лљнта* (црк.-слав. *лентіє* = греч. λέντιον изъ романско-лат. *lentium = класс.-лат. linteum съ ĭ, *предмљт* (переводъ съ лат. objectum), род. мн. *чљрт* (не народный; ср. *чорточка*). *королљва* (старо-польск. królewa), *проњкт* (а ужь никакъ не «проэктъ» — лат. projectum), *секрљт* (лат. secrētum, франц. secret), *абрљк* (осет. абрäђ) и т. д. Противъ такого распредѣленія буквъ *е* и *љ* въ правописаніи можно возразить, что 1) не всякому легко уло-

---

изжарить = *ижжáрить*, и такъ-же *изъ жести* = *ижжэсљти* при отдѣльномъ предлогѣ, а въ церковно-славянскихъ *возжечь*, *возжелáть*, *з* иногда остается даже безъ уподобленія, но это произношеніе искусственно. *Щ* въ просторѣчіи также обыкновенно сохраняетъ свою прежнюю мягкость послѣ *д* путемъ взаимнаго уподобленія *дщ* въ *чч*: *младшій* = *млáччій*, *прошедшій* = *прашéччій* или *прашóччій*, *сума(с)шедшій* = *сумашéччій* (послѣднее и въ говорѣ образованныхъ). *Лучшій* = *лýччій* можетъ быть объяснено не только этимологически изъ древняго (*лучій* род. *лучљшаго*, ж. р. *лучљши*), но и фонетически, какъ *прочій* = *прóччій*. если только и здѣсь не замѣшана аналогія сравнительной степени (ср. напр. въ Патерикѣ Синайскомъ сл. 20: не могуще прочее ити = μὴ δυνάμενοι τοῦ πόῤῥω ἰέναι).

вить слухомъ разницу между открытымъ и закрытымъ *е*; 2) даже среди тѣхъ, которые ясно слышатъ эту разницу, будетъ разногласіе въ употребленіи соотвѣтствующихъ буквенныхъ знаковъ, потому что, вслѣдствіе различія въ условіяхъ смягченія согласныхъ по говорамъ, звукъ *е* въ одномъ и томъ-же словѣ часто оказывается у одного говорящаго открытымъ, а у другого закрытымъ, какъ *дѣфки* и *дéфьки*, *дешѣвле* и *дешéвьле*; 3) при грамматическихъ перемѣнахъ можетъ случиться, что открытое *е* по причинѣ мягкости окончанія или перестановки ударенія закроется, и тогда, согласно съ предложеннымъ здѣсь употребленіемъ буквъ *ѣ* и *е*, получится напр. такое склоненіе: *крѣст*, *креста* и т. д.; *свѣт*, *свѣта*, *свѣту*, *на свете; нѣга*, *неги*, *неге*, *нѣгу*, *нѣгой* и т. п. Изъ этихъ возраженій наиболѣе существенны два первыя (которыми, какъ и многими другими замѣчаніями, я обязанъ академику А. А. Шахматову); однако и они едва-ли могутъ быть признаны безусловно неопровержимыми. Первому возраженію можно противопоставить ту неоспоримую истину, что не только произношеніе вліяетъ на правописаніе, а и наоборотъ. Какъ съ одной стороны всѣ пишутъ напр. *слаще*, *оптомъ*, *ѣшь* (повел.) вмѣсто *слажче*, *обтомъ*, *ѣжь*, такъ съ другой нѣкоторые не рѣшаются выговорить *што* и *класической* только потому, что эти слова имъ извѣстны изъ книгъ въ видѣ *что* и *классическій* (первое у всяческихъ précieux — изъ аффектаціи, второе у семинаристовъ—изъ добросовѣстности). Какіе звуки отмѣчены правописаніемъ, тѣ только и существуютъ въ сознаніи большинства грамотныхъ. Такъ напр. многіе-ли изъ насъ отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что *а* въ *напишý* и *о* въ *ночевáть* изображаютъ одинъ и тотъ-же звукъ, отличный, какъ отъ *а*, такъ и отъ *о?* А причина его непризнанія та, что въ нашей азбукѣ нѣтъ буквы, соотвѣтствующей этому звуку, впрочемъ весьма распространенному въ великорусскомъ произношеніи. Разница между открытымъ и закрытымъ *е* отмѣчена во французскомъ правописаніи тяжелымъ и острымъ удареніями — и что же? она такъ отчетливо сознается всѣми, что никому не

причиняетъ затрудненій и въ случаѣ перемѣны въ произношеніи немедленно закрѣпляется на письмѣ по новому выговору, какъ то случилось напр. почти на нашей памяти съ окончаніемъ (впрочемъ не грамматическимъ) -ege (лат. -ēgium), которое еще въ началѣ XIX в. писалось съ острымъ удареніемъ — collége, cortége, а позже — съ тяжелымъ — collège, cortège, потому что прежде, когда еще не совсѣмъ утратилась память о слоговомъ значеніи конечнаго *e*, эти слова произносились по этимологіи (é изъ *ē*), а потомъ, когда это *e* окончательно заглохло, — уже согласно съ новымъ звуковымъ закономъ, по которому гласная передъ конечной (въ выговорѣ) согласной неминуемо открывается, почему dévot (лат. devōtus) еще съ закрытымъ *o*, а *devote* — уже съ открытымъ. И такъ передъ нами смѣна двухъ эпохъ въ исторіи французскихъ гласныхъ, и переходъ изъ одной въ другую никого не сбилъ въ различеніи, сравнительно тонкомъ, двухъ родовъ *e*. Должно надѣяться, что и у насъ разница гласныхъ въ *мѣлъ* и *мѣль*, *цѣлъ* и *цѣль*, *лѣсъ* и *лѣзъ*, *шѣстъ* и *шестъ*, *жестъ* и *жесть*, *дѣдъ* и *дѣть*, *сѣдъ* и *сѣть*, *цѣпъ* и *цѣпь* и т. п., будучи отмѣчена въ правописаніи такимъ или инымъ способомъ, окажется гораздо менѣе трудной, чѣмъ можно ожидать при современной намъ скудости русской азбуки въ обозначеніи гласныхъ звуковъ. 2) Возможность діалектическаго разнообразія въ употребленіи особыхъ знаковъ для открытаго и закрытаго *e* не подлежатъ никакому сомнѣнію, а правописаніе, дающее много простора лингвистическимъ особенностямъ каждаго пишущаго, не можетъ быть признано правописаніемъ. Однако развѣ ужь наше обычное правописаніе вполнѣ единообразно? развѣ не встрѣчаются у насъ *съиграть* и *сыграть*, *въ добавокъ* и *вдобавокъ*, *серебряный* (или съ двумя *н*) и *серебреный*, *желтый* и *жолтый*, *расти* и *рости*, *расписка* и *росписка*, *лѣкарь* и *лекарь*, *разсказъ* и *расказъ*, *возжи* и *вожжи*, *извозчикъ* и *извощикъ*, *коммиссія* и *комиссія* и даже *комисія*, *Ѳедоръ* и *Федоръ* и др.? Такъ при установленномъ правописаніи, основанномъ отнюдь не на живомъ выговорѣ; а если войдетъ въ употребленіе любая ороографиче-

ская система, принимающая въ расчетъ существующее произношеніе, число случаевъ разнообразнаго написанія, конечно, еще возрастетъ; но всегда-ли такъ будетъ? Едва-ли: подъ руками такъ или иначе авторитетныхъ писателей мало по малу правописаніе хоть нѣкоторыхъ спорныхъ словъ установится, а вслѣдствіе упомянутаго выше вліянія орѳографіи на выговоръ все болѣе и болѣе будетъ вырабатываться общее литературное произношеніе, и произойдетъ это тѣмъ скорѣе и естественнѣе, чѣмъ меньше правописаніе будетъ содержать въ себѣ условнаго, т. е. оправдываемаго только путемъ научныхъ разысканій, мало кому доступныхъ, или не оправдываемаго ничѣмъ кромѣ привычки или ошибочной этимологіи; а чѣмъ опредѣленнѣе будетъ слагаться такое образцовое произношеніе, тѣмъ легче доведетъ оно въ свою очередь правописаніе до единства. Достичь полнаго однообразія въ правописаніи многомилліоннаго народа нельзя даже принудительными мѣрами; но объ этомъ нечего сокрушаться: безъ нѣкоторой доли свободы не ладится ни одно человѣческое дѣло. 3) Разнообразіе въ написаніи разныхъ грамматическихъ формъ того-же слова — что и говорить? — нежелательно; но вѣдь избѣгать его систематически значитъ систематически отвертываться отъ жизни языка, а подъ часъ—и грубо насиловать его. Никакими средствами мы не устранимъ этого разнообразія въ такихъ случаяхъ, какъ *беру*, *брать* и *забираю*, *зову*, *звать* и *называю*, *несу*, *ношу* и *понашиваю*, *плыву* и *плаваю*, *шью* и *шить*, *пою* и *пѣть*, *жую* и *жевать*. Она еще увеличится, если мы прибавимъ производныя отъ тѣхъ-же корней: *заборъ*, *пловецъ*, *зовъ*, *шевъ* (или *шовъ*), *швецъ*, *жвачка* и т. п. Правда, всѣ эти видоизмѣненія восходятъ къ образованіямъ еще обще-славянскимъ; но для правописанія нынѣшняго великорусскаго языка должно быть важно не то, что они когда-то были, а исключительно то, что они удержались до нашихъ дней въ живомъ произношеніи. Однако вѣдь и разница между *свѣтъ* и *свете* представляетъ собою фактъ живого произношенія, какъ по-польски świat и na świecie, miara и mierze, wiara и

wierze, а прежде было и ściana — ścienie, strzała — strzele и т. д., и то-же въ глаголѣ: miał — mieli, chciał — chcieli и т. п., не говоря о другихъ подобныхъ измѣненіяхъ, каковы dół — dołu, mąż — męża, ręka — rąk. Если мы изгонимъ *ѣ*, придется за то ввести *ё*, и тогда получатся *несу* — *нёс* (т. е. еще одинъ, четвертый видъ корня *нес*-), *метла* — *мётлы*. Что *е* не такъ рѣзко отличается отъ *ё*, какъ отъ *ѣ*,— это вѣрно, но неважно, потому что эта градація въ разницѣ существуетъ только для глаза и къ тому-же зависитъ лишь отъ причины, выходящей за предѣлы ново-великорусскаго языка. Если же знакъ *ё* будетъ замѣненъ послѣ шипящихъ и *ц* буквой *о*, чему примѣры встрѣчаются уже лѣтъ за 500 до нашего времени, явится склоненіе *жена* — *жоны*, *чортъ* — *черти*, спряженіе *прочесть* — *прочолъ*, движеніе по родамъ и степенямъ сравненія *жолтый*—*желта*—*желтѣе*, словопроизводство *лицо* — *лицевой* и т. п., гдѣ разница въ гласной выступитъ и для глаза не менѣе рѣзко, чѣмъ при *ѣ*—*е*.

Какъ-бы то ни было, такое чередованіе между *ѣ* и *е* въ *свѣтъ* — *на свете* и т. п. нельзя сравнить съ попеременнымъ употребленіемъ *а* и *о* въ зависимости отъ ударенія, какъ если-бы кто вздумалъ писать *вада*, *вады*, *вадѣ*, *воду*, *вадой*, *воды*, *вод*, *вадам*, *вадами*, *вадах*, потому что разница между *а* и *о* сохранилась у насъ, по крайней мѣрѣ, подъ удареніемъ, а въ сѣверномъ нарѣчіи — и помимо этого условія, тогда какъ *ѣ* для насъ то-же, что *е*. Правда, въ томъ-же сѣверномъ нарѣчіи *ѣ* отличается отъ *е* тѣмъ, что звучитъ какъ *и*; но это различіе соблюдается сравнительно на маломъ пространствѣ, да и едва-ли гдѣ проведено вполнѣ послѣдовательно. Скажутъ, пожалуй, что и всѣ Великоруссы хранятъ память объ *ѣ*, какъ о звукѣ, отличномъ отъ *е*, такъ какъ они удерживаютъ его звукъ тамъ, гдѣ *е* превращается у нихъ въ *ё*, напр. *лѣтомъ*, но *лётомъ*. Это справедливо, однако 1) такая память объ *ѣ* замѣтна лишь въ такихъ словахъ, гдѣ корень является только съ *ѣ*, безъ параллельной формы съ *е*, напр. въ *лѣто*, но не въ *лѣтать* (см. выше) — *лётъ*; 2) мы

сознаемъ *ѣ* только тамъ, гдѣ форма, служащая образцомъ для прочихъ, т. е. именительный падежъ ед. ч., мужескій родъ прилагательнаго и какая-нибудь употребительная форма глагола, содержатъ въ себѣ звуковыя условія для перехода *е* въ *ё*, т. е. удареніе и твердую согласную за ударяемой гласной, какъ въ словѣ *лѣто*, которое намъ показываетъ, что слѣдуетъ писать съ *ѣ* также *лѣта́*, *лѣ́течко* и *лѣтній* (по звукамъ = *ле́тьній*), или въ *бѣ́лъ*, откуда и *бѣла́*, *бѣлѣ́е*, *бѣлизна́*, *бѣлё*, *бѣли́ть*, или въ *пѣ́лъ*, *отпѣ́тъ*, откуда и *пѣть*, *пѣли*, но не въ *пѣсо́къ* (црк.-слав. *пѣсъкъ*, малор. *пiсо́к*, польск. piasek, чешск. písek, сербск. пиjѐсак), гдѣ ни одинъ падежъ и ни одно производное не имѣютъ ударенія на корнѣ, и не въ *брѣ́зжиться* (отъ *брѣзгъ*), корень котораго намъ извѣстенъ теперь только въ смягченномъ видѣ, и не въ *купе́ль* (црк.-слав. *кѫпѣль*) и *колыбе́ль* (съ той-же наставкой) вслѣдствіе мягкости окончанія (за то часто *хмѣль*, что̀ по-малорусски, правда, *хмiль*, но род. *хме́ля*, дат. *хме́лю* и т. д.).

Значитъ-ли это, что мы въ самомъ дѣлѣ хоть до нѣкоторой степени сохранили *ѣ*? Нѣтъ, нашъ *ѣ* (разумѣется, тамъ, гдѣ онъ пишется вѣрно) слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что то поколѣніе нашихъ предковъ, которое стало выговаривать *ѣ* по-нынѣшнему, сохранило звукъ *е* въ словахъ *лѣто*, *бѣлъ*, *пѣлъ*, *свѣтъ*, *нѣмъ*, *нѣга*, *мѣхъ* и т. п. по той-же самой причинѣ, по которой мы сохраняемъ звукъ *е* въ словахъ *паште́тъ*, *сце́на*, *курье́ръ* и многихъ другихъ, а именно потому, что и они и мы такъ слышали эти слова, они—отъ своихъ отцевъ, уже опускавшихъ въ *ѣ* (= *iе*) то неслоговое *i*, которое прежде и помѣшало звуку *ѣ* перейти въ *ё*, а мы—отъ иностранцевъ, и такимъ образомъ, если мы начнемъ исторію новаго великорусскаго языка, какъ и подобаетъ, съ его начала, т. е. приблизительно съ XV в., то должны признать, что между *е* въ род. мн. *сує́тъ*, заимствованномъ нашими праотцами съ церковно-славянскаго, и въ *пакетъ*, перешедшемъ къ намъ съ французскаго, а потому и между *е* въ этихъ словахъ и *ѣ* въ *свѣтъ* нѣтъ никакой разницы кромѣ хронологической. А если сверхъ того мы не употребляемъ *ѣ* даже въ нѣ-

которыхъ такихъ случаяхъ, гдѣ его требуютъ какъ этимологія, такъ и фонетическія условія, какъ въ *мелкій* и другихъ словахъ, перечисленныхъ выше, то что-же намъ мѣшаетъ считать эту букву за однозначащую съ *е* и пользоваться ею по своему усмотрѣнію согласно со звуковымъ строемъ своей рѣчи? Наши предки въ XI—XIII в., произносившіе *ѣ* не такъ, какъ тѣ Славяне, которые говорили на языкѣ Кирилла и Меѳодія (откуда у насъ въ церковно-славянскихъ словахъ *е* вмѣсто *ѣ*, напр. *предъ*, *среда*, *вредъ* и т. д.), когда писали по-русски, ставили *ѣ* не только тамъ, гдѣ соотвѣтствовавшій ему звукъ восходилъ къ эпохѣ обще-славянской и потому совпадалъ по употребленію съ *ѣ* церковнаго языка, изъ котораго они получили свою азбуку, но и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ свойственный ихъ выговору звукъ *ѣ* развился въ ихъ языкѣ самостоятельно, напр., какъ показалъ академикъ А. И. Соболевскій, на мѣстѣ йотированнаго ѧ[1]). И такъ, если наши предки пользовались буквой *ѣ* согласно не съ преданіемъ, а съ наличными звуками своего языка, мы, сохранивъ нѣкоторое подобіе памяти объ *ѣ* только подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ звукомъ или въ концѣ слова, имѣемъ право и пользоваться этой буквой при такихъ и только при такихъ условіяхъ. Но *вадá* при *вóду* или даже *званóк* при *звон* (не падежъ того-же слова, а производное) грамматически такъ-же безсмысленны, какъ именительный *сапок* при родительномъ *сапога* и прилагательномъ *сапожный*. Впрочемъ не всѣ знатоки дѣла согласятся съ такимъ приговоромъ; по крайней мѣрѣ, профессоръ Р. Ѳ. Брандтъ въ своей лекціи «О лженаучности нашего правописанія» считаетъ допустимымъ такое

---

1) Вѣроятно, по той причинѣ, что первая, чисто гласная часть сузилась передъ носовымъ призвукомъ подобно тому, какъ латинское bene перешло въ румынскомъ въ bine, a bonus — въ bun. Можетъ быть, переходомъ ѩ въ *ѣ* (въ им. п. ж. р.), а не аналогіей формъ *тѣ* и *всѣ*, слѣдуетъ объяснять множ. всѣхъ родовъ *моѣ*, *твоѣ*, *своѣ*, употребительное отчасти въ Московской губерніи. Несомнѣнно по аналогіи образованы *онѣ* и *однѣ*, которыя въ тѣхъ-же мѣстностяхъ вполнѣ вытѣснили формы *они*, *одни*. За аналогію говорятъ *моѣхъ*, *моѣмъ*, *моѣми*, ср. *тѣхъ*, *тѣмъ*, *тѣми*. Возможно и совмѣстное дѣйствіе двухъ факторовъ.

ультра-фонетическое написаніе, какъ *патхот* (стр. 46 отдѣльнаго оттиска изъ «Филологическихъ Записокъ» 1901 г., кн. I и II). Но можно, кажется, головой поручиться за то, что оно никогда не проникнетъ въ обиходъ (или, пожалуй, «в абихот», что̀ впрочемъ было-бы не менѣе не-до-фонетическимъ изображеніемъ этихъ словъ, чѣмъ «в обихот», потому что чистое *а* въ первомъ слогѣ, предшествующемъ ударенію не непосредственно, слышится у говорящихъ на литературномъ нарѣчіи только безъ согласной впереди, т. е. напр. въ приказаніи «отдохни́» или въ предложеніи «ты отдохну́лъ», но уже не въ «онъ отдохну́лъ», произнесенномъ связно). Почему позволительно думать, что «патхот» найдетъ себѣ не болѣе сочувствія, чѣмъ столь извѣстныя изъ уличной эпиграфики, также безусловно фонетическія по намѣренію «аддаецца»» и «астанавливацца», тому причины отчасти приведены выше. Къ нимъ можно еще прибавить, что 1) дѣйствительныхъ, живыхъ звуковъ языка не передастъ никакая азбука и никакое правописаніе, да и не всякое ухо ихъ разслышитъ и опредѣлитъ; 2) чѣмъ точнѣе звуковая передача слова, тѣмъ она индивидуальнѣе и потому тѣмъ менѣе можетъ разсчитывать на общее признаніе, какъ напр. правописаніе проф. Брандта *специялъный*, *провинцыялизмъ*, *безапеляцыённый* не только не соотвѣтствуетъ моему произношенію, но и кажется мнѣ, Москвичу, даже не русскимъ, а скорѣе нѣмецкимъ, потому что я, какъ и всѣ Великороссы, когда говорю по-русски, никогда не смягчаю *ц*[1]), а въ производныхъ отъ словъ на *-ція* привыкъ выговаривать полное *і* (т. е., въ данномъ случаѣ, *ы*), хотя отъ нѣмцевъ слыхалъ, точно, Specialität, Provincialismus, Appellationsrath съ мягкимъ *ц* и неслоговымъ *і*[2]); 3) практически не-

1) По крайней мѣрѣ, звука самой буквы *ц*, а не *тс* и *дс* передъ мягкой зубной, напр. въ *привѣтствіе*, *слѣдствіе*, *въ дѣтствѣ*, которыя, какъ замѣтилъ мнѣ А. А. Шахматовъ, звучатъ и въ моемъ выговорѣ *привéцьтьвіе*, *фсьлéцьтьвіе* (впрочемъ то и другое не съ *с*, а съ *jг*—см. въ текстѣ ниже — на концѣ), *вдéцьтьве*.

2) Впрочемъ и по-польски, напр. у Луціяна Семеньскаго въ 11-сложномъ стихѣ:

Prowincionalizm, jakby w febrze zimnéj

(Fraszki, Prowincionalizm).

удобно и странно одинъ и тотъ-же предлогъ, сознаваемый каждымъ русскимъ человѣкомъ въ качествѣ не безразличнаго по смыслу слога, а вполнѣ опредѣленной и постоянной семасіологической единицы, писать то *под* (въ *по́дъ мостъ*), то *пад* (въ *подъ ро́стъ*), то *пот* (въ *по́дъ полъ*), то *пат* (въ *подъ ко́рень*), то невѣдомо съ какой гласной, но, положимъ, съ *ъ* — *пъд* (въ *подъ окно́мъ*) и *път* (въ *подъ копно́й*). На послѣдніе два примѣра можно возразить, что гласную, изображенную здѣсь посредствомъ *ъ*, рѣшено обозначать по-прежнему, посредствомъ то *о*, то *а*, и потому предлогъ *подъ* явится «только» въ 4 видахъ; однако, если мы даже согласимся, что 4 вида одного слова — сущіе пустяки передъ звуковымъ богатствомъ русскаго языка, все-же нельзя не подивиться тому, что люди, желающіе признать единственной основой грамотности современную, живую фонетику, считаютъ лишнимъ отмѣтить графически звукъ, очень часто слышащійся въ великорусскомъ произношеніи. Но, повторяю, хотя-бы мы ввели *ъ* въ смыслѣ гласнаго звука и еще кое-какія новыя начертанія, все-таки мы, оставаясь въ предѣлахъ задачи практическаго, общегоднаго правописанія, не могли-бы дать вѣрную картину дѣйствительнаго произношенія, не говоря уже о томъ, что для этой цѣли въ ней нѣтъ и нужды. Впрочемъ, хотя-бы мы, пожертвовали практичностью и удобствомъ точнѣйшему воспроизведенію звуковъ, мы иногда впадали-бы въ противорѣчія даже съ самими собою. *Патхот* — съ фонетической стороны примѣръ безспорный; но какъ написать по этому способу напр. слово *пло́щадь? площать* или *площеть? че́лядь* — *челять* или *челеть? обы́чай* — *обычай* или *обычей?* Для великорусскаго языка — кромѣ полосы между Бѣлой Русью и Рязанью, гдѣ *е* передъ удареніемъ звучитъ по большей части какъ *я* — фонетическія правила относительно мягкихъ и шипящихъ согласныхъ, кажется, таковы: 1) передъ удареніемъ, посредственно или непосредственно, *я* (*а*) произносится за *е*: *лягу́шка* = *легу́шкъ* (со слоговымъ *ъ*) = l^{i}e^{1}gúškъ[1]), *мясо́ѣдъ* = *месаjѣт* = m^{i}e^{1}sajé^{2}t, *часы́* =

1) Маленькое *i* справа отъ верхняго конца согласной означаетъ ея смяг-

чесы=č^{i}e^{1}sý^{1}, *щадить*=*щедить* = š^{i}č^{i}e^{1}d^{i}í^{1}t^{i} (или š^{i}š^{i}e^{1}d^{i}í^{1}t^{i}), *шаловливый*=*шелавлйвъй*=še^{1}łavl^{i}í^{1}vъį, *жалѣть* = *желѣть* = že^{1}l^{i}é^{1}t^{i}, а въ упомянутой полосѣ непосредственно передъ удареніемъ — *лягушкъ* = l^{i}agú^{1}škъ, *часы* = č^{i}asý или časý, *жалѣть*= žal^{i}é^{1}t^{i} и т. п. (но также *несу*=*нясу* = n^{i}asú^{1}, *чего* =*чаво*=č^{i}avó^{2} или čavó^{2} и пр., однако передъ мягкостью, какъ въ *несёшь* или *нести* = *несьти*, не повсемѣстно, а кое-гдѣ — съ *и* изъ *я* и *е*: *лигушкъ*, *чисы*, *нису*). 2) Послѣ ударенія *ша* и *жа* звучатъ какъ *шъ* = šъ, *жъ* = žъ (съ гласнымъ *ъ*): *чáша* = *чáшъ* = č^{i}ášъ, *чáшами*=*чáшъми* = č^{i}ášъm^{i}i^{1}, *вы́жать* = *вы́жъть*=vý^{1}žъt^{i} (но *вы́жить*=vý^{1}žy^{1}t^{i}), а послѣ мягкихъ эта гласная устойчива чуть-ли не исключительно тамъ, гдѣ она поддерживается грамматической аналогіей, т. е. напр. *дя́дя* = *дя́дь* (съ гласнымъ *ъ*) = d^{i}ád^{i}ъ, *дя́дямъ*=*дя́дьм* = d^{i}ád^{i}ъm, *по́ходя* (нарѣчіе дѣепричастнаго образованія) = *по́хъдь* = pó^{2}xъd^{i}ъ, *да́ча* = *да́чь* = dáč^{i}ъ, *му́ча* (дѣепричастіе) = *му́чь* = múč^{i}ъ, *ро́щами* = *ро́щьми* = ró^{2}š^{i}č^{i}ъm^{i}i^{1} (или -š^{i}š^{i}-), *та́щать* (по грамматически-искусственному произношенію) = *та́щьт* = táš^{i}č^{i}ъt (или -š^{i}š^{i}-), *дѣ́тища* = *дѣ́тищь*= d^{i}é^{1}t^{i}i^{1}š^{i}č^{i}ъ (или -š^{i}š^{i}-), что̀ по звукамъ вполнѣ совпадаетъ съ *дѣтище*; но и эта задерживающая сила не могла уберечь *на́чалъ*=*на́чьл*=náč^{i}ъł отъ весьма обыкновеннаго превращенія въ *на́чел* = náč^{i}e^{1}ł, какъ и рядомъ съ *то́ччьс* = tó^{2}č^{i}č^{i}ъs (*тотчасъ*) часто слышится *то́ччес*=tó^{2}č^{i}č^{i}e^{1}s, не смотря на *ча́съ* и даже на *тотча́съ*=*таччáс* = tač^{i}č^{i}ás, и сѣверное *вну́чата* (напр. у Державина, «Мой истуканъ», строфа 9:

> Живой струей испустятъ искры
> И въ внучатахъ возжгутъ сердца)

вмѣсто болѣе употребительнаго *внуча́та* = *внуча́тъ* = vnu^{1}č^{i}atъ выговаривается не только *вну́чьтъ* = vnú^{1}č^{i}ъtъ, но и *вну́четъ*= vnú^{1}č^{i}e^{1}tъ, также *обы́чай* звучитъ то какъ *абы́чъй* = aby^{1}č^{i}ъį, то какъ *абы́чей* = abý^{1}č^{i}e^{1}į (въ полную риѳму съ *добы́чей* = *дабы-*

ченіе, цифра 1 тамъ-же — закрытость, 2 — открытость, *ъ*—*о* въ *покажу́* (очень открытое *и* съ положеніемъ языка для *а*), į — неслоговое *i*, ł—твердый *л*, *y*—*ы*.

чей=dabý^{1}č^{i}e^{1}i̯ и почти въ полную съ *отли́чій* = atlí^{1}č^{i}i^{2}i̯, чѣмъ и воспользовался авторъ этихъ строкъ въ своемъ переводѣ одного изъ нѣмецкихъ сонетовъ Прешерна), *лéщадь*—то какъ *лéщьт*^{ь}= l^{i}é^{1}š^{i}č^{i}ъt^{i}, то какъ *лéщет*^{ь} = l^{i}é^{1}š^{i}č^{i}e^{1}t^{i}, *плóщадь* — то какъ *плóщьт*^{ь}=płó^{2}š^{i}č^{i}ъt^{i}, то какъ *плóщет*^{ь}=płó^{2}š^{i}č^{i}e^{1}t^{i}, не взирая на производныя *обычáйный*, *лещáдка*, *площáдка*, а *чернядь* (такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ) даже пишется теперь не иначе, какъ *чернеть.* Къ довершенію бѣды, оба произношенія можно услышать отъ одного и того-же лица. И таковыхъ затрудненій со стороны выговора найдется, можетъ быть, не мало. А если такъ, стоитъ-ли изъ-за вѣрности произношенію этого поколѣнія образованныхъ людей, да еще далеко не всѣхъ, ломать и крушить ясную и легко примѣнимую этимологію, на которой зиждется единство русскаго языка, не смотря на его діалектическія различія? Приказавъ писать только по выговору извѣстнаго ареопага, мы, какъ-бы ни высока была его авторитетность даже въ глазахъ не принадлежащихъ къ нему смертныхъ, предпишемъ такимъ образомъ обязательное истребленіе этимологическаго чутья, прирожденнаго всякому нормальному младенцу. Не полезнѣе-ли, наоборотъ, всѣми силами развивать это чутье, видя въ немъ одинъ изъ естественнѣйшихъ и простѣйшихъ залоговъ самостоятельнаго мышленія? Впрочемъ вопросъ объ умѣстности «правописанія» *патхот* поднятъ здѣсь не для спора съ проф. Брандтомъ или съ московскимъ педагогическимъ обществомъ, которые, само собою разумѣется, не предлагаютъ такихъ отчаянно звуковыхъ написаній въ видѣ типическаго образчика новой грамоты. Какъ бы то ни было, самая возможность мысли объ узаконеніи зрительныхъ загадокъ въ родѣ *флот, гараст, пирашки* способна вызвать недовѣріе къ реформѣ, въ основѣ которой лежитъ такъ называемый звуковой принципъ. Для оправданія его нечего ссылаться на Чеховъ: гласныя безъ ударенія они выговариваютъ качественно такъ-же, какъ подъ удареніемъ, а согласныя звонкія, хотя измѣняютъ ихъ въ глухія по одинмъ правиламъ съ нами, удерживаютъ на письмѣ по требованіямъ

этимологіи. Вукъ Караджичъ, правда, рѣшился закрѣпить въ сербскомъ правописаніи уподобленіе при встрѣчѣ звонкихъ съ глухими, какъ *пот-пуно*, *тешко*, но его послѣдователи уже не вполнѣ придерживаются установленныхъ имъ въ этомъ отношеніи правилъ[1]), а сверхъ того — неударяемыя гласныя и конечныя звонкія согласныя произносятся Сербами совершенно отчетливо. И такъ, если мы возьмемъ въ образецъ чешское правописаніе, то должны писать *подход* (=podchod), если-же сербское, то, пожалуй, *потход*, но непремѣнно съ удержаніемъ неударяемаго *о* и конечнаго *д*. Если же *патхот*, то ужь и *чесафщик* (не смотря на *часъ*, *часово́й* и *часо́вня*), но для такого злоупотребленія звуковымъ начертаніемъ едва-ли можно подыскать аналогіи у какихъ-либо народовъ, успѣвшихъ обзавестись чѣмъ-нибудь похожимъ на правописаніе. Что наши преобразователи русской грамоты кое въ чемъ отступили отъ чисто звукового начала и не пойдутъ напр. на *пирашки*, явствуетъ уже изъ того, что̀ извѣстно объ ихъ новшествахъ; но по изложеннымъ выше причинамъ не очень заманчивы даже *пирошки*. Да развѣ ужь и такъ трудно сообразить, что это *ш* замѣняетъ собою въ выговорѣ этимологическое *ж*, такъ какъ названіе этого самаго предмета въ имен. ед. есть *пирожокъ*, а тотъ, кто его печетъ, зовется *пирожникомъ?* Пренебречь въ правописаніи этимологіей позволительно лишь тамъ, гдѣ языкъ ее забылъ; такъ напр. нѣтъ нужды возстановлять графически первоначальное *т* въ словѣ *свадьба*[2]), когда языкъ, образуя отъ него прилагательное *свадебный*, оче-

1) Безусловно вѣрно писалъ въ 1844 словѣнецъ Георгій (Орославъ) Цафъ Даворину Трстеняку: «Druga pravopisna postava je: Schreibe nach der nächsten Abstammung und Ableitung. Ta postava térja od pisavca, da umí etymologiû. Vuk Štefanović sê je soper tû postavû pregrèšil, če piše *teško* naměsto *težko*» (см. Pisma in zapiski iz Cafove ostaline. Priobčil dr. K. Štrekelj во второй книжкѣ Zbornika Slovenske Matice за 1900, стр. 193).

2) А въ словѣ *юбка* писать *п* — и совсѣмъ неправильно, потому что оно происходитъ не отъ франц. jupe, какъ думалъ Пушкинъ, а отъ перс. *ꙑуббӓ* (родъ верхняго платья, откуда у Малоруссовъ *юбка* = кофта) съ j вмѣсто ꙑ, какъ во многихъ персидскихъ словахъ у Турокъ (Татаръ), почему и у насъ *юфть* (перс. *ꙑуфт* пара), *юмшанъ* (перс. *ꙑаушӓн*), *ядукаръ* (перс. *ꙑа̄дӯгӓр*).

видно, уже не чуетъ связи существительнаго съ глаголомъ *сватать*, и прямо нельзя писать *фляшка* ради нѣмецкаго Flasche, когда уже образовался будто-бы первообразъ этого уменьшительнаго *фляга*, почему въ свою очередь уменьшительное отъ *фляжка* звучитъ *фляжечка*. Впрочемъ, если *пирошки*, то и *фляшка*. Но вѣдь самъ языкъ, на зло всякимъ, самымъ прогрессивнымъ упростителямъ, свидѣтельствуетъ, — нѣтъ!—вопіетъ къ небесамъ, что въ словѣ *фляжка* онъ признаетъ только *ж*, какъ въ словѣ *свадьба*— только *д*. Такъ называемымъ общепринятымъ правописаніемъ мы будто-бы возстановляемъ и то, чего не было въ великорусскомъ языкѣ, какъ *добрый* вмѣсто *доброй*, *добраго* вмѣсто *доброго*, *раз-* вмѣсто *роз-* (ср. *ро́звальни*, *ро́зговѣнье*, *ро́здыхъ*, *ро́змахъ*—но чаще *разма́хъ*,—*ро́зсыпь*, *ро́зыскъ*, *ро́сказни*, *ро́спись*, *ро́спускъ*, *ро́степель*, *ро́счеркъ*, *ро́здалъ*, *ро́знялъ*, *ро́зобрало*, *ро́зорвало*, *ро́спилъ* и т. п.), и даже то, чего не было ни въ одномъ живомъ языкѣ, напр. *тихій*, *дикій*, *строгій* (если не считать говора Новороссовъ, чуть не на половину малорусскаго) или окончанія *-ые*, *-ыя*, для разныхъ родовъ множ. ч. прилагательныхъ или *ея* вмѣсто *её* изъ *ѥѣ*[1]). Само собою разумѣется, что не

---

1) По мнѣнію А. А. Шахматова, *ѥѣ* превратилось въ *её* подъ вліяніемъ средняго рода мѣстоименій *моё*, *твоё*, *своё*, измѣнившихъ свое *е* подъ давленіемъ со стороны такихъ существительныхъ, какъ *копьё* (а на нихъ вліяли *село́*, *ядро́*, *зерно́* и т. п.). И такъ форма *её* возникла въ сферѣ притяжательнаго отношенія, и, быть можетъ, именно при существительныхъ средняго рода, напр. *её добро*. Изъ той-же сферы можно, пожалуй, истолковать *её* и фонетически, предположивъ, что здѣсь *ѣ* упростилось въ *е* еще въ сравнительно раннюю эпоху дѣйствіемъ проклизы, особенно въ такихъ сочетаніяхъ, какъ *ѥѣ ма́ти*, гдѣ слѣдующее слово начинается ударяемымъ слогомъ. Мыслимо также вліяніе діалектическихъ *сеё* и *тоё*, которыя имѣютъ смыслъ какъ имен. вин. п. ср. р., такъ род. п. ж. р., а въ нихъ переходъ *ѣ* (*сѣ*, *тоѣ*) въ *е* облегчался именно звуковой близостью формы род. п. ж. р. къ формамъ имен. вин. п. ср. р. Но исторія всѣхъ этихъ формъ на *-ё*, а также *всеё*, *самоё* и *одноё*, усложняется тѣмъ, что онѣ употребляются большею частью, а послѣднія, кажется, даже исключительно въ смыслѣ вин. п., и съ этимъ значеніемъ мы находимъ такую форму и отъ прилагательнаго, и при томъ уже въ Лаврентьевской лѣтописи, гдѣ Ольга говоритъ Святославу: «Видиши мя больное сущу» вмѣсто «больну». Здѣсь какъ будто остатокъ своеобразнаго мѣстоименнаго склоненія, котораго образчикъ, можетъ быть, уцѣлѣлъ въ малорусскихъ *сіеі*, *усіеі*, *тіеі* (вмѣсто *тоеі*) рядомъ съ нормальными *сіі*, *усіі*, *тіі* (изъ *тоі* = *тоѣ*).

только отъ такихъ ухищреній, но и ото всего, что̀, хоть было. да быльемъ поросло, слѣдуетъ на-чисто отказаться. Мы произносимъ въ извѣстныхъ случаяхъ *а* вмѣсто *о* и нѣчто въ родѣ открытаго *ы* или *ъ* вмѣсто обоихъ (*пълатно́*, *бълавнік*, *де́ревъ*, *ко́шкъ*), также *е* вмѣсто *я* и родъ открытаго *и* — скажемъ: *ь* — вмѣсто обоихъ (*реткóм*, *мо́рь*=*мо́ре* и *мо́ря*), но никогда не смѣшиваемъ *а* съ *у*, *я* съ *ю*, *о* (или *ъ*) съ *ы*, какъ и *е* съ *и* (кромѣ слоговъ послѣ ударенія и нѣкоторыхъ говоровъ, гдѣ напр. *стере́гъ* = *стирёк* и даже *пята́къ—пита́к*); потому, если мы говоримъ *слу́жут*, *хо́дют*, *до́брой* (или, точнѣе, *добръй*), *Степа́ночъ* (= *степа́нъч*, у Грибоѣдова въ риѳмѣ съ *за́ ночь*), *потро́говать*, такъ и пиши, потому что, значитъ, здѣсь передъ нами явленіе уже морфологическое, т. е. такова, стало быть, наша нынѣшняя этимологія этихъ формъ, хотя съ удареніемъ на окончаніи мы еще говоримъ по-прежнему *крича́т*, *хотя́т* (по *тупо́й*, а не *тупы́й*, и даже помимо ударенія *нава́ливать*, *прико́вывать*, а не *нава́левать*, *прико́вовать*, и т. п. кромѣ глаголовъ отъ корней на *к*, *г*, *х*, впрочемъ уже не безъ колебаній). А такъ какъ *-утъ* или *-ютъ*, *-атъ* или *-ятъ* служатъ однимъ изъ признаковъ для различенія двухъ спряженій, но, устранивъ для глаголовъ съ неударяемымъ окончаніемъ одинъ, мы не погрѣшимъ, если для нихъже устранимъ и другой и станемъ писать *бу́дишь* отъ *бу́ду*, какъ отъ *бужу́*, не ломая головы надъ спорнымъ вопросомъ, что̀ правильнѣе — *ды́шешь* или *ды́шишь*. Какъ въ этомъ отношеніи сбилось народное сознаніе, видно изъ окаменѣвшихъ теперь причастій *летучій* (вмѣсто *летячій*), *горючій* (при *горячій*), *кипучій* и т. п. и дѣепричастій въ родѣ *сидючі* или *си́дючи*. Правда, Сѣверяне еще различаютъ *е* и *и* двухъ спряженій въ основахъ на гласную, но, кажется, только при *а*: *зна́эш* (откуда *знāш*, *знаш*). Однако *о* и *а*, *е* и *я*, хотя и смѣшиваются другъ съ другомъ въ выговорѣ, тѣмъ не менѣе всякій разъ, какъ оказывается форма съ удареніемъ на фонетически спорномъ мѣстѣ слова, выясняется тотъ звукъ, который народное сознаніе признаетъ кореннымъ. Но при этомъ должно обращать вниманіе въ глаголѣ только на

данный видъ. Правда, иногда такимъ образомъ для глаголовъ на *-йть* получается въ говорахъ *о* вмѣсто ожидаемаго *а*, напр. *пло́тить*, *упло́ченный*, *со́дить*, *посо́женый*, *то́щить*, *бро́нить*, *во́рить* и т. п., но распространеніе такихъ формъ, какъ и мѣста ихъ ударенія, далеко не одинаковы, почему и вопросъ о предпочтеніи того или другого изъ этихъ двухъ гласныхъ звуковъ въ коренномъ слогѣ такихъ глаголовъ еще подлежитъ разсмотрѣнію. Можетъ быть, здѣсь лучше всего выйти изъ затрудненія тѣмъ путемъ, къ которому не разъ прибѣгло французское министерство народнаго просвѣщенія въ своихъ недавно изданныхъ орѳографическихъ правилахъ, а именно — предоставить выборъ на волю пишущаго. Такъ-же придется поступить и съ *чн*, хотя *ч* здѣсь по большей части не менѣе живо, чѣмъ *ж* передъ *к*, но самое произношеніе *ч* передъ *н* такъ сильно колеблется, что мудрено его втиснуть въ правило, не отзывающееся личнымъ произволомъ: все, что̀ можно сказать по этому поводу, заключается въ томъ, что слово книжное, какъ *конечный*, произносится съ *ч*, а разговорное, обиходное, какъ *конечно* или *наконечникъ*,— съ *ш*, и потому слова того и другого разряда можно такъ и писать, особенно въ виду такихъ примѣровъ, какъ *ску́шенъ*, *на́лушенъ*, *домовѣшенъ* (отмѣченное В. И. Чернышевымъ во Владим. губ.) даже съ гласной между *ш* (изъ *ч*) и *н*. Между прочимъ также *помошник* и *овошной* (на петербургскихъ вывѣскахъ даже «овошенная лавка», надъ чѣмъ подсмѣивался покойный А. Д. Галаховъ, толкуя въ шутку это незаконно разросшееся окончаніе въ смыслѣ причастной наставки). Указанное выше правило можно дополнить еще слѣдующими частностями: *ч* передъ *н* въ выговорѣ устойчивѣе, 1) если въ формахъ безъ *н* есть уже *ч* (а не *к* или *ц*), напр. *ночной* при *ночь* и даже *рѣчной* при *рѣчка*, *точный* при *точка*, 2) если удареніе падаетъ непосредственно передъ *ч*, какъ въ *со́чной*, *запе́чный* (но *пешно́й*, *пешни́к*, не смотря на *печь*, также *коро́бошный*). Но всѣ эти отдѣльныя правила перекрещиваются между собою и съ родомъ воспитанія говорящаго. Колебанія въ этомъ случаѣ таковы, что одно и то-же

слово произносится двояко, смотря по значенію или по сферѣ употребленія, напр. *сердéчной* = относящійся къ сердцу и *сердѣшной* = любезный сердцу, *свечнóй сбор* въ церкви и *свешнóе сало* въ торговлѣ, *встрéчной искъ* и *пѣрвой встрѣшной* и т. п.[1]). Но едва-ли возможны сомнѣнія относительно искусственности *чт* въ *что*, не смотря на соотвѣтствующій правописанію выговоръ нѣкоторыхъ недоучекъ и на *нѣчто*, заимствованное изъ церковно-славянскаго[2]). Кромѣ трудности разбора, гдѣ сохранять *чн* и гдѣ вмѣсто него писать *шн*, въ оправданіе послѣдняго правописанія можно привести и то соображеніе, что къ нему въ большинствѣ случаевъ придется прибѣгать не при склоненіи, какъ *пирошкá* (но *пирожок*), *дорóшка* (но *дорóжек*), а при производныхъ, которыя даже не всегда вызываютъ въ насъ мысль о коренномъ словѣ, какъ напр., говоря «корúшневой», рѣдко кто подумаетъ о корицѣ. Чтобы покончить съ упрощеніемъ и уподобленіемъ согласныхъ, стоитъ еще напомнить, что фонетическое письмо, неосмотрительно примѣненное, можетъ завести воображеніе читателя на ложный путь и тѣмъ замедлить пониманіе читаемаго, напр. *загáтка* (при род. мн. *загáдок* съ производнымъ *загáдошной*) заставитъ прежде всего предположить производное отъ глагола *загатúть*. И такъ, въ концѣ концовъ, чтò пропало, то пропало, и «того уже намъ не кресити» никакими орѳографическими махинаціями, а то, чтò еще уцѣлѣло отъ старины, правописаніе обязано свято сохранить, на сколько это возможно безъ значительныхъ осложненій, особенно если съ такой охраной зву-

1) Такъ и въ малорусскомъ: *сердéшний*, *торíшній* (прошлогодній — того року), но *сéгобíчний*, *тогобíчний* (находящійся на этомъ или на томъ боку, т. е. берегу, Днѣпра) и т. п.

2) *Што* уже въ древне-русскихъ памятникахъ, напр. въ грамотѣ Іакова, епископа Полотскаго, около 1300 г., и по-сербски. Любопытны *мáчта* (нѣм. Mast) и *пóчта* (нѣм. Post) съ отчетливымъ *ч* (хотя въ просторѣчіи также *пóшта*). Не есть-ли это какъ бы реакція выговору съ *ш*, съ которымъ нѣмецкія слова, содержащія въ себѣ st, переходили часто къ Славянамъ, напр. въ польскихъ reszta (Rest), koszt (Kost) и т. п.,—реакція вслѣдствіе сознанія неправильности *ш* вмѣсто *ч* въ такихъ словахъ, какъ *пóштовать*, *поштéнный* при *почетъ*? Странно *ч* и въ *пáчпортъ* (простонар. *пáшпортъ*—франц. passe-port).

ковъ связана цѣлость грамматическихъ формъ. Потому не только *дѣвка* пусть остается *дѣвкой*, а не превращается въ *дефку* наперекоръ своему род. мн., *дѣвъ*, *дѣвочкѣ* и т. д., но пусть и разница между имен. и вин. *море*, *поле* (съ той-же гласной, которая слышится въ послѣднемъ слогѣ слова *время*) и предложн. *морѣ*, *полѣ* (съ закрытымъ *е*) будетъ отмѣчено графически. А это наводитъ на вопросъ о выраженіи мягкаго (т. е. стоящаго послѣ смягченной гласной) неопредѣленнаго звука, который въ твердомъ видѣ былъ выше нѣсколько разъ изображенъ буквою *ъ*. Какъ мы видѣли, въ новомъ правописаніи рѣшено, кажется, оставить его прежнее обозначеніе, т. е. *а* или *о*, по требованію этимологіи, напр. *мыло*, род. *мыла*. Смягченное *а* есть *я*; потому род. *поля*. Смягченное *о* есть *ё*; слѣдовательно имен. пад. того-же слова долженъ писаться *полё*. Скажутъ, что такъ, т. е. съ *ё*, никто не говоритъ; а кто-же говоритъ *мы́ло* съ *о?* Если ужь на то пошло, на Сѣверѣ слышно и то и другое; но для насъ важно слѣдующее соображеніе: если мы, образованные люди, пишемъ *мыло* съ *о*, какъ *стекло́*, и вводимъ послѣдовательно въ употребленіе *ё* въ такихъ формахъ, какъ *копьё*, очевидно, что мы должны писать *полё*. Если бы кто, устранивъ изъ азбуки *я* и *ю*, вздумалъ выражать смягченіе буквой *ь*, ему пришлось-бы писать имен. *польо*, род. *польа*; по способу польско-лужицкому — poĺo, poĺa, moŕo, moŕa и т. п. Послѣ шипящихъ и *ц* можно и въ этихъ случаяхъ писать *о*, напр. *топори́що*, *пла́тьецо*. Рѣшившись на употребленіе *ё* (*о*) не въ однихъ ударяемыхъ слогахъ, мы различимъ написаніемъ не только *поле* и *полѣ*, различаемыя и въ обыкновенномъ правописаніи, но также напр. отнюдь не тождественныя по звукамъ, хотя изображаемыя тѣми-же буквами сравнит. степ. *ту́же* и мѣстоим. *ту́-же*, различимъ два звука въ окончаніи *-ѣе*, какъ *добрéё*, звучащее совершенно одинаково съ дѣепричастіемъ *добрéя* (т. е. *добрѣя* отъ *добрѣ́ть*). И все это согласно съ этимологіей, такъ какъ конечное *е* средняго рода превратилось въ неопредѣленный звукъ именно вслѣдствіе того, что мягкое склоненіе (на *е*) преобразовалось по твердому (на *о*),

а частица *же*, вѣроятно, примкнула къ мѣстоименіямъ *то*, *сё*, *оно́*, *само́* и т. п., въ прочихъ же случаяхъ *е* и въ концѣ сохранило свой исконный звукъ. Пожалуй, тотъ-же исконный звукъ слышится и въ словахъ мягкаго склоненія средняго рода съ удареніемъ на окончаніи по сѣверному произношенію, напр. *кольцé* (= *кольцъэ́* или *кольчé*), но это архаизмъ, уже отживающій и ограниченный очень узкими предѣлами. Такой-же вымирающій и рѣдкій остатокъ старины есть и *г* въ род. п. ед. ч. мѣстоименій и прилагательныхъ, слышимое тамъ-же.

Что-же наконецъ должно служить основой правописанію упрощенному и облегченному, т. е. приближенному къ живому выговору? Правописаніе какого угодно языка было въ началѣ, т. е. послѣ перваго примѣненія къ этому языку данной азбуки, по необходимости фонетическимъ. Кириллъ и Меѳодій, создатели одной изъ совершеннѣйшихъ азбукъ, руководились при обозначеніи звуковъ церковно-славянскаго языка исключительно слухомъ и потому различили напр. гласныя въ *часъ* и *сѣсти*, но не въ *сѣсти* и *цѣна*, хотя тамъ и *а* и *ѣ* восходятъ къ *ē*, а здѣсь одно *ѣ* — къ *ē*, другое — къ *oi*, и смѣшали искони чистое *а* въ *мати* (μάτηρ) съ *ā* изъ *ō* въ *даръ* (δῶρον). Иначе и быть не могло: они передавали, что̀ слышали, а чего не слыхали, о томъ не думали, да и думать не могли, не имѣя понятія о сравнительномъ языкознаніи. Впрочемъ и тамъ, гдѣ первоначальная форма слова имъ, людямъ, грамматически образованнымъ, должна была быть ясна, они (или, по крайней мѣрѣ, ихъ ближайшіе ученики) писали безъ смущенія по выговору *исцѣлити* и *цѣлити* вмѣсто *из(ъ)цѣлити*, *въждельти* вмѣсто *въжжелѣти*, *бещисла* вмѣсто *без(ъ) числа*, и только въ словахъ греческихъ они стали до нѣкоторой степени на этимологическую почву, заимствовавъ изъ этого источника лишнія для Славянъ буквы *ф*, *ѳ* и *ѵ*. Русскіе, принявъ кириллицу, заботились, конечно, не объ этимологіи, а только о передачѣ звуковъ своего языка. Потому они откинули ненужныя имъ ѫ и зѣло, а ѧ стали употреблять въ значеніи *а* съ предшествующей мягкостью, иногда и вмѣсто ꙗ, которымъ въ цер-

ковно-славянскомъ языкѣ выражалось исключительно сочетаніе *ja* или, точнѣе, *ꙇa*, какъ въ ꙗко или род. морꙗ (ср. словѣнское morjâ=*морйá*). Мало по малу ъ и ь все въ большемъ числѣ случаевъ выпадали, въ другихъ — замѣнялись звуками (и буквами) *о* и *е*, а *ѣ* сталъ отождествляться въ произношеніи съ *е*, и употребленіе этихъ знаковъ запуталось до того, что часто мы находимъ ихъ совсѣмъ не на мѣстѣ, а иногда встрѣчаемся и съ написаніями, доступными выговору только по надлежащемъ восполненіи некстати пропущенныхъ глухихъ. Нѣкоторый порядокъ водворяется приблизительно съ XV в., откуда можно считать начало ново-русскаго языка: глухія въ выговорѣ и на письмѣ окончательно замѣнились полными гласными *о* и *е* или пропали, а *ѣ*, совершенно слившись съ *е*, вышелъ-бы, пожалуй, совсѣмъ изъ употребленія, если-бы не поддерживался литературными воспоминаніями, сплошь да рядомъ неточными[1]). Этотъ относительный порядокъ установился исключительно на фонетическомъ основаніи, а этимологическія соображенія, имѣющія въ себѣ мало научнаго, вездѣ, гдѣ вторгались въ правописаніе, только портили дѣло. Но уже въ XVI в., а еще болѣе въ XVII эта фонетическая основа была сильно поколеблена появленіемъ южно-великорусскаго аканья въ письменности, и вновь начинается въ нашемъ правописаніи какая-то вакханалія, вопіющая объ упорядоченіи. За него принялись, впрочемъ не единодушно, тогдашніе грамотѣи, взявъ точкой отправленія, разумѣется, церковно-славянскій языкъ, но не тотъ, для котораго составляли свою азбуку славянскіе первоучители, а уже сильно потерпѣвшій отъ вліянія русскаго языка съ его нарѣчіями и орѳографической неурядицей. Тѣмъ-же путемъ шли ихъ преемники по задачѣ въ XVIII и XIX в., создавшіе то шаткое, лже-историческое правописаніе, которое всякій изъ насъ примѣняетъ болѣе или менѣе по-своему,

---

1) Понятно, что здѣсь рѣчь идетъ о памятникахъ чисто свѣтскаго происхожденія и написанныхъ на языкѣ разговорномъ или близкомъ къ разговорному, такъ какъ въ нашей духовной и вообще ученой литературѣ какъ разъ въ это время замѣчается усиленное подражаніе древне-болгарскимъ образцамъ.

нѣкоторые считаютъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ глубокой старины, большинство бранитъ за его трудность и сбивчивость и лишь очень незначительное меньшинство цѣнитъ надлежащимъ образомъ. Отдѣльныя этимологическія ошибки нашего правописанія давно уже указаны филологами, и этотъ списокъ можно еще пополнить, но попытки къ его исправленію отличались тѣмъ-же недостаткомъ, которымъ страдаетъ и самъ предметъ исправленія, — непослѣдовательностью, чему наглядымъ примѣромъ можетъ служить одобренное Министерствомъ народнаго просвѣщенія руководство академика Я. К. Грота хотя-бы въ своемъ послѣднемъ, окончательно провѣренномъ изданіи: въ этой книгѣ основой правописанія является то этимологія, то обычай, да и этимологія примѣняется не всегда вѣрно и самое понятіе ея не выяснено. Что такое этимологія, на которую должно опираться русское правописаніе, созналъ лишь покойный профессоръ А. А. Потебня, и можно смѣло сказать, что за весь этимологическій періодъ нашего правописанія со второй половины XVII в. по наши дни онъ одинъ писалъ въ самомъ дѣлѣ грамотно. Но, будучи превосходнымъ знатокомъ исторіи русскаго языка по всѣмъ его нарѣчіямъ и сверхъ того — малороссомъ, онъ построилъ свое правописаніе на общерусской фонетикѣ, т. е. на звукахъ русскаго языка до его распаденія на нарѣчія великорусское и малорусское. При этомъ стоитъ отмѣтить, что для малорусскаго языка онъ, по видимому, былъ отнюдь не прочь отъ фонетическаго правописанія, — почему? да, вѣроятно, потому, что малорусскій выговоръ, особенно полтавскій, различающій три *i* («ты утêк на тôк»), по большей части совпадаетъ съ этимологіей. Съ научной точки зрѣнія литературное правописаніе Потебни безукоризненно, но практически неудобно тѣмъ, что для свободнаго пользованія имъ нужны знанія и сообразительность этого замѣчательнаго ученаго. Большинству приходится поневолѣ ограничиваться менѣе обширной и потому болѣе доступной подкладкой, а именно: такъ какъ литературное нарѣчіе, для котораго собственно и устанавливается

правописаніе, произошло изъ великорусскихъ говоровъ, письменное изображеніе этого нарѣчія должно воспроизводить ту ступень великорусскаго языка, когда онъ, окончательно обособившись и опредѣлившись въ своихъ признакахъ, еще не распался на существующіе теперь говоры. Это и есть приблизительно конецъ XIV в. или начало XV, когда аканье еще не проникло въ письменность, а потерявшія свою слоговую природу *ъ* и *ь* еще напоминали о себѣ удержаніемъ предшествовавшихъ имъ согласныхъ въ ихъ первоначальномъ ряду, т. е. напр. *гвоздь* (не = *гвость*), *лавка* (не = *лафка* — изъ *лавъка*), *просьба* (не = *прозьба*) и т. п., и сохраненіемъ ихъ, какъ *лестной* (съ *т*), кромѣ такихъ случаевъ ранней утраты глухихъ, какъ *свадьба* изъ *сватьба*, *изба* изъ *истъба*, *што* изъ *чьто*, *где* изъ *къде*, *лесница* (откуда *лесенка*) изъ *лѣстьница* и др. Если кто возразитъ, что такого единаго великорусскаго языка никогда не было, съ этимъ нельзя не согласиться; но вѣдь и любой такъ называемый праязыкъ, какъ бы узки ни были его предѣлы, есть фикція. Однако безъ такихъ фикцій наука не можетъ обойтись, когда ей приходится установлять отдѣльные моменты даннаго историческаго процесса. Такія фикціи называются иначе обобщеніями, и фиктивнаго въ нихъ лишь то, что изъ нихъ исключены кое-какія случайности, немногіе остатки отжившаго и еще болѣе рѣдкіе заскоки въ слѣдующую эпоху, а нѣкоторыя звенья между документально засвидѣтельствованными фактами, не переданныя намъ памятниками, восполнены предположительно на основаніи законовъ развитія изучаемой исторической величины. Возможно и другое возраженіе — что руководиться тѣмъ, что̀ было 500 лѣтъ тому назадъ, все-таки трудно, потому что съ тѣхъ поръ многое успѣло перемѣниться. И это вѣрно; за то для облегченія пользованія такой основой правописанія въ наше время слѣдуетъ допустить нѣкоторыя отступленія отъ нея въ пользу современнаго выговора, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, судя по стремленію языка въ данномъ направленіи, этому выговору принадлежитъ будущее, какъ напр. въ превращеніи *ч* въ *ш* передъ *н*: если мы

хотимъ устроить правописаніе, по крайней мѣрѣ, для нѣсколькихъ поколѣній, мы обязаны, на сколько можемъ, заглядывать и впередъ. Эта уступка можетъ быть усилена упомянутымъ выше предоставленіемъ свободы правописанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ въ употребленіи *чн* и *шн* (*ночник* или *ношник*), *-ивать* или *-овать* послѣ задненебныхъ (*помахивать* и *помаховать*), *ѣ* и *е* (*дѣвки* съ твердымъ *в* = *ф* и *девки* — съ мягкимъ, *пѣрвой* и *первой* или *перьвой*, *бѣдствіе* и *бедствіе*, смотря по твердости или мягкости звука, слѣдующаго за ударяемымъ *е*), *ѣ*, *е* и *ё* (*определѣнной* и *определённой*, *определеннеё* и *определённеё*) и т. н. Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію то, что, сколько бы мы ни приближались къ современному намъ выговору, намъ никогда не удастся выдумать такое правописаніе, овладѣніе которымъ не требовало-бы никакого труда, потому что каждый пишущій неизбѣжно найдетъ въ немъ нѣчто, несогласное съ его говоромъ и, слѣдовательно, для него лично — условное, и точно такъ-же несомнѣнно то, что правописаніе тѣмъ легче, чѣмъ меньше въ немъ условнаго, а если кто-нибудь изъ насъ — хоть профессора Брандтъ и Богородицкій или я, всѣ трое писавшіе о русскомъ произношеніи, и всѣ трое разно — установитъ орѳографическій канонъ по собственному выговору, даже принявъ къ свѣдѣнію произношеніе своихъ случайныхъ знакомыхъ или сотрудниковъ, для каждаго изъ тѣхъ, кому будетъ навязано такое правописаніе, въ этомъ изображеніи звуковъ великорусской рѣчи найдется болѣе или менѣе значительная доля такихъ написаній, которыя, отличаясь отъ его собственнаго выговора, должны показаться ему условными, т. е. подлежащими усвоенію одною памятью. Ужь если безъ помощи памяти нельзя обойтись въ обученіи правописанію, пусть эта способность упражняется на матеріалѣ, имѣющемъ значеніе общегодное, какъ представляющемъ собою звуковую сторону всего великорусскаго языка, идеально сведеннаго къ единству. Такое обобщеніе вполнѣ возможно, тогда какъ обобщеніе выговора литературно-образованныхъ людей, по крайней мѣрѣ, у насъ отно-

сится къ числу пресловутыхъ pia desideria, которыми кишитъ вся наша литература: мы сойдемся съ проф. Брандтомъ въ томъ, что *водá* произносится *вадá*, наперекоръ проф. Богородицкому, который слышитъ въ первомъ слогѣ этого слова звукъ, средній между *о* и *а*, но мы-же двое разойдемся на словѣ «провинціализмъ», которое я произношу *провинцыализмъ* въ 5 слоговъ, а онъ—*провинцьялизмъ* въ 4, и т. д. [1]).

Какъ-же опредѣлить начало, на которомъ должно быть перестроено русское правописаніе? Это начало можно, конечно, назвать фонетическимъ, но во избѣжаніе недоразумѣній безопаснѣе признать его откровенно этимологическимъ, съ тою лишь разницей отъ основы нынѣшняго правописанія, что въ новомъ этимологическій образецъ ограниченъ и придвинутъ лѣтъ на 500 къ нашему времени.

Въ заключеніе попытаемся провѣрить и пополнить выше изложенныя основы упрощеннаго русскаго правописанія посредствомъ слѣдующаго опыта: представимъ себѣ, что никакой азбуки у насъ нѣтъ, и что намъ приходится примѣнить къ своему языку латинку. При этомъ, такъ какъ латинка у Славянъ не новость, воспользуемся приспособленіями Поляковъ или, еще лучше, Чеховъ, какъ простѣйшими,—разумѣется, условно: *l*=*л* твердому, *e* = *е* мягкому закрытому, *ě* = *е* мягкому открытому (послѣ *ш*, *ж* и *ц* то и другое безъ мягкости), *h* = *x*. Выберемъ примѣръ изъ Пушкина. Но предварительно выяснимъ себѣ тѣ

1) Въ связи съ этимъ «и т. д.» мнѣ припоминается споръ между мною и проф. Брандтомъ, происходившій года три тому назадъ. Я сказалъ, что въ русскомъ языкѣ мало такихъ риѳмъ, какъ слова *рѣжетъ* и *скрежетъ*, звуковое сходство которыхъ вполнѣ независимо отъ причинъ грамматическихъ. На это Р. Ѳ. Брандтъ замѣтилъ, что за то эта риѳма неточна, такъ какъ въ первомъ изъ этихъ словъ гласный звукъ перваго слога закрытъ, а во второмъ открытъ (если не наоборотъ; теперь не припомню, такъ какъ на мой слухъ звукъ *е* въ обоихъ одинаково открытъ). Судьи изъ профессоровъ, случайно присутствовавшихъ (разговоръ происходилъ въ профессорской комнатѣ Московскаго университета), согласились со мною, но — какъ знать?—другіе эксперты нашли-бы, пожалуй, разницу, да еще, можетъ быть, обратную той, какую признавалъ нашъ уважаемый славистъ. А впрочемъ — откуда-бы тутъ быть разницѣ въ выговорѣ человѣка, не вводимаго во искушеніе орѳографическими соблазнами?

звуки, которые подлежатъ передачѣ, употребивъ съ этой цѣлью, примѣненные выше къ русскимъ словамъ фонетическіе знаки, но, ради простоты, безъ обозначенія качества *о* (всегда открытаго), *у* и *ы* (всегда закрытыхъ) и мягкости *ч* и всякихъ согласныхъ передъ *і*. Въ этой чисто фонетической транскрипціи будемъ слѣдовать исключительно московскому выговору, сообразуясь однако съ требованіями риѳмы.

Zi′^{1}mn^{i}ъjъ darógъ.

Skvos^{i} vałní^{1}sty^{1}jъ tumány
Prъbi^{1}rái^{2}ccъ łuná;
Nъp^{i}e^{1}čál^{i}nyjъ pal^{i}ány
L^{i}jòt p^{i}e^{1}čál^{i}nъ s^{i}v^{i}è^{2}t aná.

Pъdaróg^{i}e zi′^{1}mn^{i}e^{1}i̯, skúčnъi̯
Trói̯kъ bórzъjъ b^{i}e^{1}žýt,
Kъłakól^{i}či^{2}k — ъdnazvúčnъi̯
Utami′^{1}t^{i}e^{1}l^{i}nъ gr^{i}e^{1}mi′t.

Štótъ slýšyccъ radnójъ
Vdółgi^{1}x p^{i}é^{1}s^{i}n^{i}ah je^{1}mš^{i}š^{i}i^{1}ká:
Tò razgúl^{i}jъ udałójъ,
Tò s^{i}e^{1}rd^{i}e^{1}čnъjъ taská.

Ni^{1} agn^{i}á, ni^{i} čórnъi̯ xáty.
Głúš-y-s^{i}n^{i}é^{2}k. Nafstr^{i}é^{1}ču mn^{i}é^{2}
Tól^{i}kъ v^{i}órsty pъłasáty
Pъradájuccъ ad^{i}n^{i}é^{2}.

Skúšnъ, grúsnъ. Záftr^{i}ъ, Ní^{1}nъ,
Záftr^{i}ъ kmí^{1}łъi̯ vъzvrat^{i}ás,
Jà zabúdus ukamí^{1}nъ,
Zъgl^{i}e^{1}žús n^{i}e^{1}nъgl^{i}e^{1}d^{i}ás.

Zvúčnъ str^{i}é^{2}łkъ če^{1}savájъ
M^{i}é^{2}rnъi̯ krúk svòi̯ sъv^{i}e^{1}ršý^{1}t,
I dakúčnyx udal^{i}ájъ,
Półnъč nás n^{i}e^{1}rъzłučí^{1}t.

Grúsnъ, Ní^{i}nъ, pút^{i} mòi̯ skúče^{1}n,
Dr^{i}é^{2}ml^{i}ъ smółknuł mói̯ je^{1}mš^{i}š^{i}í^{1}k,
Kъłakól^{i}či^{2}k — ъdnazvúče^{1}n,
Atumán^{i}e^{1}n[1] łúnnъi lí^{1}k.

Ясно, что такая транскрипція звуковъ есть нѣчто совершенно отличное отъ того, что̀ называется правописаніемъ, т. е. отъ общедоступной ихъ передачи, которая могла-бы разсчитывать на принятіе ея въ повседневный обиходъ не только лингвистами, но и людьми другихъ спеціальностей и даже просто грамотными. Во всякомъ случаѣ близко къ правописанію въ этомъ смыслѣ стояло-бы слѣдующее изображеніе того-же текста латинскими буквами по выше изложеннымъ правиламъ.

Zimn̓aja doroga.

Skvoz̓ volnistyja tumany
Probirajetsa[2] luna,
Na pečal’nyja pol’any
L’jot pečal’no svět ona.

Po doroge zimnej, skučnoj
Trojka borzaja bežyt,
Kolokol’čik odnozvučnoj
Utomitel’no gremit.

Što-to slyšytsa rodnojo
V dolgih pesn̓ah jemščika:
To rozgul’jo udalojo,
To serdečnaja toska...

---

1) Или atumán^{i}i^{2}n, такъ какъ *e* въ конечномъ закрытомъ слогѣ безъ ударенія вообще склонно у Великороссовъ къ смѣшенію съ *i*.

2) Ближе къ московскому и южному выговору было-бы probiraitsa, но противъ такого правописанія выговоръ сѣверянъ, о которомъ выше. Впрочемъ разрѣшеніе этого вопроса подлежитъ условію.

Ni ogn'a, ni čornoj haty...
Gluš i sněg... Na vstreču mně
Tol'ko v'orsty polosaty
Popadajutsa odně

Skučno, grustno... Zavtr'o, Nina,
Zavtr'o k miloj vozvrat'as,
Ja zabudus u kamina,
Zagl'ažus, ne nagl'ad'as.

Zvučno strělka časovaja
Měrnoj krug svoj soveršyt,
I, dokučnyh udal'aja,
Polnoč nas ne rozlučit.

Grustno, Nina: put' moj skučen,
Drěml'a, smolknul moj jemščik,
Kolokol'čik odnozvučen,
Otumanen lunnoj lik.

«Iemščik», потому что этимологія этого слова теперь едва-ли кому ясна кромѣ занимавшихся древне-русскимъ языкомъ; «skučno», а не «skušno», потому что дальше «скученъ» въ риѳмѣ съ «однозвученъ». Теперь перепишемъ этотъ текстъ русскими буквами какъ можно ближе, соблюдая всѣ употребленные въ немъ ороографическіе пріемы, что также не лишено поучительности при постановкѣ вопроса объ удобнѣйшемъ правописаніи независимо отъ ороографическаго преданія (но не лингвистическаго, т. е. этимологіи).

Зимньаја дорога.

Сквозь волнистыја туманы
Пробирајется луна;
На печальныја польаны
Льјот печально свѣт она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзаја бежыт,
Колокольчик однозвучной
Утомительно гремит.

Што-то слышитса роднојо
В долгих песньах емщика:
То розгульјо удалојо,
То сердечнаја тоска...

Ни огньа, ни чорной хаты...
Глуш и снѣг... На встречу мнѣ
Только вьорсты полосаты
Попадајутся однѣ.

Скучно, грустно... Завтрьо, Нина,
Завтрьо к милой возвратьас,
Ја забудус у камина,
Загльажус, не нагльадьас.

Звучно стрѣлка часоваја
Мѣрной круг свой совершыт,
И, докучных удальаја,
Полноч нас не розлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дрѣмльа, смолкнул мой емщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунной лик.

Техническихъ новшествъ здѣсь два: введены *j* и смягченіе согласныхъ передъ гласной посредствомъ *ь*, то и другое на основаніи латинской транскрипціи, но не потому, что она латинская: вздумаемъ-ли мы переписать то-же еврейскими, калмыцкими, армянскими, грузинскими или какими угодно буквами, мы неизбѣжно должны будемъ выразить смягченіе не особыми глас-

ными, а буквой, соотвѣтствующей латинскому j. Вотъ для образчика первая строфа, переданная по тому-же «ново-этимологическому» правописанію еврейской азбукой (съ короткими гласными кромѣ $\bar{e}$ = *ѣ* и $\bar{\imath}$ = *ы*):

סְכוָזִי וָלְכְסְתִייַ תְּמַנִי   פְּרְבְרַיֶתְּםַ לְנַ
נַ פֶּצַלְינִייַ פָּלִינִי   לְיָיתְ פֶּצַלְינָ סְרֵתְ אָנַ

Разница лишь въ томъ, что кириллица позволяетъ отличить на письмѣ смягченіе согласной (*ь*) отъ неслогового *і* (*й*) и отъ мягкаго согласнаго звука *j*. Буква *j*, принятая Вукомъ Караджичемъ въ сербскую кириллицу, есть лишь иное начертаніе того знака, который введенъ самими Кирилломъ и Меѳодіемъ въ сочетаніяхъ ꙗ, ѥ, ю (вмѣсто полнаго ю ꙋ), но если она кому не нравится тѣмъ, что заимствована изъ латинской азбуки, можно возвратиться къ древнимъ начертаніямъ, дополнивъ ихъ знакомъ йотированнаго *о*, или замѣнить ее буквой *і*, условившись изображать слоговое *і* исключительно посредствомъ *и*. Отъ послѣдняго пріема бѣда — если здѣсь можетъ быть рѣчь о бѣдѣ — будетъ тѣмъ меньше, что за устраненіемъ *і* изъ прилагательныхъ съ основой на задне-небные и шипящіе и вообще смягченные согласные звуки, какъ *высóкій*, *стрóгій*, *тúхій*, *хорóшій*, *рáжій*, *прóчій*, *бáбій* (по образцу *такóй*, *нагóй*, *лихóй*, *большóй*, *чужóй* и пр. — съ *о* вмѣсто *ы*, а въ прочихъ — съ *е* вмѣсто *і*), эта буква останется только въ иноязычныхъ или по ихъ аналогіи скованныхъ словахъ, напр. на *-ніе* и *-тіе* (по-русски *-нье* и *-тье*), да и въ нихъ по большей части не передъ гласной, а передъ *j*, который впрочемъ присутствуетъ, хотя въ гражданскомъ письмѣ невидимо, и въ такъ называемыхъ гласныхъ *я*, *е*, *ѣ*, *ю*, по крайней мѣрѣ, въ началѣ слова или послѣ гласной, ъ и ь. Если, по примѣру Кирилла и Меѳодія, мы введемъ знакъ для звука *j* въ тѣхъ-же случаяхъ, т. е. будемъ писать напр. *jестъ* и *поjом*, мы не нуждаемся въ *э* и можемъ смѣло довольствоваться начертаніями *ѣтот*, *поѣт*, *епической*. Тотъ-же знакъ разрѣшилъ-бы во-

просъ о *г*, который нѣкоторые приверженцы преданія защищаютъ указаніемъ на *объявленіе*, *подъемъ*, *отъѣздъ* и т. п.: *објавленіјо*, *подјом*, *отјѣзд* въ звуковомъ отношеніи, ужь конечно, не менѣе ясны, чѣмъ прежнія начертанія этихъ словъ. Онъ-же могъ-бы замѣнить и *г* въ тѣхъ иностранныхъ словахъ, гдѣ оно произносится у насъ какъ *ј*: *јений*, *јенерал* [1]). Поляки ужь пишутъ jenerał и т. п. Еще важнѣе введеніе буквы *ј* вмѣсто иноязычнаго *h* передъ *е* и *и*, гдѣ по-великорусски оно произносится за *ј*: написаніе словъ, содержащихъ въ себѣ эти сочетанія, чисто условное, посредствомъ *г*, вводитъ въ обманъ огромное большинство, не знакомое съ происхожденіемъ этихъ словъ, заставляя его произносить *Гера*, *герметическій*, *гимнъ*, *Генрихъ* и т. п. съ *г*=g. Конечно, и *ј* въ этихъ случаяхъ не соотвѣтствуетъ звуку, произносимому не только самими иностранцами, у которыхъ заимствованы слова съ *h*, но и Малороссами, которые впрочемъ также произносятъ здѣсь не чуждое имъ *h*, а свое придувное *г*, т. е. новогреческое γ или сѣверно-нѣмецкое *g* въ *Tage*; но нашъ выговоръ съ *ј* есть фактъ, и, если мы допустимъ, что малорусскій звукъ буквы *г* есть ближайшая изъ доступныхъ Славянамъ передачъ звука *h* (въ отличіе отъ *х*) — а не допустить этого нельзя,— мы будемъ должны признать этотъ фактъ нормальнымъ и потому законнымъ, такъ какъ у Малороссовъ ихъ *г* удерживается безъ смягченія передъ *е* и *и* потому, что эти гласныя у нихъ тверды, а у насъ тотъ-же звукъ, принятый въ обиходъ преимущественно ради иноязычныхъ словъ или иноязычнаго выговора, напр. въ церковныхъ словахъ, проникшихъ къ сѣвернымъ Русскимъ чрезъ посредство южныхъ, *Богъ* (по

1) Сочетаніе *ге* (*гѣ*), хотя не встрѣчается въ началѣ чисто русскихъ словъ, однако не противорѣчитъ нашей нынѣшней фонетикѣ — ср. *ногѣ*, *въ пирогѣ* и т. п. Переходъ *г* въ *ј* передъ *е* могъ совершиться въ однихъ словахъ уже у тѣхъ, кто намъ ихъ передалъ,— у сѣверныхъ Нѣмцевъ и Шведовъ, произносящихъ начальное g передъ мягкими гласными какъ j, въ другихъ — подъ вліяніемъ господствовавшаго въ XVIII в. среди нашихъ образованныхъ людей даже на Сѣверѣ южно-русскаго выговора *г* за γ, которое передъ мягкимъ *е* естественно должно было смягчиться въ j. Ср. въ текстѣ ниже.

великорусскому выговору = *бох*) съ род. *Бога* (= bóγъ) [1]) и съ производнымъ *богатый* = baγátъį), *Господь* (= γaspótⁱ) съ производными *господень* (γaspódⁱeⁱnⁱ) и др. (но свѣтское *господинъ* обыкновенно gъspadín), *благо* (= *bláγъ* съ *благодать* = bľъγadát и пр.), *богатырь* (= *bъγatýrⁱ*), *Государь* (= γъsudárⁱ, но чаще съ *g*, и такъ всегда въ «милостивый государь»), и, вѣроятно, *коганъ* т. е., по-старинному, = *koγánъ*), передъ тѣми-же гласными долженъ смягчаться или, другими словами, превращаться въ *j*, какъ въ *Богѣ* (*bójeⁱ*) и *боги* (= *bóji*). Другой вопросъ, нужно-ли непремѣнно писать *j* вмѣсто *г* въ такихъ случаяхъ, каковы два только-что приведенные примѣра, т. е. въ склоненіи, или хотя-бы даже въ производномъ *богиня*. Что наши предки произносили греческое придувное *г* именно такъ, по-малорусски, можно предполагать по вѣрной передачѣ такихъ его смягченій, какъ Αἴγυπτος, звучавшее тогда éjüptos — *Еюпетъ*. У насъ подъ вліяніемъ ученыхъ Малороссовъ въ прошломъ вѣкѣ, какъ доказалъ проф. Будде, придувное произношеніе *г* вообще признавалось литературнымъ. Придувное *г* (= γ), утвердившись въ нарѣчіяхъ южныхъ и западныхъ русскихъ племенъ, Чеховъ, Словаковъ и Верхнихъ Лужичанъ, у прочихъ славянъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вело свое происхожденіе изъ праславянскаго языка, должно было или измѣниться во взрывное *г* (= g) или исчезнуть [2]). Отсюда напр. по-церковнославянски *юго*, *сего*, *того*, *вьсего*, *добрааго* и т. п., гдѣ придувное *г*[3]) слышалось уже въ праславянскую эпоху, а въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ и у Кашубовъ здѣсь

1) Впрочемъ весьма вѣроятно, что таково было русское произношеніе этого слова искони и вездѣ, такъ какъ и лужицкія нарѣчія и кашубское, повидимому, свидѣтельствуютъ о какомъ-то особенномъ выговорѣ *г* именно въ этомъ случаѣ, а потому можно здѣсь видѣть явленіе обще-славянское, зависящее отъ того, что, какъ думаетъ проф. Вс. Ѳ. Миллеръ, *Богъ* есть лишь славянская передѣлка иранскаго *baγa*-.

2) Потому у Бѣлоруссовъ *гѣтотъ*, у Великоруссовъ *этотъ*; ср. бѣлор. *ген* (вонъ тамъ), малор. *геть* (тамъ далеко, прочь) и др.

3) Изъ неслогового *і* (į — ср. греч. τοῖο и т. п.), какъ придыханіе въ греческомъ языкѣ (ὅς — санскр. yas и т. п.) и въ армянскомъ (гдѣ j въ началѣ произносится теперь за h). — Честь правильнаго объясненія *г* въ *юго* и т. п. принадлежитъ, сколько мнѣ извѣстно, профессору Ф. Ѳ. Фортунатову.

явилось *в*, какъ въ *Яворъ* изъ нѣм. Ahorn, потому что Славяне вообще не охотники до зіянія и для устраненія его прибѣгаютъ передъ широкими гласными именно къ *в*, откуда у насъ *Уваръ* (изъ Οὔαρος = лат. Varus), *Левонъ* (изъ Λέων), *тивунъ* (сканд. thjónn, однако и *тіунъ*, какъ *паукъ*, а по говорамъ — и *дњушка*, *реунъ* и даже *баушка* вмѣсто *бабушка*) [1]). И такъ для правописанія *того* и т. п. у насъ очень мало основаній. Впрочемъ придувное *г* слышно у насъ, помимо выше упомянутыхъ примѣровъ, еще въ сочетаніяхъ *гд*, особенно послѣ гласной, и *г* изъ *кг*, напр. въ *тогда* (=*taγdá*), *Вологда* (=*vóľъγdъ*), *къ горњ* (=*γdar'ê²*), иногда и *гдњ* (γd'e²); а если мы, хотя-бы для охраненія своихъ ушей отъ *геморроя* и т. п. со взрывнымъ *г*, согласимся на введеніе *j*, то обезпечимъ ихъ и отъ *гонорреи* и пр. съ придувнымъ *г*, послѣдовавъ примѣру покойнаго Василія Кирилловича Тредьяковскаго, изобрѣтшаго знакъ для этого звука. Пусть говорятъ, что всякій Россіянинъ и безъ того знаетъ, какъ выговорить *благо* и *тогда*, а до иностранныхъ звуковъ намъ дѣла нѣтъ; но кто-же откажется отъ *ф* только потому, что *фонарь* — слово не наше, а *профоссъ* сдѣлался у насъ *прохвостомъ?* *Ѳ* — дѣло другое: совпавъ по выговору съ *ф*, она стала до такой степени излишней, что и грамотѣи пишутъ *фофанъ*, хотя это слово есть простонародная передѣлка имени *Ѳеофанъ* (Θεοφάνης). Скажутъ, пожалуй, что самая грубость такого искаженія избавляетъ насъ отъ заботы объ орѳографическихъ тонкостяхъ; а *Ѳеклистъ* развѣ вѣрно передаетъ *Ѳеоктиста*? Да и *Олфёра* едва-ли кто рѣшится написать съ *ѳ*, хотя онъ-же — *Елевѳерій*. Кстати объ уступкахъ иностраннымъ языкамъ: *Елевѳерій*, *Елена*, *Евдокія*, *Евсевій* и т. п. имена не превратились-бы по-русски въ *Олфёръ*, *Олёна*, *Овдóтья* (а не *Авдотья* — ср. малор. уменьш. *Вíвдя* изъ **Óвдя*), малор. *Овсій*, если-бы ихъ начальное *е* искони произносилось у Славянъ такъ, какъ въ то время въ словахъ славянскихъ, т. е. съ *j* впереди, потому что этотъ звукъ едва-ли

1) То-же у Сербовъ, по крайней мѣрѣ, послѣ *у*, по выпаденіи *x*=*h*, напр. въ *сyвo*, *дуван*, *бува*, *мува* вмѣсто *сухо*, *духан*, *блъха*, *муха*.

допустилъ-бы переходъ *е* въ *о*, наблюдаемый только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прарусская форма начиналась прямо съ *е*, каковы *ѥдинъ—одинъ* (ср. словѣнск. eden), *ѥзеро—озеро* (въ Остроміровомъ Евангеліи діалектическое церковно-слав. *езеро*), *ѥлень—олень* (нижне-луж. heleń), куда относятся также *овинъ* изъ **евинъ* (ср. бѣлор. *jо́вна* или *jо́вня*, лит. jáuja овинъ, сушильня), *осетръ* изъ **есетръ* (прусск. esketres, лит. erszketras — Jagić, Archiv f. sl. Phil. V, стр. 579; ср. также лекціи Ф. Ѳ. Фортунатова), а не въ такихъ, какъ *ѥго*, *ѥще*, *ѥда*, *ѥле* и т. п., производныхъ отъ корня относительнаго мѣстоименія (i̯o-), или какъ принявшій у насъ непечатно-грубый оттѣнокъ значенія глагольный корень, соотвѣтствующій греческому οἴφω (санскр. yabh-), которые удерживали *j* (или i̯) въ эпоху прарусскую. Правда, къ тому-же мѣстоименному корню относятся русскія *оже* (церк.-слав. *ѥже*), *одва* (при *едва*) и, можетъ быть, *оли до* (=usque ad, ср. *коли*, *толи*), но не должно упускать изъ-виду то, что все это—слова служебныя, произносимыя болѣе небрежно, чѣмъ знаменательныя (почему напр. по-русски глаголы *дѣ́ить* и *мо́лвить*, по-чешски praví «говоритъ», принявъ значеніе частицъ, сократились въ *дѣ*, *молъ* = mъł, prý, а по-польски первая согласная предлога bez утратила свою мягкость). Найдутся и еще кое-какіе примѣры потери начальнаго этимологическаго *j* въ русскомъ языкѣ, какъ *ожи́на*, *опонча́* (или *опо́нча*), но скорѣе у Малороссовъ, чѣмъ у Великороссовъ, которые говорятъ *ежеви́ка*, *епанча́* (или *епонча*, а по этимологіи вѣрнѣе—*японча* отъ стараго турецкаго japunčá). Малороссы-же говорятъ и *Омелян, Охрім*, *Овсій*[1]), а мы—*Емелья́нъ*, *Ефре́мъ*, *Евсе́й*, хотя и у насъ формы съ *о* (а не съ *а*, какъ пишутъ порой и грамотѣи) попадаются тамъ и сямъ, такъ какъ въ этихъ именахъ *е* йотировалось лишь позже. Какъ чувствительны русскіе въ этомъ случаѣ къ *j*, ясно изъ того, что въ именахъ *Іерусалимъ* (Ἱεροσόλυμα) и *Іероѳей* (Ἱερόθεος), по-просту *Ерусали́мъ* и *Ероѳе́й*, *о* вмѣсто *е* неслыхано не только у велико-

---

1) Но *олій* сюда не относится: ср. польск. olej отъ лат. oleum черезъ Нѣмцевъ.

россовъ, но и у малороссовъ (уменьш. *Яріш* род. *Яроша́* съ *я*, какъ почему-то и *Явту́х* изъ Εὐτύχιος, *Явдокі́м* изъ Εὐδόκιμος, *Явдо́ха* отъ Εὐδοκία, *Ярі́на* изъ Εἰρήνη=irini, что у насъ *Ори́на*). Есть у Русскихъ примѣры сохраненія *j* въ *je-* даже неорганическаго, какъ въ *ель*, *ёлка* (ср. греч. ἐλάτη), въ *есть* (ср. греч. ἐστί, лат. est и т. д.) и др., между прочимъ, можетъ быть, и въ глагольномъ корнѣ *ем-* (если ѥм-=лат. em-, а не санскр. yam-, что даже при отсутствіи *ом-*, кажется, не необходимо въ виду пропорціи ѥмлѭ: *имати*=*берѫ*: *бирати* и т. п.) и въ утвердительной частицѣ *ей*, которая въ сущности едва-ли отлична отъ междометія *эй* [1]). Понятно, что превращеніе ѥ въ *о* въ словахъ *одинъ* и *Олена* не есть дѣло одного и того-же момента въ исторіи русскаго языка; но вѣдь и польскія rzadki=*рѣдъкыи* и Małgorzata=Margarēta (съ долготой уже не латинской, а нѣмецкой) принадлежатъ, вѣроятно, не одной эпохѣ, однако слогъ *rē* (или съ двоегласнымъ *ea*) подвергся въ нихъ одинаковымъ перемѣнамъ, потому что извѣстный звуковой законъ, осуществившись во всѣхъ подлежавшихъ ему случаяхъ и на томъ, по видимому, закончивъ свою дѣятельность, тѣмъ не менѣе, какъ только снова гдѣ-нибудь явится уничтоженное имъ сочетаніе, иногда даже черезъ довольно значительный промежутокъ времени можетъ возвратиться къ жизни для того, чтобы сокрушить этого нежданнаго и, быть можетъ, послѣдняго супостата. Какъ бы то ни было, мы чуть-ли не будемъ правы, признавъ *е* не йотированное въ началѣ греческихъ именъ уступкой иноязычному выговору. И такъ, слѣдуя благому примѣру первоучителей, прибережемъ свой патріотизмъ для цѣлей, болѣе высокихъ и полезныхъ, чѣмъ отказъ отъ вразумительной передачи иностранныхъ звуковъ, насколько это не противорѣчитъ нашей фонетикѣ. Что изобрѣтатели славянской азбуки зашли въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко, еще не слѣдуетъ изъ включенія ими въ нее буквъ *ѳ* и *г* (ɣ), потому что неизвѣстно, точно-ли они требовали для

1) Малор. *јединиця* «единственная» (напр. *дочка́*) вѣроятно, книжнаго происхожденія.

этихъ знаковъ греческаго произношенія ϑ и υ, а не ограничивались условнымъ изображеніемъ именъ и словъ, которыхъ самые звуки были въ ихъ глазахъ священны. Употребленіе буквъ, излишнихъ для передачи звуковъ родного языка, встрѣчается и у всѣхъ народовъ, пользующихся арабской азбукой, которые ради арабскихъ словъ удержали изъ нея нѣсколько знаковъ, произносимыхъ ими впрочемъ по своему, и у Монголовъ, принявшихъ особыя изображенія тибетскихъ звуковъ. Эти примѣры составляютъ полную аналогію ко введенію *ф*, *ѳ* и *ѵ* въ славянскую азбуку, такъ какъ арабскій и тибетскій языки для мусульманъ и монголовъ-буддистовъ то-же, что греческій для православныхъ Славянъ. У насъ есть несомнѣнно стремленіе къ болѣе или менѣе точному воспроизведенію иноязычныхъ звуковъ, по крайней мѣрѣ, въ словахъ, заимствованныхъ не ранѣе лѣтъ 200 тому назадъ или перешедшихъ къ намъ исключительно книжнымъ путемъ. Такъ мы выговариваемъ *поэтъ*, *якобинецъ*, *сюжетъ*, *бюро* какъ poé^{2}t, jakobín^{i}e^{1}c, süžé^{2}t, büró, а не какъ pajé^{2}t или paé^{2}t, je^{1}kabín^{i}e^{1}c, s^{i}užé^{2}t, b^{i}uró, что̀, пожалуй, также можно услышать, но отъ людей мало образованныхъ. Если такъ, то въ азбукѣ, разсчитанной на правописаніе, въ значительной степени фонетическое, были-бы, можетъ быть, нелишни знаки для звуковъ *ӱ* и *ӧ*, которые даже не совсѣмъ чужды русскому языку, именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *j* (i̯) послѣ ударенія пропадаетъ, по говорамъ, передъ *у* и *о*, а именно въ московскомъ говорѣ и въ примыкающихъ къ нему съ юга — въ закрытомъ слогѣ послѣ *é* (*ѣ́*), какъ *надѣюсь* = nad^{i}é^{1}ü^{2}s, *смѣютъ* = s^{i}m^{i}é^{1}ü^{2}t (что̀ указалъ мнѣ извѣстный шведскій языковѣдъ, профессоръ И. А. Лунде́лль), въ сѣверныхъ, допускающихъ переходъ неударяемаго *е* въ *ё*,—при тѣхъ-же условіяхъ послѣ *á*, напр. *зна́ешь*=znáö^{2}š (гдѣ впрочемъ *ӱ* близко къ *і*, а *ӧ* — къ *е*, и оба выговариваются неотчетливо). Для *ӱ* въ нашемъ церковномъ письмѣ есть готовая буква — *ѵ*, а для *ӧ* легко заимствовать оттуда-же ω,— конечно, въ условномъ значеніи или приблизивъ начертаніе этого знака къ латинскому œ.

Заключимъ свое разсужденіе еще однимъ примѣромъ, содер-

жащимъ въ себѣ нѣкоторые орѳографическіе случаи, которые не встрѣтились въ первомъ. Представимъ и этотъ текстъ — сонетъ Пушкина—въ троякой транскрипціи.

1.

Suróvъį dánt n^{i}e^{1}pr^{i}e^{1}zi^{i}ráł son^{i}é^{2}tъ;
Vn^{i}om žár l^{i}ub^{i}ví^{1} p^{i}e^{1}trárkъ i^{1}z^{i}li^{1}váł;
I^{1}grú je^{1}vó l^{i}ubi^{1}ł tvar^{i}é^{2}c magb^{i}é^{2}tъ;
Ji^{1}m skórbnu mýs^{i}l^{i} kamóe^{1}ns—ъbl^{i}e^{1}káł.

I^{i}vnášy d^{i}ní^{1} pl^{i}e^{1}n^{i}ái^{2}t òn poé^{2}tъ:
Vortsvórt je^{1}vó arúdi^{1}jъm—yzbráł,
Kaγdá vdalí^{1} atsúje^{1}tnъvъ s^{i}v^{i}é^{2}tъ
Pri^{1}ródy òn ris^{1}úi^{2}t—yd^{i}e^{1}áł.

Pats^{i}é^{1}n^{i}ju gór tavrí^{1}dy addal^{i}ónnъį
P^{i}e^{1}v^{i}é^{2}c li^{1}tvý vrazm^{i}é^{2}r je^{1}vò s^{i}t^{i}e^{1}s^{i}n^{i}ónnъį
Svaí^{1} m^{i}e^{1}čtý mgnav^{i}é^{2}nnъ zъkl^{i}učáł.

Unás je^{1}vó je^{1}š^{i}š^{i}ъ n^{i}e^{1}ználi d^{i}é^{2}vy,
Kъgdl^{i}ъn^{i}e^{1}vó užd^{i}é^{1}l^{i}viγ—zъbyváł
Je^{1}gzám^{i}e^{1}trъ s^{i}v^{i}e^{1}š^{i}š^{i}é^{2}nnyjъ nap^{i}é^{2}vy.

2.

Surovoj Dant ne preziral soněta;
V n'om žar l'ubvi Petrarka izlival;
Igru jevo l'ubil tvorec Makběta;
Jim skorbnu mysl' Kamoens oblekal.

I v našy dni plen'áit on poěta:
Vordsvord jevo orudijom izbral,
Koγda, v dali ot sujetnovo světa,
Prirody on risuit ideal.

Pod senju gor Tavridy otdal'onnoj
Pevěc Litvy v rozměr jevo stesn'onnoj
Svoi mečty mgnověnno zakl'učal.

U nas jevo ješčo ne znali děvy,
Kak dl'a nevo už Del'viγ zabyval
Jegzametra sv'aščěnnyja naprěvy.

3.

Суровой Дант не презирал сонѣта;
В нём жар льубви Петрарка изливал;
Игру јево льубил творѣц Макбѣта;
Јим скорбну мысль Камоенс облекал.

И в нашы дни пленьаит он поѣта:
Вордсворд јево орудијом избрал,
Коһда, в дали от сујетново свѣта,
Природы он рисуит идеал.

Под сеньју гор Тавриды отдальонной
Певѣц Литвы в розмѣр јево стесньонной
Свои мечты мгновѣнно заклучал.

У нас јево јещо не знали дѣвы,
Как дльа нево уж Дельвиһ забывал
Јегзаметра священныја напѣвы.

И здѣсь будутъ кстати нѣкоторыя примѣчанія. 1) Если кто станетъ утверждать, что *поѣта* непремѣнно должно читаться pojé²tъ, какъ *поѣхалъ* — pajé²хъł, тотъ долженъ сказать, что и *Камоенс* можетъ значить только kamóje¹ns; но тогда какъ-же онъ прочтетъ *сујетность*? Если вводится *j* передъ *е* въ началѣ слова и послѣ гласныхъ, то ясно, что тамъ, гдѣ этотъ звукъ слышенъ, его изображеніе должно ставиться и передъ *ѣ*, напр. *јѣхать*, *појѣхал*, а гдѣ буква *j* не приписана, тамъ ее не зачѣмъ

и произносить: *дiэта*=dié²tъ, *диететической*=die¹t¹e¹tíče¹skъį. 2) *Коhда* — потому что *h* представляетъ собою знакъ, удобный по своей опредѣленности и простотѣ. Только для прописного *h* намъ нужно будетъ изобрѣсти особое начертанiе, отличное отъ *H* (=N). Да не смущаетъ насъ эта западная буква въ словахъ *Богъ* и *Господь*: они произносятся нашими сородичами Чехами съ не меньшимъ благоговѣнiемъ въ видѣ Bůh и Hospodin, а кромѣ того такимъ путемъ мы, не затрудняя себя выдумкой еще невиданной буквы, сдѣлаемъ для священныхъ словъ то-же, что̀ Кириллъ и Меѳодiй внесенiемъ въ славянскую азбуку трехъ знаковъ, для нея даже излишнихъ, чего нельзя сказать о латинскомъ *h*, если, конечно, мы его примемъ въ значенiи чешскомъ, польскомъ и лужицкомъ (= новогреч. γ), а не въ хорватскомъ и словѣнскомъ (= *x*). Не лишено удобства и то, что *гороскопъ* никому не покажется чѣмъ-то въ родѣ скопища горъ, столица Голландiи будетъ отличена отъ морской птицы [1]), а почтенная фамилiя Ховеновъ можетъ явиться у насъ въ болѣе подходящемъ ей видѣ, не возбуждая прискорбныхъ недоразумѣнiй. Съ *h* можно написать, пожалуй, и *гекзаметръ* или, правильнѣе, *гексаметръ*, такъ какъ многiе образованные люди произносятъ это слово не *јегза́метр*, а *hекса́метр* съ твердымъ *е* въ первомъ слогѣ (каковое слышится у насъ и въ своихъ словахъ послѣ *ж*, *ш* и *щ*, а по говорамъ — также *отсэ́да*, *оттэ́да* и вмѣсто ударяемаго *ы* передъ *j* въ прилагательныхъ, не считая *э* въ *этотъ* (*эвтотъ*, *эстотъ*, *энтотъ*), *эво*, *эно*, *эдакъ* (*эдакiй*, *эвдакiй*), *эко* (*экiй*), *эхъ*, *эй*. И въ этомъ случаѣ «вольному воля, а спасенному рай». 3) *Отдальонной* и *стесньонной* вызовутъ

---

1) Правда, названiя этихъ двухъ предметовъ различаются у насъ тѣмъ, что первое пишутъ съ *аа*,— но уже-ли такъ будетъ всегда? Вѣдь ужь если *Гаага*, *Вааль*, *Ааръ*, *Больдеръ-Аа*, то и *Кiэль* и *Мюльгаузенъ*, а не *Киль* (Kiel) и *Мюльгаузенъ* (Mühlhausen), потому что удвоенiе гласной обозначаетъ то-же, что̀ *е* послѣ *i* и такъ называемое Dehnungs-H, т. е. долготу; но до тако́го безобразiя мы еще пока не дошли. А между тѣмъ дикiя написанiя съ *аа* соблазняютъ «малыхъ сихъ», которые такъ и читаютъ: «Ваа́ль», «Трансваа́ль» помышляя при этомъ, чего добраго, о Ваалѣ, и также «Аа́»...

противъ себя, пожалуй, еще сильнѣйшія возраженія, чѣмъ *зимньаја*, *польаны*, *возвратьас*, *заглъажус*, *нагльадьас*, *удальаја*, *дрємльа* и даже *завтрьо*, гдѣ *о* не подъ удареніемъ: дѣло въ томъ, что многіе изъ насъ, написавъ *почтальонъ*, *павильонъ*, *компаньонъ*, воображаютъ будто написали то-же, что̀ *почтальйонъ* или *почтальёнъ* и т. д.; но вѣдь послѣ *ь* буква *о* въ серединѣ слова не можетъ имѣть иного значенія, нежели, въ началѣ: *тѣнь облака* = *тѐнёблъкъ* = t^{i}è^{1}n^{i}óbłъkъ, *столь отважен* = *сто̀лятва́жен* = stòl^{i}atváže^{1}n, *рать Османовъ* = *ра̀тёсма́нъф* = ràtiosmánъf (съ искусственнымъ произношеніемъ неударяемаго *о*), *вождь опочилъ* = *во́штьпачи́л* (со слоговымъ *ь*) = vóšt^{i}ъpačíł (съ искусственнымъ произношеніемъ *жд*, а съ естественнымъ, чисто великорусскимъ, *дождь обмочилъ* = *до́щьбмачи́л* съ такимъ-жь *ь* = dóš^{i}čъbmačíł или, по московскому выговору, dóš^{i}š^{i}ъbmačíł). Впрочемъ самъ Пушкинъ произносилъ въ стихахъ, вѣроятно, *отдалѣнной* = *аддалѣ́ннъй* = addal^{i}é^{2}nnъi̯, *стеснѣнной* = *стесьнѣ́ннъй* = s^{i}t^{i}e^{1}s^{i}n^{i}é^{2}nnъi̯. 4) *Дельвиһ* (фонетически = *дéльвих* = d^{i}é^{1}l^{i}vix или, какъ имя иностранное, dé^{1}l^{i}vix, и также pe^{1}trárkъ) или *Дельвиг* (= *дéльвик* = d^{i}é^{1}l^{i}vik) — вопросъ, рѣшеніе котораго зависитъ отъ выговора, усвоеннаго этимъ родомъ въ Россіи для своей фамиліи. Вѣрно, кажется, первое произношеніе, такъ какъ Дельвиги говорили на сѣверно-нѣмецкомъ нарѣчіи.

Въ пользу болѣе точнаго обозначенія дѣйствительныхъ звуковъ, независимаго отъ церковно-славянской или вообще отдаленной этимологіи, говорятъ между прочимъ тѣ ошибки, въ которыя мы впадаемъ сплошь да рядомъ при чтеніи стихотвореній, произнося слова не такъ, какъ того желалъ поэтъ, и тѣмъ уничтожая риѳму. При нынѣшнемъ правописаніи такія недоразумѣнія возможны напр. у Пушкина въ первой пѣсни «Полтавы»:

Его щедротою безмѣрной
Осыпанъ, дивно вознесенъ...
О, какъ слѣпа, безумна злоба!...
Ему ль теперь у двери гроба

Начать ученіе измѣнъ
И потемнять благую славу?

Въ третьей:

Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тамъ-же:

Иль этотъ запустѣлый дворъ,
И домъ, и садъ уединенный,
И въ поле отпертая дверь
Какой-нибудь разсказъ забвенный
Ему напомнили теперь?

Въ «Галубѣ»:

И не прыгнулъ къ нему съ утеса?».
Потупилъ очи сынъ черкеса.

По предложенному выше правописанію обычное произношеніе будетъ изображено такъ: *вознесьон*, *знамьон*, *ујединьонной*, *утьоса*, а то, на которое разсчитывалъ поэтъ,— такъ: *вознесѣн*, *знамѣн*, *ујединьѣнной*, *утѣса*. Правда, недоразумѣніе относительно выговора буквы *е* въ этихъ случаяхъ будетъ устранено и безъ помощи *ѣ* посредствомъ введенія *ё*; но, помимо пренебреженія разницей между *е* открытымъ и закрытымъ, не безразличной для установленія кононическаго[1]) литературнаго произношенія, *ё*, противополагаемое простому *е*, неудобно тѣмъ, что и

1) Позволяю себѣ надѣяться, что читатели «Извѣстій» взглянутъ на это слово въ данной связи болѣе хладнокровно, чѣмъ литературный критикъ «Московскихъ Вѣдомостей» г. Басаргинъ, который въ своемъ отзывѣ о моей актовой рѣчи «Римская элегія и романтизмъ» (заслуживающемъ впрочемъ глубокой признательности съ моей стороны), приводя мои слова о Тибуллѣ «каноническій элегикъ», снабдилъ первое изъ нихъ восклицательнымъ знакомъ—едва-ли по разногласію эстетическаго свойства. «Канонъ» не такое слово, какъ напр. «церковь»: оно возникло и опредѣлилось еще до христіанства.

на письмѣ и въ печати точки по недосмотру легко могутъ быть опущены, а сознаніе этой возможности способно нерѣдко смущать читающаго стихи, особенно вслухъ. Сверхъ того предлагаемое здѣсь правописаніе, какъ впрочемъ отчасти и то, которое выработано орѳографической коммиссіей Московскаго педагогическаго общества, должно содѣйствовать чистотѣ риѳмы. Есть у нашихъ поэтовъ риѳмы, основанныя въ значительной степени на письменномъ изображеніи звуковъ, а не на самыхъ звукахъ, какъ любимая Пушкинымъ *что-же* или *кто-же* — *Боже*, напр. въ «Графѣ Нулинѣ»:

Цѣлуетъ руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведетъ?
Проказница — прости ей, Боже!
Тихонько графу руку жметъ.

Тамъ-же:

Вдругъ шумъ въ передней. Входятъ. Кто-же?
«Наташа, здравствуй!». «Ахъ, мой Боже!

Во второй пѣсни «Полтавы»:

Мазепа, ты?... Но голосъ ей
Иной отвѣтствуетъ... О, Боже!
Вздрогнувъ, она глядитъ... и что же?

Та-же неточность риѳмы, лишь съ иными словами, въ первой пѣсни «Полтавы»:

Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже:
Ты мать забыть для нихъ могла,
Соблазномъ постланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла!

Во второй:

Донощикъ и его клевретъ
Умрутъ». Но, брося взоръ на ложе,
Мазепа думаетъ: «О, Боже!

Тамъ-же:

Мнѣ, старцу мрачному — и что же?
Какой готовлю ей ударъ!...»
И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
Какъ сладокъ юности покой!

Ниже:

Боже, Боже!...
Сегодня!... Бѣдный мой отецъ!
И дѣва падаетъ на ложе.

Та-же неточность помимо шипящихъ тамъ-же:

Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ.

Тамъ-же:

Теперь оставь меня въ покоѣ.
. . . .
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое

и точно такъ-же ниже:

Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ.

Неправильность этихъ риомъ такъ явственно обнаруживается при объясненномъ выше правописаніи — *што-жо* — *Боже* — *дороже*, *ложо* — *ложе*, *смятеньjо* — *розмышленьjо*, *покоjе* — *плохоjо* — *роковоjо* —, что иной поэтъ, привыкшій писать такимъ об-

разомъ, задумается надъ законностью такихъ неполныхъ созвучій, особенно сравнивъ ихъ съ риѳмами, каковы тамъ-же:

Моимъ отцомъ я проклята,
А за кого?— Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь... — О Боже!,

гдѣ оба риѳмующихся слова кончаются одинаково на -óže[1]. Правописаніемъ обусловлены и слѣдующія рифмы тамъ-же:

И стану ль я, старикъ суровый,
Какъ праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорныя оковы,

ниже:

Но вижу, скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершаютъ судъ свирѣпый,

еще ниже:

Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ, разсыпавшись, домой
И про свои работы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой,

въ третьей пѣсни:

Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ въ царскій станъ,

гдѣ по русской этимологіи вмѣсто *-ый* должно быть *-ой*, какъ Пушкинъ и самъ писалъ при соотвѣтствующей, т. е. правильной, риѳмѣ, напр. тамъ-же во второй пѣсни:

Окончишь ли допросъ нелѣпой?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой.

Правописаніе, а не произношеніе внушило Пушкину слѣдующую риѳму тамъ-же:

Въ груди кипучій ядъ нося,
Въ свѣтлицѣ гетманъ заперся

и въ «Вѣщемъ Олегѣ»:

Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась,
И вздрогнулъ внезапно ужаленный князь,

что̀ давало-бы созвучіе только въ южномъ говорѣ, а Пушкинъ произносилъ, конечно, *заперса́*, *обвила́с*, какъ и слѣдовало-бы писать, особенно въ виду *-тся* и даже *-ться* = *-ца*, общаго всѣмъ чисто-великорусскимъ говорамъ. Само собою разумѣется, что никакое правописаніе не устранитъ неточныхъ риѳмъ — да и не зачѣмъ черезчуръ гоняться за точностью мгновеннаго, мимолетнаго впечатлѣнія —, но ужь и то что-нибудь да значитъ, если поэтъ не будетъ считать безусловно законнымъ риѳмовать всякое *е* со всякимъ *е*. Съ другой стороны поэтъ, употребляющій новое правописаніе, можетъ съ совершенно чистой совѣстью дозволять себѣ такія риѳмы, какъ во второй пѣсни «Полтавы»:

Домой пріѣхавъ, «что Марія?»
Спросилъ Мазепа. Слышитъ онъ
Отвѣты робкіе, глухіе

или въ «Зимнемъ утрѣ»:

И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,

какія Пушкинъ почиталъ, вѣроятно, «піитической вольностью», тогда какъ въ видѣ *Марија* — *глухија*, *пустыја* — *густыја* онѣ и для глаза вполнѣ естественны. Мало того: такъ какъ звуковое тождество неударяемыхъ *а* и *о* въ великорусскомъ литературномъ выговорѣ признано всѣми, новое правописаніе наглядно показываетъ, что риѳма къ *святње* (*святеjо*) есть не *затњь* (*затеjе*), какъ думалъ-бы стихотворецъ, руководящійся общепринятымъ

правописаніемъ, а *затѣя* (*затеja*): чисто-фонетически s^{i}v^{i}e^{1}t^{i}éjъ—zat^{i}é^{1}jъ (имен. п., а дат.—zat^{i}é^{1}je^{1}). Выясненіемъ уже грамматическаго факта должно считаться узаконеніе риѳмъ *слышатъ* (*слышут*) — *пишутъ* (*пишут*), *увѣчатъ* (*увечут*) — *мечутъ* (*мечут*) и т. п.

Но ссылаться на риѳму въ подтвержденіе того или другого предлагаемаго написанія позволительно лишь до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ о звуковыхъ сходствахъ постоянныхъ, ставшихъ какъ-бы принадлежностью извѣстныхъ грамматическихъ образованій. Конечно, риѳма *отговорок* — *дорог* (во второй пѣсни «Полтавы») будетъ очевидна не только для глухого, но даже для неумѣющаго читать по-русски, если мы напишемъ *дорок*, а риѳму *молод* — *молот* мы можемъ довести тѣмъ-же способомъ до такого совершенства, что, пожалуй, комментаторы будутъ впослѣдствіи недоумѣвать, гдѣ говорится о юношѣ и гдѣ о молоткѣ. Но какъ-бы мы ни старались объ установленіи полнаго зрительнаго сходства въ концѣ риѳмующихся словъ, мы никогда не достигнемъ своей цѣли, если не обратимся къ научной фонетической транскрипціи, которая не годится въ качествѣ правописанія. Впрочемъ, если-бы даже мы рѣшились узаконить, хоть не безъ помощи со стороны полиціи, *дóрък* — *адгавóрък*, *мóлът* и т. п., поэты все-таки то тамъ, то здѣсь разрушали-бы плоды нашихъ фонетико-графическихъ ухищреній, позволяя себѣ неточныя риѳмы.

Ѳ. Коршъ.

